ЕВРЕЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ.

ТОМЪ IV.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Пойманникъ. Быль . . . . . . Г. И. Богрова.
II. Нахумъ Ишъ-Гамзу. Талмудическая легенда . . . . Д. Д. Минаева.
III. Къ исторіи западно-русскихъ евреевъ. (Изъ соч. Сол. Беннета). . . . . А. Л.
IV. Русское законодательство о евреяхъ. И. Г. Оршанскаго.
V. Кто виноватъ? (Изъ жизни одной еврейской колоніи 1835—1845). . М. Кулишера.
VI. Представленія и резолюціи о курлискихъ евреяхъ при Павлѣ I. (Историческая замѣтка). . . . З. Минора.
VII. Дочь Іефѳая. Восточная поэма Альфреда де-Виньи . . . . Д. Д. Минаева.
VIII. Путевыя впечатлѣнія и замѣтки . . Л. О. Леванды.
IX. Вѣкъ пережить—не поле перейти. (Изъ Разсказовъ отставнаго солдата). В. Н. Никитина.
X. Вольтеръ и евреи. (По Гретцу) . . И. Бейлина.
XI. Современная еврейская беллетристика. А. Г. Ковнера.
XII. Статистика евреевъ въ Австріи . . И. И. Кауфмана.
XIII. По-неволѣ запоздавшій отвѣтъ газетѣ «Голосъ» . . . . Л. О. Гордона.
XIV. Своеобразное положеніе еврейскаго вопроса въ русской журналистикѣ. А. Л.
XV. Библіографія еврейскаго вопроса. . В. М. Межова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1873.

СОДЕРЖАНІЕ

I, II и III ТОМОВЪ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНАГО СБОРНИКА

„ЕВРЕЙСКАЯ БИБЛІОТЕКА".

СОДЕРЖАНІЕ I-го ТОМА.

I. Отъ издателя.
II. Горячее время. Романъ. Часть первая. Направо или налѣво? . . . **Л. О. Леванды.**
III. Колыбельная пѣснь Гители. Стихотвореніе. . . . . **Л. I. Мандельштамма.**
IV. Еврей о христіанинѣ. Стихотвореніе. **П. И. Вейнберга.**
V. Мысли о хасидизмѣ . . . . **И. Г. Оршанскаго.**
VI. Библейское государство. . . . . **Л. I. Мандельштамма.**
VII. Къ исторіи образованія русскихъ евреевъ. Періодъ первый. . . . . **М. Г. Моргулиса.**
VIII. Изъ автобіографіи Соломона Маймона. Очерки быта польско-русскихъ евреевъ во второй половинѣ XVIII столѣтія. Главы I—XVIII.
IX. Рейхлинъ и Пфефферкорнъ. Борьба изъ-за Талмуда. Страница изъ исторіи евреевъ. . . . . **По Грецу.**
X. Молодая Палестина. Изъ книги: «Жизнь и сочиненія Гейне» . . . **А. Штродтмана.**
XI. Подслушанное. Изъ посмертныхъ стихотвореній Гейне. . . . . . . **П. И. Вейнберга.**
XII. Что такое Еврей? . . . . **М. Г. Гутмана.**
XIII. Обзоръ современной еврейской литературы . . . . **Л. О. Гордона.**
XIV. Русскій переводъ Ветхаго Завѣта. . **Р. Кулишера.**
XV. Гаазину. Предсмертная пѣснь Моисея. **Л. I. Мандельштамма.**

СОДЕРЖАНІЕ II-го ТОМА.

I. Отъ издателя.
II. Горячее время. Романъ. Часть вторая. Жондъ народовый и евреи. Часть третья. Панъ Тенчинскій. **Л. О. Леванды.**

ЕВРЕЙСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ.

ТОМЪ IV.

ИЗДАНІЕ

А. Е. ЛАНДАУ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Общедоступная Тип. и лит. А. Е. Ландау и К°. Средн. Мѣщ. № 12).

1873.

ПОЙМАННИКЪ.

Быль.

Ни одна изъ націй, пріютившихся въ нашемъ отечествѣ, ни одно изъ племенъ, примкнувшихъ къ Россіи, вкушавшихъ ея блага и права гражданства, не уклонялась такъ отъ отбыванія военной повинности натурою, какъ уклонялось племя еврейское.

Оно уклонялось прежде, но не уклоняется теперь. Настали другія времена, измѣнился духъ военныхъ и гражданскихъ законовъ, и великій страхъ, обуявшій эту скитальческую націю, забитую, загнанную, ненавидимую и жестоко преслѣдуемую въ продолженіи многихъ столѣтій, ослабъ и исчезъ самъ собою.

Евреи уклонялись отъ рекрутства разными путями и способами. Одни вступали въ привилегированное купеческое сословіе низшаго разряда. Многіе изъ пролетаріевъ, не имѣвшіе ни кола, ни двора, ни торговли, ни основательной профессіи, числились, тѣмъ не менѣе, купцами третьей гильдіи. Отдавая послѣдніе свои гроши, продавая остатнюю свою рухлядь, вымаливая милостыни у своихъ сострадательныхъ собратій, они, эти оборвыши и нищіе, исправно вносили въ казну купеческія пошлины. Другіе нанимали охотниковъ, разоряясь имъ на цѣлые десятки лѣтъ. Иные искали покупное покровительство своихъ обществъ и цѣнную протекцію врачей и прочихъ членовъ рекрутскихъ присутствій;—за *затылокъ* евреи

платили очень дорого... Пути эти были доступны однимъ счастливцамъ.

Но было и много несчастныхъ, перебивавшихся кое-какъ черными работами, копѣечной ремесленностью и грошевымъ факторствомъ. Для этихъ бѣдняковъ всякiй вопросъ, сопряженный съ сотенной—самой мелкой монетой въ подобныхъ случаяхъ—былъ вопросомъ неразрѣшимымъ.

Какъ обойдти законъ? Какъ избѣгнуть страшной рекрутчины? И эти несчастные находили пути къ спасенiю. Одни бродяжничали безъ письменныхъ видовъ, слоняясь на чужбинѣ, прячась во всѣ закоулки еврейскихъ поселенiй и работая за одни харчи. Они вели жизнь хуже каторжной. Ихъ эксплуатировали, надъ ними издѣвались, ихъ обижали, унижали, ими помыкали какъ рабами, какъ рабочимъ скотомъ, а они все сносили терпѣливо, безропотно: малѣйшiй доносъ полицiи, малѣйшiй намёкъ пьяному будочнику, и они погибли; тысячи верстъ въ цѣпяхъ, по этапу, тюрьма, лобъ не въ зачетъ—вотъ та страшная судьба, которая ихъ ожидала послѣ горемычной труженической, скитальческой жизни Другiе обдѣлывали свои дѣлишки гораздо проще и круглѣе: нѣкоторые убѣгали за границу, а большая часть прибѣгала къ самоуродованiю, чтобы сдѣлать себя негодными къ военной службѣ. Явились доморощенные операторы, ампутировавшiе здоровые пальцы рукъ и ногъ, выворачивавшiе члены, безъ особеннаго вреда для всего организма, слѣпившiе лѣвый глазъ, покрывавшiе все тѣло своихъ пацiентовъ искусственными язвами, отъ которыхъ врачи рекрутскихъ присутствiй становились въ тупикъ. Это совершалось безъ боязни, безъ страха, съ полнѣйшимъ пренебреженiемъ къ страшной пыткѣ, сопряженной съ операцiей, производимой невѣжественными, импровизированными хирургами. Самая нѣжная мать съ радостью подставляла палецъ любезнаго своего дѣтища подъ тупой кухонный ножъ варвара-спасителя. Она рыдала только тогда, когда операцiя не удавалась...

За обществами накоплялась рекрутская недоимка. Правительство и власти ожесточались. Виновныя общества штрафовались не деньгами, а рекрутами въ натурѣ. Общества лѣзли изъ кожи. Но откуда набрать штрафныхъ, когда и законнаго числа рекрутъ никакъ не выставишь?

Правительство было право, но и евреи были правы, каждый по своему.

Двадцатипяти-лѣтняя военная служба! Трудно выкроить изъ человѣческой жизни такую длинную полосу лѣтъ, не урвавъ добраго куска счастливой юности и не захвативъ части начинающейся старческой немощи. Это—цѣлая человѣческая жизнь. И какая жизнь! Вытяжка, выправка, палки, фухтели, шпицрутены, тумаки, кулаки, оплеухи и зуботычины. Еврейскiе рекруты малолѣтки—ихъ принимали съ девяти лѣтъ—переживали, сверхъ того, еще самый печальный прологъ къ настоящей военной службѣ, начинавшейся для нихъ съ наступленiемъ совершеннолѣтiя. Дѣти—больныя и хилыя—изъ объятiй нѣжныхъ матерей непосредственно, безъ всякаго подготовленiя, переходили въ грубыя руки пьяныхъ дядекъ—солдатъ. Забривъ имъ лбы, напяливъ на нихъ непомѣрно длинныя, широкiя казенныя шинели, надвинувъ на ихъ дѣтскiя головы бездонныя сѣрыя фуражки, ихъ цѣлыми стадами перегоняли тысячи верстъ, по слякоти и въ стужу. Нѣкоторыхъ размѣщали въ кантонистскiя школы, а большую часть отдавали на попеченiе и прокормленiе поселянамъ нѣкоторыхъ мѣстностей. Тамъ они превращались въ парiевъ, въ рабовъ. Голодные, терзаемые холодомъ и вѣчно истязаемые, многiе изъ нихъ погибали, а многiе принимали христiанство, не по убѣжденiю разумѣется, а изъ необходимости, въ надеждѣ избѣгнуть нацiональной вражды невѣжественныхъ и жестокихъ хозяевъ. Еврейскiй солдатъ, трезвый, честный и исправный могъ дослужаться до... до чего вы думаете? До генеральскихъ эполетъ? О, нѣтъ! Будь онъ хоть семи пядей во лбу, отличись онъ по службѣ какъ хочетъ, а дослу-

житься до унтеръ-офицерскаго чина, оставаясь *евреемъ*, ему было также возможно, какъ возможно однимъ прыжкомъ очутиться въ Іерусалимѣ. Деньщикъ, писарь, портной, сапожникъ, музыкантъ, барабанщикъ—вотъ та лестная перспектива, вотъ та блестящая карьера, которая ожидала еврея на военномъ его поприщѣ.

Имѣли ли евреи резонъ уклоняться отъ военной службы? Имѣла ли основаніе всякая еврейская мать, всякая еврейская супруга, вымаливать у милосердаго Бога смерти своему любезному сыну, своему обожаемому мужу, обреченному на жертву ужасной рекрутчины?

Евреи были скучены и замкнуты въ извѣстныхъ мѣстностяхъ. Надъ личностью, надъ передвиженіемъ, надъ профессіей еврея тяготѣли свинцовые запреты тогдашнихъ законовъ. Религіозный фанатизмъ и суевѣріе въѣдались въ кровь и плоть еврея своими безчисленными жалами, своими острыми зацѣпами. Молодое поколѣніе вступало въ ненатуральные, ранніе браки; южная, страстная еврейская раса плодилась и множилась, по библейскому выраженію, какъ песокъ морской. Тѣсныя, сорныя кучи, въ которыхъ копошились десятки тысячь еврейскихъ многочисленныхъ семействъ, предоставляли мало средствъ къ прокормленію. Въ этихъ кучахъ происходила ожесточенная борьба за существованіе; кусокъ насущнаго хлѣба вырывался изъ рукъ тѣми, которые были дѣятельнѣе, ловчѣе и хитрѣе. Такихъ счастливцевъ было немного, а имъ приходилось прокармливать своимъ физическимъ или мозговымъ трудомъ цѣлые десятки близкихъ, висѣвшихъ на ихъ шеѣ. Трудно было жить, тяжелое то было время!

Имѣли ли евреи право дорожить своими молодыми, рабочими силами? Имѣли ли еврейскія жены и матери резонъ жертвовать однимъ пальцемъ для сохраненія остальныхъ на рабочей рукѣ своихъ кормителей, отдать лѣвый глазъ роковой необходимости для сохраненія себѣ праваго?

Мѣстныя власти и администраторы не признавали и даже

не сознавали этихъ резоновъ. Кому что за дѣло до жидовскихъ мотивовъ, до жидовскаго горя? Власти и администраторы признавали одни сухіе факты: жиды уклоняются отъ рекрутчины всѣми неправдами, жиды бродяжничаютъ, жиды тунеядничаютъ, жиды контрабандничаютъ, жиды плутуютъ... Жиды—зло, вредъ, зараза.

Противъ этого зла, противъ этой заразы, принимались соотвѣтственныя мѣры...

Строгія мѣры стѣсняли, но не искореняли зла. Оно таилось не въ характерѣ еврея, а въ жалкихъ условіяхъ его экономической, соціальной и фанатической жизни. Побольше свободы, побольше равноправности и простора, побольше образованія, и зло это исчезло-бы само собою. Но тогда были другія времена, были и другіе взгляды на жизнь, другіе взгляды на людей и вещи...

Какъ бы то ни было, противъ евреевъ ожесточались власти. Ожесточенныя власти доносятъ высшему начальству односторонне, пристрастно. Удивительно ли послѣ этого, что въ пятидесятыхъ годахъ противъ евреевъ была пущена въ ходъ такая крутая мѣра, какая была-бы умѣстна только противъ разбойниковъ, грабящихъ и убивающихъ на большой дорогѣ.

Всякій еврей какого-бы онъ возраста ни былъ, попавшійся безъ письменнаго вида, сдавался въ рекруты безъ всякаго суда и слѣдствія. Негодные къ службѣ военной поступали въ арестантскія роты, наравнѣ съ отпѣтыми ворами, наравнѣ съ послѣдними подонками человѣчества. Всякій, словившій безпаспортнаго еврея, могъ сдать его въ рекруты за свой счетъ. Сдатчикъ этотъ получалъ квитанцію, и этимъ кровавымъ документомъ онъ могъ пользоваться самъ или перепродать его другому, какъ товаръ, какъ привилегію на жизнь.

Этой мѣрой предполагали образумить упорныхъ, исправить неисправимыхъ и наставить блудныхъ сыновъ Израиля на путь истинный.

Вышло совсѣмъ противное.

Бродяги по прежнему слонялись по отдаленнымъ еврейскимъ закоулкамъ, самоуродованіе существовало по прежнему, а заграницу убѣгали пуще прежняго. Блудные не исправились, а не-блудные развратились, деморализовались; мѣра эта обходила виновныхъ и постигала невинныхъ. Между евреями, особенно нѣкоторыхъ польскихъ мѣстностей, отличавшихся невѣжественностью своихъ еврейскихъ обитателей, развился духъ шпіонства, продажности и предательства. Завелся торгъ людьми, торгъ рекрутскими квитанціями. Охотились на безпаспортныхъ, какъ на дикихъ звѣрей. Доносили и сдавали мѣстнымъ властямъ цѣлыя семьи несчастныхъ бѣдняковъ, не обладавшихъ тѣми нѣсколькими рублями, которые требовались на уплату податей и налоговъ и на выписку изъ дальней родины новаго письменнаго вида. Сдавались старъ и малъ. Нерѣдко изъ цѣлой семьи не оказывалось ни одного годнаго въ рекруты; всѣ члены мужескаго пола облекались въ арестантскую сермягу, а женщины и дѣти вступали въ многочисленный цѣхъ нищихъ, заѣдавшихъ еврейскія общества. Находились такіе варвары, которые силой вырывали мальчишекъ изъ объятій бѣдныхъ матерей, выманивали копѣйкой или пряникомъ малолѣтокъ изъ школъ и синагогъ, увозили ихъ за нѣсколько верстъ и тамъ сдавали этихъ маленькихъ, мнимыхъ бродягъ въ рекруты, или за своихъ сыновей, или же для полученія цѣнныхъ квитанцій. Подвергались опасности безпаспортные, но не меньшей опасности подвергались и тѣ счастливцы, которые обладали драгоцѣннымъ дипломомъ на періодическую свободу въ мѣстахъ, *гдѣ евреямъ жительство дозволяется.* Подвергались они опасности попасть въ лапы тѣхъ еврейскихъ бандитовъ, которые, посредствомъ обмана и насилія, составили себѣ выгодную профессію: паспортъ отнимали и уничтожали, а затѣмъ ограбленныхъ сдавали въ качествѣ безпаспортныхъ бродягъ. Власти не внимали никакимъ жалобамъ, мольбамъ, доводамъ и протестамъ жертвъ подобныхъ насилій, не наводили справокъ, не наряжали слѣдствій, а поступали усердно по закону, особенно, если это законное усердіе было небезприбыльно...

Паспортъ былъ для еврея синонимомъ жизни и свободы. Понятно, какъ дрожали евреи, въ тогдашнее время, надъ казеннымъ документомъ, освященнымъ безграмотной подписью какого нибудь безголоваго головы, какой нибудь городской бездумной думы.

Мы не оправдываемъ варварства нѣкоторыхъ евреевъ, но и обвинять трудно. Толпа, какая бы она ни была, всегда остается толпою. Ея радость—бѣшенство, ея ярость—неистовство, ея уваженіе—идолопоклонство, ея эгоизмъ—звѣрство, ея инстинктъ самосохраненія—страшнѣе чумы, грознѣе урагана, опаснѣе самума.

Gefährlich ist's, den Leu zu wecken,
Verderblich ist des Tigers Zahn,
Jedoch der schrecklichste der Schrecken,
Das ist der Mensch in seinem Wahn.

Страшная исправительная мѣра эта была уничтожена въ началѣ нынѣшняго царствованія.

Нашлись многіе, въ томъ числѣ и пишущій эти строки, которые довели до Высочайшаго свѣдѣнія о всѣхъ злоупотребленіяхъ, порожденныхъ этой безчеловѣчной мѣрой, умоляя о милосердіи и состраданіи. И мольбы ихъ были услышаны.

Жертвы описанной нами эпохи изъ печальной жизни еврейской назывались—*пайманниками.*

На дворѣ стояла глубокая осень. Дулъ рѣзкій, сѣверный вѣтеръ. День клонился къ вечеру.

По пустынной, проселечной дорогѣ плелся одинокій пѣшеходъ. Одежда путешественника далеко не соотвѣтствовала суровой погодѣ: полинялая плисовая фуражка съ надтреснувшимъ козырькомъ, надвинутая на самыя глаза и обвязанная старымъ синимъ носовымъ платкомъ, закрывавшимъ почти все

лице, составляла его головной уборъ. По одному носу, оставшемуся обнаженнымъ, по небольшимъ усикамъ и клинообразной бородкѣ, покрытымъ мелкимъ инеемъ, трудно было судить о возрастѣ и наружности путешественника. Шинель изъ грубаго бураго цвѣта сукна, страннаго и древняго фасона, кожанныя рукавицы, веревка, служившая вмѣсто пояса, и тяжелые, покосившіеся сапоги—вотъ и весь его незатѣйливый нарядъ.

Онъ усталъ; это легко было заключить и по опущенной на самую грудь головѣ его, и по медленности его движеній. Онъ шелъ, едва передвигая ноги. Вѣтеръ хлесталъ прямо въ лице; онъ часто оборачивался спиной къ вѣтру, пробуя продолжать свое шествіе заднимъ ходомъ, но, споткнувшись нѣсколько разъ о кочки, онъ отсталъ отъ этого намѣренія. Онъ остановился. Приподнявъ немного козырекъ фуражки, онъ нѣкоторое время внимательно осматривалъ горизонтъ, оборачиваясь во всѣ стороны съ видомъ человѣка, выжидающаго кого-то, или чего-то. На горизонтѣ ничего новаго не оказалось. Мрачное, осеннее небо, сѣрыя тучи—вотъ все, что представлялось глазамъ зрителя.

Вѣтеръ дѣлался все порывистѣе. Пѣшеходъ присѣлъ на краю дороги.

— Чертовски холодно—пробормоталъ онъ въ носъ, стараясь ободрять себя улыбкой и грѣясь по кучерски, ударяя со всего размаха руками по собственнымъ плечамъ. Онъ отвязалъ небольшую котомку, покоившуюся на его спинѣ, и досталъ оттуда кусокъ чернаго мерзлаго хлѣба. Затѣмъ вытащилъ оттуда же небольшую фляжку. Хлѣбнувъ изъ нея аппетитно и спрятавъ ее обратно, онъ принялся грызть черствый хлѣбъ. Хлѣбъ скрипѣлъ, хрустѣлъ, но подавался; видно было, что съ нимъ вступили въ борьбу сильные, острые зубы.

— Какъ бы до ночи добраться до какой нибудь корчмы. Ночи темныя, собьешься, пожалуй, съ дороги и совсѣмъ замерзнешь. А ноги устали, совсѣмъ отказываются нести. И, какъ нарочно, ни однаго проѣзжаго, я бы...

Вдругъ послышался топотъ лошадинныхъ копытъ. Пѣшеходъ быстро спряталъ остатокъ хлѣба, подвязалъ свою котомку, поспѣшными шагами дошелъ до середины дороги и сталъ ожидать. Чрезъ нѣсколько минутъ телѣга, запряженная парою жирныхъ лошадей въ польской исправной збруѣ, начала приближаться. На телѣгѣ сидѣли рядомъ два сѣдока, укутанные съ головы до ногъ. Одинъ изъ нихъ правилъ за кучера. Завидя издали человѣка, стоящаго въ выжидательной позѣ среди дороги, одинъ изъ сѣдоковъ испуганно шепнулъ своему товарищу на ухо на еврейскомъ жаргонѣ:

— Шмуль, ты видишь?

— Вижу.

— Что же это такое?

— Человѣкъ.

— Знаю, что человѣкъ, но какой?

— Кто его знаетъ.

— Не свернуть ли намъ съ дороги?

— Свернуть? Куда, въ канаву?

— А можетъ, разбойникъ?

— Можетъ.

— Поворачивай назадъ лошадей, слышишь?

— Какой ты пугливый, отецъ. Развѣ это чучело похоже на разбойника?

— А ежели у него ножъ?

— Ножа... не боюсь; я и съ ножемъ его скручу.

— Шмуль, постой. Я запрячу деньги подъ сѣно. Боюсь, очень боюсь.

— Да не бойся же. Я трехъ такихъ разбойниковъ задушу. Не съ такими справлялся, знаешь!...

— Пррр..., Шмуль, стой, говорю я тебѣ!—Трусливый сѣдокъ ухватился за возжи. Лошади, фыркая, остановились.

— Ну, а дальше что?—спросилъ тотъ, котораго звали Шмулемъ, повернувшись лицемъ къ своему отцу.

— Какъ хочешь, а я не поѣду дальше,—дрожащимъ голосомъ произнесъ отецъ.

— Чтожъ, выпрягать прикажешь? На ночлегъ, значитъ, добрались?—напустился Шмуль на отца.

— Иди, сынъ мой, узнай, что это за человѣкъ. Только не подходи къ нему близко, чтобы онъ тебя, сохрани Боже, не пырнулъ какъ нибудь ножемъ.

— А если пырнетъ?

— Не подходи близко, говорю я тебѣ.

— А если онъ погонится за мною?

— Бѣги назадъ, прыгни ко мнѣ; мы повернемъ и удеремъ. Кони надежные.

— А если онъ меня догонитъ?

— Съ помощью Божіей—не догонитъ.

— А если...

— Поворачивай назадъ, говорю я тебѣ, Шмуль,—крикнулъ не своимъ голосомъ трусъ.

Шмуль разсмѣялся трусости отца. Онъ ловко соскочилъ и быстро и смѣло направился къ мнимому разбойнику, сложивъ на всякій случай свои широкія длани въ кулаки почтенныхъ размѣровъ. Во всѣхъ его ухорскихъ пріемахъ такъ и проглядывала сила и навыкъ къ кулачной расправѣ. Трусливый сѣдокъ безпокойно слѣдилъ за смѣльчакомъ, натянувъ, между тѣмъ, возжи и приготовляясь въ мигъ повернуть лошадей. Онъ спокойно вздохнулъ, когда издали замѣтилъ мирныя отношенія между его сыномъ и незнакомцемъ. Онъ опустилъ возжи.

— Они мирно разговариваютъ... Подаютъ другъ другу руку... Ну, слава Богу, вѣрно одинъ изъ нашихъ,—прошепталъ онъ, улыбаясь и совсѣмъ успокоившись. Шмуль все не приходилъ.

— Шмуль, а Шмуль,—крикнулъ сердито ободрившійся отецъ;—чего ты тамъ застрялъ? Холодно, лошади не стоятъ.

Шмуль оставилъ путешественника и подбѣжалъ къ телѣгѣ. Онъ долго, съ жаромъ размахивая руками, нашептывалъ что-то отцу.

— Ты правъ; хорошо,—согласился трусъ.

Шмуль могучимъ басомъ подозвалъ незнакомца.

— Садитесь, братъ, къ намъ. Мы васъ подвеземъ, отогрѣемъ и накормимъ—по-еврейски.

Незнакомецъ не заставилъ себя упрашивать. Онъ вскарабкался на высокую телѣгу и усѣлся на мѣсто Шмуля, а Шмуль, подобравши возжи, помѣстился на облучкѣ. Телѣга тронулась.

— Откуда васъ Богъ несетъ—спросилъ незнакомца тотъ, котораго Шмуль называлъ отцемъ, подавъ руку въ привѣтъ, по еврейскому обычаю.

— Издалека. Изъ страны голода и нищеты.

— Какая же это страна?

— Я вамъ все въ подробности объясню, когда заберемся въ теплую хату. Я такъ продрогъ, что съ трудомъ поворачиваю языкомъ.

— Бѣдный человѣкъ—сжалился Шмуль.—Мнѣ право васъ очень жаль.—Онъ остановилъ лошадей, вытащилъ изъ подъ сѣна старую овчинную шубу и набросилъ на плечи незнакомца.

— Да наградитъ васъ Богъ, добрыя братья! Безъ васъ я совсѣмъ околѣлъ бы.

— За что благодаришь? Прикрыть нагаго и накормить голоднаго—долгъ всякаго истаго еврея—отвѣтилъ добродушно Шмуль.

— «Люби своего ближняго яко самаго себя»! изрекъ Егова устами Моисея — добавилъ отецъ.

— Мало ли что изрекъ Егова! Исполняются ли всѣ его веленія?—замѣтилъ грустно незнакомецъ.

— Охъ, грѣховность наша велика, что и говорить, за то и милосердіе Божіе безпредѣльно. Конечно, всякіе евреи бываютъ... Семья не безъ урода.

Шмуль стегнулъ лошадей. Телѣга запрыгала быстрѣе!

— А мы было приняли васъ за разбойника—началъ опять отецъ Шмуля и самъ засмѣялся своей трусости.

— *Мы?* Скажи лучше: *я*. Тебѣ всегда мерещатся разбойники, мертвецы, полиція...

— Добрые люди — перебилъ незнакомецъ — если бы я и былъ разбойникъ, то ничего не могъ бы сдѣлать; руки мои просто одеревенѣли отъ холода.

— Никакихъ рукъ я не боюсь — похвасталъ Шмуль.—Я не съ такими справлялся. На дняхъ...

— Шмуль! — прикрикнулъ на него отецъ. Шмуль прикусилъ языкъ.

Разговоръ прекратился и не возобновлялся больше до тѣхъ поръ, пока не послышался неистовый лай множества собакъ.

— Слава Богу, добрались, наконецъ.

— Да и темнота же какая!

Незнакомецъ съ любопытствомъ озирался во всѣ стороны. Тьма была непроницаема.

— Гдѣ мы теперь, господа?

— У цѣли. Въ городкѣ Ш. Еще двѣ улицы и мы будемъ дома.

— Нѣтъ ли тутъ какого-нибудь дешеваго постоялаго двора или корчмы?

— А тебѣ на что?

— Переночевалъ бы, а завтра рано опять бы въ путь.

— Такъ, сейчасъ мы тебя и пустимъ!

— Былъ нашимъ спутникомъ, будешь и нашимъ гостемъ— добавилъ Шмуль.

— Да тутъ и другой корчмы нѣтъ, кромѣ нашей—объяснилъ отецъ Шмуля.

— Какъ знаете, братцы. За все спасибо.

Телѣга остановилась у большой не штукатуренной постройки, стоявшей какъ-то особнякомъ, безъ двора и ограды. Шмуль сильно постучалъ въ ворота. Они медленно, скрипя, отворились. Телѣга вкатилась въ какое-то темное пространство, застучала по досчатому помосту и остановилась.

— Фонаря!—приказалъ Шмуль кому-то и соскочилъ. Онъ помогъ слѣзть отцу и незнакомцу.

Явился откуда-то человѣкъ съ грязнымъ и тусклымъ фонаремъ въ рукѣ.

Сальный огарокъ, торчавшій въ фонарѣ, проливалъ такъ мало свѣта, что всѣ предметы казались какими-то темными, неопредѣленными массами, безъ цвѣта и формы. Тѣмъ не менѣе, незнакомецъ замѣтилъ, что они находятся въ тѣхъ громадныхъ сѣняхъ польскихъ стодолъ, которыя служатъ вмѣстѣ конюшней, сараемъ и подъѣздомъ.

Человѣкъ, принесшій фонарь и поставившій его на полъ, принялся отпрягать лошадей, ворча что-то себѣ подъ носъ.

— Что ты тамъ ворчишь, собака?—прикрикнулъ на него Шмуль; — я тебя ворчану такъ, что у меня завоешь.—Шмуль постучалъ въ какую-то дверь. Ее отворили.

— Кто тамъ? — спросилъ молодой женскій голосъ.

— Это мы, Сарра,—отозвался отецъ Шмуля и скрылся въ дверь.

— Сарра, Сарра, здравствуешь? а, кошечка?—Отвѣта не послѣдовало. Шмуль подпрыгнулъ къ двери и, смѣясь, вытащилъ въ сѣни полуодѣтую женскую фигуру съ распущенными волосами. Онъ попытался было ее обнять, но женщина съ такой силой оттолкнула его, что онъ стукнулся головою о стѣну.

— Неисправимая злючка!—обозвалъ ее Шмуль.

— Я сто разъ тебя просила меня не трогать.

— Снимай же изъ телѣги, принцесса болотная, да пошевеливайся ты у меня, не то я тебя стукну не такъ.

Женщина молча начала рыться въ телѣгѣ и вытаскивать оттуда узлы, узелки и тюки.

— Шмуль, этотъ тюкъ слишкомъ тяжелъ; я не могу его вытащить сама.

— Толкать умѣешь, умѣй и таскать.

— Шмуль, за что ты меня мучишь, что я тебѣ сдѣлала? О, Боже мой!— По дрожащему голосу было замѣтно, что женщина собирается заплакать.

— Гадина — прошипѣлъ Шмуль, заскрежетавъ зубами, и скрылся въ дверь.

О незнакомцѣ, повидимому, забыли. Онъ чувствовалъ себя въ самомъ неловкомъ положеніи. Сцена между Шмулемъ и женщиной подѣйствовала на него очень непріятно. Какъ только Шмуль скрылся за дверь, незнакомецъ тихо подошелъ къ телѣгѣ.

— Позвольте, сестрица, я помогу вамъ стащить тюки— обратился онъ къ Саррѣ добродушнымъ голосомъ.

Женщина испугалась незнакомаго голоса и отскочила шагъ назадъ.

— Я чужой; я пріѣхалъ съ Шмулемъ—отрекомендовался незнакомецъ.

Женщина пристально посмотрѣла на услужливаго человѣка.

— Спасибо вамъ. Я сама никакъ не управилась бы.

Пока незнакомецъ возился съ тюками, вытаскивая ихъ изъ-подъ сѣна и бросая на полъ, Сарра вносила узлы и узелки въ комнаты.

— Чужой!—грубо крикнулъ Шмуль, появившійся у дверей;— кто позволилъ вамъ рыться въ телѣгѣ?

— Служанка ваша не могла вытащить тяжелые тюки, я...

— А? Спасибо, спасибо вамъ. Но бросьте это, да идите сюда: вы и такъ совсѣмъ замерзли. Ха, ха, ха, вы сжалились надъ Саррой. Я пошутилъ съ нею. Она у насъ такая капризница, что часто изъ терпѣнія выводитъ. Тюки я и самъ вытащу.

Незнакомецъ подошелъ къ Шмулю.

— Дайте руку, я васъ доведу до дверей. Нагните голову, тутъ перекладина.

— Жена!—сказалъ отецъ Шмуля, обращаясь къ еврейкѣ очень пожилыхъ лѣтъ и указывая на незнакомца;—передаю на твое попеченіе этого странника, чуть не околѣвшаго на дорогѣ. Это нашъ братъ— еврей. Угости и пріюти его, какъ Богъ велитъ.

Незнакомецъ привѣтствовалъ хозяйку добрымъ вечеромъ и началъ раздѣваться.

Бросимъ внимательный взглядъ на всѣ лица, сгруппировавшіяся теперь вмѣстѣ. Характеры всѣхъ этихъ людей рельефно выступаютъ на ихъ физіономіяхъ. Опытный наблюдатель сразу узналъ бы съ кѣмъ имѣетъ дѣло.

Отецъ Шмуля, раби Генехъ, хозяинъ дома, единственный корчмарь, арендаторъ польскаго, помѣщичьяго городка Ш., былъ пожилой еврей лѣтъ пятидесяти. Происходя отъ нищихъ родителей, выкормившись на счетъ еврейскаго общества, онъ въ молодости занимался черными работами и состоялъ у всѣхъ на побѣгушкахъ; затѣмъ онъ женился на корявой служанкѣ, поступилъ въ мешуресы (лакеи) еврейскаго постоялаго двора и угождалъ пріѣзжимъ польскимъ панамъ, исполняя всѣ возможныя и даже невозможныя ихъ прихоти. Нагибался, унижался, кланялся и чмокалъ панскія рончки и нужки. Паны полюбили его и щедро вознаграждали. Никто лучше его не могъ выкопать хоть-бы изъ подъ земли деньги на шконту, никто ловчѣе его не могъ сойтись съ мелкимъ продажнымъ чиновникомъ, никто такъ умно не могъ съиграть роль Лепорелло при донжуановскихъ авантюрахъ сластолюбивыхъ пановъ, падкихъ на смазливыхъ жидовочекъ. Собравъ деньгу, прежній мешуресъ Генька получилъ титулъ *раби* Генеха. Онъ получилъ значеніе въ синагогѣ и сдѣлался даже общественнымъ дѣятелемъ. Онъ уже не выкапывалъ денегъ на шконту, а прямо доставалъ изъ собственнаго окованнаго сундука, получая, тѣмъ не менѣе, сверхъ умѣренныхъ процентовъ, и куртажъ, будто-бы за деньги своей супруги, у которой онъ будто едва выканючилъ ихъ; а жена его, родившая ему единственнаго сына, Шмуля, давно уже отдыхала отъ кухонныхъ трудовъ на

мирномъ еврейскомъ кладбищѣ. Узкое лицо раби Генеха, обрамленное пушистыми сѣдоватыми пейсами и такою же бородою, живо напоминало собою старую хитрую лису съ ея пушистымъ хвостомъ. Маленькіе сѣрые глаза, оттѣняемые густыми бровями, воровски высматривали и безпрестанно вращались въ своихъ орбитахъ. Вокругъ тонкихъ синеватыхъ губъ вѣчно извивалась сладенькая, добродушная улыбка. Онъ говорилъ тихо, вкрадчиво, а смѣялся самымъ искусственно-невиннымъ искреннимъ смѣхомъ. Спина его всегда была согнута въ дугу, а голова опущена. Паны выдрессировали эту услужливую, хитрую собаку на всю жизнь. Съ тѣхъ поръ, какъ раби Генехъ снялъ въ аренду помѣщичью корчму городка Ш., дѣла его пошли баснословно-блестящимъ образомъ. Евреи - сосѣди, завидовавшіе счастью бывшаго Геньки, а нынѣ раби Генеха, соображая крупную арендную плату съ относительно-ничтожною выручкою корчмы, распространили о побочныхъ дѣлишкахъ корчмаря слухи, не лестные для чести раби Генеха и отчасти даже опасные.

Евреи городка Ш. таинственно передавали другъ другу какіе-то разсказы о томъ, что богатый корчмарь пускаетъ свои капиталы въ обороты контрабандными товарами; что сынъ его, Шмуль, первый силачъ въ окружности, начальствуетъ надъ цѣлой шайкой отчаянныхъ контрабандистовъ; что нѣкоторые члены таможеннаго начальства покровительствуютъ этому злу; наконецъ, что даже строгій, придирчивый, самовластный капитанъ-исправникъ, имѣетъ въ этихъ дѣлахъ свои крупныя выгоды. Вѣроятность этихъ предположеній—фактовъ не существовало — доказывалась, во-первыхъ, явною убыточностью корчмы и умноженіемъ, не смотря на то богатства корчмаря; во-вторыхъ, частыми ночными посѣщеніями какихъ-то подозрительнаго вида людей, радушно принимаемыхъ скупымъ раби Генехомъ; въ третьихъ, вѣчными разъѣздами и шатаніями Шмуля по направленію къ границѣ, и, въ четвертыхъ, покровительственными и дружелюбными отношеніями, установившимися между корчмаремъ и капитанъ-исправникомъ, ненавидящимъ племя Израиля. Послѣднее обстоятельство обратилось въ явный фактъ, когда нѣкоторые ядовитые жидки, анонимными и именными доносами на имя исправника попытавшіеся было поубавить спѣси заносчиваго корчмаря, остались въ дуракахъ; когда эти доносы не только не повредили раби Генеху, но, напротивъ, навлекли крупныя непріятности на самихъ доносчиковъ; когда исправникъ, какъ будто совсѣмъ игнорировавшій эти доносы, подъ разными предлогами сталъ придираться къ подававшимъ ихъ жидкамъ. Посмотрѣвъ внимательно на Шмуля, молодаго еврея-вдовца, нельзя было не согласиться съ врагами раби Генеха на счетъ подозрительности его сына. Это былъ человѣкъ высокаго роста, съ плечами корсара, съ грудью быка и лапами медвѣдя. Грубое лицо, низкій лобъ, обросшій черною щетиною, сплюснутый красноватый носъ съ широкими, подвижными ноздрями, маленькіе кошачьи глаза, заплывшіе жиромъ, толстыя, какъ у негра, губы, широкій ротъ, напоминающій своими бѣлыми, блестящими, заостренными зубами звѣриную пасть, мясистый, необыкновенно развитый затылокъ и толстая, воловья шея ясно говорили о необыкновенной силѣ, жестокости, плотоядности, хитрости и упорствѣ этого человѣка. Рѣзкою противуположностью Шмуля являлся незнакомый гость корчмаря, разоблачившійся теперь и повернувшійся лицемъ къ единственной сальной свѣчкѣ, тщетно старавшейся разсѣять тьму въ большой комнатѣ съ кирпичнымъ поломъ, съ стойкою, нѣсколькими бочками, громаднымъ дубовымъ столомъ и такими же, уставленными вокругъ, широкими скамьями. Это былъ человѣкъ лѣтъ двадцати пяти, роста средняго, но чрезвычайно стройнаго. Его, хотя некрасивое, но пріятное, умное лицо, съ подстриженными пейсами каштановаго цвѣта, съ такими же усиками и красивою бородкою, его свѣтлые голубые глаза, развитый, выпуклый лобъ, не имѣли ничего общаго съ рѣзкимъ еврейскимъ типомъ. Ротъ его былъ чрезвычайно изященъ. Все лицо,

вмѣстѣ взятое, выражало прямоту, не ту прямоту, которая нерѣдко присуща неопытности, недальновидности или глупости, а прямоту, свойственную честнымъ и не слабымъ натурамъ. Не смотря на эту прямоту, разливавшую по всему лицу выраженіе доброты и откровенности, нельзя было усомниться въ томъ, что этотъ молодой человѣкъ, въ случаѣ надобности, съумѣетъ постоять за себя—такъ свободно и энергически смотрѣли его большіе открытые глаза, такъ смѣлы были его движенія, такъ ясно говорили въ пользу его практическаго ума чуть замѣтныя морщинки, прорѣзанныя на лбу, вокругъ глазъ и рта, горькимъ житейскимъ опытомъ. Предоставь только этого молодаго человѣка опытной рукѣ парикмахера и моднаго портнаго, и изъ него вышелъ бы самый изящный и представительный европеецъ. Намъ остается еще обрисовать двѣ женскихъ фигуры—пожилую еврейку и молодую дѣвушку. Пожилая—Рахиль—вторая жена раби Генеха, мачиха Шмуля и родная мать молодой дѣвушки—имѣла самое обыкновенное, дюжинное лицо пожилыхъ евреекъ. Лицо это было замѣчательно только вѣчною грустью, выраженіемъ безотвѣтной покорности, страха и забитости. Дочь набожнаго, нищаго раввина, она вступила въ бракъ съ грубымъ бывшимъ мешуресомъ Генькой, только ради его богатства. Она тоже была вдовой, когда судьба свела ее съ настоящимъ ея сожителемъ; дочь ея, Сарра, была отъ перваго брака. Считая себя аристократкою, въ еврейскомъ смыслѣ слова, она, тѣмъ не менѣе, пожертвовала своей гордостью и согласилась выйти за амгоореца (неученаго), изъ любви къ своей обожаемой дочери, умиравшей вмѣстѣ съ матерью съ голода и холода. Сдѣлавшись женою ростовщика, фактора и корчмаря, она съ дочерью избавилась, правда, отъ голодной смерти и нищенской безпомощности, но несчастіе ея не только не уменьшилось, но еще увеличилось въ другомъ отношеніи. Она скоро почувствовала себя въ лапахъ грубаго и скупаго выскочки, попрекавшаго ее каждымъ проглоченнымъ кускомъ хлѣба, орошаемымъ ея слезами, и каждою

парою башмаковъ, истоптанныхъ ея бѣднымъ ребенкомъ. Она понимала всю безвыходность своего положенія, видѣла необходимость терпѣть, и она терпѣла молча, снося брань и попреки отъ мужа, нахальства и дерзости отъ грубаго пасынка. Этотъ пасынокъ, любимый своимъ отцемъ, со снятіемъ въ Ш. корчмы, сдѣлался его кумиромъ и самовластвовалъ въ домѣ, какъ главный дѣятель въ коммерческихъ дѣлахъ. Легко представить себѣ, какая жизнь пошла для несчастной его мачихи! Въ довершеніе горя, овдовѣвшій Шмуль бросилъ свой алчный, плотоядный взоръ на подросшую миловидную Сарру и рѣшилъ съ отцемъ, во что бы то ни стало, сдѣлать ее своей законной супругой. Рахиль терпѣть не могла своего гнуснаго пасынка, а Сарра питала къ нему полнѣйшее отвращеніе, какъ къ какому нибудь гаду. Понятно, какія непріятныя отношенія должны были, послѣ этого, установиться между Шмулемъ, Саррой и Рахилью. Раби Генехъ былъ, конечно, на сторонѣ сына и шпиговалъ свою супругу на чемъ свѣтъ стоитъ. Шмуль же, приписывая несговорчивость Сарры исключительно подстрекательству мачихи, тиранилъ Рахиль и мстилъ ей въ ея же дочери, помыкая Саррою, какъ самой послѣдней служанкой, заставляя ее заниматься всѣми черными и тяжелыми работами. Шмуль любилъ Сарру; но любилъ той дикой, безпощадной, мстительной и жестокой любовью, которая свойственна всѣмъ грубымъ, чувственнымъ, настойчивымъ натурамъ. Онъ рѣшилъ сломать непокорную, и ломалъ по звѣрски. Отъ времени до времени въ немъ пробуждалась, однакожъ, нѣжность самца, и тогда онъ мѣнялъ повелительный тонъ на нѣжный, ласкающій; но сердце Сарры до того было переполнено къ нему ненавистью и презрѣніемъ, что его ласки возмущали ее еще больше, чѣмъ его жестокость. Мать знала все, видѣла все, но помочь дочери могла только слезами; и плакала ужъ она часто и долго, и доплакалась, наконецъ, чуть ли не до слѣпоты. Сарра закалилась въ борьбѣ съ вотчимомъ и его достойнымъ сыномъ. Она молча переносила всѣ придирки и не-

правды, нахмуривъ лобъ, насупивъ брови и сжавъ губы; она не роптала и не жаловалась. Слезы душили ее тогда только, когда Шмуль слишкомъ уже нахально приступалъ къ ней съ своими медвѣжьими ласками и циническими намеками. Замкнутость Сарры и привычка къ борьбѣ въ безпомощномъ ея положеніи провели нѣкоторыя раннія, рѣзкія, сильныя черты на миловидномъ ея личикѣ, дышавшемъ здоровьемъ, молодостью и силой. Ее нельзя было назвать красивой; складъ и черты ея южнаго лица были слишкомъ неправильны и своеобразны, но за то общее выраженіе симпатичности и доброты, разлитой по всему лицу, плавность ея движеній, мелодичность ея тихаго, но свѣжаго голоса, серьезность ея глубокихъ темныхъ глазъ, внушали довѣріе и сочувствіе и приковывали взоръ каждаго. Въ настоящую минуту, въ своемъ ночномъ туалетѣ или, лучше сказать, въ своемъ глубокомъ неглиже—которымъ еврейки простаго класса никогда не стѣсняются даже предъ посторонними мужчинами—въ неглиже, ограничивавшемся одною рубахой и ситцевой юбкой и обрисовывавшемъ ея упругія, изящныя формы, съ распущенными длинными и вьющимися волосами, Сарра въ этомъ полусвѣтѣ, при этой мрачной обстановкѣ, прямо просилась подъ кисть художника.

— Ну, жена, подавай ужинать что Богъ послалъ—приказалъ женѣ раби Генехъ, умывши руки, пробормотавъ краткую молитву и усѣвшись за дубовымъ столомъ. Рахиль пошла на кухню.

— Ты, чего буркулы таращишь? — накинулся Шмуль на стоявшую тутъ же Сарру—ты, видно, плотно нажралась, а до насъ тебѣ дѣла нѣтъ.—Сарра презрительно улыбнулась и вышла вслѣдъ за матерью.

— Шмуль, ты не совѣстишься чужаго человѣка, нападаешь на дѣвку совсѣмъ напрасно—замѣтилъ раби Генехъ.

— Сволочь она, дѣвка твоя, какъ и ея мать, это моченое яблоко.

— Полно врать. Залей лучше свою злую глотку водкою. Да кстати угости и насъ.

Шмуль пошелъ за стойку, наточилъ изъ подъ крана водки въ мѣдную мѣру и поставилъ ее на столъ, затѣмъ принесъ стаканчикъ и молча усѣлся за столъ, облокотившись обѣими руками.

— Ну братъ, ты, надѣюсь, успѣлъ уже отогрѣться; повѣдай же намъ, кто ты таковъ есть, откуда шагаешь по такому холоду и куда направляешь свои стопы? Но прежде выпей.

Незнакомецъ безъ церемоніи выпилъ и придвинулся къ раби Генеху.

— Я изъ К-ой губерніи, гдѣ наши братья мрутъ ужъ два года, какъ мухи, отъ голода и нищеты.

— А ты же самъ?

— Какъ видите, не умеръ и не потерялъ аппетита — улыбнулся гость.

— Но кто ты такой? Твое имя?

— Мое имя—Аронъ, а фамилія—Листигъ. Я уроженецъ городка П.

— Имѣешь родителей? Ты еще такъ молодъ.

— Да, я молодъ, но съ бѣдой и горемъ близко уже знакомъ, почище какого нибудь старика. Я отца своего не видѣлъ; когда онъ умеръ, я былъ еще груднымъ ребенкомъ. Мать моя еще въ живыхъ. Иду я на заработки въ этотъ благословенный край, не столько для себя, сколько для моей бѣдной, больной матери.—Онъ глубоко вздохнулъ.

Когда гость поднялъ глаза, онъ встрѣтилъ теплый, сочувственный взоръ Сарры, внесшей и поставившей на столъ какую то дымящуюся мутную похлебку.

— Ты, видно, не изъ богатыхъ—насмѣшливо вмѣшался Шмуль.

— Да; далеко не изъ богатыхъ. Но богатства я и не желаю: богатство портитъ людей. Я хочу только собственными трудами зарабатывать столько, сколько необходимо для моихъ

незатѣйливыхъ потребностей и для прокормленія и леченія моей любимой матери.

— «Чти отца твоего и матерь твою, и да будетъ жизнь твоя долговѣчна»—набожно вклеилъ раби Генехъ цитату изъ Священнаго Писанія.

— Ты какъ же думаешь заработывать?—спросилъ Шмуль.— Знаешь ремесло какое, что ли?

— Ремесла я не знаю. Банкирской конторы тоже не намѣреваюсь открыть. Я учился кое-чему; надѣюсь своими свѣдѣніями и познаніями быть полезнымъ себѣ и другимъ.

— Талмуду ты учился?—спросилъ корчмарь.

— Конечно. Но талмудомъ однимъ не проживешь.

— Чему же ты еще учился?

— Да многому учился, а знаю, признаться, небольно много.

— А руссанетскій языкъ знаешь?

— Да; порядочно.

— Ты можетъ—законникъ, ходатай?—спросилъ безпокойно раби Генехъ, бросая испуганный взглядъ на сына.

— Нѣтъ. Законами я не занимался. Нечего хвастать.

Корчмарь видимо успокоился.

— Куда же теперь плетешься?

— Я въ губернію иду.

— Туда еще очень далеко.

— Чтожъ дѣлать? Больше прошелъ, пройду и остальную дорогу, я не слабъ.

— Ты бы сказалъ: «съ помощью Божіей пройду.»

— Это само собою разумѣется. Къ чему Бога призывать вотще?

— Истый еврей никогда не скажетъ: я, не прибавивъ: «по волѣ Божіей».

— Слова Богу не нужны; Онъ знаетъ всѣ тайные помыслы людскіе; Онъ дѣла, добраго дѣла требуетъ.—Рахиль и Сарра глубоко вздохнули.

— Ну, какъ тебя, Аронъ, что-ли?—грубо вмѣшался Шмуль. Ты, братъ, въ проповѣдники ударился, а, судя по твоимъ короткимъ пейсамъ и общипанной бородкѣ, ты далеко не изъ числа хасидовъ (набожная каста).

— Я не хасидъ—это правда, и не желаю быть имъ. Пейсы мои, впрочемъ, ничего не доказываютъ; у насъ полиція строго смотритъ за этимъ, и если замѣтитъ у кого-нибудь чрезъчуръ длинныя пейсы, то ихъ въ полиціи же публично обрѣзываютъ.

— Отчего мнѣ полиція не обрѣзываетъ?— похвасталъ раби Генехъ, взявшись за обѣ свои пушистыя пейсы.

— Вы, можетъ быть, имѣете чѣмъ откупиться, а у меня не чѣмъ. Да если бы и было, я за такіе пустяки не далъ бы ни гроша.

— Хорошіе пустяки! О, охъ!

— Законъ Царя—законъ Божій.

— Охъ, законы, трудно становится жить нашему брату отъ этихъ законовъ.

— Надобно исполнять и повиноваться.

— Человѣкъ, потерявшій свой паспортъ, иди въ солдаты, въ арестанты! Легко сказать—повиноваться!

— Чтожъ, человѣкъ можетъ отъ небрежности потерять и свои деньги, а затѣмъ умирать съ голоду. Не зѣвай, смотри въ оба.

— А если у тебя паспортъ просроченъ?

— Не надобно до этого допускать. Если денегъ на выписку новаго паспорта не придвидится, то отправляйся на родину во время.

— А если у тебя украли паспортъ вдруъ, не жданно не гаданно?

— Могутъ меня и убить. Это ужъ несчастный случай.

— Чѣмъ же виновенъ человѣкъ этотъ? За что его въ солдаты, въ арестанты?

— Законъ не можетъ всего предвидѣть.

— Но за что такой страшный законъ именно на евреевъ, на однихъ евреевъ?

— Пусть не уклоняются отъ своего долга, пусть не бѣгаютъ.

— А ты, не убѣжалъ бы, еслибы видѣлъ предъ собою сѣрую шинель.

— Нѣтъ, самъ пошелъ бы въ рекрутское присутствіе. Что я за цаца такая? Чѣмъ лучше всякаго русскаго?

— Пошелъ бы, какъ-бы не такъ; черта съ два пошелъ-бы!—замѣтилъ Шмуль, положившій, наконецъ, ложку и принявшійся разрывать грязными руками вареную говядину.

— Кстати—добавилъ Шмуль—имѣешь ли ты, братъ, черное по бѣлому?

— Конечно, имѣю.

— То-то. А то, братъ, и мы подвергаемся большой отвѣтственности за укрывательство бродяги.

— Будьте покойны, хозяинъ, я иначе въ путь не пустился бы. Если хотите, я вамъ покажу.

— Нѣтъ, нѣтъ, на что? Мы тебѣ вѣримъ; видно, ты малый честный.

— Скажите мнѣ, пожалуйста, хозяинъ, неужели все это правда, что мнѣ поразсказывали о продѣлкахъ здѣшнихъ евреевъ?

— На счетъ чего это?

— Да на счетъ подлыхъ штучекъ евреевъ противъ своихъ же братьевъ?

— На счетъ пойманниковъ?

— Ну, да.

— Ай, ай, ай, какая еще правда!

— Какъ же порядочные евреи допускаютъ подобныя варварства? Какъ это они каменьями не закидаютъ подобныхъ злодѣевъ?

— А кому охота лѣзть въ огонь?

— Какъ въ огонь?

— Затронь-ка кого-нибудь изъ этихъ подлецовъ, тебя подожгутъ, на тебѣ доносы начнутъ писать и мало-ли что еще сдѣлаютъ!

— Еще, пожалуй, нападутъ гдѣ нибудь на дорогѣ, отнимутъ у тебя паспортъ, завезутъ силою за сто верстъ и сдадутъ въ рекруты, какъ бродягу. Ты кричи себѣ караулъ, сколько хочешь, а тебѣ все-таки лобъ забрѣютъ и—поминай какъ звали!—добавилъ Шмуль.

— Не вѣрю я подобнымъ ужасамъ.

— А я тебѣ вотъ что скажу: всѣ наши евреи хуже разбойниковъ —съ удареніемъ произнесъ раби Генехъ.

— *Всѣ*, говорите вы? Нѣтъ, съ этимъ я несогласенъ, *Наши* евреи не такіе; у насъ еще ни одного пойманника никто не представилъ.

— А у насъ, ой вей, ой вей!

— Ты братъ, Бога хвали, что къ намъ попалъ, а не къ...

— Я благодарю и Бога, и васъ, добрые хозяева, за дружбу, за хлѣбъ-соль и гостепріимство.

— И какъ это Егова не покараетъ этихъ кровопійцъ?—началъ опять раби Генехъ.

— Такова уже судьба евреевъ. Царство Израиля разрушили еврейскія междоусобія и игра еврейскихъ же страстей.

— Грѣхи наши тяжкіе!—Корчмарь закатилъ глаза.

— И теперь, какъ и тогда, евреи пожираютъ другъ друга, вырываютъ одинъ у другаго послѣдній сухарь, доносятъ братъ на брата, безобразничаютъ...

— Грѣхи, грѣхи наши тяжкіе!

— Не даромъ сказалъ пророкъ Исаія: «Твои разорители и истребители изъ твоей же среды вытекаютъ».

— Умно ты говоришь, добрый гость, правдивы твои рѣчи. О, охъ! Грѣхи, все грѣхи, гнѣвъ Божій, кара небесная...

— Отецъ, полно хныкать. Спать пора—перебилъ нетерпѣливо Шмуль, порывисто вставъ изъ-за стола.

— Раби Генехъ и гость помолились и послѣдовали примѣру Шмуля.

— Ну, братъ, Аронъ —вызвался любезно Шмуль, я укажу тебѣ коморку, маленькую, за то спокойную и, кажется, теплую. Отлично отдохнешь. Гость вѣжливо попрощался съ хозяевами и пошелъ за Шмулемъ.

Онъ его провелъ черезъ темный корридоръ и ввелъ въ какую-то конуру съ однимъ маленькимъ окошечкомъ. Жесткая постель безъ простыни и бѣлья, сундукъ, столъ и стулъ о трехъ ножкахъ составляли всю меблировку этой импровизированной спальни.

— Вотъ постель, а вотъ и сундукъ, куда можешь запереть свои вещи и взять къ себѣ ключь.

— Спасибо, раби Шмуль. Но на что мнѣ запирать вещи, когда я завтра же пойду дальше?

— Ну, ужъ какъ хочешь, а мы тебя не отпустимъ денька два, пока хорошенько не отдохнешь и не отогрѣешься. Да, вотъ что, я врагъ сладкихъ рѣчей, но скажу тебѣ прямо, что ты мнѣ сильно понравился. Ты, братъ, мнѣ вы не говори, я также молодъ, какъ и ты. Нечего модничать.

Аронъ засмѣялся и подалъ Шмулю руку на прощаніе. Молодость довѣрчива, а бѣдность рада всякой человѣческой ласкѣ. Въ Шмулѣ замѣчалъ онъ, правда, грубость, но подлости въ немъ не подозрѣвалъ. Раби Генехъ же, своей вкрадчивостью, напущенной простотою и набожностью, произвелъ на гостя весьма пріятное впечатлѣніе. Онъ рѣшился воспользоваться любезнымъ гостепріимствомъ добрыхъ хозяевъ и отдохнуть день-другой, тѣмъ болѣе, что онъ чувствовалъ себя сильно усталымъ и разбитымъ. Онъ разобралъ свою котомку, уложилъ вещи въ сундукъ, заперъ его висячимъ замкомъ, а ключь спряталъ въ карманъ. Долго ворочался онъ на жесткомъ ложѣ. Въ голову лѣзло много непрошенныхъ мыслей, но, тѣмъ не мѣнѣе, неотвязчивыхъ. Зачѣмъ у жены хозяина такое печальное, тоскливое лицо, когда имъ всѣмъ, повидимому, хо-

рошо живется? Зачѣмъ Шмуль такъ жестоко и нахально обращается со служанкой? Онъ не имѣлъ еще случая узнать настоящее положеніе Сарры въ семействѣ. Это одна грубость со стороны Шмуля, добраго человѣка впрочемъ —думалъ онъ. А можетъ быть между молодымъ хозяиномъ и служанкою существуютъ такія интимныя отношенія, до которыхъ чужому нѣтъ никакого дѣла? Тутъ ему ясно представилось молодое лицо Сарры, обрамленное цѣлымъ лѣсомъ черныхъ волосъ, а ея добрые глаза, такъ сострадательно смотрѣвшіе нанего, когда онъ заговорилъ о бѣдной, больной матери. По сцѣпленію мыслей онъ задумался о матери, которую не успѣлъ еще порадовать ни одной пріятной вѣсточкой о себѣ. Онъ долго думалъ о ней, о себѣ, о своей будущности, и на этихъ нерадостныхъ думахъ настигъ его тотъ свинцовый сонъ, который слѣдуетъ за чрезмѣрной усталостью и продолжительнымъ ощущеніемъ сильнаго холода и голода.

Когда онъ проснулся, осеннее солнце глядѣло уже въ единственное окошечко его конурки и освѣщало своими лучами грязныя, исцарапанныя стѣны, обвитыя, какъ плющемъ, густой паутиной. Онъ наскоро одѣлся и пошелъ наугадъ отыскивать воду для утренняго омовенія. Въ корридорѣ попалась ему на встрѣчу Сарра, которая несла довольно чистый самоваръ. Она была опрятно одѣта и послѣ вчерашняго неглиже казалась нарядною въ своемъ старенькомъ ситцевомъ платьицѣ. Волосы были уже въ порядкѣ и спускались двумя толстыми черными косами. Аронъ вѣжливо привѣтствовалъ дѣвушку добрымъ утромъ. Она, немного покраснѣвъ, отвѣтила ему тѣмъ же.

— Вы, вѣроятно, ищите чѣмъ умыться? Пожалуйте за мною.

Аронъ пошелъ вслѣдъ за нею. Она привела его въ громадныхъ размѣровъ кухню. Тамъ никого не было, хотя плита уже топилась, а нѣсколько дымящихся горшковъ доказывали полную кухонную дѣятельность.

— Вотъ вода, рукомойникъ и полотенце—указала Сарра и, поставивши самоваръ на столъ, собиралась выйдти.

— Какъ вы рано однакожъ встаете — замѣтилъ Аронъ.— Неужели вы единственная служанка въ домѣ?

Сарра удивленно подняла на него свои серьезные глаза, покраснѣла и улыбнулась.

— Я, къ несчастью, не служанка здѣсь.

— Къ несчастью, говорите вы.

— Да. Къ несчастью.

— Почему же?

— Еслибы я была служанкой, то давно ушла бы отсюда.

— Кто же вы здѣсь? Извините за любопытство.

— Я дочь раби Генеха.

Вы... дочь?—спросилъ изумленно Аронъ и видимо сконфузился.—Извините меня Сарра... Я васъ обидѣлъ не хотя.

— Ни мало. Видя такое обращенiе, какое позволяютъ себѣ со мною, никто на вашемъ мѣстѣ иначе и не подумалъ бы...

— Сарра, а Сарра, гдѣ ты тамъ пропадаешь?—раздался по велительный голосъ раби Генеха. Сарра торопливо выбѣжала. Аронъ долго стоялъ на одномъ мѣстѣ, ожидая возвращенiя Сарры и возобновленiя разговора, но она не приходила. Онъ наскоро вымылъ лицо и руки и пошелъ въ корчму.

Корчма, по случаю какого-то деревенскаго праздника, была биткомъ наполнена пьянымъ людомъ. За стойкой стояла одна Рахиль, метавшаяся, какъ угорѣлая, изъ стороны въ сторону, чтобы удовлетворить во время различныя требованiя посѣтителей. Она не успѣвала и тѣмъ возбуждала брань и крикъ почтеннѣйшей публики. Аронъ подошелъ къ стойкѣ.

— Хозяйка, вы не можете сами управиться. Если вы позволите и пустите меня за стойку, я постараюсь помогать вамъ, на сколько хватитъ у меня умѣнiя...

— Спасибо вамъ, раби Аронъ, идите сюда и помогайте— обрадовалась еврейка и впустила Арона за стойку. Работа закипѣла; въ нѣсколько минутъ всѣ требованiя были выполнены и публика унялась.

Въ это время вошелъ въ корчму раби Генехъ, съ трубкой въ зубахъ, и въ кафтанѣ на распашку.

— А? ты за стойкой? Помогаешь женѣ? Хвалю, хвалю. Видно не попрошайка, не дармоѣдъ. Лицо раби Генеха, при дневномъ свѣтѣ, показалось Арону менѣе простодушнымъ и добрымъ. Аронъ возмутился этой барской поступью корчмаря, ничего не дѣлавшаго въ то время, когда его единственная дочь возится на кухнѣ съ позаранку, а хилая жена работаетъ за стойкою за трехъ цѣловальниковъ.

— Брось шинковать, Аронъ, да пойдемъ хлебать горяченькаго. Ты свое заработалъ.

— Нѣтъ, раби Генехъ, потомъ, когда жена ваша совсѣмъ управится.

— Спасибо вамъ, раби Аронъ, идите чай пить. Придите послѣ, если ужъ непремѣнно хотите; теперь работы нѣтъ.

Аронъ отправился съ хозяиномъ въ жилую комнату, замѣнявшую и столовую, и кабинетъ хозяина.

— Хозяинъ, ваша жена, какъ видно, не совсѣмъ здорова, а вы заставляете ее такъ работать, что и здоровый мужчина свалился бы съ ногъ.

— Отъ работы не издыхаютъ, любезный другъ. Я работаю мозгами, а она пусть работаетъ руками. Не больно много приданаго принесла она мнѣ; пусть заработываетъ свои харчи и харчи ея милой дочери.

— Дочь вѣдь тоже работаетъ, сколько я могъ замѣтить.

— Работаетъ больше язычкомъ и глазами, чѣмъ руками. Это такая... такая... тьфу!

Аронъ замолчалъ.

Когда они напились чаю, Аронъ снова отправился за стойку и старался быть полезнымъ Рахили. Онъ цѣловальничалъ вплоть до обѣда. Корчмарь входилъ въ корчму нѣсколько разъ съ трубочкой во рту, вступалъ въ игривые разговоры съ нѣкоторыми посѣтителями, съ которыми, повидимому, онъ стоялъ на фамильярной ногѣ. Шмуля не было дома. Онъ явился толь-

ко къ обѣду. Онъ былъ въ очень хорошемъ расположеніи духа и, судя по багровому цвѣту лица, Шмуль былъ не совсѣмъ трезвъ. Онъ вѣроятно принесъ хорошія вѣсти. Раби Генехъ, слушая докладъ сына, говорившаго шепотомъ, широко и весело улыбался, потиралъ руки отъ удовольствія и что-то высчитывалъ по пальцамъ.

Женщины не обѣдали за общимъ столомъ, а исполняли лакейскую обязанность, прислуживая мущинамъ. Арона возмущала эта жестокость и несправедливость. Онъ насупилъ брови, но молчалъ.

— Ты о чемъ то сильно задумался, дружище?—обратился къ нему Шмуль, фамильярно хлопнувъ его по плечу.

— Думаю, какъ бы скорѣе добраться до К.

— Ничего ты хорошаго не выдумаешь, а я уже выдумалъ.

Аронъ вопросительно посмотрѣлъ на Шмуля.

— Хочешь знать, что я выдумалъ? А вотъ что. Чрезъ пять дней мнѣ по дѣламъ самому нужно будетъ ѣхать въ К. Я поѣду, да и тебя возьму. Доволенъ, а?

— Я не имѣю столько денегъ, чтобы нести половину путевыхъ издержекъ. Я поѣду на *собственныхъ*; это хоть скучновато, но за то дешево.

— Пустяки, я для компаніи возьму тебя безплатно. Я уже сказалъ тебѣ, что ты мнѣ нравишься, а кто мнѣ нравится, съ тѣмъ я не считаюсь рублями.

— Спасибо, Шмуль.

Во время всего этого разговора раби Генехъ хотя и не проронилъ ни одного слова, но, неизвѣстно для чего, смотрѣлъ куда-то въ даль, мурлыча подъ носъ какую-то еврейскую пѣсенку и барабаня въ тактъ пальцами по тарелкѣ. Рахиль сложила руки и, грустная, потупила глаза, а Сарра какъ-то странно смотрѣла на Шмуля, не отрывая отъ его лица своихъ пронзительныхъ взоровъ. Шмуль подмѣтилъ этотъ взглядъ.

— Что ты вытаращила на меня глаза, какъ будто проглотить собираешься?

Сарра вышла въ другую комнату.

— Ишь какъ причупрынилась! —продолжалъ Шмуль, повернувъ голову и слѣдя злыми глазами за выходившею дѣвушкою. Это уже для тебя, Аронъ! Ха, ха, ха. Она, должно полагать, считаетъ тебя выгоднымъ женихомъ, богачемъ. Она это тотчасъ замѣтила по твоему парижскому костюму. Ха, ха, ха.

Аронъ покраснѣлъ отъ досады.

— Бѣдность не порокъ, сынъ мой — остановилъ Шмуля раби Генехъ.—На все воля Всевышняго.

— Да я не къ тому сказалъ, отецъ. Я только терпѣть не могу, когда она вѣшается каждому на шею, эта распутница, эта болотная гадина.

Раби Генехъ кусалъ ногти и грызъ бороду, а оскорбленная мать, Рахиль, вытерла передникомъ глаза и безмолвно вышла вслѣдъ за дочерью.

Тяжело и грустно было видѣть Арону подобное жестокое обращеніе съ матерью и сестрой. Но онъ чужой, проходящій нищій, какое право онъ имѣетъ дѣлать замѣчанія? Онъ не могъ не быть благодарнымъ чужимъ, незнакомымъ людямъ, пріютившимъ и кормившимъ его такъ радушно и гостепріимно. Притомъ, на какомъ основаніи онъ могъ бы вмѣшаться въ семейныя дѣла и отношенія людей, ему совсѣмъ незнакомыхъ и чуждыхъ? Эти мысли волновали его и ночью въ его конуркѣ и очень долго отгоняли сонъ.

Послышался сильный стукъ въ наружныя двери корчмы. Аронъ сталъ прислушиваться. Стукъ, сопровождаемый бранью на еврейскомъ жаргонѣ, повторился нѣсколько разъ.

— Сарра, а Сарра! оглохла ты, или совсѣмъ околѣла? Дубина этакая, слышитъ, что ломятся въ дверь, а лѣнится встать и отворить— свирѣпо закричалъ раби Генехъ изъ своей комнаты.

Сарра не отзывалась. Раби Генехъ кричалъ и ругался пуще

прежняго, а дверь, между тѣмъ, трещала подъ тяжелыми ударами нетерпѣливыхъ ночныхъ посѣтителей.

Аронъ поспѣшно одѣлся, побѣжалъ и отворилъ дверь. Въ корчму ввалила цѣлая дюжина людей. Одинъ изъ нихъ несъ въ рукѣ фонарь. Онъ подошелъ къ столу и зажегъ свѣчу. Подошедшій къ столу былъ высокій старикъ, еврей, съ широкимъ шрамомъ на щекѣ.

— Молодецъ, Шмуль! Ждалъ товарищей—обрадовался старикъ.

Аронъ бросилъ бѣглый взглядъ на гостей.

Лица всѣхъ этихъ людей носили на себѣ отпечатокъ дикости и запущенности. На столѣ стояло нѣсколько бутылокъ и рюмокъ, лежало нѣсколько хлѣбовъ и цѣлая куча копченой рыбы. Вошелъ хозяинъ, раби Генехъ.

— Тебѣ, тутъ, какое дѣло?—грубо и сердито спросилъ онъ Арона.

— Я отворилъ дверь этимъ людямъ.

— А, хорошо. Спасибо. Ступай спать.

Въ корридорѣ Аронъ наткнулся на Сарру. Полуодѣтая, съ растрепанными волосами, босая, со свѣчой въ рукѣ, она, полузакрывъ глаза, не шла, а шаталась куда-то, опираясь лѣвою рукою о стѣну. Видно было, что она стремилась куда-то безъ яснаго сознанія и безъ опредѣленной цѣли.

Аронъ схватилъ ее за руку.

— Куда вы, Сарра? Я уже отворилъ дверь. Идите спать.

Сарра не отнимала руки, но остановилась какъ сонамбула задержанная какимъ-нибудь неожиданнымъ препятствіемъ, ничего не сознающая подъ вліяніемъ своего сонливаго, безчувственнаго состоянія. Аронъ отвелъ ее въ ея комнату, такую же конуру, какъ и его, только болѣе чистую и опрятную, подвелъ ее къ кровати, взялъ у ней изъ рукъ свѣчу, уложилъ сонную дѣвушку въ кровать и укрылъ. Она тяжело вздохнула и тутъ же погрузилась въ глубокій сонъ молодости. Долго стоялъ молодой человѣкъ со свѣчой въ рукѣ у изголовья Сарры, долго его сострадательный, нѣжный взоръ покоился на истомленномъ серьезномъ лицѣ бѣдняжки. Выраженіе лица молодаго человѣка ясно показывало, что сердце его сильно забилось. Какъ будто подъ вліяніемъ независимой отъ него силы, онъ медленно нагнулся надъ спящей, отвелъ дрожащею рукою волосы, закрывавшія лицо, и нѣжно коснулся губами ея блѣднаго лба. Но въ эту минуту гдѣ-то заскрипѣли двери, и это разсѣяло его сантиментальность. Онъ вспомнилъ, гдѣ онъ находится и что могутъ подумать, если увидятъ его, полуодѣтаго, въ такой поздній часъ ночи, въ комнатѣ дѣвушки. Онъ потушилъ свѣчу и быстро направился къ двери. Пробираясь въ потьмахъ, ощупью, онъ почувствовалъ подъ ногой какую-то бумагу, которую, самъ не зная для чего, онъ поднялъ и взялъ съ собою. Добравшись, наконецъ, до своей конуры, онъ бросилъ бумагу на полъ и завалился спать.

На этотъ разъ онъ, по привычкѣ, проснулся очень рано, но долго лежалъ на жесткомъ своемъ ложѣ и думалъ. О многомъ думалъ онъ между прочимъ и о странныхъ подозрительныхъ своихъ хозяевахъ. Но больше всего онъ горевалъ о бѣдной страдалицѣ и труженицѣ Саррѣ. Ночная сцена ожила въ его воображеніи въ яркихъ краскахъ. На его лицѣ снова замѣтно было сильное волненіе. Онъ мысленно упрекалъ себя за вольность, которую онъ позволилъ себѣ съ бѣдной дѣвушкой, вольность, за которую невинная Сарра могла бы сильно пострадать отъ своихъ жестокосердыхъ родныхъ, уже и безъ того незаслуженно и тяжко ее оскорбляющихъ. Онъ благодарилъ судьбу за то, что благополучно выбрался изъ комнаты дѣвушки, никѣмъ не замѣченный. Поднявшись съ постели, онъ замѣтилъ на полу найденную имъ ночью бумагу. Бумага сложена была въ четвертушку; онъ поднялъ ее и лѣниво развернулъ. Она оказалась исписанной по-русски мелкимъ почеркомъ и скрѣпленной кудрявыми и аляповатыми подписями. Внизу была приложена казенная печать. Вся бумага была испачкана грязью и пылью. Аронъ съ любопытствомъ загля-

нулъ въ нее. «Актъ» — прочелъ онъ вслухъ. Заглавіе это, какъ видно, заинтересовало его, потому что онъ долго читалъ и перечитывалъ этотъ документъ. Окончивъ чтеніе, онъ глубоко задумался.

— Такъ вотъ какъ, раби Генехъ—подумалъ онъ вслухъ — такъ вы такіе люди? Спасибо. Сегодня же я оставляю этотъ проклятый домъ. Лучше поплетусь пѣшкомъ, чѣмъ связываться съ такими людьми, съ которыми, того и гляди, попадешь...

Онъ не кончилъ своей мысли, всталъ и спряталъ бумагу въ свою котомку. Одѣвшись на скоро, онъ пошелъ въ кухню совершить утреннее омовеніе. Въ кухнѣ Сарра возилась уже съ самоваромъ и плитой.

— Доброе утро, Сарра.

— Доброе утро, раби Аронъ.

— Что? Выспались ли вы, Сарра?

— Выспалась. А что?

— Вы помните, что съ вами происходило ночью?

Аронъ засмѣялся.

— Вы шутите, раби Аронъ? Ничего со мною ночью не случилось.

— Неужели вы не помните, какъ я васъ отвелъ въ вашу комнату и уложилъ спать?

— Я васъ не понимаю, раби Аронъ.

Молодой человѣкъ подробно разсказалъ ей все, что съ ней происходило ночью, умолчавъ, конечно, о поцѣлуѣ, за который и самъ, въ душѣ, краснѣлъ. Сарра всплеснула руками.

— Ахъ, Боже мой! Для чего вы это сдѣлали, раби Аронъ? Вы меня этимъ погубили. Что теперь скажетъ мой злой вотчимъ и мой мучитель, Шмуль? Ахъ, Боже мой, Боже мой, что будетъ теперь со мною!

— Не безпокойтесь и не огорчайтесь, добрая Сарра. Никто меня не видѣлъ. Вамъ ничего не будетъ. Клянусь вамъ.

Сарра успокоилась и задумалась.

— Какой вы добрый, раби Аронъ! О, если бы у меня былъ братъ, братъ подобный... вамъ!

— Сарра, считайте меня вашимъ братомъ, довѣрьте мнѣ ваше горе; вамъ легче станетъ на душѣ.

— Я васъ уважаю, раби Аронъ, какъ брата, но къ чему марать родныхъ безъ цѣли и пользы? Чѣмъ вы мнѣ можете помочь? Вы сами бѣдны и безпомощны. Заботьтесь о своей бѣдной матери; для васъ и это достаточно. Какой вы добрый сынъ!—добавила Сарра, покраснѣвъ и опустивъ глаза.—Съ той минуты, какъ вы такъ нѣжно заговорили о вашей матери, я въ душѣ пожелала имѣть такого брата, какъ вы.

Аронъ приблизился къ Саррѣ, нѣжно посмотрѣлъ ей въ глаза и взялъ за руку. Сарра вырвала руку, заплакала и убѣжала изъ кухни.

— Странная дѣвушка!— удивился Аронъ. — Чего она убѣжала! Желаетъ имѣть такого брата какъ я, а между тѣмъ дичится меня.

Онъ кончилъ омовеніе, но рѣшился остаться въ кухнѣ, пока опять не войдетъ Сарра. Онъ долго ждалъ, но дождался.

— Неужели вы еще здѣсь?—упрекнула его Сара, улыбнувшись и ласково смотря ему въ глаза.

— Сарра, бѣдная Сарра, какъ я жалѣю васъ! Вы вотъ говорите, что желали бы имѣть такого брата какъ я, а я... я не желаю имѣть *такую* сестру, какъ вы. Васъ, одну васъ, я хотѣлъ бы имѣть... своей сестрою. Какъ бы я васъ любилъ, защищалъ и охранялъ!

Сарра стояла съ опущенными глазами. Грудь ея высоко подымалась, а по лицу струились крупныя слезы. Она упорно молчала.

— Сарра—продолжалъ Аронъ грустнымъ и тихимъ голосомъ—я рѣшился сегодня уйти.

— Что? Что вы говорите?—встрепенулась дѣвушка.

— Я рѣшился попрощаться съ вами, Сарра.

— Зачѣмъ прощаться? Шмуль ѣдетъ не сегодня, а черезъ три или четыре дня только.

— Я не поѣду съ Шмулемъ, Сарра, я пойду опять пѣшкомъ и непремѣнно сегодня же.

— Это отчего?—спросила Сарра взволнованнымъ голосомъ.

— Вашъ братъ, Шмуль, скверный человѣкъ; да и раби Генехъ, кажется, не лучше. Я не хочу ихъ знакомства.

— Шмуль мнѣ не братъ, а раби Генехъ мнѣ не отецъ—отвѣчала дѣвушка гордо, съ достоинствомъ. Если бы мой родной отецъ всталъ изъ гроба и увидѣлъ въ чьи руки попалась его любимая дочь, если бы онъ узналъ, какъ терпитъ она и мучится, то онъ вторично умеръ бы съ горя.

Наступила пауза.

— Прощайте же, Сарра— рѣшился, наконецъ, Аронъ прервать молчаніе.—Будьте счастливы и крѣпитесь. Богъ васъ не оставитъ.

— Прощайте, раби Аронъ, желаю вамъ...

Голосъ ея оборвался, она закрыла лице обѣими руками.

Аронъ, печальный, направился къ двери.

— Раби... Аронъ, погодите... одну минуту.

Молодой человѣкъ остановился.

— Раби... Аронъ! Вы сказали, что вы меня люби... что вы желали бы имѣть меня своей сестрой?

— Видитъ Богъ, что я сказалъ правду, милая Сарра.

— Если бы я попросила васъ о чемъ-нибудь, васъ, моего брата?

— Я бы все сдѣлалъ для васъ

— Все?

— Все, Сарра.

— Останьтесь еще день, другой. Останьтесь для... меня, для сестры.

— Для чего, Сарра?

— О, Боже мой, сама не знаю. Останьтесь же, мой братъ, мой добрый братъ.

Сарра произнесла эти слова такимъ умоляющимъ, такимъ трогательнымъ голосомъ, въ ея большихъ влажныхъ глазахъ просвѣчивалась такая задушевность и нѣжность, что молодой импровизированный братъ не могъ не отвѣтить:

— Для васъ, Сарра, для моей милой сестры, я останусь хоть цѣлую жизнь.

Сарра схватила обѣ руки Арона и страстно прильнула къ нимъ горячими устами.

Въ корридорѣ послышались чьи-то тяжелые шаги. Аронъ торопливо вышелъ и наткнулся на Шмуля. Лицо Арона было вѣроятно не нормально. Шмуль подозрительно посмотрѣлъ на него.

— Ты, голубчикъ, что-то слишкомъ часто бѣгаешь на кухню. Не подъѣзжаешь ли ты своей крахмальной рожицей къ нашей вѣтренницѣ, Саррушкѣ?

Аронъ сначала сконфузился, но, по мѣрѣ того, какъ Шмуль говорилъ, сердце его наполнялось ненавистью и презрѣніемъ къ этому дикому звѣрю въ образѣ человѣческомъ.

— А если-бы и такъ, то тебѣ что за дѣло? Опекунъ ты ея что ли?—спросилъ онъ Шмуля задорно.

— Э, э, голубчикъ, ты вотъ какой?

— Да, вотъ такой.

— Ну, совѣтую тебѣ по кухнямъ не расхаживать и туда, куда не слѣдуетъ, не соваться.

— Не то?

— Не то? Ты будешь имѣть дѣло вотъ съ этимъ.—Шмуль показалъ ему свой желѣзный кулакъ. Аронъ сдѣлалъ гримасу.

— Это и у меня найдется.

— Ой ли?

— Попрубуй.

Шмуль разсмѣялся этой самонадѣянности неказистаго Арона тѣмъ смѣхомъ, которымъ взрослый человѣкъ вступаетъ въ борьбу съ ребенкомъ.

— Ну полно, дитя мое, пѣтушиться —улыбнулся Шмуль

покровительственно. Борьба будетъ неровная. Лучше жить мирно со мною. Всѣ здѣшніе это знаютъ и даже казаки... Шмуль спохватился и прикусилъ языкъ. Аронъ въ упоръ посмотрѣлъ силачу въ глаза и пошелъ въ корчму помогать бѣдной Рахили, хлопотавшей уже за стойкою.

Маленькая эта размоловка, повидимому, не оставила никакихъ слѣдовъ вражды между хозяевами и гостемъ. Во время обѣда раби Генехъ благодушничалъ и ханжествовалъ по своему обыкновенію, Аронъ былъ нѣсколько задумчивъ и, большею частью, отмалчивался, а Шмуль шутилъ, говорилъ о предстоящей поѣздкѣ въ К., пилъ и ѣлъ за пятерыхъ. Рахиль и Сарра прислуживали за столомъ. Сарра, казалось, ни на кого не смотрѣла.

— Сарра, дура, для чего ты положила мнѣ двѣ ложки разомъ? Она, какъ будто, вѣчно спитъ— замѣтилъ гнѣвно Шмуль.

Сарра ничего не отвѣтила.

— Ну, ужъ спитъ!—добавилъ въ свою очередь раби Генехъ, съ лица котораго вмигъ исчезла все его благодушіе.— Я прошлую ночь охрипъ, будя ее. Я уже было собрался стянуть эту корову съ постели за косы. Я непремѣнно это сдѣлаю, при первомъ же случаѣ.

— Зачѣмъ тебѣ еще искать случая, отецъ? Она и теперь спитъ, стоя, какъ лошадь—съострилъ Шмуль и залился смѣхомъ.

Аронъ, хотя и молчалъ, но видимо возмущался придирками и оскорбительнымъ обращеніемъ безчеловѣчныхъ хозяевъ съ своей слабой жертвой. Онъ въ душѣ раскаявался въ данномъ Саррѣ обѣщаніи остаться дня два. Я ничѣмъ ей помочь не могу, говорилъ онъ самому себѣ. Мое сердце обливается кровью при видѣ ея страданій и униженій. О, бѣдность моя горькая! Лучше бы уйдти, чтобы глаза не видѣли и сердце не болѣло.

Тяжелыя думы томили Арона до самой ночи. Наконецъ, онъ уснулъ; но сонъ его былъ неспокойный и тревожный, какъ

это всегда бываетъ послѣ сильнаго волненія и душевной бури. Онъ во снѣ отбивался отъ какихъ то ужасныхъ видѣній, боролся съ кошмаромъ и поминутно переворачивался съ боку на бокъ. Отъ времени до времени, усиливаясь стряхнуть съ себя гнетущее вліяніе чего то ему незнакомаго, враждебнаго, онъ просыпался, но въ ту-же минуту опять впадалъ въ прежнее мучительное состояніе. Въ одинъ изъ такихъ короткихъ промежутковъ между сномъ и бдѣніемъ, ему показалось, что дверь его комнатки тихо и медленно заскрипѣла. На дворѣ стояла мрачная, черная ночь. Такой-же мракъ окружалъ и его. Онъ нѣсколько разъ напрягалъ свое зрѣніе, чтобы убѣдиться, дѣйствительно-ли кто вошелъ къ нему, но тьма была непроницаема. Онъ поднялъ голову и нѣсколько минутъ прислушивался. Вѣтеръ свистѣлъ на дворѣ, но въ комнатѣ царила глубокая тишина. Онъ рѣшилъ, что это ему приснилось, опять закрылъ глаза и повернулся къ стѣнѣ.

Вдругъ полъ заскрипѣлъ подъ чьими-то осторожными шагами. Аронъ быстро приподнялъ голову и испуганно спросилъ.

— Кто тутъ?

— Раби Аронъ!—отозвался кто-то чуть внятнымъ шепотомъ.

— Сарра! милая, дорогая Сарра.

Аронъ простеръ обѣ руки. Онъ поймалъ руку Сарры, холодную какъ ледъ. Онъ притянулъ Сарру къ себѣ.

— Сарра, сестра моя, другъ мой, какъ я счастливъ, какъ я невыразимо счастливъ.—Онъ страстно припалъ къ этой холодной, мертвенной рукѣ. Сарра дрожала, какъ въ лихорадкѣ, и тяжело дышала.

— Сарра, сестра моя, скажи же что нибудь, вымолви хоть одно слово.—Аронъ усадилъ Сарру къ себѣ на кровать. Она машинально повиновалась. Онъ прильнулъ къ ея холоднымъ губамъ. Она не отбивалась, но и не отвѣчала на его ласки. Она сидѣла молча, безъ всякаго движенія, какъ человѣкъ, одержимый столбнякомъ.

— Сарра — встревожился Аронъ — что съ тобою? Не больна ли ты, сестра?

— Раби Аронъ... вставай... бѣги отсюда, сейчасъ, сію минуту, слышишь? бѣги, бѣги...

— Куда? Сарра, зачѣмъ?

— Бѣги, братъ мой, бѣги отъ этихъ людей.

— Сарра, другъ мой, успокойся, объясни.

— О, я несчастная, я погубила его! Зачѣмъ, братъ, вы послушались меня, почему не ушли вы отъ этихъ злодѣевъ, сегодня-же, утромъ?

— Вы меня пугаете, Сарра. Неужели Шмуль подслушалъ нашъ разговоръ въ кухнѣ; неужели онъ видѣлъ?..

— Нѣтъ, нѣтъ, не то...

— Что-же, что? Не мучь меня, объясни. Но ты, моя крошка, дрожишь, ты больна?

Аронъ въ потьмахъ кое какъ досталъ свою бурую шинель и набросилъ ее на плечи полуодѣтой дѣвушки.

— Раби Аронъ...

— Сарра, развѣ я ужъ не братъ тебѣ? Зачѣмъ-же ты мнѣ говоришь *вы*, какъ чужому?

Сарра прислонила свою горячую голову къ плечу молодаго человѣка.

— Братъ! я нечаянно подслушала разговоръ между вотчимомъ и Шмулемъ.

— Какой разговоръ? О чемъ?

— О васъ, о тебѣ.

— Что-же они говорили обо мнѣ?

— Подробностей я не могла разслышать. Я слышала только то, что завтра, когда ты будешь за стойкой, они собираются что-то сдѣлать... отправить тебя куда-то.

— Припомни, милая, какія нибудь слова, отрывочныя слова. Одно слово какое нибудь можетъ выяснить мнѣ ихъ намѣреніе. Постарайся, Сарра, припомнить, попробуй.

Сарра зарылась въ плечо Арона и долго мочлала. Аронъ не шевелился.

— Ахъ, Аронъ, я слышала... они говорили... сундукъ... ключь... капитанъ... исправникъ... квитанція... тысячу рублей...

Аронъ повѣсилъ голову и глубоко задумался.

— Довольно, Сарра. Теперь я все понимаю.

— Одѣвайся же, Аронъ, и иди, бѣги. Прощай мой братъ...

— Нѣтъ, Сарра, не торопись, не прощайся со мною.—Сарра испуганно подняла голову.

— Что, что говоришь? Ты не уйдешь? Ты будешь ждать, пока эти варвары тебя... погубятъ.

— Сарра, успокойся и не бойся за меня. Зная ихъ гнусное намѣреніе, я съумѣю постоять за себя и... за тебя.

— Я васъ...

— Опять *васъ*, Сарра? —нѣжно упрекнулъ Аронъ.

— Я... тебя, братъ, не понимаю.

— И не нужно. Но вотъ что, милая моя Сарра, для моего и... твоего спасенія ты должна мнѣ разсказать все, что ты знаешь о твоемъ вотчимѣ и его сынѣ. Это важно для насъ, Сарра.

— Они дурные люди, Аронъ, очень дурные.

— Это я и безъ тебя знаю, Сарра. Ты не можешь ли сказать мнѣ что-нибудь касательно ихъ дѣлъ?

— Откуда мнѣ это знать?

— Какіе это люди являются сюда по ночамъ? Вчера я отворилъ дверь какимъ-то подозрительнымъ гостямъ. Ихъ, видно, ожидали, потому что на столѣ, въ корчмѣ, была приготовлена и водка и закуска, а на полу была разостлана солома. Не знаешь ли ты, кто они такіе?

— Не знаю, Аронъ. Я часто отворяю имъ дверь поздно ночью. Меня тотчасъ высылаютъ спать. Изъ своей комнаты я цѣлую ночь слышу шумъ, а иногда и пѣсни. Утромъ я ихъ никогда не застаю въ корчмѣ; они до свѣта уходятъ.

— Ты замѣтила между ними сѣдаго еврея съ широкимъ шрамомъ на щекѣ?

— Ахъ, Боже мой, не напоминай мнѣ о немъ, Аронъ, это страшный еврей... О, какъ я боюсь его, когда онъ гладитъ меня по щекѣ.

— Чего же ты его боишься, Сарра?

— Я видѣла, какъ онъ вытащилъ изъ сапога ножъ, большой, такой острый ножъ, и бросился...

— На кого?

— На Шмуля.

— Ну?

— Шмуль схватилъ его за руку и долго боролся.

— А потомъ?

— Зашли какіе-то офицеры.

— Разскажи мнѣ, Сарра, всю эту исторію, какъ ты ее помнишь, съ самаго начала. Постарайся припомнить все хорошенько и разскажи ясно, на сколько можешь.—Аронъ притянулъ Сарру къ себѣ и нѣсколько разъ нѣжно поцѣловалъ.

— Это было мѣсяца три тому назадъ. Шмуля нѣсколько дней не было дома.

— А вотчимъ?

— Былъ дома. Онъ ужасно безпокоился, что Шмуль такъ долго не возвращался.

— Гдѣ же былъ Шмуль?

— Я не знаю гдѣ.

— Ну, продолжай мой другъ.

— Раби Генехъ безпокоился; цѣлыя ночи не спалъ, ходилъ взадъ и впередъ по корчмѣ, злился, не давалъ спать ни матери, ни мнѣ, каждую минуту отворялъ дверь, выходилъ смотрѣть, не ѣдетъ ли Шмуль, и ломалъ руки, повторяя каждый разъ одно и тоже: «Боже мой, не случилось ли какого-нибудь несчастія?»

— Онъ не говорилъ вамъ, какого именно несчастія опасается?

— Нѣтъ, не говорилъ. Одинъ только разъ мама осмѣлилась его объ этомъ спросить.

— Что же онъ отвѣтилъ?

— Онъ послалъ ее къ черту и обозвалъ старой дурой.

— Когда же Шмуль возвратился?

— Онъ возвратился ночью. Какъ теперь помню. Была ужасная ночь. Темнота такая, какой я еще никогда не видѣла. Дождь лилъ какъ изъ ведра, на небѣ гремѣло такъ, что я дрожала отъ страха, а вѣтеръ просто валилъ съ ногъ.

— Ты развѣ не спала?

— Нѣтъ, я спала. Но вотчимъ меня разбудилъ и послалъ отворить ворота. «Стучатъ!»— торопилъ онъ меня, — «вѣрно Шмуль. Бѣги скорѣй!» Я выбѣжала босикомъ и отворила ворота. Вѣтеръ такъ толкнулъ меня, что я чуть не попала подъ колесо телѣги.

— Это былъ Шмуль?

— Да.

— Одинъ?

— Нѣтъ, съ нимъ пріѣхалъ и сѣдой еврей со шрамомъ. На распросы отца Шмуль отвѣчалъ, что все благополучно, но что было очень жарко.

— Какъ *жарко?*

— Не знаю. Такъ онъ сказалъ.

Изъ дальнѣйшихъ односложныхъ отвѣтовъ Сарры, послѣдовавшихъ на постоянно повторявшіеся вопросы Арона, послѣдній, наконецъ, могъ узнать, что Шмуль—который предлагалъ что-то немедленно разрубить и сжечь, но что нельзя было исполнить, такъ какъ это было въ пятницу вечеромъ— въ ея, Сарры, комнатѣ, гдѣ въ ту ночь навалено было множество тюковъ и куда внесена была также длинная палка съ острымъ желѣзнымъ концемъ, не на шутку схватился было съ прибывшимъ съ нимъ страшнымъ для Сарры евреемъ, который хотѣлъ ударить Шмуля ножемъ по лицу.

Тутъ разсказъ былъ прерванъ сильнымъ ударомъ въ наружную дверь корчмы.

Сарра вырвалась изъ объятій Арона и выбѣжала. Раздался строгій голосъ раби Генеха.

— Сарра, отворяешь-ли ты, или нѣтъ?—Черезъ нѣсколько минутъ по корридору, мимо дверей Арона, прошелъ кто-то тяжелыми, торопливыми шагами. Затѣмъ все затихло по прежнему.

Аронъ зажегъ сальный огарокъ, всталъ и на скоро одѣлся. До свѣта еще было очень далеко. Аронъ отворилъ сундукъ, долго перекладывалъ свои убогія пожитки и досталъ какія-то бумаги. Одну изъ нихъ онъ тщательно завязалъ въ поясъ и обвилъ его вокругъ своего тѣла. Затѣмъ онъ сѣлъ и сталъ читать и перечитывать другую какую-то бумагу. На его блѣдномъ лицѣ, отуманенномъ тяжелою думою, ясно выражалась рѣшимость. Когда Сарра вернулась и сообщила ему, что это пріѣхалъ Шмуль, Аронъ опять сталъ ее допрашивать.

— Старикъ-еврей, со шрамомъ, готовился уже пустить ножъ въ ходъ—продолжала Сарра свой разсказъ—какъ вдругъ раздался страшный трескъ въ корчмѣ. Вотчимъ всплеснулъ руками и крикнулъ: «идутъ!» Это такъ подѣйствовало на старика, что онъ швырнулъ ножъ и выбѣжалъ въ корридоръ, безъ шапки. Онъ пробѣжалъ мимо насъ прямо въ кухню.

— Ну, а вотчимъ и Шмуль?

— Они оба дрожали, бѣгали и суетились по комнатѣ. Шмуль схватилъ два тяжелыхъ тюка и длинную палку съ желѣзнымъ концомъ и выбѣжалъ въ корридоръ. Мы съ матерью убѣжали въ этотъ чуланчикъ и спрятались, сами не зная для чего. Въ ту же минуту по корридору раздался крикъ: «держи! лови!» Произошла короткая борьба и затѣмъ все затихло.

— Что-же это было такое, Сарра?

— Добрые полчаса я съ матерью стояла, обнявшись и прижавшись въ уголкѣ, и чуть дышала отъ страха. Я думала, что на насъ напали разбойники и всѣхъ уже перерѣзали. Я хотѣла тихонько пробраться въ кухню, а оттуда выскочить въ окно на улицу и закричать караулъ. Я пробралась на цыпочкахъ въ корридоръ, гдѣ никого не было. Дверь моей комнаты была не совсѣмъ заперта. Тамъ виднѣлся свѣтъ и слышался негромкій говоръ. Въ корчмѣ слышался топотъ многихъ людей, а на обоихъ концахъ корридора слышался какъ будто стукъ солдатскихъ ружьевъ. Я тихонько, цѣпляясь за стѣну, пробралась къ двери, гдѣ виденъ былъ свѣтъ, и посмотрѣла въ щелку.

— И что-же?

— У стола сидѣлъ какой-то толстый, красный, плѣшивый офицеръ въ эполетахъ. У конца стола писалъ какой-то господинъ. Два другихъ господина, держали подъ руки вотчима и Шмуля. Офицеръ въ эполетахъ что-то ихъ строго распрашивалъ. Вотчимъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ, а Шмуль въ чемъ-то отпирался.

— Не помнишь-ли ты, въ чемъ онъ именно отпирался?

— Нѣтъ. Говорили о какомъ-то казакѣ, о шелкахъ. Я ничего не помню, да и мало понимаю по-солдатски... Офицеръ поднялся и велѣлъ позвать солдатъ. Въ это время вотчимъ и Шмуль бросились предъ нимъ на колѣни и цѣловали ему руки и ноги. Они ему что-то говорили, просили и плакали, а онъ ихъ отталкивалъ и слушать не хотѣлъ. Это продолжалось очень долго. Наконецъ, офицеръ показалъ вотчиму десять пальцевъ, хлопнувъ его по головѣ такъ, что ермолка свалилась, и захохоталъ. Съ нимъ вмѣстѣ захохотали и прочіе господа. Вотчимъ опять что-то просилъ и горько плакалъ. Они всѣ смѣялись.

— А Шмуль?

— Шмуль стоялъ на колѣняхъ и молчалъ. Я слышала только, что онъ тихонько шепнулъ вотчиму по-еврейски: «дай имъ. Пусть подавятся». Вотчимъ всталъ вытеръ глаза и досталъ изъ кармана бумажки, цѣлую кучу бумажекъ. Офицеръ подошелъ къ двери и плотно затворилъ ее. Ничего не стало видно. Я прокралась назадъ къ матери, которая лежала на постели, и начала ей разсказывать, что я видѣла, но она ни-

чего не отвѣчала. Я подумала сначала, что она спитъ и стала ее будить. Она не шевелилась. Мнѣ показалось, что она умерла и я закричала. Вбѣжалъ вотчимъ со свѣчей въ рукѣ, блѣдный, безъ ермолки на головѣ. «Что тутъ такое»? спросилъ онъ. Я плакала и ломала руки. «Мать умерла!» вскричала я. Онъ подбѣжалъ и освѣтилъ лицо матери. Оно было желто, какъ воскъ. Онъ сильно толкнулъ мать ногою. Она пошевельнулась. «Чортъ ее не взялъ»—проговорилъ онъ сквозь зубы и потащилъ меня за руку въ корридоръ. «Помоги вытаскивать тюки на телѣгу. Живѣе!»—приказалъ онъ, указавъ на тюки, лежавшіе въ моей комнатѣ. Я съ нимъ долго вытаскивала эти тюки въ сѣни и укладывала въ телѣгу, а Шмуль торопливо запрягалъ лошадь. Когда все было уложено, Шмуль уѣхалъ и возвратился только на другой день вечеромъ.

— Куда дѣвалась эта длинная палка съ желѣзомъ на концѣ, о которой ты говорила мнѣ, помнишь?

— Палка осталась тутъ. Когда Шмуль уѣхалъ, вотчимъ взялъ топоръ, разрубилъ ее на кусочки и бросилъ въ печь, а желѣзо вынесъ куда-то на дворъ. Я удивилась, что онъ рубитъ въ субботу, но спросить его не смѣла.

— Мнѣ теперь ясно все, Сарра.

— Что такое?

— Въ другое время я тебѣ все объясню. Теперь ты мнѣ скажи еще, не нашла-ли ты чего-нибудь послѣ въ твоей комнатѣ?

— Нѣтъ, ничего. Мы все вынесли и уложили на телѣгу.

— Неужели ты ничего не нашла въ твоей комнатѣ?

— Ничего, кромѣ нѣсколькихъ шворокъ и ножа, которымъ старикъ грозилъ Шмулю, да какой-то бумаги.

— Что-же ты сдѣлала съ этой бумагой?

— Я, кажется, бросила ее куда-то, не помню уже куда.

Начало разсвѣтать. Сарра заторопилась.

— Ахъ, Боже мой, скоро день на дворѣ. Итакъ, милый Аронъ, братъ мой дорогой, какъ рѣшилъ ты?

— Я остаюсь, Сарра. Я остался бы даже тогда, когда-бы мнѣ угрожала большая опасность, а тѣмъ болѣе теперь, когда я ничего и никого не боюсь. Ты, мой другъ, спасла меня отъ большаго несчастія. О, какъ станетъ благословлять тебя моя бѣдная, бѣдная мать, когда я ей разскажу все.

Сарра нѣжно обняла Арона

— Что-жъ, я поступила какъ сестра. Вѣдь ты мой братъ, Аронъ? Да? Скажи-же, отвѣчай.

Нѣтъ, Сарра, я люблю тебя больше сестры, больше матери даже; я готовъ для тебя пожертвовать всѣмъ, всѣмъ: жизнью, душою... А ты, Сарра?

— Я... Сарра истерически зарыдала.

— Не плачь, Сарра. Твои слезы надрываютъ мнѣ сердце. Я тебя понимаю и безъ словъ. Вѣдь ты меня любишь? Да?

— Что изъ этого, Аронъ?

— Сарра, скажи мнѣ откровенно, прямо: ты бы согласилась быть моей женою?

— Аронъ, зачѣмъ ты это спрашиваешь?

— Отвѣчай, Сарра, я это требую.

— Развѣ можно больше любить кого-нибудь, какъ я люблю тебя?

— Хочешь быть моей женою? отвѣчай Сарра.

— О, да, да. Но развѣ Шмуль выпуститъ меня изъ своихъ лапъ? А мать, бѣдная мать, что съ ней будетъ.

— Съ помощью Всевышняго все можетъ устроиться къ лучшему.

— Ты самъ такой бѣдный; куда тебѣ еще возиться со мною, съ новою обузою.

— Это уже мое дѣло, Сарра, моя жизнь, мое счастье. Ты должна мнѣ слѣпо довѣриться и... повиноваться. Будешь?

— О, да, Аронъ. Кому-же я больше могу довѣриться, какъ не тебѣ. А повиноваться я привыкла даже извергу, Шмулю. Ты видѣлъ.

— Благодарю, душа моя. Теперь, Сарра, поклянись ты

мнѣ именемъ Всемогущаго, что, что бы ни случилось, ты останешься мнѣ вѣрною и не измѣнишь своему намѣренію быть моей на вѣки.

— Клянусь тебѣ, Аронъ, и Богомъ и жизнью моей матери, которую, послѣ тебя, люблю больше всего на свѣтѣ; клянусь тебѣ, что одна только могила отниметъ меня у тебя. Я послѣдую за тобою всюду: въ Сибирь, въ каторгу, даже въ самый адъ.

— Теперь, Сарра, поцѣлуй меня, какъ будущая жена, поцѣлуй смѣло, не стыдясь, и иди съ Богомъ. Ко мнѣ больше не приходи, пока я тебѣ какъ-нибудь не шепну. Старайся быть ласковой съ вотчимомъ и Шмулемъ, а на меня при нихъ остерегайся даже и смотрѣть. Иди, Богъ съ тобою.

Долго Сарра не могла оторваться отъ своего жениха, отъ своего будущаго, обожаемаго супруга. Она его страстно цѣловала, ласкала, обнимала, смѣялась и въ тоже время плакала. Вся нѣжность, вся любовь, накопившаяся въ этой пылкой, жгучей, любящей натурѣ, хлынула разомъ, какъ потокъ, разорвавшій свою плотину, какъ кипучая лава, внезапнымъ, гигантскимъ напоромъ прорвавшая земную кору. Отъ первой ласки обожаемаго человѣка растаялъ сразу тотъ искусственный ледъ, въ которомъ такъ долго сохранялось это неиспорченное сердце. Такъ таетъ горный, чистый снѣгъ, отъ первыхъ лучей ласкающаго весенняго солнца.

Разсвѣло совсѣмъ. Снѣгъ валилъ огромными хлопьями. Маленькое окошечко примерзло и залѣпилось бѣлой массой. Въ чуланѣ было мрачно, холодно и сыро, но на сердцѣ счастливаго Арона было свѣтло, ясно и празднично. Его глаза свѣтились гордостью, его губы улыбались счастіемъ. Въ такомъ видѣ засталъ его раби Генехъ, явившійся къ нему съ утреннимъ визитомъ, съ неизмѣнной трубочкою во рту и въ кафтанѣ на распашку.

— Съ добрымъ утромъ, сынъ мой, съ добрымъ утромъ. Какъ спалось? Чертовски холодно. Ишь какъ на дворѣ валитъ. А ты еще пѣшкомъ вздумалъ было прогуляться до К. Шутка-ли, двѣсти верстъ въ такую погоду! Замерзъ-бы ты, непремѣнно замерзъ-бы.

— Спасибо вамъ, раби Генехъ. Я вижу теперь, что вы спасли меня отъ смерти.

— Еще-бы!

— Богъ вознаградитъ васъ.

— Я увѣренъ, что вознаградитъ. «Кто спасетъ хоть одну израильскую душу, тому вмѣняется въ заслугу, какъ будто онъ спасъ цѣлый Божій міръ»,—процитировалъ раби Генехъ изъ Талмуда.

— А! вы, какъ вижу, талмудистъ?

— Маракуемъ кое-какъ. Я уже давно собираюсь бросить всѣ мірскія дѣла и отдаться цѣликомъ Еговѣ и его Торѣ, да вотъ никакъ не соберусь. Дѣла плохія, времена трудныя. О, тяжкіе грѣхи наши!

Корчмарь набожно подпялъ глаза къ потолку; но оттуда что-то упало и прямо попало ему въ глазъ. Онъ ухватился за глазъ и совсѣмъ не набожно ругнулъ.

— Эта сволочь, эта дармоѣдъ-дѣвка, не смететъ пыли. Ишь какія стѣны, сколько паутины! Я ужасно боюсь пауковъ.

— Чего ихъ бояться? Они безвредны. А вотъ люди-пауки, эти—страшны: они такъ и наровятъ захватить въ свои подлыя сѣти бѣдную, слабую муху и высосать ея кровь. Вотъ этихъ-то бояться совѣтую.

— Что и говорить! Всякіе гады между людьми бываютъ. Отъ нихъ и не убережешься. Велико терпѣніе Божіе! Грѣхи, все грѣхи!

— Но иногда эти люди-пауки попадаютъ въ собственныя сѣти; иногда роющіе яму на погибель своего ближняго, сами...

— Впрочемъ, какъ здѣсь холодно! Ты не прозябъ, братъ мой?

— Какъ видите, раби Генехъ!

— Молодая кровь грѣетъ. И то сказать, Богъ даетъ хо-

лодъ каждому, сообразно его скудной одеждѣ. Ахъ, да. Я было и позабылъ въ пріятной бесѣдѣ съ тобою, мой дорогой Аронушка, зачѣмъ я собственно пришелъ къ тебѣ.

— Скажите, раби Генехъ.

— Сегодня въ корчмѣ будетъ пропасть народа. Моя бѣдная Рахиль не управится. Не будешь ли ты такъ...

— Помочь ей за стойкой? Съ большимъ удовольствіемъ. Я сейчасъ...

— Нѣтъ, зачѣмъ-же? Прежде умойся, помолись и напейся со мною чаю, а потомъ уже... Теперь слишкомъ рано еще. Я жду тебя съ чаемъ, Аронушка.

Корчмарь ушелъ, благодушно улыбаясь,

— Цвіякъ (ханжа)!—процѣдилъ сквозь зубы Аронъ и пошелъ въ кухню. Сарры тамъ не было.

Аронъ напился чаю съ раби Генехомъ и Шмулемъ, который былъ, съ своей стороны, необыкновенно любезенъ съ гостемъ. Корчмарь обнялъ Арона и сказалъ, улыбаясь:

— Теперь, мой милый, — за работу. Какъ будетъ тебѣ благодарна моя добрая Рахиль! Ты, пожалуйста, не оставляй ее ни на минуту. Когда толпа гуляетъ, то всякая минута дорога.

— Будьте покойны, мой добрый хозяинъ—отвѣтилъ Аронъ и вышелъ. Корчмарь лукаво глянулъ на Шмуля и мигнулъ лѣвымъ глазомъ. Послѣдній залился смѣхомъ.

— Ну, хитеръ-же ты, отецъ, чудо какъ хитеръ! промаха не дашь, право.

— «Сила одна недостаточна на войнѣ», сказалъ нашъ великій пророкъ; нужны и умъ, и хитрость, и...

— Ну, не говори ты этого; сила—главное.

— А что подѣлаешь ты съ силою, когда наткнешься на большую силу?

— А что подѣлаешь ты съ хитростью, когда наткнешься на большую хитрость?

— Это конечно... Но все-таки хитрость всегда побѣдить силу.

— Увидѣлъ бы я, какъ побѣдилъ бы ты съ твоей хитростью того проклятаго козака... съ длинною пикою въ лапѣ?

— А ты, Шмуль, съ твоими желѣзными кулачищами побѣдилъ-бы капитанъ-исправника, какъ ты думаешь?

— Будь онъ проклятъ. Онъ насъ тогда ограбилъ порядкомъ. Шутка-ли, ему одному тысяча, а прочимъ собакамъ?

— О-охъ, охъ, что и говорить, трудная была минута, отдать столько денегъ, разомъ, за одного издохшаго пьяницу и за нѣсколько тюковъ дряни, на которой мы почти ничего не заработали. Но слава Богу, что хоть этимъ отдѣлались. Вѣдь эта шутка пахла, чѣмъ ты думаешь?

— Знаю чѣмъ. Пришлось бы соболей ловить.

— Соболей? Это бы еще ничего. А кнутище? А проклятая черная телѣга? А клеймо? Гвозди въ лобъ, гвозди въ щеку... Брррр! Морозъ по кожѣ подираетъ и волосы дыбомъ становятся, когда припомню эти ужасы.

Отецъ и сынъ призадумались. Чрезъ нѣсколько минутъ отецъ встряхнулъ всѣмъ тѣломъ. Онъ, видимо, отгонялъ непріятныя воспоминанія.

— Шмуль, когда онъ пріѣдетъ?

— Сказывалъ, сегодня непремѣнно.

— Хотѣлось-бы поскорѣе покончить съ этой исторіей и получить тысяченку. А дастъ, не надуетъ?

— Еще въ ноги поклонится. Онъ слишкомъ любитъ сына, чтобы поскупиться тысяченкой какой-нибудь.

— Ну, ладно. Покроемъ, по крайней мѣрѣ, хоть ту тысячу исправника.

— Надѣюсь.

— Такъ не зѣвай же, сдѣлай что нужно.

Шмуль молча кивнулъ головою и вышелъ.

Аронъ усердно помогалъ Рахили за стойкою. Толпа была необыкновенно велика, но съ помощью проворнаго и дѣя-

тельнаго помощника стойка мгновенно удовлетворяла публику. Ни брани, ни ропота не слышно было. Въ ту минуту, когда Аронъ перегнулся чрезъ стойку, чтобы подать кому-то посудину съ водкой, Сарра подбѣжала къ нему, блѣдная и трепещущая.

— Аронъ,—шепнула она ему быстро, озираясь кругомъ.

— Что, Сарра?

— Шмуль въ твоей комнатѣ. Онъ роется въ твоемъ сундукѣ. Я собственными глазами видѣла. Бѣги скорѣе туда.

— Пусть. Иди, милая. Не пугайся ничего.

Къ обѣденной порѣ корчма опустѣла. Раби Генехъ зашелъ за стойку, горячо поблагодарилъ своего молодаго друга—онъ уже пожаловалъ его въ друзья—за его усердный и полезный трудъ и позвалъ *щелкать зубами*. Рахили же онъ приказалъ остаться за стойкой, на всякій случай.

Только что сѣли за столъ, только что раби Генехъ окончилъ свою короткую молитву и принялся за ложку, какъ вбѣжала Рахиль, ужасно встревоженная.

— Генехъ, сюда идетъ капитанъ-исправникъ.

— Что такъ испугалась, дура, пусть идетъ; эка важность!— Корчмарь и Шмуль равнодушно хлебали. Аронъ посмотрѣлъ на Сарру. Она тяжело дышала, губы ея посинѣли, и она едва держалась на ногахъ. Онъ ей чуть замѣтно улыбнулся и принялся тоже за похлебку.

Вошелъ капитанъ-исправникъ. Онъ не снялъ своей военной фуражки. Съ сигарой во рту онъ подошелъ прямо къ столу. Раби Генехъ и Шмуль, какъ будто пораженные неожиданнымъ появленіемъ великой власти, вскочили на ноги, какъ опаренные, и поклонились до земли.

— Здорово, Генька!—пробасилъ начальникъ и отвѣсилъ хозяину тяжелый ударъ кулакомъ по спинѣ. Корчмарь, повидимому, принялъ эту фамильярность за знакъ благоволенія начальства и прильнулъ губами къ локтю исправника.

— А ты, быкъ рогатый, что подѣлываешь?—удостоилъ онъ

Шмуля. Шмуль подобострастно поцѣловалъ начальническую руку.

— А, красотка—обратился онъ и къ Саррѣ, грубо схвативъ ее за подбородокъ—что дичишься, а? Я страшный? На моей головѣ нѣтъ засмальцованной ермолки, такъ и полюбить-думаешь, грѣхъ? А вкусный персикъ! Въ первый разъ вижу. Твоя, что-ли Генька?

— Моя, яснѣвельможній...

— Ишь, собака, какую штучку смастерилъ. Ха, ха, ха. Что-жъ такъ дико смотришь, пташка? Ай, боишься меня? Ничего, я жидовъ душу—о, я жидоморъ!—но къ жидовочкамъ я ласковъ; ой, ой, какъ ласковъ! Ну, поцѣлуй же меня, Хайка, Лейка, или какъ тамъ тебя?

— Сурка, яснѣвельможній пани.—Сурка, поцѣлуй же пана пулковника. Ничего, можно. Царя можно, Сурка. Это служитель царскій. Цѣлуй, не грѣхъ.

Но Сурка не двинулась съ мѣста. Капитанъ снизошелъ до того, что самъ подошелъ къ дѣвушкѣ и, безъ всякихъ церемоній, чмокнулъ ее въ губы. Сарра выбѣжала было, но скоро возвратилась. Она, ни жива, ни мертва, слѣдила за всѣми движеніями Арона. При появленіи исправника, Аронъ всталъ наравнѣ со своими хозяевами и поклонился, но затѣмъ опять сѣлъ на свое мѣсто и продолжалъ ѣду, посматривая на исправника искоса. Онъ мысленно сравнивалъ наружность этой личности съ портретомъ офицера, героя извѣстной ночи, по тѣмъ немногимъ и неопредѣленнымъ штрихамъ, которыми нарисовала его Сарра. Да—подумалъ Аронъ—это онъ, тотъ самый, толстый, красный, плѣшивый, въ военной формѣ, и съ виду—подлецъ. При томъ, эта фамильярность рождается у заносчиваго чиновника только послѣ жирной взятки. Хозяева лакейничаютъ. Они чувствуютъ тоже самое, что чувствуетъ провинившаяся собака, при видѣ строгаго хозяина и доброй плети. Да, это онъ—рѣшилъ Аронъ и продолжалъ хлебать. Исправникъ его замѣтилъ.

— А это что у васъ за новая жидовская рожица?

— Это, пани пулковнику, чужой, бѣдный еврей, проходящій. Мы его нашли на дорогѣ, чуть не замерзшимъ и голоднымъ. Какъ нашъ праотецъ, Абрагамъ...

— Убирайся ты къ чорту, Генька, со всѣми твоими праотцами конокрадами.

Генькѣ не суждено было блеснуть своей ученостью и своимъ примѣрнымъ гостепріимствомъ. Онъ прикусилъ языкъ.

— Ты, невѣжа, вѣрно цѣлый годъ постился въ какой нибудь жидовской школѣ, что жрешь при начальникѣ, а? Откудова?

— Я, ваше благор...

— Врешь, дуракъ, высокородіе.

— Изъ К—ой губерніи, ваше высокородіе, изъ города П.

— Колонистъ, песъ, или что ты такое?

— Мѣщанинъ.

— А черное по бѣлому имѣешь, а?

— Билетъ?

— А ты о чемъ думалъ, я спрашиваю?—объ этихъ черныхъ болячкахъ вашихъ, которые всѣ вы накладываете на голову и харамаркаете? Ге... Гм... ой... вай?

Исправникъ качался на стулѣ, кивалъ головой и страшно гримасничалъ, въ полномъ убѣжденіи, что онъ артистически подражаетъ еврейскимъ молитвеннымъ пріемамъ. Корчмарь и его сынъ нашли необходимымъ покатиться со смѣха, въ знакъ своего апплодисмента комическому таланту начальства. Аронъ молчалъ и серьезно смотрѣлъ въ глаза исправнику.

— Что вытаращилъ глаза? Имѣешь билетъ, а?

— Имѣю.

— Потрудись-ка, голубчикъ, подать его на наше благоусмотрѣніе.

Аронъ всталъ, чтобы пойти въ свой чуланъ.

— Ты куда?

— Мой билетъ—тамъ... въ сундукѣ. Я иду его достать.

— Быкъ рогатый—приказалъ исправникъ Шмулю—иди за нимъ, чтобы онъ какъ нибудь не улизнулъ. Ты мнѣ за него отвѣтишь твоими боками.

Шмуль пошелъ за Арономъ.

— Что это за разбойникъ, этотъ исправникъ—замѣтилъ онъ тихонько Арону. Настоящій Хмѣльницкій, Гонта! Будь онъ трижды проклятъ, этотъ кровопійца!

Аронъ долго, очень долго рылся въ сундукѣ, перебрасывалъ свои вещи, шарилъ въ карманахъ, выворачивалъ ихъ и поднялся встревоженный и разстроенный.

— Боже мой, Шмуль, моего паспорта нѣтъ. Я вчера его тутъ видѣлъ, держалъ въ рукахъ, а теперь его нѣтъ. Меня обокрали. Я погибъ. Аронъ заломалъ руки въ отчаяніи. Шмуль старался скорчить сочувственную рожу, но ему это никакъ не удавалось. Онъ ковырялъ въ носу.

— Шмуль, другъ мой, братъ мой, что мнѣ теперь дѣлать?

— Замокъ былъ цѣлъ?

— Да. Я его только-что отперъ ключемъ.

— А ключь гдѣ-же былъ?

— У меня.

— Такъ какъ-же могъ кто нибудь взять изъ сундука? Ищи, вѣроятно подъ вещами.

Аронъ опять сталъ рыться въ сундукѣ. Онъ вынулъ оттуда всѣ вещи, вытряхивалъ ихъ по одиночкѣ, но паспортъ все-таки не отыскивался.

— Нѣтъ его. Боже мой, что теперь мнѣ дѣлать!

— Если нѣтъ, то значитъ и прежде его не было. Ты вралъ. А мы еще повѣрили тебѣ, какъ честному еврею. Теперь и намъ придется отдуваться за передержательство бродяги. Вотъ тебѣ и благодарность. Нажрется, налопается на чужой счетъ, а потомъ за него еще изволь отвѣчать. Этихъ проходящихъ какъ собакъ гнать надо. Пусть издыхаютъ на дорогѣ.

— Шмуль, братъ, спаси меня!

— А что могу я сдѣлать?

— Дай мнѣ убѣжать.

— Что?! Убѣжать? А я за тебя, бродягу, въ острогъ отправляйся, въ Сибирь? А чертъ тебя знаетъ, кто ты такой: можетъ воръ, можетъ дезертиръ какой?

— Шмуль, ты еврей, ты—братъ мнѣ по вѣрѣ, по націи, по Богу. Посмотри ты на меня такъ, какъ Богъ изъ небесъ смотритъ на насъ обоихъ въ эту минуту. Похожъ-ли я на вора, на плута, на бѣглаго солдата? Ты видишь самъ, что меня обокрали, безбожно, безчеловѣчно обокрали. У меня отняли честь, жизнь, свободу; отняли единственныя руки, посвятившія себя вѣчному труду для прокормленія одинокой, больной, несчастной моей матери. Спаси меня; смотри, я на колѣняхъ умоляю тебя!

— Я тебя, распроканалію, не только на колѣнки, но и на всѣ четыре лапы поставлю—загремѣлъ капитанъ-исправникъ, появившійся внезапно въ дверяхъ, въ сопровожденіи корчмаря. Лицо начальства имѣло грозное, юпитеровское выраженіе: круглые, выпученные глаза горѣли яростью разсвирепѣвшаго быка, по лбу струился потъ, а длани сложились въ кулаки. Онъ съ размаха такъ хватилъ Арона ногой, что тотъ повалился на земь, но тотчасъ опять вскочилъ на ноги. Лицо ханжи раби Генеха было, повидимому, сокрушено и опечалено. Сквозь отворенную дверь въ корридорѣ виднѣлись блѣдныя лица Рахили и Сарры. Женщины плакали навзрыдъ, вытирая обильныя слезы передниками.

— Паспортъ, анаѳема!—лаконически закричалъ исправникъ, грозно наступая на безпомощнаго еврея.

— Ваше высокородіе—отвѣтилъ сурово и твердо Аронъ: — ваше высокородіе, паспортъ мой вчера еще лежалъ между моими вещами, здѣсь, въ сундукѣ. Я его собственными глазами вчера видѣлъ и въ рукахъ держалъ, а теперь его не стало. Его, какъ видно, украли.

— Украли... потерялъ... нечаянно разорвалъ—знаемъ мы эти отговорки. Не впервые, слава Богу, возиться съ такими бродягами, какъ ты, голубчикъ. Взять его! Шмуль, веревки!

— Господинъ исправникъ, сдѣлайте со мною что хотите. Это ваша обязанность.

— Такъ ты, жидовская морда, еще смѣешь указывать мнѣ мои обязанности?! Я тебя...

— Не извольте гнѣваться, ваше высокородіе. Я хотѣлъ только сказать, что вы, конечно, не можете мнѣ вѣрить на слово. Посадите-же меня куда хотите, закуйте меня въ цѣпи, но не осуждайте какъ бродягу, пока не наведете справокъ въ П—ой думѣ: выданъ-ли мнѣ мѣщанскій годичный паспортъ мѣсяцъ тому назадъ, или нѣтъ. Если нѣтъ — тогда дѣлайте со мной, что законъ велитъ.

— И безъ тебя, свиньи, знаемъ, что законъ велитъ. Если собирать справки обо всѣхъ іорникахъ тебѣ подобныхъ, то умрешь, не покончивши дѣла. А посадить тебя я готовъ, даже на колъ. Это, по моему, было-бы и правосуднѣе и короче, чѣмъ возиться и отписываться за каждую сволочь.

Видя неумолимость исправника и полнѣйшее равнодушіе Шмуля, продолжавшаго ковырять въ носу, Аронъ обратился къ раби Генеху.

— Раби Генехъ, хозяинъ, вы честный, набожный еврей, неужели вы не спасете меня?

— О, охъ, сынъ мой! Что могу я сдѣлать, червякъ я ничтожный!

— Поручитесь за меня, пока я не получу изъ думы новый паспортъ. Я батракомъ у васъ служить буду, я вѣчно буду считать себя вашимъ слугой, вашимъ преданнымъ слугой. Спасите меня, да вознаградитъ васъ Богъ. Вы сами сказали: «кто спасаетъ одну израильскую душу...»

— Нѣтъ, Аронъ, мой дорогой братъ, я за роднаго сына не поручусь, а тѣмъ болѣе за чужаго, незнакомаго мнѣ человѣка. Что не могу, то не могу. Не взыщи.

— Полно вамъ врать—рѣшилъ начальникъ и взялъ Арона

заворотъ, пойдемъ-ка со мною прогуляться. Только чуръ не вырываться, а то я тебя сразу укокошу, какъ бѣшенную собаку.

— Ваше высокородіе—пролепеталъ Аронъ—я имѣю нѣсколько денегъ... правда не много... всѣ вамъ...

— Какъ! Что? Взятку? Ахъ ты распроанаѳема! — и онъ такъ рванулъ арестанта, что одинъ лацканъ остался въ рукѣ обиженной власти. Онъ потащилъ за собою Арона въ корридоръ.

— Я и тебя, бездѣльника—обратился исправникъ къ раби Генеху—подъ судъ отдамъ за передержательство бродягъ. Ты давно уже въ моихъ лапахъ не бывалъ. Знаешь только кланяться и чмокать куда ни попало, а почтенія истиннаго къ начальству въ тебѣ, ехидна, ни-ни, ни на столько. Исправникъ показалъ конецъ жирнаго мизинца.

— Ваше высокородіе, я не передерживаю бродягъ. Этотъ мой пойманникъ. Шмуль самъ вамъ донесъ о немъ; за что-же изволите гнѣваться?

— Хорошо, хорошо. Я уже тамъ васъ разберу.

Раби Генехъ приблизилъ свои губы къ уху начальника и что-то шепнулъ съ подобострастнымъ видомъ.

— Ой ли, мошенникъ?—игриво спросилъ капитанъ-исправникъ.

— Видитъ Богъ...

— Не клянись, олухъ. Вашъ братъ, чѣмъ больше клянется, тѣмъ больше вретъ. И безъ божбы исполнишь ты у меня, хоть треснешь.

— Пани пулковнику. Аронъ мой пойманникъ, зачѣмъ же его брать? Завтра у насъ суббота. Не вводите меня въ тяжкій грѣхъ. Пусть онъ прогоститъ у меня субботу. Въ воскресенье, рапенько, я его представлю вашему высокородію и сдамъ по закону.

— А до того удеретъ. Потомъ ищи вѣтра въ полѣ.

— *Мой пойманникъ* не убѣжитъ. Это мой интересъ.

— Давай подписку.

Черезъ четверть часа подписка по всей формѣ была написана исправникомъ и подписана корчмаремъ, еврейскими каракульками. Начальство величественно уплыло, ни съ кѣмъ не простившись.

— Аронъ, братъ, видитъ Богъ, я сдѣлалъ для тебя все, что могъ.

— Скажите лучше, раби Генехъ, для себя, для своего кармана.

— Глупенькій же ты! развѣ ты не понялъ, для какой цѣли я назвалъ тебя моимъ пойманникомъ?

— Какъ не понять? Для того, чтобы сдать меня въ рекруты, получить квитанцію и выгодно ее продать.

— Нѣтъ, другъ ты мой сердечный, не для того.

— А для чего же?

— Для того, чтобы избавить тебя отъ ямы.

— Вы же дали подписку представить меня?

— На воскресенье, но не на субботу, на нашу святую субботу.

— Великое счастіе, одною субботою больше или меньше въ солдатскихъ рукахъ!

— Не богохульствуй-же, молодой человѣкъ. На все воля Всевышняго. Онъ повелѣлъ, значитъ—тому и быть.

— Что же вы намѣрены со мною дѣлать?

— Угощать какъ гостя дорогаго и провести день субботній въ мирѣ, благочестіи и весельи.

— А потомъ?

— Ну, а потомъ—Тотъ, кто спасъ Іону отъ морскаго кита, Даніила отъ пасти львинной и израильтянъ отъ озлобленія Гамана, Тотъ да спасетъ и тебя, сынъ мой!

— И на томъ спасибо, раби Генехъ.

Пока корчмарь разглагольствовалъ съ своимъ плѣннымъ, а Шмуль барабанилъ по окну, Рахиль и Сарра горячо шептались въ корридорѣ. Щеки Сарры пылали, глаза горѣли, даже отжившее, поблекшее лицо Рахили озарилось какимъ-то

необыкновеннымъ свѣтомъ. Какъ будто сговорившись, онѣ вмѣстѣ вбѣжали въ комнату, ухватились за руки раби Генеха и наперерывъ начали ихъ цѣловать.

— Мужъ мой, Генехъ...

— Вотчимъ, дорогой вотчимъ...

— Что вы, взбѣленились, что-ли? удивился корчмарь.

— Генехъ, не грѣши, не принимай новыхъ преступленій на твою душу.

— Вонъ старая карга! Проповѣдывать вздумала, дура.

— Ай, Генехъ, берегись! Богъ накажетъ тебя за все, за все, что ты...

Сильный ударъ ногою повалилъ несчастную на полъ.

— Зловѣщій воронъ, перестанешь-ли ты каркать?

— Вотчимъ, возопила Сарра, бейте-же и меня, какъ вы бьете мою мать. Я тоже вамъ скажу: вы поступаете какъ разбойники въ лѣсу. За что вы губите человѣка? У него мать. Онъ...

Шмуль не далъ ей кончить. Лицо его побагровѣло, глаза налились кровью; онъ страшно заскрежеталъ своими волчьими зубами и грубо потащилъ дѣвушку къ двери.

— Такъ и ты, шлюха, за этого бродягу? Такъ вотъ какіе были у васъ разговоры тамъ, на кухнѣ? Постой-же развратница, я съ тобою расправлюсь.

Взбѣшенный Шмуль безчеловѣчно сжалъ слабую руку дѣвушки какъ въ желѣзныхъ тискахъ и немилосердно ломалъ ее. Сарра неистово закричала Ея болѣзненный крикъ раздался по всему дому. Аронъ однимъ прыжкомъ очутился возлѣ нея и однимъ сильнымъ ударомъ кулака по рукѣ Шмуля освободилъ его жертву отъ страшной пытки.

— Негодяй, братопродавецъ, Каинъ! я распорю твое бычачье брюхо, если ты осмѣлишься дотронуться до этого ангела, попавшаго въ твои демонскіе когти.

Шмуль, съ поднятыми кулаками, съ пѣною у рта, бросился на Арона.

— Я изувѣчу тебя, соблазнитель, распутникъ!

Аронъ сложилъ руки на груди и съ презрительной улыбкой смотрѣлъ смѣло въ глаза своему свирѣпому противнику.

Изувѣчь, изуродуй меня, скотина! Въ рекруты окажусь негоднымъ, а ты денегъ за мою душу не получишь. Бей-же, чего смотришь, разбойникъ?

Капитальная эта угроза подѣйствовала и на дикаго Шмуля, и на сладкаго раби Генеха. Шмуль опустилъ руки и вышелъ вонъ, а раби Генехъ старался ублажить Арона.

— Другъ, зачѣмъ ссориться? зачѣмъ драки заводить? Проживемъ лучше въ дружбѣ и братствѣ день субботній, а тамъ, что Богъ дастъ; Его святая воля. Онъ взялъ Арона за руку и повлекъ къ себѣ въ комнату.

— Аронъ, я далъ за тебя подписку; я за тебя отвѣчаю; я долженъ тебя беречь. Не пытайся убѣжать—это будетъ напрасный трудъ.

— Будьте покойны, раби Генехъ. Куда я убѣгу? Безпаспортнаго, меня на каждомъ шагу схватятъ, и будетъ тоже самое, что и теперь. Зачѣмъ же я напрасно стану подвергаться и холоду, и голоду?

— Вотъ, что называется, умно сказано. До воскресенья ты мой гость дорогой. Все, чего потребуешь, доставлю, даже птичьяго молока... хи, хи, хи!

Аронъ, убитый, усталый, прилегъ на трехъ толстыхъ пуховикахъ раби Генеха и закрылъ глаза. Сердце его порывалось къ невѣстѣ; онъ отдалъ бы десять лѣтъ жизни за минутное свиданіе съ нею, за одно слово утѣшенія. Но это было невозможно: его не оставляли одного ни на мгновеніе; его аргусы съ него не спускали взоровъ. Для охраненія Арона чередовались между собою отецъ и сынъ. Вплоть до вечера Аронъ упорно молчалъ, не отвѣчая ни словомъ, ни движеніемъ на всѣ ласковые и предупредительные вопросы своихъ тюремщиковъ. Вечеромъ онъ всталъ, вымылъ лицо и руки и

усердно помолился. За субботней трапезой, выпивъ изрядную порцію, онъ видимо оживился и повеселѣлъ.

— Вотъ, что значитъ *субботняя* душа—обрадовался корчмарь:—другой совсѣмъ человѣкъ сталъ; просто любо смотрѣть!

Евреи вѣрятъ, что для субботы Богъ заготовилъ особыя, экстраординарныя души, которыя и командируетъ каждому еврею, съ наступленіемъ ея. По истеченіи-же субботы, душа эта оставляетъ еврея на цѣлую недѣлю, до слѣдующей субботы.

— Вотъ видите, раби Генехъ, всякое горе давитъ только въ началѣ; какъ попривыкнешь къ нему, какъ подумаешь, передумаешь разъ-другой, что положеніе безвыходно, что помочь горю нечѣмъ, такъ и поуспокоишься.

— Умно, другъ мой, сказано. О, я съ первой минуты сказалъ Шмулю: «у этого молодца голова на своемъ мѣстѣ!» Съ такимъ умомъ, какъ твой, съ такими знаніями, ты вездѣ далеко пойдешь.

— Еще бы! Могу, по вашей милости, даже до чина барабанщика добраться.

Раби Генехъ замолкъ.

— А вотъ что, милѣйшій раби Генехъ: я рѣшилъ, если вы меня сдадите въ рекруты, я, первое дѣло, отрекусь отъ еврейской вѣры.

— Для чего, Аронъ?

— Могу дослужиться, по крайней мѣрѣ, до чего-нибудь, а то, евреемъ, далеко не шагнешь.

— Да сохранитъ тебя Богъ, сынъ мой, отъ подобнаго поступка!

— Почему?

— Сто разъ умри, какъ наши мученики, но этого не дѣлай; не отставай отъ своихъ братьевъ.

— Если не ошибаюсь, вы тоже—одинъ изъ моихъ братьевъ?

— О, да, видитъ Богъ, да!

— Ха, ха, ха. Братья родные продали брата Іосифа точно также, какъ вы продасте меня. Но тотъ, по крайней мѣрѣ, попалъ хоть къ Фараону въ министры, а я навѣрно попаду въ деньщики къ какому-нибудь пьяному подпрапорщику.

— Ты все шутишь, Аронъ.

— Какъ видите. Шмуль, зачѣмъ намъ враждовать, братъ? Вѣдь ты тоже—*братъ*, не похуже твоего отца, не правда-ли? Зачѣмъ намъ враждовать? Дѣло сдѣлано, его не воротишь. Дай руку, и выпьемъ вмѣстѣ брудершафтъ.

Шмуль, нехотя, протянулъ руку и скорчилъ гримасу, долженствовавшую, по его мнѣнію, казаться улыбкою. Какъ ни была испорчена эта грубая, дикая натура, она все-таки была еще далека отъ рафинированной, выработанной подлости ханжи Геньки. Шмуля, видимо, грызло что-то внутри, и онъ не могъ смотрѣть прямо въ глаза своей жертвѣ.

Рахиль, послѣ сильнаго ушиба, залегла въ постель, а Сарра за ней ухаживала. Послѣдняя являлась только подавать къ столу и принять, а потомъ исчезала. Она была печальна и убита и боялась поднять глаза на своего обожаемаго Арона, чтобы не зарыдать вслухъ и не возбудить опять ярости и ревности Шмуля.

Ночь Аронъ провелъ на постели раби Генеха. Въ одной комнатѣ съ нимъ, около самой его постели, улеглись и его сторожа.

Прошелъ цѣлый субботній день безъ особенныхъ приключеній. Та же приторная предупредительность со стороны раби Генеха, та же суровость и замкнутость со стороны Шмуля и то же наружное равнодушіе къ своей неизбѣжной участи со стороны Арона. Наступилъ часъ послѣдней субботней трапезы.

— Раби Генехъ, вы вчера вызвались исполнить все, о чемъ бы я васъ ни попросилъ. Мнѣ помнится, что вы и о какомъ-то птичьемъ молокѣ говорили.

— Да, да. Но вѣдь это только слова, такъ себѣ. Развѣ ты шутокъ не понимаешь?

— Значитъ, вы шутили? Ничего сдѣлать для меня не хотите?

— Нѣтъ, не то. Я насчетъ птичьяго молока...

— Богъ съ нимъ, съ этимъ молокомъ. Я о другомъ хочу васъ попросить.

— Говори, другъ мой. Все, что могу—сдѣлаю.

— А вотъ что, дражайшій раби Генехъ. Мать мая одинокая, больная, перебивается кое какъ копѣечнымъ подаяніемъ, въ ожиданіи моей помощи. Я пойду въ солдаты, какая уже помощь отъ солдата!

— Что-жъ тебѣ угодно, не понимаю?

— Вы человѣкъ зажиточный, семья ваша не велика, дѣла ваши недурны, *за меня* вы тоже не будете, надѣюсь, въ накладѣ... Поддержите мою бѣдную мать. Я вамъ дамъ ея адресъ. Вы только не пишите ей о той страшной участи, которая меня постигла; она этого не перенесетъ.

— О, это я непремѣнно сдѣлаю, и сдѣлалъ бы даже тогда, если-бы ты былъ не *моимъ* пойманникомъ. Это—долгъ каждаго еврея. «Люби своего ближняго яко самаго себя»! Десятокъ-другой рублей не пожалѣю. Богъ вознаградитъ меня съ процентами. Онъ покровитель вдовъ и сиротъ.

— И я тоже обѣщаю, вызвался Шмуль.

— Вижу, что вы все-таки добрые люди, и мирюсь съ вами искренно. Еще одно...

— Говори, говори, Аронъ, ободряли его отецъ и сынъ.

— Я субботничаю послѣдній разъ въ моей жизни: какая уже суббота въ солдатахъ! Мнѣ бы хотѣлось провести эту послѣднюю субботу весело, какъ подобаетъ правовѣрному еврею.

— Что-же нужно для этого? Скажи.

— Во-первыхъ, двухъ-трехъ евреевъ, знающихъ пѣть субботніе змиресъ (гимны)...

— Ну, этихъ блюдолизовъ достать не трудно; ихъ какъ

собакъ у насъ. Шмуль, позови нашихъ сосѣдей на шалашидесъ *).

Шмуль вышелъ.

— Это еще не все, раби Генехъ.

— Что еще, привередникъ ты мой?

— То, что веселитъ сердце человѣческое—вино.

— Каширное вино тутъ только у одного и есть.

— Но есть?

— Есть-то есть, но... раби Генехъ почесалъ пейсы.

— Неужели вамъ такъ дорогъ рубль-другой, въ виду такихъ крупныхъ барышей? Не скупитесь-же, милѣйшій раби Генехъ.

— Сарра!—позвалъ корчмарь.—Сбѣгай къ Ицкѣ въ погребъ и возьми гарнецъ каширнаго вина. Пусть помнитъ, завтра уплачу.

— Сарра, возьмите только самаго лучшаго—прибавилъ Аронъ, смотря на нее веселыми глазами. Сарра, недоумѣвая, посмотрѣла на него и вышла. Она его сочла пьянымъ.

— Черезъ четверть часа Шмуль притащилъ трехъ грязныхъ, оборванныхъ евреевъ, а Сарра принесла вино. Она приготовила къ столу и подала холодныя блюда, остатки вчерашней стряпни. Пѣвцы, при видѣ яствъ и питій, вдохновились, затянули обычныя субботнія пѣсни и выказывали при этомъ возможное стараніе. Окончивъ кудрявые и вычурные гимны, всѣ весело принялись за болѣе существенную часть трапезы. Благодаря обжорливости гостей и исправному аппетиту Шмуля, тарелки и миски были скоро опорожнены до такой чистоты, что ихъ и вытирать не предстояло уже надобности. Потомъ принялись за вино, но его пили съ чувствомъ и разстановкою, какъ драгоцѣнный нектаръ. При каждомъ глоткѣ сыпались самыя задушевныя пожеланія. Раби Генехъ бросился даже въ объятія Арона. Аронъ не противился.

---

*) Такъ называется трапеза при исходѣ субботняго дня.

Онъ, повидимому, находился въ самомъ розовомъ настроеніи духа. Вино кончилось.

— Вина, еще вина, раби Генехъ—потребовалъ Аронъ.

— Нѣтъ, сынъ мой, будетъ уже.

— Вы скупитесь, раби Генехъ, вы скупитесь? Хорошо же. Я, бѣдный человѣкъ, нищій, бродяга, рекрутъ, я докажу вамъ, что плевать хочу на какой нибудь серебрянный рубль. Аронъ вскочилъ на ноги и вытащилъ изъ кармана монету.

— Сарра! Сарра!—закричалъ онъ неистовымъ голосомъ пьянаго человѣка.

— Пьяница—шепнулъ раби Генехъ сыну.—Мнѣ теперь легче на душѣ. Мы вырвали изъ сада Израиля ядовитый бурьянъ. Ишь, какъ расходился. Настоящій солдатюга!

— Сарра! Сарра!—неистовствовалъ между тѣмъ Аронъ.

Дѣвушка прибѣжала встревоженная.

Сарра, я вина хочу. Попрощаться хочу на собственныя деньги. Хочу, чтобы *ты* насъ угостила своими хорошенькими руками. Дарую тебѣ этотъ рубль серебрянный, дарую въ твою собственность, а ты сдѣлай что нужно... На, Сарра.

Сарра, смотря съ недоумѣніемъ въ глаза Арону, протянула руку и взяла монету. Все общество посмѣивалось надъ опьянѣвшимъ молодымъ гулякой.

Вручая монету Саррѣ, Аронъ громкимъ голосомъ, отчеканивая каждое слово, произнесъ:

— Гаре́й а́тъ мекуде́шешъ ли, беке́сефъ газе́, кда́съ Мо̀йше в-Исроэлъ! *)

Если бы потолокъ рухнулъ на головы сидѣвшихъ у стола евреевъ, если бы огонь внезапно охватилъ корчму, евреи были

*) «Вотъ ты посвящаешься мнѣ этой монетой, по закону Моисея и Израиля„— обычная формула, которую женихъ говоритъ невѣстѣ при вѣнчаніи. Обыкновенно при этомъ употребляютъ кольце и говорятъ: „этимъ кольцемъ“, вмѣсто—„этой монетой“. По еврейскому закону, если кто при свидѣтеляхъ вручаетъ монету, кольце или другую вещь дѣвушкѣ и произноситъ при этомъ вышеприведенныя слова, то она считается его законною женою и только законный разводъ можетъ расторгнуть этотъ бракъ.

бы гораздо меньше поражены, чѣмъ этими девятью словами. Одно мгновеніе всѣ оставались пригвожденные на мѣстахъ, огорошенные, ошеломленные, озадаченные чѣмъ-то страшнымъ, необыкновеннымъ; затѣмъ они выпрыгнули изъ-за стола, съ криками, воплями и стенаніями. Раби Генехъ схватился обѣими руками за голову, какъ будто его туда хватило чѣмъ-то острымъ. Шмуль заревѣлъ какъ уязвленный медвѣдь и вскочилъ на столъ, передавивъ нѣсколько тарелокъ. Три оборвыша забѣгали вокругъ стола, стонали и охали. Одинъ только Аронъ, поднявъ высоко голову, сложивъ руки на груди, спокойно улыбался, смотря торжественно всѣмъ въ глаза и любуясь, повидимому, общимъ смятеніемъ. Сарра, съ протянутою рукою, держа двумя пальцами серебрянный рубль, изумленная внезапнымъ этимъ содомомъ, съ недоумѣніемъ переносила свои вопрошающіе глаза отъ одного лица на другое.

— Сарра, теперь ты моя, на вѣки моя, сокровище, жена моя!—произнесъ Аронъ, простирая къ дѣвушкѣ свои объятія. Но Шмуль грубо помѣшалъ этому порыву нѣжности. Какъ разъяренный тигръ, онъ бросился на Арона и вцѣпился ему въ горло.

Сильный ударъ кулакомъ прямо въ лицо отбросилъ, однакожъ, Шмуля назадъ. Шмуль схватилъ со стола ножъ и высоко занесъ свою руку надъ головою соперника...

Выходка Арона сразу разрушила всѣ надежды Шмуля, всѣ его виды на любимую имъ Сарру. Явная ненависть Сарры, вѣчная борьба съ нею, нетолько не умѣряли пыла ея обожателя, но, на оборотъ, разжигали его буйную страсть; всякая новая ссора, всякое новое доказательство упорства Сарры вливали новый горючій матеріалъ въ пламень. Теперь для Шмуля все кончилось. Перемѣни даже Сарра свой образъ мыслей, рѣшись она сама осуществить завѣтныя надежды Шмуля, она не могла уже ему принадлежать какъ супруга: она принадлежала уже другому, была связана религіозною брачною формалистикой, уничтоженіе которой зависѣло уже

единственно отъ того лица, которое дерзнуло насильно овладѣть дѣвушкою, которое похитило ея свободу. Что лице это добровольно не выпуститъ изъ когтей своей добычи—это, по соображенію Шмуля, не подлежало никакому сомнѣнію: Аронъ мстилъ и раби Генеху и Шмулю, погубившимъ его на всю жизнь, отнявшимъ у него, довѣрившагося имъ, самое дорогое для человѣка, его свободу; и онъ отнялъ свободу дѣвушки, обожасмой Шмулемъ, необходимой для ея вотчима, какъ самая безропотная, честная, трудящаяся работница, не стоющая корчмарю-скрягѣ ни одного гроша, не угрожающую ему нескромностью въ его противозаконнчхъ спекуляціяхъ, которыя трудно было бы скрыть отъ любопытныхъ взоровъ обыкновенныхъ служанокъ. Всѣ эти соображенія, съ быстротою молніи, промелькнули въ головѣ несчастнаго Шмуля; и вотъ почему, въ порывѣ ярости, онъ разомъ хотѣлъ покончить съ тѣмъ, который такъ круто сталъ поперегъ его счастія.

Но четыре пары рукъ удержали въ воздухѣ сильную руку Шмуля, рѣшившагося на убійство, и не дали ей опуститься. Съ большими усиліями раби Генеху удалось вырвать ножъ изъ руки сына. Онъ, умоляя остальныхъ сотрапезниковъ крѣпко держать Шмуля, торопливо собралъ со стола всѣ тѣ опасныя столовыя принадлежности, которыя могли бы обратиться въ орудія убійства, и вынесъ ихъ изъ комнаты. Аронъ былъ блѣденъ, но почти спокоенъ. Онъ вышелъ изъ-за стола и молча сталъ ходить по комнатѣ взадъ и впередъ. Онъ искалъ глазами Сарру, желая объяснить ей однимъ словомъ значеніе и цѣль своего поступка, но ея въ комнатѣ не было. За столомъ продолжалась борьба. Шмуль рвался изо всей мочи. Евреи выбивались изъ силъ, чтобы удержать расходившагося силача; но ихъ силы истощались въ этой неровной борьбѣ. Но въ ту минуту, когда Шмуль порывистымъ усиліемъ далеко отбросилъ отъ себя послѣднюю помѣху и отыскивалъ своими, кровью налитыми, глазами ненавистнаго соперника, въ эту самую минуту вбѣжала Сарра, съ высоко поднятымъ

длиннымъ ножемъ въ правой рукѣ. Лице ея пылало, глаза сверкали, ноздри раздувались, ея длинные, черные, какъ смоль, волосы разсыпались по плечамъ и лицу въ безпорядочныя космы. Она была дика и страшна съ своей назадъ откинутой головой и обнаженной грудью. Она подскочила къ Арону и, обхвативъ его станъ лѣвою рукою, повернулась лицемъ къ Шмулю:

— Иди ко мнѣ, иди, злодѣй, варваръ, демонъ, убійца! Иди же, чего сталъ? Дотронься только пальцемъ до него, до моего брата, до моего... жениха, и я всажу этотъ ножъ въ твое подлое, гнусное сердце.

Шмуль, какъ бы пораженный громомъ, остановился точно приросшій къ полу.

— А—дико захохотала Сарра—боишься, подлецъ? Тебѣ знакомъ этотъ ножъ? Помнишь... въ пятницу, ночью... сѣдой старикъ; этотъ ножъ... Ты боролся... ты просилъ...

Шмуль зашатался на ногахъ и упалъ на стулъ.

— Женихъ? она сказала *женихъ*... Она его любитъ!—Шмуль дико заскрежеталъ зубами, схватился за голову и страшно, неестественно зарыдалъ. Цѣлые потоки слезъ устремились изъ его глазъ и придавали этому, за минуту еще свирѣпому лицу выраженіе самой ребяческой безпомощности, самаго болѣзненнаго отчаянія.

Сарра не спускала съ него пылающихъ ненавистью глазъ и все сильнѣе и сильнѣе прижималась къ Арону.

— Ты плачешь, извергъ? Испугался ножа, а? Плачь, плачь. Если будешь рыдать цѣлый годъ и день и ночь, то не выплакать тебѣ и сотой доли тѣхъ горючихъ слезъ, которыя выплакали полуослѣпшіе глаза моей несчастной матери. Если бы...

— Суре! Сурка!! Суруню!!! Богъ съ тобою, дитя мое! Что ты дѣлаешь? Что ты говоришь, дочь моя?—вскричалъ вбѣжавшій между тѣмъ раби Генехъ, всплеснувъ руками отъ ужаса.

— Твое дитя? Твоя дочь? Старый воръ, мошенникъ! Да

если бы я имѣла такого отца, какъ ты, я бы давно, отъ стыда и горя, бросилась въ колодезь; я бы...

— Боже мой, братцы, дѣвка помѣшалась! У ней или горячка, или нечистый духъ къ ней забрался—обратился раби Генехъ къ пораженнымъ этой сценой зрителямъ. Братцы, бѣгите за докторомъ... она умретъ!

— Ха, ха, ха—захохотала Сарра нервическимъ смѣхомъ. Боишься, дорогой вотчимъ, потерять безплатную служанку?

— Сарра, другъ мой, успокойся. Дай мнѣ ножъ. Я самъ съумѣю защищаться. А ты иди за мною. Ложись въ постель,—отдохни и приди въ себя. Пойдемъ, жизнь моя.

Эти немногіе слова, произнесенныя умоляющимъ, нѣжнымъ голосомъ Арона, успокоительно подѣйствовали на возбужденную Сарру. На лицѣ ея снова показалось обыкновенное выраженіе доброты и смиренія, грудь перестала волноваться. Она тихо и безропотно выпустила ножъ и, ведомая за руку Арономъ, пошла за нимъ безпрекословно, какъ покорное дитя.

Когда, чрезъ четверть часа, Аронъ вошелъ опять, всѣ лица были уже нѣсколько успокоены. Раби Генехъ и три чужихъ еврея сидѣли у стола и о чемъ-то тихо совѣщались. Одинъ Шмуль сидѣлъ безучастно въ сторонѣ, подперевъ голову обѣими руками. Онъ уже не плакалъ и не свирѣпствовалъ. Лице его было мрачно и грустно, глаза закрыты. Онъ что-то ворчалъ про себя, часто и глубоко вздыхая.

— Шмуль—обратился къ нему вошедшій Аронъ, остановившись среди комнаты—извѣстный, знакомый тебѣ ножъ при мнѣ. Прошу тебя не прибѣгать вторично къ дракѣ и насилію: мы оба погибнемъ. Если ты имѣешь что-нибудь сказать, говори, я на все и за все отвѣчу.

Шмуль махнулъ рукою, не отвѣтивъ ни слова.

— Раби Аронъ... началъ было раби Генехъ.

— Хозяинъ, я не раби... Я просто Аронъ. Кто проситъ васъ меня величать? Называйте, какъ называли прежде.

— Нѣтъ, не могу. Я виноватъ и за прежнюю свою простоту. Я теперь узналъ, какой вы человѣкъ... Какой вы...

— Пожалуйста, раби Генехъ, перестаньте льстить. Это ни къ чему не поведетъ. Лучше говорите прямо... что вамъ отъ меня угодно?

— Сядьте тутъ, возлѣ меня, другъ мой.—Аронъ сѣлъ.

— Я васъ слушаю, раби Генехъ, говорите.

— Что вы сдѣлали, раби Аронъ? — спросилъ грустнымъ, вкрадчивымъ тономъ корчмарь.

— Что я сдѣлалъ, спрашиваете вы, раби Генехъ?

— Да, что вы сдѣлали, сынъ мой, подумайте только, а?

— Я, по закону, обвѣнчался съ вашей падчерицей, раби Генехъ.

— Но хорошо, честно ли вы поступили, мой юный братъ?

— Раби Генехъ, о честности мы потомъ съ вами поговоримъ. Вы спрашиваете, хорошо ли я поступилъ? По моему—очень хорошо, потому что я люблю Сарру и она меня любитъ. Чѣмъ мы не пара? скажите, раби Генехъ.

— Объ этомъ никто не споритъ.

— Въ чемъ-же дѣло?

— Этотъ бракъ недѣйствителенъ.

— Почему, позвольте васъ спросить?

— Спросите хоть у этихъ людей. Они ученѣе и меня и васъ.

Корчмарь указалъ на трехъ сотрапезниковъ.

— Да, да, молодой человѣкъ. Этотъ бракъ на самомъ дѣлѣ насильственный, а потому и недѣйствительный.

— Вѣрю. Что-жъ, тогда и сокрушаться не о чемъ, и дракъ затѣвать не изъчего. Сарра свободна—значитъ, не о чемъ и толковать.

— Свободна-то свободна, но она все-таки должна получить отъ васъ разводъ.

— А иначе?

— Иначе она вступить въ другой бракъ не можетъ.

— Значитъ—не свободна, что и слѣдовало доказать.

— Раби Аронъ, зачѣмъ вы мстите невинной, доброй дѣвушкѣ? Зачѣмъ вы ее дѣлаете несчастной на всю жизнь? Имѣйте состраданіе, вѣдь вы добрый еврей, а вѣдь въ Писаніи сказано: «Не мсти и не питай вражды».

— Какъ вы смѣшны, раби Генехъ! Вы стараетесь возбудить во мнѣ жалость къ дѣвушкѣ, къ ея молодости, къ ея несчастію; вы приводите мнѣ великія слова: «не мсти и не питай вражды»—а сами вы имѣли состраданіе къ моей молодости? Вы сжалились надъ моей несчастной матерью, обреченною теперь на нищету, на смерть? Я мщу вамъ и вашему сыну—это грѣхъ, сознаюсь, но я мщу *моимъ врагамъ, моимъ заклятымъ врагамъ*; я вправѣ мстить. Вы-же за что меня погубили? Я вамъ вреда не сдѣлалъ. Я васъ благословлялъ за каждый вашъ кусокъ хлѣба, за каждую братскую ласку. Какое-же имѣете *вы* право роптать на мой поступокъ?

— Раби Аронъ, видитъ Богъ, я не виновникъ вашего несчастія.

— Вѣрю. Не вы украли мой паспортъ, а вашъ сынъ съ вѣдома вашего. Я и мщу не вамъ, а вашему безжалостному сыну. Онъ любитъ Сарру, я это очень хорошо знаю. Въ ней я мщу ему.

— Но чѣмъ виновата Сарра?

— Она и не виновата, за то и не пострадаетъ отъ моего поступка.

— Значитъ, вы дадите ей разводъ? — обрадовался раби Генехъ.

— Если *она сама* потребуетъ—дамъ, сію минуту.

Раби Генехъ вышелъ и позвалъ за собой Шмуля.

— Шмуль, что намъ дѣлать теперь?—началъ совѣтоваться раби Генехъ, пришедши къ себѣ въ спальню.

— Не знаю—отвѣтилъ Шмуль мрачно.

— Пойдемъ просить Сарру, пусть сама потребуетъ развода. Онъ честный дуракъ, обѣщаніе исполнитъ.

— Отецъ, ты никакъ съума сошелъ! Ты развѣ не видѣлъ этой шлюхи съ ножемъ въ рукахъ? Она меня ненавидитъ.

— А если она тебя ненавидитъ, если она сама не цѣнитъ твоей любви и своего счастія, то какое намъ дѣло до нея? Пусть идетъ за своимъ мужемъ солдатомъ, пусть остается агине (безмужницей) на всю жизнь, чертъ съ ней!

— Но я ее люблю, отецъ; бѣшенную, съ ножемъ въ рукахъ, я ее во сто разъ еще больше полюбилъ, чѣмъ смиренную, покорную. Такой женщины нѣтъ больше на свѣтѣ. Я повѣшусь отъ горя, если она не будетъ моей. Понимаешь ты меня или нѣтъ?

Раби Генехъ сочувственно, съ отцовскою нѣжностью, посмотрѣлъ на несчастнаго сына и задумался.

— Шмуль, если ты ужъ такъ страдаешь, то плюнемъ на заработокъ. Отдай ему паспортъ, пусть дастъ разводъ и убирается ко всѣмъ діаволамъ.

Шмуль ухватился обѣими руками за голову и зарычалъ какъ левъ.

— Я... сжегъ его паспортъ. О, я несчастный! Но, отецъ, мы такъ его отпустимъ.

— А подписка? Я далъ подписку исправнику представить бродягу. И зачѣмъ это вздумалось мнѣ оставить его у себя на субботу? Дѣлай послѣ этого добро людямъ!

— Отецъ, отпустимъ его, если онъ согласится дать разводъ. Подписку выкупимъ.

— Что?! Опять деньги этому кровопійцѣ? Ты забылъ ту тысячу? Что ты, раззорить меня въ конецъ вздумалъ, что-ли?

— Тебя раззорить, скряга ты этакой! Кто нажилъ тебѣ десятки тысячъ, ты или... я? Своей кровью я ихъ нажилъ; я пренебрегалъ и спиною и жизнью, а ты еще смѣешь упрекать?—Шмуль такъ хватилъ кулакомъ по стѣнѣ, что штукатурка отскочила на поларшина кругомъ.

— Прошу тебя только не горячиться. Дѣлай какъ знаешь—струсилъ раби Генехъ.

— Оба возвратились въ столовую. Шмуль съ поникшей головою приблизился къ Арону и протянулъ ему руку.

— Рука, хватающая людей за горло, мнѣ отвратительна; прочь ее. Что тебѣ угодно?—сказалъ презрительно Аронъ.

— Аронъ, дай Саррѣ разводъ и ты свободенъ.

— Какъ это — свободенъ?

— Иди съ Богомъ на всѣ четыре стороны.

— Ха, ха, ха! безъ паспорта? Чтобы меня черезъ часъ схватили другіе бездѣльники, подобные тебѣ и твоему отцу? Чтобы ты самъ, наконецъ, догналъ и схватилъ меня на дорогѣ? Шутишь, дружокъ! Я не такъ глупъ.

— Аронъ! дай разводъ, бери деньги.

— Шмуль—останавливалъ сына раби Генехъ.

— Молчи, отецъ; не раздражай меня. Итакъ... Аронъ, берешь деньги?

— Это статья иная... Давно-бы такъ!

— Триста хочешь?

— А квитанцію за мою душу, за сколько продашь?

— Аронъ, пятьсотъ хочешь?

— Нѣтъ.

— Ну, тысячу, наконецъ?

— Изволь, Шмуль, и то для тебя, изъ жалости къ твоему горю.

— Спасибо, Аронъ. Дай-же руку и помиримся.

— Только безъ рукъ и безъ дружбы.

— Какъ-же это устроить?

— А вотъ какъ. Я иду въ солдаты; это кончено. Судьба моя рѣшена. Безъ паспорта мнѣ другой дороги нѣтъ. Значитъ, участь моя неизбѣжна, благодаря вашему братскому гостепріимству. Слушай же Шмуль, и вы раби Генехъ, и вы, братцы, будьте свидѣтелями передъ Богомъ, меня слушающимъ. Черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ меня сдадутъ въ рекруты, *если Шмуль захочетъ и будетъ въ состояніи вступить въ бракъ съ Саррой*, я дамъ ей разводъ. Тысячу же рублей

вы должны вручить Саррѣ теперь-же. Это ея приданое. Но, чтобы вы ихъ у нея не отняли до того времени, я долженъ васъ предварить — и клянусь въ томъ, что я сдержу слово, Всевышнимъ Богомъ и жизнью матери — что если вы попытаетесь на какой нибудь подлый поступокъ противъ бѣдной, измученной вами дѣвушки, я не дамъ ей развода никогда, ни за какія блага въ мірѣ.

Раби Генехъ чесалъ пейсы до крови своими грязными ногтями. Лицо Шмуля прояснилось. Онъ упалъ на колѣни предъ своимъ соперникомъ.

— Аронъ, ты не человѣкъ, а ангелъ.

— Шмуль, я еврей. Не тотъ еврей, который на каждомъ шагу подличаетъ и сводитъ свои счеты съ Богомъ постомъ и молитвой; не тотъ еврей, который процентами, какъ піавка, высасываетъ своего несчастнаго ближняго, потомъ сразу даритъ какому-нибудь польскому цадику-шарлатану восемьнадцать дукатовъ; не тотъ еврей, который дрожитъ при видѣ собаченки, пугается мертвецовъ и чертей, въ каждомъ движеніи, въ каждомъ невинномъ словѣ видитъ грѣхъ и ересь, а между тѣмъ обходитъ всѣ человѣческіе и небесные законы, не дрожитъ предъ правосудіемъ, не замѣчаетъ Бога вокругъ себя, мошенничаетъ, плутуетъ, воруетъ, грабитъ, контрабандничаетъ; нѣтъ, я не тотъ еврей; я... такой, какимъ желалъ-бы быть и вамъ, набожный раби Генехъ, и тебѣ Голіаѳъ-Шмуль, и вамъ, хриплые пѣвуны, и всѣмъ вамъ подобнымъ. Я далеко не ангелъ, я человѣкъ простой, но человѣкъ честный; я обыкновенный еврей, но еврей настоящій, не самозванный.

Слова эти произвели на присутствовавшихъ хотя мимолетное, но, тѣмъ не менѣе, глубокое впечатлѣніе. Какъ бы ни была испорчена и одичала человѣческая натура, какъ бы ни было развращено человѣческое сердце, оно всегда вздрогнетъ подъ ударомъ сильнаго, простаго, искреннаго слова: та-

кова сила правды, таково значеніе общепонятной, истинной морали.

— Ну, теперь — продолжалъ Аронъ, обращаясь къ раби Генеху—развязывайте-ка мошну и доставайте тысяченку, а я приведу Сарру. Вы ей при мнѣ и этихъ свидѣтеляхъ вручите деньги и скажите ей, слышите, вы непремѣнно должны ей сказать: «Сарра, вотъ твое приданое, вотъ твоя плата за долголѣтній трудъ».

Раби Генехъ согласился. Аронъ прежде всего пошелъ къ Рахили. Она громко стонала и жаловалась на свою судьбу. Аронъ присѣлъ къ ней на кровать и что-то тихо нашептывалъ ей. Счастливая улыбка, послѣ долгаго времени, снова появилась на ея устахъ, и съ материнской нѣжностью обнявъ молодаго человѣка, промолвила, прощаясь:

— Иди, сынъ мой, съ Богомъ, и возвратись къ намъ съ Богомъ.

Простившись съ Рахилью, Аронъ зашелъ къ себѣ и, упаковавъ свое скудное богатство въ старую котомку, натянулъ на себя бурую шинель, надвинулъ на голову плисовую фуражку съ надтреснутымъ козырькомъ, подпоясался веревкой, сунулъ въ голенище извѣстный ножъ и зашелъ въ коморку Сарры.

— Аронъ, ты идешь? Куда? О, Боже мой, что теперь со мною будетъ!—вскрикнула Сарра голосомъ, полнымъ отчаянія, и повисла на шеѣ молодаго человѣка.

— Сарра—утѣшалъ ее Аронъ грустнымъ, но твердымъ голосомъ—такъ должно быть. Не спрашивай и не мѣшай мнѣ на моемъ пути. Дастъ Богъ, путь этотъ приведетъ насъ къ взаимному счастью. Ввѣрься же Богу и довѣрься мнѣ, моя милая, дорогая невѣста, мой другъ, моя супруга. А теперь, Сарра, до свиданія!

Аронъ горячо обнялъ дѣвушку.

— Теперь иди за мною. Дѣлай все то, что я тебѣ прикажу, вслушивайся внимательно въ каждое мое слово и старайся выполнить въ точности. — Затѣмъ онъ повелъ ее въ корчму.

— Вотъ Сарра—обратился онъ къ хозяину—исполняйте ваше обѣщаніе.

Раби Генехъ всталъ изъ за стола. Онъ былъ сильно разстроенъ. Руки и ноги у него дрожали. Ему трудно было разстаться со своими новенькими радужными бумажками.

— О, грѣхи наши тяжкіе,—простоналъ онъ.—Сарра... вотъ твое... приданое... за твой трудъ... тыся... тысяча карбованцевъ.—Онъ зарыдалъ, какъ ребенокъ, но денегъ все-таки не рѣшался выпустить изъ дрожавшей руки. Шмуль вырвалъ пачку ассигнацій изъ руки отца и, вручая ихъ Саррѣ, нѣжно сказалъ:

— Сарра, моя жизнь, мое сокровище! Это твои деньги. Бери, спрячь ихъ, куда хочешь. Клянусь тебѣ, что отнынѣ я буду твоимъ другомъ, твоимъ братомъ, твоей собакой...

— Аронъ — испуганно промолвила дѣвушка — мнѣ не нужно этихъ денегъ, я не хочу дружбы... О, Боже мой, какая я несчастная!

— Сарра, возьми, говорю я тебѣ, эти деньги. Это твоя кровная плата; ты ее съ избыткомъ выработала. Но помни, Сарра, если у тебя эти деньги украдутъ или силою отнимутъ, дай мнѣ знать. Прощай же, Сарра, иди къ себѣ, не мучь меня.

Сарра, едва держась на ногахъ, поплелась къ двери.

— Раби Аронъ, ты меня ограбилъ! — вопилъ корчмарь.

— Да падетъ этотъ поступокъ на мою голову, раби Генехъ!

— О, грѣхи наши тяжкіе! Аронъ, знаешь, теперь я твоей матери уже ничего не пошлю, теперь я, по твоей милости и по милости этого дурака (онъ указалъ на Шмуля), нищій, какъ есть — нищій.

— Не посылайте моей матери ничего, раби Генехъ,—улыбнулся Аронъ, я освобождаю васъ отъ даннаго слова.

— А ты, Аронъ, исполнишь ли твое обѣщаніе также честно, какъ мы исполнили наше?

— Клянусь. Я буду честенъ относительно васъ, гораздо честнѣе, чѣмъ вы были относительно меня... Ну, а теперь въ путь?

— Въ путь? Куда?

— Какъ куда? — вы сами же подготовили этотъ путь. Къ исправнику, что ли?

— Помилуй, раби Аронъ, ночью? Зачѣмъ торопиться? И завтра поспѣемъ.

— Нѣтъ, господа, я съ вами подъ одной кровлей и одной минуты больше не останусь. Ведите, не то я сію минуту же самъ туда отправлюсь и безъ васъ.

— Вы очень упорный молодой человѣкъ. Нечего дѣлать. Шмуль, приготовь телѣгу—распорядился корчмарь, собираясь въ недальній путь.

Съ тѣхъ поръ, какъ раби Генехъ сдалъ исправнику своего пойманника, прошло цѣлыхъ двѣ недѣли. Ни раби Генехъ, ни сынъ его, не имѣли уже никакихъ прямыхъ соотношеній съ представленнымъ ими бродягой. Они получили надлежащую росписку власти о пріемѣ арестанта и были довольны, впредь до полученія рекрутской квитанціи. Арестантъ томился въ сельской тюрьмѣ, въ селеніи, гдѣ резидировалъ исправникъ, подвергаясь притѣсненіямъ и униженіямъ, которымъ подвергаются всѣ вообще арестанты всѣхъ націй и вѣроисповѣданій, и, кромѣ того, терпѣлъ еще оскорбленія особенныя, какъ еврей, какъ жидъ. Онъ сносилъ все безропотно, не жалуясь, какъ человѣкъ, понимающій вполнѣ свое безвыходное положеніе и свою безпомощность. Однажды только, во время посѣщенія тюрьмы капитанъ-исправникомъ, онъ осмѣлился спросить его, когда, наконецъ, будетъ онъ допрошенъ.

— Ишь, приспичило какъ! Лобъ, что ли чешется? Успѣешь, каналья, во-время, не тужи. Съ почетомъ доставимъ.

Аронъ ждалъ еще. Онъ дрожалъ отъ стужи въ почти нетопленной темницѣ и терпѣлъ отъ тюремной строгой діэты. Въ отношеніи охраненія арестантовъ отъ отягощенія желудка исправникъ былъ крайне добросовѣстенъ.

— Бестіи, которыя сидятъ по цѣлымъ мѣсяцамъ на одномъ мѣстѣ, безъ движенія и работы, не должны много жрать, а то, пожалуй, околѣютъ, не дождавшись суда и расправы— говаривалъ онъ.

Слѣдствіемъ подобной гуманности было то, что арестантскіе раціоны въ значительномъ количествѣ поступали на кухню самаго исправника.

Въ одно очень морозное, ясное утро арестантъ Аронъ Гершковъ Листигъ предсталъ предъ его высокородіемъ, капитанъ-исправникомъ. Наступила, наконецъ, очередь отправить и его по этапу въ губернскій городъ для дальнѣйшаго поступленія съ нимъ по закону. Формалистика требовала предварительнаго допроса, а на счетъ формальностей и административнаго крючкотворства исправникъ былъ и строгъ и исполнителенъ.

— Прежде всего, посмотри мнѣ прямо въ глаза — обратился исправникъ къ введенному къ нему Арону.—Я вашего брата, выжигу, по глазамъ узнаю. Отъ меня ничего не скроешь.—Аронъ посмотрѣлъ исправнику серьезно въ глаза.

— Продувная штука! — рѣшилъ исправникъ, кивнувъ головою съ видомъ великаго сердцевѣда.

— Эй, писарь, записывать показанія! было приказано канцеляристу.

— Ну-съ, по порядку. Сколько тебѣ лѣтъ, дружочекъ?

— Двадцать пять.

— Твоя рожа выглядитъ гораздо старше. Вашъ братъ слова не скажетъ, чтобъ не соврать. Но это не важно. Дальше. Женатъ, холостъ, вдовъ?

— Холостъ!

— Сколько дѣтей имѣешь?

— Холостъ.

-- Опять врешь. Евреи женятся еще въ утробѣ матери.

— Холостъ — повторилъ арестантъ свое показаніе.

— Шельма, какъ есть, шельма. Его не скоро спутаешь. Какой вѣры?

— Израильской.

— Да ты прямо отвѣчай: жидовской, чего церемонишься? Грамотенъ?

— Нѣсколько.

— Какъ же ты себѣ паспортъ не могъ смастерить? Вѣдь жиды собственно для этого и учатся грамотѣ?

— О паспортѣ вы неизволили еще меня спрашивать.

— Это послѣ. Откуда прилетѣлъ?

— Изъ К—ой губерніи, изъ города П.

— Зовутъ и прозываютъ какъ?

— Аронъ...

— Паршивецъ—отецъ?

— Гершко.

— Кличка?

-- Листигъ.

— Выдумываютъ-же себѣ названія, чертъ-бы ихъ подралъ!

— Билетъ имѣешь?

— Я уже объявилъ вашему высокородію въ корчмѣ, что билетъ мой у меня тамъ украли.

— Ну, это не ново, голубчикъ. Выдумалъ бы что-нибудь поумнѣе. Теперь ты мнѣ вотъ что скажи: у кого ты передерживался, какимъ ремесломъ или промысломъ изволилъ заниматься?

— Аронъ молчалъ.

— Что-жъ ты, онѣмѣлъ что-ли, животное? Отвѣчай, когда начальство спрашиваетъ!

— Мнѣ нечего отвѣчать. Если вы принимаете меня за

бродягу, то и спрашивать нечего; бродяги, извѣстно, бродяжничаютъ.

— Такъ ты, мерзавецъ, еще умничать вздумалъ?

— Ваше высокородіе, если вы желаете узнать все въ подробности, то я все вамъ скажу, но неиначе, какъ только, если я останусь съ вами совершенно наединѣ.

— Ага, наконецъ образумился? Давно-бы такъ. Знаю, слава Богу, какъ уломать такихъ молодчиковъ, какъ ты. Ну, разинь ротъ, говори.

— Только наединѣ, ваше высокородіе

— А если нѣтъ?

— Вы слова одного отъ меня не добьетесь.

— Тайны? Ха, ха ха! Хороши должны быть эти тайны! Эй, всѣ вы! выходите вонъ и затворите за собою дверь. Услышимъ, что за великіе секреты!

Канцеляристъ и стражи вышли на цыпочкахъ, плотно затворивъ за собою дверь.

Аронъ, смѣло поднявъ голову, приблизился къ исправнику.

— Господинъ исправникъ, если вы меня считаете бродягой, то очень ошибаетесь.

— Всякій, не имѣющій вида, такъ именуется закономъ.

— Въ томъ-то и дѣло, г. исправникъ, что я видъ имѣю.

— Какъ такъ?

— Я имѣю билетъ, исправный, законный и непросроченный.

— А тотъ, который...

— Тотъ билетъ, который Шмуль укралъ у меня изъ сундука—вы, конечно, какъ *проницательный* начальникъ, знаете объ этомъ—былъ прошлогодній, ненужный.

— Гдѣ же твой настоящій паспортъ-то?

— Я вамъ однимъ его не покажу.

— Что, негодяй? Ты смѣешь?

— Господинъ исправникъ, не горячитесь. То, что я хочу вамъ сказать, будетъ вамъ очень пріятно, и я заслужу ваше

спасибо. Но за то позвольте мнѣ быть съ вами совершенно откровеннымъ.

— Говори, чертъ съ тобой.

— Въ этомъ краѣ опасно показывать паспортъ даже начальству, безъ предохранительныхъ предосторожностей. Начальство можетъ уничтожить законный билетъ точно также, какъ дѣлаютъ это обыкновенные смертные, желающіе, во что бы то ни стало, пріобрѣсть цѣннаго пойманника. Если вашему высокородію угодно убѣдиться въ справедливости моихъ словъ, то потребуйте постороннихъ людей, въ родѣ понятыхъ. Въ ихъ присутствіи я покажу вамъ мой настоящій видъ.

— А если я не захочу этого сдѣлать?

— А если вы этого не сдѣлаете, то я отправлюсь по этапу въ К.—Мнѣ это очень кстати, по дорогѣ—и тамъ, въ самомъ рекрутскомъ присутствіи, я предъявлю мой видъ и объясню, почему я наединѣ счелъ опаснымъ предъявлять его кому бы то ни было, даже такому благородному начальнику, какъ вы

— Продувная бестія! мошенникъ хоть куда!

— Вы еще не то скажете, ваше высокородіе, когда ознакомитесь съ моимъ планомъ.

— Ну, подавай свой планъ, что за штука?

— Нѣтъ. Прежде я долженъ васъ убѣдить въ томъ, что я имѣю законный видъ, безъ этого мой планъ не будетъ имѣть должнаго достоинства.

— Такъ показывай, не тяни.

— Извините... понятыхъ, безъ этого...

— Эка, каналія, какъ разжегъ мое любопытство!

— Исправникъ распорядился. Черезъ четверть часа нѣсколько мужиковъ, схваченныхъ на улицѣ и испуганныхъ внезапнымъ арестомъ, были приведены въ кабинетъ исправника.

— Господа, обратился къ нимъ Аронъ. Я долженъ показать начальнику мой билетъ. Документъ этотъ въ настоящее

время составляетъ жизнь и свободу еврея. Будьте-же свидѣтелями въ томъ, что я передамъ г. исправнику мой видъ, и не уходите отсюда, пока не получу его обратно.

— Негодяй—проворчалъ про себя начальникъ, обиженный недовѣріемъ такого червяка, однако счелъ приличнымъ придать этой выходкѣ видъ начальничьяго распоряженія.

— Да, ребята. Я призвалъ васъ быть понятыми. Это совершенно законно.

Аронъ разстегнулъ свое платье, досталъ изъ подъ рубахи драгоцѣнный дипломъ еврейской ограниченной свободы и передалъ исправнику. Исправникъ долго вертѣлъ гербовой лоскутъ въ рукахъ, поднималъ его нѣсколько разъ къ окну, къ свѣту, сличалъ примѣты, разбиралъ подписи и содержаніе приложенной казенной печати.

— Исправенъ. Получай! — Онъ возвратилъ документъ Арону. — Ну, ребята, идите; вы всѣ свободны.—Аронъ тщательно спряталъ свой билетъ и застегнулъ платье.

Въ кабинетѣ остались опять только исправникъ и Аронъ.

— Ну, теперь ты доволенъ? Говори-же. Только поменьше ври.

Аронъ разсказалъ исправнику всю исторію своего знакомства съ корчмаремъ и его сыномъ: какъ его обласкали, приняли по братски и какъ затѣмъ коварно съ нимъ поступили.

— Да это мнѣ и безъ тебя извѣстно. Скажи что нибудь поновѣе.

— Дайте мнѣ кончить, г. исправникъ. Мнѣ никогда и въ голову не приходило подозрѣвать своихъ хозяевъ, съ виду такихъ добрыхъ и гостепріимныхъ, въ такомъ подломъ поступкѣ. Къ моему великому счастью, дѣвушка, живущая въ корчмѣ, падчерица Генеха, подслушала какъ-то разговоръ между ея вотчимомъ и его достойнымъ сыномъ. Хотя она въ своей невинности и не могла постичь всей гнусности замысла противъ меня, но по общему смыслу разговора она

вывела заключеніе, что мнѣ угрожаетъ какая-то опасность со стороны хозяевъ, и во время меня предостерегла. Я уже былъ на сторожѣ. Припрятавъ мой настоящій видъ, я просроченный положилъ въ сундукъ, желая испытать имъ честность моихъ любезныхъ покровителей.

— Что-же изъ этого?

А вотъ что. Дѣвушка, понравившаяся мнѣ и безъ того— при видѣ тѣхъ истязаній, которымъ она ежеминутно подвергается въ домѣ своего жестокаго вотчима, и при видѣ ея покорности—внушила мнѣ сильную любовь.

— А, жидовскій романъ! Хе, хе, хе!

— Но, когда она мнѣ спасла жизнь, свободу и существованіе моей бѣдной матери, я твердо рѣшился соединиться съ ней на всю жизнь. Такая жена, думалъ я...

— Что мнѣ за дѣло до того, что ты тамъ думалъ, и вообще до твоихъ любовныхъ шашней?

— Имѣйте терпѣніе, г. исправникъ. Я съ этой дѣвушкой на другой день послѣ пріѣзда вашего въ корчму и обвѣнчался.

— Чертъ побери, какъ у нихъ все это мигомъ дѣлается!

Аронъ передалъ ему исторію своего оригинальнаго вѣнчанія.

— Господи, что это за черти, что это за религія!

— Теперь, господинъ исправникъ, вотъ каковъ мой планъ. О томъ, что я не бродяга, знаете только вы одни, да тѣ люди, которые разошлись во всѣ четыре стороны. Генехъ-же и сынъ его считаютъ меня своимъ пойманникомъ и шьютъ ужъ мѣшокъ для тѣхъ денегъ, которыя они, по сдачѣ меня въ солдаты, собираются выручить за рекрутскую квитанцію. Хорошо, пусть они и шьютъ себѣ на здоровье. Вы-же, г. исправникъ, не отпускайте меня на свободу, а заприте еще покрѣпче и наложите на меня оковы. Затѣмъ, вытребуйте сюда Генеха и Шмуля и допросите меня въ ихъ присутствіи.

— Не понимаю. Что-же изъ этого выйдетъ?

— Выйдетъ то, что я дамъ такое показаніе, что... Однимъ словомъ, ваше высокородіе, я достигну, во-первыхъ, того, что и Генехъ, и сынъ его будутъ умолять меня взять Сарру и убираться съ ней хоть на край свѣта, а во-вторыхъ, чтобы дать возможность убраться мнѣ, бродягѣ, они прибѣгнутъ къ вамъ, г. исправникъ. Вы за мою свободу выручите сколько нибудь.

— Сколько нибудь? Нѣтъ, врешь; ты не глупъ, но и небольно уменъ. Планъ изряденъ, но далеко не разработанъ. Погоди, я маленько пообдумаю.

Исправникъ быстрыми шагами сталъ ходить взадъ и впередъ по кабинету. Чуя сытную добычу, полицейскій волкъ волновался и напрягалъ свои мозги. Въ это время сунулся было въ кабинетъ его полупьяный письмоводитель, но онъ безцеремонно вытолкалъ его вонъ. «Безъ звона прошу впредь не являться!»—наставилъ—начальникъ.

— Ну, какъ тебя тамъ, Аронка что-ли, мы вотъ какъ эту штучку обдѣлаемъ. Тутъ дѣло въ деньгахъ. Надобно такъ припугнуть этихъ негодяевъ, чтобы они выложили на столъ кучку билетиковъ государственныхъ самаго почтеннаго объема. Въ этомъ вся суть. А ты—вотъ что: покажи, что ты, молъ, дезертиръ, что ты содержался у Генеха, что ты съ нимъ вмѣстѣ обдѣлывалъ его дѣлишки; однимъ словомъ, ты—малый не промахъ, какъ я вижу. Ври такъ, чтобы у этихъ воришекъ пейсики затряслись отъ страха. А ужъ я-то свое дѣло обдѣлаю такъ, что любо.

— А потомъ?

— Ну, а потомъ я ихъ проберу такъ, что они отсчитаютъ мнѣ не одну, а нѣсколько пачекъ. Что получу—мнѣ половина, тебѣ половина. Ладно?

— Мнѣ, главное, Сарра.

— Да что дѣвка! Дрянь. Есть о чемъ толковать! Ты вѣдь бѣднякъ, чѣмъ жить-то будешь съ дѣвкой? А деньги полу-

чишь, и еще большія деньги, тогда и великимъ человѣкомъ сдѣлаешься, и въ жидовской синагогѣ харамаркать станешь громче всѣхъ, какъ царь-лягушка. Хе, хе, хе! Что-жъ, по рукамъ, что-ли?

И его высокородіе, господинъ капитанъ-исправникъ, славный марсъ, бичъ всѣхъ подчиненныхъ ему евреевъ, жидоморъ и гроза всего уѣзда—не побрезгалъ жидовскою рукою какого-то нищаго-проходимца. Какая великая гуманность таится во взяткѣ! Какъ быстро подлость сближаетъ людей, стоящихъ у противоположныхъ концевъ общественной лѣстницы!

На другой день, поздно вечеромъ, Аронъ былъ вторично представленъ въ кабинетъ исправника. Онъ на этотъ разъ уже былъ въ цѣпяхъ. У дверей, кромѣ двухъ полицейскихъ стражей, высланныхъ немедленно начальникомъ въ переднюю, стояли блѣдные, трепещущіе Генехъ и Шмуль. Исправникъ, какъ видно, избралъ для этого важнаго допроса самый поздній часъ вечера, когда его нескромный письмоводитель и прочіе канцелярскіе, освободившись отъ службы, имѣли обыкновеніе услаждать свое горемычное существованіе горчайшею горькою, гдѣ-нибудь въ уютномъ кабачкѣ. Капитанъ-исправникъ былъ грозенъ, какъ туча, и загадоченъ, какъ сфинксъ. Глаза его метали искры, а голосъ былъ необыкновенно торжественъ.

Послѣ первыхъ казенныхъ вопросовъ, исправникъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

— Арестантъ! Прежде, чѣмъ я приступлю къ настоящему допросу, я считаю весьма важнымъ сказать тебѣ нѣсколько словъ, внушаемыхъ мнѣ долгомъ и человѣколюбіемъ. У насъ Богъ единъ и Царь одинъ. Я не питаю никакой вражды къ человѣку за то только, что онъ татаринъ, цыганъ или жидъ. Мы всѣ равны предъ Господомъ. Я преслѣдую зло и преступленіе, въ чемъ и въ комъ бы оно ни проявилось. Это мой долгъ; правда, тяжелый, грустный долгъ, но — долгъ. Итакъ, я поступаю и теперь по совѣсти, по справедливости, безъ всякаго пристрастія и лицепріятія. Я держалъ тебя, арестантъ, три недѣли въ заперти. Почему я не допросилъ тебя въ первый же день и не отправилъ тебя тотчасъ по принадлежности, какъ я поступаю со всѣми прочими бродягами? А вотъ почему: я съ первой же минуты узналъ по твоему лицу, что ты не простой бродяга, невинно шатающійся по міру; я проникъ твое преступное сердце насквозь. Держа тебя въ арестантской, я между тѣмъ наводилъ справки и узналъ всю твою жизнь за десять лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ ты ребенкомъ... Словомъ, я теперь столько знаю, что и самые искренніе твои отвѣты мнѣ ничего новаго сказать не могутъ. Но допрашивать тебя я, по закону, обязанъ. Знай же, что преступниковъ допрашиваютъ только для ихъ собственной пользы. Собственное признаніе и покаяніе уменьшаетъ мѣру наказанія; законъ, изъ жалости, даетъ самъ преступнику въ руки ключъ къ милосердію и прощенію. Теперь, объяснивъ тебѣ все, что нужно тебѣ знать, я приступлю къ допросу. Будешь правдивъ и откровененъ — твое счастіе, станешь отпираться — тебѣ же хуже. Истина выяснена уже и безъ тебя. Шила въ мѣшкѣ не утаишь!

Во время всей этой длинной рѣчи, лице арестанта казалось сильно тронутымъ и сокрушеннымъ. Онъ смотрѣлъ въ землю и, повидимому, не смѣлъ глянуть на Божій міръ. Генехъ и Шмуль поминутно переглядывались между собою съ крайней тревогой и недоумѣніемъ, какъ люди, совершенно не понимающіе, что вокругъ нихъ происходитъ.

— Теперь, арестантъ, отвѣчай мнѣ правдиво. Откуда ты? Кто такой? Чѣмъ занимался и что творилъ? — спросилъ исправникъ, величественно поднявъ руку.

Арестантъ, какъ казалось, долго колебался подъ вліяніемъ внутренней борьбы. Исправникъ терпѣливо выжидалъ, не бранясь и не побуждая. Наконецъ, арестантъ рѣшительно шагнулъ къ столу, покрытому краснымъ полинялымъ сукномъ, и бухнулъ въ ноги исправнику.

— Я во всемъ хочу сознаться, ваше высокородіе!

— Хвалю. Это и честнѣе, и выгоднѣе, для тебя же самаго. Говори же. Разскажи все въ подробности. Вставай!

— Мнѣ было пятнадцать лѣтъ — началъ преступникъ — когда я убѣжалъ изъ своей родины, города П., К-ой губерніи.

— Зачѣмъ ты бѣжалъ?

— Мнѣ угрожала очередь.

— Какъ водится. Куда же ты бѣжалъ?

— Въ ближайшій городъ, имени котораго не помню теперь. Я скрывался у одного пекаря, еврея, у котораго работалъ за одни харчи.

— Долго оставался ты у этого пекаря?

— Нѣтъ. Наши ловцы скоро поймали меня и сдали въ рекруты.

— А, такъ ты, братецъ, махнулъ, значитъ, уже изъ военной службы? Значитъ, ты дезертиръ?

— Охъ, грѣхи наши тяжкіе! —простоналъ раби Генехъ, на еврейскомъ жаргонѣ.

— Ты чего тамъ, мошенникъ, переполошился? Знать, знаетъ кошка, чье сало съѣла, а?

— Нѣтъ, ясневельможній пани, я—такъ. Дезертиръ, разбойникъ. Страшно!

— Страшно? Погоди, не такъ еще разберетъ —пробормоталъ про себя исправникъ.

— Итакъ, ты дезертировалъ? — продолжалъ онъ допрашивать.

— Да. — Я скитался повсюду; проводилъ гдѣ день, гдѣ ночь; питался милостынею. Я не привыченъ былъ воровать, пока не свелъ знакомства съ дурными людьми...

Арестантъ глянулъ на раби Генеха и сына.

— Шмуль, что онъ на насъ смотритъ? Ой вей миръ!— встревожился Генехъ. — Ясневельможній пани исправнику, что онъ, разбойникъ, на меня смотритъ? Развѣ я знаю?

— Молчи, каналья, и не мѣшай!

— Я все надѣялся добраться какъ-нибудь до границы и перебѣжать туда. Прошло, однако, нѣсколько лѣтъ, пока я могъ добраться до этаго края... Узнавъ отъ евреевъ дорогу къ границѣ, я, года три тому назадъ, выбравъ темную ночь, приступилъ къ исполненію своего намѣренія. Я уже былъ не далеко отъ границы, какъ неожиданно наткнулся на кучку людей, тащившихъ на плечахъ какіе-то тюки.

— Тюки? Понимаю. Продолжай!

— Они меня схватили и хотѣли бить, называя шпіономъ. Я не понималъ, за что они на меня злятся, и просился у нихъ. Поразсмотрѣвъ ихъ, сколько возможно было въ потьмахъ, я узналъ, что это мои же братья — евреи. Я имъ разсказалъ все, какъ разсказываю теперь вамъ, г. исправникъ, и просилъ ихъ отпустить меня, показать мнѣ дорогу и дать мнѣ кусокъ хлѣба: я былъ истощенъ голодомъ и ходьбою. Люди эти долго совѣщались между собою: одни настаивали на томъ, чтобы меня отпустить, но двое противились этому— и они взяли верхъ. «Или мы тебя отправимъ въ полицію, или же служи намъ, мы тебя скроемъ. Выбирай одно изъ двухъ» — сказали они мнѣ.

— И что же?

— Умирая съ голоду и зная, что ожидаетъ меня, дезертира, когда меня представятъ въ полицію, я рѣшился служить имъ и служилъ до сихъ поръ.

— Чѣмъ же ты служилъ тамъ, у нихъ?

— Я, вмѣстѣ съ прочими, переносилъ чрезъ границу разные товары въ тюкахъ. Часто приходилось убѣгать отъ таможенной стражи и отъ казаковъ.

— Знаешь ты этихъ людей, съ которыми ты вмѣстѣ промышлялъ?

— По лицу всѣхъ знаю, но по имени знаю только трехъ.

— Какихъ ты знаешь по имени?

— Одного стараго, сѣдаго еврея, со шрамомъ на щекѣ. Его зовутъ Моше, фамиліи не знаю.

— Еще кого?

— А вотъ этихъ двухъ!—указалъ арестантъ пальцемъ на Генеха и Шмуля.

Генехъ и Шмуль окаменѣли. Они не могли вымолвить ни одного слова, они только смотрѣли другъ на друга въ безмолвномъ ужасѣ. Раби Генехъ очнулся первый.

— Шмилъ... Ву-си-дусъ? (это что такое?)—едва прошепталъ онъ сыну.

— Их-вейсъ!? (развѣ я знаю?) — вполголоса отвѣтилъ Шмуль.

— Молчать, скоты!—загремѣлъ на нихъ исправникъ.—Гдѣ же ты скрывался все время, арестантъ?

— Я жилъ иногда со старикомъ Моше, а большею частью у раби Генеха въ домѣ, въ томъ чуланѣ, гдѣ вы видѣли меня, г. исправникъ.

— Не даромъ же тамъ нагорожено столько клѣтей! Какъ же они, твои сообщники, передали тебя сами мнѣ въ руки? Они же знали, что ты на нихъ донести можешь? Тутъ что-то не ладно. Не врешь ли ты, бестія? — накинулся исправникъ на Арона, разумѣется только для вида.

— Ясневельможній пани, онъ вретъ. Чтобъ мои глаза лопнули, чтобъ меня холера задушила, если онъ не вретъ— обрадовался Генехъ, бросившись цѣловать колѣни исправника. Но послѣдній такъ хватилъ его погою, что весь порывъ его внезапной благодарности разомъ прошелъ.

— Ваше высокородіе, позвольте мнѣ разсказать этимъ евреямъ маленькую исторію, случившуюся въ домѣ этого почтеннаго раби Генеха, вскорѣ послѣ происшествія съ казакомъ...

— Съ какимъ казакомъ?—не вытерпѣлъ спросить Шмуль.

— Тебѣ, любезный Шмуль, это происшествіе и этотъ... казакъ очень хорошо извѣстны.

— Ну, малый, ты уже началъ приплетать сюда чертъ знаетъ что такое—шепнулъ ему встревожившійся исправникъ.

Арестантъ пропустилъ мимо ушей замѣчаніе своего благороднаго союзника и продолжалъ:

— Итакъ, Шмуль, послѣ этого происшествія съ казакомъ и послѣ трехдневнаго отсутствія твоего изъ дому, въ одну страшную ночь мы, т. е. ты, сѣдой старикъ Моше со шрамомъ на щекѣ и я, навалили всѣ тюки съ контрабандой на твою телѣгу и привезли въ корчму твоего отца, раби Генеха. Наибольшее неудобство терпѣли мы въ дорогѣ отъ этой проклятой, длинной казацкой пики, которая никакъ не умѣщалась въ телѣгѣ, какъ мы ее ни укладывали. Мы было попробовали ее сломать, но она оказалась слишкомъ крѣпкой, еще крѣпче шеи того казака, котораго... Но объ этомъ послѣ...

— Ваше высокородіе — завопилъ дрожавшій, какъ листъ, Шмуль — онъ...

— Молчать, разбойникъ! Я давно знаю уже тебя, бездѣльника.

— Мы спѣшили укрыться съ нашимъ багажемъ и проклятою пикою и гнали лошадей изо-всей мочи. Мы даже не отступили предъ великимъ грѣхомъ и продолжали путь, не смотря на то, что была уже святая суббота — это было въ пятницу вечеромъ. Наконецъ, мы прибыли въ корчму: Шмуль сильно постучалъ. Кто-то отворилъ намъ и убѣжалъ. Мы въѣхали въ стадолу. Вы, раби Генехъ, выскочили на встрѣчу и, отъ радости, поцѣловали нѣсколько разъ сына и Моше, повторяя: «слава Богу, слава Богу! О, грѣхи наши тяжкіе! Я уже думалъ, что съ вами случилось несчастіе!» Мы торопливо стащили тюки и пику и сложили въ комнаткѣ Сарры. Шмуль требовалъ, чтобы пику тотчасъ же разрубили и сожгли, но вы, набожный раби Генехъ, не согласились сотворить такой грѣхъ въ субботу, а отложили это дѣло до слѣдующаго вечера. Потомъ мы приступили къ дѣлежу тюковъ. Я доли изъ товара не получалъ, потому что считался батракомъ. Долженъ былъ получить свою долю старикъ Моше. Онъ взялъ меня съ собой, какъ онъ мнѣ говорилъ, для того собственно,

чтобы я былъ ему въ помощь при дѣлежѣ. «Шмуль и его отецъ, Генехъ, такіе іорники и подлецы», сказалъ онъ мнѣ, «что они готовы надуть и обобрать своего же брата, контрабандиста». Сколько я могъ убѣдиться на дѣлѣ, Моше былъ совершенно правъ, имѣя подобное дурное мнѣніе о своихъ сотрудникахъ: какъ только дѣло дошло до дѣлежа, Шмуль и его отецъ начали заявлять такія несправедливыя претензіи противъ старика и такъ начали его обижать, что сердитый старикъ не выдержалъ и осыпалъ отца и сына ругательствами и угрозами. Это разозлило Шмуля. Онъ бросился на старика и схватилъ его за бороду. Но старикъ, почувствовавъ лапу Шмуля и сознавая себя не въ силахъ бороться съ такимъ медьѣдемъ, нагнулся, вытащилъ изъ голенища тотъ большущій ножъ, знаешь Шмуль? Ты помнишь, Шмуль, какъ ты долго боролся съ разозлившимся старикомъ? Какъ ты всей силой едва могъ удержать его руку, наровившую ударить тебя ножемъ, куда ни попало? Какъ ты, чувствуя свою неизбѣжную гибель, началъ умолять его о прощеніи, а онъ, старикъ, напиралъ на тебя съ этими словами: «погоди, молокососъ, я тебя научу уважать старшихъ; я тебѣ покажу, какъ надувать своихъ!»

Исправникъ былъ увлеченъ романтичностью разсказа и слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ. Но, вспомнивъ, что въ его глазахъ разыгрывается очень ловкій фарсъ, онъ вдругъ неудержимо разсмѣялся. Ему самому сдѣлалось какъ-то неловко отъ неумѣстной своей слабости.

— А ты же, храбрецъ, что дѣлалъ въ это время? Отчего не розпялъ драчуновъ?

— Ваше высокородіе, я было и вознамѣрился это сдѣлать, но какъ только завидѣлъ острый, блестящій ножъ, я такъ испугался, что забрался подъ кровать. Я ужасъ какъ боюсь и ножа, и ружья, и пистолетовъ!

— Воображаю каковъ изъ тебя будетъ воинъ! Ну, чтожъ было потомъ?

— Потомъ, вдругъ кто-то выломалъ дверь въ корчмѣ. Раби Генехъ крикнулъ: «сюда идутъ чужіе!» Старикъ Моше и я, испугавшись полиціи, убѣжали въ кухню, а оттуда, чрезъ окно, на улицу — и удрали домой.

Исправникъ свободно вздохнулъ.

— И больше ты ничего не видѣлъ?

— Нѣтъ, господинъ исправникъ. Чрезъ пять минутъ мы были уже въ степи.

Два мнимыхъ соучастника арестанта позеленѣли отъ ужаса. Лице Шмуля судорожно подергивало. Изъ выпученныхъ глазъ Генеха сочилась какая-то влага, которую никакъ нельзя было принять за обыкновенныя человѣческія слезы.

— Что вы на все это скажете, мошенники? — обратился къ нимъ исправникъ. Но спрошенные не поняли или не разслышали словъ исправника.

— Отецъ — шепнулъ Шмуль по-еврейски — мнѣ страшно, я умру. Это не еврей, а чертъ въ человѣческомъ образѣ.

Генехъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ и не былъ въ состояніи вымолвить ни одного слова.

Исправникъ, внимательно наблюдавшій за гримасами и жестами Генеха и Шмуля и убѣдившійся въ томъ, что они въ своемъ страхѣ доведены уже до послѣднихъ предѣловъ, счелъ этотъ моментъ самымъ удобнымъ для дальнѣйшихъ своихъ дѣйствій. Онъ позвонилъ. Вошли стражи.

— Уведите арестанта въ канцелярію и ждите моихъ приказаній. Пусть кто-нибудь принесетъ двѣ пары кандаловъ — добавилъ онъ, многозначительно взглянувъ на Генеха и сына. Арона вывели. Исправникъ собственноручно заперъ дверь на крючекъ.

— Ну-съ, негодяи — обратился исправникъ къ оставшимся Генеху и Шмулю. Такъ вотъ какъ вы прячете концы и ведете свои дѣла? А я, по добротѣ сердечной, сжалился надъ вами, когда вы ползали, какъ собаки, у моихъ ногъ, а теперь отвѣчай изъ-за васъ, скотовъ? Отчего вы не объявили

мнѣ, когда я васъ спрашивалъ, тогда... что у васъ имѣются еще и помощники, знающіе все...?

— Ваше высокородіе, этотъ... вретъ. Онъ никогда не былъ съ нами. Онъ все это выдумалъ. Клянусь вамъ пейсами и бородою, онъ вретъ.

— Твои вшивыя пейсы и бороду давно пора бы уже вырвать, распроанаѳема ты! Выдумалъ! вретъ!! А откуда же онъ знаетъ всю эту исторію? Развѣ это выдумки, а?

— Не знаю. Можетъ онъ по книгѣ какой узналъ. У насъ, ясневельможній пани, есть такая книжка, что по ней все узнаешь. Напримѣръ, сидишь вотъ тутъ, а видишь, что въ Бердичевѣ дѣлается; напримѣръ...

— Убирайся ты къ черту съ твоей паршивой книгой. Тутъ не книжкой пахнетъ, а кнутомъ и каторгой. Понимаешь ли эту мудрую книжицу? — спросилъ исправникъ Генеха, указывая краснорѣчивыми жестами на спину, лобъ и щеки.

— О, грѣхи наши тяжкіе! — прошепталъ Генехъ.

— Вы, мошенники, задумали избавиться отъ опаснаго для васъ дезертира, узнавшаго всѣ ваши продѣлки, и представили его мнѣ, какъ своего пойманника? Вы, олухи, думали, что онъ не посмѣетъ донести на васъ, потому что это значило бы донести на самаго себя? Анъ вышло совсѣмъ другое: вы попали на отчаяннаго головорѣза, который, чтобы вздуть васъ, не щадитъ и собственной шкуры.

Исправникъ зашагалъ по кабинету, притворяясь разъяреннымъ. Онъ изображалъ собою невинность, попавшую по чужой винѣ въ самое незаслуженное положеніе.

— Разскажите мнѣ, какъ было дѣло съ этимъ продувнымъ бродягой? Только чуръ не врать; всю правду подавай. Надобно спасать и себя и васъ, подлецовъ.

Генехъ и сынъ бросились цѣловать руки и ноги начальника.

— Полно слюнявить! Разсказывай!

— Перебивая другъ друга, отецъ и сынъ передали исправнику всѣ подробности пребыванія Арона въ ихъ домѣ; не утаили отъ него, какъ они похитили и сожгли его паспортъ, чтобы обратить его въ пойманники и получить цѣнную рекрутскую квитанцію; не скрыли также поступка Арона съ Саррой, облекая только этотъ поступокъ въ форму насилія, увѣряя при этомъ исправника, что дѣвушка чувствуетъ себя несчастною, что она плачетъ и рыдаетъ.

— Вотъ вся правда, какъ предъ вами, такъ и предъ Богомъ — заключилъ Генехъ. А что до казака и прочаго, то онъ вретъ, ей Богу, вретъ.

Исправникъ призадумался.

— А вотъ, что я вамъ скажу: для вашего спасенія дѣвку ему отдайте, чертъ съ ней...

— Ваше высокородіе, Сарру я люблю, она моя будущая жена — прервалъ его Шмуль.

Исправникъ подпрыгнулъ на цѣлый аршинъ.

— Что? Любишь?! Ты любишь, скотъ ты этакой? Ты забываешь, что Ванька катъ (палачъ) выколотитъ изъ тебя жидовскую любовь, что ты пойдешь туда... соболей ловить для жидовскихъ шапокъ? Забылъ ты это, а?

Шмуль поникъ головою и притихъ, понявъ всю силу этаго аргумента.

— Итакъ, дѣвку ему отдать, слышите ли? Дать ему на дорогу сотню-другую. А я его освобожу; пусть идетъ на всѣ четыре стороны.

— Все, что̀ прикажете, все исполнимъ—согласился отецъ и за себя, и за сына.

— Поймите, скоты, все то, что̀ я для васъ дѣлаю!

— До гроба будемъ молиться за ваше высокородіе, за вашу жену и дѣтокъ.

— Ну, теперь я велю привести арестанта. Я выйду, а вы съ нимъ и потолкуйте. Кончайте какъ можно скорѣе.

По приказанію исправника ввели опять Арона. Исправникъ вышелъ въ другую комнату съ какой-то бумагой въ рукѣ.

— Аронъ — бросились къ нему Генехъ и Шмуль—какая тебѣ польза изъ того, что ты губишь и себя, и насъ. Исправникъ хочетъ всѣмъ намъ помочь. Покончимъ это дѣло миромъ. Аронъ, умилосердись надъ нами, ты же еврей, ты же нашъ братъ.

— Какъ же окончить это, по вашему?

— А вотъ какъ. Исправникъ тебя освободитъ. Иди себѣ съ Богомъ, куда хочешь.

— Безъ паспорта? Благодарю покорно.

— Мы тебѣ и паспортъ доставимъ, хорошій, новый паспортъ.

— Ну, а дальше ничего?

— Мы и Сарру тебѣ отдаемъ. Она же теперь богатая, имѣетъ тысячу. Шутка ли, тысячу рублей!

— А Шмуль же какъ? согласенъ?—Шмуль махнулъ рукой.

— Аронъ, и на дорогу дамъ двадцать пять, и лошадь, и телѣгу тебѣ отдамъ. Бери Сарру и, какъ пара голубковъ, обнявшись, ступайте съ Богомъ!

— По мнѣ, я согласенъ, пожалуй. Не знаю, что запоетъ еще исправникъ? Впрочемъ... нѣтъ, не хочу. Я поклялся васъ проучить, бездѣльниковъ, и проучу. По одной дорогѣ съ вами— въ Сибирь!

Вошелъ исправникъ. Генехъ и Шмуль бросились на колѣни.

— Ваше высокородіе! и Сарру, и клячу, и деньги на дорогу даемъ, а онъ все не доволенъ. Было согласился совсѣмъ, а теперь опять назадъ. Развѣ это честно? Помогите, ваше высокородіе!

— Ахъ вы, негодяи! Какъ смѣете вы мнѣ, начальнику, предлагать подобное? Мнѣ что за дѣло вмѣшиваться въ ваши шашни? Вонъ! Эй, кто тамъ? Держать этихъ двухъ жидовъ въ канцеляріи, пока я ихъ потребую для вторичнаго допроса. Евреи ни живы, ни мертвы, были выведены изъ кабинета. Исправникъ тихо засмѣялся.

— Ну братъ, Аронка, ты пройдоха хоть куда. Молодецки напустилъ страховъ.

— Довольны вы мною, ваше высокородіе?

— Еще бы! Очень доволенъ. Далеко пойдешь. Помни ты мое слово: между своими бердичевскими первый будешь; современемъ сдѣлаешься архимошенникомъ.

— Благодарю на добромъ словѣ. Не хвастаясь, ваше высокородіе, скажу, что чувствую въ себѣ какую-то полицейскую способность. Не родись я жидомъ... О, охъ!

— Ну для этого, братъ, еще молоденекъ больно, не доросъ, щенокъ. Ну, ты свое дѣло кругло обдѣлалъ. Теперь моя очередь. Постараюсь повыжать маненько жидовскую мошну.

— А условія нашего не забыли?

— Пополамъ? какъ же! Но слушай, Аронка, скажи-ка ты, братъ, мнѣ, откуда ты узналъ всѣ эти хвосты, а?

— Увѣряю васъ, я ничего не знаю. Я только подслушалъ какой-то безсвязный разговоръ, казакъ... пика... драка... темная ночь... Моше со шрамомъ... ножъ... полиція... На этихъ-то словахъ я и состряпалъ имъ не вкусное блюдо.

— Молодецъ! дока! Такъ имъ и надо, подлецамъ. Шутка ли, заманить человѣка подъ видомъ братства и гостепріимства, а потомъ, для жалкихъ грошей какихъ-нибудь, его продать въ рекруты, въ солдаты, въ рабы. Это неслыханное варварство!

Опять раздался звонъ исправничьяго колокольчика. Опять вывели одного арестанта и поставили на мѣсто его двухъ. Въ кабинетъ внесли и желѣзные ручные кандалы, издававшіе роковое бряцаніе.

Исправникъ сидѣлъ угрюмый, облокотившись обѣими руками. Онъ былъ похожъ на человѣка, находящагося подъ вліяніемъ самыхъ мрачныхъ мыслей.

— Все погибло — процѣдилъ онъ наконецъ.

— Ясневельможній пане, неужели...

— Неужели?— заскрежеталъ исправникъ зубами.—Вы что думаете, бестіи, запрягли меня? Мнѣ что за дѣло? Погибайте,

подлецы. Наварили кашу, ну и расхлебывайте. Не думаете ли вы, что *я* боюсь чего-нибудь? Врете, я дѣлалъ обыскъ во-время. Я *тогда*... ничего не нашелъ, вотъ что. *Теперь*, когда, по показанію вашего же соучастника, начнется новое слѣдствіе, *теперь мы* откроемъ концы.

— Боже мой, Боже мой, неужели вы насъ не спасете? Мы вѣдь какъ были благодарны вашему высокородію... помните? За что же мы теперь погибать должны?

— А что могу я сдѣлать, Генька?—смягчился нѣсколько начальникъ.—Онъ требуетъ денегъ, много, много денегъ. Ты совсѣмъ не въ состояніи столько дать. Ты вѣдь нищій, я знаю. Какіе твои заработки!

— Ясневельмож... денегъ? Сколько? Ну?

— Вотъ сколько! — Исправникъ ткнулъ Генькѣ подъ самый носъ всѣ свои десять пальцевъ; затѣмъ еще два раза повторилъ эту операцію.

— Ахxx!!! —взвизгнулъ Генька, и лицо его искривилось отъ душевной боли.

— Много, а? Самъ знаю, что больно много. Значитъ и говорить не о чемъ. Впрочемъ подумайте.

Долго Шмуль что-то нашептывалъ отцу, но, повидимому, безуспѣшно.

— Нѣтъ, такихъ денегъ я отродясь и въ глаза не видывалъ—рѣшилъ Генехъ—пойду въ Сибирь. Вѣрно воля Божія. О, грѣхи наши тяжкіе!

— Какъ знаешь. Эй, кто тамъ?

Явился кто-то въ родѣ сторожа.

— Позвать Иванова! Скажи, чтобы приготовилъ приказъ о заключеніи двухъ новыхъ арестантовъ.

— Слушаю-съ. — Сторожъ вышелъ.

— Ваше высокородіе, что вы хотите съ нами дѣлать? — испуганно спросилъ Шмуль.

— Не думаете-ли, что я стану няньчиться съ вами цѣлую ночь? Я васъ отправлю куда слѣдуетъ. Утромъ приступимъ къ формальному уже допросу и слѣдствію. Вы, можетъ быть, спохватитесь, но будетъ уже поздно; не воротишь.

Шмуль опять началъ вполголоса увѣщевать отца.

— Ваше высокородіе—задребезжалъ разбитымъ голосомъ Генехъ—нельзя-ли на половину, ну хоть на двѣ?

— *Со мною* торгуешься, свинья! Для меня развѣ я требую? Я и *одной* былъ-бы счастливъ.

— При мнѣ такихъ денегъ нѣтъ, пани пулковнику. Вы теперь отпустите насъ домой, а завтра утромъ, чуть свѣтъ, мы соберемъ деньги и пріѣдемъ сюда поклониться вамъ.

— Ну, ужъ это, братъ Генька, дудки. Вы, собаки, пожалуй махнете оба на ту сторону... а я за васъ подставляй свою шею. Нѣтъ, врешь; я старый воробей, меня не проведешь. Шмуль эту ночь провѣтрится вмѣстѣ со своимъ другомъ Аронкой, а ты, пожалуй, поѣзжай. Если завтра до двѣнадцати часовъ не привезешь того, что нужно вручить дезертиру, то лучше уже и не являйся ко мнѣ на глаза, а удирай прямо въ Іерусалимъ, къ своимъ предкамъ-конокрадамъ.

Съ лицомъ человѣка, осужденнаго на казнь, выкарабкался Генехъ изъ кабинета представителя правосудія отжившихъ, печальныхъ временъ... Проходя мимо Арона, онъ остановился и поднялъ на него заплаканные, умоляющіе глаза.

— Раби Аронъ, вы убили меня, ограбили; вы пустили меня и мою бѣдную семью по міру, съ сумой на плечахъ. О, я несчастный!

— Раби Генехъ, мнѣ вашихъ денегъ не нужно.

— Не надо? А три... три тысячи карбованцевъ? Это что? Три тыс... О Боже, Божей мой, за что такъ тяжко меня наказываешь? О грѣхи...

— Не сокрушайтесь, раби Генехъ; клянусь вамъ Богомъ Авраама, Исаака и Якова, что всѣ деньги, которыя успѣю вырвать изъ жадныхъ рукъ исправника, всѣ я вамъ...

Отворилась дверь кабинета. На порогѣ явился грозный исправникъ. Аронъ и Шмуль были немедленно отведены въ

тюрьму, гдѣ на сыромъ полу, въ продолженіе длинной холодной ночи, они имѣли довольно времени размышлять о суетѣ міра и скоротечности человѣческаго счастья.

Оба арестанта держались поодаль другъ отъ друга. Къ утру, однакожъ, Шмуль не вытерпѣлъ и заговорилъ первый:

— Аронъ, сознаюсь, я гнусно поступилъ противъ тебя, но ты наказываешь насъ слишкомъ уже жестоко.

Аронъ молчалъ.

— Ты отнялъ у меня мою жизнь, мою душу, мою Сарру.

— Твою Сарру?!—воскликнулъ Аронъ.—По какому праву ты ее считаешь своей? Не потому-ли, что ты и твой подлый отецъ ее мучили и истязали въ продолженіе многихъ лѣтъ, какъ самую послѣднюю служанку?

— Я ее любилъ, Аронъ, видитъ Богъ, любилъ. Но она меня ненавидѣла. Я вспыльчивъ. О, я несчастный!

— Я сожалѣю, Шмуль, что у тебя такой жестокій характеръ, но все-таки не могу признать за тобой никакого права на Сарру.

— Сознаюсь что я самъ, по собственной винѣ, ее потерялъ. Ты лучше, красивѣе, умнѣе и ученѣе меня. Пусть она будетъ твоей. Но зачѣмъ ты грабишь моего стараго отца? Ты убиваешь его; онъ такого несчастія не переживетъ.

— Объ этомъ не безпокойся, Шмуль; деньги твоего отца будутъ цѣлы до копѣйки. Я ихъ самъ ему возвращу. Больше меня не спрашивай; я ничего тебѣ не скажу.

— Если ты исполнишь твое обѣщаніе, я забуду все; я любить тебя буду, и на Сарру я буду отнынѣ смотрѣть, какъ на родную сестру.

— Да проститъ тебя Богъ, какъ я тебя прощаю за эти добрыя слова. Дай руку, Шмуль!

Примирительная эта сцена была прервана полиціантомъ, потребовавшимъ обоихъ жидовъ къ исправнику. Въ кабинетѣ начальника стоялъ уже убитый Генехъ. Плаксивость его изнуреннаго лица, всклокоченныя, нечесанныя пейсы, вся согбенная, скорчившаяся фигура его ясно показывали, какую страшную, безсонную ночь провелъ онъ на трехъ своихъ пуховикахъ, показавшихся ему каменными. Шмуль съ жалостью посмотрѣлъ на отца и полушепотомъ, по-еврейски, спросилъ его:

— Что?

— Погибли! Все кончено—прохрипѣлъ отецъ, болѣзненно заломавъ руки.

— Ну-съ—произнесъ торжественно исправникъ—ты, Генька, и ты, Шмуль — свободны. Идите съ Богомъ и впередъ будьте осторожнѣе. А ты, молодецъ, останься еще; я долженъ тебя снабдить кой-какимъ видомъ, для большей твоей безопасности. Генехъ и Шмуль вышли, умильно поглядывая на Арона, кивнувшаго имъ чуть замѣтно головою.

— Ваше высокородіе—началъ Аронъ.

— Что тебѣ?—Исправникъ грозно насупилъ брови.

— Вы изволили только-что сказать, что вы меня желаете снабдить какимъ-то видомъ. На что онъ мнѣ?

— Хе, хе, хе! Это я такъ сказалъ этимъ собакамъ, для штуки. На что тебѣ видъ? У тебя такой исправный паспортъ, что ступай куда хочешь, хоть прямо къ Царю.

— А!

— Да. А ты и не догадался, умная башка?

— Что-же теперь?... Какъ прикажете?

— Съ Богомъ, братецъ, съ Богомъ. Я не имѣю права тебя задерживать ни минуты. Такъ, по закону.

— Значитъ: прощайте?

— Прощай, дружище. Желаю тебѣ успѣха. О, ты далеко пойдешь, очень далеко!

— Благодарю, ваше высокородіе, за лестное слово. А вы—пойдете... еще подальше. Счастливо оставаться!

Аронъ вышелъ. Исправникъ досталъ изъ подъ краснаго сукна цѣлую кипу бумажекъ, умильно разсмотрѣлъ ихъ, запряталъ въ боковой карманъ и, тщательно застегнувъ свой

форменный сюртукъ, крякнулъ самодовольно и взялся за военную фуражку.

Отворилась дверь кабинета. На порогѣ появился Аронъ.

— Тебѣ что? — окликнулъ его сурово исправникъ.

— Извините, ваше высокородіе. Одно слово.

— Что? Мнѣ нѣкогда.

— Я считаю долгомъ объяснить вамъ, г. исправникъ, одно обстоятельство.

— Какое?

— Вы изволили меня спросить во время допроса, какимъ образомъ я узналъ всѣ подробности одной извѣстной ночи?

— Да, да... Но теперь меня это ужь не интересуетъ.

— Напрасно. Это должно васъ *особенно* интересовать.

— Особенно? Почему?

— Изволите видѣть. Я вамъ еще не все высказалъ. Выслушайте меня, а потомъ судите, интересно-ли это для васъ, или нѣтъ.

— Говори, только не размазывай, пожалуйста. У меня довольно дѣла и безъ тебя.

— Я постараюсь не задерживать долго вашего высокородія моею болтовнею. Дѣло вотъ въ чемъ:

— Или говори скорѣе, или убирайся къ черту!

— Дѣло вотъ въ чемъ, ваше высокородіе—продолжалъ невозмутимо Аронъ—какъ вамъ извѣстно, я не дезертиръ и не бродяга.

— Знаю, знаю. Что-жъ изъ этого?

— И въ шайкѣ Шмуля и Генеха не состоялъ.

— И это знаю. Что дальше?

— Я не слышалъ никакого разговора между Генехомъ и Шмулемъ, а узналъ всѣ подробности болѣе вѣрнымъ путемъ: я былъ очевидцемъ всѣхъ описанныхъ мною на допросѣ сценъ.

Исправникъ опустился въ кресло.

— Я не въ первый разъ здѣсь, въ Ш. Мѣсяца три тому назадъ проходилъ я уже по этимъ мѣстамъ. Въ одну бурную

пятницу, я прибылъ сюда и остановился на субботу въ корчмѣ Генеха. Я еще не спалъ, когда поздно вечеромъ пріѣхалъ Шмуль со старикомъ Моше и начали выгружать изъ телѣги разные тюки и узлы и пронесли по корчмѣ длинную казацкую пику. Я на все это смотрѣлъ изъ своего угла на полу, гдѣ я лежалъ и притворялся спящимъ. Евреи, набожные евреи, пріѣзжаютъ въ субботу! Что-то неладно—подумалъ я. А эта пика? Что общаго между казацкою пикою и евреями? Я рѣшился зорко наблюдать. Они внесли весь багажъ въ боковую комнатку и заперлись тамъ. Я тихонько подкрался къ двери. Я прислушивался, стараясь не проронить ни одного слова. Но они говорили очень тихо. Шмуль разсказывалъ отцу, какъ во время перевозки съ той стороны они имѣли стычку со стражей... Всѣхъ подробностей я не могъ разслышать, но слышалъ все-таки на столько, чтобы увѣриться въ совершеніи ими убійства. Когда дѣло дошло до дѣлежа тюковъ, возникъ сильный споръ между старикомъ со шрамомъ и Шмулемъ. Споръ, начавшійся съ грубостей и упрековъ, дошелъ въ скорости до ножа. Я вбѣжалъ туда съ намѣреніемъ рознять противниковъ. Но въ это самое время ворвались въ корчму какіе-то люди. Генехъ закричалъ «Полиція! Мы пропали!» Старикъ Моше успѣлъ бѣжать, бросивъ ножъ. Я собрался тоже бѣжать за нимъ, но въ корридорѣ послышались шаги нѣсколькихъ человѣкъ. Боясь быть привлеченнымъ невинно къ пакостному дѣлу, я спрятался подъ кровать.

— Ты же говорилъ вчера, что убѣжалъ вмѣстѣ со старикомъ и черезъ пять минутъ былъ уже за городомъ?

— Извините, ваше высокородіе, я вчера солгалъ. Вчера были тутъ чужіе... Теперь-же мы одни.... Я спрятался подъ кровать. Только что успѣлъ я залѣзть туда, какъ вошли три полицейскихъ чиновника, лицъ которыхъ изъ подъ кровати нельзя было разсмотрѣть, но я ихъ узналъ по форменнымъ панталонамъ. Они накрыли разомъ и виновныхъ, и контрабанду, и даже казацкую пику. Послѣ короткаго допроса, одинъ

изъ нихъ написалъ что-то на бумагѣ, которую всѣ подписали и потомъ печатали. Генехъ и Шмуль упали на колѣни и начали кого-то умолять, упрашивать, цѣловать руки и ноги, пока тотъ что-то сказалъ Генеху и громко засмѣялся. Генехъ снова о чемъ-то сталъ просить, но просьбы его, кажется, не подѣйствовали. Тогда онъ досталъ цѣлую кучу денегъ... я самъ видѣлъ... и вручилъ... кажется... вамъ.

— Что?! Мнѣ? Каналья, какъ ты смѣешь?

— Г. исправникъ, неизвольте горячиться, а слушайте. Чиновникъ принялъ деньги, приказалъ скорѣе спрятать концы и вышелъ вмѣстѣ съ прочими. Черезъ нѣсколько минутъ затихло въ домѣ. Я вылѣзъ изъ подъ кровати. Шмуль на-скоро запрегъ телѣгу, навалилъ тюки и ночью же увезъ ихъ куда-то, а Генехъ собственноручно, несмотря на субботу, разрубилъ топоромъ пику на мелкіе кусочки и бросилъ ихъ въ печь, а желѣзо... Я на другой-же день убѣжалъ изъ дома преступниковъ. Доносить я не счелъ нужнымъ—я никогда не былъ доносчикомъ—и притомъ, я боюсь полиціи. Проходя теперь по городу, я вздумалъ посѣтить не Генеха, а Сарру, которую тогда еще успѣлъ полюбить. Меня обласкали и затѣмъ обокрали и вздумали спихнуть съ рукъ, какъ опаснаго свидѣтеля. Остальное все вамъ извѣстно.

— Ты лжешь!—сердито вскричалъ исправникъ.—Самъ говорилъ, что лицъ полицейскихъ чиновниковъ изъ подъ кровати видѣть не могъ, а потомъ осмѣливаешься увѣрять, что видѣлъ меня.

— Я точно сначала боялся выглянуть изъ подъ кровати, но когда я замѣтилъ, что дѣло идетъ на ладъ, я тихонько выглянулъ и увидѣлъ васъ, какъ вы взяли...

— Молчать! Врешь!

— Ваше высокородіе, вы, быть можетъ, успѣли послѣ долгаго времени позабыть. Вспомните, вы даже показали Генеху десять пальцевъ, а потомъ засмѣялись, а вслѣдъ за вами засмѣялись и всѣ прочіе.

Капитанъ-исправникъ расхрабрился, вскочилъ и всталъ передъ самымъ носомъ Арона.

— Ну, да. Я взялъ. Что-жъ изъ этого? Донести хочешь?

— Я еще пока не рѣшился, но... думаю донести.

— Донести? Кому? На кого? И ты думаешь, что тебѣ, скоту, такъ-таки и повѣрятъ на жидовское слово?

— Думаю, что повѣрятъ.

— Нѣтъ, врешь. Всякій доносъ, а тѣмъ болѣе на начальство, долженъ быть подкрѣпленъ доказательствами, а голословный доносъ есть навѣтъ... ябеда. За ябедничество на властей ссылаютъ, ты знаешь, шельма, куда?

— Знаю, ваше высокородіе. Туда... я попасть не хочу.

— Такъ молчи, да дышь.

— Молчать я все-таки не буду.

— Такъ сошлютъ.

— Нѣтъ, не сошлютъ, потому что надѣюсь доказать...

Исправникъ подпрыгнулъ, какъ ошпаренный.

— Доказать? А чѣмъ докажешь, свиное ухо ты?

— Ваше высокородіе, благоволите прослушать сей документецъ: «Актъ. Тысяча восемьсотъ .... года .... дня. Три часа по полуночи. Мы нижеподписавшіеся (слѣдуютъ чины, должности, имена, отчества и фамиліи) составили сей актъ въ слѣдующемъ: Вслѣдствіе письменнаго доноса, сдѣланнаго Ш—мъ мѣщаниномъ евреемъ Іоськой Клепелемъ на Ш—скихъ мѣщанъ евреевъ Генеха и Шмуля Кнопъ о прямомъ соучастіи послѣднихъ въ провозѣ .... числа контрабанды съ австрійской границы и въ удушеніи при этомъ казака Федота Калмарченка, былъ учиненъ нами обыскъ въ домѣ вышерѣченнаго Генеха Кнопа, причемъ, въ боковой комнатѣ, принадлежащей дочери его, Саррѣ Кнопъ, найдены восемь большихъ тюковъ съ разными шелковыми тканями и пять меньшихъ тюковъ разныхъ лентъ и кружевъ, и подъ тѣми тюками отыскана казацкая пика, что, должно полагать, та самая, которая при трупѣ удушеннаго казака Федота Калмарченка не оказалась.

Въ удостовѣреніе чего и подписываемся». (Слѣдуютъ подписи исправника и еще двухъ чиновниковъ).

Исправникъ, казалось, онѣмѣлъ отъ ужаса. Онъ разинулъ ротъ и безсмысленно смотрѣлъ помутившимися глазами.

— Вы сами-же тогда прочли этотъ актъ — продолжалъ Аронъ—развѣ вы уже забыли? А я внимательно слушалъ изъ подъ кровати. У меня, изволите видѣть, порядочная память.

Исправникъ очнулся нѣсколько. — Только-то? Ну, это еще не важно. Что съ воза упало, то пропало.

— Съ воза—можетъ быть, но со стола... врядъ-ли.

— Съ какого стола?

— Съ того стола, на которомъ актъ сей былъ составленъ. Изволите видѣть. Какъ только вы получили у Генеха деньги, всѣ засуетились. Въ этой суматохѣ бумага очутилась подъ столомъ. Какъ только вы вышли, я ее и сцапалъ. Она написана такимъ красивымъ почеркомъ, что я все время по ней учился писат по-русски, какъ по прописи. Вотъ почему я ее и выучилъ наизустъ; вотъ почему...

— Исправникъ стремглавъ бросился въ другую комнату и вбѣжалъ назадъ съ толстымъ портфелемъ въ рукахъ. Торопливо открывъ его дрожащими руками, онъ началъ рыться во всѣхъ его отдѣленіяхъ, перекладывалъ перебрасывалъ всѣ бумаги, но искомаго не оказалось. Онъ вздрогнулъ. Портфель вывалился изъ рукъ.

— Его нѣтъ—простоналъ онъ.

— Да какъ-же ему быть тамъ, когда онъ... у меня?

— Разбойникъ, давай документъ, не то...

— Г. исправникъ, берегитесь, не кричите; могутъ подслушать. Притомъ приказаніемъ и крикомъ вы со мною ничего не подѣлаете. Чѣмъ грубѣе вы будете, тѣмъ упорнѣе я буду. Я вѣдь теперь обладаю и собственнымъ, и вашимъ паспортомъ. Вашъ поведетъ васъ... если я захочу... туда, гдѣ больно холодно, прямо по Владимірке!

— Но, что тебѣ отъ меня угодно?

— Я хотѣлъ проучить подлецовъ Генеха и Шмуля, но не согласенъ на то, чтобы ихъ ограбили.

— Что тебѣ за дѣло до нихъ?

— Они евреи, люди—и кромѣ того, волей-неволей, одинъ изъ нихъ—мой тесть, а другой—мой братъ.

— Аронъ, другъ, хочешь половину?

— Половину вы должны мнѣ дать по уговору. Вы надули меня и пожелали мнѣ счастливой, но пустой дороги. Вы поступили неблагородно. Теперь я раздумалъ; я воровскихъ денегъ не хочу. Давайте всѣ сюда. Я ихъ возвращу Генеху.

— Но вѣдь ты меня грабишь, у меня тоже жена и дѣтки. Подумай, братецъ ты мой!

— Г. исправникъ, деньги или Сибирь!—тихо, но твердо отрѣзалъ еврей. Аронъ, по гордости осанки и по рѣшительному выраженію лица, былъ неузнаваемъ.

— Будь ты трижды проклятъ!—ругнулъ исправникъ и началъ отстегивать форменный сюртукъ. Доставай актъ!

— Доставайте деньги!

— Вотъ деньги. Да тотъ-ли еще документъ, шельма?

— Смотрите, г. исправникъ.—И Аронъ издали показалъ развернутый актъ.

Съ обѣихъ сторонъ были приняты всевозможныя мѣры предосторожности при обмѣнѣ, и когда операція эта была окончена, исправникъ закричалъ:

— Ну, свиное ухо, теперь вонъ! вонъ!! Эй! кто тамъ?

Еврей не трогался съ мѣста.

— Ваше высокородіе, одно слово.

— Что?! Опять одно слово?

— Помните... тамъ... въ корчмѣ....

— Это что опять?—Исправникъ, пришедшій было въ себя, опять побѣлѣлъ, какъ стѣна.

— Не пугайтесь, ваше высокородіе. Я хотѣлъ только спросить... какъ жиды харамаркаютъ въ синагогѣ. Вы это тамъ, въ корчмѣ, такъ хорошо сдѣлали...

Исправникъ выругался очень крупнымъ словцомъ и, схвативъ чернильницу со стола, съ крикомъ: «жидъ!» пустилъ прямо... въ лицо... своего письмоводителя, который въ это время, переполошенный, внезапно ворвался въ кабинетъ.

— Чиновникъ особыхъ поруч... Чернильница заклепала ему ротъ. Письмоводитель не успѣлъ еще очнуться отъ чернильнаго сюрприза, какъ въ кабинетъ вошли какіе-то два очень благообразныхъ чиновника.

— Г. исправникъ? — спросилъ одинъ поосанистѣе.

— Къ услугамъ... Имѣю честь—пролепеталъ сконфуженный до крайности исправникъ.

— Чиновники особыхъ порученій его п — ва генералъ-губернатора, по дѣлу объ удушеніи казака Калмарченка. Вотъ мое предписаніе.

Исправникъ низко поклонился.

— Надѣюсь—продолжалъ вѣжливо чиновникъ—вы извините, г. исправникъ, что я взялъ на себя смѣлость распорядиться отъ вашего имени, не предувѣдомивъ васъ. Дѣло важное, не терпящее отлагательства. По поданному мнѣ доносу, убійцами оказываются нѣкто Шмуль Кнопъ и Моше Карцъ, а главнымъ соучастникомъ Генехъ Кнопъ. Противъ нихъ явныя, неоспоримыя улики, и я счелъ нужнымъ ихъ тотчасъ-же арестовать. Они уже переданы въ здѣшнюю тюрьму по моему предписанію. Вотъ квитанція.

Исправникъ окамѣнѣлъ на мѣстѣ.

— Ваше высокородіе—обратился Аронъ къ чиновнику.

— Тебѣ что угодно?—удивленно спросилъ чиновникъ.

— Вы изволили сказать, что Генехъ, Шмуль и Моше уже арестованы и что противъ нихъ представлены *явныя, неоспоримыя* улики?

— Да. — Чиновникъ смѣрилъ дерзкаго еврея взглядомъ съ головы до ногъ.

— Значитъ—воля Божія. Я не буду доносчикомъ, если выдамъ и другихъ соучастниковъ—произнесъ еврей грустнымъ голосомъ.

— Что говоришь ты, еврей?

— Передъ входомъ вашимъ, я вручилъ г. исправнику документецъ... актъ, имъ самимъ по этому уголовному дѣлу три мѣсяца тому назадъ составленный и подписанный. Благоволите, г. чиновникъ, потребовать отъ г. исправника этотъ документъ. Онъ объяснитъ и выяснитъ вамъ все дѣло. А вотъ и ножъ... принадлежащій Моше Карцу. А меня, до допроса, велите арестовать

Сцена была поразительная. Исправникъ замеръ. Чиновникъ, изумленный, переносилъ свои взоры отъ еврея на исправника, отъ исправника на ножъ. Письмоводитель, съ замараннымъ чернилами лицомъ, хлопалъ только недоумѣвающими глазами. Другой чиновникъ пытливо смотрѣлъ на опеломленнаго исправника и дергалъ своего товарища за фалду вицмундира. Одинъ еврей спокойно смотрѣлъ всѣмъ въ глаза. Это напряженное состояніе продолжалось нѣсколько минутъ. Наконецъ, чиновникъ по осанистѣе очнулся первый.

— Г. Исправникъ, о какомъ актѣ говоритъ этотъ еврей?

Исправникъ молчалъ.

— Г. Исправникъ, покорнѣйше прошу подать сюда этотъ актъ, относящійся къ порученному мнѣ дѣлу.

Исправникъ медленно, болѣзненно, занесъ руку къ пуговицѣ, но... вдругъ захрипѣлъ и всей тяжестью своего тучнаго тѣла скатился на полъ...

Прошелъ слишкомъ годъ.

Вмѣсто прежней грязи, пыли, копоти, паутины и домашняго хаоса, въ корчмѣ Генеха Кнопа господствовали теперь вездѣ порядокъ, миръ, чистота и опрятность. Былъ еврейскій праздникъ Пасха, тотъ праздникъ, съ приближеніемъ котораго евреи обнаруживаютъ особенную чистоту и безчеловѣчно преслѣдуютъ невинныхъ клоповъ и прочихъ домашнихъ насѣко-

мыхъ, выгоняя ихъ изъ уютныхъ норокъ, точно также, какъ преслѣдовались и изгонялись сами евреи въ средневѣковыя времена... Это сравненіе неизящное... но оно имѣетъ болѣе глубокій смыслъ! Какъ клопы и ихъ достойная братія суть продуктъ собственной домашней неопрятности и неряшливости хозяевъ, такъ точно и темныя сторочы евреевъ составляли и составляютъ результатъ того нелѣпаго обскурантизма, того возмутительнаго воззрѣнія на людей и вещи, подъ вліяніемъ которыхъ совершались и совершаются самыя невѣроятныя событія; предпринимались и предпринимаются возмутительныя охоты на цѣлыя секты, на цѣлыя націи, лишь за одно ихъ иноплеменное происхожденіе, за одно ихъ иновѣріе. Неряшливые хозяева сами разводятъ клоповъ. Истребляя ихъ, они правы по своему. Но правы и клопы: они говорятъ: «Были-бы вы сами почище, поопрятнѣе, поразумнѣе, почеловѣчнѣе и мы не были-бы клопами...»

Въ столовой, гдѣ закатывалъ глаза раби Генехъ, гдѣ обжирался Шмуль, гдѣ обливалась горькими слезами болѣзненная Рахиль, гдѣ единственной служанкой фигурировала безропотная Сарра,—въ этой самой столовой, только весьма опрятно, хоть и просто убранной, у круглаго стола, покрытаго бѣлой, какъ снѣгъ, скатертью, уставленнаго по-европейски приборами и всѣми столовыми принадлежностями—сидѣли, по окончаніи ужина, молодой мужчина и три женщины, одна еще очень молодая, а двѣ—почти старухи. Лица всѣхъ дышали радостью и довольствомъ. Молодой человѣкъ съ умнымъ, мужественнымъ выраженіемъ лица, одѣтый въ шелковый черный кафтанъ съ откиднымъ бѣлымъ воротникомъ на шеѣ, съ изящною бархатною ермолкой на головѣ, держалъ въ своей рукѣ красивую, бѣлую руку своей молодой сосѣдки и нѣжно смотрѣлъ ей въ глаза. Сосѣдка эта, въ цвѣтномъ шелковомъ платьѣ, съ жемчужной повязкой на головѣ, обвила лѣвою рукою шею молодаго человѣка и, плотно прижавшись къ нему, удобно уложила свою головку на широкое плечо своего сосѣда. Лицо молодой женщины дышало тѣмъ душевнымъ счастьемъ, той очаровательной мечтательностью, которыя придаютъ прелесть и красоту лицамъ самымъ неправильнымъ. Противъ нихъ сидѣли двѣ пожилыя, почти уже старыя женщины, въ національныхъ еврейскихъ костюмахъ старыхъ временъ. Долго онѣ съ нѣжнымъ участіемъ любовались молодою парочкой. Потомъ вдругъ, какъ бы сговорившись, обѣ заплакали и бросились другъ дружкѣ въ объятія.

— Маменька!—взволновалась молодая женщина—чего вы расплакались? Развѣ въ такой торжественный праздникъ плачутъ набожные люди?

— Нѣтъ, дитя мое, это... не слезы, это избытокъ счастія—оправдывалась одна изъ старухъ.

— А я—сказала другая—видитъ Богъ, какъ я ему благодарна за счастіе моей дорогой Сарры. Но... не могу удержаться отъ слезъ, когда вспомню, какъ несчастные другіе томятся въ каторгѣ, въ то время, какъ мы... Она не могла кончить и зарыдала.

— Полно, теща—утѣшалъ ее молодой человѣкъ — не мы причиною ихъ несчастія, а ихъ собственные поступки.

Молодая женщина глубоко вздохнула и подняла голову.

— Когда я, мой дорогой Аронъ, вспомню прошлое и сравню его съ настоящимъ моимъ безконечнымъ счастіемъ, я просто не вѣрю, что это я, что эта та запачканная, сонная, вѣчно недовольная, печальная, брюзгливая служанка, которую и Генехъ, и Шмуль...

— Дочь моя, не вспоминай зломъ несчастныхъ, не гнѣви Бога. «Не радуйся при паденіи твоего врага»—повелѣлъ Господь.

— Я и не радуюсь, мама, но и печалиться не могу.

— Послушайте, теща—серьезно замѣтилъ Аронъ — я далеко не злой человѣкъ, но если сказать правду, то я жалѣю лишь Шмуля. Не за то, что онъ побывалъ въ рукахъ палача, не за то, что онъ работаетъ въ рудникахъ, нѣтъ—это заслу-

женная участь всѣхъ убійцъ; но я жалѣю его за то, что онъ собственнымъ звѣрствомъ, собственной дикостью потерялъ такой перлъ, такое сокровище, какъ моя женушка. — Аронъ нѣжно обнялъ и поцѣловалъ Сарру.—Но раби Генеха, этого стараго негодяя и отъявленнаго мерзавца, готоваго продать человѣческую жизнь за нѣсколько сотень карбованцевъ и при этомъ призывать Бога—его я не жалѣлъ и не жалѣю. Воображаю, какъ онъ теперь въ Сибири няньчится съ своими бумажками, которыя я вручилъ ему тайно, при отправкѣ на вѣчное жительство. Онъ и тамъ, вѣроятно, поднимаетъ ежеминутно глаза къ небу, вздыхаетъ и набожно произноситъ: «О, грѣхи наши тяжкіе!»

Молодой человѣкъ при этомъ такъ комично закатилъ глаза, такъ искусно поддѣлался подъ голосъ ханжи Генеха, что молодая женщина залилась самымъ искреннимъ, дѣтскимъ смѣхомъ, и даже Рахиль не могла удержаться отъ улыбки.

— Мамаша — обратился Аронъ къ другой старухѣ — ты устала, моя милая. Иди спать. Спокойной ночи!

Обѣ старушки поцѣловали дѣтей и вышли.

Молодой человѣкъ нѣжно привлекъ къ себѣ Сарру.

— Ты мое счастіе, Сарра!

— А ты... мой пойманникъ, Аронъ!

А капитанъ-исправникъ? Наказали-ли его по заслугамъ?

О, да! Его... перевели въ другой уѣздъ, гдѣ еще больше кишѣло польскими Генъками и Шмульками. Рука руку моетъ...

Таковы были судъ и администрація добрыхъ старыхъ временъ... Таковы были герои нашего невымышленнаго разсказа.

Г. Багровъ.

Симферополь.

Нахумъ Ишъ-гамзу.

Еврейская легенда.

— «Никто, какъ Богъ! Все къ лучшему на свѣтѣ!»
При всѣхъ бѣдахъ иного объясненья
Не ждали отъ учителя Нахума.
Покорностью великой и терпѣньемъ
Онъ въ жизни отличался, вынося
Безропотно слѣпой судьбы удары.
«Все къ лучшему!» твердилъ онъ постоянно:
«Вѣдь розы выростаютъ изъ шиповъ,
И та пчела, которая насъ жалитъ,
Приноситъ сладкій медъ». Такъ жилъ Нахумъ
И за святого мужа слылъ въ народѣ
И поражалъ всѣхъ крѣпостью своей
Во годины многихъ тяжкихъ испытаній.

Въ тѣ времена его единовѣрцевъ
Отъ ужаса заставилъ трепетать
Одинъ изъ повелителей Востока.
Гроза была уже надъ головой
И ждать спасенья неоткуда было.
Евреямъ оставалось откупиться
У жаднаго тирана, чтобъ спасти
И жизнь свою и свой очагъ домашній.
Собравши драгоцѣнности, какія

Нашлись у нихъ, отправились они
Къ Нахуму, чтобъ склонить его явиться
Съ дарами ихъ передъ лицо владыки.
Одинъ Нахумъ, по мнѣнію народа,
Способенъ былъ смягчить тирана гнѣвъ.

Нахумъ не отказалъ единовѣрцамъ.
Усердно помолившись и сложивъ
Всѣ вещи драгоцѣнныя въ шкатулку,
Въ дорогу онъ отправился.
Близка
Была ужь ночь и солнце западало,
А онъ еще столицы не достигъ.
Чтобъ избѣжать опасности ночнаго
Пути, Нахумъ сталъ думать о ночлегѣ
И вскорѣ, какъ нарочно, увидалъ
Среди поляны хижину. Хозяинъ
Съ хозяйкою стояли у порога
И, путника привѣтствуя радушно,
Съ нимъ раздѣлили ужинъ скромной свой
И уложили спать на свѣжемъ сѣнѣ;
Нахумъ уснулъ сномъ крѣпкимъ.
Между тѣмъ
Хозяева, замѣтивъ у Нахума
Ларецъ, что̀ подъ полою пряталъ онъ,
За ужиномъ не разъ перемигнулись.
— «Не даромъ онъ его такъ бережетъ»,
Жена шепнула мужу: «вѣроятно,
Лежатъ въ немъ драгоцѣнности и деньги».

— «А вотъ увидимъ!» мужъ ей отвѣчалъ
И только лишь уснулъ Нахумъ, тихонько
У спящаго тотъ ящикъ утащилъ.
Когда-жъ они раскрыли этотъ ящикъ,
То просто не повѣрили глазамъ:
Такъ ихъ смутилъ невиданныхъ сокровищъ
Роскошный видъ. Не медля ни минуты

Ихъ вынули изъ ящика они
И вмѣсто драгоцѣнностей набили
Его землей и щебнемъ.
На зарѣ
Нахумъ проснулся. Тихо сотворивши
Обычную молитву, прежде чѣмъ
Пуститься въ путь, онъ заглянулъ въ свой ящикъ:
О, ужасъ! драгоцѣнности исчезли
И вмѣсто ихъ — земля одна и щебень.

Ктобъ не пришелъ въ отчаянье при этомъ?
Съ такимъ трудомъ добытое богатство,
Которымъ только думали спасти
И честь и жизнь гонимаго народа,
Пропало невозвратно. Но Нахумъ
Умѣлъ и при такомъ несчастьѣ духомъ
Не падать. Онъ сталъ только размышлять
О томъ, какъ поступить теперь. Покража
Была ясна и воръ былъ на лицо.
Но какъ же уличить его? Кражу
Не трудно скрыть; свидѣтелей не сыщешь,
А высказавши вору подозрѣнье,
Его озлобишь только. Что же дѣлать?
И какъ всегда, Нахумъ сказалъ одно:
«Никто, какъ Богъ! Все къ лучшему на свѣтѣ!»
И онъ рѣшился путь свой продолжать,
На волю Провидѣнья полагаясь,
И отнести къ тирану свой ларецъ.

Оконченъ долгій путь. Передъ престоломъ
Владыки въ прахъ склоняется Нахумъ
И говоритъ: «Великій Государь!
Я, вѣрный рабъ покорнаго народа,
Который удивляется тебѣ
И предъ твоей немилостью трепещетъ,
Принесъ къ тебѣ привѣтъ отъ всей страны.
При выраженьи вѣрности безмѣрной

Посильный даръ тебѣ она прислала:
Вотъ въ этомъ самомъ ящикѣ найдешь
Ты много драгоцѣнностей. Владыка!
Принятьемъ ихъ народъ нашъ удостой!»

Царь взялъ ларецъ, раскрылъ его... Что это?
Казалось цѣлый адъ заликовалъ.
Глаза тирана молніи метали
И словно сжечь хотѣли въ мигъ одинъ
И дерзкаго посла и весь презрѣнный
Его народъ. Отъ ярости и гнѣва
Владыка задыхался и не могъ
Сказать двухъ словъ; кругомъ всѣ трепетали
Отъ страха. Лишь спокойнымъ оставался
Одинъ Нахумъ.
Но царь пришелъ въ себя:
Еще одна минута — и сорваться
Могъ съ языка жестокій приговоръ,
Но вдругъ одинъ изъ царскихъ приближенныхъ
Осмѣлился смирить владыки гнѣвъ.
— «Могучій повелитель нашъ!» сказалъ онъ:
Молю — умѣрь свое негодованье
И выслушай меня... Какъ! Могъ-ли ты
Подумать, что народъ, тебѣ подвластный,
Дрожащій предъ именемъ твоимъ,
Рѣшится на такое оскорбленье?
Нѣтъ, государь! Тутъ что-то есть такое,
Чего еще не знаемъ мы. Тебя-ли
Сребромъ и златомъ можно удивить?
А этотъ прахъ... кто вѣдаетъ, какая
Таится сила въ немъ? Припомнилъ я
Объ ихъ родоначальникѣ еврейскомъ,
Который назывался Авраамомъ.
Четыре сотни воиновъ имѣя,
Могъ поразить онъ четырехъ царей
При помощи земли, имѣвшей силу
Враговъ мечи и стрѣлы притуплять.

Потомки Авраама, можетъ статься,
Безцѣнную ту землю шлютъ тебѣ...»

Такая мысль тирана изумила
И онъ сказалъ: «Посмотримъ; а посла
Пока подъ крѣпкой стражею держите».

Давно тиранъ войну велъ на Востокѣ
Съ однимъ народомъ храбрымъ, но не могъ
Его осилить въ битвахъ. И рѣшившись
Надъ нимъ подарка силу испытать,
Велѣлъ своимъ войскамъ вооружиться
Землею чудотворной и — о, диво! —
Была война окончена побѣдой.
Успѣхомъ упоенный, возвратился
Въ свою столицу царь, гдѣ наградилъ
Нахума очень щедро. Въ тотъ же ящикъ,
Гдѣ находилась чудная земля,
Каменьевъ драгоцѣнныхъ наложили
И, въ царской благосклонности увѣря,
Нахума отпустили.
И назадъ
Пошелъ Нахумъ своей дорогой прежней
И снова на ночлегъ остановился
Въ той хижинѣ, гдѣ былъ ограбленъ онъ.
А въ воровскомъ притонѣ уже знали
О свойствѣ непонятномъ той земли
И, слушая Нахума, изумлялись,
Что царь ему не мало далъ сокровищъ,
Которыя онъ несъ въ своемъ ларцѣ.
Нахумъ ушелъ, грабители же стали
Соображать: «Вотъ счастіе для насъ!
Теперь мы понимаемъ, что таится
Особенная сила въ грязной глинѣ;
Соскобленной со стѣнъ избушки нашей».
И стѣну бѣдной хижины они
Тотчасъ же изломали и къ тому же

Тирану пыльный мусоръ повезли.
Царю пришлось рѣчь выслушать такую:
— «О, грозной повелитель! Привело
Къ тебѣ насъ очень важное открытье.
Знай, властелинъ, что чудная земля
Въ ларцѣ израильтянина Нахума
Есть только прахъ отъ нашего жилища:
Мы собственной рукою той землей
Его ларецъ наполнили. Теперь же
Сломавши стѣну хижины своей,
Весь мусоръ привезли къ тебѣ. Ты можешь
При помощи его чудесной силы
Весь міръ завоевать себѣ».
Тиранъ
Исторіей такою непонятной
Былъ изумленъ не мало.
— «Трепещите!
Воскликнулъ онъ — «когда изъ вашихъ устъ
Неправду я услышалъ. Испытанье
Надъ вашею землею мнѣ раскроетъ
Всю истину».
Не трудно угадать
Что было преступленіе открыто,
И вмѣсто ожидаемыхъ наградъ,
Грабителей постигло наказанье,
Нахумъ же произнесъ, какъ и всегда:
«Никто, какъ Богъ! все къ лучшему на свѣтѣ!»

Дм. Минаевъ.

КЪ ИСТОРІИ ЗАПАДНО-РУССКИХЪ ЕВРЕЕВЪ.

(Изъ сочиненія Соломона Беннетта).

Въ 1809 году, въ Лондонѣ появилось сочиненіе польскаго выходца, еврея *Соломона Беннетта*, подъ заглавіемъ: «The Constancy of Israel» (твердость Израиля), служившее отвѣтомъ на посланіе къ евреямъ лорда Крафорда, который, ссылаясь на извѣстныя толкованія св. писанія, приглашаетъ ихъ принять христіанство. Въ концѣ этого сочиненія, послѣ изображенія въ краткихъ чертахъ всей исторіи евреевъ и юдаизма, Беннеттъ обращается къ современнымъ ему евреямъ и рисуетъ ихъ тогдашнее положеніе въ разныхъ европейскихъ государствахъ и, между прочимъ, болѣе подробно останавливается на положеніи ихъ въ только-что соединенной тогда къ Россіи Бѣлоруссіи *). Это сообщеніе характе-

*) Прежде чѣмъ Беннеттъ начинаетъ свое сообщеніе о современныхъ евреяхъ, онъ обращается къ читателю съ слѣдующими словами:

„Кто безпристрастно взвѣситъ мой краткій отчетъ о современномъ положеніи евреевъ въ разныхъ христіанскихъ государствахъ, тотъ увидитъ, что старый предразсудокъ римской церкви противъ евреевъ еще и теперь, болѣе или менѣе, господствуетъ у ея приверженцевъ и что въ нѣкоторыхъ странахъ угнетеніе евреевъ до сихъ поръ еще имѣетъ мѣсто. Если безпристрастно сопоставить гнетъ и лишенія, которымъ подвергаются евреи, съ ихъ умственною и матеріальною дѣятельностью, то ихъ слѣдуетъ жалѣть, а не смѣяться надъ ними, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые древніе и новые христіане-писатели, наполнявшіе страницы своихъ сочиненій ядомъ, чтобы осквернить все еврейское племя. Мы набросимъ лучше покровъ, дабы не видѣть этого безнравственнаго и безчеловѣчнаго обращенія, которое въ общемъ и частностяхъ позволяютъ себѣ относительно потомковъ Якова. Отнимите у дерева питающую его почву, его произрастаніе ослабѣетъ и плоды его сдѣлаются тощими. Точно то же совершается съ отдѣльными людьми и цѣлыми народами“.

ризуетъ отчасти отношеніе вновь назначенныхъ тогда русскихъ властей къ евреямъ. Матеріалы по исторіи евреевъ въ Россіи вообще такъ скудны, что всякое подобное сообщеніе, намъ кажется, должно имѣть особенное значеніе, а потому мы рѣшились познакомить читателя съ извѣстіями, сообщаемыми Беннеттомъ. Надо думать, что въ архивахъ Витебска, Полоцка или Могилева находятся документы, относящіеся къ положенію евреевъ въ Бѣлоруссіи послѣ присоединенія ея къ Россіи, такъ какъ Беннеттъ упоминаетъ даже о жалованной граматѣ, данной евреямъ Екатериной II, и мы были весьма обязаны, еслибы кто-нибудь сообщилъ намъ болѣе подробныя свѣдѣнія относительно приводимаго ниже эпизода.

Бывшая Польша считалась, въ прежнее время, главнымъ убѣжищемъ евреевъ въ Европѣ, и тамъ, дѣйствительно, нѣтъ ни одного городка, мѣстечка, села, мызы или постоялаго двора, которые не имѣли бы извѣстнаго числа еврейскихъ обитателей. Въ виду этого, обыкновенно считали, что въ Польшѣ живетъ болѣе двухъ милліоновъ евреевъ. Съ ужасомъ вспоминаю я еще и теперь изъ моего дѣтства о томъ гнетѣ и тѣхъ жестокостяхъ, которые нѣкоторыя личности позволяли себѣ въ этомъ королевствѣ относительно евреевъ, и о потокахъ крови, которые проливались изъ-за мнимыхъ обвиненій, взводимыхъ на нихъ католическими попами. Самымъ главнымъ и въ то же время самымъ нелѣпымъ обвиненіемъ было то, что евреи совершаютъ убійства съ цѣлью добыть христіанской крови для своихъ пасхальныхъ опресниковъ. Это было общимъ мнѣніемъ. Во всѣхъ католическихъ странахъ распространено было это, внушенное злостью и ненавистью, ученіе, которое имѣло свое начало въ Италіи, Испаніи и Португаліи, до изгнанія евреевъ изъ этихъ государствъ (симптомы такихъ измышленій мы встрѣчаемъ также въ англійской исторіи, въ царствованіе Генриха III), и которое и въ настоящее время выдается за истину многими изъ черни. Это было единственное обвиненіе, которое взводили на нихъ съ страшною жестокостью и которое, при помощи вымогательствъ церкви и ея представителей, служило значительнымъ источникомъ дохода. Но послѣдній польскій король, вмѣстѣ съ своими министрами, присягнулъ у престола, что эти обвиненія ложны, и объявилъ, что всѣ подобныя обвиненія нетолько не будутъ приняты во вниманіе, но обвинители, кромѣ того, будутъ наказаны, какъ жаждущіе крови убійцы, — и во всѣхъ польскихъ владѣніяхъ провозглашены были общая свобода и терпимость.

Относительно цивилизаціи и образа жизни евреевъ въ Польшѣ должно замѣтить, что они, главнымъ образомъ, отличаются своимъ костюмомъ и прилежаніемъ, съ которымъ они изучаютъ еврейско-богословскія науки, какъ напримѣръ, талмудъ, обрядовыя и правовыя постановленія. Они обладаютъ значительнымъ остроуміемъ, весьма склонны къ философскимъ и другимъ научнымъ занятіямъ, хотя страна эта не достигла еще той степени образованія, которое требуется для развитія подобныхъ возвышенныхъ знаній. Они доставляютъ извѣстный контингентъ искусныхъ медиковъ, хирурговъ и реториковъ. Въ нихъ есть еще та хорошая сторона, что тѣ ничтожныя пресмыкающіяся, которые извѣстны подъ именемъ раввиновъ и которые, въ нравственномъ отношеніи, стоятъ не выше монаховъ римско-католической церкви, не играютъ въ польскихъ земляхъ никакой роли. Что касается ихъ домашнихъ занятій, то богатые изъ нихъ ведутъ обширную оптовую и мелочную торговлю. Многіе изъ нихъ владѣютъ пивоваренными и винокуренными заводами; нѣкоторые суть сборщики пошлинъ и содержатели постоялыхъ дворовъ. Болѣе бѣдный классъ занимается всякаго рода механическими ремеслами, отъ грубыхъ кузнечныхъ и до тонкихъ ювелирскихъ работъ. Словомъ, они обнаруживаютъ усердную дѣятельность во всѣхъ своихъ занятіяхъ, отличаются цѣломудріемъ, скромностью и умѣренностью въ своей домашней жизни, хотя они несовсѣмъ чистоплотны и въ жилищахъ ихъ недостаетъ надлежащей обстановки. Они весьма аккуратны въ исполненіи религіозныхъ предписаній, общительны, гостепріимны и вѣжливы, особенно въ сношеніяхъ съ лицами другихъ исповѣданій.

Когда, въ 1775 году, состоялся первый раздѣлъ Польши, значительная часть этой страны подпала владычеству Россіи, подъ скипетромъ могущественной и мудрой императрицы Екатерины II. Новозавоеванная провинція (въ которой я родился) раздѣлена была на два департамента: Полоцкъ и Могилевъ. Евреи, съ давнихъ временъ жившіе въ этихъ двухъ департаментахъ, составили собою, на основаніи правительственныхъ списковъ наро-

донаселенія, 40,000 обязанныхъ податью семействъ, за исключеніемъ духовныхъ лицъ и бѣдныхъ семействъ, которыя освобождены были отъ налоговъ.

Когда провинція эта окончательно перешла въ руки Россіи, за новыми подданными всѣхъ вѣроисповѣданій признана была общая и равномѣрная свобода.

Но въ 1786 году тамъ снова стали подкапываться подъ потомковъ Якова. Прежняя враждебность католиковъ къ евреямъ не была еще забыта. Между польскимъ дворянствомъ и шляхетствомъ и русскимъ генералъ-губернаторомъ, губернаторами и оберъ-интендантами составлялись заговоры съ цѣлью лишить евреевъ ихъ правъ, подъ предлогомъ значительныхъ выгодъ, которыя отъ этого проистекутъ для дворянства, шляхетства и даже для казны. При первомъ нападеніи, у нихъ отняли ихъ пивоваренные и винокуренные заводы, таможни, постоялые дворы и т. д., что̀ составляло бо̀льшую часть ихъ промысловъ (я самъ былъ одинъ изъ тѣхъ, которые пострадали отъ этихъ распоряженій). Тысячи семействъ повергнуты были въ нищету, потому что у нихъ отняли ихъ средства къ пропитанію. Сверхъ того, сдѣланы были еще нововведенія относительно торговли, ремеслъ и т. д. Но нападеніе, которое предприняли противъ ихъ генеалогіи, нравовъ и доброй совѣсти, было имъ страшнѣе всѣхъ прежнихъ несправедливостей. Также рѣшено было съ этихъ поръ не допускать евреевъ быть свидѣтелями и не допускать ихъ къ присягѣ ни въ какомъ судебномъ мѣстѣ. Что̀ еще можно было ожидать послѣ этого, кромѣ окончательнаго истребленія?

Слѣдствіемъ этого было то, что состоялось собраніе евреевъ этихъ двухъ департаментовъ, которое открыло подписку и положило взыскать съ каждаго извѣстную сумму для снаряженія депутаціи въ Петербургъ. Собраніе выбрало изъ среды себя *четырехъ* депутатовъ и *двухъ* секретарей и отправило ихъ въ Петербургъ для защиты общаго дѣла предъ высшимъ судилищемъ (сенатомъ) и петербургскимъ кабинетомъ. Депутаты эти сдѣлали правительству соотвѣтствующія представленія и доказали, что бо̀льшая часть налоговъ и доходы отъ таможень обоихъ департаментовъ, главнымъ образомъ, имѣютъ своимъ источникомъ обширную внутреннюю и внѣшнюю торговлю евреевъ, что доходы городовъ

тоже составляютъ налоги, взимаемые съ заводовъ, находящихся въ рукахъ гражданъ и бо̀льшею частью въ рукахъ евреевъ; но все это уничтожается новыми распоряженіями и, такимъ образомъ, доходы государственной казны значительно уменьшатся. Словомъ, депутаты, своими дѣльными доводами, съумѣли обратить на порученное имъ дѣло вниманіе министровъ тогдашняго русскаго двора, и ходатайство ихъ было принято въ соображеніе.

Непосредственно за тѣмъ предписано было генералъ-губернатору (генералъ-губернаторомъ былъ тогда *Петръ Богдановичъ Пассиковъ*) и нѣкоторымъ оберъ-интендантамъ явиться въ Петербургъ для дачи подробныхъ разъясненій по предпринятымъ нововведеніямъ и для дачи отвѣта на сдѣланныя противъ нихъ возраженія, а равно для объясненія причинъ униженія нравственнаго и гражданскаго характера евреевъ. Такъ какъ отвѣты и объясненія, данныя по этому поводу, оказались весьма тощими и безцвѣтными и нисколько не соотвѣтствовали поставленнымъ вопросамъ, то милостивая императрица выразила генералъ-губернатору свою волю и мнѣніе въ слѣдующихъ словахъ: «Пассиковъ! Я послала васъ въ эти провинціи для того, чтобы вы защищали моихъ подданныхъ, чтобы радѣли объ общемъ благѣ и содѣйствовали благосостоянію гражданъ, а ни въ какомъ случаѣ, не для того, чтобы вы угнетали ихъ и повергали бы ихъ въ нужду. Я не хочу воздать вамъ такъ, какъ вы того заслуживаете, потому что уважаю вашу старость и тѣ многія заслуги, которыя вы прежде оказывали. Но возвратитесь и постарайтесь уладить это̀ дѣло, дабы жалобы и слезы моихъ подданныхъ не достигали моего престола». Тотчасъ же дано было разрѣшеніе на отъѣздъ генералъ-губернатора и двухъ депутатовъ, и начались переговоры.

Остальные два депутата остались еще при дворѣ для того, чтобы окончательно провести свой планъ. И дѣйствительно, евреямъ во всѣхъ завоеванныхъ земляхъ дана была жалованная грамата, на основаніи которой они считались коренными гражданами, какъ русскіе и поляки, и наравнѣ съ ними должны были участвовать въ общественныхъ тягостяхъ и налогахъ, а также и пользоваться всѣми, безъ исключенія, выгодами, предоставляемыми государствомъ. Сверхъ того, имъ предоставлено было имѣть соотвѣтственное число своихъ засѣдателей во всѣхъ присутственныхъ

мѣстахъ. Еврейскіе ремесленники должны были быть приняты въ соотвѣтствующіе цехи. Словомъ, во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ, касающихся общественныхъ властей и гражданъ и имѣющихъ въ виду регулированіе городскихъ доходовъ и расходовъ, ничего не могло быть предпринято безъ участія еврейскихъ засѣдателей—счастливое состояніе, которымъ евреи наслаждаются въ Россійской Имперіи до сихъ поръ *).

Этимъ собственно и оканчивается разсказъ Соломона Беннетта, относящійся къ западнорусскимъ евреямъ. Далѣе Беннетъ разсказываетъ о предпринятомъ имъ путешествіи и передаетъ вкратцѣ впечатлѣнія, которыя произвели на него евреи и ихъ положеніе въ разныхъ европейскихъ государствахъ. Сообщенія эти кажутся намъ довольно интересными и потому считаемъ нелишнимъ передать ихъ читателю.

Въ 1792 году—разсказываетъ далѣе Беннеттъ—я, для научныхъ занятій, предпринялъ путешествіе заграницу, оставивъ въ Бѣлоруссіи жену, дѣтей, родителей, родственниковъ и нѣкоторое состояніе. Я отправился изучать науки, которыя едва зналъ по имени, чтобы предаваться научнымъ занятіямъ на свой собственный счетъ и страхъ, хотя мои средства далеко не были достаточны для этого; я хотѣлъ изучить земли, народы и языки, о которыхъ я едва слышалъ — предпріятіе, на которое очень рѣдко кто рѣшается въ нашемъ краю, особенно между евреями. Однако, мое природное стремленіе къ знанію не давало мнѣ покоя: оно было сильнѣе всякихъ внушеній разсудка и естественнаго влеченія къ семьѣ, родителямъ и родственникамъ; оно преодолѣло и затрудненія относительно средствъ, и я снарядился въ путь.

Около этого же времени я оставилъ свое мѣсто-жительство въ Полоцкѣ, въ Бѣлоруссіи, и отправился въ Ригу. Здѣсь я сѣлъ на корабль и отправился въ Копенгагенъ, въ столицу Даніи. Въ этомъ городѣ я положилъ основаніе моимъ научнымъ занятіямъ и особенно прилежно сталъ заниматься искусствами.

Хотя Данія монархія неограниченная, однако, кротость правительства, нравственный характеръ народа, цивилизація, промышленность и дѣятельность его обращаютъ на себя вниманіе всякаго путешественника, и хотя мое свидѣтельство въ этомъ отношеніи, можетъ быть, совершенно лишне, однако, впечатлѣніе, произведенное на меня этою маленькою страною, было слишкомъ сильное для того, чтобы я могъ пройти ее молчаніемъ.

*) Т. е. до начала XIX столѣтія, такъ какъ сочиненіе Соломона Беннетта, какъ мы уже замѣтили выше, напечатано въ 1809 году, и, слѣдовательно, написано еще раньше.

Евреи, живущіе въ этомъ королевствѣ, пользуются полною свободою коренныхъ гражданъ, несутъ равныя обязанности съ прочими гражданами и наравнѣ съ ними участвуютъ также во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ. Что касается степени образованія, гражданской и домашней жизни евреевъ этого государства, то должно замѣтить, что религіозное благочестіе у нихъ развито довольно слабо, остроуміе и умственныя способности ихъ довольно посредственны, чтобы не сказать болѣе, богословскія науки занимаютъ ихъ очень мало; однако, они обладаютъ многими весьма хорошими качествами: они вообще весьма хорошо ведутъ свое хозяйство, гостепріимны и услужливы, какъ относительно своихъ, такъ и чужихъ, усердно занимаются своими дѣлами, будь это торговля или ремесло; между ними, впрочемъ, находятся также нѣкоторые извѣстные люди, какъ медики, хирурги, а также нѣсколько художниковъ.

Въ этой столицѣ я пробылъ три года, до 1795 года, когда городъ этотъ постигло страшное несчастіе, и онъ сдѣлался жертвою пожара. Бо́льшая часть зданій образовала тогда собою только груду камней; все было въ безпорядкѣ, академія отчасти сгорѣла; другая же часть назначена была для помѣщенія присутственныхъ мѣстъ. Дворянство и высшее общество удалились въ свои имѣнія, и городъ превратился въ пустыню. Я, такимъ образомъ, вынужденъ былъ оставить это королевство. Для дальнѣйшаго осуществленія моего плана, я рѣшился отправиться въ Германію, и Берлинъ, главный городъ прусскихъ владѣній, сдѣлался предметомъ моихъ стремленій и второю станціей на моемъ пути.

Во время моего пребыванія въ Даніи, я часто бесѣдовалъ съ евреями, пріѣзжавшими по своимъ дѣламъ изъ Швеціи; я освѣдомлялся о положеніи евреевъ въ этомъ государствѣ и получалъ благопріятный отвѣтъ, что они ни въ какомъ отношеніи не могутъ жаловаться на свою судьбу.

Въ іюлѣ 1795 года, я прибылъ въ Берлинъ, гдѣ я продѣлалъ второй курсъ моихъ научныхъ занятій. Эта монархія также неограниченная. То, что мнѣ удалось замѣтить относительно цивилизаціи, гражданскаго устройства и промышленности этой страны, значительно разнилось отъ предшествовавшихъ моихъ наблюденій по этому предмету, а потому я о нихъ говорить не буду и перейду къ описанію существенныхъ особенностей, степени образованія и вольностей евреевъ, живущихъ въ этой обширной странѣ.

Относительно привиллегій евреевъ я узналъ очень мало. Граж-

данскимъ и государственнымъ закономъ монарха и его правительства, евреи здѣсь исключены даже изъ естественныхъ правъ человѣка; вообще, имъ запрещено заниматься какимъ бы то ни было механическимъ промысломъ или ремесломъ. Всѣ попытки еврейской общины добиться дозволенія на производство этихъ промысловъ, въ виду поддержки своихъ бѣдныхъ единовѣрцевъ, остались безуспѣшными. Мало того: богатымъ евреямъ, которые имѣютъ привиллегію производить мануфактурныя издѣлія, шелковые, каттуновые, кожанные и бархатные товары (разумѣется съ извѣстною выгодою для правительства), запрещено было держать въ своихъ мастерскихъ еврейскихъ рабочихъ. Торговля ихъ также ограничена извѣстными продуктами: они могутъ только торговать драгоцѣнными камнями и имѣть лавки суконъ, шелка и каттуна. Но, чтобы вознаградить ихъ чѣмъ-нибудь за эти стѣсненія, имъ дозволено отдавать деньги въ ростъ за умѣренные проценты, и пятьдесятъ процентовъ—это обыкновенный, дозволенный дисконтъ. Даже благословеніе, ниспосланное Адаму: «Плодитесь и множитесь и наполняйте землю» — тоже не могло быть осуществлено потомками Якова въ этомъ государствѣ, такъ какъ разрѣшеніе жениться евреи должны были испрашивать у короля и правительства, и оно связано было съ особенными, весьма значительными налогами въ пользу казны. Тѣ же счастливцы, которые уже получили такую привиллегію сочетаться бракомъ, имѣли право воспитать *только двухъ* дѣтей, какъ наслѣдниковъ родительской привиллегіи на продолженіе потомства, остальныя же дѣти могли питаться на чужой почвѣ, или быть истреблены. Вотъ главныя права̀, которыми евреи пользуются въ этомъ благодѣтельномъ королевствѣ. Къ этому присоединяются особенные налоги и пошлины, исключительно падающіе на одни лишь еврейскія общины королевства. Несмотря, однако, на этотъ гнетъ, они, вслѣдствіе своего остроумія, своей усиленной дѣятельности и усерднаго изученія классическихъ наукъ, удостоиваются пріема въ самомъ лучшемъ и образованномъ обществѣ.

Что же касается религіозныхъ формъ и обрядностей, то евреи тамъ, вообще, въ этомъ отношеніи не особенно строги, и отчасти онѣ довольно извращены, вслѣдствіе вышеупомянутыхъ стѣсненій. Къ богословскимъ занятіямъ евреи не питаютъ особенной склонности, зато они чрезвычайно преданы различнымъ классическимъ наукамъ. Въ университетахъ и академіяхъ этой страны числится очень много еврейскихъ студентовъ, богатыхъ и бѣдныхъ, изучающихъ всякаго рода отрасли наукъ и искусствъ. Это—единственная, предоставленная евреямъ свобода. Бѣдные еврейскіе студенты повсюду сильно поддерживаются богатыми еврейскими семействами.

Пробы ихъ благородной дѣятельности извѣстны во всей Германіи. Философскія и поэтическія сочиненія извѣстнаго доктора и философа *Моисея Мендельсона* распространили много свѣта и сдѣлали автора безсмертнымъ. Докторъ *Маркусъ Герцъ*, врачъ и профессоръ экспериментальной философіи, и докторъ *Маркусъ Блокъ*, врачъ и профессоръ естественной исторіи, оба извѣстны во всей Германіи въ этихъ отрасляхъ науки. Профессоръ *Леонени* съ честью завѣдывалъ берлинскою кадетскою школой. Профессоры *Іоэль Брилль* и *Вольфсонъ* въ Бреславлѣ, въ Силезіи, признаны корифеями въ преподаваемыхъ ими предметахъ. Художникъ *Абрагамсонъ* состоялъ медальёромъ короля и государства. Кромѣ того, есть нѣсколько молодыхъ еврейскихъ художниковъ по всѣмъ тѣмъ отраслямъ, которымъ можно научиться въ академіяхъ. Вообще, во время моего пребыванія въ Берлинѣ, тамъ было много евреевъ, отличавшихся своими талантами и способностями по геометріи, алгебрѣ, математикѣ вообще, географіи и философіи. Называть ихъ всѣхъ по имени было бы слишкомъ долго и только обременило бы читателя. Все это достаточно доказываетъ ихъ политическое и нравственное достоинство, а равно свидѣтельствуетъ объ ихъ благородномъ характерѣ и гостепріимствѣ.

Въ этой столицѣ я прожилъ четыре года. Гнетъ, которому здѣсь подвергались евреи, отбилъ у меня всякую охоту оставаться въ этой странѣ. Хотя я былъ удостоенъ диплома на ученую степень королевскою академіей и былъ снабженъ многими частными рекомендаціями и даже обѣщаніями ихъ величествъ, короля и королевы, тѣмъ не менѣе, я и не думалъ поселиться здѣсь окончательно и сталъ приготовляться къ отъѣзду въ Англію.

Я послалъ свои вещи почтой изъ Берлина въ Гамбургъ, а самъ отправился нѣсколько осмотрѣть Сѣверную Германію. Я посѣтилъ Дрезденъ, Лейпцигъ и другіе города и затѣмъ прибылъ въ Гамбургъ. Я всматривался въ гражданское и политическое положеніе евреевъ въ другихъ нѣмецкихъ государствахъ; но, къ сожалѣнію, оно ничѣмъ не отличалось отъ ихъ положенія въ Пруссіи.

Надо, однако, надѣяться, что при настоящемъ кризисѣ и Германія вступитъ на новый путь и улучшитъ положеніе своихъ еврейскихъ жителей.

Въ ноябрѣ 1800 года, я благополучно прибылъ въ Лондонъ. Было бы нѣкоторымъ образомъ дерзко произнести свой приговоръ надъ краемъ, гдѣ живешь временно, какъ чужой, тѣмъ болѣе, что этотъ приговоръ можетъ быть обусловленъ личными отношеніями, тѣмъ хорошимъ или дурнымъ пріемомъ, котораго ты удостоился. Но, всетаки, безпристрастному человѣку всегда пріятно хвалить то, въ чемъ онъ не замѣтилъ недостатковъ. Поэтому и я считаю своимъ долгомъ высказать, и имѣю къ тому основатель-

ныя причины, что общій законъ англійскаго правительства долженъ быть свято чтимъ всякимъ иностранцемъ, поселившимся на британскомъ островѣ. Это будетъ совершенно соотвѣтственно морали, политикѣ, философіи и религіозному ученію, и по справедливости однимъ изъ главныхъ велѣній *моисеева права* считаются слѣдующія слова, которыми заключается рядъ законодательныхъ положеній: «Одинъ законъ да будетъ у васъ; чужому быть наравнѣ съ туземцемъ, ибо я, Господь, Богъ вашъ!» (3 кн. Моисея. 24, 22). Свобода и терпимость суть, безъ сомнѣнія, основные принципы человѣчества; онѣ также поддерживаютъ равновѣсіе въ дѣлахъ государственной политики.

Относительно моихъ единовѣрцевъ въ этомъ королевствѣ я могу сказать очень немного. Мое кратковременное пребываніе въ громадной и многолюдной столицѣ Англіи, а отчасти моя умственная и матеріальная бѣдность, непозволявшія мнѣ идти съ ними рука объ руку, лишили меня возможности придти въ близкія отношенія съ ихъ благородными личностями. Я, поэтому, предоставлю судить о нихъ другимъ, болѣе меня знакомымъ и связаннымъ съ ними. Я могу, однако, сдѣлать то общее замѣчаніе, что евреи, живущіе въ этомъ королевствѣ, несмотря на ихъ привязанность къ еврейской древности и генеалогіи, очень мало, однако, интересуются священными книгами и еврейскою наукой вообще, а равно и другими отраслями знанія. Они также весьма мало умѣютъ пользоваться благодѣтельными, справедливыми и безпристрастными законами правительства, подъ которымъ живутъ.

Что касается современнаго положенія евреевъ, разселенныхъ въ Голландіи, Франціи, Италіи и др., то, по собственному опыту, я могу о нихъ сказать очень мало. Чтобы я могъ сказать—основано лишь на сообщеніяхъ, ненуждающихся въ моемъ подтвержденіи. Ихъ способности и заслуги относительно науки, политики, цивилизаціи и свободы извѣстны во всей Европѣ.

РУССКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ЕВРЕЯХЪ.

(СБОРНИКЪ УЗАКОНЕНІЙ, КАСАЮЩИХСЯ ЕВРЕЕВЪ. Составленъ, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, въ департаментѣ полиціи исполнительной. С.-Петербургъ, 1872 г.).

Статья вторая[1]).

I.

Отношеніе русскаго законодательства къ іудаизму, какъ опредѣленной формѣ религіозной жизни, составляетъ предметъ, совершенно еще непочатый нашей юридической наукой, а между тѣмъ, предметъ этотъ чрезвычайно интересенъ нетолько для однихъ евреевъ и для тѣхъ, кто спеціально интересуется ихъ положеніемъ въ Россіи, но и для уясненія общаго характера русскаго вѣроисповѣднаго права и вопроса объ отношеніи государства къ церкви у насъ. Въ предъидущей статьѣ мы представили разборъ цѣлой группы правилъ, относящихся преимущественно къ пропагандѣ христіанства между евреями и защитѣ его отъ посягательствъ еврейскаго прозелитизма. Выводы, къ которымъ приводитъ разборъ упомянутыхъ правилъ, какъ, вѣроятно, замѣтилъ читатель, не лишены общаго значенія для характеристики темныхъ сторонъ нашего конфессіональнаго законодательства. Намъ остается теперь разсмотрѣть другіе отдѣлы законодательства, касающіеся религіознаго быта евреевъ и организаціи этого быта соотвѣтственно требованіямъ общественной жизни страны. Сюда относятся многочисленные и довольно разнообразные вопросы права, при разрѣшеніи которыхъ государству приходится имѣть дѣло, прямо или косвенно, съ религіозными понятіями евреевъ и соображать свои

[1]) См. „Евр. Библ.“, т. III.

постановленія съ этими понятіями. Мы поговоримъ сперва отдѣльно о каждомъ изъ наиболѣе выдающихся вопросовъ этого рода, а затѣмъ постараемся дать общую оцѣнку всѣхъ постановленій русскаго закона, относящихся къ религіозному быту евреевъ.

Остановимся прежде всего на томъ предметѣ, который всего рельефнѣе выставляетъ взглядъ законодателя на общественное положеніе той или другой религіи, именно на положеніи ея духовенства предъ лицомъ закона. Чѣмъ глубже проникаетъ въ законодательство данной страны идея настоящей вѣротерпимости, чѣмъ больше проводится въ немъ принципъ отдѣленія церкви отъ государства, тѣмъ ближе оно къ полному уравненію соціальнаго положенія духовенства всѣхъ вѣроисповѣданій, тѣмъ бо̀льшею независимостью пользуется послѣднее въ кругу своей дѣятельности. Съ одной стороны, привилегіи той или другой опредѣленной церкви, прерогативы духовенства относительно вмѣшательства во многія дѣла чисто гражданскаго свойства исчезаютъ: все, что̀ не носитъ характера спеціально религіознаго дѣла, отходитъ въ вѣдѣніе государства, которое регулируетъ эти дѣла независимо отъ церковныхъ идей и требованій, по собственному своему усмотрѣнію. За то, съ другой стороны, каждой церкви предоставляется неограниченная автономія во всемъ, что̀ касается исключительно религіозныхъ предметовъ, и государство, регулируя гражданскій бытъ послѣдователей разныхъ религій, уравниваетъ духовенство всѣхъ вѣроисповѣданій въ размѣрахъ его правъ и обязанностей. Такова программа разрѣшенія вопроса объ отношеніи государства къ религіи и церкви, до которой додумалось современное человѣчество; къ осуществленію этой программы видимо идутъ усилія прогрессивной части населенія всѣхъ цивилизованныхъ странъ.

Посмотримъ же, въ какомъ видѣ представляется положеніе еврейскаго духовенства по русскому закону.

Дѣйствующіе у насъ до сихъ поръ законы по этому предмету основаны на правилахъ положенія о евреяхъ 1835 г. (за исключеніемъ института казенныхъ раввиновъ, который появился впослѣдствіи). Съ 1825 г., т. е. со времени самаго вступленія на престолъ Императора Николая I, существовалъ особый еврейскій комитетъ изъ высшихъ сановниковъ, которому поручено было выработать проэктъ новыхъ законовъ о евреяхъ. Въ руководство

ему дано было Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобъ не упускать изъ виду правилъ объ исправленіи евреевъ ученіемъ и воспитаніемъ, заведеніи между ними фабрикъ, запрещеніи раннихъ браковъ, лучшемъ устройствѣ кагаловъ и коробочныхъ сборовъ [1]). Исправленіе евреевъ, о которомъ здѣсь говорится, имѣло смыслъ не одинъ соціально-экономическій, но, какъ мы показали прежде, и нравственно-религіозный: правительство считало себя обязаннымъ улучшать религіозныя понятія евреевъ, распространять между ними христіанство. Комитетъ 1825 г. изготовилъ къ 1833 году проэктъ устава о евреяхъ. Этотъ проэктъ поступилъ на разсмотрѣніе министровъ внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія, финансовъ и юстиціи. Здѣсь сдѣланы были дополненія и сокращенія, преимущественно въ томъ, что̀ относилось до духовной части. Принято было при этомъ на видъ слѣдующее соображеніе: «Какъ евреи не имѣютъ ни общаго духовенства, ни обрядовъ богослуженія, принимая то и другое въ значеніи, какое придается имъ въ христіанскомъ мірѣ, потому признано было необходимымъ избѣгать слишкомъ опредѣлительныхъ для нихъ постановленій» [2]). Итакъ, правительство за исходную точку своихъ постановленій приняло то воззрѣніе, что у евреевъ вовсе нѣтъ духовенства, какъ особаго сословія съ исключительными правами и преимуществами, съ особеннымъ положеніемъ въ гражданскомъ обществѣ. Этотъ взглядъ удержался до сихъ поръ въ нашемъ законѣ, какъ можно судить изъ слѣдующихъ опредѣленій. «Еврейская вѣра—говоритъ законодатель по поводу 10-й народной переписи—не имѣетъ особеннаго духовнаго сословія, и потому лица сего рода, кромѣ караимовъ, подлежатъ ревизіи на общемъ основаніи» (прим. 4 къ ст. 5 приложенія къ ст. 1,679 т. IX св. зак.). Исходя изъ этого взгляда, законъ допускаетъ возможность того, что еврейскій раввинъ производитъ торговлю «на основаніи общихъ правилъ о торгующихъ евреяхъ». До какой степени нашъ законъ чуждъ представленія о духовномъ санѣ и достоинствѣ еврейскаго раввина, видно изъ того, что у насъ раввинъ, въ награду за безпорочную службу, получаетъ почетныя права *купца* 1-й гильдіи (ст. 1,092 т. XI ч. 1).

---

[1]) Варадиновъ, „Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ", III, 1, 380.
[2]) Тамъ же, стр. 555.

Итакъ, въ то время, какъ духовенству христіанскихъ исповѣданій торговля воспрещается, раввину права торговли предоставляются какъ награда за безпорочную службу, т. е. добросовѣстное исполненіе духовныхъ обязанностей! То, что̀ тамъ считается унизительнымъ и несогласнымъ съ достоинствомъ духовнаго сана, здѣсь является почетнымъ и естественнымъ вознагражденіемъ за духовно-служебное рвеніе! Такова пропасть, отдѣляющая, въ глазахъ нашего закона, раввина отъ христіанскаго духовнаго лица.

Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ законъ придаетъ особенное значеніе духовному сану, онъ, обыкновенно, имѣетъ въ виду лишь духовенство христіанское. Такъ, напримѣръ, при составленіи духовныхъ завѣщаній, подпись духовнаго отца завѣщателя замѣняетъ, по нашему закону, участіе двухъ свидѣтелей другого званія. Государственный совѣтъ по одному дѣлу, въ 1852 г., совершенно правильно призналъ, что правило это относится только къ признаваемымъ закономъ христіанскимъ исповѣданіямъ; оно не можетъ быть примѣнено къ расколу, а тѣмъ менѣе къ духовенству нехристіанскому [1]).

Практическія послѣдствія этого полнаго игнорированія закономъ духовнаго значенія раввиновъ обнаруживаются во многихъ затрудненіяхъ при разрѣшеніи различныхъ вопросовъ. Такъ, напримѣръ, общій законъ, запрещая лицамъ духовнаго званія производство торговли, вмѣстѣ съ тѣмъ, не признаетъ за ними права обязываться векселями, какъ вытекающаго изъ торговыхъ оборотовъ и сопряженнаго съ купеческимъ званіемъ. Практикъ примѣняетъ это запрещеніе къ еврейскому духовенству. По крайней мѣрѣ, одесскіе нотаріусы, сколько мнѣ извѣстно, отказываются свидѣтельствовать векселя отъ имени раввина. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ отказъ нотаріусовъ не имѣетъ юридическихъ основаній. Коль скоро законъ предоставляетъ раввину производство торговли, то онъ даетъ ему право и обязываться векселями. Вексель есть душа торговаго оборота; безъ права выдавать векселя немыслимо производство торговыхъ сдѣлокъ. Воспрещать раввину выдавать векселя, значитъ отмѣнить ст. 1,092 т. XI относительно права ихъ производить торговлю «на общемъ

[1]) См. Побѣдоносцева, „Курсъ гражданскаго права", ч. 2, стр. 416.

основаніи». Притомъ же, если нотаріусъ не засвидѣтельствуетъ векселя, то раввинъ имѣетъ еще возможность выдавать векселя домашнимъ порядкомъ; что же сдѣлаетъ судъ, въ случаѣ предъявленія подобныхъ документовъ ко взысканію? По буквальному смыслу закона, судъ долженъ примѣнить къ раввину-должнику по векселю общія правила вексельнаго взысканія, а слѣдовательно, и подвергнуть его личному задержанію. Но тутъ возникаетъ вопросъ: что̀ станется съ служебными обязанностями раввина, прерываемыми такимъ образомъ заключеніемъ его въ долговую тюрьму? Относительно всѣхъ вообще служащихъ лицъ законъ принимаетъ различныя мѣры къ тому, чтобъ оградить государственные интересы, связанные со службой каждаго должностнаго лица, отъ нарушенія ихъ мѣрами взысканія, обращенными на это лицо. Но раввинъ не есть служащее лицо въ строгомъ смыслѣ слова, и упомянутыя правила относительно служащихъ едва ли могутъ быть на нихъ распространяемы; собственно же о раввинахъ законъ въ этомъ отношеніи не упоминаетъ, вслѣдствіе чего на практикѣ возможны существенныя затрудненія при взысканіи съ раввиновъ. Другой любопытный случай этого рода представляетъ вопросъ о духовныхъ раввинахъ на бессарабской границѣ. Въ бессарабскомъ областномъ правленіи уже нѣсколько десятковъ лѣтъ производится дѣло о выселеніи евреевъ изъ 50-тиверстной пограничной черты, на основаніи законовъ прежняго царствованія. Между прочимъ, возникъ при этомъ вопросъ: должны ли быть удалены изъ упомянутой черты и духовные раввины? «Принимая во вниманіе, что особые духовные раввины отъ правительства не положены и, какъ полицейское управленіе доносило, что они высоко чтутся евреями только по фанатизму, то областное правленіе нашло, что лица эти, т. е. духовные раввины, нисколько не отличаются отъ другихъ евреевъ и должны быть высланы» и пр. Нетрудно видѣть, что вопросъ этотъ рѣшенъ областнымъ правленіемъ юридически правильно. Законъ предоставляетъ раввинамъ права купцовъ первой гильдіи, въ видѣ награды за безпорочную службу; стало быть, чѣмъ усерднѣе раввинъ исполняетъ свои обязанности, тѣмъ шире его права по торговлѣ и тѣмъ больше основаній удалять его отъ границы, изъ опасенія, что онъ займется контрабандой (что̀ составляетъ основаніе законовъ о воспрещеніи

евреямъ жить на бессарабской границѣ). Но очевидно и то, что мотивы областнаго правленія не выдерживаютъ критики. Духовные раввины, видите ли, высоко чтутся евреями только по фанатизму. Это замѣчено проницательнымъ полицейскимъ управленіемъ и донесено куда слѣдуетъ. Но развѣ нельзя съ такимъ же основаніемъ сказать то же самое относительно духовенства всякаго другого исповѣданія? Всякое полицейское управленіе охотно подпишется подъ донесеніемъ въ родѣ слѣдующаго: магометанскіе имамы высоко чтутся своею паствой только по фанатизму. Съ точки зрѣнія «просвѣщеннаго европейца», такое донесеніе будетъ вполнѣ вѣрно; однакожь, законъ не обращаетъ вниманія на роль, которую играетъ фанатизмъ въ почитаніи духовенства, и санкціонируетъ своею властью это почитаніе, присвоивая духовенству особое, привиллегированное положеніе въ обществѣ. По справедливости и еврейскій «фанатизмъ», обнаруживающійся въ уваженіи къ своему духовенству, заслуживаетъ не меньше покровительства со стороны законодателя, чѣмъ фанатизмъ магометанъ и буддистовъ.

Противъ этого нельзя ссылаться на другое соображеніе областного правленія, что особые духовные раввины отъ правительства не положены. Существованіе духовенства у всякаго вѣроисповѣданія есть первобытный, элементарный фактъ общественной жизни, независимый отъ желанія или нежеланія свѣтской власти. Правительство можетъ игнорировать существованіе духовенства въ томъ или другомъ исповѣданіи, но не можетъ препятствовать ему, и самое игнорированіе это не можетъ быть проводимо послѣдовательно, безъ нарушенія во многихъ случаяхъ элементарныхъ требованій справедливости.

Несостоятельность взгляда нашего закона на положеніе раввиновъ видно еще изъ другого постановленія того же областнаго правленія. Относительно лицъ, занимающихъ мѣста казенныхъ раввиновъ, правленіе это нашло слѣдующее. По закону, въ случаѣ недостатка казенныхъ раввиновъ въ Россіи, они могутъ быть выписываемы изъ-заграницы. Посему правленіе положило, что лица эти могли бы имѣть право жить во время исполненія должности въ пограничной чертѣ; но какъ изъятіе для нихъ должно соразмѣряться со степенью полезности и необходимости ихъ,

то полицейскія управленія, въ подобныхъ случаяхъ должны входить съ особыми представленіями о каждомъ изъ нихъ отдѣльно [1]).

Это постановленіе не имѣетъ уже никакого юридическаго основанія и находится въ противорѣчіи съ тѣмъ, что установлено правленіемъ относительно духовныхъ раввиновъ. Само правленіе справедливо указало тамъ на то, что нашъ законъ игнорируетъ духовныхъ раввиновъ, выбираемыхъ и содержимыхъ еврейскими обществами безъ всякаго участія правительства; стало быть, всѣ постановленія закона о раввинахъ относятся къ казеннымъ раввинамъ. А такъ какъ законъ прямо говоритъ о правѣ раввиновъ производить торговлю на общемъ основаніи, то, значитъ, онъ относитъ и казенныхъ раввиновъ въ числу «торгующихъ евреевъ». Правила же о выселеніи всѣхъ вообще евреевъ, не удовлетворяющихъ извѣстнымъ формальнымъ требованіямъ (приписка къ мѣстнымъ обществамъ или пріобрѣтеніе недвижимой собственности до 1858 г.), изъ пограничной черты Бессарабіи основаны именно на томъ предположеніи, что всякій еврей торгуетъ и потому можетъ заниматься при случаѣ контрабандой. Изъятія для раввиновъ въ этихъ правилахъ нѣтъ; стало быть, нужно руководствоваться общимъ закономъ. А такъ какъ, въ силу этого закона, раввинъ можетъ быть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и торговцемъ, то законъ о выселеніи долженъ быть примѣненъ къ еврейскому духовенству на общемъ для всѣхъ евреевъ основаніи. Всякій еврей торгуетъ и можетъ быть контрабандистомъ; раввинъ тоже торгуетъ и тоже еврей—стало быть, его можно разсматривать какъ будущаго контрабандиста. Полезность и даже необходимость даннаго лица въ качествѣ раввина не можетъ, какъ полагаетъ областное правленіе, вліять на разрѣшеніе вопроса о правѣ его жить въ пограничной чертѣ. Эта точка зрѣнія имѣла бы юридическій смыслъ тогда, еслибъ законъ, относительно выселенія евреевъ изъ бессарабской границы, ставилъ въ зависимость отъ поведенія, образа жизни и занятій каждаго лица въ отдѣльности. Но такого разбора законъ не признаетъ. Для него всякій еврей, каковы бы ни были его занятія и общественное положеніе, есть возможный контрабандистъ.

---

[1]) См. „Новоросс. Телегр.", № 23, за 1871 г., корреспонденція изъ Кишинева.

Какое же значеніе можетъ имѣть тутъ полезность раввина, если не принимаются въ соображеніе другіе, можетъ быть, гораздо болѣе значительные виды полезности другихъ евреевъ, которыхъ занятія не имѣютъ ничего общаго съ контрабандною торговлей? Раввинъ, весьма полезный по своей служебной дѣятельности, можетъ быть, вмѣстѣ съ тѣмъ, по мысли нашего закона, дѣятельнымъ торговцемъ. Мало того: его права торговли расширяются по мѣрѣ его служебнаго рвенія. Слѣдовательно, выводъ областнаго правленія, что казеннымъ раввинамъ, въ случаѣ признанія ихъ полезности полицейскими управленіями (оригинальна эта аттестація духовныхъ лицъ полиціей), находится въ прямомъ, какъ буквальномъ, такъ и логическомъ, противорѣчіи со взглядомъ закона на юридическое положеніе раввиновъ. Трудно допустить, чтобы областное правленіе не сознавало всей шаткости своей аргументаціи по этому вопросу. Ссылка его на законъ о выпискѣ раввиновъ изъ-заграницы къ данному случаю не имѣетъ ровно никакого отношенія, такъ какъ тутъ дѣло идетъ о раввинахъ-туземцахъ и объ огражденіи бессарабской границы отъ накопленія контрабандистовъ. При томъ же, въ обсужденіи вопроса о духовныхъ раввинахъ, областное правленіе выказало правильное пониманіе сущности нашихъ законовъ о положеніи духовенства у евреевъ.

При такихъ условіяхъ разсужденія областной администраціи, относительно избавленія казенныхъ раввиновъ отъ огульнаго изгнанія изъ 50-тиверстной пограничной полосы Бессарабіи, представляютъ очевидную и умышленную натяжку, юридически несостоятельное толкованіе закона.

Что же побудило областное правленіе прибѣгнуть къ этой натяжкѣ? Не проще и не логичнѣе ли было бы распространить на раввиновъ правило выселенія, какъ на «торгующихъ евреевъ» вообще? Отвѣтить на этотъ вопросъ нетрудно. Хотя и проще было бы примѣнить «прямой смыслъ» такихъ-то статей, но администрація не можетъ не сознавать несправедливости и непрактичности приравниванья раввиновъ всѣмъ торгующимъ евреямъ. Законъ можетъ игнорировать духовное значеніе раввина и смотрѣть на него, какъ на торгаша; но администрація, имѣющая дѣло не съ одною бумагой, но и съ дѣйствительною жизнью, видитъ невозможность смотрѣть на раввина, какъ на контрабандиста in spe. Не

имѣя возможности прямо обходить законъ, она прибѣгаетъ къ натяжкамъ для того, чтобъ смягчить на практикѣ неудобства легальнаго взгляда на положеніе еврейскаго духовенства. Вотъ гдѣ слѣдутетъ искать ключъ къ натяжкамъ въ постановленіи бессарабскаго областнаго правленія, относительно изъятія казенныхъ раввиновъ изъ суроваго правила объ изгнаніи всѣхъ евреевъ изъ пограничной полосы Бессарабіи. Если же администрація, въ качествѣ исполнительницы закона, вынуждена прибѣгать къ подобнымъ натяжкамъ для того, чтобъ обойти законъ, то нераціональность послѣдняго едва ли можетъ уже подвергаться сомнѣнію.

Таково отношеніе нашего закона къ еврейскому духовенству. Отношеніе это существенно видоизмѣнено съ введеніемъ въ 40-хъ годахъ института такъ-называемыхъ раввиновъ,—института, весьма неудачнаго во многихъ его отношеніяхъ и осужденнаго, по всей вѣроятности, на исчезновеніе въ непродолжительномъ времени. Не такъ давно газеты извѣщали, что на разсмотрѣніи высшаго правительства находится теперь вопросъ о преобразованіи раввината и вообще духовнаго управленія евреевъ, въ связи съ измѣненіемъ системы народнаго образованія, т. е. измѣненіемъ или закрытіемъ казенныхъ еврейскихъ училищъ, талмудъ-торъ, хедеровъ и пр. Въ виду этого было бы очень желательно, чтобъ всѣ лица, близко знакомыя практически съ положеніемъ училищнаго дѣла и духовнаго управленія у евреевъ, печатно высказали результаты своихъ наблюденій, относительно недостатковъ существующей системы и возможнаго ихъ устраненія. По программѣ настоящей статьи считаемъ необходимымъ указать на основной характеръ раввината по дѣйствующему закону, на недостатки его юридической организаціи и на то, чѣмъ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ замѣнить существующую систему.

Необходимое условіе разумнаго существованія всякаго учрежденія заключается въ единствѣ и послѣдовательности его дѣятельности. Тамъ, гдѣ одному и тому же лицу или учрежденію присвоивается разнохарактерный кругъ правъ и обязанностей, тамъ невозможно ожидать успѣшнаго достиженія ни одной изъ цѣлей и задачъ даннаго учрежденія.

Въ какомъ же видѣ представляется намъ современный раввинатъ, если примѣнить къ нему это незатѣйливое требованіе, без-

условно необходимое для успѣшности всякаго учрежденія? Постановленія закона могутъ дать намъ на это ясный и скорый отвѣтъ.

«Раввинъ—говоритъ законъ—есть блюститель и толкователь еврейскаго закона. Должность равинна есть: наблюдать, чтобъ въ общественномъ богослуженіи и обрядахъ вѣры были сохраняемы установленныя правила; объяснять евреямъ законъ ихъ и разрѣшать встрѣчающіяся въ ономъ недоумѣнія; вразумлять ихъ въ истинномъ смыслѣ закона. Раввинъ можетъ во всякое время входить въ подвѣдомыя ему школы и синагоги, говорить и читать въ нихъ поученія и присутствовать при совершеніи богомоленія или обрядовъ вѣры. Онъ занимаетъ всегда ближайшее къ Кивоту мѣсто и представляетъ первое лицо въ собраніи. Онъ одинъ имѣетъ право совершать религіозные обряды обрѣзанія, бракосочетанія и развода. По дѣламъ о нарушеніи обязанностей религіозныхъ раввины судятся собраніемъ не меньше трехъ раввиновъ ближайшихъ обществъ». («Сборникъ», стр. 158—162). Эти правила достаточно ясно показываютъ, что въ глазахъ правительства раввинъ есть оффиціальный представитель еврейской общины въ религіозномъ отношеніи, т. е. духовное лицо еврейскаго исповѣданія. Хотя правительство, какъ мы видѣли, исходитъ всегда изъ того воззрѣнія, что у евреевъ нѣтъ духовенства въ строгомъ смыслѣ слова, но это значитъ только, что духовенство евреевъ не пользуется такимъ привиллегированнымъ положеніемъ, какъ христіанское и магометанское. Но раввины, тѣмъ не менѣе, разсматриваются закономъ, какъ лица духовныя въ настоящемъ смыслѣ. Право совершать религіозные обряды, быть первымъ лицомъ въ синагогѣ, говорить въ ней проповѣди, наблюдать за исполненіемъ религіозныхъ правилъ и толковать эти послѣднія — все это такія права, которыя, по самой своей природѣ, присвоены духовенству каждаго исповѣданія и не могутъ быть раздаваемы государствомъ по своему усмотрѣнію лицамъ недуховнаго званія. Очевидно, стало быть, что законъ считаетъ раввина духовнымъ лицомъ, хотя и не пользующимся въ гражданскомъ отношеніи такими преимуществами какъ духовенство другихъ исповѣданій. Вотъ почему законъ считаетъ невозможнымъ исправленіе кѣмъ-либо обязанностей раввина безъ изъявленія еврейскимъ обществомъ желанія имѣть это лицо своимъ духовнымъ пастыремъ. Общества сами избираютъ раввиновъ по

исконному еврейскому обычаю, заключаютъ съ ними договоры относительно вознагражденія, взаимныхъ правъ и обязанностей. Правительство считаетъ невозможнымъ навязывать обществу раввина, такъ какъ это противорѣчило бы принципу вѣротерпимости, требующему полной автономіи каждаго вѣроисповѣданія въ дѣлахъ чисто религіозныхъ.

Законъ нашъ принялъ за общее правило, что издержки на удовлетвореніе духовныхъ потребностей евреевъ удовлетворяются не изъ суммъ государственнаго казначейства, какъ въ нѣкоторыхъ европейскихъ странахъ, даже не изъ спеціально-еврейскихъ суммъ, составляющихся изъ исключительныхъ на евреевъ налоговъ (коробочнаго и свѣчнаго сборовъ) для общественныхъ ихъ нуждъ, но изъ добровольныхъ приношеній членовъ общины («Сборникъ» стр. 153). Оставаясь послѣдовательно вѣрнымъ этому началу и принимая въ расчетъ, что содержаніе раввина есть тоже духовная потребность, законъ запрещаетъ ассигновать изъ коробочнаго сбора суммы на содержаніе раввиновъ, но предоставляетъ обществамъ удовлетворять ихъ частнымъ образомъ, по взаимному соглашенію, изъ добровольныхъ пожертвованій (ib. 62). Все это имѣетъ смыслъ только съ той точки зрѣнія, что раввинъ есть лицо, которое въ глазахъ самой общины имѣетъ значеніе духовнаго ея наставника и руководителя. Отъ него, стало быть, законъ можетъ требовать только исполненія религіозныхъ обязанностей еврейскаго пастыря, не болѣе и не менѣе. Ни въ одной цивилизованной странѣ законъ не требуетъ и не можетъ требовать отъ духовнаго лица ничего иного, кромѣ исполненія его духовныхъ обязанностей. Выдержанъ ли этотъ принципъ относительно раввиновъ въ Россіи?

Отвѣтомъ можетъ служить слѣдующее. Рядомъ съ упомянутыми правилами, утверждающими духовное значеніе раввиновъ, встрѣчаемъ другія, показывающія, что раввинъ есть органъ правительственныхъ интересовъ по дѣламъ евреевъ, должностное лицо, нетолько неисполняющее еврейскихъ религіозныхъ обычаевъ, но положительно обязанное противодѣйствовать этимъ обычаямъ съ точки зрѣнія государственнаго интереса. Такъ, напримѣръ, хотя общества выбираютъ раввиновъ по своему усмотрѣнію, но, въ сущности, они не пользуются въ этомъ отношеніи тою свободой выбора, которая необходима въ видахъ религіозной свободы и ува-

женія общины къ своему духовному пастырю. Общества, по закону, обязаны выбирать раввиновъ изъ лицъ, окончившихъ курсъ въ извѣстныхъ общихъ или еврейскихъ учебныхъ заведеніяхъ. (Сб. 158). Понятно, что это правило установлено въ интересахъ не еврейской религіи, для которой и университетскій дипломъ не служитъ особенною гарантіей духовнаго образованія и набожности, а государства, которое желаетъ имѣть надежныхъ органовъ контроля надъ еврействомъ. Раввину присвоивается *исключительное* право совершенія религіозныхъ обрядовъ, имѣющихъ и важное гражданское значеніе для опредѣленія личныхъ и имущественныхъ правъ евреевъ (бракъ, разводъ, удостовѣреніе рожденій и смертностей). Это правило содержитъ важное нарушеніе принциповъ іудаизма, предоставляющихъ каждому свѣдущему лицу право совершать религіозные обряды, толковать религіозный законъ, разрѣшать недоумѣнія по духовнымъ вопросамъ и т. под. Стало быть, отстаивать это свое право раввинъ можетъ не какъ духовное лицо (ибо въ качествѣ такого онъ долженъ признавать дѣйствительнымъ всякій бракъ, разводъ и пр., совершенный кѣмъ бы то ни было, если соблюдены требованія еврейскаго закона), а какъ должностное лицо, опираясь на государственный законъ, отмѣняющій еврейскій обычай.

Раввинъ обязанъ направлять еврёвъ къ соблюденію нравственныхъ обязанностей, къ повиновенію общимъ государственнымъ законамъ и установленнымъ властямъ. (Сб., 159). Тутъ правительственно-служебный характеръ раввина выступаетъ такъ ясно, что не нуждается въ толкованіяхъ.

Совершая браки, раввинъ наблюдаетъ, чтобъ женихъ имѣлъ не менѣе 18-ти, а невѣста — 16-ти лѣтъ (тамъ же). Опять-таки правило государственнаго закона, противорѣчащее и обычаю и религіозному закону евреевъ, требующему возможно болѣе ранняго вступленія въ бракъ. Бракосочетаніе иногородныхъ евреевъ допускается не иначе, какъ съ письменнаго дозволенія раввина того мѣста, къ которому иногородный принадлежитъ. (Сб., 160). И это правило — свѣтскаго происхожденія, несогласное съ религіозными понятіями евреевъ, допускающими безусловную свободу совершенія браковъ. Настаивая на соблюденіи этихъ правилъ, раввинъ перестаетъ быть духовнымъ лицомъ, исполняющимъ требованія своего

религіознаго ученія, и становится правительственнымъ чиновникомъ, кассирующимъ капитальные пункты этого ученія, во имя интересовъ общежитія и государственной власти.

Такой же характеръ носитъ другой, весьма важный родъ обязанностей раввиновъ — по наблюденію надъ ходомъ народнаго образованія евреевъ. По мысли и предписаніямъ закона, раввинъ, идя рука объ руку съ полиціей, долженъ употреблять всѣ старанія для того, чтобъ, при помощи полиціи, «искоренять суевѣріе талмуда», строго контролируя національно-еврейскую систему народнаго обученія въ хедерахъ. Духовный глава еврейской общины обязывается закономъ преслѣдовать основной принципъ обычнаго еврейскаго ученія — неограниченной свободы преподаванія для каждаго и преобладанія религіозныхъ предметовъ надъ свѣтскими въ дѣлѣ образованія юношества!

Обязанности раввиновъ по веденію метрическихъ книгъ, наконецъ, тоже приводятъ ихъ въ весьма частыя столкновенія съ религіозными обычаями евреевъ, у которыхъ укоренилось понятіе о ненужности всякаго рода казенныхъ формальностей для дѣйствительности всѣхъ актовъ. И тутъ раввинъ имѣетъ опору для своей дѣятельности только въ государственномъ законѣ; религіозные же обычаи и вѣрованія евреевъ представляютъ ему одни затрудненія, часто непреодолимыя.

Такимъ образомъ, если обнять однимъ взглядомъ всю совокупность правилъ, опредѣляющихъ кругъ дѣйствій, права и обязанности раввиновъ, то окажется, что раввинъ, по теперешнему закону, есть и духовное лицо своей общины, и въ качествѣ таковаго предсѣдательствуетъ, если можно такъ выразиться, въ синагогѣ, толкуетъ религіозный законъ и наблюдаетъ за его исполненіемъ. Но, съ другой стороны, онъ же и правительственный чиновникъ, преслѣдующій коренныя начала еврейскаго быта, освященныя вѣковымъ преданіемъ и религіей, во имя требованій государственнаго интереса. На него, стало быть, возложены двѣ категоріи обязанностей, находящіяся въ совершенномъ между собой противорѣчіи. Не ясно ли, что, вслѣдствіе этого, имъ не можетъ быть исполняема, какъ слѣдуетъ, ни одна изъ этихъ категорій.

Такой исходъ тѣмъ болѣе неизбѣженъ, что разладъ въ двойственномъ положеніи раввина выразился очень осязательно и въ

матеріальной обстановкѣ ихъ положенія. Смотря на раввина, какъ на духовное лицо, и исходя изъ той точки зрѣнія, что государство не можетъ давать никакой поддержки «лжеученію» евреевъ, а можетъ только терпѣть это лжеученіе, законъ опредѣляетъ, что содержаніе раввина не можетъ быть относимо даже на счетъ тѣхъ спеціально еврейскихъ суммъ, которыя подлежатъ контролю правительства, а зависитъ всецѣло отъ воли обществъ. Еслибъ раввинъ былъ только духовнымъ лицомъ, такой порядокъ, хотя и крайне несправедливый, не имѣлъ бы особенно ощутительныхъ вредныхъ послѣдствій. Но какимъ образомъ ожидать, чтобы раввинъ-чиновникъ могъ думать о противодѣйствіи религіознымъ суевѣріямъ или дурнымъ обычаямъ своей общины, когда его существованіе всецѣло зависитъ отъ произвола ея? Законъ нашъ, по своему обыкновенію, правда, не поскупился на строжайшія предписанія и уголовныя угрозы раввинамъ на случай неисполненія какой-либо изъ ихъ многотрудныхъ обязанностей. За неисполненіе какой-либо изъ обязанностей, собственно до еврейской общины относящихся, онъ предается суду раввиновъ, который можетъ приговорить его къ лишенію раввинскаго званія. Право возбуждать подобныя преслѣдованія предоставлено исключительно самимъ обществамъ, т. е. тѣмъ самымъ обществамъ, которыхъ раввины должны контролировать и направлять въ интересахъ правительства! (Сб., 161). За неисполненіе въ чемъ-либо обязанностей по надзору за меламдами, раввины подвергаются штрафу и затѣмъ удаленію отъ должности. (Сб., 255). За отклоненіе евреевъ-земледѣльцевъ отъ ихъ занятій, раввинъ подвергается заключенію въ смирительномъ домѣ, а затѣмъ — отдачѣ въ арестантскія роты. (Сб., 256). Стало быть, раввинъ, котораго самъ законъ называетъ «блюстителемъ и толкователемъ еврейскаго (религіознаго) закона», можетъ попасть въ арестантскія роты за то, что будетъ настаивать на соблюденіи евреями-колонистами субботъ и праздниковъ и множества религіозныхъ предписаній, нерѣдко мѣшающихъ интересамъ земледѣльческаго труда у евреевъ! За неисправности въ веденіи метрическихъ книгъ раввины подвергаются штрафамъ, а за неправильное (съ точки зрѣнія гражданскаго закона, хотя и согласное съ еврейскими обычаями) совершеніе браковъ — удаленію отъ должностей и заключенію въ тюрьмѣ. (Сб., 258, 59). Словомъ, дамокловъ мечъ виситъ постоянно надъ головой раввина, который вздумаетъ исполнять обязанности духовнаго лица въ настоящемъ смыслѣ этого слова, т. е. руководствоваться исключительно еврейскимъ религіознымъ закономъ и обычаями, оставивъ въ сторонѣ свои оффиціальныя обязанности предъ государствомъ. Но какой прокъ во множествѣ предписаній и угрозъ, когда законъ не позаботился о томъ, чтобъ поставить раввиновъ въ возможность исполнять эти предписанія?

Одной матеріальной зависимости раввиновъ отъ избравшихъ ихъ обществъ достаточно для того, чтобъ превратить въ мертвую букву обязанность первыхъ бороться съ недостатками вторыхъ. Затѣмъ, страшное право обществъ возбуждать преслѣдованія противъ раввиновъ за нарушенія религіозныхъ правилъ, при изумительномъ множествѣ этихъ правилъ и физической невозможности для развитаго человѣка строго исполнять ихъ, существенно парализуетъ дѣятельность раввиновъ, которые вздумали бы серьёзно исполнять свои обязанности. Кромѣ того, необыкновенная легкость упечь подъ судъ раввина за неисправность въ веденіи метрическихъ книгъ, надзоръ за меламдами при тѣхъ непреодолимыхъ затрудненіяхъ, которыя представляетъ дѣйствительность точному исполненію законовъ по этимъ предметамъ, должна съ перваго раза вразумить раввина насчетъ затруднительности и даже невозможности для него идти въ разладъ съ обществомъ въ какомъ бы то ни было отношеніи. Вдумываясь въ постановленія нашего закона относительно раввиновъ, можно подумать, что онъ имѣлъ въ виду отнять одною рукой то, что далъ другою, и поставить раввина въ такое положеніе, чтобы «страхъ идущаго вдали закона» парализовался у него «страхомъ стоящаго вблизи общества», которому предоставлено, можно сказать, право жизни и смерти надъ своимъ духовнымъ пастыремъ. Надобно удивляться, какъ государственные люди, которымъ обязана своимъ происхожденіемъ дѣйствующая система, не предвидѣли полнаго фіаско этой системы, неизбѣжнаго при практическомъ ея осуществленіи.

Дѣйствительно, на дѣлѣ, организація раввината представляется совсѣмъ не въ томъ видѣ, какъ предполагалъ законодатель. Невозможность практическаго осуществленія двойственнаго типа раввина-чиновника обнаружилась немедленно по изданіи новаго

закона. Казенный раввинъ нигдѣ не считается евреями за духовное лицо. Это просто чиновникъ, который ведетъ метрическія книги, имѣетъ родъ полицейскаго надзора за меламдами и пр. Обязанность имѣть въ каждомъ обществѣ подобнаго раввина разсматривается евреями, какъ своего рода повинность, въ родѣ обязанности имѣть сборщика податей. О толкованіи казенными раввинами религіознаго закона, разрѣшеніи недоумѣній, вообще религіозномъ его авторитетѣ нѣтъ и рѣчи тамъ, гдѣ раввины эти избираются, согласно предписанію закона, изъ лицъ, получившихъ правильное школьное образованіе. Казенный раввинъ, обыкновенно, имѣетъ самое ничтожное вліяніе на дѣла общины; по крайней мѣрѣ, онъ лишенъ возможности проводить это вліяніе вопреки волѣ общества. При первой попыткѣ серьёзной борьбы съ темными явленіями въ жизни своей паствы, она безпощадно вступаетъ въ свои широкія права и обыкновенно выходитъ побѣдительницей. Настоящее же духовное лицо у еврейской общины — не казенный раввинъ, а другое лицо, выбираемое безъ всякаго участія правительства, по дѣйствительно свободному усмотрѣнію общины. Это именно тѣ духовные раввины, которые, по мнѣнію аккерманскаго полицейскаго управленія, высоко чтутся евреями только по фанатизму. Они оффиціально не имѣютъ никакого значенія, но въ глазахъ еврейскаго общества—они настоящіе духовные пастыри; тѣ изъ нихъ, которые пріобрѣли извѣстность ученостью и набожнымъ образомъ жизни, пользуются авторитетомъ далеко за предѣлами своей общины.

Такимъ образомъ, попытка законодателя соединить несоединимое, какъ и слѣдовало ожидать, не имѣла никакого успѣха, и двойственная роль раввина распредѣлилась между двумя родами лицъ, нетолько имѣющихъ между собою очень мало общаго, но весьма нерѣдко ведущихъ ожесточенную борьбу, наглядно доказывая этимъ, какая противоположность существуетъ между двумя категоріями обязанностей, возлагаемыми закономъ на одно лицо раввина.

Очевидна ненормальность такого порядка вещей, дающаго нерѣдко поводъ къ обвиненію евреевъ въ систематическомъ сопротивленіи видамъ правительства, хотя изъ сказаннаго ясно, что значительная доля вины падаетъ здѣсь на неудачную организацію

раввината самимъ закономъ. Что же слѣдуетъ сдѣлать для измѣненія этого порядка? Какой основной принципъ долженъ руководить законодателемъ при предпринимаемой теперь, какъ упомянуто выше, реформѣ духовнаго управленія евреевъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ, какъ мнѣ кажется, можетъ заключаться въ слѣдующемъ:

Слѣдя за историческимъ развитіемъ того великаго вопроса объ отношеніи государства къ церкви, который въ настоящее время глубоко волнуетъ весь западно-европейскій міръ и, хотя не въ такой рѣзкой формѣ, возникалъ и будетъ возникать еще и у насъ, можно замѣтить слѣдующій, почти вездѣ повторяющійся, законъ прогрессивнаго развитія этихъ отношеній. Всѣ общества начинаютъ съ безусловнаго преобладанія религіозныхъ идей и интересовъ надъ всѣми другими. Государственная власть вначалѣ не выдѣляетъ себя, какъ нѣчто самостоятельное и преслѣдующее совсѣмъ иныя цѣли, чѣмъ церковь. Свѣтское законодательство признаетъ абсолютный авторитетъ религіи и ея представителей во всѣхъ дѣлахъ частной и общественной жизни, и если de facto не исполняетъ всѣхъ предписаній религіи, то нравственно не перестаетъ себя считать къ этому обязаннымъ. Объ этомъ періодѣ безусловнаго господства церкви надъ государствомъ излишне было бы говорить здѣсь, такъ какъ и Россія давно уже вышла изъ этого состоянія.

Но затѣмъ, неустанно работающая человѣческая мысль, мало-по-малу, начинаетъ сознавать несостоятельность такого порядка вещей. Сперва относительно отдѣльныхъ вопросовъ, а потомъ и въ болѣе общемъ видѣ, выработывается убѣжденіе, что государство преслѣдуетъ свои особыя задачи, различныя отъ цѣлей церкви, и что поэтому по многимъ пунктамъ интересы общественной жизни, представляемые государствомъ, требуютъ другихъ законовъ, другихъ мѣръ, чѣмъ требованія церкви. Эти требованія государственной пользы все настойчивѣе взываютъ объ удовлетвореніи, несмотря на противоположныя правила церкви. Какимъ же образомъ достигнуть того, чтобъ интересы свѣтскіе не были нарушаемы религіозными, чтобъ государство могло осуществлять тѣ свои стремленія, которыя противорѣчатъ установившимся обычаямъ и постановленіямъ церкви?

Въ этомъ отношеніи исторія даетъ намъ примѣры двухъ главныхъ видовъ разрѣшенія упомянутой проблемы. Бываетъ такъ, что государство, не отказываясь отъ стариннаго своего тѣснаго союза съ церковью, добивается того, что церковь сама видоизмѣняетъ свой образъ существованія и дѣйствій, согласно требованіямъ свѣтской власти. Служители церкви сами призываются правительствомъ къ исполненію такихъ мѣръ, которыя несогласны съ ея ученіемъ и вызваны потребностями не религіознаго, а гражданскаго свойства. Эта система вездѣ является непосредственно за первымъ періодомъ, но, очевидно, страдаетъ существенными недостатками. Съ одной стороны, религія унижается такимъ принужденіемъ къ воспринятію чуждыхъ ей началъ и идей, съ другой — государство слабо гарантировано въ удовлетвореніи его потребностей, когда дѣло это возложено на людей, которые, по своимъ понятіямъ и положенію, должны бы дѣйствовать, и дѣйствительно нерѣдко дѣйствуютъ, въ направленіи, противоположномъ интересамъ гражданскаго общежитія. Поэтому, за означенною системой въ цивилизованныхъ странахъ является другая, безъ всякаго сомнѣнія, гораздо болѣе удовлетворяющая потребностямъ и государства и церкви. Сущность этой системы «свободной церкви въ свободномъ государствѣ» состоитъ въ слѣдующемъ: государство преслѣдуетъ свои цѣли собственными средствами, не обращаясь къ содѣйствію церкви даже по предметамъ, имѣющимъ связь съ религіозными интересами (народное образованіе, семейное право и т. под.); не навязывая себѣ церковныхъ воззрѣній, законодатель за то не навязываетъ и служителямъ религіи своихъ требованій и предоставляетъ имъ всевозможную свободу въ осуществленіи своего нравственнаго идеала до тѣхъ поръ, пока дѣятельность ихъ не выродится въ нравственное или физическое принужденіе. Таковъ идеалъ, къ которому стремится разрѣшеніе великой проблемы объ отношеніи государства къ церкви, хотя нельзя не сознаться, что въ настоящее время полное, послѣдовательное проведеніе въ жизнь этого идеала во многихъ отношеніяхъ невозможно, вслѣдствіе различныхъ историческихъ условій.

Эти замѣчанія, несмотря на общій ихъ характеръ, необходимы для уясненія вопроса о правильной организаціи духовнаго управленія евреевъ. Нетрудно замѣтить, что дѣйствующіе законы о

положеніи и обязанностяхъ раввиновъ основаны на началахъ первой системы согласованія церковныхъ и государственныхъ интересовъ. Правительство не можетъ относиться равнодушно къ той беззалабернѣйшей неурядицѣ, которая господствуетъ въ еврейскомъ духовно-общественномъ быту. Подъ вліяніемъ средневѣковой анархіи и полнѣйшей индифферентности стариннаго государства къ внутреннему быту евреевъ, въ этомъ послѣднемъ безпорядокъ возведенъ былъ въ систему. Современное государство, безъ сомнѣнія, не можетъ мириться ни съ безусловною свободой и безконтрольностью обученія, ни съ отсутствіемъ организованной духовной власти и предоставленіемъ каждому желающему совершать религіозные акты, имѣющіе и важное гражданское значеніе (браки, удостовѣреніе рожденій и смертностей, совершеніе разводовъ, приводъ къ присягѣ), ни со многими другими проявленіями старинной еврейской неурядицы. Государству необходимо прежде всего имѣть возможность собирать вѣрныя свѣдѣнія о числѣ гражданъ, о мѣстопребываніи, занятіяхъ и пр. каждаго изъ нихъ, и потому оно не можетъ относиться безучастно къ тому уклоненію евреевъ отъ всякой оффиціальности, которое унаслѣдовано ими отъ худшихъ временъ своей исторіи.

Но какъ государство должно удовлетворить тѣмъ своимъ потребностямъ, которыя не находятъ опоры въ обычаяхъ и религіозныхъ понятіяхъ еврейскаго народа, во многомъ даже должно упорно бороться съ этими обычаями и понятіями?

Существующій законъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ такъ. Самъ раввинъ, хотя и представитель еврейской религіи, долженъ стараться объ «улучшеніи» и согласованіи ея съ видами правительства. Положеніе раввина вслѣдствіе этого — фальшиво и неестественно. Результатъ, какъ мы видѣли, двоякій. Съ одной стороны, представители еврейской религіи унижены тѣмъ, что имъ вмѣнено въ обязанность дѣйствовать такъ, какъ они по совѣсти, въ качествѣ духовныхъ лицъ, дѣйствовать не могутъ. Съ другой — государство весьма слабо гарантировано въ томъ, что потребности его, относительно возможно правильнаго регулированія еврейскаго быта въ гражданскомъ отношеніи, удовлетворяются лицами, на которыхъ обязанность эта возложена. Правда, практика еврейской жизни сдѣлала, съ своей стороны, все возможное для того,

чтобъ раціонально исправить недостатки закона. Разграничивъ область дѣятельности раввиновъ духовныхъ, вовсе не признаваемыхъ закономъ, но необходимыхъ въ дѣйствительности, и казенныхъ, еврейскій бытъ выяснилъ невозможность той двойственной программы дѣйствій, которую законъ возлагаетъ на раввина. Но ложное положеніе казеннаго раввина остается въ силѣ и послѣ измѣненія закона о раввинахъ на практикѣ. Онъ, правда, разсматривается евреями совершенно правильно, какъ чиновникъ, поставленный правительствомъ для наблюденія надъ исполненіемъ евреями интересовъ и требованій государственныхъ. Но законъ самъ позаботился о томъ, чтобъ связать этого представителя своихъ интересовъ по рукамъ и ногамъ, поставить его въ совершенную зависимость отъ тѣхъ, которыхъ онъ долженъ контролировать и исправлять, и, такимъ образомъ, лишить его возможности добросовѣстно исполнять свои обязанности.

Что же остается дѣлать для устраненія этихъ недостатковъ? Отвѣтъ очень простъ: перейти отъ первой системы регулированія отношеній между государствомъ и іудаизмомъ ко второй. Вмѣсто безплодныхъ и несправедливыхъ попытокъ ломать еврейскую религію посредствомъ ея же представителей, пусть государство предоставляетъ еврейскимъ обществамъ выбирать духовныхъ раввиновъ совершенно свободно, какъ было до введенія казенныхъ раввиновъ. Этимъ раввинамъ можно предоставить свободу дѣйствій) относительно чисто религіозныхъ предметовъ, съ нѣкоторыми, конечно, ограниченіями, напримѣръ, относительно отлученія или изверженія изъ общества (Сб., 160) и т. п.; мѣсто же казенныхъ раввиновъ, которые и теперь уже, въ сущности, суть чиновники, но съ однѣми обязанностями и безъ соотвѣтствующихъ правъ, необходимыхъ для возможности исполненія этихъ обязанностей, пусть займутъ настоящіе чиновники, правительствомъ назначаемые и имѣющіе задачей преслѣдовать исключительно соблюденіе гражданскихъ законовъ и общегосударственныхъ интересовъ во внутренней жизни еврейскаго общества.

Строго говоря, при нормальномъ устройствѣ нашего общественнаго быта, существованіе такой особенной должности для евреевъ было бы совершенно излишне. Такъ, напримѣръ, контроль надъ меламдами и вообще надзоръ за дѣломъ народнаго образова-

нія евреевъ, при удовлетворительной организаціи нашего учебнаго дѣла, можно было бы возложить исключительно на общее учебное начальство. Веденіе метрическихъ книгъ, какъ показываетъ опытъ другихъ странъ, всего раціональнѣе изъять изъ вѣдѣнія духовныхъ властей и передать, относительно всѣхъ сословій и вѣроисповѣданій страны, одному свѣтскому учрежденію (какъ англійское registrar office). Будь у насъ введена эта система (а извѣстно, что метрическія книги ведутся у насъ дурно не у однихъ евреевъ), не было бы надобности въ особыхъ чиновникахъ для веденія метрическихъ книгъ у евреевъ. Извѣстно также, что во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ все болѣе распространяется система гражданскаго совершенія браковъ. Сущность этой системы заключается тоже въ переходѣ отъ первой изъ вышеупомянутыхъ двухъ формъ организаціи отношеній государства и церкви ко второй. Государство заинтересовано въ томъ, чтобъ при совершеніи браковъ соблюдаемы были многія такія правила, которыя въ глазахъ церкви не имѣютъ значенія или даже противорѣчатъ ея воззрѣніямъ. Первоначально государство предписываетъ самому духовенству исполнять эти свои требованія, несогласныя съ ученіемъ церкви или, по крайней мѣрѣ, на немъ неоснованныя. На этой ступени развитія стоитъ современное русское право. Но затѣмъ все болѣе обнаруживаются недостатки этой системы, указанные вкратцѣ уже выше, и государство переходитъ къ другому способу огражденія своихъ интересовъ: оно передаетъ дѣло совершенія браковъ съ соблюденіемъ всѣхъ требованій гражданскаго закона своимъ представителямъ, гражданскимъ чиновникамъ, предоставляя, затѣмъ, самимъ брачущимся вѣдаться съ своею религіей и церковью относительно религіознаго освященія брака. Будь эта система принята у насъ, какъ общая для всего населенія, совершеніе еврейскихъ браковъ могло бы перейти, на общемъ основаніи, къ тому гражданскому вѣдомству, которому поручено было бы это дѣло.

Такимъ образомъ обособленность управленія духовно-гражданскими дѣлами евреевъ и необходимость имѣть особые правительственные органы для охраненія законности и государственнаго интереса въ бытѣ еврейскихъ общинъ исчезли бы сами собою, безъ всякихъ искуственныхъ мѣръ, еслибъ общіе порядки нашей граж-

данской жизни были совершеннѣе и ближе къ западно-европейскому строю (отдѣленіе церкви отъ государства, гражданскій бракъ, веденіе актовъ состоянія гражданскимъ учрежденіемъ, уничтоженіе вѣроисповѣднаго характера народной школы, общее и обязательное школьное обученіе). Но такъ какъ, повидимому, намъ долго еще придется ждать упомянутыхъ реформъ, которыя могли бы значительно улучшить положеніе еврейскаго вопроса относительно пресловутой обособленности евреевъ, то необходимо еще учрежденіе особыхъ органовъ правительства для наблюденія надъ духовно-гражданскими дѣлами евреевъ въ интересахъ исполненія гражданскаго закона. Полная секуляризація института казённыхъ раввиновъ была бы, по нашему мнѣнію, вполнѣ практичною, легко осуществимою и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе полезною мѣрой при теперешнихъ условіяхъ. Какъ правительственный чиновникъ, лицо, замѣняющее теперешняго казеннаго раввина, было бы вполнѣ независимо отъ еврейскихъ обществъ и потому легко могло бы слѣдить постоянно и энергически за соблюденіемъ евреями закона, преслѣдовать многочисленныя злоупотребленія въ еврейскихъ общинахъ, не страшась никакихъ каверзъ и подвоховъ.

Въ то время, какъ я пишу эти строки, обнародовано Высочайшее повелѣніе отъ 16-го марта сего года о преобразованіи раввинскихъ училищъ въ учительскія семинаріи. По смыслу этого важнаго закона, правительство отказывается отъ дальнѣйшаго разведенія казенныхъ раввиновъ и навязыванія обществамъ патентованныхъ начальствомъ духовныхъ лицъ. Въ этомъ отношеніи новый законъ представляется намъ значительнымъ шагомъ впередъ въ законодательствѣ о положеніи іудаизма въ Россіи. Какъ въ свое время извѣщали газеты, вопросъ о преобразованіи духовнаго управленія евреевъ разсматривался въ правительственныхъ сферахъ совмѣстно съ вопросомъ о народномъ образованіи евреевъ. Новый законъ, очевидно составляющій результатъ этихъ правительственныхъ заботъ, касается лишь народнаго образованія евреевъ и только косвенно затрагиваетъ и отчасти предрѣшаетъ вопросъ объ организаціи духовнаго быта устраненіемъ казенныхъ раввиновъ. По всей вѣроятности, однакожъ, въ скоромъ времени послѣдуетъ и разрѣшеніе вопроса о духовномъ управленіи. Это предположеніе

основывается, вопервыхъ, на внутренней связи между дѣломъ народнаго образованія и духовнаго управленія евреевъ и необходимости, вслѣдствіе этого, единообразнаго устройства этихъ двухъ частей; вовторыхъ, на извѣстіи о совмѣстномъ разсмотрѣніи правительственною коммисіей двухъ этихъ вопросовъ. Какимъ образомъ будетъ организована духовная часть у евреевъ по новому закону я, конечно, предугадывать не берусь. Судя, однакожъ, по отношенію закона 16-го марта къ раввинскимъ училищамъ, можно полагать, что правительство имѣетъ въ виду усвоить себѣ въ принципѣ то раздѣленіе религіозной отъ гражданской стороны раввината, за которое мы высказались выше.

Но если и воспослѣдуетъ это распредѣленіе правъ и обязанностей между духовными лицами еврейскихъ общинъ съ одной стороны и правительственными чиновниками — съ другой, всетаки остается еще открытымъ вопросъ: ка́къ должно государство относиться къ представителямъ собственно духовнаго управленія евреевъ—предоставить ли имъ полную свободу дѣйствій по религіозному закону евреевъ, или свободѣ этой должны быть поставлены извѣстныя границы, и какія именно? Прежде всего тутъ возникаетъ вопросъ: должно ли правительство предоставить обществамъ неограниченную свободу выбора въ раввины кого имъ вздумается, или должны быть установлены извѣстныя условія для права быть выбраннымъ, напримѣръ, извѣстный образовательный цензъ? Мы думаемъ, что безусловная свобода тутъ всего желательнѣе. Какъ скоро государство ввѣряетъ защиту своихъ интересовъ въ еврейскомъ бытѣ своимъ чиновникамъ, то оно можетъ въ чисто-духовномъ отношеніи предоставить еврейскія общества самимъ себѣ. Это будетъ вполнѣ согласно съ принципомъ невмѣшательства государства въ религіозныя дѣла, который составляетъ основу русскаго законодательства. Притомъ же у насъ положительно нѣтъ такихъ заведеній, какъ въ Германіи, откуда могли бы выходить люди, соединяющіе общее образованіе съ знаніемъ еврейскаго закона и преданностью религіознымъ интересамъ іудейства. Въ Россіи весьма рѣдко можно встрѣтить человѣка, который пользовался бы духовнымъ авторитетомъ въ глазахъ евреевъ и обладалъ бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, хоть кое-какимъ общимъ образованіемъ. Поэтому подобное требованіе могло бы только возродить то уродливое явленіе, ко-

торое такъ хорошо характеризуется нелѣпымъ сочетаніемъ словъ: «казенный» и «раввинъ» [1]).

Ходятъ слухи о существующемъ будто бы предположеніи организовать у насъ духовное управленіе на началахъ консисторіальныхъ, т. е. бюрократической централизаціи. Если слухи эти справедливы, въ чемъ можно усомниться, то надо сказать, что это предположеніе крайне неудачное. При полнѣйшей непривычкѣ евреевъ къ централизаціи и чиновничьему формализму въ дѣлахъ вѣры, при низкой степени образованія представителей духовнаго элемента у русскихъ евреевъ, при всеобщей анархіи, господствующей во внутренней жизни еврейскихъ общинъ, при несовершенствѣ нашего законодательства, ставящаго въ зависимость отъ религіозныхъ ученій каждаго вѣроисповѣданія массу такихъ вопросовъ, которые въ другихъ странахъ справедливо отнесены къ области гражданскаго закона — еврейскія консисторіи у насъ не могутъ расчитывать ни на какой успѣхъ, не говоря уже о томъ, что бюрократическая организація духовныхъ дѣлъ оказывается вредною во всѣхъ странахъ и относительно всѣхъ вѣроисповѣданій, даже тамъ, гдѣ почва для нея подготовлена во многихъ отношеніяхъ.

Притомъ же, такая организація еврейскаго духовнаго управленія противорѣчитъ и установившимся отношеніямъ правительства къ іудаизму и общему характеру нашего конфессіональнаго законодательства. Мы видѣли выше, что правительство исходило всегда изъ той, въ сущности вѣрной, мысли, что у евревъ нѣтъ духовенства въ христіанскомъ смыслѣ слова и что законъ долженъ по возможности избѣгать регламентаціи духовной жизни евреевъ. Кромѣ того, связь между государствомъ и христіанской церковью такъ тѣсна у насъ, что нѣкоторая степень игнорированія зако-

[1]) Съ этимъ мнѣніемъ автора едва-ли можно согласиться. Если у насъ нѣтъ такихъ учебныхъ заведеній, какъ въ Германіи, гдѣ бы раввины одновременно могли получать общеевропейское и спеціально-богословское образованіе, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что духовные представители евреевъ должны быть совершенными невѣждами относительно общечеловѣческаго образованія. Гораздо цѣлесообразнѣе будетъ устроить именно такія заведенія, какія существуютъ съ этой цѣлью въ Германіи. Во всякомъ случаѣ знаніе русскаго языка, по нашему мнѣнію, непремѣнно должно быть поставлено условіемъ при утвержденіи въ должности раввина. *Издатель.*

номъ еврейской религіи является логическою необходимостью. Оффиціальная же санкція іудейства въ устройствѣ консисторій была бы такимъ отступленіемъ отъ основныхъ началъ нашего законодательства, что правительство едва ли рѣшилось бы на этотъ шагъ безъ измѣненія многихъ другихъ частей дѣйствующаго права. Такимъ образомъ, чѣмъ больше вдумываешься въ тѣ условія, въ которыя поставлено у насъ еврейство, тѣмъ сильнѣе будетъ убѣжденіе въ невозможности пересадить на нашу почву французскую систему организаціи духовнаго управленія евреевъ.

Но чего особенно слѣдуетъ желать при предстоящемъ измѣненіи духовнаго управленія евреевъ это—бо́льшее уваженіе со стороны гражданскаго закона къ духовному сану раввиновъ; въ этомъ отношеніи дѣйствующее законодательство, какъ мы видѣли выше, оставляетъ весьма многаго желать. Такъ, напримѣръ, было бы, конечно, желательно, чтобъ спеціально-еврейскіе налоги были, какъ можно скорѣе, уничтожены, такъ какъ вредность ихъ во многихъ отношеніяхъ не подлежитъ сомнѣнію; но пока сборы эти существуютъ, желательно, чтобъ содержаніе еврейскаго духовнаго персонала относимо было насчетъ этихъ суммъ, а не поставляемо въ зависимость отъ добровольныхъ приношеній, т. е. произвола общины, чѣмъ дается возможность вліятельнымъ членамъ обществъ держать въ своихъ рукахъ раввиновъ и орудовать общественными дѣлами въ своихъ личныхъ интересахъ.

Впрочемъ, мы еще будемъ говорить ниже объ этомъ предметѣ.

II.

Какъ часто и охотно говорятъ у насъ о замкнутости, изолированности евреевъ, о ненормальности отчужденія евреевъ отъ общерусской народной жизни и какъ рѣдко отдаютъ себѣ отчетъ въ тѣхъ фактическихъ условіяхъ, въ какія постановлено у насъ еврейское населеніе, и въ томъ вліяніи, которое условія эти имѣютъ на упомянутое, безспорно, очень грустное, явленіе! Большинство юридико-соціальныхъ особенностей положенія еврейства вовсе еще не изслѣдовано нашей печатью, а многія изъ нихъ совершенно даже игнорируются ею. По программѣ этой статьи, имѣющей въ виду пока характеристику отношенія государства къ ре-

лигіозной сторонѣ іудаизма, мы не можемъ вдаваться здѣсь въ разборъ общаго вопроса объ обрусеніи евреевъ, затрагивающаго множество разнородныхъ отдѣловъ права, но мы остановимся здѣсь на одной группѣ постановленій, касающихся вмѣстѣ и конфессіональнаго вопроса и такъ-называемаго вопроса о сліяніи евреевъ съ остальнымъ населеніемъ.

Для всякаго ясно, конечно, что противовѣсомъ изолированности отдѣльныхъ элементовъ населенія служитъ возможно бо̀льшее единство законовъ и учрежденій для всѣхъ этихъ элементовъ. Искусственно воздвигать китайскія стѣны между отдѣльными мѣстностями, народностями или сословіями и въ то же время вопіять о вредѣ разрозненности и необходимости единства въ государствѣ верхъ глупости — когда это дѣлается по непониманію — или недобросовѣстности, когда возгласы эти дѣлаются съ предвзятою мыслью возбужденія взаимной вражды и т. под. цѣлями. Только тогда, когда человѣку дана полная возможность быть на дѣлѣ гражданиномъ страны, жить общею народною жизнью, а онъ предпочитаетъ замыкаться въ свою допотопную раковину и преслѣдовать мелкіе, эгоистическіе интересы—только тогда мы можемъ съ полнымъ правомъ бросить ему въ лицо упрекъ въ изолированности и серьезно говорить о вредности такого элемента населенія. Пока этого не сдѣлано, пока многія группы населенія встрѣчаютъ на пути къ объединенію многочисленныя и сильныя препятствія, отъ нихъ независящія, разсужденія о склонности этихъ группъ къ замкнутости и эгоистически-чужеядному прозябанію лишены положительной почвы и могутъ имѣть характеръ лишь болѣе или менѣе правдоподобныхъ догадокъ.

Извѣстно, что внутреннее и даже внѣшнее объединеніе разнородныхъ элементовъ населенія, какъ въ законодательствѣ, такъ и въ жизни, нигдѣ (говоря, разумѣется, о цивилизованныхъ странахъ) не сдѣлало такъ мало успѣховъ, какъ у насъ. Однимъ изъ важнѣйшихъ препятствій въ этомъ отношеніи является у насъ вѣроисповѣдная рознь, какъ результатъ тѣснаго союза между государствомъ и православіемъ. Вліяніе этого важнаго фактора русской государственной жизни далеко простирается за предѣлы еврейскаго вопроса, составляющаго только одинъ изъ менѣе важныхъ его составныхъ элементовъ, по понятнымъ причинамъ не

подвергавшагося еще серьезному изслѣдованію; мы же, разумѣется, можемъ коснуться только его отношенія къ іудейству и здѣсь остановимся на весьма мало извѣстномъ отдѣлѣ семейнаго права русскихъ евреевъ по гражданскому закону.

Значеніе законовъ о семейномъ союзѣ для гражданскаго общества такъ велико, что не даромъ Дж. Ст. Милль говоритъ, что одни законы о семейныхъ отношеніяхъ гораздо важнѣе всѣхъ другихъ гражданскихъ законовъ, вмѣстѣ взятыхъ. Оставляя въ сторонѣ всѣ другія соображенія, къ нашему предмету прямо неотносящіяся, очевидно, что при всѣхъ условіяхъ семья является самымъ могущественнымъ факторомъ сближенія враждебныхъ или чуждыхъ другъ другу общественныхъ группъ. Въ преданіяхъ всѣхъ народовъ, женщина въ семьѣ служитъ примирительницей враждебныхъ племенъ и залогомъ болѣе правильныхъ международныхъ и сословныхъ отношеній, тогда какъ съ другой стороны, ни что̀ такъ не поддерживало кастовой и сословной замкнутости у всѣхъ народовъ на извѣстной степени ихъ развитія, какъ запрещеніе брака между членами разныхъ классовъ общества. Нигдѣ не исчезаютъ предразсудки, основанные на различіи вѣры, языка и происхожденія, такъ быстро, какъ въ семьѣ; нигдѣ не сглаживаются въ такой мѣрѣ національныя и религіозныя особенности, неровности и угловатости, нигдѣ не выработывается такъ удобно космополитическій типъ человѣка, какъ въ семьѣ. Но для того, чтобъ семья могла пріобрѣсти такое нивеллирующее значеніе, какъ само собою разумѣется, необходимо поставить ее въ возможно болѣе свободныя условія относительно государства и церкви, т. е. отмѣнить искуственныя преграды къ сліянію въ бракѣ отдѣльныхъ группъ человѣчества—преграды, воздвигнутыя отчасти государственными законами, основанными на соображеніяхъ политическихъ и соціальныхъ, но преимущественно — церковнымъ правомъ, которое руководится исключительно религіозными мотивами.

Если съ этой точки зрѣнія посмотримъ на наше законодательство о семейномъ союзѣ, то увидимъ, что подчиненіе государства церковнымъ идеямъ и требованіямъ служитъ сильнымъ тормазомъ развитія нашей общественной жизни въ семейномъ отношеніи. Русскій законъ не знаетъ общаго понятія о семьѣ, какъ граждан-

скомъ институтѣ, одинаково нормируемомъ закономъ у всѣхъ гражданъ во имя общественнаго интереса: онъ знаетъ только семью въ религіозномъ, или, лучше сказать, церковномъ смыслѣ, семью христіанскую (православную и неправославную), магометанскую и іудейскую. «Бракъ во всѣхъ вѣроисповѣданіяхъ, терпимыхъ въ Россійской Имперіи, не исключая магометанъ, евреевъ и язычниковъ, признается законнымъ, когда оный совершенъ по правиламъ и обрядамъ ихъ вѣры» (ст. 1,113 т. X ч. 1 св. зак.). Здѣсь положительно высказано, какъ основное начало законодательства, что оно признаетъ только бракъ въ томъ видѣ, какъ санкціонируетъ его каждое вѣроисповѣданіе отдѣльно; этимъ установленъ принципъ розни и отчужденія между отдѣльными группами населенія по капитальнѣйшему предмету частной жизни. Первая книга X тома, трактующая «о правахъ и обязанностяхъ семейственныхъ», съ перваго же взгляда показываетъ, ка̀къ глубоко сидитъ это начало въ духѣ нашего закона. Тутъ вы не встрѣтите ни одной статьи, которая формально относилась бы къ бракамъ лицъ всѣхъ вѣроисповѣданій и, стало быть, основана была на общегражданскихъ, а не спеціально-церковныхъ соображеніяхъ. Книга эта вся состоитъ изъ ряда *отдѣльныхъ* правилъ для браковъ православныхъ между собою, православныхъ съ неправославными, неправославныхъ между собою и съ нехристіанами, нехристіанъ между собою и т. д.

Очевидно, что церковный моментъ въ союзѣ брачномъ стоитъ рѣшительно на первомъ планѣ въ глазахъ нашего закона. Отсюда запрещеніе христіанамъ (исключая протестантовъ) вступать въ бракъ съ нехристіанами. Что̀ бы мы ни думали о вѣскости тѣхъ религіозныхъ соображеній, которыя дѣлаютъ необходимымъ удержаніе у насъ до сихъ поръ силы этого запрещенія, нельзя не признаться, что, съ точки зрѣнія обрусенія евреевъ, законъ этотъ является помѣхою. Хотя нельзя, разумѣется, и думать о томъ, чтобы, въ случаѣ отмѣны теперь этого запрещенія, смѣшанные браки встрѣтили сочувствіе въ массѣ какъ еврейскаго, такъ и христіанскаго населенія (этому воспрепятствовали бы низкій уровень умственнаго развитія массъ и столь сильныя еще религіозно-національныя предубѣжденія), но для образованнаго меньшинства дозволеніе смѣшанныхъ браковъ было бы въ высшей

степени желательно. Сліяніе евреевъ съ кореннымъ населеніемъ, столь желательное во всѣхъ отношеніяхъ, нашло бы въ этомъ законѣ сильнаго союзника. Ненадо упускать изъ виду и мнѣнія, высказываемаго вполнѣ компетентными антропологами, относительно полезности и въ культурно-физіологическомъ отношеніи браковъ между лицами различныхъ племенъ.

Если обратимся собственно къ вопросу объ отношеніи нашего закона къ еврейской семьѣ, то найдемъ слѣдующее: съ одной стороны, законъ подтверждаетъ относительно іудейства общій принципъ о неразрывной связи между бракомъ и религіей и о подчиненіи гражданскаго закона церковному во всемъ, что̀ касается брака. Результаты этого принципа, въ примѣненіи его къ еврейскому міру, двоякіе. Вопервыхъ, вездѣ, гдѣ интересы семейнаго права евреевъ сталкиваются съ интересами господствующей церкви, первые уступаютъ послѣднимъ, въ силу того соображенія, что еврейская религія (а слѣдовательно, и бракъ) только терпимы; христіанство же есть религіозная форма, господствующая въ странѣ. Такимъ образомъ, переходъ въ христіанство одного изъ супруговъ даетъ ему право, если онъ пожелаетъ, расторгнуть прежній бракъ и вступить въ новый бракъ съ лицомъ христіанскаго исповѣданія, хотя самъ законъ признаетъ, что переходъ этотъ самъ собою не расторгаетъ прежняго брака, и если супруги пожелаютъ, то они могутъ продолжать сожительство и послѣ того, какъ одинъ изъ нихъ перешелъ въ христіанство, а другой остался въ іудействѣ. Любопытно то, что на новокрещенаго супруга законъ не возлагаетъ рѣшительно никакихъ обязанностей по прежнему браку, напримѣръ, по содержанію бросаемой имъ жены и дѣтей. Изъ этого выходитъ то, что законъ этотъ открываетъ негодямъ возможность попирать ногами самыя священныя человѣческія обязанности, оставляя на произволъ судьбы своихъ законныхъ женъ и дѣтей, если только они осчастливятъ церковь своимъ переходомъ въ ея лоно. Примѣръ, взятый изъ дѣйствительной жизни, всего лучше докажетъ, что это не «жалостныя слова» только, какъ большинство у насъ склонно принимать всякое замѣчаніе относительно несправедливаго къ евреямъ закона.

Вотъ какой случай разсказанъ въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», 1862 г. «Нѣкто еврей Кайфманъ изъ Аннополя избралъ себѣ су-

пругу изъ извѣстнаго въ г. Острогѣ семейства — Соскисъ. Послѣ семилѣтней супружеской жизни, во время которой Кайфманъ прижилъ двухъ дѣтей—дочь и сына, онъ влюбился въ какую-то дѣвицу-христіанку и, какъ водится, возненавидѣлъ свою жену. Однажды онъ предложилъ своей супругѣ разводъ. Жена не согласилась. Кайфманъ ее бросилъ, и она должна была сама добывать себѣ пропитаніе. Видя, что нѣтъ никакого иного средства избавиться отъ жены, К. принялъ православіе. Прошло около двухъ лѣтъ, и вдругъ, въ одно прекрасное утро, жену К. приводятъ въ оковахъ въ Острогъ. Ее отправили къ городничему, который потребовалъ отъ нея отдачи сына бывшему ея мужу для крещенія. Бѣдная женщина объяснила, что мужъ ужъ болѣе двухъ лѣтъ ее бросилъ, предоставивъ дѣтей на ее попеченіе, и что она лучше умретъ, чѣмъ добровольно отдастъ своего сына. Кончилось однако дѣло тѣмъ, что послѣ продолжительнаго пребыванія несчастной матери въ тюрьмѣ ее освободили и насильно отняли у нее сына, который немедленно отправленъ былъ въ церковь. Собравшіеся тутъ прихожане порѣшили: отдать ребенка въ руки какого-то десятскаго, съ платежемъ ему по девяти рублей въ годъ». Хроникеръ журнала «Время», перепечатывая разсказъ объ этомъ происшествіи, находитъ его «очень страннымъ». «Намъ почему-то кажется, что тутъ должно быть что-нибудь не такъ, а впрочемъ можетъ быть только такъ кажется», прибавляетъ онъ [1]). Мы съ своей стороны можемъ увѣрить его, что «очень страннаго» въ этой исторіи ровно ничего нѣтъ и что дѣйствительно ему только такъ кажется, что что-нибудь должно быть не такъ, и кажется это ему вслѣдствіе незнакомства съ спеціальными законами по этому предмету. Во всей этой исторіи нѣтъ ничего невѣроятнаго съ точки зрѣнія нашихъ законовъ. Мужъ-еврей имѣетъ право бросить свою жену и дѣтей, когда ему вздумается, и если еврейка не согласится перейти въ православіе вмѣстѣ съ нимъ, онъ можетъ жениться на другой, не обезпечивши ни жены, ни дѣтей отъ прежняго брака. Затѣмъ, по закону (Сб., стр. 165), при крещеніи однаго изъ супруговъ, сыновья моложе 7-ми лѣтъ слѣдуютъ вѣрѣ отца,

[1]) „Время“, 1862 г., кн. 9, „Внутр. обозр.“, стр. 75.

дочери — вѣрѣ матери. Поэтому Кайфманъ имѣлъ полное право требовать, чтобъ сынъ его былъ отобранъ у матери для крещенія. Можетъ показаться только страннымъ, за какое преступленіе бывшая жена Кайфмана должна была подвергнуться пересылкѣ по этапу и содержанію въ тюремномъ замкѣ. Но вѣдь администрація должна же была исполнить законное требованіе Кайфмана и какое же она имѣла для этого другое средство, при несогласіи матери отдать полиціи своего ребенка?

Но если въ этомъ дѣлѣ все происходило «на законномъ основаніи», то нельзя не согласиться, что законы, дающіе возможность такихъ происшествій, далеко не удовлетворяютъ требованіямъ справедливости.

Съ начала до конца дѣло Кайфмана представляетъ цѣпь возмутительныхъ несправедливостей. Одно изъ основныхъ началъ семейнаго права — обязанность мужа содержать жену и дѣтей — нарушена Кайфманомъ безнаказанно потому только, что онъ принялъ православіе.

Всякій мужъ-иновѣрецъ, которому надоѣстъ носить бремя семейныхъ обязанностей, можетъ освободиться отъ этой обузы — принятіемъ христіанства. Но можно-ли допустить, чтобъ такой важный религіозный актъ доставлялъ недобросовѣстнымъ людямъ, въ видѣ преміи, за усвоеніе истины, право нарушать свои обязанности человѣка и христіанина? Можно-ли считать пріобрѣтеніемъ для церкви пріобрѣтеніе такихъ личностей, которыя безчеловѣчно оставляютъ на произволъ судьбы свою семью и переходятъ въ другую вѣру только для избавленія себя отъ матеріяльныхъ и нравственныхъ обязанностей?

Бросая жену и дѣтей и освобождая себя отъ всяхихъ относительно ихъ *обязанностей*, новокрещенный мужъ не теряетъ однакожъ своихъ *правъ*, по крайнѣй мѣрѣ отчасти. Взваливъ на жену всю тяжесть воспитанія дѣтей, Кайфманы могутъ однакожъ, когда имъ вздумается, отобрать у нихъ сыновей для крещенія. Это правило само по себѣ несправедливо: не жестоко-ли въ самомъ дѣлѣ лишать жену, и безъ того несчастную, какъ брошенную мужемъ, послѣдняго утѣшенія, отнимая у нея дѣтей? Въ интересахъ государства, чтобъ малолѣтнія дѣти были воспитываемы какъ можно лучше, людьми принимающими въ нихъ возможно большее уча-

стіе. Но отъ кого можно ожидать лучшаго воспитанія ребенка — отъ матери-ли, будь это даже еврейка, или отъ десятскаго, получающаго изъ приходскихъ суммъ по 9-ти руб. въ годъ на этотъ предметъ? Можетъ-ли законъ, какъ представитель общественной справедливости, относиться безучастно къ положенію матери, у которой отнимаютъ любимое дитя для отдачи десятскому, обязанному насаждать истинную вѣру въ душѣ трехлѣтняго ребенка?

Вовторыхъ, это право обратившагося супруга требовать дѣтей отъ другого, необратившагося, нерѣдко служить въ рукахъ перваго орудіемъ самыхъ недостойныхъ вымогательствъ. При помощи угрозы отобрать полицейскимъ порядкомъ дѣтей, крестившійся супругъ имѣетъ возможность вытянуть послѣдній грошъ изъ кармана прежняго своего супруга и его родныхъ и вообще баловать себя всячески на ихъ счетъ. Переходъ въ христіанство связывается, такимъ образомъ, съ самыми грязными и возмутительными сдѣлками, которыя не могутъ не бросить тѣни, на достоинство такого религіознаго акта. Такимъ же средствомъ — держать дамокловъ мечъ надъ головой прежней семьи — служитъ въ рукахъ новообращеннаго право давать или не давать разводъ супругу, оставшемуся въ іудействѣ. Законъ нашъ не обязываетъ обратившагося въ христіанство еврея развестись съ прежней женой, если они не будутъ продолжать жизнь въ прежнемъ бракѣ. Мысль закона, повидимому, такова: съ переходомъ въ православіе, еврей освобождается, въ видѣ награды, отъ всѣхъ семейныхъ обязанностей по прежнему браку, хотя и сохраняетъ значительныя права по прежнему брачному союзу. Отъ новообращеннаго супруга зависитъ оставить бракъ въ прежней силѣ, даже если его супругъ остался въ іудействѣ. Но если онъ не хочетъ этого, то бракъ, на сколько онъ связываетъ новообращеннаго, расторгается, т. е. ему дозволяется духовнымъ начальствомъ вступать въ новый бракъ. Это не обязываетъ его, однакожъ, развязать такимъ же образомъ оставшагося въ еврействѣ супруга, т. е. дать ему разводъ. По еврейскому же закону, переходъ въ христіанство одного изъ супруговъ брака еще не расторгаетъ. Такимъ образомъ, если обратившійся супругъ не захочетъ дать другому развода, то этотъ послѣдній осужденъ на всегдашнее безбрачіе, ибо и по гражданскому закону, а тѣмъ болѣе по религіозному, никакой

раввинъ не можетъ совершать вѣнчанія еврейки, имѣющей крещенаго мужа и съ нимъ неразведенной, съ другимъ лицомъ, хотя бы этотъ крещеный мужъ давно уже женился на другой и, стало быть, его прежній бракъ признанъ духовнымъ начальствомъ недѣйствительнымъ.

Понятно, какъ легко какому-нибудь негодяю погубить на всю жизнь жену-еврейку просто такъ, что, перешедши въ христіанство, онъ откажется какъ продолжать брачное съ нею сожительство, такъ и дать ей разводъ. Его это нисколько не стѣснитъ, такъ какъ онъ можетъ свободно жениться на другой, а прежнюю жену онъ можетъ держать на привязи, сколько ему вздумается, или (что часто случается) дорого продаетъ ей клочекъ пергамина, освобождающій отъ брачныхъ узъ.

Нечего и говорить о томъ, что законодатель нисколько не имѣлъ въ виду поощрять такую эксплуатацію религіозныхъ salto mortale, да и едва ли могъ ихъ предвидѣть. Онъ имѣлъ въ виду только по возможности облегчить переходъ евреевъ въ христіанство, и его можно упрекнуть только въ томъ, что обратилъ слишкомъ мало вниманія на другіе существенные интересы общежитія, могущіе пострадать отъ чрезмѣрнаго преобладанія идеи вѣроисповѣднаго объединенія населенія. Но коль скоро опытъ доказалъ, что нетолько такія вопіющія злоупотребленія возможны, но что они частенько-таки встрѣчаются, то сомнѣнія на счетъ того, что слѣдуетъ дѣлать, немыслимы.

Достоинство церкви и государственной власти не допускаетъ возможности прикрывать возвышеннымъ предлогомъ предосудительныя сдѣлки, возмущающія совѣсть порядочнаго человѣка. Христіанская церковь можетъ только потерять отъ умноженія числа адептовъ такого сорта, какъ Кайфманъ. Задача законодателя — устранить возможность такихъ злоупотребленій (тѣмъ болѣе, что это вовсе нетрудно); тогда церковь будетъ знать, что она избавлена отъ цѣлой массы волковъ въ шерсти овецъ, и, разумѣется, отъ этого она только выиграетъ.

Въ предъидущей статьѣ мы указали на нѣсколько другихъ правилъ, въ которыхъ проявляется то же направленіе законодательства — жертвовать интересами еврейскаго семейнаго права, или,

лучше сказать, интересами общечеловѣческой справедливости, видамъ вѣроисповѣднаго объединенія. Таковы правила объ отдачѣ малолѣтнихъ еврейскихъ дѣтей извѣстной категоріи посторроннимъ благотворителямъ изъ христіанъ, различныя мѣры для разлученія христіанъ съ родственниками жидовствующими, выходъ крещенныхъ евреевъ изъ купеческихъ семействъ въ отношеніи права производства торговли, и т. п. Повторять здѣсь сказанное было бы излишне. Въ связи съ разсмотрѣннымъ здѣсь вопросомъ о послѣдствіяхъ, возникающихъ для еврейской семьи отъ перехода одного изъ супруговъ въ христіанство, упомянутыя правила могутъ дать вѣрное понятіе объ этой сторонѣ нашего вѣроисповѣднаго права.

Другой результатъ принципа религіознаго характера брака, въ примѣненіи его къ іудейству, заключается въ слѣдующемъ: если въ бракъ и семью еврея какъ-нибудь замѣшается интересъ православія, законъ, какъ мы видѣли, приноситъ ему въ жертву всѣ другія требованія семейнаго права, какъ бы почтенны и основательны ни были въ его глазахъ эти требованія сами по себѣ. Зато до тѣхъ поръ, пока церковь христіанская не заинтересована въ семейномъ союзѣ иновѣрца, и гражданскій законъ оставляетъ его въ покоѣ, предоставляя еврейскій бракъ всецѣло своему собственному внутреннему развитію. Ст. 1,113 зак. гражд., какъ мы видѣли, говоритъ, что во всѣхъ вѣроисповѣданіяхъ, не исключая и еврейскаго, бракъ считается законнымъ, когда онъ совершенъ по обрядамъ соотвѣтствующаго вѣроученія. Изъ этого можно заключить, что государство, съ своей стороны, отказывается отъ вмѣшательства въ организацію семейнаго союза, пока нѣтъ повода къ защитѣ легальныхъ правъ и интересовъ христіанства. Это прямо выражено въ ст. 90 зак. гражд.: «каждому племени и народу, не исключая и язычниковъ, дозволяется вступать въ бракъ по правиламъ ихъ закона, или по принятымъ обычаямъ, *безъ участія въ томъ гражданскаго начальства или христіанскаго духовнаго правительства*». Статья эта какъ будто говоритъ иновѣрцамъ: «такъ какъ вы не принадлежите къ господствующему вѣроисповѣданію, то государство не считаетъ себя обязаннымъ взять подъ свою защиту вашъ семейный бытъ, т. е. важнѣйшій элементъ частной жизни гражданъ, а предоставляетъ вамъ самимъ устраивать его по своему усмотрѣнію. Самое бо̀льшее, что̀ оно можетъ для васъ сдѣлать, это—освободить васъ отъ всякаго вмѣшательства, какъ съ своей стороны, такъ и со стороны чуждаго вамъ церковнаго элемента; дальше не можетъ идти терпимость къ вамъ государства, безъ ущерба для тѣснаго своего союза съ господствующею религіей».

И дѣйствительно, гражданскій законъ, по отношенію къ еврейскому браку, держится до сихъ поръ правительственнаго воззрѣнія 1834 г. «избѣгать, по возможности точныхъ опредѣленій» во всемъ, что̀ касается религіознаго быта евреевъ. Все брачное право евреевъ предоставлено исключительно ихъ религіозному закону. Даже такія правила, которыя несомнѣнно имѣютъ характеръ гражданскій, а не церковный, и потому, по смыслу своему, должны быть примѣняемы къ лицамъ всѣхъ вѣроисповѣданій, нашимъ закономъ установлены собственно для христіанъ. Такъ, правила о необходимости добровольнаго согласія брачущихся, разрѣшенія родителей и начальства для вступленія въ бракъ, судя по буквальному смыслу закона, вовсе не распространяются на не-христіанъ (это видно изъ сопоставленія ст. 5, 6, 9, 12, 62 и 91 т. X ч. 1). Практика не придерживается безусловно такого страннаго вывода. Такъ, напримѣръ, добровольное согласіе брачущихся необходимо и по еврейскому закону. Разрѣшеніе же начальства на вступленіе въ бракъ еврея-чиновника или военно-служащаго, хотя оно и помѣщено въ главѣ о бракахъ лицъ православнаго исповѣданія, и еврейскимъ религіознымъ закономъ не требуется, но примѣняется на практикѣ и къ евреямъ, такъ какъ правило это вызвано соображеніями о пользѣ государственной службы и съ религіей ничего общаго не имѣетъ. Болѣе сомнительнымъ является вопросъ относительно значенія родительскаго разрѣшенія. По еврейскому закону, разрѣшеніе это для совершеннолѣтнихъ дѣтей, кажется, не требуется. Гражданскій же законъ формально не распространенъ на евреевъ. Между тѣмъ, по ст. 1,566 улож. о наказ., за вступленіе въ бракъ безъ согласія родителей виновные подвергаются тюремному заключенію, и отъ воли родителя зависитъ лишить ихъ наслѣдства. Распространяется ли это правило на евреевъ? Общій характеръ ст. 1,566, не упоминающей о принадлежности виновныхъ къ тому или другому вѣроисповѣданію, заставля-

етъ отвѣчать на этотъ вопросъ утвердительно, хотя статьи X тома, повидимому, приводятъ къ другому взгляду.

Правило о томъ, что лицо, имѣющее болѣе 80-ти лѣтъ отъ роду, не можетъ вступать въ бракъ, какъ видно изъ ст. 4 зак. гражд., примѣняется къ однимъ православнымъ; между тѣмъ, изъ ст. 1,563 улож. о нак., можно заключить, что запрещеніе это примѣняется ко всѣмъ вѣроисповѣданіямъ: здѣсь сказано вообще, что за вступленіе въ бракъ, прежде или *позднѣе* установленнаго законами церковными или государственными возраста, сочетавшіеся подвергаются такому-то наказанію. Строго говоря, статью эту, какъ всякій вообще уголовный законъ, слѣдуетъ толковать ограничительно, и такъ какъ можно доказать, что происхожденіе запрещенія престарѣлымъ лицамъ вступать въ бракъ было христіанское, нравственно-религіозное, то слѣдуетъ признать, что оно на евреевъ не распространяется. А между тѣмъ, мотивъ и цѣль этого закона имѣютъ общечеловѣческій характеръ, такъ какъ дѣло идетъ о томъ, чтобъ помѣшать несчастнымъ бракамъ при значительномъ неравенствѣ лѣтъ супруговъ, и потому справедливо было бы распространить его на лицъ всѣхъ вѣроисповѣданій.

Расторженіе браковъ поставлено въ безусловную зависимость отъ церковнаго закона и церковнаго суда; неудивительно поэтому, что гражданскій законъ обращаетъ свое вниманіе только на разводъ у членовъ господствующей церкви, оставляя совершенно безъ всякаго вниманія и контроля разводъ, напримѣръ, у евреевъ; а между тѣмъ правила, выработанныя еврейскимъ религіознымъ обычаемъ на счетъ этого, до того обветшали и весьма часто стѣснительны и несправедливы, что необходимость ихъ измѣненія давно уже сознается всѣми.

Относительно важнаго вопроса о степеняхъ родства, въ которыхъ воспрещается бракъ, законъ нетолько не дошелъ до общихъ всѣмъ вѣроисповѣданіямъ гражданскихъ нормъ, но даетъ свою санкцію въ этомъ отношеніи только постановленіямъ христіанской церкви (ст. 64, тамъ же) и признаетъ право лицъ другихъ исповѣданій руководиться по этому предмету своими религіозными законами (ст. 84, тамъ же).

Основою семьи, по мысли нашего закона, служитъ не общече-

ловѣческое чувство нравственнаго и правоваго долга, а христіански-религіозное вѣрованіе. Поэтому, во всѣхъ преступленіяхъ противъ союза семейнаго и родственнаго, церковное покаяніе, какъ наказаніе, дѣйствующее на религіозное сознаніе вѣрующаго христіанина, играетъ видную роль. Это видно изъ статей уложенія о наказ. 1,549 (похищеніе женщины для вступленія въ бракъ), 1,582 (похищеніе замужней женщины), 1,583 (жестокое обращеніе одного супруга съ другимъ), 1,585 (прелюбодѣяніе), 1,586 (жестокое обращеніе родителей съ дѣтьми), 1,593 (кровосмѣшеніе), 1,597 (любодѣяніе въ дозволенныхъ къ браку степеняхъ родства).

Въ уложеніи нѣтъ наказанія для нехристіанъ за одно изъ важнѣйшихъ преступленій противъ брачнаго союза — кровосмѣшеніе въ нѣкоторыхъ его видахъ. Нѣтъ также наказанія для нихъ за вступленіе въ бракъ въ степеняхъ родства, воспрещенныхъ ихъ религіознымъ закономъ, изъ чего слѣдуетъ заключить, что преступленіе это у не-христіанъ вовсе не наказуемо. Для духовныхъ лицъ нехристіанскихъ исповѣданій нѣтъ спеціальныхъ наказаній за совершеніе браковъ по насилію, обману или сумасшествію, и надо полагать, что они наказываются въ этомъ случаѣ на основаніи общихъ правилъ объ участникахъ, между тѣмъ, для христіанскаго духовенства опредѣлены спеціальныя наказанія за это преступленіе [1]).

Все это подтверждаетъ высказанную мысль о томъ, что государство относится у насъ безучастно къ семейному быту не-христіанъ, предоставляя ихъ своему собственному усмотрѣнію, пока не замѣшается интересъ господствующей или вообще христіанской церкви. Тогда правительство энергически вмѣшивается во внутреннюю жизнь иновѣрческой семьи, для того, чтобъ поддержать не общія требованія справедливости, но спеціальныя требованія христіанской церкви.

Послѣдовательно ли, однакожь, проведены въ нашемъ законѣ оба эти основныя начала законодательной политики въ примѣненіи къ іудейству? Внимательное изученіе нашихъ законовъ приводитъ къ отрицательному отвѣту на этотъ вопросъ. Тотъ прин-

---

[1]) Лохвицкій, „Курсъ русск. угол. права", изд. 2-е, стр. 507, 497, 499.

ципъ, что интересъ христіанства служитъ высшимъ регуляторомъ семейнаго права тамъ, гдѣ интересъ этотъ затрагиваетъ участь еврейской семьи, господствуетъ не безусловно въ нашемъ законодательствѣ. Это видно изъ того, какъ разрѣшенъ закономъ вопросъ о томъ, могутъ ли супруги-евреи, изъ которыхъ одинъ обратился въ христіанство, въ случаѣ, когда они продолжаютъ брачную жизнь, проживать внѣ черты осѣдлости евреевъ? Еслибъ принять въ соображеніе, какъ обыкновенно дѣлаетъ нашъ законъ, только интересъ поощренія перехода евреевъ въ христіанство, то слѣдовало бы разрѣшить этотъ вопросъ утвердительно. Мы видѣли въ предъидущей статьѣ, что законодатель нашъ знаетъ о томъ, какую роль играютъ свѣтскіе расчеты въ крещеніи евреевъ, и что расчеты эти имъ поощряются, а не отвергаются. Право же жить по всей имперіи, какъ мы видѣли тамъ, есть одинъ изъ важнѣйшихъ расчетовъ этого рода; почему же въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, не воспользоваться бы такимъ расчетомъ и не дозволить еврейской семьѣ, въ случаѣ крещенія одного изъ супруговъ, пребываніе внѣ злополучной черты осѣдлости? Это было бы, безъ сомнѣнія, согласно съ общимъ характеромъ нашего вѣроисповѣднаго законодательства. Однакожь, въ данномъ случаѣ, принципъ удаленія евреевъ отъ священной почвы «внутренней Россіи» одержалъ верхъ надъ другимъ, любимымъ началомъ русскаго права — поощреніемъ неофитовъ. Одержали ли здѣсь верхъ соображенія экономическія, или правительство хотѣло положить предѣлъ слишкомъ уже явному злоупотребленію крещеніемъ для пріобрѣтенія права свободнаго повсемѣстнаго жительства, этого не видно изъ ст. 81 т. X ч. I, опредѣляющей, что, въ случаѣ крещенія одного изъ супруговъ, еврейская семья не можетъ жить внѣ черты осѣдлости евреевъ, ни изъ указа 1851 г., на которомъ основано это правило. Замѣтимъ кстати, что ст. 81 возбуждаетъ своею редакціей слѣдующее сомнѣніе: «Но въ случаѣ если бракъ не расторгнутъ (т. е. при переходѣ въ православіе только одного изъ супруговъ-евреевъ и желаніи ихъ продолжать, тѣмъ не менѣе, брачную жизнь), *ни мужу, ни женѣ* не дозволяется постоянное жительство въ губерніяхъ, гдѣ евреямъ осѣдлость воспрещена». Мѣсто это можетъ быть понимаемо слѣдующимъ образомъ: Если мужъ-еврей обратится въ православіе, то нетолько его жена, оставшаяся въ іудействѣ, не можетъ жить съ нимъ, положимъ, въ Петербургѣ, но и онъ самъ не имѣетъ права жить тамъ, хотя бы жена его осталась въ чертѣ еврейской осѣдлости («ни мужу, ни женѣ не дозволяется»). Такой выводъ былъ бы, однако, нелогиченъ и несправедливъ. Съ принятіемъ христіанства еврей перестаетъ быть таковымъ, нетолько въ религіозномъ, но и въ гражданскомъ отношеніи. Было бы ни съ чѣмъ несообразно подвергать его ограниченіямъ, установленнымъ собственно для лицъ еврейскаго вѣроисповѣданія (а не происхожденія), послѣ того, какъ онъ перестал быть евреемъ по вѣрѣ; по крайней мѣрѣ, это было бы рѣшительно несогласно съ общимъ характеромъ нашего права по этому предмету.

Съ другой стороны, въ пользу такого толкованія говоритъ слѣдующее: вопервыхъ, по основнымъ началамъ русскаго права, совмѣстная жизнь супруговъ составляетъ необходимую составную часть законнаго брака, и совмѣстность эта всегда предполагается, какъ фактъ неизбѣжный и существующій. Какимъ же образомъ допустить, чтобъ мужъ имѣлъ право всю жизнь проводить въ такихъ мѣстахъ, куда жена его едва можетъ заглянуть? Какимъ образомъ согласовать это право съ тѣмъ основнымъ началомъ, что юридическое мѣстожительство жены всегда предполагается тамъ, гдѣ живетъ мужъ? Вовторыхъ, законъ, безъ сомнѣнія, относится недовѣрчиво къ такимъ бракамъ, гдѣ одинъ супругъ исповѣдуетъ христіанскую, а другой іудейскую вѣру. Возможность соблазна и отпаденія отъ церкви (противъ чего принимаются мѣры: подписка супруга-іудея о несовращеніи своей христіанской половины — ст. 81 зак. гр.) и общій характеръ нашего семейнаго права вполнѣ объясняютъ это недовѣріе. Очень возможно поэтому, что законодатель желаетъ поощрять евреевъ, обращающихся въ христіанство къ расторженію прежняго брака и прекращенію, такимъ образомъ, послѣдней связи съ еврейскимъ міромъ. Въ видѣ приманки поставлено все то же недосягаемое для еврея благо — право повсемѣстнаго жительства. Если будешь продолжать брачную жизнь съ еврейкой — говоритъ законъ неофиту — стало быть, не прекратишь сношеній съ еврейскимъ міромъ, то право это, для котораго ты, можетъ быть, и рѣшился на самое крещеніе, тебѣ дано не будетъ; поэтому, спѣши бросить свою семью и дѣтей и всту-

пай въ новый бракъ съ христіанкой. По моему мнѣнію, эти соображенія, въ связи съ буквальнымъ смысломъ ст. 81, такъ вѣски, что упомянутое толкованіе ст. 81 должно быть признано правильнымъ.

Но можно понимать эту статью и такимъ образомъ: при обращеніи лишь одного изъ супруговъ въ христіанство, другой не имѣетъ права жить съ нимъ внѣ черты еврейской осѣдлости. Слова: «ни мужу, ни женѣ» и пр. слѣдуетъ понимать такъ: ни мужу, въ томъ случаѣ, если жена обратилась въ православіе, ни женѣ, въ противоположномъ случаѣ, не дозволяется и прочее.

Это толкованіе, какъ болѣе снисходительное, должно бы быть принято за правильное. Но, чѣмъ болѣе вникать въ смыслъ нашихъ законовъ, тѣмъ яснѣе будетъ, что оно должно вести къ весьма страннымъ юридическимъ и практическимъ выводамъ. Поэтому, первое толкованіе кажется намъ юридически правильнымъ. Но въ этомъ видѣ ст. 81 является существеннымъ отступленіемъ отъ общихъ началъ нашего права. Въ то время, какъ вообще законъ всячески поощряетъ улучшеніе быта обратившагося въ православіе еврея, тутъ отнимается у неофита даже простое право повсемѣстнаго жительства. Непослѣдовательность очевидная, хотя, какъ мы видѣли, она можетъ быть объяснена опять-таки соображеніями церковнаго свойства, именно желаніемъ содѣйствовать расторженію опасныхъ, въ церковномъ отношеніи, браковъ между христіанами и евреями.

Отмѣтимъ кстати слѣдующее. По закону, лица евангелическо-лютеранскаго исповѣданія могутъ вступать въ бракъ съ евреями, и въ случаѣ, когда лютеранинъ женится на еврейкѣ, она можетъ жить съ нимъ повсемѣстно: покрайней мѣрѣ въ правилахъ о такихъ бракахъ (т. XI ч. I, уставъ еванг. лютер. церкви, ст. 210) не содержится никакого запрещенія по этому вопросу, а по общему правилу, всякая жена слѣдуетъ мѣсту жительства мужа. Такимъ образомъ, выходитъ слѣдующая странность. Если смѣшанный бракъ возникъ изъ того, что одинъ изъ супруговъ-іудеевъ обратился въ христіанство, то оба супруга (если принять то толкованіе ст. 81 зак. гр., которое намъ кажется болѣе правильнымъ) не имѣютъ права повсемѣстнаго жительства, а если бракъ этотъ

произошелъ такъ, что лютеранинъ женился на еврейкѣ, то результатъ выходитъ противоположный. Между тѣмъ смѣшанный бракъ въ обѣихъ случаяхъ носитъ характеръ одинаковый, и послѣдовательно было бы разрѣшить вопросъ о послѣдствіяхъ его относительно права пребыванія супруговъ внѣ черты осѣдлости евреевъ на одномъ общемъ основаніи. Если же дѣлать различіе между двумя видами происхожденія смѣшаннаго брака, то скорѣе слѣдовало бы, кажется, установить это различіе въ противоположномъ смыслѣ. Лютеранинъ, женившійся на еврейкѣ, идетъ въ разрѣзъ съ направленіемъ нашего свѣтскаго и церковнаго права, косо смотрящаго на браки христіанъ съ иновѣрцами, и потому его можно подвергнуть стѣснительнымъ послѣдствіямъ такого шага, подчинить нѣкоторымъ ограниченіямъ, для іудействующихъ установленнымъ: на то была его добрая воля войти въ связь съ еврейскимъ міромъ. Но, въ случаѣ перехода еврея въ христіанство, законъ обязанъ всячески его поощрять, а не стѣснять, хотя бы льгота коснулась и оставшагося въ іудействѣ его супруга. Такое разрѣшеніе вопроса гораздо болѣе соотвѣтствовало бы общему духу нашего вѣроисповѣднаго законодательства. Почему же однакожь, вопросъ разрѣшенъ нашимъ закономъ не такъ? Я думаю вотъ почему. Разрѣшеніе лютеранамъ вступать въ бракъ съ иновѣрцами не есть русскій государственный законъ, но принципъ евангелическаго церковнаго права, подтвержденный въ силѣ и правительствомъ. Лютеранская церковь сохранила у насъ свои права и привиллегіи, выросшія на другой, болѣе развитой и свободной, въ гражданскомъ и церковномъ отношеніи, почвѣ. Еслибъ законъ постановилъ относительно браковъ лютеранъ съ евреями такое же правило, какое выражено въ концѣ ст. 81 для супруговъ-выкрестовъ, то онъ посягнулъ бы на гражданско-религіозныя права лютеранъ, чего онъ не могъ и не хотѣлъ сдѣлать. Правило же ст. 81 выросло самобытно на русской почвѣ (и потому въ ней говорится о переходѣ въ православіе, а не вообще въ христіанство); здѣсь законодатель не былъ стѣсненъ принципами европейскаго права, и вопросъ о правѣ жительства супруговъ разрѣшенъ имъ по собственному усмотрѣнію.

Какъ бы то ни было, мы встрѣчаемся здѣсь съ однимъ изъ множества логическихъ противорѣчій между различными постановле-

ніями о евреяхъ, на которыя мы не разъ указывали и еще будемъ указывать въ этомъ очеркѣ.

Съ другой стороны, еще менѣе выдержано въ нашемъ законодательствѣ начало невмѣшательства государства въ семейный бытъ евреевъ, пока не представится въ этомъ церковная потребность. Правительство должно было убѣдиться, что безусловное примѣненіе начала laissez faire къ еврейской семьѣ немыслимо, въ виду того, что съ семейнымъ бытомъ связаны весьма существенные интересы государства и общества—интересы, нуждающіеся въ защитѣ закона противъ анархіи еврейской автономіи. Отсюда въ гражданскомъ законѣ рядъ правилъ о еврейскомъ бракѣ, нетолько неоснованныхъ на еврейскомъ религіозномъ законѣ, но отчасти ему противорѣчащихъ. Таково, вопервыхъ, правило о вступленіи евреевъ въ бракъ не моложе установленнаго гражданскимъ закономъ возраста (18-ти лѣтъ для мужчинъ, 16-ти для женщинъ), правило, вызванное желаніемъ уменьшить число раннихъ браковъ, гибельныхъ для самыхъ евреевъ и косвенно вредныхъ для всего населенія, но противорѣчащее еврейскому закону и обычаю.

Любопытно, однакожь, что законъ (прим. къ ст. 91 зак. гр.), установляя такую чисто-гражданскую норму для еврейскихъ браковъ, остается вѣренъ своему основному принципу, что безусловно-необходимымъ для дѣйствительности брака онъ считаетъ только соблюденіе религіозныхъ правилъ; поэтому, вступленіе еврея въ бракъ ранѣе законнаго возраста не дѣлаетъ брака недѣйствительнымъ, но подвергаетъ виновныхъ извѣстному наказанію за нарушеніе закона. Начало невмѣшательства, такимъ образомъ, вступило въ компромиссъ съ противоположнымъ началомъ государственнаго интереса.

Сюда относятся также другія правила, изложенныя въ ст. 1,088 т. XI ч. 1 (Сб., стр. 159) о томъ, что только раввины имѣютъ право совершать браки, что они обязаны принимать различныя при этомъ предосторожности, и въ ст. 1,088 ib. о томъ, что разводы могутъ быть совершаемы тоже только одними раввинами. Правила эти установлены правительствомъ не на основаніи еврейскаго религіознаго закона, а напротивъ, въ видахъ противодѣйствія той невозможной въ благоустроенномъ обществѣ анархіи, которая господствуетъ въ еврейскомъ быту, относительно совершенія и расторженія браковъ. Стало быть, въ нихъ содержится прямое нарушеніе принципа невмѣшательства государства въ брачное право всѣхъ вѣроисповѣданій имперіи. Къ сожалѣнію, законъ нашъ и тутъ страдаетъ неполнотой, неясностью и непослѣдовательностью. Такъ мы видѣли уже, что возникаютъ сомнѣнія относительно того, примѣнимы ли къ евреямъ правила о разрѣшеніи начальства и родителей на вступленіе въ бракъ и о запрещеніи брака лицъ, достигшихъ 80-лѣтняго возраста. X томъ установляетъ эти правила только для христіанъ, т. е. придерживается болѣе начала автономіи иновѣрцевъ въ брачномъ правѣ; уложеніе о наказаніяхъ, законъ болѣе новый и лучше редактированный, обобщаетъ эти правила, повидимому распространяя ихъ и на иновѣрцевъ. Въ одномъ весьма важномъ практическомъ вопросѣ, этотъ разладъ принциповъ обнаружился особенно ярко. Мы говоримъ о наказуемости многоженства у евреевъ.

Въ ст. 1,558 улож. о нак. изд. 1866 г. сказано слѣдующее: «Лица, нехристіанской вѣры, за вступленіе въ новый или новые, при существованіи прежнихъ, браки, когда сіе противно законамъ ихъ вѣры или особымъ о смѣшанныхъ между протестантами и магометанами бракахъ постановленіямъ правительства, подвергаются заключенію въ смирительномъ домѣ» и пр. Изъ статьи этой можно заключить слѣдующее: 1) Многоженство у нехристіанъ подвергаетъ наказанію только въ томъ случаѣ, когда по религіознымъ законамъ виновнаго оно считается преступнымъ. 2) Оно наказуемо и тогда, когда противорѣчитъ и правительственнымъ постановленіямъ, хотя бы не было преступно по церковному закону обвиняемаго, но такія постановленія существуютъ только для браковъ протестантовъ съ магометанами; еслибъ были и другіе законы въ этомъ родѣ, ст. 1,558 упомянула бы и о нихъ. Замѣчательно при этомъ слѣдующее обстоятельство. Постановленія правительства о бракахъ протестантовъ съ магометанами содержатся въ ст. 210 т. XI ч. 1 (Сб., стр. 148) и, какъ въ этой статьѣ, такъ и въ ея источникѣ (законъ 5-го сентября 1827 г.), браки лютеранъ съ евреями совершенно уравнены съ таковыми же браками съ магометанами («браки исповѣдующихъ евангелическо-лютеранскую вѣру *съ магометанами и евреями* дозволяются на слѣдую-

щемъ основаніи»). Составители уложенія, ссылаясь на этотъ законъ, однакожъ, пропустили одну его половину (о бракахъ протестантовъ съ евреями), удержавъ другую (относительно магометанъ). Такъ какъ о недосмотрѣ тутъ не можетъ быть и рѣчи, то очевидно, что пропускъ сдѣланъ съ умысломъ и выражаетъ нежеланіе составителей уложенія признать многоженство у евреевъ наказуемымъ въ силу гражданскаго закона, поставивъ его въ зависимость отъ ихъ религіознаго закона.

Изъ другихъ мѣстъ тоже можно заключить, что законъ допускаетъ возможность многоженства у евреевъ. Такъ, въ ст. 80 зак. гражд. читаемъ: «если жена или одна изъ женъ магометанина или другого лица нехристіанскаго исповѣданія приметъ св. крещеніе» и проч. Любопытно то, что въ указѣ 1836 г., на которомъ основана ст. 80, имѣлось въ виду первоначально разрѣшить вопросъ, составляющій содержаніе ст. 80, только относительно магометанъ и слова «или другого лица» и проч. прибавлены въ виду того, что законъ нашъ допускаетъ возможность многоженства и у другихъ нехристіанскихъ исповѣданій. Такимъ же общимъ образомъ выражается относительно возможности многоженства и ст. 82 зак. гражд., хотя изъ источника ея видно, что она относится собственно къ магометанамъ. Наконецъ, въ той же самой ст. 210 т. XI выражено, что «супругъ-нехристіанинъ, при бракосочетаніи съ христіанкой, обязанъ отказаться отъ многоженства», изъ чего можно вывести, что у евреевъ и магометанъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, законъ допускаетъ возможность многоженства, пока они не вступаютъ въ бракъ съ христіанами. Нетрудно, впрочемъ, доказать, что эти статьи ничего положительнаго не выражаютъ по занимающему насъ вопросу: первая и вторая изъ нихъ могутъ имѣть въ виду однихъ магометанъ и язычниковъ, третья — магометанъ.

Съ другой стороны, мы встрѣчаемъ слѣдующее правило: «совершая обряды, сообразно правиламъ вѣры и обычаямъ, раввинъ наблюдаетъ: ...чтобы вторичный бракъ былъ допускаемъ не иначе, какъ по надлежащемъ удостовѣреніи, что вступающіе въ оный не имѣютъ уже никакой обязанности по прежнему браку»; раввинамъ, стало быть, вмѣнено въ обязанность самимъ гражданскимъ закономъ не допускать двоебрачія. А на основаніи закона, браки, со-

вершенные не раввиномъ или его помощникомъ, почитаются незаконными (Сб., стр. 159). Изъ этого можно вывести, что законъ нашъ не допускаетъ существованія многоженства у евреевъ, хотя нельзя опредѣлить, основано ли это запрещеніе на соображеніяхъ общественнаго свойства, т. е. невозможности допущенія въ цивилизованномъ обществѣ многобрачія, какъ явленія неестественнаго и вреднаго во всѣхъ отношеніяхъ, или законъ подтверждаетъ здѣсь только правило еврейскаго вѣроученія. Это приводитъ насъ къ вопросу о томъ, какъ относится собственно еврейскій религіозный законъ къ многобрачію? Библія и талмудъ, какъ извѣстно, допускаютъ многоженство, хотя нетрудно доказать, что уже въ довольно древнее время моногамія была общимъ правиломъ, а противоположная форма брака — исключеніемъ, не пользовавшимся уваженіемъ народа. Въ 1030 г., рабби Герсонъ созвалъ соборъ въ Вормсѣ (онъ состоялъ изъ 300 раввиновъ); и на этомъ соборѣ, между прочимъ, запрещено было многобрачіе. Изъ нѣкоторыхъ источниковъ, однакожъ, видно, что 150 лѣтъ послѣ этого собора случаи многоженства встрѣчались еще у французскихъ евреевъ, а рабби Соломонъ-бенъ-Адеретъ отрицаетъ обязательность соборнаго постановленія о полигаміи для евреевъ Испаніи [1]). Съ теченіемъ времени, однакожь, протесты противъ упомянутаго постановленія исчезаютъ и моногамія становится единственною формой брачной жизни для евреевъ всего западнаго міра. И такъ какъ у евреевъ общепринято то начало, что «обычай Израиля есть законъ», то, вопреки софистическимъ измышленіямъ талмудистовъ, можно принять за положительное правило дѣйствующаго еврейскаго закона недозволенность многобрачія. Это тѣмъ болѣе справедливо, что, за отсутствіемъ всякой церковной организаціи, у евреевъ нѣтъ той духовно-законодательной власти, постановленіямъ которой всѣ считали бы себя обязанными подчиняться въ дѣлахъ вѣры. При такихъ условіяхъ, единственною опорой можетъ служить одинъ обычай, а онъ прочно и несомнѣнно установился въ пользу одной моногаміи.

Извѣстно, что синедріонъ, созванный Наполеономъ I для пре-

[1]) См. ,,Literaturblatt d. Orients", 1841, стр. 676.

образованія религіознаго и общественнаго быта евреевъ, высказался противъ допущенія, будто бы, еврейскимъ закономъ многобрачія. Правда, изъ обнародованныхъ замѣтокъ самого Наполеона объ этомъ синедріонѣ [1]) видно, что такой отвѣтъ синедріона на вопросъ о многобрачіи былъ заранѣе предрѣшенъ императоромъ, такъ что нельзя придавать особеннаго значенія (съ точки зрѣнія іудейства) этому отвѣту, но изъ сказаннаго выше можно видѣть, что рѣшеніе синедріона имѣетъ за себя весьма вѣскія основанія.

На основаніи этого рѣшенія, французскій уголовный законъ объявляетъ многобрачіе преступленіемъ общественнымъ, а не христіанско-церковнымъ, и наказываетъ его одинаково у лицъ всѣхъ вѣроисповѣданій. Поэтому, въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ до сихъ поръ дѣйствуетъ французское право, евреи (какъ видно изъ судебно-статистическихъ отчетовъ) преслѣдуются за многоженство на общемъ основаніи.

Если сгруппировать данныя, относящіяся къ вопросу о юридическомъ положеніи многобрачія евреевъ у насъ, то найдемъ слѣдующее: Съ одной стороны, гражданскій законъ сознаетъ, въ какой степени вредно и противуобщественно многобрачіе у евреевъ и какъ желательно, чтобъ подобныя явленія исчезали изъ современной жизни; отсюда соотвѣтственныя предписанія раввинамъ и присвоеніе имъ исключительнаго права совершенія браковъ. Но, съ другой стороны, законъ несовсѣмъ увѣренъ въ томъ, что многобрачіе воспрещено еврейскимъ обычаемъ и, съ своей точки зрѣнія, находитъ опаснымъ вторженіе государственной власти въ сферу религіозно-семейнаго права иновѣрцевъ. Поэтому, ст. 1,558 уложенія предпочитаетъ вовсе не разрѣшать вопроса о наказуемости многоженства у евреевъ, ставя его въ зависимость отъ ихъ религіознаго закона. Но очевидно, что такое разрѣшеніе вопроса ни въ какомъ отношеніи нельзя считать удовлетворительнымъ. Предоставить суду въ каждомъ данномъ случаѣ справляться о томъ, какъ смотритъ еврейскій законъ на многоженство, непрактично и неудобно уже потому, что результаты могутъ быть (и дѣйствительно бываютъ) различные. Одинъ раввинъ выскажется

[1]) См. „Archives Israélites“ за 1841 г.

за дозволенность, другой за недозволенность двоебрачія, и судьба обвиняемыхъ будетъ зависѣть отъ случая. Между тѣмъ, дѣла такого рода возникаютъ уже не разъ въ новыхъ судахъ; браки отъ живыхъ женъ довольно-таки часто встрѣчаются у евреевъ, вслѣдствіе неурядицы, господствующей въ еврейскомъ быту, и, по мнѣнію всѣхъ благомыслящихъ людей, они составляютъ явленіе возмутительное, вполнѣ заслуживающее строгаго наказаніе. Необходимо, чтобъ законъ разъ навсегда разрѣшилъ вопросъ, который статьей 1,558 оставленъ безъ разрѣшенія; пусть будутъ спрошены объ этомъ эксперты по еврейскому вѣроученію. Мы не сомнѣваемся, что большинство выскажется въ пользу наказуемости многоженства, какъ высказались члены наполеонова синедріона. Но и въ противномъ случаѣ правительство можетъ (и по нашему мнѣнію должно) стать на точку зрѣнія французскаго права, т. е. отрѣшившись отъ религіозныхъ соображеній, принять во вниманіе противуобщественный и безнравственный характеръ многоженства и на этомъ основаніи воспретить его у евреевъ. Это будетъ тѣмъ послѣдовательнѣе, что относительно нѣкоторыхъ другихъ вопросовъ брачнаго права уложеніе стало уже на эту точку зрѣнія. Мы видѣли уже, что при опредѣленіи наказанія за вступленіе въ бракъ, ранѣе или позднѣе установленнаго возраста или безъ согласія родителей или начальства, уложеніе не обратило никакого вниманія на то, что эти требованія не соотвѣтствуютъ постановленіямъ еврейскаго закона; не странно-ли въ такомъ случаѣ, что такое противозаконное дѣяніе, какъ многорабочіе, безъ сомнѣнія гораздо болѣе опасное, чѣмъ вступленіе въ бракъ годомъ раньше установленнаго возраста или безъ согласія родителей, остается безнаказаннымъ у евреевъ, а послѣднія преслѣдуются закономъ независимо отъ религіозныхъ соображеній?

Строго говоря, вовсе нѣтъ основанія, съ точки зрѣнія нашего семейнаго права, ставить вопросъ о наказуемости того или другого нарушенія брачно-правовой нормы въ зависимости отъ того, какъ смотритъ церковь на это нарушеніе. Пусть по еврейскому праву два брака, заключенные одновременно однимъ лицемъ, оба дѣйствительны. Законъ (ст. 90 и 1,113 зак. гр.) тоже признаетъ ихъ дѣйствительными; но это не мѣшаетъ ему запрещать это дѣяніе и подвергать виновныхъ въ нарушеніи сего запрета извѣстному

наказанію. Вѣдь, если христіанинъ или еврей вступятъ въ бракъ до законнаго возраста или безъ согласія родителей, то бракъ тоже будетъ дѣйствителенъ, но тѣмъ не менѣе виновные подвергнутся наказанію. Не составляетъ ли, такимъ образомъ, ст. 1,558 явную аномалію нашего права, допустивъ даже, что еврейскій законъ дозволяетъ многобрачіе (чего, однакожъ, какъ мы видѣли, нѣтъ на дѣлѣ)?

Довольно странно, наконецъ, то, что при совершенно одинаковыхъ условіяхъ религіознаго и общественнаго быта евреевъ въ Царствѣ Польскомъ и остальной Россіи первые преслѣдуются за многоженство наравнѣ съ христіанами, а вторые пользуются незавидною привиллегіей свободно порхать отъ одной жены къ другой, ничѣмъ не стѣсняясь.

Въ результатѣ же мы получаемъ, что вопросъ о многоженствѣ у евреевъ вовсе не разрѣшенъ нашимъ закономъ, вслѣдствіе борьбы двухъ принциповъ—автономіи всѣхъ вѣроученій въ дѣлахъ религіозно-брачныхъ съ одной стороны и необходимости государственнаго вмѣшательства въ дѣла иновѣрческой семьи съ другой. Хотя борьба эта и объясняетъ намъ неопредѣленное положеніе, принятое закономъ по этому вопросу, но практическія потребности жизни этимъ, разумѣется, не удовлетворяются. Необходимо остановиться на чемъ-нибудь опредѣленномъ, и едва ли можно хоть на одну минуту усомниться въ томъ, какое изъ этихъ двухъ началъ должно преодолѣть. Государственный интересъ, связанный съ правильной организаціей семейнаго союза, слишкомъ значителенъ для того, чтобъ имъ можно было пожертвовать софизмамъ талмудистовъ; а организація эта едва ли мыслима въ современномъ обществѣ безъ единобрачія, какъ основной и ненарушимой нормы семейнаго права. Къ этому присоединяются и установившіяся обычныя воззрѣнія самихъ евреевъ, и указанныя юридическія соображенія различнаго рода. Все это въ совокупности убѣждаетъ въ рѣшительной необходимости измѣненія ст. 1,558 уложенія въ смыслѣ наказуемости многобрачія у русскихъ евреевъ.

Указавъ, такимъ образомъ, на борьбу двухъ элементовъ — государственнаго интереса и равнодушія къ иновѣрческой семьѣ — въ нашемъ законодательствѣ о еврейскомъ бракѣ, замѣтимъ еще, что на этотъ отдѣлъ русскаго права повліяли еще и соображенія соці-

ально-политическаго свойства. Мотивъ недовѣрія къ евреямъ, какъ извѣстному элементу съ опредѣленною ролью въ гражданскомъ общежитіи, побуждаетъ иногда законодателя отступить отъ естественныхъ началъ семейнаго права въ отношеніи къ нимъ. Въ предъидущей статьѣ мы указали на нѣсколько фактовъ этого рода. Сюда же относится отчасти разобранная выше ст. 81 зак. гр. о воспрещеніи еврейской семьѣ жить внѣ «черты осѣдлости», въ случаѣ перехода одного изъ супруговъ въ христіанство. Весьма вѣроятно, что на это постановленіе отчасти повліяло то чувство недовѣрія и боязни, которое заставляетъ нашъ законъ такъ строго относиться ко всякой лазейкѣ для вторженія еврея въ недоступныя для него страны; но, съ другой стороны, тутъ могло имѣть значеніе и религіозное соображеніе, выше указанное (желаніе разлучить супруга христіанина съ евреемъ или побудить и послѣдняго послѣдовать примѣру перваго). Остановимся здѣсь еще на одномъ пунктѣ, тоже обнаруживающемъ, кромѣ внутренней, даже внѣшнюю несостоятельность дѣйствующихъ законовъ о евреяхъ. Въ X томѣ было прежде слѣдующее правило: при ссылкѣ евреевъ въ Сибирь дозволяется слѣдовать съ ними женамъ ихъ; при ссылкѣ же однѣхъ евреекъ мужья ихъ слѣдовать за ними не могутъ (прим. 2 къ ст. 104 как. гр.). Между тѣмъ лица другихъ податныхъ сословій могутъ слѣдовать въ Сибирь съ ссыльными женами, на основаніи общихъ правилъ о переселеніи изъ одного мѣста въ другое. Разлучая, такимъ образомъ, окончательно супруговъ-евреевъ, въ случаѣ ссылки жены въ Сибирь, законъ очевидно имѣлъ въ виду предупреждать наплывъ евреевъ въ Сибирь (хотя о наплывѣ, при весьма небольшой цифрѣ ссылаемыхъ замужнихъ евреекъ, не можетъ быть и рѣчи). Замѣчательно при этомъ слѣдующее. Въ X томѣ упомянутое правило болѣе не существуетъ (см. «Сборникъ», стр. XVI) и замѣнено правилами, приложенными къ ст. 103 (по прод. 1863 г.) Въ этихъ правилахъ говорится вообще о судьбѣ семействъ ссылаемыхъ въ Сибирь преступниковъ и предоставлено всѣмъ мужьямъ слѣдовать за женами (п. 3); для евреевъ никакого исключенія не сдѣлано. Замѣна же одного закона другимъ значитъ, что факты, прежде разрѣшавшіеся на основаніи такого-то закона, теперь должны быть рѣшаемы исключительно по правиламъ новаго закона. Стало быть, руководствуясь X томомъ, надо признать, что теперь

евреи-мужья могутъ, если пожелаютъ, переселяться въ Сибирь съ ссылаемыми женами; и дѣйствительно, прим. 2 къ ст. 104 выпущено въ «Сборникѣ» (см. стр. 136). Но разверните «Сборникъ» на стр. 244 и вы увидите, что тутъ живетъ еще тотъ самый законъ, который вы похоронили на страницахъ XVI и 136. Дѣло въ томъ, что (какъ это нерѣдко бываетъ у насъ) правило, выраженное въ прим. 2 къ ст. 104 т. X, было помѣщено также въ XIV томѣ, въ уставѣ о ссыльныхъ. Но въ то время, какъ въ X томѣ правило это исчезло, въ XIV оно продолжаетъ фигурировать до сихъ поръ. Скорѣе всего, это редакціонный недосмотръ (какъ мы прежде видѣли относительно законовъ о наймѣ евреями христіанской прислуги); и такъ какъ законъ, хотя бы и былъ помѣщенъ въ 20-ти различныхъ мѣстахъ, все-таки одинъ, то съ отмѣной его въ одномъ томѣ онъ не можетъ считаться дѣйствующимъ въ другомъ. На практикѣ, однакожь, могутъ возникать недоумѣнія по этому предмету, и желательно, чтобъ они были устранены. Замѣтимъ кстати, что между редакціей закона въ уст. о ссыльныхъ и въ X томѣ есть существенныя различія: въ первомъ говорится о правѣ евреекъ, слѣдующихъ за мужьями въ ссылку, брать съ собою и дѣтей мужескаго пола, а по тексту въ X томѣ можно полагать, что онѣ могутъ брать лишь дѣвочекъ; въ первомъ говорится о судьбѣ дѣтей при ссылкѣ матери, во второмъ не упоминается объ этомъ. Изложеніе въ уст. о ссыльн. основано на буквальномъ смыслѣ указа 23-го декабря 1846 г.; почему въ X томѣ сдѣланы сокращенія, какъ будто измѣняющія содержаніе указа 1846 г. и противорѣчащія уставу о ссыльныхъ — неизвѣстно [1]).

Законъ, о которомъ мы теперь говоримъ, вызываетъ еще на слѣдующій вопросъ: имѣетъ ли супругъ-еврей, при ссылкѣ его супруги въ Сибирь съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, право требовать развода? На основаніи ст. 50 зак. гр. въ подобномъ случаѣ супругъ ссылаемаго «можетъ просить свое духовное начальство» о расторженіи брака.

Можно было бы понимать эту статью такимъ образомъ, что

[1]) Этимъ разрѣшается недоумѣніе г. Шимановскаго (первая часть X тома etc., выпускъ I, стр. 195) относительно несоотвѣтствія между источникомъ закона и его текстомъ.

гражданскій законъ самъ даетъ супругу въ подобномъ случаѣ право на разводъ, и это право не зависитъ уже отъ воззрѣнія духовнаго начальства на законность или незаконность такой причины развода съ точки зрѣнія церкви; просить же это начальство нужно потому, что ему исключительно присвоено право совершать самый обрядъ расторженія брака. Но болѣе правильнымъ, по духу нашихъ законовъ, нужно признать толкованіе г. Побѣдоносцева [1]), основанное на ст. 27 улож. о наклз., гдѣ прямо выражено, что духовное начальство въ разрѣшеніи сихъ просьбъ руководствуется правилами своего вѣроисповѣданія. Стало быть, законъ не даетъ безусловнаго права на разводъ, въ случаѣ лишенія одного супруга всѣхъ правъ состоянія. Поэтому, въ случаѣ ссылки супруга-еврея, другой супругъ, обратившись къ раввину съ просьбой о разводѣ, можетъ получить отказъ, если раввинъ не найдетъ основаній для развода въ еврейскомъ законѣ. Но тутъ выходитъ слѣдующая очевидная несообразность. При ссылкѣ еврейки, ея мужъ, по прежнему закону, а можетъ быть, и по нынѣшнему (см. выше), не можетъ слѣдовать за ней. Государственный законъ, стало быть, требуетъ въ этомъ случаѣ разлученія супруговъ на всю жизнь, а между тѣмъ, тотъ же законъ не даетъ мужу права на разводъ, отсылая его въ этомъ отношеніи къ религіозному закону евреевъ, не признающему, какъ кажется, въ уголовномъ наказаніи причины къ разводу. Несообразность бросается тутъ въ глаза. Одно изъ двухъ: или нужно руководствоваться относительно судьбы браковъ при ссылкѣ одного изъ супруговъ-евреевъ однимъ ихъ религіознымъ закономъ, т. е. признать, что бракъ продолжаетъ существовать въ прежнемъ видѣ, и дозволять невинному супругу слѣдовать за ссылаемымъ, или, если уже гражданскій законъ находитъ необходимымъ ограничить свободу переселенія супруговъ, то предоставить невинному изъ нихъ безусловное право развода, тоже въ силу гражданскаго же закона. А то выходитъ, что невинный супругъ, если онъ не можетъ или не хочетъ идти за ссылаемымъ въ Сибирь, ставится закономъ на всю жизнь въ крайне жалкое положеніе «соломеннаго вдовца» или вдовы, т. е. ставится въ необходимость носить по гробъ узы брака, несуще-

[1]) „Курсъ гражд. права", ч. 2, стр. 78.

ствующаго на дѣлѣ (если ссылаемый супругъ не захочетъ добровольно дать или взять разводъ).

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что законъ вовсе не имѣлъ въ виду карать такимъ образомъ ни въ чемъ неповинныхъ супруговъ за то, что ихъ половины совершили преступленія. Печальный результатъ, только-что указанный, есть просто слѣдствіе все той же борьбы церковнаго и гражданскаго элементовъ въ семейномъ правѣ, борьбы, неокончившейся рѣшительною побѣдой ни одной, ни другой стороны. Церковная точка зрѣнія породила правило, ст. 27 улож. о нак., о томъ, что разводъ, въ случаѣ лишенія одного изъ супруговъ всѣхъ правъ состоянія, разрѣшается по религіознымъ постановленіямъ каждаго исповѣданія.

Гражданскія же соображенія вызвали ограниченія въ правѣ слѣдованія одного изъ супруговъ-евреевъ за другимъ ссылаемымъ въ Сибирь. Столкновеніе же этихъ двухъ правилъ, вытекающихъ изъ совершенно различныхъ мотивовъ, неизбѣжно ведетъ къ результатамъ несправедливымъ и стѣснительнымъ для невинныхъ супруговъ, этимъ какъ бы еще разъ доказывая, какъ неудобно и нераціонально одновременное существованіе въ одномъ отдѣлѣ права двухъ противоположныхъ руководящихъ принциповъ.

Борьба этихъ двухъ началъ и практическая путаница, составляющая неизбѣжный ея результатъ, отражаются и на многихъ другихъ отдѣлахъ семейнаго права, нетолько въ томъ, что̀ касается заключенія и расторженія браковъ (о чемъ мы до сихъ поръ преимущественнно говорили), но и въ той его части, которая носитъ, повидимому, чисто гражданскій характеръ, именно въ ученіи о личныхъ и имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ. Укажемъ на нѣкоторые вопросы, отчасти возникшіе, отчасти легко могущіе возникать на практикѣ.

По нашимъ гражданскимъ законамъ приданое, кѣмъ бы оно ни было дано и на какихъ условіяхъ, всегда составляетъ собственность жены и можетъ быть требуемо ею при существованіи и по прекращеніи брака, какъ отъ самого мужа, такъ и отъ ея наслѣдниковъ. Другого вида приданаго нашъ законъ не признаетъ. Между тѣмъ, у евреевъ существуетъ обычай, въ силу котораго лицо, дающее приданое мужу, можетъ установить, что приданое это остается у мужа и по прекращеніи брака. Законъ санкціонируетъ этотъ обычай, какъ видно изъ слѣдующаго правила: при расторженіи браковъ между евреями, какъ съ возвратомъ, такъ и безъ возврата приданаго, требуется рѣшеніе раввина или помощника его (Сб., 160). Итакъ, представимъ себѣ слѣдующій, весьма обыкновенный случай. Отецъ невѣсты даетъ жениху по рядной записи приданое безъ возврата; невѣста въ записи обыкновенно не принимаетъ никакого участія, у евреевъ еще менѣе, чѣмъ у христіанъ. Впослѣдствіи бракъ расторгается разводомъ или прекращается смертью мужа; жена предъявляетъ искъ о выдачѣ ей приданаго. Какъ долженъ отнестись судъ къ этому требованію? По общему закону, приданое составляетъ собственность жены, и для евреевъ изъятія никакого въ этомъ отношеніи не сдѣлано. Слѣдовательно, мужъ или его наслѣдники могутъ удержать приданое только въ томъ случаѣ, если сама невѣста на рядной записи, или впослѣдствіи другимъ актомъ, уступила это свое имущество мужу. Распоряженіе отца ея въ этомъ смыслѣ не можетъ имѣть силы, какъ относящееся къ чужому имуществу, развѣ если признать, что тутъ вовсе не было рядной записи и приданаго, а былъ даръ и дарственная запись, что̀ юридически весьма сомнительно. Съ другой стороны, какой же смыслъ имѣетъ ясно выраженное законодателемъ желаніе предоставить евреевъ, относительно опредѣленія судьбы приданаго, руководствоваться собственными обычаями? Безъ сомнѣнія, судебныя мѣста скорѣе отдадутъ предпочтеніе положительнымъ постановленіямъ гражданскаго закона, не дѣлающаго никакихъ изъятій для евреевъ, предъ сдѣланнымъ мимоходомъ замѣчаніемъ о судьбѣ приданаго при разводѣ евреевъ. Мы имѣемъ право предполагать такъ, особенно въ виду того сенатскаго рѣшенія, о которомъ будемъ скоро говорить. Но гдѣ же источникъ противорѣчія между правилами IX и X тома о приданомъ у евреевъ? Опять-таки въ борьбѣ двухъ упомянутыхъ принциповъ. Въ одномъ мѣстѣ законъ находитъ лучшимъ предоставить евреевъ относительно ихъ семейнаго быта собственнымъ обычаямъ, изъ уваженія къ религіозному характеру брака; въ другомъ онъ обращаетъ вниманіе на гражданскую сторону брака и потому распространяетъ правила объ имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ, какъ неимѣющія ничего общаго съ религіей, на лицъ всѣхъ вѣроисповѣданій. Практическія неудоб-

ства этой системы могутъ быть устранены, разумѣется, только съ окончательнымъ торжествомъ одного изъ этихъ началъ.

Другой вопросъ, тоже относящійся къ приданому, возникъ на практикѣ по слѣдующему случаю: Еврей совершилъ у нотаріуса приданo-обезпечительную брачную запись (кетубу, которая обыкновенно совершается домашнимъ порядкомъ на еврейскомъ языкѣ). Нотаріусъ, совершившій эту запись, руководствовался п. 10 ст. 1,005 т. X ч. 1, гдѣ упоминается о подобнаго рода записяхъ въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ (случай этотъ былъ не въ этихъ губерніяхъ). Членъ окружнаго суда, ревизовавшій книги упомянутаго нотаріуса, нашелъ, что нотаріусъ не имѣлъ права совершать подобнаго акта, о которомъ законъ нигдѣ не упоминаетъ [1]). Спрашивается, правильно ли это мнѣніе или нѣтъ? Изъ формы метрическихъ книгъ для записки бракосочетаній между евреями видно, что законъ признаетъ силу заключаемыхъ между супругами-евреями актовъ объ обезпеченіи мужемъ приданаго жены: въ формѣ этой есть особая графа для записки имущественныхъ договоровъ между супругами, и тутъ говорится и о кетубѣ (Сб., стр. 132). Г. Гурляндъ, сообщившій упомянутый фактъ, повидимому, такъ же мало подозрѣваетъ существованіе этого закона, какъ и тотъ членъ окружнаго суда. Но очевидно, что если дозволяется вносить такія условія въ метрическія книги, то, значитъ, законъ присвоиваетъ имъ обязательную силу для договорившихся. Въ такомъ случаѣ, почему же непремѣнно совершать такіе акты на еврейскомъ языкѣ и вносить ихъ исключительно въ метрическія книги; почему не предоставить супругамъ совершать такіе акты болѣе вѣрнымъ и легальнымъ путемъ — у нотаріусовъ, которымъ дано право свидѣтельствовать всѣ акты, законамъ непротивные?

Нечего и говорить, что съ точки зрѣнія обрусенія евреевъ весьма странно заставлять ихъ совершать столь важные и притомъ чисто-гражданскіе акты непремѣнно на древне-еврейскомъ языкѣ, для большинства евреевъ мало или совсѣмъ непонятномъ, запрещая имъ прибѣгать къ русскому языку и русскимъ должностнымъ лицамъ для совершенія своихъ договоровъ? Но гдѣ же лежитъ корень недоумѣнія, въ которое введенъ былъ упомянутый

[1]) См. „Суд. Вѣстн.“ 1869 г., № 226.

членъ окружнаго суда? Ни въ чемъ иномъ, какъ въ той же несогласованности различныхъ отдѣловъ законодательства. X томъ установляетъ общія правила о приданомъ, не заботясь о евреяхъ; IX-й томъ спеціально занимается еврейскими браками и предоставляетъ имъ полную автономію даже въ имущественномъ отношеніи. На практикѣ, однакожь, могутъ возникать въ этомъ отношеніи серьезныя сомнѣнія. По духу нашей судебной практики, легко возможно, что судъ не признаетъ обязательнымъ правило IX тома, въ которомъ говорится только о запискѣ приданообезпечительныхъ записей въ метрическія книги, но не опредѣляется юридическое значеніе записываемыхъ актовъ. Практика станетъ на точку зрѣнія того судьи, который полагаетъ, что нотаріусъ не можетъ совершать придано-обезпечительныхъ записей у евреевъ, такъ какъ законъ не упоминаетъ объ этомъ актѣ въ X томѣ; но очевидно, что такой взглядъ будетъ несправедливъ, и противорѣчіе между IX и X томами можетъ быть окончательно устранено лишь законодательнымъ порядкомъ.

Кстати объ отношеніи гражданскихъ законовъ къ правиламъ IX тома о брачныхъ договорахъ у евреевъ. Въ той же формѣ записки бракосочетаній у евреевъ мы встрѣчаемъ договоры, такъ называемый худезухоръ и шулемзухоръ, т. е. назначеніе отцемъ невѣсты въ рядной записи своимъ наслѣдникомъ жениха, въ равной долѣ съ сыновьями или въ половинной долѣ. По общимъ нашимъ законамъ, такіе договоры, напоминающіе западно-европейскіе Erbverträge, обыкновенно заключаемые при совершеніи браковъ, не имѣютъ никакой юридической силы, такъ какъ они не удовлетворяютъ, ни по формѣ, ни по содержанію, требованіямъ закона относительно духовныхъ завѣщаній; притомъ же, завѣщанія такого рода, будутъ недѣйствительны относительво родовыхъ имуществъ и даже въ отношеніи благопріобрѣтенныхъ могутъ быть всегда отмѣняемы. Поэтому, нѣтъ сомнѣнія, что если до судебнаго мѣста дойдетъ требованіе зятя о наслѣдованіи въ имуществѣ свекра, на основаніи акта шулемзухора, то судъ откажетъ въ подобномъ требованіи, руководствуясь общими законами, которые для евреевъ никакого изъятія не дѣлаютъ. Но, спрашивается, какой же смыслъ имѣетъ послѣ этого разрѣшеніе закона вносить въ оффиціальныя метрическія книги такіе акты, которые за-

вѣдомо не могутъ имѣть никакого значенія ни при какихъ условіяхъ?

Возьмемъ другой вопросъ, доходившій уже до разсмотрѣнія кассаціоннаго сената. По гражданскимъ нашимъ законамъ (ст. 1,008 т. X ч. 1), запрещается въ рядныхъ записяхъ помѣщать неустойку, на случай если бракъ не состоится. Статья эта основана на указѣ Петра Великаго, который, руководствуясь христіанско-церковнымъ взглядомъ на значеніе непринужденнаго согласія для таинства брака, запретилъ договоры о штрафѣ за неисполненіе обѣщанія вступить въ бракъ, какъ могущіе уничтожить свободу сторонъ. Но законъ, хотя по происхожденію и характеру своему относится къ браку христіанскому, изложенъ въ общей формѣ, такъ что долженъ быть примѣняемъ къ лицамъ всѣхъ исповѣданій. Это и было сдѣлано судебными мѣстами въ дѣлѣ Кукуя и Каминскаго. Кукуй искалъ съ Каминскаго, на основаніи договора, извѣстную сумму неустойки, вслѣдствіе того, что послѣдній отказался отъ обѣщанія выдать свою дочь за Кукуя. Мировой съѣздъ отказалъ въ искѣ, на основаніи упомянутой 1,008 статьи. Кукуй, въ жалобѣ сенату, указывалъ на слѣдующее: «ст. 1,008 къ настоящему случаю не относится, ибо законъ этотъ распространяется на дѣла между христіанами; но къ лицамъ нехристіанскаго исповѣданія, у которыхъ бракъ не есть таинство, а тамъ, гдѣ, по обычаю евреевъ, родители властны сочетать бракомъ даже малолѣтнихъ, а самое сочетаніе производится съ завязанными у невѣсты глазами, и никогда (?!) по собственной волѣ, выбору и любви, и притомъ, въ виду свободнаго во всякое время развода, законъ о непомѣщеніи въ рядныхъ записяхъ неустойки примѣненія имѣть не можетъ». Сенатъ отвергъ жалобу Кукуя по слѣдующимъ основаніямъ. Документъ, на которомъ его искъ основанъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, что законъ называетъ рядною записью, и поэтому съѣздъ правильно примѣнилъ къ нему ст. 1,008. «Притомъ, рядная запись, какъ актъ, опредѣляющій имущественныя права лицъ женскаго пола при выходѣ ихъ въ замужество, не можетъ измѣнить своего юридическаго свойства и значенія, вслѣдствіе того, что участвовавшія въ составленіи подобнаго акта лица не принадлежатъ къ христіанскому исповѣданію, и еще потому, что самое совершеніе брака и условія, при которыхъ бракъ совершается, не могутъ

имѣть вліянія на юридическія отношенія, возникающія по приданому» [1]).

Съ перваго взгляда видно, что соображенія, высказанныя въ жалобѣ Кукуя, лишены, бо̀льшею частью, серьёзнаго значенія. Такъ невѣрно то, будто родители могутъ сочетать бракомъ малолѣтнихъ, ибо гражданскій законъ положительно требуетъ соблюденія евреями установленнаго возраста для вступленія въ бракъ. Невѣрно и то, будто еврейскій законъ вовсе не требуетъ согласія невѣсты для дѣйствительности брака. Свобода развода не имѣетъ никакого значенія для разсматриваемаго вопроса. Но, съ другой стороны, и разсужденія сената, хотя и ведущія къ результату, въ существѣ своемъ правильному, имѣютъ характеръ довольно поверхностный, далеко не исчерпывая того, что̀ можно было бы сказать по этому предмету. Сенатъ отдѣляетъ гражданскую сторону брака (по крайней мѣрѣ, относительно имущественныхъ его послѣдствій) отъ церковной; съ необходимостью такого различія, конечно, нельзя не согласиться. Но онъ упускаетъ изъ виду, что ст. 1,008 все же, несомнѣнно, имѣла въ виду христіанскій бракъ, и запрещеніе, въ ней изложенное, мотивировано соображеніями религіознаго свойства; стало быть, нужно бы еще доказать, что впослѣдствіи законодатель имѣлъ въ виду распространить это правило и на лицъ нехристіанскихъ исповѣданій, а объ этомъ нигдѣ нѣтъ никакого указанія. Затѣмъ, совсѣмъ уже невѣрно мнѣніе, будто по нашему закону, обрядъ совершенія брака по тому или другому вѣроученію не имѣетъ никакого значенія для судьбы приданаго. Этому прямо противорѣчитъ упомянутая выше ст. 1,089 т. XI ч. 1 (Сб., стр. 160), допускающая у евреевъ переходъ приданаго въ собственность мужа, тогда какъ по общему закону это невозможно. Противорѣчитъ этому и то, что, при совершеніи еврейскихъ браковъ, законъ допускаетъ совершеніе разныхъ такихъ актовъ, которые у христіанъ, въ силу общихъ гражданскихъ законовъ, не могутъ имѣть никакой силы.

Еслибъ сенатъ имѣлъ въ виду эти спеціальныя правила, онъ, можетъ быть, иначе взглянулъ бы на вопросъ, возбужденный дѣломъ Кукуя. Послѣдовательнѣе было бы, въ сущности, признать,

[1]) Рѣшенія гражд. кассац. департ. сената за 1870 г. № 1,329.

что если законъ допускаетъ у евреевъ уклоненія относительно различныхъ предбрачныхъ договоровъ отъ общихъ законовъ, то почему же не допустить и уклоненія отъ ст. 1,008, такъ какъ еврейскій обычай допускаетъ условія о неустойкѣ, на случай неисполненія договоровъ о бракѣ, а законъ, повидимому, склоненъ предоставить евреямъ свободу держаться своихъ обычаевъ по брачному праву. Самое опредѣленіе, которое сенатъ даетъ здѣсь приданому («актъ, опредѣляющій имущественныя права лицъ женскаго пола при выходѣ ихъ замужъ»), совершенно вѣрно съ точки зрѣнія общихъ законовъ, недопускающихъ возможности пріобрѣтенія мужьями по ряднымъ записямъ какихъ-либо правъ на приданое имущество жены. Но у евреевъ, гдѣ законъ допускаетъ возможность оставленія приданаго у мужа при разводѣ, это опредѣленіе не исчерпываетъ понятія рядной записи.

Другой интересный вопросъ этого же рода относится къ основному началу нашего семейнаго права — обязанности супруговъ къ совмѣстной жизни. Знакомясь съ источниками, на которыхъ основаны ст. 46 и 103 зак. гражд. (супруги обязаны жить вмѣстѣ, самовольное расторженіе брака не допускается), видишь, что законодательство наше, строго слѣдя за соблюденіемъ этого правила, вопервыхъ, всегда имѣло въ виду христіанъ и преимущественно православныхъ, и вовторыхъ, руководствовалось при этомъ требованіями духовнаго начальства и церковныхъ постановленій относительно соблюденія чистоты брачнаго союза. Въ одномъ изъ этихъ источниковъ даже прямо выражено слѣдующее: «постановленіе объ означенныхъ записяхъ (т. е. о запрещеніи договоровъ между супругами относительно раздѣльной ихъ жизни) должно быть распространено на всѣ *христіанскія* исповѣданія, т. е. какъ на тѣ, въ коихъ брачный союзъ почитается таинствомъ, такъ и на тѣ, въ коихъ принимается за гражданскій актъ». (Мн. гос. сов. 26 марта 1819 г., по дѣлу Шелковниковыхъ). Тутъ ясно выражено, что, даже допустивъ распространеніе правила ст. 103 на тѣ исповѣданія, которыя признаютъ бракъ гражданскимъ актомъ (къ числу этихъ исповѣданій относится и еврейское), законодатель все-таки имѣлъ въ виду одни христіанскія вѣроисповѣданія. При такихъ условіяхъ было бы юридически возможно допустить, что и теперь, несмотря на общій характеръ ст. 103, не-

дѣлающей изъятія для евреевъ, судебныя мѣста могутъ отказать въ искахъ евреевъ-супруговъ, основанныхъ на этой статьѣ. Если мужъ-еврей будетъ просить судъ о «водвореніи» у него бѣглянки-жены, или, наоборотъ, жена-еврейка будетъ жаловаться на нежеланіе мужа жить съ нею, то судъ можетъ отказать въ подобныхъ требованіяхъ, руководствуясь смысломъ и происхожденіемъ ст. 103. Основаніемъ для такого взгляда могло бы служить и то, что во всѣхъ рѣшеніяхъ кассаціоннаго сената, трактующихъ о смыслѣ и примѣненіи ст. 103, исходнымъ моментомъ вездѣ служитъ христіанское воззрѣніе на бракъ, какъ на таинство; ergo, рѣшенія эти не могутъ быть примѣняемы къ евреямъ. Всего вѣроятнѣе, однакожь, что наши суды, «не мудрствуя лукаво», будутъ основываться на «буквальномъ смыслѣ» ст. 103, не упоминающей о различіи вѣроисповѣдномъ, какъ обстоятельствѣ, имѣющемъ значеніе для отношеній супруговъ относительно совмѣстнаго жительства, и, вопреки своей собственной теоріи о каноническомъ основаніи ст. 103, будутъ примѣнять ее и къ нехристіанамъ. Но такое разрѣшеніе вопроса, хотя и правильное въ результатѣ (потому что совмѣстная жизнь супруговъ, какъ требованіе брачнаго союза, на самомъ дѣлѣ имѣетъ не каноническое, а гражданское основаніе), все же нельзя признать удовлетворительнымъ, ни съ точки зрѣнія юридической логики, потому что странно понимать законъ въ смыслѣ каноническаго требованія и, въ то же время, распространять силу его на другія вѣроисповѣданія, ни въ практическомъ отношеніи, потому что иной судъ можетъ толковать ст. 103 какъ постулатъ христіанскихъ каноновъ и не признавать ея обязательности для нехристіанъ, что едва ли будетъ согласно съ духомъ современнаго законодательства.

Нетрудно замѣтить, что всѣ указанныя недоумѣнія и противорѣчія по вопросамъ, относящимся къ гражданской сторонѣ брака, имѣютъ одинъ общій характеръ и одно основаніе. Дѣло въ томъ, что наши общіе гражданскіе законы, въ то время, когда они издавались, имѣли въ виду исключительно господствующую православную массу населенія и, поэтому, проникнуты, относительно семейнаго права, духомъ церковнаго законодательства. Многіе изъ этихъ законовъ изданы въ то время, когда въ Россіи евреевъ вовсе еще не было (напримѣръ, петровскій указъ о запрещеніи

неустойки въ предбрачныхъ договорахъ). Но и впослѣдствіи каноническій характеръ семейнаго права оставался неизмѣннымъ и даже постановленія гражданской власти по этому отдѣлу права были только подтвержденіемъ и развитіемъ церковныхъ правилъ, такъ что о подчиненіи евреевъ вообще этимъ правиламъ законодатель не думалъ и не могъ думать.

Съ изданіемъ свода, вопросъ объ отношеніи государства къ семейному праву евреевъ получилъ слѣдующій видъ. Нѣкоторыя брачно-правовыя нормы прямо распространены закономъ и на евреевъ (напримѣръ, требованіе извѣстнаго возраста для вступленія въ бракъ); тутъ никакихъ сомнѣній и недоумѣній быть не можетъ. Другія правила въ гражданскомъ законѣ отнесены только къ христіанамъ, но затѣмъ, въ уложеніи о наказаніяхъ, выражены въ общей формѣ, какъ будто относятся къ лицамъ и другихъ исповѣданій (разрѣшеніе родителей, опекуновъ и начальства, вступленіе въ бракъ послѣ 80-ти лѣтъ), такъ что возникаетъ сомнѣніе въ примѣнимости этихъ требованій къ нехристіанамъ. Иныя правила, по внѣшней своей формѣ, и въ гражданскихъ законахъ имѣютъ характеръ общій (всѣ постановленія, относящіяся къ личнымъ и имущественнымъ отношеніямъ супруговъ), хотя несомнѣнно, что, по духу и происхожденію своему, они относятся къ христіанамъ и преимущественно къ православнымъ. Относительно нѣкоторыхъ вопросовъ, законъ прямо объусловливаетъ разрѣшеніе ихъ и въ гражданскомъ отношеніи воззрѣніемъ каждой церкви или религіи (напримѣръ, наказуемость многоженства у евреевъ, возможность развода, вслѣдствіе лишенія одного супруга всѣхъ правъ состоянія).

Въ то время, какъ, такимъ образомъ, общее гражданское законодательство или вовсе игнорировало семейный бытъ евреевъ, или упоминало о немъ только для того, чтобъ предоставить его своей религіозной автономіи, и только весьма рѣдко подчиняло евреевъ общимъ законамъ, спеціальная административная практика по регулированію быта евреевъ шла своимъ самостоятельнымъ путемъ, не справляясь съ общими законами и, притомъ, шла тоже въ двухъ направленіяхъ. Съ одной стороны принималось за общее правило — какъ можно менѣе вмѣшиваться во внутренній бытъ еврейской семьи, пока въ ней не заинтересована господствующая церковь. Поэтому, за евреями оставлена свобода руководствоваться собственными обычаями нетолько относительно того, что̀ имѣетъ дѣйствительно религіозный характеръ въ бракѣ, т. е. обрядовъ совершенія и расторженія браковъ, условій ихъ дѣйствительности и т. под., но и относительно чисто гражданскихъ, имущественныхъ послѣдствій брака (судьба приданаго, акты кетуба, шулемзухоръ и хуцызухоръ). Съ другой — государство сознавало необходимость, во имя общественнаго интереса, противодѣйствовать нѣкоторымъ обычаямъ еврейскаго быта и всеобщей въ немъ анархіи (установленіе возраста, присвоеніе однимъ раввинамъ права совершать и расторгать браки, противодѣйствіе многобрачію).

Дѣйствующее законодательство составляетъ, вслѣдствіе этого, пестрый конгломератъ самыхъ разнообразныхъ правилъ, нетолько не приведенныхъ въ систему, но, напротивъ, основанныхъ на противоположныхъ взглядахъ на коренной вопросъ объ отношеніи государства къ семейному быту евреевъ. Отсюда тѣ многочисленныя несообразности, которыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ мы видѣли, воплотились даже въ формальныя юридическія противорѣчія между постановленіями различныхъ томовъ свода, а въ другихъ приводятъ къ внутреннимъ, логическимъ противорѣчіямъ.

III.

Мы останавливались такъ подробно на постановленіяхъ нашего законодательства о семейномъ правѣ евреевъ потому, что, кромѣ важности предмета само по себѣ, онъ имѣетъ преимущественное значеніе именно въ настоящую минуту. Вопервыхъ, какъ извѣстно уже читателямъ, въ правительственныхъ сферахъ обсуждается теперь вопросъ о преобразованіи духовнаго управленія евреевъ и, судя потому, что вопросъ о народномъ образованіи евреевъ, получилъ уже разрѣшеніе въ указѣ 16-го марта, надо полагать, что и реформа раввината послѣдуетъ въ непродолжительномъ времени, а съ этою реформой тѣсно связано измѣненіе законовъ о брачномъ правѣ евреевъ. Вовторыхъ, теперь на очереди важный законодательный вопросъ о преобразованіи духовно-судебной части вообще. Комитетъ при св. синодѣ, которому по-

ручено было обсужденіе этого предмета, уже выработалъ два проэкта реформы, и проэкты эти теперь разсматриваются установленнымъ порядкомъ. Наконецъ, какъ сообщила недавно одна газета (и извѣстіе это опровергнуто не было), тотъ же самый комитетъ приступилъ къ разсмотрѣнію вообще нашихъ законовъ о бракѣ. Итакъ, всѣ тѣ законы и практическіе вопросы, о которыхъ мы говорили до сихъ поръ, подвергаются теперь разсмотрѣнію законодательно-административнымъ порядкомъ, и въ близкомъ будущемъ предстоитъ болѣе или менѣе существенное измѣненіе дѣйствующаго порядка. Въ виду этого, мы считали своевременнымъ указать, по возможности полнѣе, на недостатки существующихъ законовъ и на причины этихъ недостатковъ (безъ сомнѣнія, однакожь, есть еще очень много другихъ недостатковъ, которые намъ неизвѣстны, вслѣдствіе малаго знакомства съ практикой раввиновъ и административно-судебныхъ мѣстъ по семейнымъ дѣламъ евреевъ). Теперь сдѣлаемъ еще нѣсколько замѣчаній относительно того, въ какомъ направленіи должно идти, по нашему мнѣнію, измѣненіе дѣйствующихъ законовъ о брачномъ правѣ евреевъ.

I. Со введеніемъ въ дѣйствіе духовно-судебнаго преобразованія, предполагается распредѣлить дѣла о расторженіи браковъ между общими судами и духовнымъ начальствомъ, тогда какъ теперь дѣла эти у лицъ всѣхъ вѣроисповѣданій находятся въ исключительномъ вѣдѣніи ихъ духовнаго начальства. Мы думаемъ, что и дѣла о разводѣ евреевъ могли быть отнесены къ вѣдомству гражданскихъ судовъ въ слѣдующемъ видѣ. Судебное мѣсто разсматриваетъ заявленіе обоихъ или одного изъ супруговъ о разводѣ, и если находитъ его основательнымъ, то дѣлаетъ постановленіе о разводѣ и передаетъ дѣло раввину для совершенія самаго обряда развода. Такой порядокъ принятъ въ упомянутомъ проэктѣ относительно расторженія браковъ у христіанъ, по причинѣ безвѣстнаго отсутствія, неспособности къ брачному сожитію и прелюбодѣянія. Распространеніе этого порядка на евреевъ легко осуществимо, какъ видно изъ того, что это давно уже сдѣлано въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ дѣйствуетъ французское право, подчиняющее дѣло о разводахъ у лицъ всѣхъ исповѣданій вѣдомству общихъ судебныхъ мѣстъ. Сочиненіе варшавскаго юриста Гольдшмита о разводномъ правѣ евреевъ, изданное года три тому назадъ на польскомъ языкѣ, въ видѣ пособія для судей при разсмотрѣніи брачныхъ дѣлъ евреевъ, могло бы служить той же цѣли и у насъ. Изъ этого же сочиненія можно видѣть, что и самое матеріальное право евреевъ относительно развода, т. е. ученіе о причинахъ развода, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, отличается чрезвычайною суровостью и несправедливостью и должно бы быть измѣнено государственными законами. Такъ напримѣръ, было бы очень желательно, чтобъ гражданскій законъ установилъ значеніе безвѣстнаго отсутствія и неспособности къ брачному сожитію, какъ причинъ развода у евреевъ, руководствуясь при этомъ не одними устарѣлыми, часто нелѣпыми еврейскими обычаями, но и соображеніями общечеловѣческой справедливости и общественной пользы. Необходимо также (см. выше) устраненіе логическаго противорѣчія между гражданскими законами о переселеніи супруговъ-евреевъ въ Сибирь, при ссылкѣ одного изъ нихъ, и церковнымъ правиломъ о томъ, что разводъ, въ этомъ случаѣ, зависитъ отъ правилъ каждаго вѣроисповѣданія. Для этого стóитъ только объявить, что право на разводъ невиннаго супруга существуетъ, въ силу гражданскаго закона, независимо отъ взгляда на этотъ предметъ того или другого вѣроученія; по крайней мѣрѣ, относительно евреевъ такое правило есть безусловное требованіе справедливости.

Необходимо далѣе измѣнить дѣйствующіе законы о расторженіи брака, вслѣдствіе перехода одного изъ супруговъ-евреевъ въ христіанство, законы, ставящіе нерѣдко въ безвыходное положеніе брошенную мужемъ еврейку. Самое простое средство для устраненія указанныхъ выше несправедливостей относительно оставляемаго супруга было бы недозволеніе крестившемуся еврею вступать въ новый бракъ до расторженія прежняго, еврейскаго брака. Можно вообще вмѣнить въ обязанность принимающему христіанство лицу дать разводъ своему супругу, если между ними не состоялось соглашенія относительно продолженія брачной жизни.

Нужно далѣе обратить вниманіе на точное опредѣленіе судьбы приданаго въ случаѣ развода. Наши законы не содержатъ никакихъ постановленій на этотъ счетъ и въ отношеніи браковъ христіанъ (какъ было указано нами въ другомъ мѣстѣ). Относительно еврейскихъ браковъ, какъ мы видѣли, существуетъ противорѣ-

чіе между общими гражданскими законами и специальными правилами о евреяхъ, допускающими переходъ приданаго въ собственность мужа. Противорѣчіе это непремѣнно должно быть устранено; но какъ? Проще было бы, повидимому, отвергнуть еврейскіе обычаи и вычеркнуть слова ст. 1,059 т. XI ч. 1, подтверждающія силу этихъ обычаевъ, и затѣмъ подчинить евреевъ дѣйствующимъ общимъ законамъ. Но не надо забывать, что эти послѣдніе въ высшей степени несостоятельны, не соотвѣтствуютъ ни практическимъ требованіямъ жизни, ни историческимъ началамъ русскаго права, какъ было доказано въ другомъ мѣстѣ. Нетрудно доказать также, что еврейскій обычай, обусловливающій возвратъ приданаго при разводѣ соображеніемъ обстоятельствъ, подавшихъ поводъ къ разводу, и виновностью того или другого супруга, не только самъ по себѣ раціоналенъ, но соотвѣтствуетъ практикѣ древнерусскихъ судовъ и теперешней практикѣ православныхъ судовъ на востокѣ. Такимъ образомъ, предоставленіе евреямъ руководиться по этому предмету своими обычаями нисколько не можетъ считаться аномаліей и можетъ служить прецедентомъ къ введенію этого принципа въ наше общее законодательство. Всего лучше, разумѣется, было бы, еслибъ гражданскій законъ самъ установилъ правила о судьбѣ приданаго при разводѣ и, притомъ, правила, общія для лицъ всѣхъ вѣроисповѣданій. Но пока этого нѣтъ (на изданіе такихъ правилъ можно разсчитывать только при передѣлкѣ нашихъ гражданскихъ законовъ, — дѣло, котораго придется вѣроятно еще долго ждать), едва ли разумно будетъ уничтожать ст. 1,089, не замѣнивъ ее ничѣмъ другимъ. Правда, что съ предполагаемымъ духовно-судебнымъ преобразованіемъ, если и бракоразводныя дѣла евреевъ отойдутъ къ общимъ судамъ, нужно будутъ установить оффиціально тѣ нормы еврейскаго права, которыя должны быть примѣняемы при разсмотрѣніи дѣлъ о спорахъ по приданому при разводѣ; но это не можетъ представить большого затрудненія. Во всякомъ случаѣ ясно одно. Удержать ст. 1,089 въ теперешнемъ ея видѣ невозможно, потому что, съ введеніемъ новыхъ судовъ, немыслима судебная власть раввиновъ; между тѣмъ, ст. 1,089, дѣлаетъ раввина настоящимъ судьей по чисто имущественнымъ дѣламъ — власть, которая не предоставлена и православнымъ консисторіямъ, расторгающимъ бра-

ки, но передающимъ въ общіе суды вопросы имущественные, возникающіе при этомъ. Раввинъ не можетъ болѣе рѣшать вопросъ о томъ, у кого должно остаться приданое послѣ развода; это должно быть предоставлено у евреевъ, какъ и у всѣхъ другихъ гражданъ, вѣдѣнію гражданскаго суда.

II. Относительно порядка совершенія браковъ, разсматривая этотъ вопросъ въ связи съ предполагаемою реформой раввината, всего разумнѣе, кажется, будетъ установить слѣдующій порядокъ: гражданскіе чиновники, долженствующіе замѣнить казенныхъ раввиновъ, въ качествѣ правительственныхъ органовъ во внутреннемъ быту евреевъ (см. выше), ведутъ метрическія книги и записываютъ еврейскіе браки. Безъ этой записки, бракъ признается недѣйствительнымъ въ глазахъ правительства, т. е. относительно оффиціальнаго признанія основанныхъ на законномъ бракѣ личныхъ и имущественныхъ правъ. Чиновникъ этотъ получаетъ инструкцію относительно порядка совершенія браковъ и условій записки; инструкція эта издается правительствомъ по соображеніи съ еврейскими законами о бракѣ (по заключенію раввинской коммиссіи и другихъ экспертовъ).

Отношеніе между этою гражданскою стороной брака и религіознымъ вѣнчаніемъ можно установить двоякое: или вѣнчаніе совершается предварительно по еврейскому обряду и затѣмъ вносится въ метрическую книгу, или, наоборотъ, записка происходитъ предварительно, а затѣмъ предоставляется желающимъ освятить бракъ религіознымъ вѣнчаніемъ. По многимъ причинамъ, изложеніе которыхъ здѣсь завело бы насъ очень далеко, слѣдуетъ признать первую систему неудобною во всѣхъ отношеніяхъ, тогда какъ вторая можетъ быть примѣнена вполнѣ удовлетворительно. Желающіе вступить въ бракъ заявляютъ о томъ лично упомянутому чиновнику, представляютъ надлежащія доказательства относительно отсутствія законныхъ препятствій къ совершенію брака (достиженіе извѣстнаго возраста, разрѣшеніе родителей или опекуновъ и начальства въ потребныхъ случаяхъ, отсутствіе обязательствъ по прежнему браку и запрещенныхъ степеней родства и т. под.). Послѣ этого, бракъ вносится въ установленную книгу и съ тѣхъ поръ онъ считается дѣйствительнымъ въ гражданскомъ отношеніи. Послѣдующее затѣмъ вѣнчаніе по еврейскому обряду

есть частное дѣло самихъ супруговъ, неимѣющее никакого значенія для правительства, которому нѣтъ дѣла до религіозныхъ обрядовъ евреевъ.

Предлагаемый порядокъ, очевидно, есть, въ сущности, введеніе обязательнаго гражданскаго брака для евреевъ. Не будетъ ли это принципіальнымъ нарушеніемъ началъ русскаго семейнаго права, насквозь проникнутаго церковными воззрѣніями? Не представляется ли вообще обязательный гражданскій бракъ химерой при теперешнемъ состояніи нашего гражданскаго законодательства и нравственно-религіознаго развитія русскихъ евреевъ?

На это мы можемъ отвѣтить слѣдующее. Во-первыхъ, по религіозному же ученію евреевъ, бракъ есть гражданскій договоръ, а ничуть не религіозное таинство, какъ у христіанъ. Условія дѣйствительности брака у евреевъ (присутствіе извѣстнаго числа свидѣтелей, торжественныя слова, произносимыя женихомъ при обрученіи и пр.) имѣютъ чисто гражданскій характеръ. Участіе раввина, какъ извѣстно, вовсе не требуется для законности брака. Стало быть, установленіе государствомъ гражданской формы заключенія брака у евреевъ не будетъ вторженіемъ въ религіозныя понятія евреевъ. Во-вторыхъ, опытъ другихъ европейскихъ странъ показываетъ, что евреи вездѣ служатъ однимъ изъ первыхъ двигателей обязательнаго гражданскаго брака, и это объясняется очень просто. Вслѣдствіе тѣснаго союза между государствомъ и христіанскою церковью, во всѣхъ европейскихъ странахъ отдѣленіе гражданскаго элемента отъ церковнаго въ семейномъ правѣ христіанскаго населенія идетъ очень туго, встрѣчая сильныя затрудненія въ укоренившихся понятіяхъ и обычаяхъ. Правительства предпочитаютъ удовлетворять интересамъ общественной пользы относительно организаціи семьи, при помощи церкви же, не высвобождаясь вполнѣ изъ-подъ ея вліянія. Относительно евреевъ дѣло принимаетъ другой видъ. Съ одной стороны, еврейская религія вездѣ только терпима; между нею и государствомъ нетолько нѣтъ никакого союза, но послѣднее вовсе не считаетъ себя обязаннымъ поддерживать первую вообще, и въ частности относительно религіознаго характера семьи. Съ другой стороны, анархическое состояніе внутренне-религіознаго быта евреевъ, неизвѣстность руководящихъ началъ этого быта и недовѣріе къ

нимъ со стороны христіанскаго общества и государства, наконецъ, затруднительность контроля надъ дѣйствіями раввиновъ и вообще евреевъ — все это побуждаетъ правительство, оставивъ въ сторонѣ еврейскую религію и духовенство, изыскать самому надлежащія мѣры, чтобъ гарантировать общественныя требованія относительно организаціи еврейской семьи. Главною мѣрой и является обязательность гражданскаго совершенія еврейскихъ браковъ у органовъ правительства. Отсюда, напримѣръ, въ бо́льшей части Пруссіи и въ Австріи то начало, что бракъ евреевъ, для гражданской его дѣйствительности, необходимо долженъ быть совершенъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ, къ тому назначенныхъ, тогда какъ браки христіанъ нетолько могутъ быть совершаемы однимъ церковнымъ порядкомъ (Австрія), но и должны быть совершаемы такимъ образомъ (Пруссія). Такимъ образомъ, чѣмъ сильнѣе въ данной странѣ союзъ между государствомъ и христіанскою церковью, тѣмъ естественнѣе, въ силу общихъ историческихъ законовъ, отдѣленіе гражданской стороны брака отъ религіозной въ отношеніи непризнаваемыхъ вѣроисповѣданій. Мы видѣли теперь въ самой Россіи подтвержденіе естественности этого историческаго явленія, повторяющагося во многихъ странахъ. Извѣстно, что теперь въ государственномъ совѣтѣ разсматривается проэктъ новаго закона о раскольникахъ. Проэктъ этотъ предлагаетъ ввести для раскольниковъ обязательный гражданскій бракъ, и какъ сообщали газеты, эта мысль одобрена государственнымъ совѣтомъ. Мотивомъ этого закона служитъ то, что правительство не признаетъ духовенства раскольниковъ, а между тѣмъ, бракъ у нихъ долженъ быть, такъ или иначе, регулированъ въ интересахъ правильной государственно-общественной жизни. Положеніе евреевъ въ Россіи представляетъ въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, большое сходство съ положеніемъ раскольниковъ. Правда, у евреевъ религіозный ихъ бытъ не совершенно отрицается правительствомъ, какъ у раскольниковъ; но, какъ мы видѣли, правительство исходитъ изъ той мысли, что у евреевъ нѣтъ духовенства въ настоящемъ смыслѣ слова. Такимъ образомъ, въ существѣ дѣла, положеніе еврейской и раскольничьей семьи предъ лицомъ закона одно и то же. Духовная организація у тѣхъ и другихъ только терпима государствомъ до извѣстной сте-

пени, но не пользуется его защитой и полнымъ признаніемъ. Поэтому, довѣрить ихъ духовенству исключительно организацію семейнаго быта, какъ это дѣлается въ господствующей церкви, невозможно, потому что духовенство это не даетъ государству достаточныхъ гарантій соблюденія его интересовъ въ семейномъ быту населенія. А такъ какъ интересы эти слишкомъ важны для того, чтобъ оставить ихъ безъ надлежащей поддержки, то приходится прибѣгнуть къ тому отдѣленію гражданской стороны брака отъ церковной, которое предположено теперь для раскольниковъ и, раньше или позже, будетъ примѣнено и къ еврейскому населенію Россіи.

Правда, введеніе этого порядка можетъ имѣть то неудобство, что многіе изъ еврейскаго простонародья, будутъ продолжать совершеніе браковъ по одному религіозному обряду, и такіе браки потомъ окажутся недѣйствительными предъ гражданскимъ закономъ. Такіе случаи бываютъ теперь въ Австріи съ провинціальными евреями, незнакомыми съ дѣйствующимъ тамъ закономъ о еврейскихъ бракахъ [1]). Но, вопервыхъ, такія недоумѣнія сопровождаютъ всякую существенную реформу въ законодательствѣ, изъ за чего, однакожь, никто не станетъ аргументировать противъ реформъ. Вина падаетъ тутъ уже не на законъ, а на невѣжество массы, всегда и вездѣ порождающее разныя затрудненія и неудобства. Вовторыхъ, возможность такихъ случаевъ можетъ быть весьма значительно парализована различными мѣрами къ ознакомленію еврейскаго населенія съ новымъ закономъ (вмѣненіе раввинамъ въ обязанность объявлять о немъ въ синагогахъ), воспрещеніемъ духовнымъ лицамъ совершать браки, еще не записанные въ метрическую книгу, и т. под. мѣрами.

Весьма важнымъ удобствомъ этой системы будетъ служить то, что лица, разведенныя на основаніи такой причины, которая установлена гражданскимъ закономъ, но не признается еврейскимъ обычаемъ, напримѣръ, по безвѣстному отсутствію или лишенію правъ состоянія одного супруга, получатъ возможность вступать въ новый бракъ, дѣйствительный предъ лицомъ граждан-

[1]) См. „Neue Freie Presse", отъ 7-го марта 1873 г. стр. 6.

скаго закона, хотя и не одобряемый еврейскимъ обычаемъ. Это будетъ важнымъ облегченіемъ для многихъ во Израилѣ, страждущихъ теперь подъ бременемъ религіозныхъ обычаевъ, часто весьма жестокихъ и возмутительныхъ, какъ извѣстно всѣмъ знакомымъ съ еврейскимъ бытомъ.

III. Рядомъ съ преобразованіемъ порядка совершенія браковъ должно идти измѣненіе матеріальныхъ нормъ брачнаго права. Изъ того, что́ сказано было выше, при критическомъ разборѣ дѣйствующихъ законовъ, легко заключить, a contrario, о томъ, въ какомъ направленіи должно идти это измѣненіе. Необходимо строго и точно опредѣлить, какія требованія гражданскаго закона имѣютъ свѣтскій характеръ и одинаково относятся къ лицамъ всѣхъ вѣроисповѣданій и какія суть каноническія нормы, примѣнимыя лишь къ тому или другому вѣроисповѣданію въ отдѣльности. Но этого формальнаго, техническаго улучшенія существующихъ законовъ далеко недостаточно. Нужно еще расширить значительно сферу общеобязательныхъ гражданскихъ нормъ по брачному праву въ ущербъ преобладающему теперь элементу вѣроисповѣдной розни. Если мы дѣйствительно серьезно думаемъ объ объединеніи разнородныхъ элементовъ населенія страны, если мы не хотимъ довольствоваться тѣмъ призрачнымъ, механическимъ «обрусеніемъ», несостоятельность котораго такъ блистательно обнаружилась въ Западномъ Краѣ, то должны позаботиться о подчиненіи всѣхъ гражданъ справедливымъ и для всѣхъ равнымъ законамъ относительно важнѣйшихъ сторонъ частной и общественной жизни. Область семейнаго права должна имѣть здѣсь одно изъ первыхъ мѣстъ, по громадному своему вліянію на бытъ населенія. Но вопросъ — ка̀къ должно совершаться это объединеніе?

Опытъ другихъ странъ указываетъ намъ на двѣ различныя системы, ведущія къ этой цѣли. Образцомъ первой можетъ служить Англія. Здѣсь семейный бытъ евреевъ собственно предоставленъ самому себѣ. Евреи могутъ, какъ и лица другихъ вѣроисповѣданій, совершать свои браки гражданскимъ порядкомъ (въ registrar office), но могутъ, если захотятъ, совершать ихъ по своему религіозному обряду. Въ послѣднемъ случаѣ, условія и порядокъ совершенія брака совершенно предоставлены еврейскому обычаю, и бракъ, такимъ образомъ заключенный, дѣйствителенъ

въ глазахъ закона. Только въ случаѣ смѣшанныхъ браковъ между евреями и лицами другихъ исповѣданій, они вынуждены обратиться къ гражданскому начальству, но, разумѣется, только потому, что духовная власть обыкновенно отказываетъ въ благословеніи такихъ браковъ. При такихъ условіяхъ, еврейское брачное право могло бы примѣняться и развиваться тамъ вполнѣ самобытно и независимо отъ вліянія свѣтскаго законодательства. На дѣлѣ мы видимъ, однакожь, противное. Если законъ не навязываетъ съ своей стороны никакихъ требованій еврейскому брачному праву, то послѣднее само идетъ на встрѣчу первому и добровольно подчиняетъ себя гражданскому закону, основанному (относительно семейнаго права) на канонахъ господствующей церкви. Это обнаружилось не такъ давно, по поводу извѣстнаго билля о дозволеніи браковъ съ сестрами умершихъ женъ, нѣсколько лѣтъ волнующаго набожный англійскій міръ. Одинъ англичанинъ навелъ справки о томъ, существуютъ ли подобные браки у англійскихъ евреевъ, и узналъ слѣдующее: еврейскій законъ положительно дозволяетъ подобные браки, а гражданскій англійскій законъ относится только къ лицамъ англиканской церкви. Тѣмъ не менѣе, ни одно еврейское духовное лицо въ Англіи не совершитъ такого брака, изъ уваженія къ гражданскому закону [1]). Такова объединяющая сила свободныхъ учрежденій, что, безъ законодательныхъ мѣръ, сама жизнь сплачиваетъ разнороднѣйшіе слои населенія, несмотря на широчайшее развитіе общественной автономіи и децентрализаціи. Разумѣется, однакожь, что Англія не можетъ служить намъ примѣромъ, такъ какъ разница между условіями нашей и англійской жизни неизмѣрима.

Другую, противоположную систему въ этомъ отношеніи представляетъ Франція. Какъ страна, въ которой все дѣлается сверху, средствами и силами центральной государственной власти, Франція, и по занимающему насъ здѣсь вопросу, осталась вѣрною своему культурно-историческому типу. Здѣсь подчиненіе еврейскаго населенія до глубины его домашняго очага общимъ бытовымъ нормамъ народной жизни совершается при главномъ уча-

[1]) См. „Jewish Chronicle", № 62, за 1870 г.

стіи государственной власти, которая достигаетъ, однакожь, своей цѣли не насильственными мѣрами и пертурбаціями, въ родѣ того, что̀ у насъ называется «обрусеніемъ», а единственно притягательною силой либеральныхъ законовъ и учрежденій, основанныхъ на идеѣ равенства всѣхъ сословій и исповѣданій. Бракъ во Франціи разсматривается со времени революціи и наполеонова законодательства, какъ дѣло гражданское, а не церковное: всѣ граждане обязаны совершать его предъ правительственнымъ чиновникомъ, причемъ, разумѣется, всякому предоставлено подчиниться впослѣдствіи и церковному вѣнчанію по обряду своего исповѣданія. Законы о разлученіи супруговъ и расторженіи браковъ—тоже общіе для всѣхъ гражданъ. Веденіе актовъ состоянія находится въ вѣдѣніи не духовенства, а гражданскихъ чиновниковъ. Духовенство еврейское получаетъ содержаніе отъ казны, такъ же какъ христіанское, и слѣдовательно составляетъ государственное учрежденіе. Во всемъ отдѣлѣ французскаго кодекса, трактующемъ о бракѣ и его послѣдствіяхъ, нѣтъ никакого различія между лицами разныхъ исповѣданій. Точно также въ уголовномъ кодексѣ, при опредѣленіи наказаній за преступленія противъ союза семейственнаго, законодатель вездѣ стоитъ на чисто-гражданской, а не церковной точкѣ зрѣнія. Поэтому, напримѣръ, двоебрачіе наказывается тамъ одинаково у всѣхъ гражданъ (ст. 340 code penal), тогда какъ у насъ законъ не осмѣлился признать многоженство наказуемымъ у евреевъ (см. выше).

По сходству (хотя болѣе внѣшнему, чѣмъ внутреннему) между политическими и административными условіями Франціи и Россіи, можно предполагать, что и въ этомъ отношеніи (какъ и во многихъ другихъ) заимствованіе французскихъ учрежденій будетъ полезно и легко осуществимо у насъ, хотя въ данномъ случаѣ заимствованіе будетъ частичное и несовершенное. Нельзя еще расчитывать на скорое введеніе у насъ системы общеобязательнаго гражданскаго брака. Поэтому желательно было бы хоть примѣнить эту систему къ еврейскому населенію, наиболѣе нуждающемуся въ правильной юридической организаціи своего семейнаго быта. Это законодательное подчиненіе еврейской семьи общимъ формамъ народной жизни должно начаться съ измѣненія самаго порядка совершенія браковъ. Что это измѣненіе должно пойти

именно въ томъ направленіи, которое нами указано, доказывается слѣдующимъ соображеніемъ. Правительство, какъ видно изъ указа 16-го марта сего года, отказалось отъ мысли воспитывать такъ-называемыхъ казенныхъ раввиновъ и навязывать еврейскимъ обществамъ одобренныхъ имъ духовныхъ лицъ. Такимъ образомъ, съ закрытіемъ раввинскихъ училищъ роль духовныхъ пастырей у евреевъ будутъ играть лица, выбираемыя самими обществами. За исключеніемъ нѣсколькихъ болѣе образованныхъ общинъ въ большихъ городахъ, остальные раввины (какъ и теперешніе духовные раввины) будутъ лица безъ всякаго общаго образованія, незнакомыя ни съ законами, ни съ господствующимъ языкомъ страны. Чтожъ остается дѣлать правительству для того, чтобъ гарантировать въ будущемъ соблюденіе при еврейскихъ бракахъ тѣхъ условій, которыя оно считаетъ необходимыми (достиженіе законнаго возраста, свободность отъ другихъ брачныхъ узъ и пр.)? Вмѣнить въ обязанность духовенству евреевъ слѣдить за исполненіемъ этихъ правилъ? Это было бы конечно послѣдовательно, въ виду основнаго принципа законодательства—предоставленія брачныхъ дѣлъ каждаго исповѣданія соотвѣтствующему духовенству; но практически оно неосуществимо. Какимъ образомъ требовать отъ раввина, напримѣръ, чтобъ онъ признавалъ недѣйствительнымъ бракъ, совершенный недуховнымъ лицомъ, когда еврейскій законъ, блюстителемъ котораго раввинъ состоитъ, признаетъ право каждаго еврея совершать всѣ обряды? Духовныя лица христіанскихъ исповѣданій давно привыкли считать себя нетолько толкователями религіознаго закона, но и органами правительства, и они не стѣсняются примѣнять въ брачномъ правѣ такія требованія гражданскаго закона, которыя даже противорѣчатъ воззрѣніямъ церкви. Но далеко еще то время, когда отъ настоящаго духовнаго лица еврейскаго можно будетъ ожидать такого же подчиненія религіи государству по внутреннему убѣжденію. Притомъ, неразумно со стороны законодательства ставить людей въ такое положеніе, что голосъ ихъ совѣсти долженъ постоянно находиться въ разладѣ съ практической ихъ дѣятельностью. Такое положеніе можетъ повлечь за собою одни дурные результаты во всѣхъ отношеніяхъ.

Остается, стало быть, одно: отдать божье Богу и кесарево кесарю, т. е. предоставить духовенству еврейскому идти своею дорогой,

обезпечивъ государству исполненіе его требованій собственными средствами.

Весьма любопытнымъ представляется тутъ вопросъ: ка̀къ должно относиться законодательство къ обычнымъ у евреевъ предбрачнымъ договорамъ разнаго рода, опредѣляющимъ имущественныя отношенія супруговъ во время и по прекращеніи брака, отношеніе жениха къ наслѣдованію въ имѣніи отца невѣсты, отвѣтственность обѣихъ сторонъ за отказъ отъ обѣщанія вступить въ бракъ, и т. под. Выше мы видѣли, что дѣйствующіе законы содержатъ два противоположные взгляда на этотъ вопросъ. Общіе законы совершенно игнорируютъ еврейскіе обычаи и тѣмъ, какъ будто, отрицаютъ у нихъ всякое значеніе, спеціальныя же постановленія признаютъ, хотя и неясно, право евреевъ руководствоваться этими обычаями. Противорѣчіе это должно быть непремѣнно устранено; но ка̀къ? Тутъ мы встрѣчаемся съ соображеніями, вкратцѣ высказанными выше относительно вопроса о судьбѣ приданаго при разводѣ. Если довольствоваться общими мѣстами, не вникая въ особенности данныхъ фактическихъ отношеній, то отвѣтъ можетъ быть только одинъ: «привиллегіи» евреевъ должны быть уничтожены, и общіе законы должны быть на нихъ распространены. Но дѣло представится въ иномъ видѣ, если принять въ соображеніе слѣдующее: наши общіе гражданскіе законы относительно предбрачныхъ договоровъ крайне несовершенны, отрицая или по крайней мѣрѣ игнорируя такого рода договоры и условія, которые соотвѣтствуютъ народнымъ обычаямъ и допускаются всѣми иностранными законодательствами. Еврейскіе же обычаи на этотъ счетъ нетолько не содержатъ ничего такого, что̀ въ интересѣ общества должно быть воспрещено, но, напротивъ, согласны съ началами стариннаго русскаго права и институтами западно-европейской жизни. Таковы обычаи о невозвращеніи женѣ приданаго, въ извѣстныхъ случаяхъ развода, объ имущественной отвѣтственности за отказъ отъ обѣщанія вступить въ бракъ, объ обезпеченіи мужемъ приданаго жены (contrados, старославянское «вѣно»). Такимъ образомъ, слѣдуетъ желать не распространенія на евреевъ дѣйствующихъ крайне неудовлетворительныхъ законовъ относительно предбрачныхъ договоровъ, а наоборотъ, установленія для всѣхъ гражданъ, на началахъ народно-русскаго права, такихъ

правилъ, которыя, будучи раціональнѣе существующихъ, могли бы дать возможность упраздненія еврейскихъ обычаевъ. Справедливый и для всѣхъ общій законъ, конечно, всего желательнѣе; но пока его нѣтъ, неразумно было бы лишить ту или другую часть населенія права пользоваться вполнѣ безвредными обычаями, восполняющими недостатки закона. Настоящее, внутреннее объединеніе населенія, повторяемъ это еще разъ, возможно только при помощи законовъ и учрежденій, которые нетолько для всѣхъ равны, но вмѣстѣ съ тѣмъ разумны и справедливы. Сглаживать особенности, даже хорошія, каждой группы населенія, давая взамѣнъ ихъ не лучшее, а худшее, значитъ дѣйствовать не въ пользу, а во вредъ странѣ. Завоевать еврейскую семью, подчинить ее общему потоку народной русской жизни, было бы великимъ шагомъ впередъ въ дѣлѣ обрусенія евреевъ, но шагъ этотъ возможенъ только въ томъ случаѣ, если законодательство откажется отъ узкихъ и устарѣлыхъ принциповъ современнаго нашего семейнаго права и замѣнитъ ихъ другими, болѣе широкими и справедливыми началами. Нетрудно доказать, что тотъ же выводъ представляетъ разборъ всякой другой стороны пресловутаго вопроса объ обрусеніи евреевъ, но это не входитъ въ программу настоящей статьи.

И. Оршанскій.

Гейдельбергъ,
Апрѣль 1873 г.

КТО ВИНОВАТЪ?

(Изъ жизни одной еврейской колоніи 1837—1847 г.)

I.

«Обратить евреевъ отъ бродячей жизни къ общеполезнымъ занятіямъ», какъ говоритъ докторъ правъ Варадиновъ, въ своей «Исторіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ» — такова была цѣль правительства при водвореніи евреевъ въ колоніяхъ. Словомъ, отучить, пріучить, и въ окончательномъ результатѣ, въ отдаленной перспективѣ, виднѣлось *водвореніе*. Водворяли на земляхъ, отведенныхъ для этой цѣли отъ правительства, предоставляли водворяться на собственныхъ, купленныхъ земляхъ. Попеченія этимъ не ограничивались: поселенцамъ давались льготы и привиллегіи. Они были, между прочимъ, освобождены отъ рекрутской повинности на 25 лѣтъ, отъ податей на 50 лѣтъ. Даже тѣ семейства, члены которыхъ состояли уже на очереди, переходомъ въ земледѣліе могли избавиться отъ рекрутства. Льготы подѣйствовали. Колонизація началась. Движеніе къ землѣ усилилось. Образованіе и первые годы жизни одной колоніи—медовые мѣсяцы брачныхъ узъ еврейскаго племени съ русскою почвою — я разскажу здѣсь. Сначала я остановлюсь на жизни одного семейства, судьбы котораго весьма рѣзко характеризуютъ судьбу колоніи, остановлюсь, затѣмъ, весьма ненадолго на жизни нѣкоторыхъ другихъ, выдающихся семействъ и, наконецъ, дамъ абрисъ жизни, очеркъ физіономіи всей колоніи въ теченіи упомянутаго десятилѣтія. Я надѣюсь, что читатель не будетъ пенять на меня, если я остановлюсь также на нѣкоторыхъ чертахъ, характеризующихъ данный періодъ

вообще, хотя бы онѣ непосредственно и не относились къ главному предмету настоящаго очерка.

II.

Отецъ семейства К. былъ родомъ изъ Галиціи. Женившись на русской еврейкѣ, онъ перешелъ на жительство въ городъ Д., Волынской губерніи. Онъ принадлежалъ къ разряду людей, которые составляютъ характеристическій элементъ переходныхъ временъ, — временъ, въ которыя явно обнаруживается переходъ общественной мысли отъ одной ступени развитія къ другой, отъ низшей къ высшей. Въ это время прогрессирующее меньшинство не игнорируется, какъ прежде, во времена количественнаго безсилія: ему начинаютъ дѣлать уступки, съ принципами его заключаются компромисы, къ представителямъ этихъ принциповъ начинаютъ относиться менѣе начальственно, генеральски, менѣе повелительно: къ нимъ начинаютъ прислушиваться, приглядываться, удостоиваютъ вниманія, а иной разъ и похвалы. Въ это же время являются люди, берущіе на себя трудъ примирить враждебныя до того начала, желающіе стушевать рѣзкости и шероховатости, сблизить ихъ, находить въ нихъ нѣчто сходственное, однородное. Являются примирители авторитета со знаніемъ, вѣры съ критикой, абсолютнаго съ относительнымъ, гранитной скалы съ водою, медленно разрыхляющею и подтачивающею ея основаніе. Для примиренія необходимо ближайшее знакомство съ тѣмъ и другимъ элементомъ, необходимо постоянно противопоставлять одинъ строй другому, чтобы не терять равновѣсія, не увлечься, не подвергнуться давленію одной стороны, необходимо балансировать. Къ этимъ балансирующимъ и принадлежалъ К. Онъ искренно, ревностно, горячо желалъ, чтобы догматъ и наука, застой и движеніе шли рука объ руку.

Въ дѣтствѣ и юности К. усердно изучалъ памятники еврейской письменности. Впослѣдствіи къ этимъ занятіямъ присоединилось изученіе латинскаго и нѣмецкаго языковъ, математики, медицины и астрономіи. Онъ изучалъ все основательно и дошелъ до того, что составилъ учебникъ астрономіи на еврейскомъ языкѣ. Въ настоящее время, въ умѣ читателя едва ли можетъ совмѣститься

представленіе о евреѣ тридцатыхъ годовъ въ длиннополомъ кафтанѣ съ представленіемъ о человѣкѣ, теоретически изучающемъ астрономію, устроивающемъ на кровлѣ своего дома миніатюрную обсерваторію для того, чтобы выпытать у небеснаго свода загадку устройства вселенной. Читатель привыкъ представлять себѣ этого еврея изгибающимся предъ какимъ-нибудь паномъ и заключающимъ какой-нибудь выгодный гешефтъ, съ униженнымъ видомъ и хитрымъ выраженіемъ на лицѣ, съ чувствомъ ненависти и презрѣнія въ душѣ къ тому же пану, предъ которымъ онъ такъ унижается, которому онъ такъ низко кланяется. Онъ привыкъ его видѣть суетящимся на базарѣ, въ лавкѣ, запрашивающимъ покупателей. Онъ привыкъ представлять его себѣ въ синагогѣ, въ религіозномъ экстазѣ судорожно качающимся во всѣ стороны и воздѣвающимъ руки къ небу съ мольбой о возвращеніи его въ страну, «текущую медомъ и млекомъ», и избавленіи его отъ ига изгнанія. А въ лучшемъ случаѣ — склоненнымъ надъ многообъемистымъ фоліантомъ, надъ Талмудомъ и коментаторами его, изучающимъ какой-нибудь сложный и запутанный вопросъ религіозной казуистики, убѣжденнымъ, что нѣтъ ничего выше и слаще этой науки, что все остальное, что̀ называется наукой, есть дѣло суемудрыхъ и нечестивыхъ умовъ. Гдѣ же тутъ мѣсто свѣту знанія, какимъ образомъ возможенъ сюда доступъ европейской мысли? — Теперь трудно совмѣстить подобныя противоположности. Царство противоположностей принадлежитъ переходнымъ временамъ, есть ихъ законное и неизбѣжное достояніе. Въ эти времена противоположности не выказываются такъ рѣзко. Они господствуютъ только въ умѣ, въ книгахъ и не проводятся на дѣлѣ, въ жизни. Ихъ несовмѣстность не можетъ, поэтому, обнаружиться съ такою рѣзкостью и ясностью. Уже изъ этой характеристики видно, что это былъ человѣкъ книжный, человѣкъ принципа, теоріи, чуждый пониманія практической жизни, лишенный практическаго чутья. Эти свойства его характера объясняютъ намъ, почему онъ безъ оглядки отозвался на обращенное къ евреямъ приглашеніе—заняться земледѣліемъ, обратиться въ хлѣбопашцевъ, бросить прежній образъ жизни. Этому содѣйствовало и положеніе его дѣлъ. Теоретикамъ весьма рѣдко удается пожинать плоды на торговомъ поприщѣ, въ промышленной дѣятельности. К. приходилъ все въ худ-

шее матеріальное положеніе, умъ его подсказывалъ ему, что наиболѣе соотвѣтствующее человѣку занятіе — это земледѣліе, литературныя произведенія его современника и друга, извѣстнаго И. Б. Левинзона, пропагандировавшаго въ своихъ сочиненіяхъ мысль о благодатности земледѣльческаго труда, укрѣпляли и поддерживали его убѣжденія; заманчивыя обѣщанія, исходившія въ 30-хъ годахъ свыше, все сильнѣе и сильнѣе толкали его совершить шагъ, который теоретическому уму его казался ничуть не рискованнымъ. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ вербовалъ компаньоновъ, проповѣдуя и распространяя засѣвшую гвоздемъ мысль. Въ 1837 г. она созрѣла. Мысль стала дѣломъ. Онъ продалъ все свое достояніе и богатую библіотеку, оставивъ себѣ только нѣсколько книгъ. За вырученныя деньги купилъ у помѣщика Б. въ Л—скомъ уѣздѣ нѣсколько десятинъ земли, переѣхалъ туда съ семействомъ и принялся сѣять и строить избу.

III.

Переселившееся семейство состояло изъ жены, дочери и четырехъ сыновей. Изъ нихъ старшему было 16, младшему 8 лѣтъ. Много было дѣла въ первый годъ, много приходилось возиться съ постройкой дома, пріобрѣтеніемъ хозяйственныхъ орудій, съ ходатайствомъ объ исключеніи изъ прежняго, городскаго оклада и перечисленіи въ земледѣльцы, что производилось сообща, всею колоніею и на общій счетъ, посредствомъ особыхъ уполномоченныхъ. Перечисленіе тянулось цѣлыхъ два года. Неопытность въ веденіи земледѣльческаго дѣла, неумѣлость, отсутствіе снаровки, наконецъ, отсутствіе средствъ для пріобрѣтенія скота и лошадей—все это были весьма сильныя препятствія, съ которыми приходилось бороться, которыя необходимо было преодолѣть поселенцамъ. И они преодолѣли ихъ. Мать семейства долго не соглашалась покинуть городъ, часто и подолгу спорила съ мужемъ, выставляя всю рискованность шага, мѣны извѣстнаго на неизвѣстное, всю шаткость положенія земледѣльца, сомнительность выгоды, недовѣрчиво качала головой при разсказѣ о тѣхъ золотыхъ горахъ, которыя сулило земледѣльческое состояніе. Наконецъ, она вынуждена была уступить діалектикѣ и доводамъ мужа,

къ уму и учености котораго она питала благоговѣйное уваженіе. Сильнѣе всѣхъ доводовъ, впрочемъ, дѣйствовало на нее то, что переходомъ въ земледѣліе обезпечивается, застраховывается навсегда будущность ея дѣтей, что дѣти ея ни въ какомъ случаѣ, никоимъ образомъ не могутъ попасть въ рекруты. Хотя она и была отчасти убѣждена, что и въ городѣ относятся съ уваженіемъ къ ея семьѣ, что представители города не допустили бы притянуть къ набору кого бы то ни было изъ ея дѣтей, но это убѣжденіе всетаки подкапывалось опасеніемъ: а вдругъ не хватитъ рекрутъ въ семействахъ низшаго разбора, перемѣнятся представители города и т. п. При переходѣ въ земледѣльческое состояніе, она видѣла только одно, совершенно ясно и безусловно: мои сыновья останутся при мнѣ, я ни на одну минуту не разлучусь съ ними, во время набора я не буду проводить безсонныхъ ночей въ тревогѣ за участь моихъ дѣтей. О томъ, чтобы когда-нибудь красный воротникъ могъ красоваться на шеѣ кого-нибудь изъ ея возлюбленныхъ дѣтей, ей и во снѣ не снилось. Остальныя прелести земледѣльческой жизни, идиллическая картина мирнаго воздѣлыванія земли, обильной жатвы, представлялись ея практическому уму не въ столь блестящемъ свѣтѣ.

На этотъ счетъ она не обманывала себя, не баловала себя надеждами, ни на одинъ мигъ не отворачивалась отъ предстоящей тяжелой, трудовой жизни. Но все это искупалось однимъ превратившимся въ догматъ убѣжденіемъ въ обезпеченіи своихъ дѣтей.

Поэтому, съ первыхъ же дней поселенія, она, покорная судьбѣ, принялась горячо и ревностно за трудъ, какъ въ домѣ, такъ и въ полѣ, и готовилась вести жизнь вѣчной труженицы, надрывающейся надъ работой, согбенной подъ бременемъ золъ земныхъ для пропитанія семьи; остальные члены семьи также работали по мѣрѣ силъ. Не имѣя лошади, сыновья на собственныхъ плечахъ переносили жерди и дрова. Изба уже была готова. Скоро, можетъ быть, положеніе ихъ кое-какъ упрочится. Нравственное развитіе дѣтей тоже шло своимъ чередомъ подъ руководствомъ отца. Отецъ все сильнѣе и сильнѣе началъ вѣрить въ возможность осуществленія идеала, предвозвѣщенныхъ благъ — сельской идилліи.

Въ одно январьское утро 1840 года, вся эта вѣра должна была рушиться, всѣ эти воздушные замки должны были превратиться

въ миражъ. Мать, въ сопровожденіи одного изъ своихъ сыновей, отправилась въ городъ для закупки нѣкоторыхъ хозяйственныхъ предметовъ. Тамъ онъ былъ схваченъ рекрутскими сборщиками города Д. и, скованный въ цѣпяхъ, отправленъ въ губернскій городъ для сдачи въ рекруты. Впечатлѣніе этой вѣсти на членовъ семейства было ужасающее. Съ этой минуты нравственное существо К. было разбито, его вѣра въ будущее улетучилась. Онъ внезапно съежился, опустился, какая-то внутренняя струнка лопнула: онъ заплакалъ, въ первый разъ въ своей жизни, плакалъ надъ разрушеннымъ семейнымъ счастьемъ.

Еслибы дѣйствіе, произведенное несчастіемъ на отца, не было такъ страшно, то можно было бы ожидать со стороны его жены совершенно инаго образа дѣйствія, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Можно было бы ожидать, что безмолвная труженица, при томъ страшномъ нервномъ напряженіи, которому она подверглась, разрѣшится воплями, проклятіями, разразится громомъ надъ тѣмъ, котораго она могла считать виновникомъ постигшаго ея бѣдствія, что она искупитъ свою прежнюю покорность яростнымъ нападеніемъ на того, кто заставилъ ее подчиниться роковому рѣшенію и обморочилъ сладкою надеждою, усыпившею, убаюкавшею ея проницательность, ея здравый, практическій смыслъ. Она теперь ясно сознавала, что, оставайся они въ городѣ, ничего подобнаго не случилось бы, не могло бы случиться. Городскія общества были страшно возмущены выходомъ отдѣльныхъ членовъ ихъ въ земледѣльческое состояніе. Освобожденіе послѣднихъ отъ податей и повинностей приводило только къ обремененію и отягощенію городскихъ общинъ. Правительство наверстало выходъ нѣсколькихъ тысячъ въ земледѣльческое состояніе увеличеніемъ числа рекрутъ, бравшихся съ каждой тысячи горожанъ. Льгота, дававшаяся такимъ образомъ земледѣльцамъ, увеличивала и безъ того непосильную ношу горожанъ. Отсюда зависть, вражда и ненависть къ привилегированнымъ, выдѣлявшимъ себя изъ массы страдающихъ, спасавшимъ себя въ ущербъ другимъ, не раздѣлявшимъ общихъ бѣдствій, общаго гнета. Отсюда изобрѣтеніе средствъ обходить законъ, обезсилить и совершенно уничтожить льготы, существовавшія, впрочемъ, больше только на бумагѣ. Эта зависть заставила горожанъ забыть то уваженіе, съ

которымъ обыкновенно относились къ ея семьѣ, и рѣшила участь ея сына. Всѣ эти соображенія она заставила бы мужа прочувствовать, но приниженное и придавленное существо его ясно говорило, что ударъ и безъ того былъ достаточно силенъ. Всѣ силы ея духа обратились, поэтому, на то, чтобы спасти сына, и въ то время, когда вся почти семья была въ какомъ-то оцѣпененіи и, вслѣдствіе этого, не могла отдать себѣ отчета, что̀ и ка̀къ надо дѣлать, она одна вся ушла въ дѣло. Ни минуты не медля, изготовила прошеніе и ушла пѣшкомъ въ губернскій городъ въ зимнюю стужу, чтобы исходатайствовать освобожденіе своего сына у губернскихъ властей. Во время этого длиннаго путешествія страшные о̀бразы, которыми пугали дѣтей въ колыбели въ еврейскихъ семьяхъ, о̀бразы, отъ которыхъ съ содроганіемъ отворачивалась молодость, которыя служили неистощимымъ запасомъ бесѣдъ въ зимніе вечера между заболтавшимися кумушками-еврейками — словомъ, жизнь русскаго кантониста и солдата, сцены поруганія надъ тѣломъ и духомъ, описанныя въ очеркахъ Никитина «Многострадальные», дорисовываемыя воображеніемъ при чтеніи сухаго и безсердечно изложеннаго процесса барабанщика - еврея Шкоды въ «Уголовныхъ процессахъ» Любавскаго — всѣ эти сцены мелькали и носились предъ ея помутившимися отъ слезъ глазами. Во всѣхъ этихъ сценахъ страдательнымъ лицомъ, объектомъ, подвергавшимся истязаніямъ, являлся ея сынъ. То полосятъ его спину палками за погрѣшность въ муштровкѣ, то его томятъ голодомъ, пріуготовляя его такимъ образомъ къ воспріятію благодати, то кормятъ селедками, чтобы вызвать жажду къ познанію истинной вѣры; то она видитъ его прохаживающимся голымъ, съ привязаннымъ къ правой рукѣ ружьемъ, между двумя стройными рядами солдатъ. Лозы свистятъ, клочья мяса летятъ по сторонамъ, барабанный бой заглушаетъ крики... Эта картина хорошо ей знакома. Она не разъ видѣла ее и въ своемъ родномъ городѣ, И она ускоряетъ свои шаги, на зло вьюгѣ и мятели не кутается, не закрываетъ своего лица, сердито вырываетъ свои ноги изъ снѣжныхъ сугробовъ, падаетъ и снова торопится, спѣшитъ въ губернію. Она тамъ. Мы земледѣльцы — докладываетъ она — освобождены отъ рекрутской повинности на 25 лѣтъ. Въ прошломъ году только утверждены наши льготы. «Тѣмъ лучше», отвѣчаетъ ей одинъ

изъ власть имущихъ. Отчего же лучше? Какъ же можетъ быть лучше? Вѣдь запрешено брать земледѣльца въ рекруты. Она не можетъ понимать этого отвѣта, взять въ толкъ, придумать, почему же лучше взять ея сына, когда онъ земледѣлецъ, чѣмъ когда бы онъ принадлежалъ къ городскому состоянію. Не ея уму разоблачить таинственный смыслъ роковаго отвѣта, да и не до того ей теперь. Ея сына ведутъ въ рекрутское присутствіе. Она уже тамъ. Снова пристаетъ она съ своимъ земледѣльчествомъ, съ своими льготами, подаетъ рекрутскому присутствію прошеніе. Ей отвѣчаютъ, что если, по разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ прошенія, окажется, что семейство ея не подлежитъ рекрутской повинности, то сынъ ей будетъ возвращенъ. Значитъ — необходимо еще разсматривать прошеніе, разсматривать всѣ обстоятельства его, и только послѣ этого разсмотрѣнія ей возвратятъ сына. Значитъ, его теперь возьмутъ, въ этомъ уже сомнѣнія быть не можетъ, отведутъ куда-нибудь далеко отъ нея. Операцію совершатъ, хотя бы это оказалось послѣ излишнимъ, кусокъ мяса вырвутъ. Сына вводятъ, раздается грозное, полное знаменательнаго смысла «лобъ» — и ее выносятъ изъ рекрутскаго присутствія безъ чувствъ. А чрезъ нѣсколько дней изъ одной городской заставы двигается этапъ конвоируемыхъ въ Оренбургъ рекрутовъ,—изъ другой плетется надломленная горемъ еврейка. Она пробирается за пятьсотъ верстъ на свою родимую сторону, въ еврейскую земледѣльческую колонію Л—каго уѣзда. Ее и теперь не страшитъ холодъ, ни почемъ ей вьюга—ее страшитъ жизнь, полная горя и скорби, жизнь безъ луча надежды. И она не знаетъ еще, что къ нравственнымъ страданіямъ вскорѣ присоединятся физическія, что она уже носитъ въ себѣ вполнѣ развившуюся болѣзнь, прелести которой ей придется испытать и которую она получила взамѣнъ отнятаго у нея сына.

IV.

Еще въ то время, когда мать ушла за сыномъ въ губернскій городъ, одинъ изъ ея сыновей, мальчикъ 12-ти лѣтъ, пораженный тою страшною несправедливостью, жертвой которой сдѣлалась его семья, рвался въ городъ Д., чтобы узнать доподлинно, какимъ образомъ постигло ихъ столь неожиданное бѣдствіе. Въ лѣтней одеждѣ отправился онъ въ городъ, усѣвшись на брусья, которые сосѣдъ-еврей возилъ туда для продажи. Сознаніе несправедливости людской, жгучее желаніе уничтожить эту несправедливость, волновало и кипятило его. Уже съ самыхъ раннихъ лѣтъ, благодаря вліянію отца и громаднымъ дарованіямъ, пристрастился онъ къ знанію и, что важнѣе всего, научился думать и отвлеченно мыслить. Мальчикъ не могъ оставаться безучастнымъ къ семейному горю. Душевное волненіе еще усилилось въ немъ, когда мать съ нѣмымъ отчаяніемъ вернулась и слегла. Зачѣмъ и за что насъ обижаютъ?—вотъ вопросъ, на который онъ въ это время неотступно добивался отвѣта у своего жизненнаго опыта? Но отвѣта онъ не получалъ, или, вѣрнѣе, получилъ его только впослѣдствіи. Готовился царскій проѣздъ чрезъ Д. Онъ приготовилъ прошеніе на Высочайшее имя. Цѣлый годъ прошелъ. Многіе увѣряли, что прошеніе не дошло по принадлежности. Наконецъ, прибыла резолюція. Мальчика призвали и объявили ему, что изъ собранныхъ справокъ и объясненія Волынскаго губернскаго правленія усматривается, что земледѣльческая колонія не представила во время присяжнаго розысканія, т. е. свидѣтельства окружныхъ поселянъ и помѣщиковъ о томъ, что евреи этой колоніи дѣйствительно занимаются хлѣбопашествомъ, свидѣтельство, которое ежегодно должно было быть представлено до начала рекрутскаго набора. А такъ какъ таковое свидѣтельство не получено было казенною палатою при объявленіи рекрутскаго набора, то она помѣстила на рекрутской очереди всѣ семейства этой колонніи, и потому братъ его отданъ въ военную службу на «*законномъ основаніи*».

Итакъ, братъ отданъ на законномъ основаніи? Какое же это законное основаніе? Не представлено присяжнаго розысканія. Но, вѣдь оно было представлено еще за два мѣсяца до рекрутскаго набора. Что же сталось съ этимъ присяжнымъ розысканіемъ, куда оно дѣлось, какой злой геній утащилъ его? И такъ, все было бы въ настоящемъ порядкѣ: братъ не былъ бы сданъ въ солдаты, мать не заболѣла бы, семейство не было бы разстроено, разорено, погублено на вѣки, еслибы не было утаено или похищено, или задержано, или другая участь не постигла присяжное розысканіе. А теперь все это произошло, совершилось на законномъ основаніи. Съ присяжнымъ розысканіемъ, съ клочкомъ

бумаги связано, отъ него зависитъ судьба одного человѣка, жизнь другаго, участь цѣлаго семейства. И это называется законнымъ основаніемъ!.. Но если такое основаніе законно разъ, то оно можетъ быть законно и въ другой, и въ третій. Гдѣ же тутъ думать о земледѣліи, объ устройствѣ хозяйства, когда подобныя законныя основанія будутъ каждый разъ подставлять ножку землепашцамъ! Нѣтъ, надо покончить съ дѣломъ, гдѣ господствуютъ такіе порядки, надо бросить земледѣліе, надо учиться, сдѣлаться человѣкомъ, чтобы быть въ состояніи помочь тому, кто выноситъ солдатчину на законномъ основаніи, а можетъ быть, когда-нибудь и избавить его отъ этой солдатчины, оказывать посильную помощь той, которая близится къ смерти изъ-за этихъ законныхъ основаній, тѣмъ, которые терпятъ нужду все на томъ же основаніи. Надо, съ помощью науки, добыть себѣ право на существованіе, завоевать себѣ кусокъ хлѣба. Онъ вступилъ въ Л—ское уѣздное училище, а оттуда перешелъ въ Ж—скую гимназію.

V.

Прошло пять лѣтъ. Въ это время одинъ изъ братьевъ, самый младшій, ухаживавшій за больною матерью, успѣлъ уже умереть. Мать не долго промучилась послѣ него и вслѣдъ за нимъ сошла въ могилу. Колонистами остались: убитый горемъ отецъ, устраненный отъ практической жизни, углубившійся въ книги и созерцаніе умственное, старшій сынъ, еще кое какъ поддерживавшій внѣшній обрядъ жизни, и дочь. Одинъ сынъ былъ въ Оренбургѣ, другой въ гимназіи. Не легко пролетарію пройзойти школьную науку. Ему надо доставать одновременно пищу умственную и матеріальную, мыслить и ѣсть. Это одновременное добываніе не легко и теперь, тѣмъ болѣе оно тяжело было прежде. Не забудте, что онъ былъ еврей, что онъ встрѣчалъ съ одной стороны презрѣніе, съ другой ненависть, что съ одной стороны его обзывали жидомъ, съ другой еретикомъ, что съ одной стороны ему постоянно напоминали, что онъ лѣзетъ туда, куда ему лѣзть не слѣдуетъ, что онъ вторгается въ запретный кругъ, а съ другой, что онъ оторвался отъ почвы, къ которой онъ былъ прикрѣпленъ, съ которою онъ былъ связанъ исторіей и страданіями. И эта лишенная всякой защиты былинка, этотъ безпомощный мальчикъ долженъ былъ пропитывать себя, оказывать помощь семейству въ колоніи, брату, заброшенному въ Оренбургѣ. И онъ пропитывалъ себя, помогалъ и тѣмъ и другимъ. Онъ почти каждый день имѣлъ для себя хлѣбъ и хлѣбный квасъ, онъ былъ почти прикрытъ и доставлялъ тѣ же удобства и семьѣ. Портной рѣшился сдѣлать своего сына передовымъ! К. училъ его русской грамотѣ, и за это могъ пріютиться за печкой въ единственной комнатѣ — квартирѣ портнаго. Были и другіе отщепенцы евреи, которымъ нужно было его знаніе. Онъ давалъ его за хлѣбъ насущный, за рубли. Онъ учился самъ, училъ другихъ, пробивался въ проголодь самъ, избавлялъ отъ голоду семью, плакалъ самъ надъ безвременною кончиной брата и матери, утѣшалъ другихъ членовъ семьи, томился въ одиночествѣ среди презиравшихъ и ненавидѣвшихъ его, поддерживалъ и укрѣплялъ духъ брата кантониста, томившагося подъ игомъ солдатчины отдаленною надеждой на избавленіе.

VI.

И дѣйствительно, по прошествіи пяти лѣтъ начался конецъ той жизненной драмы, первая сцена которой разыгралась въ рекрутскомъ присутствіи. Молодой К. давалъ безвозмездно уроки сыну одного изъ чиновниковъ губернскаго правленія. Этотъ чиновникъ завѣдывалъ архивомъ. Онъ могъ, такимъ образомъ, узнать, куда дѣлось роковое присяжное розысканіе, отчего оно своевременно не доставлено казенной палатѣ, какимъ образомъ явилось законное основаніе? И онъ узналъ, что буква *М* была тѣмъ законнымъ основаніемъ, вслѣдствіе котораго братъ его сданъ былъ въ военную службу, что одинъ изъ членовъ земскаго суда на присяжномъ листѣ подписалъ свою фамилію, по ошибкѣ или небрежности, чрезъ букву М, а не чрезъ Н, какъ это слѣдовало, вслѣдствіе чего присяжное розысканіе было отослано изъ губернскаго правленія обратно въ земскій судъ для исправленія замѣченной неправильности въ подписи члена земскаго суда. Онъ узналъ, что такимъ образомъ присяжное розысканіе отсутствовало, не имѣлось въ виду казенной палатой, ожидало въ земскомъ судѣ исправленія.

Я предвижу, что читатель будетъ относиться съ недовѣріемъ къ приведенному только-что факту; онъ будетъ думать, что этотъ фактъ есть доведенная до обсура квинтэссенція существовавшихъ порядковъ, что онъ созданъ воображеніемъ, посредствомъ логическаго отвлеченія отъ принциповъ, руководившихъ въ былое время административною машиною, но въ дѣйствительности никогда не существовалъ, что это фактъ возможный, но не дѣйствительный.

Но я постараюсь доказать ему противное. Формализмъ, проникавшій повсюду, бездѣлье, принимавшее видъ дѣла, слово заступавшее и вытѣснявшее суть, буква, убивавшая духъ, давали возможность буквѣ *М* рѣшать судьбу человѣка. Для того, чтобы эта возможность перешла въ дѣйствительность, необходимо было только, чтобы личныя выгоды администраціи были связаны съ этимъ переходомъ, чтобы у той или другой личности появилось желаніе, чтобы ей захотѣлось придать буквѣ М извѣстное значеніе. Такая личность и явилась. Я уже указалъ выше, что земледѣльческія льготы были не понутру городскимъ обществамъ; онѣ были непонутру и низшей администраціи, и вотъ почему: изъ массы людей, подвергавшихся всякимъ поборамъ, платившихъ дань—словомъ, кормившихъ администрацію, выдѣлилась группа, поставленная въ привилегированное положеніе. Этой группѣ не зачѣмъ было сталкиваться съ администраціей, незачѣмъ и не за что было и платить. Мало того: надо было опасаться, что если льготы, дарованныя земледѣльцамъ, сбудутся, то число земледѣльцевъ все будетъ возростать, число плательщиковъ косвенныхъ поборовъ все будетъ уменьшаться. Выгоды чиновниковъ, очевидно, связзаны были отнюдь не съ упроченіемъ земледѣльческихъ льготъ. Двѣ враждебныя силы соединились. Общества платили чиновникамъ деньги, чиновники находили предлоги обращать лготы въ ничто. Такимъ предлогомъ могла, въ случаѣ нужды, являться и описка въ фамиліи члена земскаго суда, такую роль могла играть и буква М и всякая другая буква. И, какъ видитъ читатель, она съиграла ее съ большимъ достоинствомъ, съумѣла выдержать и запросъ свыше и, наконецъ, даже явилась въ видѣ законнаго основанія. Надо было доказать беззаконность этого законнаго основанія, вывести букву М на чистую воду.

VII.

Дѣло пошло теперь шибко. Подано было прошеніе Кіевскому генералъ губернатору, въ которомъ изложена была сущность всего этого дѣла. Въ отвѣтъ на это прошеніе чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣдовалъ изъ Кіева запросъ В—скому губернскому правленію: согласно ли съ дѣйствительностью изложенноевъ прошеніи? Отвѣтъ на это запросъ потребовалъ годичнаго размышленія со стороны подлежащей власти. И въ самомъ дѣлѣ, мудрено было примирять непримиримыя вещи: выводъ съ фактами, признанную уже разъ, пять лѣтъ тому назадъ, тѣмъ же губернскимъ правленіемъ законность основанія и неправильность подписи члена земскаго суда, интересъ городскаго общества, отстаивавшаго свое право сдавать въ рекруты выбывшихъ въ земледѣльческое состояніе членовъ, и льготы этихъ земледѣльцевъ, выгоды членовъ администраціи, получавшихъ соотвѣтственное вознагражденіе за лишеніе земледѣльцевъ обѣщанныхъ имъ льготъ, и желаніе земледѣльцевъ, въ ущербъ чиновничьимъ доходамъ, пользоваться предоставленными имъ правами. Какъ тутъ быть? Не лучше ли, уклоняясь отъ прямого отвѣта на предложенный вопросъ, выразиться приблизительно такимъ образомъ: что законное основаніе законно, что то, что разъ признано присутственнымъ мѣстомъ законнымъ, то въ другой разъ не можетъ быть признано незаконнымъ — технически — «присутственное мѣсто не можетъ перевершать своего рѣшенія»? Такой отвѣтъ былъ бы конечно гораздо лучше категорическаго заявленія о вѣрности или невѣрности изложеннаго въ прошеніи факта. Но опасеніе ли, что буква М вынырнетъ изъ архива сама собою, благодаря настойчивости молодаго К., раскаяніе ли чиновника губернскаго правленія, желавшаго этимъ загладить совершенное имъ шесть лѣтъ тому назадъ беззаконіе, или, наконецъ, блестящее краснорѣчіе двухъ полуимперіаловъ, подосланныхъ ему чрезъ третьи руки молодымъ К. — полуимперіалы, составлявшіе сбереженіе шестилѣтней работы—какъ бы то ни было, отвѣтъ послѣдовалъ благопріятный. Еще два года — и жертва буквы М была отпущена. Послѣ девятилѣтней разлуки два брата—одинъ въ солдат-

ской курткѣ, другой въ студенческомъ мундирѣ—свидѣлись въ Орловской губерніи. Одинъ отправлялся изъ Москвы, гдѣ онъ состоялъ уже на дѣйствительной службѣ, на родину, другой въ Петербургъ, чтобы продолжать тамъ университетскій курсъ, начатый въ Кіевѣ. Надо-ли еще досказывать, что о земледѣльческой работѣ не могло уже быть и помину въ этомъ семействѣ, даже по возвращеніи сына солдата. Земля оставалась бо́льшею частью невоздѣланною за отсутствіемъ рабочихъ, домъ былъ полуразрушенъ, часть семьи вымерла, одинъ сынъ пошелъ въ науку; вскорѣ разбрелась и ушла изъ колоніи и остальная семья: отецъ и два брата. Можно было конечно взяться вновь за прерванное девять лѣтъ тому назадъ дѣло, но на это не хватало силъ ни у одряхлѣвшаго отца, ни у сына, вернувшагося съ солдатской службы, ни у сына, хотя и безотлучно пребывавшаго въ колоніи, но успѣвшаго уже окончательно выбиться изъ силъ въ теченіи первыхъ девяти лѣтъ. Они разбрелись, и отъ земледѣльческаго состоянія осталась у нихъ память о проведенныхъ безплодно девяти лучшихъ годахъ жизни, вслѣдствіе чего имъ уже невозможно было пріурочиться къ какому-нибудь опредѣленному образу жизни, ремеслу, профессіи: у нихъ осталась и хроническая болѣзнь, въ видѣ принадлежности къ земледѣльческому состоянію, что̀ заставляло ихъ оплачивать крупными кушами полученіе паспорта. Начальство имѣло право отказывать имъ въ этомъ, такъ какъ они не занимались земледѣліемъ. За это приходилось платить, и они платили. Осталось, наконецъ, и живо сохранялось въ семьѣ воспоминаніе о пережитыхъ страданіяхъ и перенесенныхъ бѣдствіяхъ, разрушившихъ семейное счастье честныхъ людей.

VIII.

Чрезъ два года послѣ семейства К., въ колонію перешло семейство Ш. Оно также состояло изъ отца и четырехъ сыновей. Но всѣ они были истые рабочіе. Они принадлежали къ той породѣ людей, которые въ еврействѣ извѣстны были подъ техническимъ названіемъ «арендаторовъ». Съ этимъ словомъ связывалось понятіе о физической силѣ и первобытной грубости, о хозяйственномъ смыслѣ и отчужденности отъ всякихъ, мало-мальски отвлеченныхъ умственныхъ интересовъ, о невѣжествѣ и зажиточности. Они не имѣли самыхъ необходимыхъ, по воззрѣніямъ евреевъ, свѣдѣній изъ области религіи и знанія, но обладали самыми обширными свѣдѣніями въ дѣлѣ сельскаго хозяйства. Имъ не было извѣстно, какая молитва въ какой день произносится, какіе обряды соотвѣтствуютъ какому случаю; они даже не понимали словъ ежедневно произносимой ими на древнееврейскомъ языкѣ молитвы и придавали этимъ словамъ самое превратное значеніе, но они отлично знали, когда какой хлѣбъ сѣять, гдѣ и когда слѣдуетъ сбывать произведенія домашняго хозяйства, они отлично понимали смыслъ хозяйственной практики и никогда не ошибались. Умъ ихъ лишенъ былъ изворотливости, но сердце — полно доброты. Живя въ селеніяхъ, они пригдядѣлись къ крестьянскимъ нравамъ, крестьянскому быту и крестьянской работѣ на полѣ, въ огородѣ и до̀ма. Молодое поколѣніе выросло, сжилось съ ними и практиковалось въ работѣ на арендуемыхъ участкахъ. Имъ недоставало только признаннаго закономъ права обладать землею, какъ своею собственностью. На приглашеніе правительства они отозвались; отозвался и Ш. Въ 1839 году вышелъ указъ объ освобожденіи отъ рекрутства даже членовъ тѣхъ семействъ, которые уже стоятъ на очереди, если они перейдутъ въ земледѣліе. Ш. воспользовался этимъ, такъ какъ семейство его стояло на очереди. Онъ купилъ землю, устроилъ хозяйство, накупилъ скотъ и принялся за дѣло. Весьма скоро онъ пришелъ въ самое цвѣтущее положеніе. Не только свою землю онъ обработывалъ силами своей семьи, но помогалъ и другимъ сосѣдямъ обработывать и строиться, конечно за вознагражденіе. Все семейство выдавалось по своему трудолюбію и знанію дѣла, по зажиточности и довольству среди новобранной массы, исподволь только привыкавшей къ новому образу жизни и терпѣвшей часто неудачи. Но и этому семейству пришлось испытать, что все на свѣтѣ недолговѣчно, а счастье и подавно. Перешедши позже другихъ въ колонію, они начали хлопотать, отдѣльно отъ всей колоніи, объ исключеніи изъ прежняго городскаго оклада и перечисленіи въ земледѣльческое состояніе. Всѣ необходимыя для этой цѣли на мѣстѣ жительства средства были употреблены. Оставалось только ждать утвержденія со стороны губерн-

скаго правленія. Но именно въ то время, когда тянулась эта процедура, нагрянули сборщики, съ помощью власти забрали одного изъ сыновей и сдали въ солдаты. Отецъ поѣхалъ за нимъ, исходатайствовать освобожденіе его. Побывалъ онъ вездѣ, и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и въ Кіевѣ. Въ теченіи пятнадцати лѣтъ несчастный скитался на чужбинѣ. Говорятъ, что не разъ, въ теченіи этого времени, надлежащая власть уже собиралась отпустить его сына, но отецъ, по нетерпѣливости и желанію скорѣе видѣть сына на свободѣ, только портилъ дѣло. Онъ каждый разъ подавалъ новое прошеніе, гдѣ приводилъ новые доводы. Рѣшеніе откладывалось до разсмотрѣнія новаго прошенія, и дѣло тянулось. Сына такъ и не освободили; онъ прослужилъ полный срокъ. А хозяйство? Оно давно уже было раззорено. Два работника были оторваны отъ дѣла, остальные сами справиться не съумѣли. Да и независимо отъ этого, для ходатайства нужны были средства, и не маленькія. Никакое хозяйство не выдержало бы.

IX.

Было еще одно семейство въ колоніи, выдававшееся изъ ряда колонистовъ, если хотите, по своей оригинальной курьезности. До перехода въ земледѣліе, отецъ этого семейства занимался преподаваніемъ Талмуда, посвящалъ юношество въ таинства его. И надо сказать, онъ былъ великій мастеръ въ этомъ дѣлѣ. Въ каждомъ словѣ онъ встрѣчалъ затрудненія и недоумѣнія, которыя необходимо было разрѣшить, выяснить. Не было предмета въ этой великой энциклопедіи, къ которому онъ относился бы индифферентно, о которомъ онъ не размышлялъ бы въ часы досуга. Вопросы религіозной казуистики и мелкой обрядности, великіе вопросы нравственности и права—все одинаково занимало его, и, вдругъ, онъ превращается въ земледѣльца! Семейство его состояло изъ жены и дочери. Членовъ мужескаго пола не было въ его семьѣ. Самъ онъ тоже ужь былъ пожилой человѣкъ. Значитъ, ему нечего было опасаться рекрутства, не зачѣмъ было воспользоваться льготою. Переходъ въ земледѣліе обозначалъ, такимъ образомъ, для него только переходъ отъ прежняго привычнаго образа жизни къ новому, переходъ отъ умственнаго труда къ физическому. И онъ перешелъ. Перешелъ въ земледѣльцы не номинально, а фактически. Такихъ исключительныхъ натуръ было немного, но они были. Онъ преобразился самъ въ крестьянина по одеждѣ и костюму, преобразилъ жену и дочь въ крестьянокъ. Собственными силами семья обработывала участокъ, разводила пчелъ и т. д. Въ свободное отъ полевыхъ работъ время, отецъ рубилъ брусья и возилъ для продажи въ городъ, возилъ и другіе продукты домашняго хозяйства. Но онъ не отставалъ и отъ прежнихъ привычекъ. Суббота была днемъ отдыха для скота и членовъ семьи, днемъ умственныхъ занятій для него. Въ этотъ день еврейство брало свое. Онъ публично читалъ, толковалъ и разработывалъ различные отдѣлы той великой энциклопедіи еврейскаго знанія, которая въ прежніе годы была исключительнымъ предметомъ его занятій. Суббота вечеромъ — и онъ, какъ въ извѣстной пѣснѣ Гейне, распрощавшись съ величественною принцессой Саббатъ, снова превращался не въ униженнаго пса, какъ въ той пѣснѣ, а въ земледѣльца, въ полномъ сознаніи своего достоинства. Ему удивлялись и завидовали. Удивлялись стойкости и энергіи невзрачнаго, худощаваго и малорослаго ех-учителя, завидовали тому, что въ семьѣ его не было членовъ мужескаго пола, что его не тревожили рекрутскіе сборщики. Требованія мелкихъ административныхъ властей онъ удовлетворялъ по силѣ и возможности — продуками домашняго хозяйства. Онъ полагалъ, что безъ поборовъ никакая администрація обойтись не можетъ, что по той или другой причинѣ дань платить надо. Придерутся, хуже будетъ. Зачѣмъ же напрасно спорить съ вѣкомъ! Онъ подчинялся порядку вещей, измѣнить который не было въ его силахъ. Не даромъ же безпокоитъ себя исправникъ, становой приставъ, его помощникъ, его писарь и всякая другая власть; не даромъ же она осматриваетъ, что-то записываетъ, отмѣчаетъ, приказываетъ и распоряжается. Не изъ-за царства же небеснаго, въ самомъ дѣлѣ, трудятся и хлопочутъ эти люди. Одному недостаетъ масла, другому сыру, третьему картофелю, и—онъ вносилъ по положенію, не протестуя. Но онъ не могъ не возмущаться и не протестовать, когда наѣзжавшая власть требовала у земледѣльцевъ не громоздкихъ и неудобныхъ для переноса продуктовъ хозяйства, а денегъ, переложенія натуральныхъ повин-

ностей на денежныя. Онъ предвидѣлъ, что эта, съ виду невинная, хотя сама по себѣ неудобная премѣна отразится самымъ неблагопріятнымъ образомъ на земледѣльческомъ хозяйствѣ. Уже одна громоздкость натуральныхъ продуктовъ затрудняла увеличеніе въ усиленныхъ размѣрахъ опредѣленнаго обычаемъ количества. Это увеличеніе потребовало бы увеличенія и средствъ перевозки; а надъ такими вещами не могли не задумываться колонисты, требованія, сопряженныя съ подобными затрудненіями, только изрѣдка могли быть предъявляемы административною властью. Деньги—другое дѣло. Пять копѣекъ надбавки съ души ровно ничего не значитъ. Съ одной стороны незамѣтно, съ другой—весьма ощутительно. Нашъ ех-учитель Талмуда, во имя выставленнаго принципа, отстаивалъ натуральныя повинности и рѣшился не отступать въ этомъ вопросѣ. Онъ считалъ себя неуязвимымъ не только со стороны закона, но и обычая. Обычаемъ установлены были поборы, но они установлены были въ извѣстной, опредѣленной, а не въ произвольной формѣ. И онъ, признавая эти поборы въ одной формѣ, не признавалъ ихъ въ другой. Его протестъ стоялъ на легально-обычной почвѣ, но онъ не сообразилъ, что эта почва вовсе не такъ крѣпка, какъ ему казалось, онъ не сообразилъ, что почва эта во всякое мгновеніе могло превратиться въ пропасть, разступиться и поглотить того, кто искалъ въ ней опоры и поддержки. Нашъ ех-учитель Талмуда успѣлъ, хотя и слишкомъ поздно, убѣдиться въ этомъ. Какъ то разъ кѣмъ-то изъ весьма маленькихъ усмотрѣно было непослушаніе, дерзость со стороны ех-учителя. Онъ высказалъ ему свое задушевное убѣжденіе о невозможности перелагать натуральныя повинности на денежныя. «Сыру и масла сколько вашей милости угодно, а денегъ не имѣемъ. Нѣтъ у насъ такой фабрики!» Его заковали въ колодки и повели въ уѣздный городъ. Водили цѣлую недѣлю, а въ уѣздномъ городѣ отпустили. И прогулка подѣйствовала на него весьма убѣдительнымъ и отрезвляющимъ образомъ. Онъ не рѣшался больше протестовать и высказывать громогласно свои убѣжденія.....

X.

Перехожу отъ частнаго къ общему, отъ жизни отдѣльныхъ семействъ къ жизни всей колоніи. На порогѣ вступленія въ земледѣльческое состояніе, каждаго колониста встрѣчало исключеніе и перечисленіе. Оно обходилось не безъ затрудненій и не безъ расходовъ: на поѣздки въ уѣздный городъ, въ губернскій, на плату, за труды чиновниковъ. «Вы получаете льготу», говаривали земледѣльцамъ чиновники. «И какія льготы, шутка сказать!»

Еще за два мѣсяца до рекрутскаго набора и въ первые же годы переселенія, когда необходима была усиленная дѣятельность по устройству хозяйства, начинались хлопоты по составленію присяжнаго розысканія. Собрать окольныхъ крестьянъ, пригласить чиновное лице, отобрать свѣдѣнія, подтвердить ихъ присягою, записать, скрѣпить и, наконецъ, снарядить старосту къ становому приставу и въ земскій судъ съ приличною данью. Вѣдь они, такимъ образомъ, получали возможность пользоваться льготами! И вдругъ, при наступленіи набора присяжное розысканіе не формально, а слѣдовательно и недѣйствительно! Послѣдствія недѣйствительности уже извѣстны читателю. Пресловутыхъ льготъ какъ не бывало. Ко времени набора въ колонію со всѣхъ сторонъ сыпались сборщики и, подкрѣпляемые властью, устраивали облавы и обыски и отбирали своихъ рекрутъ. Острогское общество брало своего, Дубенское — своего, Луцкое — своего и т. д. Не успѣвали въ этотъ годъ, брали въ другой. За вырываемыми жертвами въ путь-дорогу снаряжались другіе члены семейства, для ходатайства объ освобожденіи забранныхъ. У болѣе безотвѣтныхъ семействъ забирали по два, и даже по три человѣка. Будь эта колонія городскою общиною, она во сто лѣтъ не доставила бы столько рекрутъ, сколько въ ней забрали въ теченіи десяти. Но опытъ—вещь важная. Онъ научаетъ избѣгать неизбѣжное, предотвращать непредотвратимое. Земледѣльческое общество научилось снаряжать особыхъ депутатовъ, задачею которыхъ было провести присяжное розысканіе чрезъ всѣ инстанціи и довести своевременно до свѣдѣнія казенной палаты. Тогда начали вспоминать другіе грѣшки, водившіеся за нѣкоторыми колонистами, въ родѣ того, что еще не было

утверждено перечисленіе кого-нибудь изъ нихъ въ новое званіе. Но такіе грѣхи водились за немногими. Надо было придумать нѣчто болѣе общее, охватывавшее всю колонію, заставлявшее трепетать всякаго, дававшее возможность устраивать облаву надъ всею колоніею, охотиться за всѣми колонистами. Такая мѣра была придумана. До свѣдѣнія становаго начальства якобы доходило, что въ земледѣльческой колоніи скрываются бѣглые изъ городовъ, уклоняющіеся отъ исполненія рекрутской повинности, родственники семействъ, перешедшихъ въ земледѣльческое состояніе. Становое начальство являлось для очищенія колоніи отъ пришлаго населенія и сдачи ихъ обществамъ по принадлежности. И оно очищало самымъ усерднымъ образомъ. Пришлые находились, хотя бы никто и не приходилъ, бѣглые сдавались въ рекруты, хотя бы бѣглыхъ и не было. На протесты жителей и семействъ, что это колонисты и члены земледѣльческихъ семействъ, не обращалось вниманія. Хватали по указанію сборщиковъ, отводили въ рекрутское присутствіе и сдавали въ солдаты. Свой ли, чужой ли — послѣ разберутъ. Такія облавы производились не въ извѣстное, опредѣленное время. Ее можно было ожидать сегодня, завтра, во всякое время, во всякій часъ. Становое и уѣздное начальства каждый разъ все болѣе и болѣе входили во вкусъ этихъ облавъ. Онѣ доставляли значительные доходы. Откупались, кто чѣмъ могъ. Нежелавшіе и неимѣвшіе чѣмъ откупаться, спасались: кто въ лѣсъ, кто къ окрестнымъ поселянамъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ страсть къ бѣганію все усиливалась. Чуть только бывало колонисты заслышатъ колокольчикъ, давай Богъ ноги. Разбѣгались и прятались до минованія грозы. А въ колокольчикахъ недостатка не было. Сегодня облава, чрезъ нѣсколько дней ревизія земледѣльческаго хозяйства, тамъ, вдругъ, писарь пріѣдетъ такъ себѣ, для поборовъ, чрезъ недѣлю, Богъ вѣсть откуда, прикатитъ чиновникъ. Большинство разбѣгается, остающіеся расплачиваются. Всякій наѣзжающій осматриваетъ, нагружаетъ карманы и уѣзжаетъ. А затѣмъ снова облава на бѣглыхъ и т. д., въ прежнемъ порядкѣ, съ большими или меньшими промежутками времени. Но лавина, катясь внизъ, должна увеличиваться въ объемѣ и хоронить подъ собою большое количество мирныхъ людскихъ обиталищъ, извѣстная система, близясь къ упадку, вытѣсняемая другою, должна

дать сильно почувствовать, должна сдѣлаться ощутительнѣе для безотвѣтной массы, чтобы вызвать въ ней пассивный протестъ — къ активному она неспособна — чтобы заставить ее громко стонать и охать, подавать жалобы и прошенія и все униженно просить облегченія, или же уходить отъ одной неволи въ другую, бѣгать изъ колоній обратно въ города. Система сдѣлалась такою. Энергическій человѣкъ, имя котораго до настоящаго времени съ омерзеніемъ и ужасомъ произносится бывшими колонистами — становой приставъ Михайловскій — собравъ больше 500 человѣкъ окрестныхъ мужиковъ, ко времени одного изъ наборовъ оцѣпилъ въ полночь колонію, а самъ съ отрядомъ солдатъ двинулся на колонію отыскивать бѣглыхъ. Неожиданное нападеніе среди ночной тишины вызвало страшную панику. Жители встрепенулись и бросились бѣжать. Съ какою цѣлью, зачѣмъ нагрянулъ приставъ — никто не разбиралъ. Ясно было, что предпринимается нѣчто скверное, и бросились по проторенным дорожкамъ въ лѣсъ и овраги. Это было то привычное движеніе, къ которому пріучилась колонія для самосохраненія, которое она присвоила себѣ, благодаря облавамъ и наѣздамъ власти. Но цѣпь была замкнута — спастись было некуда. Безъисходное положеніе вызываетъ отчаяніе, отчаяніе вызываетъ сопротивленіе безсознательно, инстинктивно. Завязалась стычка: нѣсколько колонистовъ было ранено, нѣсколько ружей переломано. Храбрость, навязанная обстоятельствами, мужество трусовъ — вещь ненадежная. Въ концѣ-концовъ, нѣсколько десятковъ колонистовъ были закованы въ цѣпи, обуты въ колодки и въ декабрьскую стужу подъ строгимъ конвоемъ отведены въ тюрьму. Ихъ продержали нѣсколько дней, а затѣмъ отпустили, конечно. Но это столкновеніе съ властью весьма сходно было съ борьбою мухи съ паукомъ. Всякое движеніе, всякій признакъ жизни, обнаруживаемый мухою, усложняетъ, уплотняетъ ту паутинную сѣть, которую она думала прорвать. Изъ столкновенія съ становымъ приставомъ развернулась та сѣть, которая называлась слѣдствіемъ и судомъ съ допросами и очными ставками. Становаго удалили. Онъ канулъ въ административную пучину, но скоро вынырнулъ на болѣе видномъ мѣстѣ, гдѣ чувствовалась потребность въ смѣлыхъ и рѣшительныхъ людяхъ. А бѣдныхъ колонистовъ все еще таскали то въ судъ, то въ станъ.

Дѣло разросталось въ объемѣ и—все-таки не кончилось. Кончилось ли оно послѣ когда-нибудь и чѣмъ оно кончилось — одному Богу извѣстно. Но безъ послѣдствій оно не осталось. Мѣстныя власти окончательно убѣдились въ томъ, что отъ колонистовъ, какъ отъ козловъ, ни шерсти, ни молока, а потому доводили до свѣдѣнія болѣе отдаленной власти, что колонисты, пользуясь предоставленными имъ льготами, не занимаются хлѣбопашествомъ; что они носятъ имя колонистовъ только для того, чтобы *пользоваться льготами* (?!). Частыя отлучки большой массы колонистовъ подтверждали эти донесенія. Чиновники, наѣзжавшіе для ревизіи, дѣйствительно находили отцовъ и членовъ многихъ семействъ въ отлучкѣ. Они, какъ уже извѣстно читателю, отбивали пороги присутственныхъ мѣстъ, ходатайствуя объ освобожденіи забранныхъ сыновей и братьевъ, они хлопотали объ утвержденіи якобы льготъ, они таскались по судамъ, они отыскивали себѣ средствъ къ жизни, желая избавиться отъ ада, усѣяннаго благими намѣреніями, отъ омута, окаймленнаго якобы привилегіями. Въ виду этого, высшее начальство измышляло средства къ «усиленію надзора надъ колонистами, чтобы препятствовать частымъ ихъ отлучкамъ», или, какъ говоритъ докторъ правъ Варадиновъ, чтобы «отъучить ихъ отъ бродячей жизни и пріучить ихъ къ общеполезнымъ занятіямъ».

Какая ядовитая насмѣшка кроется въ этихъ словахъ, какая горькая иронія!...

Было и другое послѣдствіе столкновеній администраціи съ колонистами, на которое я уже намекалъ, это — измѣненіе системы управленія колонистами. Частыя и многочисленныя жалобы на притѣсненія общей полиціи вызвали перемѣну въ названіи власти, надзиравшей за колонистами. Они были изъяты изъ вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ и подчинены вѣдомству министерства государственныхъ имуществъ, наравнѣ съ государственными крестьянами и земледѣльцами-евреями, поселившимися на казенныхъ земляхъ. Теперь пошли другіе порядки. Непосредственнымъ начальникомъ колоніи сталъ волостной старшина, вмѣсто становаго пристава, окружной начальникъ, вмѣсто исправника. Было ли новое начальство лучше стараго—трудно разобрать. Трудно также разобрать, съ отвлеченной точки зрѣнія, лучше ли подвергать колонистовъ поборамъ и облавамъ или тѣлеснымъ наказаніямъ. А въ этомъ состояла сущность новыхъ порядковъ. Волостной старшина не затруднялся высѣчь кого бы то ни было за невыбѣленную избу, за неисправность въ хозяйствѣ и т. д. Сѣкли за малѣйшую провинность, сѣкли и стариковъ и женщинъ. Форма начальствованія измѣнилась, сущность осталась неизмѣненною. Эта сущность было крѣпостничество, проявившееся теперь въ самой грубой самой непривлекательной для еврейской натуры формѣ, а этого принципа, въ силу котораго человѣкъ превращается въ скотоподобное существо и съ нимъ обращаются, какъ со скотомъ, не выноситъ еврею, сознающему себя членомъ избраннаго народа... Появленіе розогъ доканало колонію. Тутъ уже бѣгали не урывками, не отдѣльныя лица и не на время только, а вплотную, массами и навсегда. Бѣгали, куда глаза глядятъ. И тамъ не весело было, да всетаки, сравнительно, какъ-то лучше.

XI.

— Такъ что же, по вашему, евреи способны къ земледѣлію? Евреи способны къ тяжелому, физическому труду? спроситъ иной читатель. Послѣднее я утверждаю, перваго не знаю — о немъ судить не берусь. Я изложилъ здѣсь историческій очеркъ одной еврейской земледѣльческой колоніи, основанной силами самихъ евреевъ, по собственному почину, на собственный рискъ и страхъ. Земля была купленная, а не казенная, избы, орудія, скотъ — собственные. У всѣхъ ли были хозяйственныя принадлежности? Нѣтъ. Всѣ ли шли въ земледѣльцы, чтобы быть земледѣльцами? Нѣтъ, многіе желали только воспользоваться льготами. Да не въ нихъ суть и не въ нихъ заключалась сила колоніи. Раньше или позже они, вѣроятно, оставили бы колонію, или, что вѣроятнѣе, пріучились бы къ земледѣлію. Но тамъ вѣдь были люди, пошедшіе на земледѣльческій трудъ сознательно. Куда же они дѣлись, кто виноватъ въ томъ, что они ушли изъ колоніи? Для отвѣта на этотъ вопросъ я привелъ здѣсь факты, факты и факты. Масса такихъ фактовъ похоронена въ архивной пыли, но я считаю себя вправѣ спросить и на основаніи изложенныхъ здѣсь: кто виноватъ? Евреи ли, или... кто-нибудь другой?

М. Кулишеръ.

С.-Петербургъ. Апрѣль, 1873.

ПРЕДСТАВЛЕНІЯ И РЕЗОЛЮЦІИ О КУРЛЯНДСКИХЪ ЕВРЕЯХЪ

ПРИ ПАВЛѢ I.

(Историческая замѣтка).

Полагаемъ, что читателямъ небезъизвѣстна буря, которая была возбуждена недавно грозными мѣрами, принятыми мѣстною властью относительно переселенія евреевъ изъ извѣстныхъ частей города Кіева. Это печальное, для нашего времени даже невѣроятное событіе вызвало въ нашей памяти однородное явленіе, случившееся въ царствованіе императора Павла I. Это именно представленія, сдѣланныя курляндскими властями о мѣстныхъ евреяхъ, представленія, имѣющія совершенно однородный характеръ съ послѣдними распоряженіями мѣстныхъ властей, относительно кіевскихъ евреевъ. Для насъ любопытно будетъ взглянуть, какъ отнеслось тогдашнее правительство къ этимъ представленіямъ.

Но прежде, чѣмъ перейдемъ къ главному предмету настоящей замѣтки, мы считаемъ нелишнимъ вкратцѣ упомянуть о нѣкоторыхъ мѣрахъ, принятыхъ относительно евреевъ русскимъ правительствомъ при Павлѣ I.

29-го декабря 1796 года предписано было взыскать съ евреевъ податей вдвое противъ христіанъ; подобнымъ же образомъ предписывалось взимать съ евреевъ двойной противъ христіанъ процентъ съ наслѣдствъ; предписаніе это основано было на указѣ Екатерины II, отъ 23-го іюня 1794 года [1]). При повтореніи того же распоряженія, въ указѣ отъ 23-го іюня 1797 года, прибавлено, что тѣмъ евреямъ, кои не захотятъ подчиниться подобному распоря-

[1]) См. Полное Собраніе Законовъ №17,594.

женію, дозволяется выселиться изъ имперіи по уплатѣ ими трехгодичной двойной подати [1]).

Каменецъ-Подольскъ былъ одинъ изъ тѣхъ городовъ, которые, въ силу польскихъ привилегій, не допускали у себя евреевъ. Такъ въ 1659 году утверждена была привилегія, данная этому городу еще въ 1598 году, по которой евреи не могли оставаться въ немъ болѣе трехъ дней [2]). Та же самая привиллегія была подтверждена и въ 1670 году, при чемъ и подтверждено, чтобы евреи не жили ближе трехъ милей отъ города [3]). Основываясь вѣроятно на подобныхъ устарѣлыхъ пергаминахъ, Каменецъ-Подольскій магистратъ домогался высылки изъ этого города евреевъ, но указомъ отъ 8-го сентября 1797 года предписано было: «Евреевъ изъ Каменецъ-Подольска не выслать, а оставить ихъ на томъ основаніи, какъ они въ другихъ городахъ свободное пребываніе имѣютъ [4])».

Въ указѣ отъ 1-го декабря 1799 года мы читаемъ, что въ Кіевѣ, откуда въ наши дни такъ настойчиво выселяютъ евреевъ, находилось тогда сихъ послѣднихъ 94 человѣка, а мѣщанъ—христіанъ 4,490 человѣкъ. Только замѣчено, что въ то время, какъ христіане, въ *силу своихъ привилегій*, освобождались отъ рекрутскихъ складочныхъ денегъ, евреи обязаны были уплатить эту повинность [5]).

Изъ приведенныхъ законовъ уже видно, что тогдашнее правительство относилось къ евреямъ, хотя и не вполнѣ такъ, какъ это было бы желательно, но, во всякомъ случаѣ, гораздо гуманнѣе послѣднихъ кіевскихъ распоряженій. Теперь перейдемъ къ главному предмету статьи — къ курляндскимъ евреямъ.

Евреи искони являлись опасными соперниками нѣмецкихъ купцовъ и ремесленниковъ, и потому вездѣ, гдѣ господствовало магдебургское право, тамъ евреямъ не давали особеннаго хода. Каково же должно было быть ихъ положеніе въ Курляндіи — въ этой

[1]) Ibid., № 18,015 [2]) Volum. Leg., томъ IV, 200. [3]) Ibid. V, 36.
[4]) П. С. З., №18,132.
[5]) Ibid №№ 18,336 и 19,213. См. также № 17,605, гдѣ, указомъ 3-го декабря 1796 г. разрѣшено было евреямъ Могилевской губ. переходить въ Новгородъ-Сѣверскую губернію и обратно на общемъ основаніи „Городоваго Положенія“.

феодальнѣйшей изъ феодальныхъ странъ! И дѣйствительно, мы видимъ, что Остзейскій Край всячески ограждалъ себя отъ поселенія у себя евреевъ. Такъ въ 1561 году, когда Инфляндскія земли были присоединены къ Польшѣ, польскіе и литовскіе евреи не получили права торговли въ этихъ земляхъ [1]). При присоединеніи этихъ же земель къ Россіи Петромъ-Великимъ не было, правда, упомянуто о евреяхъ, такъ какъ сихъ послѣднихъ мало жило въ самой Россіи; но при Аннѣ Іоанновнѣ депутаты Лифляндскаго шляхетства жаловались сенату, что люди чужестранные, и особенно евреи изъ Польши, Литвы и другихъ мѣстъ, пріѣзжаютъ въ Лифляндію и привозятъ съ собою горячее вино и продаютъ въ городахъ и уѣздахъ. Вслѣдствіе этого воспрещено было ввозить въ Лифляндію иностранное вино, кромѣ французскаго [2]). Но при всемъ томъ въ Курляндіи, какъ увидимъ, жило съ самихъ давнихъ временъ, хотя и въ безправномъ состояніи, значительное число евреевъ, за исключеніемъ Газенпота, гдѣ они пользовались правомъ гражданства. При Екатеринѣ II Литовскіе евреи ходатайствовали у правительства о дозволеніи имъ записываться въ гильдейское купечество въ посадѣ Шлокѣ, на что̀ и воспослѣдовало Высочайшее разрѣшеніе [3]). Въ самомъ городѣ Ригѣ евреямъ отведенъ былъ для жительства одинъ только особый постоялый дворъ, на что̀ евреи жаловались, «что, по случаю большаго количества наѣзжающихъ въ Ригу евреевъ для торговли и помѣщаемыхъ въ одномъ домѣ, бываетъ иногда такая тѣснота, что отъ того и жизнь подвергается великой опасности», вслѣдствіе чего они ходатайствовали объ отмѣненіи этого закона, стѣснявшаго ихъ въ одномъ домѣ. И хотя въ главной просьбѣ имъ было отказано, но предписано было, чтобы, въ случаѣ наплыва многихъ евреевъ, назначено было и нѣсколько другихъ домовъ для ихъ помѣщенія [4]).

Въ 1797 году, Высочайше повелѣно было въ Курляндіи производить рекрутскій наборъ, при исполненіи котораго повелѣнія, Курляндскій гражданскій губернаторъ доносилъ сенату [5]), что въ Курляндіи находится не малое число евреевъ, кои, хотя по временному тамъ жительству, въ ревизскихъ сказкахъ показаны, но часто переселяются изъ одного мѣста въ другое и изъ той губерніи переходятъ въ иныя. «Въ натурѣ—пишетъ губернаторъ—евреи рекрутъ не ставятъ, а въ собираніи съ нихъ рекрутскихъ денегъ происходитъ великое затрудненіе, такъ какъ большая ихъ часть, за исключеніемъ записанныхъ въ купечество, не имѣетъ ни опредѣленнаго мѣстопребыванія, ни недвижимаго имущества. А какъ по сему случаю за нихъ никто не отвѣчаетъ, *закрѣплять же ихъ ни за кѣмъ не велѣно*, да и перехода запретить, какъ по мѣстному положенію, такъ и по пронырству и по привычкѣ къ оному сего народа, никакъ невозможно, то онъ, губернаторъ, не видя никакихъ средствъ набрать съ нихъ рекрутъ въ натурѣ или деньгами, испрашиваетъ объ нихъ разрѣшенія сената».

Сенатъ тогда потребовалъ отъ Курляндскаго губернскаго правленія свѣдѣнія: 1) въ какой родъ людей записаны тамошніе евреи; 2) сколько ихъ и каковыми по роду званія обложено податьми; 3) на какомъ основаніи имѣютъ тамъ пребываніе? и, сверхъ того, предписалъ прислать имѣющіяся объ нихъ въ Курляндіи узаконенія, а рекрутскія деньги взыскать непремѣнно.

Курляндское губернское правленіе, вслѣдствіе подобнаго предписанія сената, приводя всѣ древнія о евреяхъ въ Курляндіи постановленія, доносило, что «они тамъ никогда не были терпимы законнымъ образомъ, кромѣ находящихся въ Пильтенскомъ округѣ, въ городѣ Газенпотѣ, гдѣ они съ давнихъ временъ пользовались правомъ гражданства, — но внѣ этого округа считались всегда за *вкравшихся, каковыми ихъ и теперь почесть можно*, такъ какъ прежніе о нихъ законы никакими новыми указами не были отмѣнены, посему и ни въ какой родъ жизни записаны быть не могутъ. При переписи показано ихъ 4,581 душа мужскаго пола, но они всѣ вообще, за исключеніемъ немногихъ, живущихъ въ Митавѣ, весьма бѣдны и не составляютъ между собою никакого общества. Большая же ихъ часть, не имѣя постояннаго жилища, переходитъ изъ мѣста въ мѣсто, изъ губерніи въ губернію. О взысканіи съ нихъ податей, кромѣ повелѣнныхъ рекрутскихъ денегъ, никакихъ указовъ нѣтъ, а потому съ нихъ, исключая записанныхъ въ Газенпотѣ въ гильдіи, ничего не взыскивалось, притомъ не предви-

[1]) См. Морачевскаго „Dzieie Rzecypospolitey Polskiey", томъ IV, 231.
[2]) П. С. З. № 5,712. [3]) П. С. З., № 16,146. [4]) Ibid., № 16,761;
[5]) Источникомъ всего дальнѣйшаго разсказа служитъ указъ отъ 14-го марта 1799 г.; см. П. С. З., № 18,889.

дится никакого способа, какъ поступать во взысканіи съ нихъ, когда нѣтъ ни одного общества, которое бы за нихъ отвѣтствовать могло, а потому и испрашиваетъ у сената объ этомъ предписанія».

Курляндское губернское правленіе представляло, такимъ образомъ, своихъ евреевъ бродягами и охотно освободилось бы отъ нихъ, просто-на-просто выславъ ихъ изъ Курляндіи. Но посмотримъ, что отвѣтилъ на это сенатъ при Павлѣ I.

Сенатъ *замѣтилъ* Курляндскому губернскому правленію, что хотя евреи, по словамъ правленія, никогда законнымъ образомъ въ Курляндіи терпимы не были, но поелику они всегда тамъ оставались и болѣе 200 лѣтъ пребываніе имѣютъ, то и *неможно* почитать ихъ *вкравшимися*, и тѣмъ менѣе лишать ихъ столь древняго жилища, когда и въ другихъ нѣкоторыхъ Россійскихъ губерніяхъ евреямъ пребыванія не запрещается. А посему и предписываетъ губернскому правленію, чтобы оно, сообразясь съ мѣстными обстоятельствами и законами, представило свое мнѣніе, на какомъ основаніи оставить ихъ въ Курляндіи, какъ для общей, такъ и для ихъ собственной пользы, въ какой родъ жизни ихъ записывать и какія взять мѣры ко взысканію съ нихъ государственныхъ и прочихъ повинностей. При этомъ сенатъ предписывалъ донести: получались ли съ евреевъ Курляндіи, со времени поступленія послѣдней подъ Россійскую державу, въ казну подати, сколько именно и какимъ образомъ?

На подобное предписаніе сената воспослѣдовало донесеніе Курляндскаго губернскаго правленія, состоящеее въ слѣдующемъ: что хотя число евреевъ въ Курляндской губерніи, по исчисленію 1797 года, простиралось до 4,581 души мужскаго пола, изъ коихъ 896 записаны были по городу Газенпоту, а остальные 3,685 разсѣяны по мызамъ,— «но при взысканіи съ нихъ рекрутскихъ денегъ это число оказалось невѣрнымъ, потому что изъ городовъ удалилось болѣе ста душъ, а изъ мызъ очень много, и сіе обстоятельство подтверждаетъ, что оный народъ не имѣетъ тамъ постояннаго жительства, и должно думать, что въ числѣ сихъ евреевъ большая часть пришельцы изъ другихъ мѣстъ. По природному ихъ отвращенію къ трудамъ, они живутъ весьма бѣдно и *почти дневной пищи не имѣютъ*, и потому (!) большая часть живущихъ

въ городахъ питаются мелочною торговлею, продажею старыхъ вещей и непозволительнымъ маклерствомъ, а находящіеся по мызамъ занимаются винокуреніемъ, содержатъ корчмы и весьма немногіе упражняются въ ремеслахъ, а къ труднымъ работамъ и къ хлѣбопашеству никакой склонности не имѣютъ. Торгующіе же мелочными товарами, съ коими бываютъ на ярмаркахъ, дѣлаютъ великій подрывъ (въ этомъ-то вся суть и есть!), чего отвратить никакъ нельзя, поелику онѣ безпрестанно перемѣняютъ свое жилище. Взысканіе съ нихъ казенныхъ податей весьма затруднительно, что доказываетъ сборъ рекрутскихъ денегъ, кои взысканы однакоже не съ евреевъ, а по большей части съ городовъ и помѣщиковъ, у коихъ оказались они при переписи. Помѣщики — продолжаетъ губернское правленіе — жаловались, правда, на подобное съ нихъ взысканіе податей за евреевъ, но оно того не уважило. Поэтому оно испрашиваетъ повелѣнія, должно ли оставить взысканныя деньги въ казнѣ, или возвратить, и чинить ли впредь взысканіе съ оказавшагося нынѣ несправедливаго, противъ переписи, числа евреевъ, къ чему оно не находитъ никакихъ средствъ и не имѣетъ законовъ, повелѣвающихъ принуждать помѣщиковъ къ платежу за нихъ податей отъ ревизіи до ревизіи, ибо *сіи послѣдніе* (т. е. помѣщики) *не имѣютъ надъ евреями никакого права*». Курляндское губернское правленіе, описавъ, такимъ образомъ, самыми черными красками евреевъ и усиливаясь всячески оправдать свое мнѣніе, что ихъ считать должно за вкравшихся, не прочь было закрѣпостить евреевъ за курляндскими помѣщиками. Но посмотримъ, какія мѣры оно предлагало къ устроенію быта евреевъ въ Курляндіи. «Другаго — продолжаетъ губернское правленіе — плана не имѣетъ оно, какъ всѣхъ въ Курляндіи и Пильтенскомъ округѣ живущихъ евреевъ, имѣющихъ недвижимое имущество, соединить въ общество, съ тѣмъ, чтобы они обязались *другъ за друга* платить ежегодныя подати и чтобы избранные между ними старшины одни могли рѣшать, кто нынѣ и впредь достоинъ быть въ семъ обществѣ, всѣхъ таковыхъ приписать къ городу Газенпоту, гдѣ пользуются они правомъ гражданства, а *въ другихъ городахъ запретить имъ всякое гражданское ремесло*; вышедшимъ же изъ другихъ мѣстъ въ Курляндскую губернію евреямъ велѣть возвратиться на прежнія ихъ жилища, кромѣ тѣхъ, кои представятъ

денежное поручительство объ исправномъ платежѣ до будущей ревизіи податей. Что же касается до получавшихся съ нихъ въ казну денегъ, то со времени открытія губерніи взыскано съ записанныхъ въ купечество въ Газенпотѣ и Якобштадтѣ 10,094 р. 50 к., а рекрутскихъ денегъ какъ съ самихъ евреевъ, такъ съ городовъ и помѣщиковъ — 13,743 р.»

Курляндское губернское правленіе измышляло, такимъ образомъ, планъ, пахнувшій и польскимъ порабощеніемъ евреевъ кагалу и намѣреніемъ лишить ихъ и послѣднихъ средствъ къ жизни, скучивъ ихъ всѣхъ въ одномъ городѣ Газенпотѣ и запретивъ имъ во всѣхъ прочихъ городахъ занятіе всякимъ гражданскимъ ремесломъ. Посмотримъ, что̀ говорили тогда сами Курляндскіе евреи?

Въ то время, когда это дѣло разсматривалось въ сенатѣ, въ экспедицію государственнаго хозяйства поступило прошеніе Курляндскихъ евреевъ, вслѣдствіе чего сенатъ препроводилъ всѣ относящіяся къ сему предмету бумаги въ сказанную экспедицію. Въ упомянутомъ прошеніи Курляндскіе евреи, жалуясь на притѣсненія въ недопущеніи записываться въ гильдіи, несмотря на то, что они платили подати всегда исправно, ходатайствуютъ между прочимъ:

1) Чтобы позволено было имъ въ каждомъ гауптманствѣ учредить оберъ-кагалъ, а въ каждомъ городѣ—кагалъ, которые подчинены будутъ первому.

2) Сіи кагалы обязаны будутъ смотрѣть за порядкомъ, разбирать маловажныя ссоры, взыскивать казенныя подати и отвѣтствовать за немедленный платежъ оныхъ.

3) Они должны созвать всѣхъ евреевъ и отобрать желаніе каждаго, къ какому званію кто себя опредѣляетъ.

4) Евреямъ, записавшимся въ гильдіи, пользоваться всѣми правами, по силѣ Высочайшаго о гильдіяхъ положенія.

5) Мастеровымъ отправлять свою работу спокойно, а живущимъ въ городахъ *состоять подъ магистратомъ*; *поселившимся же въ деревняхъ — подъ гауптманскимъ судомъ*.

6) Однимъ только записавшимся въ гильдіи евреямъ позволить разсылать товары по деревнямъ по полученіи ими паспортовъ отъ магистратовъ; прочимъ же разъѣзды по селеніямъ воспретить.

7) *Земледѣльцамъ* дать за годовую плату землю, нужный лѣсъ, на постройку дома и сельскихъ строеній и *ни за кѣмъ ихъ не закрѣплять*.

8) Однимъ только евреямъ предоставить маклерство въ Курляндскихъ городахъ, съ тѣмъ, чтобы кагалъ желающихъ вступить въ сіе званіе представлялъ для утвержденія магистратамъ.

9) Если много семей похотятъ быть въ одномъ городѣ, то магистрату приказать разсылать ихъ по другимъ городамъ и деревнямъ.

10) Отправлять имъ свободно свое богослуженіе и законные обряды, какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ; имѣть кладбища и бойни.

11) Отвесть мѣста для построенія синагогъ, ибо они для оныхъ нанимаютъ донынѣ дома.

12) За неимѣніемъ своихъ школъ, позволить отдать дѣтей въ нѣмецкія, а если которые молодые люди окажутся съ хорошими дарованіями, то позволить посылать ихъ въ иностранныя академіи.

Сто̀итъ только сопоставить просимыя самими Курляндскими евреями реформы съ упомянутымъ планомъ Курляндскаго губернскаго правленія, чтобы убѣдиться, что послѣднее имѣло только въ виду унизить и разорить, хоть бы въ ущербъ и самому краю и казнѣ, евреевъ, между тѣмъ, какъ сами евреи стремились нетолько къ улучшенію быта своего, но и къ сліянію своему съ господствующимъ народонаселеніемъ. Губернское правленіе требуетъ приписки всѣхъ евреевъ къ *одному* городу, образованія изъ нихъ всѣхъ *одного* общества съ подчиненіемъ ихъ *одному* кагалу, которому присвоиваетъ опасное право принять или не принять въ общество еврея, требуетъ, чтобы въ другихъ городахъ запрещалось имъ всякое гражданское ремесло, не думаетъ объ ихъ образованіи. Результатомъ подобныхъ мѣръ было бы неминуемо совершенное отдѣленіе евреевъ отъ христіанскаго общества и окончательное ихъ разореніе матеріально, умственно и нравственно. Сами же евреи требуютъ разсѣянія ихъ по *всѣмъ* городамъ *малыми* группами, подчиненія магистратамъ и гауптманствамъ, права заниматься земледѣліемъ, свободы заниматься ремеслами и, наконецъ, требуетъ — образованія! Подобныя мѣры имѣли бы неминуемымъ слѣдствіемъ сліяніе евреевъ съ христіанскимъ народонаселеніемъ

и поднятіе ихъ въ матеріальномъ, умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, на ихъ собственную пользу и на пользу общества и государства. Правительство имѣло предъ собою, такимъ образомъ, два противоположные взгляда на рѣшеніе возникшаго о Курляндскихъ евреяхъ вопроса; посмотримъ, какъ оно ими воспользовалось.

Экспедиція государственнаго хозяйства, соображая всѣ вышеприведенныя обстоятельства съ существующими узаконеніями и находя, что въ Высочайшемъ именномъ указѣ 1794 года хотя и росписаны тѣ губерніи, въ коихъ евреямъ жительство дозволяется (т. е., что въ этомъ указѣ не исчисляется, между прочимъ, и Курляндская губернія), но какъ этотъ указъ состоялся еще до присоединенія къ Россіи Курляндскаго герцогства, въ узаконеніяхъ же прежнихъ владѣтелей этого края ничего о нихъ постановлено не было, исключая даннаго гражданства въ городѣ Газенпотѣ, то во уваженіе долговременнаго и болѣе 200 лѣтъ продолжавшагося тамъ ихъ жительства и во избѣжаніе притѣсненія, могущаго произойти отъ изгнанія евреевъ изъ толь древнихъ ихъ жилищъ, положила мнѣніемъ, что евреямъ жительство въ Курляндской губерніи дозволить можно. Но дабы поселеніе ихъ въ той странѣ обратилось въ пользу казны и общества, то, по примѣру тѣхъ губерній, въ коихъ терпимость ихъ узаконена, постановлено было бы: 1) позволить имъ отправлять мѣщанскіе и купеческіе промыслы на основаніи «Городоваго Положенія», записываясь по городамъ въ мѣщанство и купечество; 2) съ желающихъ пользоваться такимъ дозволеніемъ, по содержанію указа 1794 года, собирать подати *вдвое* противъ положенныхъ съ христіанскихъ купцовъ и мѣщанъ; тѣмъ же, которые не захотятъ остаться, дать свободу, по уплатѣ трехлѣтней двойной подати, выѣхать изъ Имперіи, а которые изъ нихъ, по личному изслѣдованію, не въ состояніи заплатить трехлѣтней подати, таковыхъ выслать за границу *и безъ онаго платежа*; 3) живущимъ въ мѣстечкахъ и селеніяхъ велѣть непремѣнно явиться въ города и, объявя свои промыслы, записываться въ общества; 4) по такой запискѣ городовой магистратъ, ратуша, или другой городской судъ, по взятіи съ нихъ напередъ за годъ законныхъ податей, имѣютъ право, для свободнаго пребыванія и упражненія въ промыслахъ и работахъ, давать имъ годовые паспорты, безъ коихъ они нигдѣ терпимы быть не могутъ; 5) предписать земской полиціи о строжайшемъ наблюденіи, дабы всѣ безпаспортные были выписываемы и представляемы къ суду; 6) сдѣлать по губерніи повсемѣстное подтвержденіе, дабы какъ помѣщики, такъ и крестьяне и всѣ вообще жители ни одного еврея безъ письменнаго вида не держали, подъ страхомъ строжайшаго взысканія; 7) въ разсужденіе выбора въ гражданскія должности, соображаться съ узаконеніями, *не разбирая ни рода, ни закона*; 8) позволить имъ въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ учредить кагалы, которые не должны касаться ничего иного, кромѣ обрядовъ ихъ закона и богослуженія; въ дѣлахъ же судныхъ и относящихся до расправы, вѣдаться имъ въ магистратахъ, ратушахъ и другихъ, по принадлежности, судахъ; 9) позволить строить синагоги, предоставя имъ свободу надобныя подъ оныя мѣста покупать собственнымъ своимъ иждивеніемъ, имѣть кладбища и бойни; 10) въ снисхожденіе на ихъ просьбу запретить ихъ закрѣплять за кѣмъ-либо, а потому взысканіе за нихъ рекрутскихъ денегъ съ помѣщиковъ и у коихъ они при переписи оказались, остановить; ибо всѣ тѣ евреи, кои пожелаютъ остаться въ Курляндской губерніи и платить двойныя подати на упомянутомъ основаніи, будутъ состоять подъ вѣдомствомъ магистрата и другихъ обществъ, кои за нихъ отвѣчать должны». Такова была резолюція экспедиціи государственнаго хозяйства, утвержденное императоромъ Павломъ I.

Эта резолюція, разумѣется, оставляетъ еще желать очень многаго, и нельзя сказать, чтобы она отличалась гуманизмомъ и справедливостью, которыя мы вправѣ требовать отъ мудраго и безпристрастнаго законодательства, въ особенности, если вспомнить о двойныхъ съ евреевъ податяхъ и о томъ, что впослѣдствіи, по ходатайству Курляндскаго губернатора, недовольнаго, вѣроятно, исходомъ завязавшагося о Курляндскихъ евреяхъ дѣла, воспослѣдовало новое повелѣніе, въ силу котораго евреи, не бывшіе въ состояніи заплатить трехгодичной двойной подати, не высылались бы, согласно прежнему указу, за границу и безъ взноса этихъ денегъ, но отправлялись бы въ рудокопные казенные заводы [1]). Бѣдность наказывалась каторгою! Таковъ уже былъ духъ

[1]) П. С. З., № 19,409.

тогдашняго времени! Но даже и въ эту эпоху правительство не нашло возможнымъ выслать ни въ чемъ неповинныхъ людей изъ ихъ жилищъ, изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они находились долгое время и гдѣ они снискивали себѣ свое пропитаніе. Оно не нашло возможнымъ лишить цѣлую массу людей ихъ роднаго крова и послѣднихъ средствъ къ жизни, на основаніи какихъ то устарѣлыхъ и безсмысленныхъ привилегій, которыми хотѣло воспользоваться феодальное юнкерство и жадное мѣщанство. Вышеприведенному указу 14-го марта 1799 года далеко, конечно, до того, чтобы онъ могъ быть названъ продуктомъ *права* въ истинномъ смыслѣ этого слова. Но, все-таки онъ разстроилъ козни курляндскихъ феодаловъ и шписбюргеровъ и, если хотите, содѣйствовалъ тому, что евреи, вслѣдствіе ихъ разсѣянія по разнымъ мѣстамъ, а не скученія, какъ того требовала Курляндская администрація, приняли языкъ и нравы кореннаго населенія. Курляндская тогдашняя администрація клеймила курляндскихъ евреевъ *людьми вкравшимися*, ненавидящими всякій трудъ и неспособными принести пользу обществу и государству. Но правительство признало за ними право коренныхъ жителей края — и они сдѣлались таковыми.

Но что нашли невозможнымъ три четверти столѣтія тому назадъ, то находятъ возможнымъ теперь. Въ теченіе одного мѣсяца слишкомъ 3000 человѣкъ евреевъ выселено изъ Кіева, и изъ нихъ значительная часть по *этапу!* Въ наше время нашли возможнымъ откопать законы, основанные не на чемъ иномъ, какъ на такихъ средневѣковыхъ (польскихъ и малороссійскихъ) привилегіяхъ, существованіе коихъ признано было невозможнымъ уже при Павлѣ I. И при помощи ихъ — раззорили въ конецъ, оторвали отъ родного крова слишкомъ 3000 ни въ чемъ неповинныхъ людей.... Трудно придумать подходящія и удобныя выраженія для охарактеризированія этого факта. Но во всякомъ случаѣ одно можно сказать: фактъ этотъ для нашего времени — весьма поучителенъ...

З. Миноръ.

Москва. Май, 1873 г.

Дочь Іефѳая.

(Изъ Альфреда де-Виньи).

И вошло въ обычай:
Что ежегодно дочери израилевы ходили оплакивать дочь Іефая Галаадскаго четыре дня въ году.

Кн. Судей, гл. XI, ст. 40.

Вотъ о чемъ когда-то пѣли съ плачемъ дочери Сіона,
И текли изъ глазъ ихъ слезы на холмы Іерихона:

— «Въ прахъ три горсда разрушилъ Іефѳай изъ Галаада.
Авель! въ пламени погибла всѣхъ садовъ твоихъ прохлада;
Ты, Ароэръ, стихъ безмолвно подъ обломками развалинъ,
И Менифъ подъ хладнымъ пепломъ смотритъ мертвенно-печаленъ.

Сгибли силы Аммонитянъ, и весь край ихъ раззоренный
Платитъ дань богоизбраннымъ, Іефѳаемъ покоренный.
Торжествуетъ станъ еврейскій, общимъ кликомъ выражая,
Что позналъ онъ надъ собою въ битвахъ помощь Адоная.

Общій гимнъ слился съ побѣднымъ звукомъ трубъ въ еврейскомъ станѣ,
И, придя къ стѣнамъ Массифы, разглашать Израильтяне
О побѣдахъ совершенныхъ стали вѣсть. Народъ ликуетъ;
Всѣ сердца живая радость одинаково волнуетъ.

Только мрачный побѣдитель, опустивъ чело угрюмо,
Вкругъ себя какъ бы не слышетъ криковъ радости и шума;

Одинокій, молчаливый, онъ одинъ не веселился
И, закрывъ глаза, недвижно вдругъ въ пути остановился.

Потому закрылъ глаза онъ, что увидѣлъ предъ собою
Юныхъ дѣвъ. Израильтянки шли встрѣчать его гурбою,
Величаво и спокойно гимнъ священный распѣвая.
Потому-то и закрылъ онъ очи, страха не скрывая.

Онъ, прислушиваясь, ловитъ звуки музыки: тимпаны
Въ честь его гремятъ, грохочутъ звонкой трелью барабаны;
Звукамъ лиръ десятиструнныхъ вторитъ цитры звонъ прекрасный,
Вмѣстѣ съ флейтой серебристой, вмѣстѣ съ арфой сладкогласной.

Хоръ гремитъ среди молчанья, полный нѣжности и ласки,
И подходитъ хоръ евреекъ въ оживленной, быстрой пляскѣ,
И зелеными вѣтвями посреди рукоплесканья
Плавно машетъ, разливая вкругъ себя благоуханья.

И колѣни Іефѳая задрожали и согнулись,
А на дрогнувшихъ рѣсницахъ быстро слезы навернулись,
И въ груди отца мгновенно сердце замерло отъ горя:
Голосъ дочери любимой различилъ онъ въ общемъ хорѣ:

«Стойте, дочери Сіона! Стойте! Васъ предупреждая,
«Прежде всѣхъ вѣнкомъ украсить эту голову должна я:
«Онъ — отецъ мой! И была я, незнакомая съ напастью,
«Самой дочью счастливой подъ его отцовской властью».

И руками обвивая нѣжно шею Іефѳая,
Дѣтски-ласково шептала такъ еврейка молодая:
«Обними меня, родитель! Отчего же ты рыдаешь
«И очей своихъ склоненныхъ на меня не поднимаешь?

«Развѣ ладонъ не курила я въ часъ жертвоприношенья?
«Я сама тельца заклала, жгла душистыя куренья.
«Почему жъ ты такъ печаленъ? Самъ Господь былъ надъ тобою
«И сдавались въ униженьи города тебѣ безъ бою...»

Вѣжды красныя отъ плача сквозь рыданья поднимая:
— «Дочь моя!» отецъ воскликнулъ, — «ты-ли это, дорогая?
«Неужель тебя я вижу? Могъ-ли думать я, несчастный,
«Что меня заставятъ плакать ласки дочери прекрасной?

«Безпощадный Іегова! Пожелалъ ты, какъ богъ мщенья,
«Чтобъ цѣной невинной крови искупилъ я преступленье;
«Ты внушилъ обѣтъ мнѣ страшный... Будетъ жертвы кровь дымиться...
«Дочь моя! И этой жертвой ты одна должна явиться!...»

— «Я?» въ слезахъ она сказала: Въ цвѣтѣ юности и силы
Ей-ли съ жизнью разставаться и сходить во тьму могилы?
И воскликнула еврейка: «Если жертва неизбѣжна,
«Жизнь мою, бери отецъ мой! Объ одномъ молю я нѣжно:

«Чтобъ съ подругами своими лишь два мѣсяца могла я
«По горамъ блуждать высокимъ, на свободѣ вспоминая
«Все, когда-то дорогое, все когда-то прожитое,
«И оплакивая юность и все дѣтство золотое.

«Никогда надъ милымъ сыномъ по обряду очищенья
«Наклонясь къ водѣ священной не свершу я омовенья;
«Твоего благословенья никогда онъ не узнаетъ,
«Не услышетъ, какъ родная мать поетъ или рыдаетъ.

«Я умру, и ненайдется въ мірѣ дѣвушки единой,
«Чтобъ спросить: кто былъ ей мужемъ? И, смущенъ моей кончиной,
«Въ трауръ воинъ ни единый не захочетъ облекаться;
«Только ты, отецъ, поплачешь надо мною, можетъ статься».

Рѣчь ея едва затихла, какъ все войско ницъ упало
И, главу посыпавъ прахомъ, слезы на землю роняло,
Іефѳай же плачь свой горкій подъ плащемъ своимъ скрывая,
Ей сказалъ: «Иди!» напрасно скорбь и стоны подавляя.

И ушла она, склонившись. И съ участіемъ горячимъ
Съ нею плакали подруги, какъ теперь и мы всѣ плачемъ.
А за тѣмъ она вернулась и познала смерти лоно...»
Вотъ о чемъ когда-то пѣли съ плачемъ дочери Сіона.

Д. М.

ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ И ЗАМѢТКИ.

I.

Любовь къ комфорту и послѣдствія этой любви. — Рѣшаюсь слѣдовать примѣру нѣмцевъ.—Въ вагонѣ третьяго класса.—Словесная перестрѣлка между ясневельможнымъ паномъ и молящимся евреемъ. — Арійцы и семиты. — Въ чемъ состоитъ типичность физіономій послѣднихъ.—Причина юркости и сообщительности евреевъ.—Коммерческія сдѣлки въ вагонѣ.—Удивленіе гостинноворца этимъ сдѣлкамъ. — Отзывъ ясневельможныхъ пановъ о еврейской честности.—Моя особа, какъ предметъ нескончаемыхъ вопросовъ.—

Одержимый нѣкоторой слабостью къ комфорту, я въ своихъ поѣздкахъ всегда предпочиталъ брать билеты во второй классъ. Но за эту слабость я всегда поплачивался не только лишними рублями, которыхъ у меня не Богъ вѣсть сколько, но и скукою, которой опасаюсь пуще всего. Дѣло въ томъ, что пассажиры второго класса — народъ по большей части приличный, сдержанный, этикетный, тугій на знакомство и не любящій стѣснять кого нибудь разговоромъ, такъ что проѣдешь иногда десятки верстъ, не сказавъ и не услышавъ ни одного слова, что немножко непріятно для человѣка, неположившаго на себя обѣта молчанія. За границей же никому не совѣтую сѣсть въ вагонъ второго класса, потому что зачастую рискуешь пропутешествовать всю дорогу въ обществѣ своей единственной особы, что тоже не особенно пріятно.

Разъ я отъ Кёнигсберга до Берлина провелъ, безъ малѣйшей

вины, 18 часовъ въ одиночномъ заключеніи, такъ какъ нѣмцы, какъ извѣстно, народъ разсчетливый и тратить лишній талеръ на второй классъ, когда есть возможность передвигаться съ мѣста на мѣсто въ третьемъ классѣ, считаютъ роскошью, которую можетъ позволять себѣ развѣ только высокородный баронъ или ужъ очень богатый Rittergutsbesitzer. А потому каждый поѣздъ тащитъ съ собою первоклассные и второклассные вагоны большею частью только для блезиру или для путешественниковъ изъ Россіи, у которыхъ обыкновенно предполагаются несмѣтныя богатства, обязывающія ихъ не знать счета деньгамъ. Истый же нѣмецкій бюргеръ, будь онъ даже очень богатъ, не знаетъ ничего удобнѣе и приличнѣе вагоновъ третьяго класса, въ которыхъ онъ можетъ путешествовать и дешево и gemüthlich, тѣмъ болѣе, что для *народа*, въ сообществѣ котораго прекращается всякая Gemüthlihkeit, за границей отведенъ четвертый классъ — классъ горемычныхъ паріевъ, путешествующихъ по образу передвиженія большихъ партій скота, т. е. стоя или валяясь на грязномъ полу, безъ подстилки. Хотя въ заграничныхъ газетахъ не разъ поднимались голоса, чтобы въ вагонахъ четвертаго класса подѣланы были хоть кой-какія мѣста для сидѣнія, но, сколько извѣстно, на эти голоса до сихъ поръ еще не послѣдовало сочувственнаго отклика со стороны высокообразованныхъ желѣзнодорожныхъ правленій, считающихъ, должно быть, гуманность излишнею роскошью, на которую паріи не имѣютъ ни малѣйшаго права.

Рѣшившись на этотъ разъ послѣдовать примѣру нѣмцевъ, т. е. путешествовать дешево и gemüthlich, я взялъ билетъ въ 3-й классъ и, признаться, не безъ нѣкотораго страха вступилъ въ указанный мнѣ вагонъ.

Онъ былъ уже полонъ и даже переполненъ; но, благодаря распорядительности кондуктора, между сомкнутыми рядами на скамейкахъ отыскалось мѣсто и для меня.

Я вдругъ очутился въ разнообразнѣйшемъ обществѣ, не малую часть котораго составляли наши единовѣрцы.

Было семь часовъ великолѣпнаго майскаго утра. Одни изъ пассажировъ дремали или старались вздремнуть, другіе такъ себѣ позѣвывали и какъ-то лѣниво покуривали папироску, нѣкоторые же изъ нашихъ единовѣрцевъ, возложивъ на себя фалактеріи, отправляли утреннюю молитву, не обращая ни малѣйшаго вниманія на саркастическія улыбки и презрительные взгляды иновѣрцевъ, которымъ, какъ видно, не нравилось извѣстное *суевѣріе*, сопровождающее сыновъ Израиля повсюду.

— Жидамъ, кажется, воспрещено справлять свой шабашъ на чугункѣ — замѣтилъ вполголоса какой-то пожилой панъ въ довольно потертой венгеркѣ.

— Мы не шабашъ справляемъ, а Богу молимся — отвѣтилъ одинъ изъ молельщиковъ, который, какъ видно, былъ изъ зубастыхъ—а молиться Богу никто запретить не можетъ.

— Даже Цесарь?—спросила не безъ умысла венгерка.

Избѣгая прямого отвѣта на этотъ щекотливый вопросъ, молельщикъ спросилъ въ свою очередь:

— Мы развѣ мѣшаемъ вамъ? Молитесь и вы.

— Мы молимся въ костелѣ, а не гдѣ попало — внушительно отрѣзала венгерка.

— Панъ Богъ вездѣ, а потому слѣдуетъ молиться вездѣ, гдѣ настанетъ пора молитвы. Что панъ на это скажетъ?

— Да я съ тобою и не говорю—отвѣтила венгерка, чувствовавшая себя побѣжденною, а потому начинавшая сердиться.

— Ну нѣтъ, такъ прошу извиненія—проговорилъ молельщикъ съ ироническою улыбкою. — Мнѣ показалось, что панъ добродзій изволитъ со мною разговаривать. Бардзо пана пшепрашамъ, прошу не гнѣваться.

Слѣдившіе за этимъ разговоромъ чуть не разразились смѣхомъ. Венгерка ужасно сконфузилась и высунула свою раскраснѣвшую физіономію въ отворенное окошко. Побѣдитель же значительно переглянулся съ своими единоплеменниками, какъ бы спрашивая: а что, братцы, зажалъ я ротъ этому пану, или нѣтъ? Единоплеменники одобрительно кивнули ему головами, въ знакъ того, что онъ точно зажалъ.

Никогда классическая выразительность физіономій нашихъ единовѣрцевъ не выступаетъ такъ ярко, какъ тогда, когда тутъ же имѣешь возможность сравнивать ихъ съ физіономіями другихъ племенъ. Какой разительный контрастъ! Не даромъ аріецъ и семитъ стоятъ въ исторіи и въ текущей жизни враждебно другъ къ другу: они люди не только различныхъ племенъ, но и различныхъ

расъ. И что всего замѣчательнѣе, различіе это проявляется не въ устройствѣ черепа, не въ разрѣзѣ глазъ и рта, не въ очертаніи линій и не въ цвѣтѣ кожи, а въ особенномъ выраженіи всего этого, въ особенной неуловимой вибраціи мускуловъ, дающей возможность опознать семита между тысячью арійцевъ. И это особенное, чисто нервное выраженіе въ физіономіи семита такъ рѣзко, такъ типично, что никто не стѣсняется признавать за нимъ анатомическое, т. е. расовое значеніе. Кто не говоритъ о чисто еврейской физіономіи, чисто еврейскомъ носѣ, лбѣ, затылкѣ? А между тѣмъ спеціально еврейскихъ физіономій, носовъ, лбовъ, въ строгомъ смыслѣ, нѣтъ. Что принято называть еврейскимъ носомъ, то вы нерѣдко встрѣтите на лицѣ чистокровнаго француза, нѣмца, британца и русскаго, и, на оборотъ, такъ-называемымъ греческимъ носомъ нерѣдко украшается физіономія несомнѣннаго семита. Стало быть, типичность еврейскихъ физіономій не столько физическаго, сколько духовнаго свойства, и еврея узнаешь поэтому даже тогда, когда онъ обладаетъ совершенно европейскою физіономіею.

Европейская физіономія представляется мнѣ, говоря фигурально, вывѣской надъ магазиномъ ночью или въ праздничные дни, т. е., когда торговля спитъ. Ты долженъ на слово вѣрить всему тому, что гласитъ вывѣска, но видѣть ничего не видишь, поелику двери и окна заперты на глухо и товаровъ не видишь никакихъ. Еврейская же физіономія есть вывѣска надъ магазиномъ или же, точнѣе, самъ магазинъ во время разгара торговли: двери и окна настежь—и весь товаръ на лицо, чего хочешь, того и просишь. И это потому, что еврейская физіономія есть по преимуществу глазастая, не потому, впрочемъ, чтобы у еврея было больше одной пары глазъ, а потому, что онъ, кажется, смотритъ не только глазами, но всѣми частями, можно сказать, всѣми порами своей физіономіи: носомъ, лбомъ, подбородкомъ, бородавкой, если таковая имѣется, и чуть не воротникомъ своей рубашки. Не оттуда-ли его характерное ношеніе шляпы на затылкѣ, дабы головной уборъ не застилалъ его лба, которымъ онъ тоже смотритъ?.. Далѣе, еврей рѣдко сосредоточиваетъ свой взглядъ на какомъ-нибудь одномъ пунктѣ, въ одно направленіе, а смотритъ одновременно прямо, на право, на лѣво, вверхъ, внизъ и даже назадъ, смотритъ туда, куда ему нѣтъ надобности и не слѣдуетъ смотрѣть, словомъ его горизонтъ — его собственность, которой онъ не долженъ терять изъ виду ни на одну минуту, дабы ее тѣмъ временемъ не украли. Поэтому иногда такъ непріятно, такъ неловко отъ его vis-à-vis, которое можетъ быть сравнено съ vis-à-vis направленной противъ тебя полдюжины штыковъ: хотя ты увѣренъ, что они никакого зла тебѣ не причинятъ, а все-таки неловко, какъ-то не по себѣ, потому что, такъ-называемый, магнетическій токъ дѣйствуетъ на нервы раздражительно.

Понятно, что воспринимая своею, такъ сказать, рѣшетчатою физіономіею столько разнообразныхъ впечатлѣній извнѣ, еврей не можетъ оставаться спокойнымъ, безстрастнымъ, сдержаннымъ внутри. Оттуда его юркость, отзывчивость, чувствительность, нетерпѣливость, неусидчивость, страстныя лихорадочныя движенія и жестикуляціи и все-то, что знаменуетъ быстрый, форсированный ходъ мысли и что бросается въ глаза ровному, безстрастному европейцу, умѣренно и медленно воспринимающему впечатлѣнія на столько, на сколько это доступно одной парѣ глазъ, и у котораго процессъ мышленія совершается не столь быстро. Оттуда же его чрезмѣрная сообщительность и неумѣніе молчать даже тогда, когда никто съ нимъ не разговариваетъ. Отъ избытка чувствъ уста глаголятъ, и такъ, какъ еврею этотъ избытокъ всегда присущъ, то ему трудно молчать, онъ *долженъ* говорить, все равно, съ высшимъ или низшимъ себя, на какомъ угодно языкѣ, доступномъ ему или недоступномъ, а не то, такъ мимикой. На пути изъ Кёнигсберга въ Вильну я однажды былъ свидѣтелемъ, какъ одинъ бѣдный еврейскій ремесленникъ, имѣвшій въ своемъ распоряженіи съ десятокъ англійскихъ словъ, неумолкаемо *разговаривалъ* съ какимъ-то англійскимъ машинистомъ, ѣхавшимъ въ Смоленскъ по вызову какого-то помѣщика, дополняя недостающія слова и выраженія выразительной мимикой и еще болѣе выразительными жестикуляціями, и собесѣдники отлично понимали другъ друга. Что заставляло бѣднаго человѣка, возвращавшагося въ свое бѣдное мѣстечко, въ какую-нибудь Лиду или Сморгонъ, мучить себя труднымъ и совершенно безполезнымъ для него разговоромъ съ человѣкомъ, съ которымъ онъ, вѣроятно, никогда въ жизни не встрѣтится — Богъ его знаетъ. Должно быть, единственно физическая для него невозможность молчать.

Мои еврейскіе попутчики, разумѣется, тоже не молчали. Они говорили каждый порознь и всѣ вообще. Въ полчаса они перезнакомились другъ съ другомъ и, уже на основаніи сдѣланнаго знакомства, сообщали другъ другу разныя коммерческія, финансовыя и экономическія свѣдѣнія, не лишенныя интереса для торговаго класса. Время не пропадало для нихъ даромъ, какъ у насъ, путешествующихъ европейцевъ, привыкшихъ дѣлать дѣло только въ свое время и на своемъ мѣстѣ, съ соблюденіемъ формальностей и церемоній. Въ вагонѣ заключено было нѣсколько сдѣлокъ и совершено нѣсколько переводовъ суммъ. И какое довѣріе къ ближнему, какой кредитъ обнаружились при этихъ, на лету заключенныхъ, коммерческихъ сдѣлкахъ! Документы и задатки переходили изъ рукъ въ руки безъ выдачи росписокъ и призыва свидѣтелей; все совершалось на честное слово.

— Стало-быть, вы послѣ завтра будете въ Ковно? — спрашивалъ кто-то кого-то.

— Богъ дастъ, буду.

— Не потрудитесь-ли передать г-ну N отъ меня вотъ эту сумму?

— Отчего-же нѣтъ?

И толстая пачка кредитныхъ билетовъ перешла отъ одного къ другому.

— Сколько здѣсь?—спросилъ получившій.

— Пятьсотъ рублей.

Получившій, совсѣмъ не считая, положилъ пачку въ свой бумажникъ.

Европейцы пожали плечами, а сидѣвшій тутъ-же купчикъ изъ Москвы даже крякнулъ отъ удивленія и, погладивъ свою бѣлокурую бородку, замѣтилъ:

— А вѣдь денежки счетъ любятъ.

— Такъ что-жъ?—спросили евреи.

— А вы совсѣмъ не сосчитали и зря въ карманъ отправили; нешто вы недочета не боитесь?

— Знаю отъ кого получилъ.

— А въ случаѣ ежели, примѣрно, не хватитъ сѣренькой альрадужной, такъ кто въ отвѣтѣ?

— Кто давалъ.

— А вы завсегда такимъ манеромъ каммерцію свою ведете?

— Почти всегда.

— И обмановъ не бываетъ?

— Рѣдко.

— Странно—замѣтилъ купчикъ, пожавъ плечами.

Евреи многозначительно улыбнулись и пожали плечами въ свою очередь, въ знакъ того, что они, съ своей стороны, не находятъ въ этомъ ничего страннаго.

— А у васъ, въ Россіи, какъ?—спросили они.

— У насъ, братъ, держи ухо востро; родному брату не довѣряй, потому какъ есть обманетъ и проведетъ, безъ всякаго сумлѣнія, коли увидитъ, что ты плохъ и каммерцію не въ самомъ, то есть, аккуратѣ ведешь.

— Странно—замѣтили евреи въ свою очередь.

— En voyez-vous où l'honnêteté va se nicher?

— Même au milieu des frippons; mais cela ne signifie rien; un frippon a son honnêteté à soi; tant mieux pour lui, tant pire pour nous, parce que l'honnêteté entre les frippons c'est leur solidarité mutuelle, sans laquelle leur honnête profession serait presque impossible. Savez-vous le proverbe russe: воронъ ворону глазъ не выклюетъ?

— C'est juste.

Этими фразами перекинулись два европейца изъ поляковъ, сидѣвшіе другъ противъ друга и слѣдившіе за поступками путешествующихъ сыновъ Израиля, какъ видно, съ высшей, шляхетской точки зрѣнія. Послѣдніе, ничего не уразумѣвъ изъ относившихся къ нимъ фразъ, которыя произнесены были довольно громко, безпрепятственно продолжали свое дѣло, т. е. обмѣняться мыслями и свѣдѣніями. Какъ европейцы ни избѣгали вступленія въ разговоръ съ несимпатичнымъ имъ племенемъ, съ которымъ имъ, по необходимости и по архидемократическимъ принципамъ желѣзнодорожныхъ правленій, пришлось путешествовать въ одномъ вагонѣ, они мало-по-малу все-таки втянулись въ разговоръ, потому что свѣдѣнія, которыя евреи сообщали другъ другу, оказались для нихъ интересными и полезными. Со станціи Гродно отношенія между арійцами и семитами въ нашемъ вагонѣ значительно улучшились, безсмертная вражда ушла внутрь и спряталась, а наружу

постепенно водворялся тотъ entente cordiale, о которомъ пророчествовали ветхозавѣтные пророки и о которомъ мечтаютъ новозавѣтные члены лиги мира. Даже заносчивая и вспыльчивая венгерка не гнушалась закуривать свои деревенскіе пахитосы о столь же вонючія сигары справляющихъ свой шабашъ въ вагонахъ, словомъ оправдалось: «и жить будетъ волкъ съ овцой», и т. д.

Дошла очередь, разумѣется, и до меня, и, въ качествѣ семита же, я долженъ былъ подвергнуться со стороны моихъ единоплеменниковъ самому подробному дознанію: кто я, откуда, куда, зачѣмъ, на долго-ли, отчего я ѣду въ Вѣну, а не въ Берлинъ, женатъ-ли и отъ чего не женатъ, сколько я заплатилъ за свой сакъ-вояжъ, зонтикъ, шляпу, словомъ весь мой я, все мое физическое и нравственное существо, все, что было на мнѣ и имѣло малѣйшее отношеніе ко мнѣ, разбито было на вопросы, на которые я долженъ былъ давать самые обстоятельные, самые категорическіе отвѣты, потому что общими мѣстами мои слѣдователи не удовольствовались: они проникали въ глубь, доискивались сути, какъ будто они для этой цѣли и сѣли со мною въ одинъ вагонъ. Въ свою же очередь, они, какъ люди практическіе, опытные, бывалые и желающіе быть мнѣ полезными чѣмъ нибудь, надѣляли меня совѣтами, наставленіями, указаніями и адресами *честнѣйшихъ* банкирскихъ конторъ и *дешевѣйшихъ* гостиницъ чуть не во всѣхъ столичныхъ городахъ Европы. Все это не мало забавляло и развлекало меня, и я выигралъ то, что, не въ примѣръ моихъ прошлыхъ экскурсій, доѣхалъ на этотъ разъ до Варшавы безъ обычной тоски и скуки.

II.

Обязательный попутчикъ.—Мое разочарованіе. — Варшава. — Мой дуэтъ съ ключницей.—Коммисіонеръ номинальный и коммисіонеръ настоящій. — Жалобы Мошки на людскую несправедливость.—Утѣшаю его какъ могу.—

Въ Варшаву я въѣхалъ въ сопровожденіи одного молодаго, весьма прилично одѣтаго, еврейскаго купчика, который на послѣдней станціи подсѣлъ ко мнѣ и любезно предложилъ свои услуги, говоря, что онъ знаетъ меня изъ Вильно, что если мы вмѣстѣ возьмемъ себѣ фіакръ, то это каждому изъ насъ обойдется въ половину дешевле, что онъ въ Варшавѣ — свой человѣкъ, знаетъ ее, какъ свои пять пальцевъ, а потому покажетъ мнѣ всѣ ея достопримѣчательности, укажетъ мнѣ *свою* гостинницу, въ которой цѣны очень сходныя, а если заквартируемъ вмѣстѣ, то намъ все обойдется чуть не даромъ, словомъ, что онъ для меня просто кладъ. Хоть я вообще за дешевизною не особенно гоняюсь, и физіономія прилично одѣтаго купчика мнѣ тоже не особенно понравилась, однако-же я счелъ полезнымъ принять его предложеніе, надѣясь имѣть въ немъ хорошаго чичероне, тѣмъ болѣе, что онъ показался мнѣ человѣкомъ не безъ образованія.

Но мнѣ суждено было совершенно обмануться въ своихъ ожиданіяхъ или въ обѣщаніяхъ обязательнаго купчика, который навязался мнѣ, Богъ знаетъ для какой цѣли.

Во-первыхъ, за одинъ фіакръ мы должны были заплатить какъ за два, потому что, какъ во всей Россіи, такъ и въ Варшавѣ, извощики держатся похвальной привычки смотрѣть на существующую таксу, какъ на вещь, совсѣмъ не про нихъ писанную. Купчикъ вздумалъ было протестовать; но я, убѣдившись изъ настойчивости извощика, что дѣло безъ полицейскаго разбирательства не обойдется, заплатилъ, сколько извощикъ потребовалъ, тѣмъ болѣе, что я въ Варшаву пріѣхалъ совсѣмъ не для тяжебныхъ дѣлъ или водворенія порядка. Купчикъ пробовалъ было протестовать и противъ меня, но потомъ тоже согласился, что лучше заплатить лишній полтинникъ, чѣмъ возиться съ *грубіяномъ*. Во-вторыхъ, въ *его* гостинницѣ, куда мы заѣхали, меня непріятно поразило то, что мой купчикъ находится въ какихъ-то неестественныхъ отношеніяхъ съ прислугою: онъ почему-то въ ней заискиваетъ, говоритъ съ нею подобострастно, а она третируетъ его свысока, что было обидно для меня даже вчужѣ. Не желая быть свидѣтелемъ этихъ оригинальныхъ отношеній, я взялъ отдѣльный нумеръ, на отрѣзъ отказавшись отъ удовольствія квартировать съ купчикомъ вмѣстѣ. Что-же касается чичеронскихъ услугъ послѣдняго, то я не имѣлъ возможности воспользоваться ими по той простой причинѣ, что мой вертлявый купчикъ, заквартировавъ, расфрантился въ пухъ и прахъ и вышелъ въ городъ только *на*

полчаса, а возвратился на четвертый день, когда мнѣ уже слѣдовало ѣхать дальше. Онъ тысячу разъ извинялся передо мною, что не сдержалъ слова, просилъ, чтобы я обождалъ еще денекъ, тогда онъ покажетъ мнѣ Варшаву и поѣдетъ со мною въ Вѣну, въ которую ему тоже нужно и которую онъ тоже очень хорошо знаетъ. Но я поблагодарилъ за его добрыя намѣренія и былъ отъ души радъ, что отъ него отдѣлался, такъ какъ его безалаберность мнѣ ужасно не нравилась. Я видѣлъ, что онъ оптимистъ по природѣ, лжецъ—по необходимости, нѣсколько образованъ — изъ практики, безтактенъ и безтолковъ—по воспитанію. Такой субъектъ—рѣшилъ я—плохой для меня попутчикъ, его общество не будетъ ни пріятно и ни полезно.

Варшава, конечно, городъ европейскій, все въ ней поставлено на европейскую ногу, но поставлено какъ-то не совсѣмъ безукоризненно: славянское «какъ-нибудь» сказывается и въ ней почти на каждомъ шагу, а потому она производитъ на васъ впечатлѣніе человѣка, расфранченнаго по послѣдней модѣ, но въ тоже время растрепаннаго, которому comme il faut'ность, какъ видно, немножко въ тягость. Тоже самое можно сказать и о варшавскихъ гостинницахъ. Все въ нихъ есть: и кельнеры, и нумерные, и ключницы, и швейцары, и коммиссіонеры, но никто изъ нихъ не знаетъ своей службы, или исполняетъ ее «не въ аккуратѣ», будучи занятъ больше собою, чѣмъ гостями. На послѣднихъ они обращаютъ вниманіе только тогда, когда настанетъ пора получить прощальную «на водку», а потому они на засидѣвшихся гостей смотрятъ весьма и весьма недружелюбно. Ихъ лозунгъ: переночуй и проваливай дальше.

Въ моемъ нумерѣ я нашелъ чернильницу безъ чернилъ, песочницу безъ песку, спичечницу безъ спичекъ и пепельницу въ безсрочномъ отпуску. Нуждаясь въ исправности всѣхъ этихъ вещей, я дернулъ за сонетку разъ, два, три—никто не является. Оказалось, что *телеграфъ* со всѣмъ не дѣйствуетъ и уже давно нуждается въ починкѣ. Я вышелъ въ корридоръ и сталъ кричать чиновъ отельнаго штата. Долго никто не откликался, но наконецъ отворилась дверь какого то нумера, и предо мною предстала женщина въ глубокомъ неглиже, но съ неизбѣжнымъ шиньономъ на головѣ. Это, какъ я догадался, и была ключница. Я принесъ ей жалобу на отсутствіе въ моемъ нумерѣ нужныхъ мнѣ предметовъ.

— Не можетъ быть—начала ключница тѣмъ пѣвучимъ груднымъ контръ-альто, которое свойственно только варшавянкамъ.

— Я не лгу, можете сами убѣдиться — отвѣтилъ я своимъ сомнительнымъ баритономъ.

— Чего же смотритъ Казиміержъ? — пѣла дальше моя примадонна.

— Я только что пріѣхалъ, а потому не имѣю чести знать ни Казиміержа, ни того, за чѣмъ онъ долженъ смотрѣть.

— Казиміержъ — продолжала пѣвица — долженъ каждое утро обходить всѣ нумера и смотрѣть, все ли въ исправности. На то онъ и поставленъ.

— Это прекрасное заведеніе — гласила моя реплика — но сегодня, какъ видно, Казиміержъ не сдѣлалъ своего обхода.

— Что же онъ все это время дѣлалъ?

— Я, ей Богу, не знаю.

Пѣвица хотѣла было продолжать; но я, наскучивъ тянуть съ нею дуэтъ изъ ненаписанной еще оперы, запѣлъ полуоктавою выше и русскимъ текстомъ:

— Да ты, матушка, не распѣвай; распорядись, чтобы въ нумерѣ было все, что надо, и баста.

Пѣвица сконфузилась и исчезла. Чрезъ нѣсколько минутъ явился Казиміержъ съ потребованными предметами, и я уже имѣлъ возможность закурить папироску и сѣсть писать письмо.

Ко мнѣ вошелъ человѣкъ въ отельной ливреѣ и отрекомендовался, что онъ коммиссіонеръ сей гостинницы, а потому не будетъ ли какихъ нибудь порученій.

Я хотѣлъ было воспользоваться его услугами, но изъ его отвѣтовъ я уразумѣлъ, что съ такимъ коммиссіонеромъ не далеко уѣду, такъ какъ онъ оказался ужасно безтолковымъ и знающимъ Варшаву не лучше моего, а потому я отпустилъ его съ миромъ, не давъ ему никакого порученія.

Нѣсколько минутъ спустя, ко мнѣ вошелъ еврей и тоже рекомендовался, что онъ коммиссіонеръ сей гостинницы.

— Вѣдь коммиссіонеръ сейчасъ у меня былъ? — спросилъ я недоумѣвая.

— Ну, такъ я факторъ—отвѣтилъ еврей, опустивъ глаза, какъ бы стыдясь своего презрительнаго званія. — Но это въ сущности все равно, порученія господъ исполняю я.

— А коммиссіонеръ?

— Коммиссіонеръ—веснякъ (деревенщина), ничего не знаетъ и ничего не смыслитъ.

— Зачѣмъ же его держатъ?

— За чѣмъ его держатъ? — переспросилъ факторъ — да за тѣмъ, что сестра его служитъ у насъ въ кельнершахъ.

— Такъ чтожъ?

— Такъ то, что оная сестра его очень красивая паненка.

— Такъ чтожъ? — наивничалъ я.

— Такъ то, что нашъ управляющій молодой человѣкъ.

— Такъ что изъ этого?—продолжалъ я наивничать.

— Такъ то — отвѣтилъ факторъ, бросивъ на меня испытующій взглядъ — что вы сами изволите понимать—и осклабился.

Мы перешли къ порученіямъ. Факторъ или коммиссіонеръ, чѣмъ онъ имѣлъ претензію быть, оказался человѣкомъ весьма расторопнымъ, смѣтливымъ, услужливымъ, понимающимъ дѣло и людей и умѣющимъ угождать имъ, словомъ оказался тѣмъ полезнымъ фактотумомъ, котораго всѣ ругаютъ, но въ которомъ всѣ нуждаются. Онъ набралъ у меня пять порученій за разъ и исполнилъ ихъ въ полтора часа напудовлетворительнѣйшимъ образомъ. Чрезъ его посредство я отыскалъ двухъ господъ не служащихъ, съ которыми мнѣ необходимо было повидаться, но адреса которыхъ я не зналъ. Онъ до нихъ добрался, благодаря единственно своему изощренному факторскому чутью и умѣнью браться за дѣло. За всѣ его хлопоты около меня я ему далъ три рубля, и онъ остался очень доволенъ. Провожая меня на бангофъ (у него хватило и на это время) онъ признался мнѣ, что онъ вообще жаловаться на судьбу не можетъ, потому что зарабатываетъ отъ пятидесяти до шестидесяти рублей въ мѣсяцъ, но что жизнь ему все таки не мила, потому что ее всячески отравляетъ своевольная отельная прислуга, которая норовитъ выжить его изъ гостинницы.

— Нужно умѣть ладить со всѣми — произнесъ я наставительно.

— Я ли не умѣю ладить? — возопилъ онъ, чуть не заплакавъ. — Развѣ я не знаю, что я еврей? что я долженъ угождать всѣмъ на свѣтѣ? Кто изъ господъ проѣзжающихъ мною не доволенъ? Даже нашъ управляющій, который, между нами будь сказано, очень капризный и очень тяжелый господинъ, и тотъ никогда противъ меня ничего не имѣетъ. Онъ иногда и говоритъ этимъ хамамъ, что вся гостинница держится на одномъ Мошкѣ, т. е. на мнѣ, потому что я завсегда исправенъ, тружусь, какъ волъ и вѣренъ, какъ песъ. Не приходи я каждое утро будить ихъ, они бы спали до двѣнадцатаго часу, потому что когда хамъ завалится спать, то у него всѣ заботы изъ головы вонъ. Ему дѣла нѣтъ, что гостямъ нужно чай пить, умываться и прочее, онъ дрыхнетъ, какъ убитый, и знать ничего не знаетъ, потому что съ вечеру нализался и думаетъ, что онъ панъ и никакой службы не несетъ. Сколько разъ случится, что нумерные уйдутъ съ своими коханками на шпицъ-балики, а я остаюсь дежурить за нихъ всю ночь и стараюсь, чтобы управляющій про это не провѣдалъ, а они хоть бы спасибо мнѣ сказали. Напротивъ, еще дѣлаютъ мнѣ пакости и непріятности. Развѣ это справедливо?

Мошка еще долго разсказывалъ мнѣ о претерпѣваемыхъ имъ несправедливостяхъ, и я утѣшалъ его тѣмъ, что не только ему, какъ фактору, но всѣмъ евреямъ, даже выше его стоящимъ на общественной лѣстницѣ, тоже не легко живется на свѣтѣ, съ тою только разницею, что одинъ страдаетъ отъ *прислуги*, а другой отъ *господъ*, что намъ уже такъ на роду написано—страдать и терпѣть.

— Терпѣть? — спросилъ Мошка. До какихъ же поръ? До пришествія Мессіи, что-ли?

— Вѣроятно.

— Долго придется ждать!

— Можетъ и не долго. Онъ уже идетъ, полпути онъ уже отмахнулъ.

— Неужели? — воскликнулъ факторъ, чуть не кинувшись мнѣ на шею и не понявъ, на что я намекаю. — И вы не шутите?

Я хотѣлъ было слегка посвятить его въ новѣйшую теорію объ ожидаемомъ евреями Мессіи; но передъ нами уже торчало громадное зданіе вокзала варшавско-вѣнской желѣзной дороги, и наша назидательная бесѣда должна была прекратиться.

III.

Вооруженные хасиды.—Общее веселіе.—Шутка шутника и шутка хасида.—Вопросъ перваго и отвѣтъ послѣдняго. — Хасиды перестаютъ быть предметомъ общаго веселія.—Галиційскіе мѣнялы.—О посреднической роли евреевъ вообще.- Характеристическая черта евреевъ, никѣмъ еще не подмѣченная.—Моя теорія оправдывается.—

— Дорогу, дорогу дайте храбрымъ воякамъ!

Этотъ возгласъ, съ аккомпаниментомъ гомерическаго хохота всѣхъ находившихся въ вагонѣ пассажировъ, относился къ двумъ карабкавшимся въ вагонъ евреямъ, наружность которыхъ въ самомъ дѣлѣ выдавалось изъ ряду вонъ и возбуждала веселость. Они были съ выбритыми головами и при длиннѣйшихъ пэйсахъ, какихъ я не видалъ уже лѣтъ двадцать, если не больше. Костюмъ на нихъ былъ тотъ старо-польскій или старо-еврейскій, который встрѣчаешь на хасидахъ Царства Польскаго или Галиціи: круглая касторовая шляпа съ обширнѣйшими полями, ластинговый длиннѣйшій балахонъ безъ перехвата и съ застежками вмѣсто пуговицъ, свѣтло-нанковые кальсоны вмѣсто брюкъ, бѣлые чулки и лакированные башмаки. Прибавьте къ этому отложной широчайшій воротникъ рубашки безъ малѣйшаго намека на галстукъ, совершенно открытую грудь съ ея растительностью, прибавьте къ этому въ особенности кожанный мѣшокъ съ молитвенными принадлежностями въ одной рукѣ и охотничье ружье въ другой и вы поймете, отчего появленіе этихъ оригинальныхъ фигуръ въ вагонѣ съ европейскимъ населеніемъ встрѣчено было гомерическимъ хохотомъ и вышеприведеннымъ возгласомъ. Хасиды и ружье—въ самомъ дѣлѣ очень странное сочетаніе. Не знаю, это ли сочетаніе или великолѣпнѣйшее майское утро располагало всѣхъ къ веселью; довольно того, что говоръ, хохотъ, шутки, остроты, каламбуры не унимались. Кто знаетъ поляковъ, тотъ знаетъ, что они на эти дѣла большіе мастера, все равно, что французы. Вооруженные хасиды, разумѣется, фигурировали на первомъ планѣ. Ихъ фузіи, которыя они везли для какого то помѣщика, служили неисчерпаемымъ источникомъ остротъ и анекдотовъ, въ которыхъ было очень много забавнаго, но мало обиднаго. Но обиднѣе всего, для шутниковъ, а не для хасидовъ, было то, что послѣдніе не обращали ни малѣйшаго вниманія на роль, которую они играли въ общемъ разговорѣ: погрузившись въ какую то коммерческую бесѣду, они, повидимому, совершенно игнорировали все ихъ окружающее, точно оно для нихъ не существовало. Только когда шутники обращались къ нимъ прямо, они удостоивали отпарировать шутки шутками же и довольно мѣткими.

— Осторожно, г. купецъ — гласила шутка одного шутника, который, съ коммическою важностью отодвигаясь отъ сидѣвшаго о бокъ съ нимъ ружьеносца, прикрылъ свое лицо лацканомъ своего сюртука — крый Боже, ружье выстрѣлитъ, такъ меня убьетъ, а у меня жена вдова и пятеро дѣтей...

— Не извольте безпокоиться, панъ добродѣй — гласилъ отвѣтъ — если и выстрѣлитъ, такъ тоже не убьетъ, поели кусказано: кто имѣетъ висѣть, тотъ не утонетъ. Прошу пана не гнѣваться, я тоже шучу.

Дѣлать было нечего, нужно было принять этотъ отвѣтъ за шутку.

Другой отвѣтъ хасида былъ еще забористѣе.

— А давно ли вы научились стрѣлять—спросилъ кто-то, для котораго вышеприведенный отвѣтъ, какъ видно, пропалъ даромъ.

— Да съ тѣхъ поръ — отвѣтилъ хасидъ, подмигивая — какъ въ нашей околицѣ завелись бѣшенные волки.

Вопроситель, не понявъ внутренняго смысла этихъ словъ, продолжалъ:

— И вы такъ-таки стрѣляете?

— Стрѣляемъ, отвѣтилъ хасидъ—только не ружьями, а рублями, потому что для нашей околичной дичи не стóитъ тратить пороха и зарядовъ.

— Браво! — зааплодировали многіе, которымъ этотъ отвѣтъ, не смотря на его злобу, весьма понравился за его мѣткость. — Да вы, г. купецъ, зубастый, съ вами опасно шутить.

— Можете и не шутить, мы въ претензіи не будемъ.

Шутки дѣйствительно прекратились. Разговоръ принялъ болѣе серьезное направленіе. Заговорили объ ожидаемомъ урожаѣ и сельскомъ хозяйствѣ вообще. Мои хасиды оказались довольно свѣ-

дущими въ этомъ дѣлѣ, потому что занимались арендованіемъ имѣній и вели обширную торговлю хлѣбомъ. Экономическое положеніе богатѣйшихъ имѣній края было имъ знакомо до самыхъ мельчайшихъ подробностей, и этимъ знакомствомъ они заинтересовали всѣхъ, бывшихъ въ вагонѣ. Они окончательно завладѣли разговоромъ, и всѣ ихъ слушали съ возрастающимъ любопытствомъ, потому что каждому интересно было знать, сколько дохода получаетъ графъ А., а сколько князь Б. и долго ли еще протянетъ баронъ В. Когда они доѣхали до мѣста своего назначенія, многіе распростились съ ними весьма вѣжливо, прося извиненія за прежнія шутки.

Мы переѣхали австрійскую границу. На третьей или четвертой станціи мы остановились на 45 минутъ, чтобы переждать какой то поѣздъ, долженствовавшій придти съ юга. Многіе пассажиры безпокоились, что не успѣли обмѣнять русскіе рубли на австрійскіе гульдены, потому что на австрійской границѣ нѣтъ такихъ банкирскихъ конторъ, которыя заведены на прусской границѣ, въ Эйткуненѣ и Вержболовѣ. Но начальникъ станціи обнадеживалъ безпокоившихся, что менѣе чѣмъ въ полчаса «все будетъ въ порядкѣ», wird Alles in Ordnung sein.

Дѣйствительно, четверть часа спустя, не стая вороновъ слетѣлась, а это налетѣли, неизвѣстно откуда, два или три десятка галиційскихъ евреевъ-мѣнялъ въ своихъ черныхъ оригинальныхъ костюмахъ и заговорили на всѣхъ возможныхъ языкахъ Европы, даже по русски, предлагая всевозможные денежные знаки: гульдены, франки, стерлинги, піастры, въ бумажкахъ, золотѣ и серебрѣ. Въ одну минуту платформа станціи превратилась въ обширное торжище, и торговля закипѣла на всѣхъ пунктахъ. Сдѣлки совершались быстро, потому что черезъ 15 минутъ мы уже должны были отбыть. Мѣнялы имѣли, казалось, каждый по нѣскольку паръ рукъ, потому что имъ слѣдовало имѣть дѣло съ полдюжиной пассажировъ заразъ. Они знали данный курсъ всѣхъ денегъ и бумагъ въ совершенствѣ и перелагали всевозможные денежные знаки на гульдены и крейцеры съ быстротою молніи, такъ что обходились безъ всякихъ счетовъ, мѣлу и карандашей. Самыя

запутанныя задачи они тутъ же рѣшали безъ малѣйшаго напряженія, точно они впередъ сосчитали ваши кредитные билеты, ваши серіи казначейства съ наросшими на нихъ процентами и ваши купоны въ ихъ стоимости въ данную минуту. Никогда посредническая роль нашихъ единовѣрцевъ не представлялась мнѣ въ такой осязательности, какъ въ образѣ этихъ галиційскихъ мѣнялъ, виртуозности которыхъ нельзя было не удивляться. Они, кажется, самою природою назначены для облегченія взаимныхъ сношеній между народами, а потому, сколько бы ни кричали противъ этой роли, находя ее легкою и непроизводительною, она все таки полезна и даже необходима, и превзойти евреевъ въ этой роли трудно. Легкость ея только кажущаяся или относительная: она очень трудна, если не обладать гибкостью, сообщительностью, терпѣливостью и сносливостью еврейской натуры. Попробуйте посредничать, и вы пять разъ выйдете изъ себя, пока доведете до конца одинъ компромисъ, а еврей изъ себя не выходитъ: неудалось пять комбинацій, онъ предлагаетъ шестую, и на этой шестой стороны сходятся, и сдѣлка совершена къ обоюдному удовольствію. Что же касается ея непроизводительности, то политическая экономія давно доказала ошибочность этого взгляда на посредничество между производителями и потребителями: безъ этого связующаго звѣна остаются въ накладѣ какъ первые, такъ и вторые.

Въ четверть часа ни одинъ пассажиръ не остался неудовлетвореннымъ, и поѣздъ тронулся дальше.

Вечерѣло. Пассажиры, утомленные четырнадцати-часовою безостановочною ѣздою, погрузились въ дремоту, а кто не дремалъ, тотъ такъ себѣ молчалъ, задумчиво глядя изъ окна на величественный закатъ солнца. Только въ одномъ углу вагона шелъ не громкій, но весьма оживленный разговоръ на польскомъ языкѣ между двумя пассажирами. Долго прислушивался я къ этому разговору, сидя въ противоположномъ углу вагона съ закрытыми глазами, что въ дорогѣ замѣняетъ мнѣ сонъ. Но, наконецъ, я не выдержалъ и поднялся съ своего мѣста, чтобы бросить взглядъ на разговаривавшихъ. И сдѣлалъ я это не потому, чтобы разговоръ особенно заинтересовалъ меня: дѣло шло о галиційскихъ

страховыхъ отъ огня обществахъ, которыхъ я не учредитель и не акціонеръ, но мнѣ хотѣлось произвести еще одинъ опытъ надъ составленною мною теоріею, въ справедливости которой я, впрочемъ, не сомнѣвался.

Дѣло въ томъ, что изъ моихъ наблюденій надъ всѣми сторонами жизни моихъ единовѣрцевъ я вынесъ убѣжденіе, что еврея, кромѣ всего прочаго, можно узнать не только по голосу, мягкій и заглушенный тэмбръ котораго не имѣетъ въ себѣ ничего металлическаго и всегда напоминаетъ собою игру на деревянныхъ цимбалахъ, но и по разговору въ техническомъ смыслѣ. Я не говорю здѣсь о нечистомъ произношеніи, произвольномъ акцентѣ, интонаціи и грамматическихъ неправильностяхъ; все это признаки слишкомъ осязательные, слишкомъ очевидные и узнавать по нимъ еврея совсѣмъ немудрено. Но я говорю о тѣхъ евреяхъ, которые владѣютъ какимъ нибудь европейскимъ языкомъ въ совершенствѣ, произносятъ чисто и правильно, такъ что не остается желать ничего лучшаго въ этомъ отношеніи. Но при всей чистотѣ и правильности произносимыхъ ими фразъ, они не лишены этой особенной, только евреями усвоенной черты, на которую никто, кажется, не обратилъ еще вниманія. Черта эта—изысканность, тщательная отдѣлка каждой фразы, риторическая округленность каждаго періода, правильное, даже черезъ чуръ правильное согласованіе словъ съ соблюденіемъ не только синтаксическихъ, но и филологическихъ тонкостей, пристрастіе къ громкимъ словамъ, классическимъ цитатамъ и господствующимъ въ данную минуту лозунгамъ, словомъ гоньба за технической безукоризненностью и ораторскимъ краснорѣчіемъ. Черта эта обща не только образованнымъ евреямъ Россіи (у насъ еще понятно, отчего они употребляютъ въ разговорѣ только книжный языкъ), но и въ Польшѣ, Австріи, Саксоніи и Пруссіи, гдѣ евреи уже довольно свыклись съ господствующимъ языкомъ. И я не разъ имѣлъ случай убѣдиться, что образованный еврей *разговариваетъ* только en famille, въ обществѣ же или съ иновѣрцемъ онъ всегда ораторствуетъ, т. е. всегда на ходуляхъ, говоритъ языкомъ газетныхъ передовыхъ статей или учителей-педантовъ прусскихъ семинарій. Не знаю, какъ на кого, а на меня это всегда производитъ весьма непріятное впечатлѣніе, потому что въ ораторскомъ краснорѣчіи какого нибудь

еврейскаго негоціанта я вижу прежде всего неискренность, неестественность, желаніе щегольнуть своею начитанностью, рисоваться, а не сказать просто и прямо, что онъ думаетъ и чувствуетъ. Вы желаете знать его личное мнѣніе, его индивидуальный взглядъ на тотъ или другой интересующій васъ предметъ, а онъ вамъ декламируетъ передовую статью изъ Koelnische Zeit. или Neue freie Presse, которую вы уже прочли или прочтете. Природный нѣмецъ, будь онъ даже литераторъ по профессіи, не выразится въ обыденномъ разговорѣ такъ вычурно, какъ нѣмецкій еврей, черпающій свои взгляды на всѣ матеріи важныя изъ газетъ и изъ Leihbibliothek своего роднаго городка. Нѣмецкій еврей вмѣняетъ себѣ свою элегантную рѣчь въ большое достоинство, а потому отчеканиваетъ свои фразы съ особеннымъ самодовольствомъ. Я нахожу это смѣшнымъ и даже прискорбнымъ, потому что это доказываетъ, что германизмъ не вошелъ еще въ его кровь и плоть. Кто кокетничаетъ съ языкомъ, тотъ, значитъ, не находится еще съ нимъ на родственной ногѣ.

Это то кокетничанье съ языкомъ подмѣтилъ я и въ происходившемъ разговорѣ о страховыхъ отъ огня обществахъ, а потому я хотѣлъ убѣдиться, основательно ли мое подозрѣніе. И оно дѣйствительно оказалось вполнѣ основательнымъ: одинъ изъ собесѣдниковъ, а именно тотъ, который *ораторствовалъ*, оказался евреемъ, адвокатомъ изъ Львова. Но замѣчательно, какъ только я бросилъ взглядъ на своего единоплеменника, послѣдній почему то сконфузился, смѣшался, какъ будто устыдясь своего поясничанья, въ виду соплеменника, знающаго истинную цѣну этому поясничанью, и, крякнувъ раза два, какъ то неестественно продолжалъ рѣчь о томъ же предметѣ, но уже слогомъ обыкновеннымъ. Цвѣты краснорѣчія вдругъ куда то упрятались. Считая большимъ грѣхомъ быть причиною конфуза кого бы то ни было, я опустился на свое мѣсто и опять закрылъ глаза, предоставляя львовскому адвокату ораторствовать на чемъ свѣтъ стоитъ, что онъ и сдѣлалъ до самаго пріѣзда нашего въ Вѣну.

IV.

Задача для еврейскихъ туристовъ.—Какъ я разрѣшаю эту задачу.—О космополитизмѣ. — Въ вагонѣ между братьями славянами. — Бесѣда съ чехомъ.—Негодованіе послѣдняго на евреевъ.—Правы чехи, правы и евреи.—Мое сожалѣніе о томъ, что меня приняли за брата—славянина.

Что дѣлать еврейскому туристу, не одаренному спеціально — еврейскою физіономіею, если его попутчики—христіане, принимая его за собрата по религіи или національности, начинаютъ въ его присутствіи говорить о евреяхъ тѣмъ тономъ и въ такихъ выраженіяхъ, которыхъ они не позволили бы себѣ, если бы знали, что ихъ слушаетъ еврей? Слѣдуетъ ли ему тотчасъ же объявить о своемъ происхожденіи и тѣмъ прекратить разговоръ, или же соблюдать краснорѣчивое молчаніе, осуждая себя на нравственную пытку, ничѣмъ не заслуженную? Не разъ я задавалъ себѣ эти вопросы, потому что не разъ находился въ положеніи, наталкивающемъ на нихъ, но я еще до сихъ поръ не знаю удовлетворительнаго на нихъ отвѣта. Съ одной стороны я нахожу, что ложное положеніе должно быть прекращаемо чѣмъ скорѣе, потому что чѣмъ больше оно продолжится, тѣмъ больше недоразумѣній оно будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ. Но съ другой стороны,—что за пріятность быть мишенью для враждебныхъ взглядовъ или же вступать въ безплодную полемику и портить себѣ кровь? Называю эту полемику безплодною потому, что хотя съ унаслѣдованными вѣковыми предразсудками совсѣмъ не трудно воевать, но побѣдить ихъ никакъ не возможно: вѣковые предразсудки все равно, что вкоренившіяся привычки; резонами ты ихъ не искоренишь. Что же дѣлать еврею, если по невольной ошибкѣ къ нему обращаются какъ къ христіанину? Не знаю, хорошо ли дѣлаю, но я въ подобныхъ случаяхъ дѣлаю такъ: если ко мнѣ прямо обращаются съ вопросомъ о моемъ происхожденіи, то я, не колеблясь, прямо объявляю, кто я, потому-что самозванствовать не въ моихъ правилахъ и привычкахъ; но если почему либо считаютъ лишнимъ навести справку о моей личности, то предоставляю людямъ принимать меня за кого хотятъ и дѣлаю это съ чистою

совѣстью, во 1-хъ, потому, что происходящая отъ того невольная ошибка никого ни къ чему не обязываетъ и вреда никому не приноситъ, во 2-хъ, потому, что путешествую совсѣмъ не съ миссіонерскою цѣлью—для прославленія имени Израиля, и въ 3-хъ, какъ космополитъ, имѣю полное право, не напирая слишкомъ на свое происхожденіе, т. е. на совершенно случайное обстоятельство, отождествляться духовно съ тою или другою національностью, между которою застаетъ меня данная минута. Какъ гражданину міра, ничто гражданское, т. е. разумное въ какой нибудь національности не можетъ быть мнѣ чуждо, враждебно или антипатично; стало быть, я нѣкоторымъ образомъ въ самомъ дѣлѣ тотъ, за кого кто-либо меня принимаетъ, и этотъ кто-либо ошибся, относительно меня, только въ ярлыкѣ, но не въ томъ, что онъ подъ этимъ ярлыкомъ хотѣлъ подразумѣвать. Спросятъ: а патріотизмъ? Отвѣчу: космополитизмъ совсѣмъ не исключаетъ патріотизма. Развѣ можно любить всѣ народы, не любя въ томъ числѣ и своего собственнаго? Не будучи хорошимъ гражданиномъ своей земли, можно быть только цыганомъ, но отнюдь не космополитомъ, потому что космополитизмъ есть чувство, сознаніе духовной, нравственной и экономической солидарности всѣхъ народовъ земнаго шара, стало быть и своего собственнаго, а потому плохому гражданину земли своей чуждо это благородное чувство. Нельзя любить ближняго, не любя самаго себя; кто дошелъ до презрѣнія самаго себя, тому до презрѣнія другихъ и ходить не надо...

Прося извиненія за это отступленіе, перехожу къ группированію тѣхъ случаевъ, въ которыхъ я долженъ былъ довольствоваться навязанными мнѣ ролями то русскаго, то нѣмца, то поляка.

Такъ случилось, что шафнеръ или кондукторъ указалъ мнѣ на вагонъ, который былъ наполненъ венгерцами, чехами и представителями другихъ славянскихъ народностей, населяющихъ Австрійскую имперію. Нѣкоторые изъ нихъ были даже въ своихъ національныхъ костюмахъ. Преобладающимъ же элементомъ въ вагонѣ были чехи. Разговоръ происходилъ преимущественно на нѣмецкомъ языкѣ, который, какъ видно, считается въ Австріи нейтральнымъ. Лучше всѣхъ владѣютъ этимъ языкомъ чехи, послѣ нихъ поляки и венгерцы, другіе же австрійскіе народы выражаются на немъ не чисто и съ большимъ трудомъ. Одинъ изъ чеховъ, чело-

вѣкъ весьма интеллигентный, узнавъ, что я изъ Россіи и принявъ меня поэтому за русскаго, за брата-славянина, счелъ своимъ долгомъ подсѣсть ко мнѣ поближе и занимать меня разговоромъ. Узнавъ, что я въ Россіи имѣлъ случай видѣть Палацкаго, Ригера и другихъ корифеевъ чешской интеллигенціи и что въ русскихъ журналахъ теперь очень часто стали появляться переводы съ чешскаго языка, въ особенности повѣстей Божены Нѣмцовой, чехъ такъ обрадовался, что бросился обнимать меня.

— А меморандумъ нашего старика вы уже читали?—спросилъ онъ.

— Читалъ.

— Какъ вы его находите?

— Нахожу, что этотъ меморандумъ—самая лучшая прагматическая исторія чешскаго народа; но мнѣ не нравится то...

— Что?—перебилъ меня чехъ.

Мнѣ не нравится то, что Палацкій обратился съ этимъ меморандумомъ къ Наполеону. Съ какой стати онъ это сдѣлалъ? При чемъ тутъ Наполеонъ? Неужели и вы, подобно полякамъ, станете смотрѣть на наполеонидовъ, какъ на своихъ спасителей? Обманетесь, какъ и поляки обманулись, потому что романскіе народы относятся къ славянскому міру не только равнодушно, но даже враждебно, видя въ немъ нетерпѣливаго наслѣдника накопленныхъ имъ богатствъ. Не знаю, точно ли славянскому міру предопредѣлено получить богатое наслѣдіе «дряхлѣющей» западной Европы, знаю только, что послѣдняя съ завистью смотритъ на ростъ своего младшаго брата, которому добра во всякомъ случаѣ не желаетъ. Если въ ней и замѣчается намекъ на сочувствіе къ полякамъ, то это только потому, что послѣдніе, изъ за своихъ счетовъ съ однимъ изъ славянскихъ народовъ, отказались отъ солидарности со всѣмъ славянскимъ міромъ и тѣмъ сами подписали свой смертный приговоръ, чего недоброжелателямъ славянской идеи только и нужно было. Вотъ почему поступокъ Палацкаго не можетъ быть одобренъ ни однимъ изъ понимающихъ истинные интересы славянъ. Славяне должны понимать, что если они сами себѣ не помогутъ, то никто имъ не поможетъ. Европа будетъ сражаться за независимость грековъ, за благополучіе полумѣсяца, но пальцемъ не пошевельнетъ за право существованія славянъ. Она ни только не воспрепятствуетъ

Бейсту прижимать васъ къ стѣнѣ, но будетъ посильно помогать ему въ этомъ полицейскомъ пріемѣ. Какъ вы полагаете?

— Вашъ взглядъ, пожалуй, и вѣренъ—отвѣтилъ мнѣ чехъ — однакожъ, какъ бы то ни было, Бейсту все таки не спится отъ меморандума. Смотрите, какую тревогу подняли его органы. Они требуютъ, ни больше ни меньше, какъ чтобы Палацкаго притянули къ суду за государственную измѣну! Слышите? за государственную измѣну! Какъ будто обнародованіе хартій, подписанныхъ Габсбургами же и всѣмъ извѣстныхъ, есть преступленіе! Мы развѣ требуемъ незаконнаго? Францъ-Іосифъ столько же король венгерскій, сколько и богемскій. Чѣмъ же венгерцы больше насъ заслужили автономію?

— Тѣмъ, что — протестовали.

— И мы протестуемъ.

— Меморандумами къ императору французовъ?

— Но взяться за оружіе еще не настала пора.

— И никогда не настанетъ.

— Почему?—спросилъ чехъ.

— Потому, что Богемія на половину уже страна нѣмецкая.

— Вотъ это-то насъ и губитъ—сказалъ чехъ, вздохнувъ.—То ли дѣло Венгрія, съ сплошнымъ венгерскимъ населеніемъ!

Въѣзжая въ Прагу, чехъ мой развеселился.

— А вотъ мы скоро и свой театръ будемъ имѣть,— сообщилъ онъ мнѣ, потирая руки отъ удовольствія.

— А драматурговъ имѣете?—спросилъ я.

— Будутъ и драматурги. Сначала, конечно, будемъ переводить, подражать, но потомъ мы сами будемъ творить.

— Дай-то Богъ!

— Все бы хорошо было—продолжалъ чехъ, послѣ нѣкотораго молчанія — если бы не вотъ это — сказалъ онъ, указывая по направленію какой-то боковой улицы.

— Чо тамъ такое?—спросилъ я.

— Жиды!—крикнулъ онъ сердито, заскрежетавъ зубами. — О, эти проклятые жиды! Они намъ бѣльмо на глазу. Я бы пожертвовалъ всѣмъ своимъ состояніемъ, чтобы ихъ не было, покрайней мѣрѣ, въ Прагѣ, столицѣ нашей.

— Сколько ихъ въ Богеміи? — спросилъ я, желая дать чувствамъ моего собесѣдника болѣе хладнокровное направленіе.

— Отъ 80 до 90 тысячъ. Но не ихъ шахрайство насъ возмущаетъ — чортъ ихъ дери съ ихъ шахрайствомъ — насъ возмущаетъ то, что они съ нѣмцами за одно. Живутъ на нашей землѣ, а держатъ сторону злѣйшихъ враговъ нашихъ! Вы любите нѣмцевъ— такъ убирайтесь къ нимъ, не такъ ли?

Я ничего не отвѣтилъ, притворяясь занятымъ созерцаніемъ попадавшихся на пути предметовъ, зданій, вывѣсокъ съ надписями на двухъ и трехъ языкахъ. Но про себя я подумалъ, что правы чехи и правы евреи. Первые потому, что въ самомъ дѣлѣ непріятно и даже вредно имѣть въ своей средѣ людей, не только намъ не сочувствующихъ, но даже противодѣйствующихъ. Послѣднимъ же нѣтъ никакого разсчета удариться въ чешскій сепаратизмъ, пренебрегая могущественною нѣмецкою культурою, приносящею имъ столько добра матерьяльнаго, умственнаго и нравственнаго. Если чехи не могли заинтересовать богемскихъ евреевъ своею національностью ,то тѣмъ хуже для чеховъ; евреи тутъ ни причемъ. Какъ народъ съ извѣстною культурою, они могутъ ассимилироваться только съ народомъ, стоящимъ выше, а не ниже ихъ на лѣстницѣ гражданственности. Требовать отъ нихъ противнаго—значитъ требовать невозможнаго. Что же касается предложенія, чтобы они переселились къ нѣмцамъ, то легче сдѣлать такое предложеніе, чѣмъ согласиться на него. Евреи считаются въ Богеміи аборигенами не десятки, а сотни лѣтъ. Прибытіе ихъ въ эту страну теряется во мракѣ вѣковъ; пражская синагога и пражское еврейское кладбище считаются древнѣйшими въ Европѣ, стало быть, Богемія есть родина евреевъ по преимуществу; далеко же имъ ходить къ нѣмцамъ не зачѣмъ и потому, что въ Богеміи все почти поставлено на нѣмецкую ногу. Чехи могутъ тысячу разъ кричать противъ ненавистнаго имъ нѣмецкаго элемента, но это нисколько не мѣшаетъ имъ пользоваться прекрасными плодами этого элемента: гдѣ послѣдняго нѣтъ, тамъ мертвечина, гниль, лѣнь и первобытная дикость и запустѣніе, какъ въ природѣ, такъ и въ людяхъ. На чешскомъ хозяйствѣ и порядкахъ не далеко уѣдешь. Это чехи сами хорошо знаютъ, а потому они языкомъ нѣмцевъ ругаютъ, а руками они загребаютъ побольше ихъ культурныхъ сѣмянъ и хорошо дѣлаютъ.

А кто этого не дѣлаетъ, тому остается только зѣвать да голодать. Иностранцу совсѣмъ не много навыка нужно, чтобы издали узнавать, какая деревня населена чехами и какая нѣмцами. Признаки той и другой народности сами бросаются въ глаза. Бѣдныя, полуразвалившіяся лачужки, навозныя кучи на дорогѣ, колодцы первобытной архитектуры и незатѣйливые плетни вмѣсто заборовъ, полунагія дѣти въ перемежку съ домашнимъ скотомъ, свиньями и собаками—вотъ вамъ и чехи; противоположное всему этому означаетъ присутствіе прилежныхъ, чистоплотныхъ, трудо-и порядколюбивыхъ нѣмцевъ. Ругать ихъ, если есть охота и безъ причинный задоръ, можете, но не уважать ихъ, не учиться у нихъ — не можете, потому что невыгодно, убыточно.

Заквартировалъ я въ Прагѣ, по рекомендаціи моего чеха, въ чешской гостинницѣ и имѣлъ много причинъ сожалѣть о невольной ошибкѣ моего обязательнаго попутчика, принявшаго меня за брата-славянина. Брату-славянину, пожалуй, и легко мириться съ патріархальными порядками чешскаго hôstinec, но мнѣ было трудно или, по крайней мѣрѣ, непріятно, изъ чего я заключилъ, что не всегда выгодно обладать космополитическою физіономіею, вводящею другихъ въ обманъ, а себя въ скверныя гостинницы. И что всего хуже, на завтра, когда чехъ почтилъ меня своимъ визитомъ, я долженъ былъ изъ вѣжливости солгать, т. е. благодарить его за его рекомендацію; когда же онъ вызвался поручить меня попеченію какого-то чеха въ Карлсбадѣ, я вынужденъ былъ опять солгать, т. е. сказать, что я еще не знаю, останусь ли въ Карлсбадѣ, такъ какъ это будетъ зависѣть отъ опредѣленія медиковъ, хотя по сентенціи, конфирмованной Оппольцеромъ въ Вѣнѣ, ссылка моя на карлсбадскіе родники уже не подлежала ни малѣйшему сомнѣнію.

V.

Скучное общество.—Веселый оптикъ.—Пророкъ Исаія, какъ творецъ новогреческихъ пѣсень.—Конфузъ веселаго оптика.—Его объясненіе.—Даровой спектакль, отъ котораго я рѣшительно отказываюсь.—Польскій эмигрантъ 31-го года.—Его отеческія обо мнѣ заботы.

Чтобы добраться до Карлсбада, намъ на какой то станціи нужно было сѣсть въ дилижансъ, потому что карлсбадская вѣтвь

желѣзной дороги только что начала строиться. Дилижансное общество оказалось скучнымъ, вялымъ, молчаливымъ и чуть не сердитымъ. Мы нѣсколько миль проѣхали, не обмѣнявшись другъ съ другомъ ни однимъ словомъ. Каждый изъ подлобья поглядывалъ на своихъ попутчиковъ и почему то дулся, Богъ знаетъ на кого. Нестерпимая ли жара или возмутительно медленная ѣзда настроила всѣхъ на скверный ладъ, довольно того, что всѣмъ было скучно, тошно, тяжело. Къ моему счастію, дилижансъ сталъ мало по малу высаживать то одного, то другаго изъ скучныхъ попутчиковъ, такъ что къ вечеру онъ остался въ исключительномъ распоряженіи моей особы и еще одного господина, скромно одѣтаго, и его дочери, молодой дѣвушки, очень расфранченной и вѣчно улыбающейся. Въ попутчикѣ моемъ я, по извѣстнымъ мнѣ признакамъ, тотчасъ узналъ единоплеменника, хотя онъ дѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы ввести меня въ заблужденіе на этотъ счетъ. Онъ говорилъ о церквахъ, о епископахъ, о завтрашнемъ храмовомъ праздникѣ, о причащеніи, постоянно восклицалъ Herr Jesus, словомъ корчилъ изъ себя чистокровнаго католика. Я охотно предоставлялъ ему удовольствіе думать, что его маневръ ему вполнѣ удается, тѣмъ болѣе, что это меня очень забавляло. Мнѣ только непріятно было видѣть, какъ отецъ паясничаетъ въ присутствіи своей дочери. Мой попутчикъ былъ, впрочемъ, человѣкъ живой, веселый и словоохотливый. Онъ мнѣ сообщилъ, что онъ по профессіи оптикъ, много путешествуетъ, т. е. разъѣзжаетъ по ярмаркамъ и по водамъ—не лечиться, а торговать. Когда же матеріалъ для сообщеній истощился, онъ сталъ распѣвать пѣсни не то народныя, не то кабацкія, которыя я, изъ благодарности за его доброе намѣреніе не давать мнѣ скучать, долженъ былъ хвалить.

— А по гречески понимаете?—спросилъ онъ меня вдругъ, ни съ того, ни съ сего, когда репертуаръ его пѣсень истощился.

— Нѣтъ — отвѣтилъ я.

— Жаль.

— Отчего?

— Я бы вамъ спѣлъ греческую пѣснь.

— Спойте, пожалуйста, мнѣ любопытно услышать, какъ звучитъ греческая, вѣроятно новогреческая, рѣчь.

— Извольте — согласился мой оптикъ, и, крякнувъ, затянулъ

на голосъ какого то хорала — чтобы вы думали—первую главу изъ пророка Исаіи въ оригиналѣ.

Я долженъ былъ сдѣлать большое надъ собою усиліе, чтобы не разсмѣяться.

Пропѣвъ пять стиховъ, онъ освѣдомился у меня, какъ я нахожу эту пѣсню?

— Великолѣпно—отвѣтилъ я, чуть не прыснувъ смѣхомъ—продолжайте, пожалуйста.

И онъ продолжалъ; но пропустилъ приэтомъ нѣсколько стиховъ.

— Зачѣмъ вы пропустили нѣсколько стиховъ?—прервалъ я его наиневиннѣйшимъ образомъ.

— Что? — спросилъ онъ, ужасно сконфузившись и не вѣря своимъ ушамъ.

— Вы пропустили нѣсколько стиховъ.

— Стало быть, и вамъ знакома эта пѣснь?

— Еще бы.

И я началъ цитировать ему пропущенные стихи.

— Неужели вы....

— Еврей, такъ же, какъ и вы; вы напрасно давали себѣ трудъ разубѣдить меня въ этомъ, я васъ узналъ съ перваго взгляда.

Оптикъ чуть не заплакалъ отъ стыда, а дочь его закрыла глаза, притворившись спящею. Минута была тягостная для всѣхъ насъ; оптикъ однакоже скоро оправился.

— Простите меня великодушно — сказалъ онъ, схвативъ мои обѣ руки — простите, что я такъ долго дурачилъ васъ. Клянусь вамъ Богомъ, что я это дѣлалъ безъ всякаго злаго умысла. Къ этой глупой комедіи я часто бываю вынужденъ обстоятельствами, нуждою. Дѣло въ томъ, что я человѣкъ бѣдный, вести правильную торговлю, держать магазинъ я не въ состояніи, а потому таскаюсь съ своимъ товаромъ по деревнямъ, господскимъ мызамъ и ярмаркамъ. Знай они, что я еврей, они не только ничего не покупали бы у меня, но еще собаками затравили бы. Вотъ и разыгриваю роль христіанина, благо физіономія у меня подходящая; къ тому же знаю всѣ ихъ религіозные обряды и обычаи досконально. Я и Gesangbuch (молитвенникъ) всегда съ собою везу. Чтожъ дѣлать, нужда. И, надобно вамъ знать, эта комедія мнѣ всегда удается. Никто не узнаетъ во мнѣ еврея. Удивляюсь, какъ это вы меня узнали, дол-

жно быть, у васъ взглядъ очень проницательный, какъ у настоящаго талмидъ-хохима (ученаго). Признайтесь, вы вѣдь талмидъ-хохимъ? Я очень люблю ученыхъ, не только нашихъ, но и христіанскихъ. Они обыкновенно благороднѣе и человѣколюбивѣе и не тычутъ человѣка *жидомъ*. Когда мнѣ приходится имѣть дѣло съ ихнимъ ученымъ, я не только своего происхожденія не скрываю, но и въ религіозный диспутъ съ нимъ вступаю и почти всегда остаюсь побѣдителемъ, потому что я въ молодости тоже чему нибудь учился, да и теперь, когда время позволяетъ, люблю заглядывать въ книгу, которая не совсѣмъ еще мнѣ чужда. Вотъ что значитъ гирсе де янкусе (ученіе въ молодости).

Въ эту минуту дочь оптика открыла глаза въ знакъ того. что она уже *проснулась*, а потому онъ счелъ нужнымъ прекратить свои признанія, обѣщаясь, впрочемъ, побесѣдовать со мною въ Карлсбадѣ.

Онъ слово свое сдержалъ: Каждое утро, послѣ обычнаго паломничества къ Sprudel, я имѣлъ удовольствіе принимать его у себя и болтать съ нимъ часъ-другой о томъ и о семъ, а между прочимъ и о карлсбадскихъ новостяхъ, въ которыя онъ, какъ видно, былъ посвященъ больше, чѣмъ редакція мѣстной сезонной газеты «der Sprudel». Я моимъ оптикомъ былъ весьма доволенъ, а онъ мною, кажется, также. Одно только ему во мнѣ не нравилось: то, что я не хочу пойти съ нимъ въ паркъ—смотрѣть на Ротшильда, «какъ онъ въ обыкновенной круглой шляпѣ на головѣ и съ обыкновеннымъ зонтикомъ подъ мышкой гуляетъ себѣ по аллеямъ, какъ совершенно обыкновенный человѣкъ». Обыкновенность этого необыкновеннаго человѣка приводила въ восторгъ моего бѣднаго оптика, который не могъ насытиться лицезрѣніемъ трогательной простоты биржеваго Юпитера, отъ котораго онъ, какъ видно, ожидалъ какого то экстра-ординарнаго костюма и какой то нечеловѣческой походки. Этотъ спектакль, на который онъ отправлялся каждый день, онъ считалъ пріятнѣйшимъ и разумнѣйшимъ изъ всѣхъ карлсбадскихъ развлеченій, а потому онъ не могъ надивиться, что я этому «даровому и поучительному спектаклю» предпочитаю просиживать цѣлые часы въ виду дѣтскаго сада, содержимаго двумя старыми монахинями, «на которыхъ и смотрѣть тошно».

— Ну, что вамъ за охота каждый день смотрѣть, какъ ребятишки прыгаютъ, какъ козлята, и горланятъ, какъ сороки?—усовѣщевалъ онъ меня, пожимая плечами и разводя руками.

— Это дѣло вкуса — отвѣчалъ я, продолжая уклоняться отъ хожденія въ паркъ смотрѣть Ротшильда.

— Странные у людей бываютъ вкусы — замѣчалъ онъ глубокомысленно, оставляя меня въ покоѣ до слѣдующаго дня. Во всемъ же прочемъ, онъ противъ моего вкуса ничего не имѣлъ, не находя въ немъ ничего страннаго.

Отъ пограничнаго прусскаго мѣстечка К*, славящагося своими цѣлебными источниками, рѣдко впрочемъ кѣмъ посѣщаемыми даже изъ пруссаковъ, до Франкенштейна, мы должны были совершить путь въ неуклюжемъ желтомъ ковчегѣ, называемомъ почтовою каретою. Въ эту карету сѣло насъ пятеро, изъ которыхъ одинъ только былъ мнѣ знакомъ по К—скимъ водамъ, гдѣ и онъ выдержалъ полный курсъ леченія. Этотъ одинъ былъ единоплеменникъ, молодой купецъ изъ Бреславля, и такъ-какъ я намѣренъ былъ остановиться въ этомъ городѣ, то купецъ любезно предложилъ мнѣ быть моимъ путеводителемъ по его роднымъ палестинамъ. Изъ другихъ пассажировъ обратилъ на себя мое вниманіе старичекъ съ необыкновенно добродушнымъ лицомъ, толстякъ, добрякъ и весельчакъ, подтрунивавшій надъ нами, пьющими бурду изъ, такъ-называемыхъ, цѣлебныхъ источниковъ, вмѣсто того, чтобы тянуть лафитъ, венгерское или что-нибудь другое въ этомъ родѣ.

— Я—говорилъ онъ—тоже когда-то имѣлъ глупость лечиться, совѣтоваться съ докторами, соблюдать строгую діэту и этимъ путемъ дошелъ до того, что высохъ, какъ щепка, и уже собирался на вѣчный покой. Тогда Богъ надоумилъ меня плюнуть на медиковъ и лекарство, и я взялся за кухню и погребъ, сталъ ѣсть и пить все, что душѣ угодно было, и вотъ я съ того времени есмь здравъ и невредимъ, какъ сами изволите видѣть.

Но въ этомъ старикѣ заинтересовало меня не его веселое міросозерцаніе, а то, что въ его нѣмецкой рѣчи слышался какой-то иностранный акцентъ и даже неправильности противъ языка. Улучивъ удобную минуту, я сообщилъ ему мое недоумѣніе.

— Немудрено—отвѣтилъ онъ — что я плохо говорю по нѣмецки: я не нѣмецъ.

— Кто же вы?

— Полякъ, Божіею милостью.

— Стало быть, мы можемъ разговаривать съ вами по польски?—спросилъ я его уже по польски.

— Z najwikszą chęcią kochany rodaku—отвѣтилъ онъ, крѣпко пожавъ мнѣ руку.

И мы заговорили по польски; но, къ моему удивленію, оказалось, что Божіею милостью полякъ мой плохо говоритъ и по польски. Я не замедлилъ замѣтить ему это.

— Не мудрено—отвѣтилъ онъ со вздохомъ, что я плохо говорю по польски: уже четвертый десятокъ кончается, какъ я кружусь по нѣмечинѣ.

И онъ мнѣ разсказалъ, что онъ родомъ изъ Гродненской губерніи, участвовалъ въ польскомъ возстаніи 31-го года, бѣжалъ за границу, долго блуждалъ по чужимъ землямъ, терпѣлъ горе и нужду, пока ему, наконецъ, удалось поселиться навсегда въ Бреславлѣ. Теперь онъ владѣетъ въ этомъ городѣ двумя каменными домами и одною фабрикою, пристроилъ своихъ дѣтей и живетъ себѣ припѣваючи. Нѣмцевъ не любитъ, но жить съ ними можно. Прусскимъ же правительствомъ онъ вообще доволенъ, по крайней мѣрѣ, не имѣетъ причины жаловаться.

— Здѣсь такъ—объяснялъ онъ мнѣ—дѣлай свое дѣло, исправно плати налоги и никого не трогай, такъ можешь себѣ, какъ у Христа за пазухой, жить. Твоя личность и имущество обезпечены. Самъ король ничего не можетъ тебѣ сдѣлать, а о начальствѣ и говорить нечего, ты ему и кланяться не долженъ. Въ политику не вмѣшиваюсь, на что она мнѣ? Въ газетахъ слѣжу только за коммерческими извѣстіями и биржевыми цѣнами, все же прочее, по моему, выѣденнаго яйца не стóитъ. Говорю вамъ это, какъ старый практикантъ... Но—прибавилъ онъ, и лицо его приняло грустное выраженіе—родина все таки родина. Какъ ни хорошо мнѣ здѣсь, сердце все таки тянетъ туда, къ родному пепелищу, и если бы вы знали, какъ иногда тянетъ! Такъ бы все и бросилъ и полетѣлъ хоть разъ передъ смертью взглянуть на родную хату, родной огородъ, гумно, маленькую, тихую рѣчку, деревянную капличку и неогороженное сельское кладбище съ его вывѣтрившимися деревянными крестами. Хотя для меня, какъ прусскаго подданнаго, нѣтъ никакой опасности съѣздить на родину, поклониться роднымъ могиламъ, но я чувствую, что когда пріѣду и не найду на мѣстѣ того, что я называлъ своимъ гнѣздомъ, я тутъ же умру или удавлюсь отъ тоски и отчаянія... Но не будемъ говорить объ этомъ—сказалъ онъ, махнувъ рукой и вынувъ платокъ, чтобы вытирать навернувшіяся слезы.

До Бреславля онъ успѣлъ мнѣ поразсказать очень много эпизодовъ изъ своей скитальческой жизни, не лишенныхъ интереса. Всѣ ужасы ссылки въ Сибирь ничто въ сравненіи съ униженіями, лишеніями и нуждами, претерпѣваемыми нѣкоторыми эмигрантами въ цивилизованнѣйшихъ странахъ Европы, въ которыхъ на безденежнаго человѣка (а вѣдь не всѣмъ эмигрантамъ удается захватить съ собою свое имущество) смотрятъ, какъ на злѣйшаго врага общества, котораго и на порогъ не слѣдуетъ пускать. Изъ разсказовъ моего поляка я вывелъ заключеніе, что «Путешествія и Pamiętniki lekarza - polaka доктора Трипплина — не совсѣмъ фантастическіе разсказы, а близки къ печальной дѣйствительности, и польская пресса пятидесятыхъ годовъ напрасно нападала на нихъ за ихъ якобы неправдоподобіе. Мой эмигрантъ могъ-бы тоже написать свои pamiętniki, и ихъ тоже нашли-бы преувеличенными.

Какъ только поѣздъ подкатилъ къ бреславльскому бангофу, мой попутчикъ - еврей, обѣщавшійся быть моимъ путеводителемъ, выпрыгнулъ, какъ угорѣлый, изъ вагона и исчезъ въ необозримой толпѣ, тѣснившейся на дебаркадерѣ, неуспѣвъ даже проститься съ нами и назвать мнѣ какую-нибудь гостинницу. Должно быть, что на лицѣ моемъ досада изображена была слишкомъ ясно, потому что полякъ, какъ-бы въ отвѣтъ на волновавшее меня чувство, положивъ свою руку на мое плечо, проговорилъ:

— Вы развѣ отъ жида ожидали большаго? Жиды—плохіе товарищи. Вашъ знакомый, вѣроятно, торопился къ своей богдайкѣ (женѣ), а потому онъ про васъ совсѣмъ забылъ и бросилъ. Но не безпокойтесь; я буду вашимъ путеводителемъ. Гдѣ вашъ багажный билетъ? Подождите меня здѣсь минуточку, пойду распорядиться.

— Пойдемте—сказалъ онъ, воротившись чрезъ нѣсколько минутъ — вашъ багажъ уже отправленъ въ гостинницу, а мы пойдемъ пѣшкомъ: послѣ восемьнадцатичасовой ѣзды и сидѣнья на

одномъ мѣстѣ совсѣмъ не мѣшаетъ пройтись немножко, тѣмъ болѣе, что сегодня вечеръ великолѣпный.

И, взявъ меня подъ руку, онъ зашагалъ со мною по хорошо мощеннымъ и хорошо освѣщеннымъ улицамъ Бреславля. Полчаса спустя, мы уже стояли у параднаго подъѣзда гостинницы очень большихъ размѣровъ.

Полякъ два раза позвонилъ. Дверь быстро распахнулась настежь, и предъ нами предсталъ оберъ-кельнеръ, окруженный всѣмъ своимъ штабомъ.

— А, г-нъ Кр—скій! Какъ поживаете?—весело привѣтствовали офиціанты своего, какъ видно, добраго знакомаго.

— So, so, благодарствую—отвѣтилъ г. Кр—скій. — Ну вотъ я вамъ привелъ своего земляка, стало-быть, вы должны отвести ему нумеръ первый сортъ и беречь его, какъ зѣницу ока; не то, я васъ вздую. Слышите ребята?

— Слушаемъ, ваше высочество!—гаркнули офиціанты, приложивъ пальцы къ своимъ вискамъ.—Все будетъ въ порядкѣ.

— Такъ и у меня все будетъ въ порядкѣ—сказалъ г. Кр—скій, намекая на хорошій Trinkgeld.—А что, хозяинъ уже спитъ?

— Нѣтъ еще, онъ въ столовой.

— Такъ кланяйтесь ему и скажите, что я, можетъ быть, еще зайду сегодня же, стало быть...

— Leben heist doch lustig sein — подхватили офиціанты, намекая на незнакомыя мнѣ, но, какъ видно, не совсѣмъ печальныя обстоятельства.

Распростившись со мною, какъ со старымъ уже знакомымъ, онъ ушелъ, а я отправился въ указанный мнѣ нумеръ, который, въ самомъ дѣлѣ, былъ первый сортъ. На завтра я узналъ, что г. Кр—скій ночью два раза заходилъ въ гостинницу и хотѣлъ проникнуть въ мой нумеръ, чтобы убѣдиться, все ли въ порядкѣ и покойно ли я сплю, но офиціанты, памятуя его наказъ, беречь меня, какъ зѣницу ока, не пустили его ко мнѣ, чтобы меня не обезпокоить. Часу въ девятомъ онъ уже сидѣлъ у меня и продолжалъ прерванный разсказъ о своихъ приключеніяхъ. Слегка позавтракавъ, мы въ отельномъ экипажѣ отправились кружить по всѣмъ направленіямъ города, при чемъ я имѣлъ случай убѣдиться, что мой полякъ, при всемъ своемъ человѣколюбіи и добросердечіи, ужасно не любитъ евреевъ. Съ пѣною у рта указывалъ онъ мнѣ на плацъ, проданный муниципалитетомъ еврейской общинѣ подъ постройку новой синагоги. По его мнѣнію, муниципалитету не слѣдовало это сдѣлать даже за милліонъ талеровъ. Когда я его спросилъ, отчего онъ такъ озлобленъ противъ евреевъ, не насолили ли они ему чѣмъ нибудь, онъ мнѣ отвѣтилъ, что онъ съ ними вообще никогда дѣла не имѣлъ, но не любитъ ихъ по принципу; это чувство у него врожденное.

— Кромѣ того — прибавилъ онъ — меня возмущаетъ ихъ дерзость, нахальство, стремленіе быть вездѣ первыми, перещеголять всѣхъ шикомъ и богатствомъ, Богъ знаетъ, какими неправдами нажитымъ. Я, извольте видѣть, человѣкъ, можно сказать, довольно богатый и столовой дворянинъ, Божіею милостью, однако-же, живу себѣ простымъ бюргеромъ, никому не лѣзу въ глаза, не даю пировъ на весь міръ, не заставляю о себѣ трубить, словомъ—знаю свое мѣсто въ обществѣ. Съ жидомъ-же такъ: вчера онъ старыми голенищами торговалъ и былъ радъ, что у него на селедку съ лучкомъ хватало, а сегодня, чуть у него завелись деньжата, ему уже нужны дворцы, виллы, экипажи, ливрейные лакеи, метрессы, лѣзетъ въ знать, хочетъ непремѣнно быть «фономъ», корчитъ изъ себя любителя и покровителя наукъ и искусствъ, хотя онъ въ этихъ вещахъ понимаетъ столько, сколько свинья въ апельсинахъ, и въ душѣ, какъ круглый невѣжда, глубоко презираетъ людей науки и искусства, какъ дураковъ, не имѣющихъ въ своемъ распоряженіи огромныхъ годовыхъ доходовъ. Скажите, развѣ можно любить такого нахала и не слѣдуетъ-ли гнать его по шеямъ изъ всякаго порядочнаго общества?

— Слѣдуетъ — отвѣтилъ я; слѣдуетъ — отвѣтитъ, вѣроятно, каждый изъ моихъ безпристрастныхъ единовѣрцевъ, понимающихъ, какъ гибельно вышеописанная слабость, общая почти всѣмъ внезапно разбогатѣвшимъ евреямъ, дѣйствуетъ на отношенія къ намъ христіанскаго общества. Отношенія эти, какъ извѣстно, не только не улучшаются, но ухудшаются, помимо блистательнѣйшихъ успѣховъ цивилизаціи. Это—фактъ, котораго нельзя не констатировать, какъ онъ для насъ ни прискорбенъ. Предполагать-же въ этомъ прискорбномъ фактѣ вліяніе, такъ называемыхъ, господствующихъ религій будетъ слишкомъ наивно; въ наше время европейское че-

ловѣчество меньше всего можетъ быть обвиняемо въ религіозной истерпимости. Слѣдовательно, причинъ общаго къ намъ нерасположенія слѣдуетъ искать въ болѣе конкретныхъ проявленіяхъ нашего быта, а эти проявленія — нечего грѣха таить — не всегда достохвалимы. Не наше богатство возмущаетъ, а употребленіе, какое мы изъ него дѣлаемъ. Гоняться за капиталами, чтобы имѣть возможность тратить ихъ на шикъ, мишуру — въ высшей степени глупо; а то, что глупо, возбуждаетъ въ однихъ смѣхъ, а въ другихъ негодованіе. Умственное или нравственное превосходство никого противъ себя не вооружаетъ, такъ какъ оно служитъ предметомъ удивленія, благоговѣнія, но отнюдь не зависти, ненависти; *) но если мы это неоспоримое и неотъемлемое превосходство думаемъ замѣнять превосходствомъ жилищъ, экипажей и нарядовъ, то нѣтъ ничего удивительнаго, что находятъ нашу затѣю смѣшною и возмутительною. Что пользы въ блестящемъ шумѣ, въ которомъ рѣзкіе свистки преобладаютъ надъ робкими апплодисментами, и то еще купленными? Нанятые клакеры никому еще не составили прочной репутаціи, а безъ прочной репутаціи мы никогда не уйдемъ впередъ, потому что насъ всегда будутъ тянуть назадъ. Если не установимъ центра тяжести въ себѣ самихъ, то наша лодка никогда плавно не поплыветъ, а всегда будетъ подвергаться качкѣ, которая можетъ сдѣлаться даже очень опасною... Поймите это, богатые евреи, и благо будетъ вамъ, а также вашимъ единовѣрцамъ небогатымъ, противъ которыхъ вообще ничего не имѣютъ, но на долю которыхъ приходится большая половина ударовъ, назначенныхъ собственно для васъ и не доходящихъ по адресу по какому-то роковому недоразумѣнію или-же по несчастной привычкѣ обвинять евреевъ огуломъ, не отличая невиннаго отъ виновнаго. Въ прежнія времена, когда въ еврейской средѣ ясно сознавалась и энергически поддерживалась солидарность ея племенныхъ интересовъ, круговая порука имѣла еще смыслъ; но теперь, когда эта солидарность съ каждымъ днемъ слабѣетъ все больше и больше,

***) У насъ это, къ сожалѣнію, нельзя сказать даже о людяхъ, которыхъ привыкли называть лучшими. Безчисленные примѣры подобной ненависти и зависти доставляютъ даже университеты и академіи.** *Издатель.*

когда евреи не только доросли до принципа: «всякъ за себя», даже сами сторонятся отъ своихъ единовѣрцевъ, чтобъ имѣть возможность хвастать своимъ якобы безпристрастіемъ, и отказываютъ еврею въ томъ, въ чемъ ни въ какомъ случаѣ не отказывали бы иновѣрцу, чѣмъ собственноручно бьютъ себѣ по ланитамъ, теперь, говоримъ, заставлять младшихъ отдуваться за глупости или за провинности старшихъ въ высшей степени несправедливо. «Ѣдящій неспѣлое пусть и имѣетъ на зубахъ оскомину»....

Пообѣдавъ съ г. Кр — скимъ, не отстававшимъ отъ меня ни на шагъ, à la carte, я началъ уже собираться въ путь и потребовалъ счета.

— Уже заплочено—отвѣтилъ оберъ-кельнеръ.

— Что это значитъ? — обратился я, озадаченный, къ моему путеводителю.

— Это значитъ — отвѣтилъ послѣдній — что вы мой гость, а потому вы моимъ хлѣбомъ-солью брезгать не должны, да и не позволю. Я всегда такъ поступаю съ родаками, которыхъ мнѣ удается подцѣпить. Это мое единственное удовольствіе, въ которомъ вы отказать мнѣ не можете. Простите, что я васъ не принялъ у себя: мои домашніе разъѣхались, кто на воды, а кто въ гости къ роднымъ, и я теперь на холостомъ положеніи, а потому я гостей принимаю теперь въ гостинницѣ.

Я хотѣлъ было возразить, но старикъ, схвативъ мой сакъ, крикнулъ: «Ѣдемъ, мы поѣздъ опоздаемъ!» выбѣжалъ изъ нумера и сталъ спускаться съ лѣстницы, такъ что я волей-неволей долженъ былъ за нимъ послѣдовать.

На бангофѣ онъ, не смотря на свои шестьдесятъ пять лѣтъ и на мои просьбы не безпокоиться, самъ возился отдачею моего багажа и взятіемъ билета, точно онъ сына роднаго въ путь отправлялъ. При прощаніи-же, чудакъ крѣпко обнялъ меня и зарыдалъ, какъ ребенокъ. Но главное я забылъ сказать, что онъ ни разу не спросилъ меня о моемъ имени. Для него довольно было, что я *родакъ*, чтобы онъ обходился со мною, какъ съ роднымъ.

Велика, стало-быть, сила любви къ родинѣ.

. . . .

О другихъ моихъ путевыхъ впечатлѣніяхъ когда-нибудь, въ другое время.

Л. Леванда.

ВѢКЪ ПЕРЕЖИТЬ—НЕ ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ.

(ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ ОТСТАВНАГО СОЛДАТА).

I.

Мнѣ около 40 лѣтъ; но сколько именно — не знаю: у евреевъ никакихъ метрикъ прежде не велось. Проведенные среди различныхъ бурь житейскихъ, долгіе эти годы во многомъ просвѣтили и научили меня, и я хочу разсказать: какъ текла жизнь моя и окружавшихъ меня людей дома, въ учебныхъ и ремесленномъ заведеніяхъ, въ службѣ, короче—вездѣ, куда судьба меня толкала, благо я съ самаго малаго возраста любилъ прислушиваться ко всему и запоминать слышанное и виданное.

Родомъ я изъ мѣстечки Ш. К—ской губерніи. Отецъ мой, какъ вообще простолюдины-евреи, вступилъ въ супружество въ раннемъ возрастѣ. Семейство наше состояло изъ отца, матери, двухъ гораздо старшихъ меня братьевъ (сынъ старшаго брата былъ мнѣ ровесникомъ по лѣтамъ) и двухъ сестеръ, также старшихъ меня. Жили мы всѣ, за исключеніемъ старшаго брата, вмѣстѣ; онъ же со своею семьею занималъ особый, ему принадлежавшій домъ. Роскоши у насъ, въ обоихъ домахъ, никакой, правда, не было, но мы ни въ чемъ и не нуждались: отецъ располагалъ достаткомъ и хозяйство наше было обширное. Народу посѣщало насъ много (бывали и русскіе, отъ которыхъ все наше семейство выучилось правильно говорить по русски), но всѣ преимущественно по дѣламъ: отецъ не допускалъ никакихъ пиршествъ, дружился не охотно, и за это его называли скупымъ и не жаловали; онъ не обращалъ, впрочемъ, никакого на это вниманія, говоря: «глупцамъ больше нечего дѣлать, какъ завидовать, судачить, ну и пусть ихъ на здоровье». По званію, отецъ принадлежалъ къ мѣщанамъ мѣстечка. Занимался онъ

съ братьями гуртовою торговлею лошадьми, которыхъ покупалъ и продавалъ цѣлыми табунами, для чего разъѣзжалъ со старшимъ братомъ Хаимомъ по ярмаркамъ всего западнаго края и прилегавшихъ къ нему губерній. Отца считали, кромѣ того, и человѣкомъ умнымъ. Онъ имѣлъ рѣшительный, крутой характеръ, былъ молчаливъ и строгъ въ домашнемъ быту, а къ религіознымъ обрядамъ относился довольно равнодушно, не смотря на свои пожилыя ужь лѣта. Синагогу, напримѣръ, посѣщалъ онъ рѣдко; въ нужныхъ случаяхъ и по субботамъ разсчитывался, бралъ и отдавалъ деньги, стараясь, впрочемъ, дѣлать это такъ, чтобы мы, меньшія дѣти, не замѣчали. Мать, напротивъ, была женщина неразвитая, но весьма религіозная, кроткая и чрезъ чуръ ужь мягкая. Однако, за отступленія отца отъ обрядовъ, она часто укоряла его и называла безбожникомъ.

— Я веду себя честно, тружусь для тебя, для дѣтей, и Богъ, надѣюсь, проститъ мои мелкіе, невольные проступки — отвѣчалъ, обыкновенно, отецъ;—а если опасаешься, что не проститъ—усерднѣе молись за меня.

Мать не всегда довольствовалась такимъ отвѣтомъ, и тогда отецъ прикрикивалъ на нее, и она смолкала. Отецъ все соединялъ въ своихъ рукахъ; никто изъ домочадцевъ не рисковалъ противорѣчить отцу, потому что онъ держалъ всѣхъ, какъ говорится, въ ежевыхъ рукавицахъ.

Въ домѣ брата, напротивъ, царила его жена, женщина настойчивая, сварливая, которой мужъ — вѣчно занятый—не въ силахъ былъ мѣшать, тѣмъ болѣе, что онъ характеромъ походилъ на мать. Но когда брату становилось ужь чрезъ чуръ жутко, онъ жаловался отцу, и тотъ, извинявшій слабость брата за его опытность и ловкость въ дѣлахъ, отправлялся къ нему и водворялъ тамъ *свой* порядокъ.

До какой степени отецъ обладалъ непреклонною волею, легко судить по слѣдующему. По господствовавшему среди евреевъ обычаю, супружества дѣтей устраивались родителями уже тогда, когда дѣти не чувствовали еще къ браку никакой естественной склонности — по малолѣтству. Въ силу этого обычая, и старшая сестра моя, Рахиль, по мольбамъ матери была обручена въ 12 лѣтъ съ сыномъ зажиточнаго еврея, содержавшаго огромную корчму въ томъ же мѣстечкѣ.

Какъ будущіе родственники, оба семейства посѣщали другъ друга года три сряду. Между тѣмъ отецъ издавна былъ пріятелемъ съ сосѣдомъ моего брата, богатымъ евреемъ-цирюльникомъ. Цирюльникъ этотъ, по совѣту благожелателей-помѣщиковъ и чиновниковъ, отправилъ единственнаго сына своего Моисея учиться въ Вильно, въ высшую школу или академію—не помню. Прошло нѣсколько лѣтъ. Моисей вернулся въ нашу мѣстность казеннымъ лекаремъ. Отецъ пошелъ поздравить пріятеля съ прибытіемъ сына и сразу же сошелся во взглядахъ съ Моисеемъ, расположившимъ его къ себѣ тѣмъ, что держалъ себя просто, не кичился своимъ званіемъ и съ пренебреженіемъ отзывался о многихъ устарѣвшихъ еврейскихъ порядкахъ. Отецъ пригласилъ Моисея съ его родителями къ себѣ и, на перекоръ своимъ правиламъ и на диву сосѣдямъ, задалъ пиръ горой. Послѣ того отецъ, какъ только бывалъ дома, постоянно бесѣдовалъ съ Моисеемъ, то у себя, то у него. Моисей не могъ, конечно, не замѣтить миловидной Рахили и часто разговаривалъ съ нею, хотя это считалось у евреевъ по меньшей мѣрѣ неприличнымъ. Однажды утромъ мать уѣхала верстъ за сто, погостить къ своимъ родственникамъ. Проводивъ ее, отецъ подозвалъ къ себѣ Рахиль и прямо спросилъ ее: любитъ ли она своего жениха?

— Не знаю — робко отвѣтила она. — Вамъ угодно было просватать меня за него, я и постараюсь любить его.

— А кто больше тебѣ нравится: твой женихъ, или лекарь Моисей?

— Воля ваша.... не знаю.... кажется.... заговорила она, зардѣвшись.

— Говори прямо: лекарь, да?

— Онъ... онъ такой красивый.... такъ хорошо себя держитъ... говоритъ такъ пріятно, умно.... ты его такъ почитаешь....

— Довольно: я избавлю тебя отъ этого плюгаваго корчмаря и сдѣлаю счастливою. Моисей человѣкъ достойнѣйшій, и, главное, своимъ званіемъ освобожденъ отъ всѣхъ тѣхъ обидъ и непріятностей, которыя достаются намъ, обыкновеннымъ евреямъ, отъ всякаго встрѣчнаго и поперечнаго за то только, что мы евреи...

И онъ всталъ, прямо пошелъ къ цирюльнику и предложилъ ему выдать дочь за Моисея. Тотъ, человѣкъ не изъ бойкихъ, нашелъ

было невозможнымъ измѣнять обычаю — брать просватанную, а отецъ доказывалъ ему, что обычай—пустяки. Спорили они, спорили и положили предоставить рѣшеніе вопроса самому Моисею. Это отцу было на руку: онъ еще раньше съ нимъ договорился объ этомъ. Моисей пожелалъ жениться на сестрѣ. Отецъ вернулся домой и послалъ за давнишнимъ женихомъ Рахили и его родителями. Всѣ трое явились, разсѣлись вокругъ стола, въ ожиданіи разсужденій о томъ, когда же, наконецъ, сыграть давно жданную свадьбу; но, услышавъ рѣшительный отказъ выдать Рахиль, подняли шумъ, гвалтъ, грозили жаловаться раввину за дерзкое нарушеніе священнаго договора. Отецъ, зная цѣну своимъ собесѣдникамъ, купилъ ихъ молчаніе за наличные двѣсти рублей ассигнаціями, получилъ съ нихъ въ этомъ росписку и выпроводилъ домой. На другой же день обручили сестру съ Моисеемъ безъ всякихъ, подобающихъ случаю, церемоній.

Мать поражена была этою чрезвычайною новостью.

— Ты такой же еретикъ, какъ лекарь—вопила она со слезами.— И не мудрено, что вы сошлись.

— Еслибъ такихъ еретиковъ нарождалось среди насъ хоть по десяти въ годъ, мы давно бы ужь не были такими невѣждами, пошляками, какими остаемся доселѣ—возразилъ отецъ.—Насъ не смѣшивали бы съ грязью, какъ теперь. Исколесивши край тысячу разъ во всѣ стороны и насмотрѣвшись вдоволь на всякихъ людей, я говорю это по горькому опыту. Впрочемъ, гдѣ тебѣ, рохлѣ, все это понять, когда дальше своего носа ничего не видишь.

— А какъ же ты смѣлъ обручить дочь безъ меня? Вѣдь я ей не чужая, а мать, родная мать?...

— Нарочно, чтобы не слышать твоихъ глупыхъ рѣчей, чтобы ты, въ порывѣ твоего благочестія, не мѣшала мнѣ кончить. Вотъ тебѣ и вся недолга. Не смѣй мнѣ объ этомъ больше и заикаться. Слышишь, что я говорю?

Онъ стукнулъ кулакомъ объ столъ и ушелъ. Мать, сознавая, что разстроить не въ силахъ, по немногу угомонилась. Событіе это, касавшееся лишь трехъ семействъ, взволновало все мѣстечко. Толкамъ и пересудамъ не было конца. И сердитое безсиліе нѣкоторыхъ ярыхъ защитниковъ обычаевъ простиралось до того, что, когда Рахиль вѣнчали съ Моисеемъ возлѣ синагоги, въ нихъ издали

бросали грязью, родителей вѣнчавшихся бранили на всевозможные лады, обоимъ семействамъ грозили карою божьею.

Да и было изъ за чего, какъ вскорѣ и обнаружилось. Моисей не носилъ ни пейсиковъ, ни ермолки, ни цицесъ, ни еврейской одежды, не допускалъ, чтобы Рахиль сбрила свои великолѣпные волосы, одѣлъ ее по своему вкусу, представилъ своимъ христіанскимъ знакомымъ, сталъ затѣмъ учить ее русской грамотѣ и свѣтскимъ манерамъ и проч. Въ свою очередь и Рахиль, страстно полюбивши Моисея, всецѣло отдалась въ его распоряженіе съ такимъ рвеніемъ и послушаніемъ, что чрезъ три-четыре мѣсяца ее нельзя было и узнать. Цирюльникъ, благоговѣя предъ сыномъ, ни въ чемъ ему не препятствовалъ и незамѣтнымъ образомъ самъ подпадалъ подъ его руководство; отецъ же мой не могъ достаточно нарадоваться житью-бытью Моисея и Рахили. Все это раздражало нашихъ родственниковъ и сосѣдей, и они постепенно прервали съ нашими семействами всякія сношенія. Дѣло, разумѣется, не обошлось безъ злословія и сплетень. Отъ всего этого страшно страдала моя мать, которой все это было не по душѣ и которая потеряла всѣхъ своихъ подругъ, такъ что некому было ей повѣрить свое горе и отводить душу въ интимной бесѣдѣ. Свою досаду она часто срывала на отцѣ, осыпая его упреками, и предрѣкая ему всякія напасти «за богоотступничество».

— Не наружными признаками надо быть угоднымъ Богу, а поступками, честными поступками—вразумлялъ ее отецъ.—Дочь счастлива съ Моисеемъ и больше нечего толковать; отъ досужей же болтовни намъ ни тепло, ни холодно.

Съ окончательнымъ пристройствомъ Рахили отцовское вниманіе перешло на меня. Онъ отдалъ меня въ школу, гдѣ я впервые извѣдалъ, какъ горекъ корень ученья, хоть сладкихъ его плодовъ не вкушалъ никогда. Учитель, маленькій, горбатый, рыжій еврей, наказывалъ насъ, мальчугановъ, за всякіе пустяки, колотилъ куда попало и даже нерѣдко стучалъ нашими головами объ стѣну. Мы его страшно ненавидѣли и дурно учились, чтобы больше бѣсить его. Всѣ вразумленія со стороны моей сестры Рахили, ея мужа и отца ни къ чему ни повели. Онъ былъ единственный въ мѣстечкѣ и пользовался своею монополіею.

— Ежели я плохой учитель вашему сыну, найдите ему другаго, лучшаго—возражалъ онъ.—Вамъ это ничего не стоитъ: деньгами Богъ васъ не обидѣлъ; вашъ *докторъ* выпишетъ вамъ профессора, и тогда вы втроемъ всю религію легко отмѣните.

Отцу надоѣли, наконецъ, жалобы, и я пересталъ шляться къ горбачу, благо Моисей взялся самъ учить меня грамотѣ. Я очень прилежно занимался съ нимъ, но онъ часто на нѣсколько дней уѣзжалъ по больнымъ, и потому я не оказывалъ значительныхъ успѣховъ въ наукахъ, кромѣ русскаго языка, да и этому помогало то, что и у насъ, и у цирюльника часто бывали русскіе и съ ними всѣ говорили по русски.

Прошло года полтора. Все у насъ шло благополучно. Только мать моя все убивалась изъ за нашего совращенія и отъ тоски впала въ чахотку. Она на отрѣзъ отказалась лечиться у зятя Моисея, а довольствовалась знахарями. Разъ, когда на нашемъ дворѣ и конюшнѣ было очень много накупленныхъ лошадей и разной другой скотины, отецъ уѣхалъ по дѣламъ къ какому то помѣщику. Вдругъ ночью загорѣлся сѣновалъ, и пожаръ, вслѣдствіе сильнаго вѣтра и отсутствія всякихъ средствъ къ тушенію, истребилъ всю постройку, всю скотину, словомъ все наше достояніе. Несчастная больная мать моя, которую въ суматохѣ забыли, также сдѣлалась жертвою пламени. Горе наше было ужасное: мы остались сиротами и въ одномъ бѣльѣ... Ясновидѣвшіе же евреи увѣряли, что это кара Божья, которая должна была постигнуть насъ за безвѣріе отца, сестры, зятя, что кара эта вполнѣ заслуженная нами. Отецъ, вернувшись утромъ домой, изъ всего своего состоянія засталъ одно пепелище... Онъ обвелъ все блуждающими глазами, какъ вкопанный простоялъ съ часъ на одномъ мѣстѣ, вздохнулъ тяжело и направилъ свои шаги къ Моисею. Тамъ порѣшили, чтобы отецъ и Янкель жили у Хаима, у котораго еще остался табунъ въ сто лошадей, а я и младшая сестра у Рахили.

Отецъ съ братьями и работниками разрыли огромыя горы пепла, обгорѣлыхъ бревенъ и кирпичей, покуда нашли кости матери, которыя Моисей сложилъ и затѣмъ похоронили. Послѣ этого отецъ отправилъ братьевъ продавать оставшихся лошадей, а самъ принялся вновь строиться на деньги, взятыя заимообразно у цирюльника. Чрезъ два мѣсяца мы праздновали новоселье.

Къ новоселью вернулись братья съ значительными барышами, а

семьи Хаима, Моисея и цирюльника пришли съ весьма цѣнными денежными подарками. Отецъ былъ такой веселый, какимъ я его дотолѣ никогда не видалъ. Такъ какъ въ новомъ домѣ недоставало хозяйки, то вскорѣ женили Янкеля. Хотя съ Ривкою — такъ звали жену Янкеля—и прибавилось отцу денегъ—ея приданое, на торговлю, но сама она была еще совершеннѣйшій ребенокъ, веселенькое, бойкое, пятнадцатилѣтнее существо, которое и понятія не имѣло о томъ, что значитъ жена и хозяйка.

Наши дѣла значительно поправились, но счастье наше продолжалось недолго. Убѣдившись, что Ривка не хозяйка, отецъ рѣшился самъ жениться во второй разъ. Высокая, полнолицая, краснощекая двадцатипятилѣтняя мачиха оглядѣла насъ высокомѣрно, забрала все въ руки, ввела во всемъ строгій порядокъ, экономничала до скаредности, била и щипала насъ, словомъ, сдѣлалась для насъ настоящею мачихою. Жалобы отцу ни къ чему не повели, такъ какъ онъ любилъ и уважалъ ее за то, что она уклонялась отъ знакомства съ сосѣдями и обиденными сплетницами, и вела себя неприступно.

Была осень. Отецъ отправился на ярмарки. Войска стягивались ближе къ границѣ, приготовляясь въ Венгерскій походъ, и нашъ домъ, въ которомъ постоемъ очутился бравый усатый фельдфебель, превратился въ настоящую казарму и манежъ. Солдаты стекались къ намъ для ученій, и мы были свидѣтелями самыхъ страшныхъ истязаній несчастныхъ солдатъ за малѣйшій промахъ въ шагистикѣ. Не было возможности выносить эти зрѣлища. Къ тому еще фельдфебель старался пакостить намъ на каждомъ шагу: поднималъ шумъ и гамъ, бросалъ сало въ нашу пищу, отчего она дѣлалась трефною, и мы не могли ѣсть ее, вымазывалъ намъ лица грязнымъ мыломъ отъ бритья, и т. п. Моисей просилъ квартировавшаго у него молодаго ротнаго командира запретить фельдфебелю такъ жестоко и безчеловѣчно обращаться съ солдатами, но тотъ отвѣтилъ ему, что безъ этого не выучишь, и что кадетовъ тоже дерутъ.

— Избавьте насъ, Василій Ѳомичъ, пожалуста, отъ вашихъ ученій — рѣшилась, наконецъ, мачиха просить фальдфебеля.—И дѣти, и я сама спокою лишились; пожалѣйте насъ...

— А будешь хорошо кормить и водкой поить?—спросилъ онъ.

— Буду, буду; ну довольно съ васъ?

— Нѣтъ, мало: еще полюби меня: вѣдь стою.

Онъ пріосанился и вперилъ глаза въ мачиху.

— Многаго ужъ хотите—кокетливо улыбаясь, отвѣтила мачиха.

На другой день фельдфебель перевелъ ученья къ сосѣдямъ, а мѣсяца черезъ три, когда отецъ вернулся изъ своей поѣздки, излишняя полнота мачихи явно обнаружила, что ухаживанье фельдфебеля было не безуспѣшно.

Замѣтивъ это, отецъ трое сутокъ ничего не ѣлъ, ни съ кѣмъ не говорилъ, все скрежеталъ зубами, волновался.

— Винись же, винись, окаянная—закричалъ онъ, наконецъ, на мачиху, топнувъ ногой.

— Не въ чемъ—дерзко отвѣтила она.

— Ка-акъ? не въ чемъ?! Ты опозорила меня, мой домъ, ты нарушила священный обѣтъ.

— А ты думалъ найти во мнѣ даровую работницу, которая будетъ возиться съ твоими мерзкими щенятами, въ то время, когда ты будешь шататься, Богъ вѣсть гдѣ? Сидѣлъ бы дома и этого, можетъ статься, не случилось бы, а то отъ тоски и не то еще бываетъ. Вотъ тебѣ моя повинная.

— Коли ты считаешь себя неповинною, такъ разъ—разведемся.

— И прекрасно! только поскорѣй устрой это. Покуда солдаты здѣсь—я успѣю еще креститься и выдти за Василія Ѳомича.

— Чт-то-о? — вскрикнулъ не своимъ голосомъ отецъ.—Лицо его искривилось, онъ зашатался, повалился на лавку, ломалъ руки, стучалъ головой объ стѣну, рвалъ на себѣ волосы и глухо рыдалъ. Мачиха накинула платокъ на голову и ушла. На слѣдующій день она получила разводъ и изрядную сумму денегъ, а отецъ уѣхалъ.

Описанный казусъ взбудоражилъ все мѣстечко; умы были на столько возбуждены, что въ мачиху плевали, кидали грязью, каменьями, такъ что она принуждена была на крѣпко запереться дома; не давали проходу и намъ: поздравляли родствомъ съ фельдфебелемъ, дразнили и бранили насъ. Но не успѣли еще забыть объ этомъ казусѣ, какъ случился другой въ домѣ Моисея, гдѣ я теперь постоянно находился. Моисей по вечерамъ читалъ въ своемъ кабинетѣ, чрезъ двѣ комнаты отъ жениной спальни. «Гвалтъ, караулъ!» услышалъ я разъ ночью крикъ Рахили и бросился къ

ней. Рахиль, раздѣтая, стояла на кровати, а возлѣ, въ халатѣ, офицеръ и Моисей.

— Зачѣмъ ты здѣсь?—грозно спрашивалъ Моисей.

— Затѣмъ, зачѣмъ и всѣ мужчины бываютъ объ эту пору въ спальняхъ женщинъ—съ ядовитымъ смѣхомъ отвѣчалъ офицеръ, проталкиваясь къ двери.—Экая важность! Не удалось, уйду. Пусти. Прочь съ дороги, жидъ пархатый!

— Я не пархатый, а чище тебя, подлеца.

— Ка-акъ? Я подлецъ? Я, офицеръ, подлецъ? Вотъ тебѣ за это!

Онъ ударилъ Моисея по щекѣ. Моисей сдалъ ему такъ ловко, что тотъ щелкнулся объ косякъ двери и грохнулся на полъ. Моисей схватилъ палку и добавилъ ему... Моисея съ трудомъ усмирили и вывели въ кабинетъ, а офицера въ свою комнату. На утро офицеръ лежалъ больной. Онъ пригласилъ къ себѣ все семейство, извинился предъ нимъ, разсказавъ при этомъ, что на ночной скандалъ подбила его кухарка: она увѣрила его, за рубль, будто бы Моисей ушелъ въ гости одинъ, а сестра, пользуясь удобнымъ временемъ, сама, чрезъ нее же, кухарку, приглашала его къ себѣ, а онъ, будучи выпивши, повѣрилъ ей и пробрался, по ея указанію, чрезъ кухню въ спальню. Какъ лекарь, Моисей началъ лечить своего вчерашняго врага, а кухарку тотчасъ же прогнали. Офицеру прислали, между тѣмъ, приказъ выступить въ походъ. Онъ рапортовался больнымъ, этому не повѣрили, и прислали полковаго лекаря освидѣтельствовать его. Лекарь этотъ, враждовавшій съ зятемъ изъ-за практики, вздумалъ отмстить «жиду», и, противъ желанія офицера, донесъ, что онъ избитъ Моисеемъ, о чемъ кухарка раззвонила по всему мѣстечку. Офицера свезли въ городъ, полковой командиръ донесъ высшему начальству о происшествіи, и возникло слѣдствіе. Изъ этой оказіи враги наши вынесли полное убѣжденіе, что Моисей дѣйствительно баринъ, а не простой жидъ: послѣднихъ за всякіе пустяки будочники дули въ усъ да въ рыло и стаскивали за шиворотъ на съѣзжую, а перваго и за уголовщину только *пригласили* пожаловать въ городъ, къ слѣдователю.

Моисей, возвратившись отъ слѣдователя, разсказалъ, что его обвиняютъ въ нанесеніи офицеру ранъ; а потому отъ него отобрали подписку въ томъ, что онъ и сестра обязываются никуда не

отлучаться дальше своего уѣзда до окончанія слѣдствія. Но вмѣстѣ съ этимъ извѣстіемъ онъ привезъ еще болѣе печальную вѣсть о томъ, что отецъ мой арестованъ и обвиняется въ покупкѣ краденныхъ лошадей. Ѣдучи вмѣстѣ со старшимъ братомъ Хаимомъ съ одной ярмарки, отецъ отсталъ отъ него на сутки въ одномъ городѣ, чтобы получить долгъ съ помѣщика, и тамъ случайно купилъ на базарѣ у какого-то шляхтича пару лошадей за 100 р., догналъ брата, присоединилъ ихъ къ табуну и выставилъ въ числѣ прочихъ, на слѣдующей ярмаркѣ въ Бѣлостокѣ. Вдругъ офицеръ явился туда якобы покупать лошадей, разсмотрѣлъ табунъ, вклепался въ эту именно пару, говоря, что она украдена изъ полковой конюшни, призвалъ полицію, и та возвратила лошадей—офицеру, а ихъ хозяевъ—отца и брата—заарестовала. Отецъ объяснилъ, гдѣ, при какихъ обстоятельствахъ и за сколько купилъ лошадей, и брата выпустили. Желая помочь отцу, братъ распродалъ съ убыткомъ весь табунъ и большую половину денегъ, для ускоренія дѣла, раздарилъ чиновникамъ. Тѣ уже хотѣли было освободить отца, но полковой командиръ это узналъ, пригрозилъ чиновникамъ жалобою, и отца моего отправили въ нашъ уѣздный городъ по этапу. И враги наши опять закаркали, какъ вороны, о постигшемъ насъ достойномъ божескомъ возмездіи за безвѣріе отца, зятя и сестры.

Такъ какъ продавцевъ лошадей нельзя было найти, то дѣло отца затянулось на долгое время.

Состояніе наше было окончательно подорвано; поправиться стало не на что и некому; денежной помощи ждать уже было не отъ кого; чиновники, наѣзжавшіе допрашивать сестру, цирюльника, его жену, бывшую кухарку и окольныхъ людей, по дѣлу объ избіеніи офицера, весьма ловко очистили кошельки зятя и его отца. Пришлось продать нашъ недавно отстроенный домъ,—и я опять очутился у Рахили круглымъ сиротою и на чужихъ хлѣбахъ изъ милости..... По своей ребяческой неразсудительности, я думалъ, что ужъ худшаго ничего на свѣтѣ и быть не можетъ. Рахиль пробовала утѣшать меня, какъ могла, но слезы нерѣдко прерывали ея слова, и мы тогда плакали вмѣстѣ о постигшемъ насъ страшномъ и незаслуженномъ несчастіи.....Но чаша наша не была еще полна.

Вышелъ приказъ о новомъ наборѣ, и школа, синагога, улицы и дома мѣстечки словно отпустѣли: всѣ мальчики, юноши и му-

щины, отъ девяти до тридцати лѣтняго возраста включительно, попрятались, кто куда могъ, отъ солдатчины. Однажды ночью Рахиль тихонько разбудила меня и велѣла наскоро одѣться. Сама она стояла предо мной въ дорожномъ ужъ платьѣ. Прислуга вся спала. Мы на цыпочкахъ вышли на дворъ, и я легъ, по ея настоянію, поперегъ брички, подъ сидѣньемъ; на меня наклали сѣна и рогожи, сестра сѣла на сидѣнье и накрыла меня сверху своею широкою одеждою. Моисей помѣстился рядомъ съ нею, и мы тронулись сперва шагомъ, а потомъ полетѣли стрѣлой. Все это совершилось таинственно, среди непроницаемаго мрака.

— Выпустите меня, ради Бога, изъ западни, иначе я задохнусь—жалобно просилъ я.

— Раздвинь отъ лица сѣно и будешь дышать свободно—мягко и нѣжно отозвалась сестра,—а еще чрезъ станцію сядешь между нами; покуда же потерпи, мой милый.

Я повиновался. Когда мы отъѣхали отъ дома верстъ тритцать, меня выпустили, и я увидѣлъ, что правитъ лошадьми не кучеръ, какъ всегда, а самъ зять. На вопросъ: куда и зачѣмъ ѣдемъ? Моисей дружески отозвался: «а въ гости къ знакомому русскому барину Карабанову». Послѣдній дѣйствительно бывалъ у насъ, дарилъ мнѣ денегъ на гостинцы. Я успокоился. Мы ѣхали четверо сутокъ и остановились въ деревнѣ, у крыльца барскаго дома. Карабановъ съ женою приняли насъ весьма радушно. Отдохнувъ немного отъ дороги, Моисей посадилъ меня къ себѣ на колѣни, приголубилъ и даже поцѣловалъ—что съ нимъ рѣдко случалось.

— Скоро придутъ дѣти Петра Васильевича изъ гостей—сказалъ онъ, и, чтобы они тебя не дичились, тебѣ надо срѣзать пейсики и прифрантиться.

Я согласился, и онъ досталъ ножницы и обстригъ мнѣ волосы въ кружокъ; затѣмъ меня умыли и одѣли *по русски*. Я посмотрѣлъ въ зеркало и остался вполнѣ доволенъ собою. А сестра, увидѣвъ меня преобразившимся, припрыгнула отъ удовольствія и повела меня къ господамъ.

— Еще разъ здравствуй, Леви—заговорилъ Карабановъ.—Вотъ теперь ты нашъ, совсѣмъ нашъ. Будь же у насъ какъ дома: играй, бѣгай, чего захочешь—спроси у нее (жены) или у сестры. Мы

заживемъ съ тобой, какъ старые друзья—и онъ потрепалъ меня по плечу.

— Ахъ какой красивый, славный у васъ, Рахиль, братишка—похвалила меня Карабанова, когда я подошелъ къ ней, поклонился и поцѣловалъ ея руку.—Не скучай, дружочекъ, у насъ, а подружись съ моими дѣтьми, и все будетъ ладно.

Она ласкаво погладила меня по щекѣ, посадила между собою и сестрою, призвала дѣтей, двухъ мальчиковъ и дѣвочку, и отрекомендовала насъ другъ другу, и мы перешли въ дѣтскую, гдѣ мальчики показывали мнѣ свои игрушки, картинки, книжки. Мы пили чай, обѣдали, ужинали, прогуливались всѣ вмѣстѣ. Господа и рихъ дѣти были такіе простые, веселые, ихъ смѣхъ, говоръ, игра барыни на фортепіано—все это оживляло, развлекало меня, а это было по сердцу Рахили. Одно мнѣ не нравилось—насъ, дѣтей, рано отсылали спать, а баринъ, барыня, зять и сестра, уже безъ насъ, по-долгу бесѣдовали, читали книги въ слухъ, играли въ карты; мнѣ же хотѣлось слушать ихъ рѣчи, смотрѣть на игру, а этого не могъ: наши комнаты отстояли далеко отъ гостинной, откуда не доносилось никакого звука.

На четвертый день Моисей уѣхалъ дальше, въ губернскій городъ К., хлопотать по собственному и отцовскому дѣламъ, а мы съ Рахилью остались. Съ этихъ поръ она не спускала меня съ глазъ, безпрерывно напоминала мнѣ, чтобы я безъ ея спроса не выходилъ даже за ворота.

— Сдѣлайте одолженіе, не стѣсняйте его, дорогая моя гостья—уговаривалъ Рахиль Карабановъ, слышавшій ея наставленія.—Что вы именно здѣсь—это никому никогда и въ голову не придетъ, а различить Леви отъ нашихъ весьма трудно, и во всякомъ случаѣ я съ своею дворнею и войску не поддамся, тѣмъ паче трусамъ кагальнымъ.

II.

Весело, беззаботно прожилъ я въ домѣ Карабановыхъ ровно двѣ недѣли. Но за этими ясными днями наступила гроза, наступило горе и несчастіе.

Знакомый съ Моисеемъ помѣщикъ былъ въ К. по его просьбѣ на обратномъ пути завернулъ къ намъ, чтобы сообщить Рахили

о положеніи нашихъ дѣлъ. Это было, помню, часовъ въ 6 вечера. Покуда онъ отдыхалъ съ дороги, наступили сумерки, и Рахиль, уложивъ меня спать, заперла дверь на ключъ и пошла въ гостинную бесѣдовать съ пріѣзжимъ. На бѣду окно въ спальнѣ осталось открытымъ. Свѣжій воздухъ разгонялъ мой сонъ. Я предался мечтамъ и вспоминаніямъ о несчастіи отца. Вдругъ меня кто то вполголоса окликнулъ по имени. Я быстро подошолъ къ окну.

— Если хочешь видѣться съ отцомъ—пристально въ меня всматриваясь, продолжалъ незнакомецъ—то сію секунду выйди сюда, да такъ осторожно, чтобы никто, рѣшительно, понимаешь, никто этого не замѣтилъ. Отецъ твой убѣжалъ изъ острога и ждетъ тебя, одного тебя, на минуту.

Я былъ такъ сильно озадаченъ слышаннымъ, что положительно забылъ всѣ предостереженія сестры, одѣлся, тронулъ за ручку двери, убѣдился, что она заперта, и въ пылу разгоряченнаго воображенія выскочилъ изъ окна, прямо на землю (домъ былъ одноэтажный), на руки незнакомца.—Онъ вторично всмотрѣлся въ меня, какъ бы сомнѣваясь, я ли это въ русскомъ платьѣ.

— Гдѣ же отецъ?—прервалъ я молчаніе.

— Отсюда близехонько—за околицею: ему, какъ бѣглому, нельзя показываться въ деревнѣ.

— Идемъ же скорѣй къ нему—торопилъ я его, на собственную погибель. Съ полчаса мы почти бѣжали, держась за руки, нѣсколько разъ перелезали чрезъ плетни, спотыкались объ гряды, камни. Наконецъ остановились возлѣ чернѣвшаго высокаго бугра. Ничто не шелохнулось, ни зги не видать было.

— Привелъ!—торжественно произнесъ незнакомецъ.—Отвѣчаю головой, что это онъ.

Какія-то фигуры повскочили съ земли, и не успѣлъ я еще перевести духъ, какъ былъ схваченъ мощными руками въ охабку и поваленъ въ возокъ. Я взвизгнулъ отъ испуга, но чьи то руки зажали мнѣ ротъ, что-то тяжелое придавило меня, и возокъ вихремъ помчался по кочкамъ, канавамъ, рытвинамъ, подъ горы, на горы... Отчаяніе придало мнѣ силы, и я успѣлъ поднять голову и увидѣлъ зарево пожара, въ томъ направленіи, гдѣ находилась деревня Карабановыхъ. Въ это время я получилъ сильный ударъ по головѣ, и меня притиснули шибче прежняго, нанесли еще нѣсколько ударовъ, и я окончательно обезсилѣлъ, обезумѣлъ... Долго ли я находился въ этомъ состояніи—не помню, помню только, что я очнулся отъ страшнаго раската грома, попытался было снова рвануться—но не могъ: руки и ноги мои были привязаны къ возку, который продолжалъ летѣть съ неимовѣрною быстротою. Я задыхался, умолялъ моихъ мучителей (ихъ было, какъ я впослѣдствіи убѣдился, трое) развязать меня, но за это получалъ новые тычки... Помню, что впродолженіе ночи меня нѣсколько разъ перетаскивали въ другіе возки, снова придавливали и везли дальше, дальше... Утромъ пріостановились немного, силою разжали мнѣ ротъ, влили въ него водки, азартно трясли мнѣ голову, чтобы я проглотилъ ее, и снова пустились вскачь. Такъ продолжалось двое сутокъ. Наконецъ меня втащили въ домъ, приковали, за одну ногу, въ кандалы съ другимъ мальчикомъ и бросили на полъ, на солому. Я заснулъ. Нѣкоторое время спустя, я проснулся отъ пронзительнаго крика вновь притащеннаго мальчика. Я спросилъ товарища по кандаламъ: гдѣ мы? Онъ отозвался незнаніемъ и мы всѣ трое плакали, покуда слезъ хватило.

Въ полдень насъ втолкнули, на дворѣ, въ крытую бричку, привязали и опять повезли, какъ послѣ обнаружилось, въ нашъ уѣздный городъ Д. Тамъ дали намъ выспаться, потомъ поѣсть. Будучи голодными, мы охотно, съ аппетитомъ ѣли, а насытившись —охмѣлѣли: въ пищу нарочно подлили водки, чтобы придать намъ бодрости, куражу, и въ этомъ видѣ доставили насъ, закованныхъ же, къ какому-то дому, возлѣ котораго толпился народъ, и ввели въ корридоръ, гдѣ я увидѣлъ пять-шесть группъ мальчиковъ, а возлѣ каждой изъ нихъ по нѣскольку солдатъ съ ружьями и по стольку же пожилыхъ евреевъ. Всѣ мальчики плакали навзрыдъ. Около насъ тоже засуетились наши сдатчики. Одинъ изъ нихъ показался мнѣ добрѣе другихъ, и я обратился къ нему съ просьбою помочь мнѣ вернуться къ сестрѣ.

— Черезъ часъ будешь свободенъ—сладенькимъ, приторнымъ голосомъ отозвался онъ.—А чтобы получить эту свободу—не хнычь, а положи вотъ эти золотые за щеки, и когда тебя позовутъ въ комнату, говори смѣлѣе, что тебѣ 14-й, непремѣнно 14-й, а не 11-й годъ и пошире разѣвай ротъ; докторъ возьметъ изъ него золотые и отпуститъ тебя домой.

Какъ утопающій хватается за соломинку, такъ и я, по своему легкомыслію, съ радостью принялъ червонцы и совѣтъ. Насъ раздѣли до нага, и перваго меня ввели въ залъ. Тамъ сидѣли вокругъ стола разные военные и штатскіе господа въ мундирахъ. Докторъ поворачивалъ меня во всѣ стороны, порылся во рту, вынулъ золотые, спряталъ ихъ въ карманъ, сказалъ другимъ: «отличный»; кто то изъ нихъ крикнулъ: «лобъ!»—«Лобъ!»—повторилъ подхватившій меня солдатъ, и я лишился чувствъ. Когда я очнулся, на меня была уже надѣта сѣрая шинель и пологоловы со лба назадъ была гладко выстрижена!.. Одежда меня не конфузила, но ревъ товарищей и «лобъ!» были сквернымъ признакомъ... Сердце страшно заныло, но плакать я не могъ: слезъ не стало.

— Вставай, ребята,—скомандовалъ намъ солдатъ.—Вы таперь ужъ не жиды пархатые, а русскіе солдаты—пояснилъ онъ—сталобыть, перестаньте нюни распускать, а держите головы вверхъ, веселѣй. Въ казарму—маршъ.

Всѣхъ насъ, забритыхъ 10 мальчиковъ, сдвинули вмѣстѣ, окружили солдатами, и мы тронулись. На улицѣ прорвались къ намъ 3—4 еврейки, впились, какъ піавки, въ товарищей и заголосили благимъ матомъ; многіе изъ толпы и мы подтянули имъ. Солдаты едва могли оторвать мальчиковъ отъ женщинъ, вытолкали послѣднихъ изъ круга, тѣснѣе прикрыли и погнали насъ. Мы опустили глаза въ землю и медленно, шагъ за шагомъ, двигались, точно осужденные на казнь... Толпа, тѣмъ временемъ, все увеличивалась, вой и стонъ усиливались; несчастныя матери снова пытались приблизиться къ своимъ дѣтямъ, но солдаты кулаками, ружейными прикладами и тесаками отвоевывали насъ отъ «проклятыхъ жидовокъ»... Не только люди, но и земля, казалось, стонала отъ этой похоронной процессіи живыхъ, безвинныхъ дѣтей...

Видъ казармы не произвелъ на меня никакого впечатлѣнія: она не много разнилась отъ нашего дома, когда въ немъ квартировалъ фельдфебель. Каждаго мальчика поручили особому дядькѣ-солдату, которымъ приказали лечить болячки на головахъ и тѣлахъ тѣхъ, которыхъ родители заблаговременно нарочно искалѣчили, чтобы имъ дали «затылокъ». Насъ стали учить, какъ снимать шапки, выстраиваться во фронтъ, ходить въ ногу, здороваться съ начальствомъ, а кормили черствымъ хлѣбомъ съ какою-то бурдою; посудою служили намъ банныя шайки. Жизнь эта была грустная, полная лишеній, въ заперти! Перезнакомившись урывками съ товарищами, я узналъ, что только одного взяли открыто, прямо изъ дома, и то потому, что онъ,—одиночка, вовсе не ожидалъ нападенія; остальныхъ же—кого изъ бочки—въ запертомъ сараѣ, кого изъ подъ стога сѣна, съ гумна; кого-изъ печки; кого-изъ перины, въ которую онъ былъ зашитъ на чердакѣ и т. п., и, замѣчательно—всѣхъ, какъ меня, воровскимъ способомъ. Прошло больше недѣли. Обитатели казармы подняли головы: къ рекрутамъ наѣхали, съ разныхъ сторонъ, отцы, матери, сестры; братья же, особенно молодые, продолжали прятаться, изъ опасенія, какъ бы ими не обмѣняли малолѣтнихъ рекрутъ. Впускъ къ намъ открыли всѣмъ; за деньги и рекрутъ отпускали къ родителямъ на квартиры, въ сопровожденіи дядекъ, которыхъ всѣ угощали и подкупали, въ интересахъ дѣтей.

Меня также посѣтилъ старшій братъ мой Хаимъ, который по лѣтамъ своимъ уже былъ свободенъ отъ солдатчины. Мы горько поплакали вмѣстѣ; я разсказалъ ему, какимъ способомъ меня захватили, затѣмъ спросилъ о милыхъ моему сердцу Рахили и Моисеѣ.

— Теперь утаивать отъ тебя ужъ не приходится—грустно отозвался онъ.—Тебя повезли къ барину, чтобы скрыть отъ рекрутчины, и еслибы ты самъ не оплошалъ—не носилъ бы этой шинели.

Я узналъ отъ него, что въ ту минуту, когда меня похитили изъ дома Карабановыхъ, гумно его загорѣлось. Меня искали на пожарѣ, и затѣмъ самъ Карабановъ съ десятью работниками погнались за нами во всѣ стороны. Поиски ихъ были безуспѣшны. Но Карабановъ, узнавъ, что меня уже сдали въ солдаты, по крайней мѣрѣ, добился того, что моихъ похитителей посадили въ острогъ, какъ обвиняемыхъ въ поджогѣ.

О Рахили я узналъ, что она съ горя при смерти больна и что Моисей не отходитъ отъ нея—все лечитъ. Ахъ, какъ я мысленно проклиналъ свое любопытство, легковѣріе, и какъ каялся, что ослушался сестры!..

Братъ свелъ меня къ отцу. Послѣ всѣхъ перенесенныхъ страданій, я уже смотрѣлъ равнодушно на мрачныя стѣны острога, на кандалы, на арестантскую одежду, и нетерпѣливо ждалъ отца. Еще издали вперилъ онъ въ меня свой проницательный взоръ, а

подойдя къ намъ, быстро, молча, обнялъ меня. Зубы его скрежетали, руки дрожали, волосы щетинились.

— Здравствуй, Леви, и прощай... прощай—за говорилъ онъ порывисто.—Не судьба, знать, имѣть мнѣ въ тебѣ подпору... Ты теперь пропалъ для насъ, на всегда пропалъ!

— Нѣтъ: я вернусь, дорогой отецъ, домой!—наивно воскликнулъ я.—Солдаты говорятъ, что въ отставку выходятъ.

— Въ отставку?.. Гм... Дай Богъ, чтобы слова ихъ сбылись; но... но я-то съ тобой во всякомъ случаѣ ужъ больше не увижусь. Какъ это ни горько, но чувствую, что это такъ—никогда, никогда не увижусь. Ахъ, какъ горько на душѣ!..

— Пусть строже держится нашей вѣры, и Богъ поможетъ свидѣться—вставилъ братъ.

— Вѣры?.. да отъ кого ты, простофиля, ждешь вѣры?—укоризненно возразилъ отецъ, показывая на меня рукой.—Да много ли вѣрующихъ и изъ убѣленныхъ сѣдинами старцевъ? Не наши ли раввины эти вѣрующіе? Вздоръ! Будь честенъ, послушенъ, старайся учиться чему велятъ, *добровольно* не крестись—и довольно.

Разговоръ перемѣнился. Умная, рѣзкая отцовская рѣчь плавно лилась и воспламеняла, пронизывала меня на сквозь. Правда, онъ осунулся, сгорбился, щеки его впали, волосы посѣдѣли, но большіе живые глаза, характеръ не измѣнились. Это меня утѣшило: я любилъ въ немъ эту безконечную терпѣливость, это безстрашіе героя.

— Видишь, въ какомъ я положеніи—заключилъ отецъ—и то не унываю. И ты, Леви, постарайся запастись разсудительностью, снисливостью, знаніемъ—и благо тебѣ будетъ. Запомни же мои слова и.... и прощай!—Онъ трижды поцѣловалъ меня.—Ступайте съ Богомъ—прибавилъ онъ и затѣмъ круто отвернулся.

Мы вышли. Я явственно услышалъ, какъ онъ грохнулся на нару и тяжко застоналъ.

— Чтобы ты, Леви, былъ счастливъ—мягко заговорилъ братъ, когда мы вышли изъ тюремныхъ воротъ—зайдемъ къ пріѣзжему баалъ-шему (чудодѣю).

Чувствуя потребность разсѣяться отъ тоски, я принялъ это предложеніе, и мы приблизились къ крыльцу большаго дома, гдѣ уже толпилось множество евреевъ и евреекъ.

— Тише, добрые евреи, тише—голосилъ прислужникъ того, къ которому мы явились. —Святой учитель не совсѣмъ здоровъ и поэтому сегодня проповѣдь говорить не будетъ.

Толпа разошлась, но я и братъ остались. Онъ пошептался съ прислужникомъ, который послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ ввелъ насъ къ благочестивому. Въ широкихъ мягкихъ креслахъ сидѣлъ одѣтый въ шелковомъ халатѣ и въ обшитой золотыми каемками ермолкѣ пожилой, толстый еврей, съ черными волосами, смуглымъ лицомъ, длинными до плечъ пейсами и съ окладистою бородою. Въ одной рукѣ держалъ онъ длинный, янтарный чубукъ съ трубкой, въ серебряной оправѣ, а другою перебиралъ кисти халата.

— Здравствуйте—произнесъ я, приблизившись къ благочестивому, и, по еврейскому обычаю, первый подалъ ему руку.

— Здравствуй, дружокъ, здравствуй—лѣниво процѣдилъ онъ, держа мою руку.—Э-да, ты будешь лихой солдатъ, право-ну.

— Мы столько перенесли несчастій, что его рекрутство переполнило чашу горечи—жалобно сказалъ братъ.

— За грѣхи, дѣти Израиля, за грѣхи тажкіе, да за ропотъ Господь посылаетъ на насъ напасти, хворобы. Мы должны не сокрушаться, а радоваться: Онъ испытываетъ нашу твердость въ вѣрѣ нашихъ праотцевъ.

— Да терпѣть-то каково же?—сорвалось съ языка брата.

— Надо казниться, раскаяваться, и Богъ возмилуется. Выйди-ка отсюда—приказалъ онъ брату.

Братъ повиновался. Я остался съ глазу на глазъ съ благочестивымъ и струсилъ: въ моей памяти воскресли слышанные разсказы о колдунахъ, вѣдьмахъ и тому подобныхъ дѣтскихъ пугалахъ, а благочестивый показался мнѣ нѣчто подобнымъ.

— Добрый сынъ Израиля!—заговорилъ благочестивый.—Ты теперь воинъ и долженъ будешь служить... Царю. Тебя ушлютъ туда, гдѣ не увидишь ни одного еврея, ни услышись ни одного Божьяго слова. Ты очутишься между людьми, которые станутъ потѣшаться надъ твоею вѣрою, надъ твоею даже физіономіею. Какъ вѣрный сынъ Израиля, ты все это переноси съ покорностью. Мы, дѣти Израиля, на землѣ сей должны претерпѣть семь гоненій. Наши предки перенесли уже шесть и на нашу долю оставили одно—послѣднее гоненіе,—и ежели мы его перенесемъ смиренно—

настанетъ иная, счастливая пора: придетъ Мессія, возвѣститъ намъ свободу, и кто, въ то время, останется въ своей вѣрѣ, тотъ унаслѣдуетъ обѣтованную землю. Такъ не поддавайся же, добрый сынъ Израиля, никакимъ обѣщаніямъ, ни чьимъ искушеніямъ,—усердно молись, чаще поминай нашихъ прародителей: Авраама, Исаака и Якова—и блаженъ будешь. Иначе душа твоя пойдетъ прямо въ адъ и будетъ тамъ горѣть вѣки вѣчные... Да! только въ нашей святой вѣрѣ есть спасеніе. Но ты слишкомъ молодъ, чтобъ могъ самъ обороняться отъ враговъ, поэтому я тебѣ дамъ талисманъ, который предохраняетъ вѣрующихъ сыновъ Израиля отъ всѣхъ бѣдъ на землѣ.

Онъ всталъ, подошелъ къ комоду, отперъ стоявшую на немъ шкатулку, вынулъ изъ нея другую, по меньше, изъ той еще меньшую, и такъ далѣе до пятой включительно, и ужъ изъ послѣдней досталъ мѣдную медальку съ какими то знаками посрединѣ, навязалъ ее на тесемку, заперъ по порядку всѣ шкатулки, усѣлся въ кресло, облокотилъ голову на руки и задумался.

— Надѣнь, дитя Израиля, вотъ этотъ талисманъ на шею и никогда его не снимай—снова заговорилъ онъ, помолчавъ.—Пока будешь его носить—будешь достоенъ обѣтованной земли, а какъ только снимешь, отдашь, потеряешь—всѣ козни человѣческія обрушатся на тебя, и адъ, кромѣшный адъ, помни, твой удѣлъ!

Я разстегнулъ шинель, рубашку, надѣлъ на шею медальку и поцѣловалъ, отъ радости, руку благочестиваго; онъ набожно пошепталъ что-то надъ моею головою и отпустилъ меня. Я вышелъ отъ него съ полною, неограниченною вѣрою въ его слова.

Точно такимъ же порядкомъ всѣ рекруты перебывали у благочестиваго, по секрету другъ отъ друга, причемъ получили: кто побогаче—наставленіе и медальку, а кто побѣднѣе—одно наставленіе: благочестивый мужъ взималъ за наставленіе съ медалькою—по пяти рублей, за одно же наставленіе—по два.

Начальство съ своей стороны предварило насъ о скоромъ походѣ; но когда именно—умолчало. Родственники заготовили намъ бѣлье, одежды, нагрузили этимъ имуществомъ котомки, а деньги зашили въ наши нагрудники, рубашки, брюки, повсюду, куда кто придумалъ, для лучшаго сбереженія ихъ отъ воровъ. Зная по опыту, что если пускаться въ дорогу днемъ—повторится печальная, хлопотливая процедура торжественныхъ проводъ, начальство внезапно подняло насъ ночью, со сна, усадило съ багажемъ на подводы и келейнымъ манеромъ отправило въ сопровожденіи солдатъ.

По прибытіи въ К., насъ вмѣстѣ съ казеннымъ имуществомъ представили на смотръ гарнизонному командиру и присоединили къ другимъ, находившимся уже въ казармѣ рекрутамъ. Казенная пища и здѣсь была скверная; но дядьки разъяснили намъ, что кто имѣетъ деньги, тотъ можетъ на нихъ покупать себѣ что угодно, и мы утѣшились, на перебой угощая дядекъ, чтобы они насъ не обижали.

По изготовленіи документовъ на всѣхъ 150 рекрутъ, къ намъ явился офицеръ, подпоручикъ Меренцовъ, поздоровался съ нами, обошелъ шеренги, провѣрилъ, цѣлы ли казенныя вещи, и велѣлъ намъ окружить его.

— Завтра, чуть свѣтъ, въ походъ—объявилъ онъ.—У кого деньги зашиты въ лохмотьяхъ—сейчасъ же достать и принести ко мнѣ: я спрячу и дорогою буду выдавать по мѣрѣ надобности; кто этого не исполнитъ, и у него украдутъ, и я услышу жалобу на потерю денегъ—запорю. Маршъ за дѣло и помните, что розогъ вездѣ много.

Мы вопросительно переглянулись, погалдѣли промежъ собой и большинство представило капиталы Меренцову, который записывалъ, отъ кого сколько принялъ.. Я сдалъ изъ 50 руб., подаренныхъ мнѣ братомъ, 45 р. (остальные 5 руб. мелочью держалъ открыто въ кошелькѣ) и отошелъ въ сторону. Слѣдомъ за мной, лѣтъ шестнадцати рекрутъ подалъ 10 руб. и что-то забормоталъ.

— Тебѣ чего еще нужно?—сурово спросилъ Меренцовъ.

— Позалте фитанецъ: нихай я знаю, изъ кого спросить свои пиненэы—бойко проговорилъ рекрутъ.

— Ка-а-акъ? съ меня квитанцію? Мнѣ не довѣряешь, когда начальство поручило мнѣ всѣхъ васъ, пархатыхъ? Розогъ!

— За мои пинензу мине не мозно трогать: залоcваться буду висе.

— Я вотъ тебѣ покажу, какъ разсуждать. Всѣхъ сюда! —И минутъ чрезъ пять я впервые увидѣлъ солдатскую экзекуцію. Тяжолый стонъ раздался изъ сотни грудей, на всѣхъ напала печаль.

— Такъ буду я драть всякаго, кто меня ослушается—заключилъ Меренцовъ.—Деньги сюда, иначе всѣхъ незаписанныхъ сейчасъ-же

перепорю. И неповиновавшіеся первому требованію немедленно исполнили второе.

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня мы тронулись въ путь. Хотя было слишкомъ еще рано, тѣмъ не менѣе огромныя толпы мѣстныхъ и пріѣзжихъ евреевъ и евреекъ проводили насъ за заставу съ погребальными причитываньями... Уже самое начало дороги не предвѣщало намъ отрады. Полагалось, напр., подвода на трехъ рекрутъ, а Меренцовъ распорядился сажать сперва по четыре, потомъ по шести, а наконецъ и по восьми на одной подводѣ, взрослыхъ же велъ пѣшкомъ. Во всѣхъ еврейскихъ мѣстечкахъ кормили насъ даромъ; остатки отъ прогоновъ и порціонныхъ Меренцовъ бралъ себѣ цѣликомъ. Дорожная пыль, грязь, дождь дѣлали изъ насъ такихъ чумичекъ, что еврейки насилу отмывали насъ и наше грязное бѣлье; солнце пекло насъ на пропалую, а мы не смѣли снять шинелей, въ которыхъ прѣли, жарились; на ночлегахъ и дневкахъ евреи и еврейки дарили намъ денегъ, а солдаты выпрашивали, выманивали ихъ у насъ.

— Хлопцы, дайте-ка по семиткѣ (2 к.) на выпивку съ устатку—скомандуетъ бывало дядька своему десятку.—За это ужо всѣхъ купаться свожу.

Поколеблемся, вспомнимъ, что тѣло чешется, и подадимъ желаемыя семитки, а какъ, прибывъ на станцію, попросимся купаться, намъ откажутъ, гововоря, что Меренцовъ запретилъ это изъ опасенія, какъ бы кто не утонулъ, нарочно не утопился.

— Эй вы, жидовское отродье!—крикнетъ другой солдатъ—хотите на ночлегѣ шабашъ справить—по гривнѣ мнѣ и молитесь, хоть лобъ разбейте; не то маршировать заставлю.

И этотъ также достигалъ своей цѣли, а мы шабаша все таки не справляли, потому что часа два пройдетъ въ перекличкѣ, по окончаніи которой заставятъ спать ложиться, дабы утромъ не опоздать на смотръ къ барабанному бою. Намъ же добыть отъ Меренцова долю изъ собственныхъ денегъ, на мелкіе расходы, было очень трудно.

— Позалте, васе благогодіе, губль на губаску—трусливо спроситъ, бывало, рекрутъ.

— Не дамъ: дорога дальняя—успѣешь промотать, а здѣсь жиды все даромъ дадутъ, коли попросишь—рѣшалъ онъ безповоротно.

Повторить просьбу—значило рисковать «похлебать березовой каши». Покуда мы плелись по мѣстностямъ, населеннымъ евреями, они дѣйствительно облегчали нашу жалкую участь. Мало того, отыскивались даже и такіе сердобольные евреи, которые способствовали побѣгу изъ партіи. Разъ, помню, на утренней перекличкѣ не досчитались одного рекрута; обыскали всѣ дома самымъ тщательнымъ образомъ, но рекрутъ такъ и сгинулъ. Меренцовъ разсердился, протащилъ всѣхъ насъ пѣшкомъ станцію, а пятерыхъ, ночевавшихъ вмѣстѣ съ убѣжавшимъ, и ихъ дядьку—отодралъ. Удачное исчезновеніе одного соблазнило и другого, котораго евреи тоже спрятали на дневкѣ. Это окончательно взбѣсило Меренцова, и онъ, съ согласія городничаго, выстроилъ на площади, среди дня, возлѣ синагоги, партію и поочередно передралъ каждаго десятаго мальчика, за то, что плохо караулимъ другъ друга; потомъ намъ, на томъ же мѣстѣ, повторили стрижку лбовъ, а послѣ Меренцовъ громогласно объявилъ, что до отысканія бѣглеца не выступитъ изъ города, и станетъ наказывать *всѣхъ*, по три раза въ день. Экзекуція эта поразила еврейское населеніе, которое, изъ сожалѣнія, разумѣется, къ намъ, заплатило ему 100 р. въ складчину, за освобожденіе насъ отъ наказанія, а факторы, за 10 р., выдали бѣглеца, котораго такъ изсѣкли на слѣдующей уже станціи, въ присутствіи всей партіи, что изъ всѣхъ головъ улетучилась даже и мысль о побѣгѣ. Не смотря на это, станцій чрезъ десять мы опять получили утромъ приказаніе собраться подъ вечеръ на площадь, для экзекуціи, тоже за побѣгъ кого-то. Вѣсть эту мы поспѣшили передать квартирнымъ нашимъ хозяевамъ, съ добавленіемъ, ради сбереженія своей шкуры, о томъ, что добрые евреи насъ уже спасли разъ отъ розогъ, о чемъ и ихъ умоляли. Соплеменники забѣгали другъ къ другу совѣщаться, какъ быть. Въ назначенный часъ, возлѣ квартиры Меренцова, на улицѣ лежало много пучковъ розогъ, да стояли мы, понуря головы. Онъ раскричался, солдаты расправляли розги. Вдругъ къ Меренцову протолкался факторъ и шепнулъ ему что то на ухо; онъ объявилъ, что на слѣдующее утро разсчитается съ нами, и ушелъ въ комнату. Мы никакъ не могли добраться, кто пропалъ. Старшій ундеръ, Федоръ Ивановичъ, былъ человѣкъ вообще добрый, а ко мнѣ былъ расположенъ за то, что я перенесъ на него всѣ свои

домашнія привязанности, ѣлъ съ нимъ безъ принужденія свинину, правильно выражался и умѣлъ читать немножко и писать порусски, стерегъ постоянно его бумаги и усердно ему прислуживалъ.

— Скажите, пожалуста, Федоръ Ивановичъ, кто пропалъ?— спросилъ я, ласкаясь къ нему.—Говорятъ всѣ на лицо.

— Ну да, всѣ цѣлы; это фальшивая, дурашка, тревога. Драть не будутъ, не бойся.

— Такъ для чего же пугаютъ?

— Не твоего ума это дѣло: про то знаетъ начальство.

— Дяденька, голубчикъ, скажите, ради Бога, и мнѣ, что все это значитъ? Я скрою это отъ всѣхъ.—Я прыгнулъ къ нему на колѣни и началъ крутить его усы.

— Ладно, скажу; чуръ только никому ни гу-гу, не то похлебаешь самой горячей березовой каши.

— Буду нѣмъ—какъ могила.

— Тревога эта для того, братецъ, чтобы больше содрать съ кагала. Даютъ 50, а поручикъ требуетъ сто карбованцевъ; теперь торгуются и поладятъ.

И такія фальшивыя тревоги производились потомъ неоднократно, и карманы Меренцова наполнялись еврейскими деньгами...

Чѣмъ дальше мы отодвигались отъ родины, тѣмъ сильнѣе страдали, закаливались въ передрягахъ, а какъ перевалили въ русскія губерніи, такъ Меренцовъ началъ подготовлять-насъ къ переходу въ православіе—запрещеніемъ молиться, надѣвать тфилинъ, цыцесъ, то и другое рвалъ, сожигалъ, издѣваясь надъ нашими вѣрованіями. Все это—съ цѣлью заслужить отъ начальства награду, да и выгода его отъ нашего содержанія постепенно уменьшалась: крестьяне требовали за все плату, и намъ «жиденятамъ», «христопродавцамъ», не только не дарили ничего съѣстнаго, но не давали ни чашекъ, ни ложекъ, говоря, что мы «опоганимъ посуду».

Въ довершеніе всѣхъ невзгодъ наступила осень. Мы промокали до костей, а сушиться было негдѣ, да мы и не могли; на насъ все прѣло, насъ одолѣвали насѣкомыя; мы теряли, бросали вещи, бѣлье мыть было намъ не подъ силу, да и мыла не давали; отъ усталости мы засыпали подъ лавками, на мокромъ полу, такъ крѣпко, что на утро нельзя было добудиться насъ; среди насъ развились лихорадки, простуды, насъ наваливали на подводы, точно сноповъ, и везли, везли впередъ; и въ каждомъ городѣ мы оставляли по нѣскольку товарищей въ госпиталяхъ... Собственныя наши деньги тоже быстро улетучивались: Меренцовъ выдавалъ намъ по 10 к., а со счету сбрасывалъ по рублю, противъ чего мы не дерзали возражать, подъ страхомъ «хлебать березовой каши». Мы изнемогали, изнывали подъ гнетомъ голода, лишеній и обидъ... Немного легче было и конвойнымъ: каждый изъ нихъ обязанъ былъ обмыть, обшить, обчистить, накормить, стеречь казенное имущество и даже лечить цѣлыхъ двадцать человѣкъ, отчего они никогда не высыпались, не отдыхали толкомъ; изъ ихъ скудныхъ порціоновъ Меренцовъ также отжиливалъ частицы. И поневолѣ они впадали часто въ гнѣвъ, щипали, бранили насъ, такъ какъ Меренцовъ и ихъ колотилъ, сѣкъ за нашу будто неряшливость и въ особенности за заболѣваніе предъ смотрами, когда нужно было показать товаръ лицомъ; а это случалось частенько: въ каждомъ городѣ на насъ навьючивали суконные ранцы съ казеннымъ имуществомъ, притаскивали на дворъ къ инвалиднымъ и гарнизоннымъ начальникамъ, тѣ тщательно все ревизовали и за недостачу портянокъ поднимали шумъ на всю улицу, чтобы за это содрать больше денегъ съ самаго Меренцова, который платился нашими и солдатскими крохами.

Меренцовъ взялъ къ себѣ самаго маленькаго, лѣтъ девяти, красиваго, веселаго рекрута, прокормилъ, пропоилъ его хорошо, обмундировалъ барченкомъ, давалъ ему денегъ на лакомства и не отпускалъ отъ себя ни на шагъ. Насъ это заинтересовало, но мы не могли разрѣшить этой загадки до прихода въ Казань. Тамъ Меренцовъ сперва свезъ куда-то мальчика, а потомъ насъ повелъ для обычнаго смотра къ начальству. Старикъ-генералъ обошелъ фронтъ и сталъ посрединѣ. Въ это время барыня вывела за руку нашего товарища Янкеля и подошла съ нимъ къ генералу.

— Вотъ онъ пожелалъ креститься—хрипло заговорилъ генералъ, указывая на Янкеля—это такъ похвально, богоугодно, что я, самъ я, буду его крестнымъ отцомъ. Неволить креститься—не стану: это грѣхъ, а пожелать и вамъ надо,—потому отъ своей вѣры вы уже совсѣмъ отстали, да и не вернетесь къ ней: въ нашихъ мѣстахъ нѣтъ ни синагогъ, ни раввиновъ, а человѣкъ безъ вѣры ничего не стоитъ, хуже пса. Помните, дѣти, мои слова. А васъ, г. офицеръ,

благодарю за доставленное мнѣ удовольствіе, да и велю написать о награжденіи васъ.

Мы не успѣли еще опомниться отъ слышанной рѣчи генерала, какъ человѣкъ тридцать-сорокъ мальчиковъ покрасивѣе отдѣлили въ сторону и повели въ церковь; въ числѣ ихъ былъ и я. Въ церковь явились: генералъ въ красивой лентѣ, барыня, нѣсколько офицеровъ, священникъ, дьяконъ, дьячекъ и Янкель, котораго крестили по православному обряду. Потомъ повели насъ опять къ генералу, напоили чаемъ, накормили молочною лапшею, пирогами, дали по пригоршнѣ орѣховъ и по 10 к. на каждаго и уговаривали креститься по прибытіи на мѣсто. Отпраздновавъ крестины Янкеля, партія отправилась дальше. Янкель же остался гостить у генерала... Затѣмъ Меренцовъ, а по его приказанію и конвойные, стали обходиться съ нами лучше, толковали намъ, что тѣ, которые пожелаютъ креститься, будутъ также счастливы, какъ Янкель: получатъ по 25 р. награды, освободятся отъ всѣхъ ученій и т. под., короче, рисовали намъ самую блестящую картину блаженства, съ чѣмъ многіе соглашались.

— Дайте, дяденька, мнѣ вашъ добрый совѣтъ: пожелать креститься, или нѣтъ?—обратился я разъ къ своему покровителю, Федору Ивановичу.—Ни родныхъ, ни знакомыхъ возлѣ меня нѣтъ, такъ я ужъ положусь на ваше честное слово.

— Еслибъ ты, Левка, былъ въ разумѣ, я бы не сталъ тебѣ перечить, а то ты еще дитя, не разумѣешь, наша, али ваша вѣра лучше, а креститься и отступиться отъ родителевъ за кормъ, да за какія ни на есть деньги, по моему—грѣхъ, да и всякъ назоветъ тебя вѣропродавцемъ. Покеда не познаешь хорошенько вѣры—не крестись. А объ моемъ совѣтѣ молчокъ—смотри.

Въ силу этихъ безхитростныхъ, глубоко врѣзавшихся мнѣ въ память, словъ, а также—наставленія цадика и заявленія генерала, что неволить креститься не станутъ, я рѣшился не поддаваться никакимъ искушеніямъ.

На послѣдней дневкѣ насъ выстригли, выпарили въ банѣ, бѣлье перемыли крестьянки, за заплоченныя Меренцовымъ деньги, все уложили, привели въ порядокъ.

— Потянуться хорошенько, держаться бодрѣй, глядѣть веселѣй, откликаться громче!—приказалъ Меренцовъ.—Завтра конецъ нашей дорогѣ, и будете спать на перинахъ, ѣсть вкусно, гулять—вволю; тѣмъ же, которые пожелаютъ креститься, вънятеро еще лучше будетъ. Претензій, помните, никакихъ не заявлять; не то дальше потащу, пороть, голодомъ морить буду васъ, пархатыхъ.

Въ эти дни положеніе наше круто измѣнилось—къ лучшему: утромъ и вечеромъ мы пили чай, обѣдали и ужинали вкусно, выпивали даже по рюмкѣ водки для подкрѣпленія силъ. Всѣмъ этимъ Меренцовъ старался заглушить въ насъ ненависть къ нему, подкупить насъ, дабы мы не жаловались на жестокое его обращеніе съ нами, на утайку въ свою пользу большей половины нашихъ денегъ. На послѣдней станціи Меренцовъ, конвойные и мы облачились въ полную форму и вступили въ городъ Вольскъ фронтомъ, распѣвая, по приказанію, во все горло забавныя еврейскія пѣсни... Это былъ конечный актъ той гнусной роли, которую игралъ съ нами, почти пять мѣсяцевъ, Меренцовъ!...

III.

Мы прибыли къ мѣсту назначенія евреями только по физіономіямъ: всѣ остальные признаки дорогою растеряли, да Меренцовъ истребилъ въ насъ. Насъ помѣстили въ огромную, хоть и пустую, но сухую, свѣтлую комнату, которая показалась намъ отличною, послѣ курныхъ и холодныхъ деревенскихъ избъ. На утро полковникъ осмотрѣлъ насъ; вызвалъ впередъ охотниковъ креститься, которыхъ набралось человѣкъ до двадцати. И онъ, какъ прежде генералъ, протянулъ за это руку Меренцову. Пожелавшихъ увели куда то, а насъ остальныхъ разсортировали по росту, распредѣлили по ротамъ и развели въ разныя стороны...

Въ батальонѣ кантонистовъ насъ встрѣтили чрезвычайными строгостями, къ намъ не допускали даже солдатъ евреевъ, запретили вести переписку съ родными, а меньшихъ лѣтами—чтобы скорѣе крестились—отправили въ деревни, разставили по квартирамъ и поручили надзору ундеровъ и офицеровъ. Хозяева наши (я тоже попалъ въ деревню), люди темные, называли насъ, по наущенію нашихъ начальниковъ, дьявольскимъ навожденіемъ и обходились съ нами безжалостно. Помѣщались мы въ сѣняхъ, предбанникахъ, ѣли остатки скудной хозяйской пищи изъ собачьихъ и

кошачьихъ плошекъ, пили изъ корытъ, помойныхъ ведеръ. Учили насъ фронту трижды въ день, тѣмъ самымъ манеромъ, какой употреблялъ фельдфебель въ нашемъ домѣ, за исключеніемъ того, что шомпола замѣнялись комлями розогъ. Не смотря на нашъ возрастъ, насъ въ трескучіе морозы, въ однѣхъ шинелишкахъ, посылали съ разными порученіями за 15—20 верстъ; мы зябли, коченѣли отъ стужи, отмораживали пальцы, уши, и насъ же за это наказывали. Ротный командиръ нашъ, поручикъ Просенковъ, громаднѣйшаго роста, багровый, всегда полупьяный, какъ, бывало, щелкнетъ, такъ непремѣнно съ ногъ свалитъ. Онъ безпрерывно ѣздилъ изъ деревни въ деревню, выстраивалъ насъ, осыпалъ всевозможными ругательствами и спрашивалъ: «желаешь креститься—поручикомъ будешь».

— Помилуйте, ваше благородіе, мы ничего не понимаемъ... Позвольте въ своей вѣрѣ оставаться

— Такъ пойми же, жидовская образина, пойми, что я говорю.— И начнетъ отпускать по носу щелчки.

Мальчикъ дрожитъ, искры изъ его глазъ сыплются, носъ чернѣетъ, а Просенковъ продолжаетъ свое любимое занятіе. Рвеніе нашихъ воспитателей объ обращеніи насъ въ православіе было столь сильное, что по одному, по два мальчика ежедневно «желали» креститься. Но вотъ, способъ крестить въ одиночку имъ надоѣлъ, и они стали вымогать желаніе понемногу, а спустя, кажется, мѣсяца три со времени нашего прибытія въ деревню—погнали мальчиковъ 50—60, какъ стадо барановъ, къ рѣкѣ и всѣхъ въ ней разомъ окрестили. Крестившихся переставали, временно, наказывать, переодѣвали въ крѣпкіе сапоги, новыя шинели, освобождали отъ побѣгушекъ, даже отъ ученій. Кромѣ того, и хозяевамъ повелѣвалось: перевести ихъ на жительство въ избы, кормить одинаковою съ собою пищею, за однимъ столомъ, допускать играть въ чурки съ ихъ дѣтьми, и т. п. На все это безпрестанно указывали «закоренѣлымъ жидамъ», возбуждали въ нихъ зависть и щелчками рекомендовали «зажить также на славу, какъ ихъ товарищи». Бойкіе мальчики, принявъ православіе и пользуясь нѣкоторыми льготами, скоро зазнавались, шалили, капризничали, и это служило источникомъ обоюдной брани между ними и хозяевами и наживы для Просенкова.

— Я крестился и подавай мнѣ говядины, а не пустыхъ щей, кипятился мальчикъ.—Сама вонъ казна награждаетъ за крещеніе, даетъ 25 р., а ты и подавно должна меня холить.

— А гдѣ-жъ тебѣ, жиденокъ, взять говядины, коли мы сами ее не ядимъ по бѣдности нашей—возражала, обыкновенно, хозяйка.—Да и вѣра наша вовсе не продается за сласти, и ты не ершись.

— Я христіанинъ, а не жидъ, и за это слово отвѣтишь: жаловаться буду, потому жидами запрещено насъ называть.

— Эй, малецъ, уймись—вмѣшивался крестьянинъ. Баба дѣло баитъ: ты обрѣзанъ, а эфтой фальши не исправить; ты вѣру свою смѣнилъ на нашу, а «отче нашъ» не знаешь, стало, какой же ты хрестьянинъ? Родись въ хрестьянствѣ, толды будешь нашъ, а покеда извѣстно жиденокъ.

Сконфуженный мальчикъ бѣжитъ жаловаться къ Просенкову. Тотъ требуетъ сотскаго, заставляетъ его притащить обвиняемыхъ, накидывается на нихъ цѣлымъ потокомъ страстей, угрожаетъ имъ кандалами, Сибирью—за обиду «царскихъ крестниковъ», вымогаетъ съ нихъ въ видѣ штрафа 3—5 р., за то, чтобъ «отпустить душу на покаянье», и все умиротворяется.

Къ тому же Просенкову является другой крещенный мальчикъ, и тоже жалуется, но на ундера, за избіеніе его и обзываніе жидомъ при всемъ капральствѣ.

— Ишь обидчивый какой!—замѣчаетъ Просенковъ.—Убыло тебя, что-ли? Да и что мнѣ взять съ Петрова? Разбить ему зубы? Такъ вѣдь у меня и безъ того ужъ руки болятъ: оббилъ объ ваши поганныя башки.

— Помилуйте, ваше благородіе, этакъ житья нѣтъ—жалобно продолжаетъ избитый. Намъ обѣщали....

— Дай вамъ, жидамъ проклятымъ, воли на грошъ, такъ норовите захватить ее на рубль. Такое ужъ отродье. Вонъ, пархатый!

И жалобщикъ исчезаетъ, внутренне проклиная своихъ обидчиковъ.

Съ деревенскими старостами и сотскими Просенковъ велъ дружбу, какъ съ людьми нужными: посредствомъ ихъ содѣйствія онъ платилъ крестьянамъ, взамѣнъ казеннаго пайка (по 1 пуд. 32 ф. муки и по 5 гарнцевъ крупы на мальчика въ мѣсяцъ), по ведру водки міру 1-го числа каждаго мѣсяца. Послѣ одной изъ такихъ выгодныхъ операцій Просенковъ угощалъ обоихъ чаемъ, при мнѣ:

я въ тотъ день находился у него на посылкахъ—вѣстовымъ, и стоялъ возлѣ двери, вытянувшись въ струнку.

— А што я тебя, баринъ, спрошу—началъ, переминаясь, староста.—Намъ это не въ домекъ...

— Говори прямо: терпѣть не могу обиняковъ—перебилъ Просенковъ.

— Народъ баитъ, што жиды объ ихнюю пасху пекутъ мацу не на водѣ, а на хрестьянской крови, тоись, ловятъ на улицахъ хрестьянскихъ махонькихъ робятишекъ, закалываютъ ихъ, якобы телатъ, и эфтою то ихнею кровью и растворяютъ мацу. Неужто это правда?

— Разумѣется правда: Іуда Скаріотскій продалъ же Христа за 30 сребренниковъ. А коли Іуда покусился на самаго Христа, такъ ужъ нечего ждать путнаго отъ Богомъ изгнанныхъ изъ Палестины проклятыхъ его родичей.

— Стало быть, и намъ не слѣдъ мирволить жиденятамъ, коли ежели ихъ родители такіе анафемы?

— Потому то я и гну ихъ въ бараній рогъ; да и вамъ съ ними церемониться нечего.

— Слышь, жиденокъ, какая про васъ хула идетъ?—обратился ко мнѣ староста.—Ты што на это скажешь?

— Многаго я не знаю, а что про кровь ихъ благородіе изволили говорить—это... это неправда—рѣшился отвѣтить я.

— Молчать, пархатый!—неистово заревѣлъ Просенковъ.—Онъ подлетѣлъ ко мнѣ и съ такою силою ударилъ меня по уху кулакомъ, что я вылетѣлъ за дверь, стукнулся другимъ ухомъ объ ларь, упалъ на землю, и кровь хлынула разомъ изъ ушей, рта и носа.... Къ ночи я впалъ въ горячку, и меня, еле живаго, доставили въ городъ, въ лазаретъ.

Изъ лазарета меня выпустили мѣсяцевъ чрезъ пять, съ одной ногой короче другой: отъ нервнаго потрясенія жилы сократились, и я не могъ выпрямить ноги. Меня оставили въ казармѣ. Къ фронту я ужъ не годился, въ классъ насъ, некрещенныхъ, не пускали: опасались, какъ бы мы не совращали тамъ на досугѣ крещенныхъ назадъ въ свою вѣру.—Поэтому меня назначили прислуживать въ умывальню, т. е. таскать воды, помои, мусоръ и проч. вмѣстѣ съ другими, подобно мнѣ искалѣченными. Уборщикамъ горраздо легче жилось, нежели прочимъ: мы знали одно свое дѣло, тогда какъ другихъ мучили ученьями, парадами, смотрами и многими другими безполезными работами. Жилъ я въ общей комнатѣ, въ числѣ 40—60 кантонистовъ, но дружбу естественно водилъ съ единовѣрцами (ихъ изъ нашей партіи осталось не больше 15—20 чел.), а надъ крестившимися совмѣстно съ русскими иногда потѣшался. Это однихъ—злило; другіе—раскаивались, зачѣмъ крестились, и завидовали намъ, точно также, какъ и мы тѣмъ, напр., изъ нихъ, воспріемниками которыхъ были знатные, богатые господа, которые щедро награждали своихъ крестниковъ деньгами, съѣстнымъ (пища наша была скверная), брали ихъ въ отпуска на недѣлю, шили имъ собственные куртки, сапоги и проч... Крестившіеся побрасали талисманы,—которыми надѣлилъ насъ благочестивый и которые должны были охранять насъ отъ всѣхъ золъ и бѣдъ—предъ своимъ погруженіемъ въ купель, а у некрестившихся ихъ отняли силой, побоями. Только у меня и еще у одного мальчика они уцѣлѣли. Оба мы и возгордились своими талисманами, наивно доказывая товарищамъ, что они-то и не допустили насъ отречься отъ своей вѣры. Кто-то изъ нашихъ завистниковъ и распустилъ слухъ, будто мы, силою талисмановъ, ровно въ полночь, вызываемъ чертей, которые, по нашему приказанію, пугаютъ, щиплютъ, душатъ крестившихся; рвутъ, портятъ, пачкаютъ ихъ сапоги, отвертываютъ пуговки отъ ихъ курточекъ; будто сами мы улетаемъ въ трубу, завываемъ, грохочемъ, не даемъ покою и проч. Намъ захотѣлось прослыть чудодѣями и потому не только не отвергали этой нелѣпости, а напротивъ, сами поддерживали ее, толкуя, что самъ Богъ, въ лицѣ нашемъ, мститъ крестившимся за ихъ отступничество отъ нашей вѣры. Молва эта, переходя изъ устъ въ уста, постепенно дошла до ундеровъ, фельдфебеля и даже до ротнаго командира. Начальники эти были на столько тупы и невѣжественны, что, не давая себѣ труда подумать: можетъ ли это статься—прямо напали на насъ съ наказаніями; мы же, полагая, что страдаемъ за вѣру, что за это намъ заплотится сторицею, что терпѣніемъ увеличимъ свое значеніе среди кантонистовъ и тѣмъ самимъ удержимъ еврейчиковъ отъ крещенія, а крестившихся подобьемъ къ раскаянію,—упорно стояли на своемъ, прятали, куда могли, талисманы. И мѣсяца два сряду насъ то дра-

ли, то лишали обѣда, то наряжали, не въ очередь, на часы ночью —все домогались талисмановъ. Силы наши истощились, и мы, наконецъ, сами представили талисманы, которые фельдфебель, въ присутствіи толпы кантонистовъ, собственноручно бросилъ въ отхожее мѣсто...

Обезславленный, разслабленный, осмѣиваемый—я совершенно уединился, загрустилъ, вновь разболѣлся и залегъ въ лазаретѣ, откуда меня назначили, по неспособности къ фронту, въ мастеровую команду (*) и перевели на этапъ. Я покинулъ казарму съ радостію и горячею благодарностью Просенкову за то, что онъ меня искалѣчилъ: лишь эта причина и вывела меня изъ человѣческой бойни тремя или пятью годами раньше, нежели изъ нее обыкновенно выходили кантонисты. Цѣлую недѣлю наслаждался я свободою (на этапѣ заставляли только ночевать), бродилъ по улицамъ, знакомился впервые безбоязненно съ городомъ, въ которомъ столь печально провелъ три года горемычной своей юности. Исключеніе свое изъ кантонистовъ я такъ дорого цѣнилъ, что ни разу не задавался вопросомъ: да полно, ждетъ-ли меня впереди что нибудь лучшее?

IV.

Закалившись въ передрягахъ и сдѣлавшись опытнѣе, я пустился въ обратный путь гораздо смѣлѣе и спокойнѣе. На дневкахъ мы безъ стѣсненія гуляли по базарамъ, выпрашивали у добрыхъ людей милостыню и съѣстные припасы; порціонныя деньги по десяти коп. выдавали намъ ежедневно сполна въ руки, и кто на нихъ что хотѣлъ—то и ѣлъ; ежели же кому удавалось насытиться даромъ—порціонныя оставались въ его экономіи.—Насъ не мучили смотрами и не наказывали за всякіе пустяки. Словомъ, я совершилъ обратный походъ благополучно и даже замѣтно поздоровѣлъ въ дорогѣ.

*) Съ тридцатыхъ годовъ по 1858 г. въ Петербургѣ и Москвѣ существовали мастеровыя команды, въ которыя высылались изъ заведеній кантонистовъ неспособные къ фронту мальчики; изъ командъ ихъ отдавали въ ученія разнымъ ремесламъ вольнымъ мастеровымъ, по контрактамъ, до полнаго совершеннолѣтія, и затѣмъ назначали на службу въ войска, дабы послѣднія не нуждались въ мастеровыхъ. Въ каждой изъ названныхъ командъ числилось постоянно отъ 700 до 1000 мальчиковъ.

Въ Петербургѣ я попалъ опять въ казарму, но только для отдыха. Нѣсколько дней сряду приходили какіе-то вольные люди, разсматривали насъ со всѣхъ сторонъ и разспрашивали, откуда, кто мы такіе. Одинъ изъ нихъ, пожилой, маленькій, толстопузый, въ длиннополомъ мѣщанскомъ сюртюкѣ, спросилъ меня: какъ моя фамилія? Я отвѣчалъ: Кугель. Онъ засмѣялся.

— Слышь, Петръ Ивановичъ, какъ прозывается этотъ жиденокъ? «Кугель». Жиды въ шабашъ пекутъ кугель, ну и фамилію выдумали такую. Этакіе, подумаешь, ловкачи.

— На чемъ другомъ, а на хитрости да на ловкости жиды бядовые, и я ихъ за это люблю—отвѣтилъ высокій, худой мѣщанинъ.—Не взять ли мнѣ этого Кугеля?

— Ну нѣтъ, братъ, не уступлю: я первый отрылъ его,—это разъ; а другое я самъ охотникъ до кугелей.—И толстопузый куда то покатился кубаремъ.

Чрезъ три дня солдатъ привелъ меня къ этому толстопузому «вѣчнаго цеха переплетному мастеру» Ерофѣеву, къ которому начальство законтрактовало меня на 6 лѣтъ въ ученье.

— А! это ты, Кугель-то, пришелъ—заговорилъ Ерофѣевъ, выйдя, въ халатѣ, въ переднюю.—Жаль, сегодня вторникъ, а не суббота, а тобы кстати тебя съѣсть.

— Будьте добры, пожалѣйте меня—заговорилъ я плаксиво.—Я ужъ много горя перенесъ...

— Не пужайся: я вѣдь только шучу. Будешь смиренъ, трудящъ—и обижать не станутъ.

— Покорно благодарю; постараюсь—отвѣтилъ я.

— Онъ провелъ меня корридоромъ внизъ, и мы очутились въ полутемной, большой комнатѣ, заваленной кипами бумаги и книгъ.

— Вотъ, ребята, вамъ товарища—сказалъ Ерофѣевъ—хоша онъ и Кугель, а ѣсть его все таки нельзя, потому казенный человѣкъ.—Изъ за кипъ выглянуло нѣсколько тощихъ, заморенныхъ мальчиковъ, иные улыбнулись и опустили головы къ работѣ.—Онъ жидъ—продолжалъ Ерофѣевъ—но обижать его тоже не смѣть: отвѣчать придется... Тутъ тебѣ честь и мѣсто—заключилъ онъ, и ушелъ.

Я стоялъ въ глубокомъ раздумьи о томъ, куда я попалъ.

— Раздѣвайся, одежду положь въ уголъ и садись сюда, къ столу—вывелъ меня изъ затрудненія чей то слабый голосъ.

— Жиденокъ! иди къ хозяйкѣ на показъ—кликнулъ женскій голосъ.

Я пошелъ на зовъ и предсталъ предъ столомъ комнаты Ерофѣева. Онъ сидѣлъ за столомъ, противъ него здоровенная, высокая женщина лѣтъ тридцати. Она пристально и злобно оглядѣла меня.

— И зачѣмъ тебѣ, безтолковый, понадобился другой жидъ, коли я и того терпѣть не могу? Ты вѣчно дѣлаешь мнѣ на зло.

— Того можешь не терпѣть, а этого полюбишь. Жиденята, али русскіе—все едино даровые работники, чего-жъ ты, злючка, кочевряжешься?

— Я злючка, а ты пьяница, скотъ!

— Пьянъ да уменъ—два угодья въ емъ, а въ тебѣ-то что? Сплетничать да съ подмастерьями валандаться—не ахти вѣдь какъ велика наука.

— Молчи покуда я тебѣ въ рожу не харкнула, а ты вонъ, поганецъ!

Я вздрогнулъ и окаменѣлъ.

— Ступай братъ, Кугель, во свояси и не трусь: собака лаетъ, а вѣтеръ разноситъ.

Я поспѣшно направился внизъ, понуря голову и думая: не быть вѣрно добру, ежели такова жизнь самихъ хозяевъ. Вскорѣ я убѣдился, что хозяинъ и хозяйка, ссорясь между собою, укоряли другъ друга не напрасно, и что хозяинъ добрякъ, но мямля, и потому подъ башмакомъ у жены, заправляющей мастерскою и хозяйствомъ съ неограниченною властью. Товарищей насчиталъ я 15 мальчиковъ и 5 подмастерьевъ. Мастерскія составляли три грязныя комнаты въ нижнемъ, подвальномъ этажѣ; окна этихъ комнатъ выходили къ мусорной ямѣ, откуда къ намъ несло вонью; изъ подъ пола дуло, отчего мальчики простуживали ноги. По комнатамъ вездѣ валялись въ безпорядкѣ книги, бумага, инструменты, а посрединѣ стояли длинные и широкіе столы, около которыхъ днемъ работали, а ночью спали на нихъ, подъ ними и на придѣланныхъ къ стѣнамъ двухъэтажныхъ нарахъ. Работали, подъ присмотромъ подмастерьевъ, съ 6 часовъ утра до 9 вечера, иногда и за полночь. Принималъ заказы самъ хозяинъ, а когда его не было, что часто случалось—хозяйка, зорко наблюдавшая, чтобы мальчики не шалили, не сидѣли сложа руки; виновныхъ стегала трехвосткою, для чего навѣщала насъ нѣсколько разъ въ день. Съ подмастерьями она была вѣжлива, а съ нѣкоторыми нѣжничала, поила ихъ, по одиночкѣ, кофеемъ, у себя въ комнатѣ. Насъ, контрактныхъ, кормили скудно, почти однимъ супомъ, приправленнымъ крупинкою, которую не догонишь, какъ говаривали, и дубинкою. Говядину, рыбу давали намъ въ годовые только праздники, да когда хозяйка уходила на долго въ гости, а хозяинъ бывалъ подгулявши. Трапезничали мы всегда отдѣльно и изъ особой даже посуды; хлѣба, впрочемъ, не жалѣли, и мы ѣли его вволю. Одѣвались мы зимою и лѣтомъ въ одни и тѣ же пестренькіе, тиковые халаты, дырявые сапоги, или въ опорки, да въ бѣлье, висѣвшее лоскутками. Трое изъ насъ, люди казенные, имѣли при себѣ, правда, форменныя шинели, брюки, шапки, сапоги—но носить ихъ запрещалось: это имущество береглось для инспекторскихъ смотровъ. Въ баню всѣхъ насъ, контрактныхъ, водили разъ въ мѣсяцъ, а въ промежутокъ этого времени, валяясь въ грязи и тѣснотѣ, мы такъ перепачкивались, что грязь съ тѣла хоть заступомъ, бывало, отскребывай, а насѣкомыя просто заѣдали насъ.

Я, какъ новичекъ, взятъ былъ хозяйкою въ ея распоряженіе и весь первый годъ, въ числѣ 3 мальчиковъ, чистилъ вилки, ножи, картофель, сапоги, подметалъ и мылъ полы, варилъ крахмалъ, клей, по цѣлымъ зимнимъ днямъ складывалъ, кололъ и таскалъ дрова изъ сарая, ставилъ самовары по десяти разъ въ день, словомъ, съ ранняго утра до поздняго вечера трудился. Чуть, бывало, чего не успѣешь или по слабосилію не сможешь сдѣлать—хозяйка тотчасъ такъ отстегаетъ трехвосткой, что синяки по мѣсяцу не сходятъ съ тѣла. Спалъ я въ хозяйской спальнѣ, подъ столомъ, тюфякомъ служилъ мнѣ—одинъ конецъ половика, одѣяломъ—другой, а подушкой—растрепанная книга. Едва, бывало, вздремнешь, хозяйкинъ ребенокъ заплачетъ, она проснется и закричитъ:

— Левка, пащонокъ ехидный, что не качаешь Вани? али не выдрыхнешься, нехристь окаянный! Чужой хлѣбъ даромъ только жрешь, чтобъ тебѣ подавиться!

Вскочешь и нянчишься по часу, по два сряду. Не услышишь ея зова—угоститъ, бывало, пинками, или колотушками. Убаюкивая ребенка, и самъ вмѣстѣ съ нимъ до сыта наплачешься.

— Опять ты, стерва, его прибила—начнетъ, случалось, хозяинъ, проснувшись отъ нашего общаго плача.—Экая живодерка!

— А пускай не заставляетъ меня вставать будить его; пускай прислушивается. Ты бѣльмы-то свои залилъ и тебѣ хоть трава въ полѣ не расти.

— Качай сама, нешто тебѣ дѣлать, а не трожь Левку: онъ казенный человѣкъ и тоже уснуть хочетъ, намаявшись днемъ.

— Я двадцать разъ больше маюсь съ тобой, безмозглая твоя башка. Самаго заставлю качать.

— Ну ужъ шалишь! чтобы я, хозяинъ, сталъ качать... а за Левку всегда заступлюсь: онъ даденъ мнѣ подъ отвѣтъ.

— Затвори ты твою анафемскую пасть, не то я тебѣ заткну ее поганымъ вѣникомъ. Хоть бы скорѣй кондрашка-то схватила тебя, подлеца.

— Штобъ положить, значитъ, на мое это хозяйское мѣсто Афонку верзилу? Врешь: я васъ обоихъ переживу.

— Не унимаешься, скотъ, такъ вотъ же тебѣ!—И она хватитъ его по чемъ попало, онъ дастъ сдачи—и подерутся. Ему впрочемъ больше доставалось: неповоротливъ онъ былъ отъ тучности.

Наконецъ я освободился отъ черной работы и началъ учиться ремеслу. Черезъ годъ умѣлъ уже складывать листы, фальцовать, распаривать и сшивать книги, склѣивать папки, рамки, конверты, коробочки и былъ на порядочномъ счету у хозяина, отчего мнѣ было, однакожъ, ни тепло, ни холодно: всѣмъ распоряжалась хозяйка.

Я, какъ и товарищи, искалъ работы на послѣ-шабашное время, чтобы зашибить грошъ на нужду, но всѣ мои старанія оказывались напрасными: отдавали книги переплетать богатые да ученые, а изъ нихъ никто, разумѣется, не довѣрялъ мальчикамъ. Поэтому мы завидовали контрактнымъ портнымъ и сапожникамъ: тѣ всегда доставали деньги. Одинъ наберетъ, напр., лоскутковъ сукна, сошьетъ урывками пару галстуковъ, сбѣгаетъ въ какое нибудь присутственное мѣсто, или въ рынокъ и продастъ, смотришь 10—15 к. и есть. Другой починитъ башмаки: если кухаркѣ—онъ сытъ по горло два-три дня; если прачкѣ—она выстираетъ ему бѣлье (стирали мы его сами въ банѣ), дастъ кусокъ мыла; швеѣ—подаритъ сшитую изъ остатковъ рубашонку. Наше же дѣло было просто пропащее. Мучились мы этакъ, мучились, да однажды, когда хозяинъ уѣхалъ зачѣмъ-то въ Новгородъ, сговорились съ сосѣдними мальчиками-слесарями, взяли по чашкѣ своей бурды, махнули съ нею, гурьбою, человѣкъ 40, въ кварталъ, да и поставили ее квартальному подъ носъ. На-ко, молъ, попробуй, чѣмъ пахнетъ.—Квартальный вспылилъ, пригласилъ доктора, тотъ освидѣтельствовалъ пищу и призналъ ее никуда негодною. Тогда позвали нашихъ хозяевъ.

— Это гадость, мерзость, собаки лакать не станутъ—раскричался квартальный на нашу хозяйку и хозяевъ. Я васъ за это на годъ въ тюрьму, въ рабочій домъ запрячу! Между мальчиками есть кантонисты, а за нихъ и Сибирью пахнетъ.

Услышавъ, что квартальный тянетъ на нашу сторону, мы бухнулись ему въ ноги и заголосили: «Доподлинно собакъ грѣшно этимъ кормить, а мы, люди, всегда это ѣдимъ, день и ночь работаемъ, валяемся на голыхъ доскахъ, въ грязи, вши насъ заѣли, бѣлья не мѣняемъ отъ бани до бани, да и носимъ всегда дерюжное, рваное; сквозь нашихъ сапогъ пальцы торчатъ. Защитите, сжальтесь надъ нами: вѣчно будемъ за васъ Бога молить».—Насъ переписали и отпустили по домамъ, говоря: разсудятъ.

Какъ, гдѣ и кто судилъ—не слыхалъ, а спустя этакъ недѣлю, насъ свели выслушать рѣшеніе: вольныхъ мальчиковъ—въ кварталъ, а кантонистовъ—въ команду. Въ кварталѣ каждый получилъ по 10 розогъ и шелъ во свояси, а мы въ командѣ прождали часа два полковника.

— Вы бунтовать, безпокоить начальство? я васъ проучу—грозно кричалъ онъ.—Розогъ!

— Помилуйте, ваше высокородье, мы жаловались на пищу.

— Молчать! Чтобы сотни жили смирно, на вашей спинѣ покажу всѣмъ примѣръ. Раздѣваться!

Началась экзекуція. Чрезъ каждые три удара полковникъ спрашивалъ: «ну что, хозяйская или березовая пища вкуснѣе? Тепло, или холодно подъ розгами? Сыро или сухо здѣсь лежать?»—Окончивъ расправу, полковникъ спокойно прочелъ намъ нотацію, какъ

слѣдуетъ вести себя, и замолчалъ. Мнѣ померещилось, что настала пора и мнѣ говорить въ свое оправданіе.

— Вамъ угодно было наказать насъ, мы претерпѣли; только претерпѣли безвинно: намъ житья нѣтъ!...

— Такъ это ты, жидовская образина, бунтуешь вѣсхъ? Растянуть его!

И меня привезли домой еле живаго. Когда я оправился, хозяинъ избѣгалъ, нѣкоторое время разговора, даже и встрѣчъ со мной. Наконецъ не выдержалъ.

— Помиримся, Левушка, пожалуйста—заговорилъ онъ, будучи навеселѣ.—Тебя обидѣли изъ за насъ, изъ за нея, стервы. Я это чувствую и очинно соболѣзную объ тебѣ, но вѣдь меня самаго могли засудить, а всякому своя рубашка ближе къ тѣлу. Къ тому-жъ и меня не по головкѣ погладили: съ насъ, съ каждаго хозяина, содрали: по 100 р.—полковникъ, да по 25 р.—фартальный. Пойдемъ въ трактиръ, чайкомъ угощу, потихоньку.

Я помирился съ нимъ и глубже сталъ вникать въ свое положеніе, сдѣлался серьезнымъ, задумчивымъ. Книгъ у насъ переплеталось множество, и тѣмъ, кто усердно работалъ, не возбранялось, на досугѣ, въ праздники, читать ихъ. Въ тяжелой борьбѣ съ обстоятельствами и самимъ собою—я обратился къ чтенію, пріохотился къ нему и прочелъ множество книгъ, большею частію, разумѣется, романовъ, повѣстей, разсказовъ, увлекающихъ юношеское воображеніе.

Мнѣ пошолъ восемьнадцатый годъ. Я выросъ, выровнялся, съ лица былъ не дуренъ, хозяинъ положилъ мнѣ, за труды, по секрету отъ жены, жалованья 3 р. въ мѣсяцъ, а хозяйка въ свою очередь умильно посматривала на меня, видимо ухаживала за мной, по бывшимъ примѣрамъ.

— Пріударь, Левка, за ней, стервой, вымани у нея побольше денегъ, да и натяни ей носъ—твердили мнѣ товарищи.

Сама она казалась мнѣ противною, оскорбить добродушнаго хозяина совѣстно было; къ тому мнѣ припоминалась скандальная исторія мачихи, и я не послѣдовалъ совѣтамъ. Сверстники по возрасту попивали водку, возжались съ контрактными дѣвочками, а я, изъ боязни наказаній, держался степенно. Случилось вскорѣ, что хозяинъ, послѣ трехдневной попойки, тяжко заболѣлъ и хотя онъ поправился и пить совсѣмъ пересталъ, но съ дѣломъ справиться ужъ не могъ, а прыть хозяйки съ годами тоже значительно падала. Хозяинъ, за мое хорошее поведеніе, сдѣлалъ меня своимъ помощникомъ, старшимъ подмастерьемъ, одѣлъ франтовски, прибавилъ еще жалованья до 8 руб. въ мѣсяцъ, и я изъ Левки вдругъ превратился въ Льва Абрамыча.

Минулъ еще, кажется, годъ моего и хозяйскаго благополучія по мастерской. Я изъ кожи лезъ ради его выгоды. Онъ порядкомъ разживался, а хозяйка изрядно обрюзгла, расхваривалась, по недѣлямъ не вставала съ постели, и распоряжаться стало некому. Хозяинъ и выписалъ изъ Новгорода свою племянницу, бойкую, грамотную дѣвушку лѣтъ семьнацати, нарядилъ ее попитерски и поручилъ ей хозяйственную часть дома. Какъ правая рука хозяина, я пилъ и ѣлъ за однимъ столомъ съ нимъ и съ Наташею (такъ звали племянницу хозяина), проводилъ цѣлые дни съ нею, иногда, какъ бы невзначай, встрѣчались мы за воротами, прогуливались вмѣстѣ, а по праздникамъ я читалъ ей въ слухъ книги.—Мало по малу мы сдружились и—влюбились другъ въ друга пылкою, юношескою любовью. Любовь наша въ началѣ выражалась тѣмъ напр., что когда мы взглядывали другъ на друга, то вспыхивали; дотронувшись до руки другъ друга — обѣ дрожали; сходились во вкусахъ, принимали взаимные совѣты. Потомъ... потомъ, люди, какъ извѣстно, на этомъ не останавливаются, и понятно, что и намъ захотѣлось высказаться. Однажды хозяева ушли на имянины и мы остались вдвоемъ. Я свелъ дневной счетъ и задумался.

— Что съ вами, Левъ Абрамычъ—спросила Наташа, издали наблюдавшая за мной.

— Такъ, ничего, Наталья Ивановна... что-то скучно... Сядьте сюда... возлѣ...

— Извольте; да отчего же это вамъ скучно?

— Я люблю тебя—вдругъ бухнулъ я.—А ты?

— Тоже—прошептала она, вспыхнула и потупилась.

— Если такъ, то... Уста наши слились въ звонкомъ, страстномъ поцѣлуѣ.

— Теперь легче?—ласково и нѣжно спросила она.

— Да, легко, очень легко, ненаглядная Наташа.

— И мнѣ тоже, милый Левушка.

Мы заворковали какъ голуби; сдерживаться не умѣли и въ то же время полагали, что наша любовь для всѣхъ непроницаемая тайна: всѣ влюбленные вѣдь близоруки. Разъ я съ хозяиномъ, по обыкновенію, сидѣлъ въ трактирѣ — чай пили. Долго онъ что-то покрякивалъ, наконецъ, придвинулся ко мнѣ поближе и со вздохомъ заговорилъ.

— Давай братъ, поговоримъ съ тобой о важномъ дѣлѣ, по душѣ.

— О какомъ же это, Иванъ Ивановичъ, дѣлѣ?

— Да о твоемъ съ Наташей.—Я вспыхнулъ и опустилъ глаза въ стаканъ. — Шила, братъ, въ мѣшкѣ не утаишь, особливо отъ меня: я вѣдь старый воробей, все примѣчаю. Вы затѣяли опасную игру.

— Какъ опасную?

— Да, братъ, опасную: дѣвчонка огонь, да и ты порохъ: вы, того и гляди, сожжетесь. Ее дѣвичество дорого ей и мнѣ тоже: я взялъ ее, чтобы сберечь до замужества. Разсуди же ты это хладнокровно.

— Съ чего же вы взяли, что я покушусь... Я просто...

— Знаю, знаю, что сердце просто любитъ, не спросясь; но молодость ухъ какъ горяча,—ну и далеко ли до грѣха? Я говорю съ тобой, какъ бы со своимъ, значитъ, сыномъ, потому люблю тебя за твои труды, за аккуратность, да за трезвость, и съ полнымъ бы нашимъ удовольствіемъ отдалъ тебѣ въ жены Наташу, отдѣлялъ бы вамъ долю барышей отъ мастерской и радовался бы вами на старости моихъ лѣтъ, да ау братъ—нельзя, нельзя... ты еврей... Хоша и не справляешь своей вѣры, а все-жъ таки еврей и на русской жениться не можешь.

Ребенкомъ меня оторвали отъ родныхъ, отъ моей вѣры; лѣтъ девять сряду издѣвались надъ моимъ тѣломъ, разрушали мое здоровье, а теперь, когда я ужъ взрослый, въ дребезги разбиваютъ и мое сердце — съ грустью размышлялъ я. Да за что же, за что всѣ эти удары сыплются на меня?... Еврею и любить запрещается...

— И, окромя твоего еврейства — продолжалъ онъ — есть важнѣющая заковыка: ты человѣкъ казенный, на службу скоро потребуютъ; вздумай жениться, хоть и на еврейкѣ, и то начальство не позволитъ. И завей ты, какъ нибудь, свое горе веревочкой, а Наташу оставь, выкинь, сдѣлай милость, изъ головы. Мнѣ, ей Богу, тебя жалко, да признаться—все-жъ Наташа-то ближе.

Разсужденія хозяина были такъ искренни и правдивы, истина поднялась предо мной такимъ грознымъ бичемъ, что въ это время я какъ бы уничтожился даже въ собственныхъ моихъ глазахъ.

— Не унывай одначе, не стоитъ: эта блажь проходитъ, да и для забавы много, вѣдь, дѣвчонокъ.

— И всѣ, одинаково съ вами, будутъ считать меня зачумленнымъ моею религіею?..

Я впалъ въ уныніе, злился на всѣхъ, скрывался отъ Наташи, придирался къ ней при другихъ, а она, напротивъ, такъ нѣжно, съ такою любовью поглядывала на меня, что я млѣлъ и не зналъ куда дѣваться.

— Чтобъ ты былъ сегодня вечеромъ дома; наши уйдутъ— скороговоркою сказала мнѣ разъ Наташа такимъ рѣшительнымъ голосомъ, что я перепугался.—Я непремѣнно хочу знать, что у тебя на умѣ — заключила она, топнувъ ногою.

Коли сама хочешь, такъ и узнаешь, да узнаешь то, чего тебѣ и во снѣ, можетъ статься, не грезилось—рѣшилъ я въ умѣ, и, когда хозяева ушли, вошелъ въ комнату, плотно притворилъ за собою дверь, сѣлъ къ столу и облокотилъ голову на руки. Услышавъ знакомые шаги, Наташа медленно выступала изъ своей комнаты и, подходя ко мнѣ, вполголоса запѣла:

Что ты холоденъ сталъ,
Равнодушенъ ко мнѣ?
Иль любить пересталъ,
Иль печаль на душѣ?
Что въ глаза прямо мнѣ,
Ты теперь не глядишь,
Очи клонишь къ землѣ,
Все грустишь и молчишь?...

— Перестань, пожалуйста, пѣть: мнѣ и безъ того тошно — прервалъ я, опасаясь, какъ бы не заревѣть отъ ея сладкихъ звуковъ, пронизывавшихъ меня насквозь.

— Перестаю, Левушка, охотно перестаю, чтобы слушать твою пѣсню.—И она прижалась ко мнѣ и добилась того, что я поднялъ голову, не будучи въ силахъ противустоять ея нѣжности.

— Тебѣ дядя ничего не говорилъ?

— Нѣтъ, а что?

— Да то, что мнѣ запрещается любить тебя.

— Это что за новости? Дядя вѣрно шутилъ, или ревнуетъ меня къ тебѣ. Давно ли онъ поминутно все тебя хвалилъ, а разъ прямо сказалъ мнѣ: «вотъ бы тебѣ эдакого малаго въ мужья, славно бы». Я и подцѣпила не «эдакого», а этого самаго малаго, и будетъ онъ мнѣ мужемъ. Такъ вѣдь, Левушка? — И она нѣжно положила мнѣ руку на голову.

— Нѣтъ, Наташа, къ прискорбію, нѣтъ, хоть ни я, ни ты въ этомъ не повинны.

— Такъ кто же, что же мѣшаетъ? — Она быстро встала предо мной и вперила въ меня свои глаза, готовые заплакать. — Злые языки, что ли, насудачили?

— Тоже нѣтъ! Ты знаешь, что я не русскій, а еврей?

— Такъ чтожъ? И французы, и нѣмцы, и чухонцы — всѣ женятся на русскихъ (въ нашемъ, вонъ, домѣ такія семейства живутъ); отчегожъ нельзя мнѣ выйти за тебя, еврея, ежели ты мнѣ по сердцу пришелся?

— Прежде и я, голубушка, такъ думалъ, да, къ несчастью, ошибся: и дядя, и многіе другіе, которыхъ я разспрашивалъ, твердятъ одно: евреи—не христіанскаго исповѣданія, а браки дозволены только между христіанами.

— Такъ ты не крещенный?... Гм... Не знала... Впрочемъ, ларчикъ-то очень просто открывается; крестись въ нашу вѣру, и дѣло въ шляпѣ; крещеннымъ все можно.

— Это легко сказать, но не легко сдѣлать.

— Ну да, любишь меня и крестишься: кто кого любитъ, тотъ для того ничѣмъ не дорожитъ, а тебѣ и дорожить-то нечѣмъ.

— Но вѣдь тоже могу сказать и я: любишь меня, такъ перейди же въ нашу еврейскую вѣру.

— Ну ужъ это дудки: русскимъ нельзя своей вѣры бросать, а у васъ и вѣры то, сознайся, никакой, кажется, вѣдь нѣтъ: ты вѣдь ни по-каковски не молишься.

— Не молюсь оттого, что около 10 лѣтъ ни синагоги, ни раввина, ни молитвенниковъ, ни евреевъ въ глаза не видѣлъ, а

живши всегда взаперти, сперва—въ казармахъ, а потомъ—здѣсь, перезабылъ, когда бываютъ наши праздники и даже какъ молятся.

— Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше, крестившись—только выиграешь: будешь молиться, въ нашу церковь ходить, Богъ за это счастья пошлетъ; будешь еще моимъ мужемъ. Левушка, голубчикъ, крестись, пожалуйста, скорѣй!

— Нѣтъ, Наташа. Я самъ такъ часто упрекалъ своихъ товарищей кантонистовъ, крестившихся по неволѣ, чтобы ихъ меньше били, я самъ въ малолѣтствѣ перенесъ столько оскорбленій и истязаній, чтобы остаться евреемъ, что теперь, въ возрастѣ, добровольно оставить свою вѣру мнѣ не приходится. При томъ, откровенно говоря, ты, ты сама, при первой же вспышкѣ назовешь меня «жидомъ проклятымъ», изъ корысти отступившимся отъ вѣры своихъ праотцевъ.

— Да за кого-жъ ты меня принимаешь? Я не шальная, чтобы обижать человѣка за то, что онъ сдѣлалъ для меня, изъ любви ко мнѣ. Не смѣй обо мнѣ такъ думать. Это все глупости; а нѣтъ ли у тебя иной причины, зазнобушки какой?

— Да, есть, къ несчастію, только не зазнобушка, а начальство: я не *вольный* человѣкъ, я кантонистъ: нашему же брату начальство, какъ я справлялся, не позволяетъ жениться: мы должны готовиться въ солдаты.

— Отъ солдатства можно откупиться, денегъ не Богъ вѣсть сколько надо на это, и дядя дастъ: заслужимъ ему послѣ. Остается только тебѣ креститься—и все тутъ. Согласенъ? Да?

— Не знаю... Подумаю... н—н-нѣтъ.

— А «нѣтъ», такъ провались ты сквозь землю, вмѣстѣ съ твоей вѣрой, да и съ начальствомъ то вмѣстѣ. «Нѣтъ» говоришь ты, такъ я тебя возненавижу, слышишь, возненавижу!—И она убѣжала въ свою комнату, захлопнула за собою дверь и зарыдала.

Я сидѣлъ неподвижно. Сердце мое надрывалось отъ ея слезъ. За что же, за что, господи, сыплются на меня такіе удары?—думалъ я, и изнеможенный всталъ, еле добрелъ до своего мѣста и легъ. Но сонъ бѣжалъ отъ меня, а печальныя думы не покидали меня. Рѣшеніе мое однако не измѣнилось... Съ Наташею мы сдѣлались открытыми врагами: не здоровались, отворачивались другъ отъ друга. Хозяину это нравилось, и онъ одобрялъ меня за твер-

дость характера, называлъ молодцомъ, не понимая, что эта хвала меня бѣсила. Невольно сталкиваясь, по нѣскольку разъ въ день, съ Наташею, я замѣчалъ ея заплаканные глаза, блѣдное лицо. Жалость пронимала меня; то же самое происходило и съ нею, и мы примирились. Подходя разъ къ хозяйскимъ дверямъ, я услышалъ голосъ хозяина:

— Онъ тебѣ не пара, и выкинь ты изъ головы эту блажь, иначе я васъ силою разлучу.

Это заставило меня остановиться.

— По вашему не пара, а по моему пара, говорю вамъ, пара, потому что я люблю его—сквозь слезы отвѣчала Наташа.—Ушлютъ его, и я у васъ не жилица,—пойду за нимъ хоть на край свѣта и добьюсь своего...

— За кѣмъ ты пойдешь? За жидомъ-то? Да тебѣ всѣ въ глаза наплюютъ! Кѣмъ ты пойдешь? Любовницей его, жида? Да мать проклянетъ тебя на всѣхъ соборахъ! Куда ты пойдешь: въ казармы, на войну? Да начальство тебя въ три шеи прогонитъ съ первой же станціи! Чтобы идти, надо паспортъ, у тебя его нѣтъ и въ ближайшемъ же городѣ въ тюрьмѣ сгніешь! Пойми ты все это, глупая твоя голова.

— Можете говорить, что хотите, а я... я настою на своемъ. Можетъ и за одинъ часъ пропадетъ вся моя жизнь, и то жалѣть не стану; значитъ, туда мнѣ и дорога.

Слезы умиленія душили меня, и я вернулся въ свой уголъ. Съ этого момента Наташа до небесъ выросла въ моихъ глазахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожилась вся моя преданность хозяину. За нами зорко стали слѣдить, надъ нами открыто подтрунивали всѣ, даже мальчики; домашнія бесѣды также прекратились. Все это разжигало въ насъ страсть, и мы поднимались на всякую хитрость, чтобы душу отвести гдѣ нибудь наединѣ, въ отдаленной аллеѣ Лѣтняго Сада, на краю города. И въ одинъ роковой часъ, трескучій морозъ загналъ насъ отогрѣться въ гостинницу, гдѣ мы, съ горя, выпили хересу, охмѣлѣли и... и выходя оттуда—оба плакали, утѣшали другъ друга, какъ и чѣмъ могли.

Съ хозяиномъ начался у меня рѣзкій разладъ: онъ не довѣрялъ мнѣ, придирался ко мнѣ, а я ему грубилъ, обманывалъ его. Однажды, рано утромъ, онъ велѣлъ мнѣ самому снести начальнику мастеровой команды переплетенныя книги, что и прежде случалось нерѣдко. Ничего не подозрѣвая, отправился я къ полковнику, сдалъ книги его лакею и ждалъ, не вынесетъ ли онъ новыхъ, для дароваго же, какъ всегда, переплета; но вмѣсто лакея самъ полковникъ приказалъ мнѣ снести записку въ канцелярію, къ адъютанту. Адъютантъ прочелъ записку, кого-то кликнулъ, явились два солдата и получили приказаніе тотчасъ же переодѣть меня и сдать на этапъ. Какъ я ни просилъ, какъ ни умолялъ позволить мнѣ хоть только на часъ съѣздить домой—проститься, собраться—ничто не помогло: меня силою перерядили въ солдатскую шинель, силою стащили на этапъ и силою же втолкнули въ вагонъ желѣзной дороги, избитаго, истерзаннаго—за сопротивленіе...

V.

Я вполнѣ опомнился уже въ Москвѣ, гдѣ узналъ, что меня шлютъ на службу въ 10-ю пѣхотную дивизію, въ Пензу; понялъ, что казенный человѣкъ вообще, и еврей въ особенности, не смѣетъ быть ни съ сердцемъ, ни съ чувствами, и что изгнаніе мое произошло не безъ участія хозяина. И поплелся я путемъ дорогою, терзаемый угрызеніемъ совѣсти и неотвязными вопросами: что сталось съ Наташею; что постигнетъ самаго меня, обрѣченнаго на скитанія по свѣту, безъ цѣли, безъ надежды хоть когда нибудь обрѣсть пристанище... Отъ Москвы этапы шли пѣшкомъ, съ обычными ночлегами, дневками, непогодою, лишеніями и т. под.

По прибытіи къ мѣсту, меня зачислили рядовымъ въ полкъ, оставили прикомандированнымъ къ штабу, для занятія переплетнымъ ремесломъ, и помѣстили на жительство вмѣстѣ съ писарями. Среди 10 писарей я наткнулся на земляка, который сданъ былъ одновременно со мной въ рекруты, а прибывъ въ заведеніе кантонистовъ, тотчасъ же крестился, ходилъ въ классъ, выучился грамотѣ, вытерпѣлъ всѣ невзгоды и чрезъ семь лѣтъ попалъ въ писаря въ этотъ штабъ и носилъ уже голуны, какъ унтеръ-офицеръ. Мы очень обрадовались другъ другу, не смотря на различіе вѣры, положенія, познакомили другъ друга каждый съ своимъ прошедшимъ и въ заключеніе Иванъ Петровичъ — такъ его звали по русски — сообщилъ мнѣ, что на мое имя присланы

тюкъ и 100 р. денегъ. Я представился казначею, старому холостяку, доброму капитану, который выдалъ мнѣ вещи, оставшіяся у Ерофѣева, письмо, а изъ денегъ на обзаведеніе 15 р., говоря, что остальныя положитъ въ казенный ящикъ на сбереженіе. Я выбѣжалъ на улицу, судорожно развернулъ письмо, надѣясь найти въ немъ утѣшеніе своей скорби — извѣстія о Наташѣ, но горько ошибся Ерофѣевъ писалъ мнѣ: «Вещи, тебѣ принадлежащія, возвращаю. Изъ найденныхъ въ твоемъ сундукѣ 200 р., накопленныхъ тобою отъ жалованья, наградныхъ и проч., удерживаю 100 р., заплоченныхъ мною за то, чтобы внезапно избавиться отъ тебя, а остальные 100 р., хотя и могъ бы также присвоить себѣ, да не хочу этого дѣлать—помню, что ты своими трудами принесъ мнѣ пользу; удалить же тебя скорѣе считалъ необходимымъ, такъ какъ ты добромъ меня не послушался и осрамилъ мою семью».

Я показалъ письмо Петрову, и тотъ меня успокоилъ: Ерофѣевъ, по его словамъ, поступилъ со мной, пожалуй, и круто, но вѣдь другой могъ бы еще хуже сдѣлать, а тутъ «долгъ красенъ платежомъ».

Съ помощью Петрова я постепенно примирялся съ своею участью. Я прилежно занялся своимъ дѣломъ, велъ себя осторожно, и начальство меня не обижало. На досугѣ Петровъ меня училъ писать, а для чтенія было у меня довольно книгъ, которыя начальство поручало для переплета. Живя вмѣстѣ съ писарями и часто бывая въ канцеляріи, я, какъ человѣкъ любознательный, ко всему присматривался, во все вникалъ и убѣдился, что все сочиняли и писали писаря, а адъютанты только подписывали тамъ, гдѣ писаря укажутъ; къ дивизіонному генералу (славный былъ старикъ) ходили съ докладами писаря же, которыхъ онъ любилъ, поощрялъ наградами и никому не позволялъ обижать ихъ. При штабѣ былъ хоръ музыкантовъ изъ солдатъ, на половину евреевъ, которые, какъ и я, никакихъ религіозныхъ обрядовъ не исполняли: они также были изъ кантонистовъ, и изъ головъ ихъ еще съ малолѣтства выбили ревность къ религіи. Отъ нихъ я узналъ, что большинство евреевъ всячески старается попадать въ нестроевые, потому что фронтовая служба евреевъ ничѣмъ не вознаграждалась: русскихъ, нѣмцевъ, поляковъ, чухонъ, татаръ, цыганъ производили въ унтеръ-офицеры, въ офицеры, а для евреевъ всѣ эти отличія запрещены были закономъ; то же самое подтвердили мнѣ и писаря, добавляя: и ты 25 лѣтъ оттрубишь и пойдешь домой съ наказомъ: «бороду брить, по міру не ходить». Это меня тоже сильно тяготило: шутка-ли 25 лѣтъ отработать ни за что, ни про что—размышлялъ я.—Ради развлеченія отъ томившей меня тоски, я нѣсколько разъ посылалъ письма и Ерофѣеву, и товарищамъ-подмастерьямъ, и Наташѣ, но отвѣта ни отъ кого не получалъ. Жизнь текла однообразно, безотрадно...

Вдругъ началась крымская война. Генерала нашего назначили корпуснымъ командиромъ, а къ намъ пріѣхалъ новый, такой раздражительный человѣкъ, что никто ни въ чемъ не могъ ему угодить. Онъ подобралъ себѣ такихъ же, какъ онъ, адъютантовъ, и всѣ нападали на бѣдныхъ музыкантовъ, писарей, которыхъ били и драли немилосердно. Чаша эта и меня не миновала. Казначея нашего генералъ возненавидѣлъ за то, что онъ заступался за насъ, беззащитныхъ, и постоянно придирался къ нему. Послѣ одной такой сильной катастрофы съ генераломъ, онъ добрался домой, упалъ и скоропостижно умеръ. Когда это стало извѣстно, одинъ изъ новыхъ адъютантовъ побѣжалъ въ квартиру покойнаго, обшарилъ всѣ столы, собралъ всѣ его книги, бумаги, перевезъ ихъ къ себѣ и нѣкоторыя, какъ деньщикъ разсказывалъ, тотчасъ же сжегъ. Моихъ денегъ оставалось за казначеемъ еще 70 р., и писаря научили меня заявить объ этомъ адъютанту, что я и сдѣлалъ въ канцеляріи при всѣхъ.

— Ка—акъ? Твоихъ 70 рублей? Объ этомъ нигдѣ не записано— закричалъ онъ.

— Сперва, ваше б—діе, было 100 р.; изъ нихъ я въ разное время перебралъ 30 р., осталось еще 70 р.; это всѣмъ извѣстно.

— Кромѣ меня; а я тебѣ говорю, нигдѣ не записано, слѣдовательно вѣрно.

— Помилуйте: я самъ расписывался каждый разъ въ зеленой книжкѣ, куда онъ записывалъ всѣ собственныя деньги. Капитанъ Карповъ были такіе аккуратные, добрые...

— Молчать! Можетъ быть, ты вмѣстѣ съ нимъ шахровалъ, что такъ его одобряешь; но какъ ты смѣешь мнѣ-то не вѣрить? Мнѣ?

—Я, ваше б—діе, вѣрю вамъ, только какъ же это? Неужели мои деньги пропадать должны?

— Да я и не вѣрю, чтобы у тебя были деньги, потому что ты жидъ, а жиды не прячутъ денегъ, а отдаютъ ихъ въ ростъ.

— Кого угодно спросите изъ писарей... всѣ подтвердятъ...

— Ну да, всѣмъ извѣстно, что жиды за деньги готовы душу свою продать, и гдѣ есть надежда получить, тамъ они сейчасъ же присосѣдятся. И ты выдумалъ удобный случай: Карповъ не отвѣтитъ изъ гроба.

— Извините, ваше б—діе: я буду просить начальника штаба приказать разобрать мое дѣло...

— Что—о? Ты мнѣ грубить, грозить вздумалъ? Ахъ ты жидъ проклятый... Григорьевъ! сведи его на гауптвахту, я сейчасъ туда пріѣду и разсчитаюсь съ нимъ...

И не прошло часа, какъ я дѣйствительно получилъ щедрый разсчетъ, отъ котораго недѣли двѣ не могъ садиться, и потомъ махнулъ рукой. Изъ страха наказанія музыканты, фурштаты и проч. добровольно отступились отъ своихъ кровныхъ рублишекъ.

Съ этого времени адъютантъ, изъ угодливости разнымъ господамъ, бралъ у нихъ книги и день и ночь заставлялъ меня не только переплетать ихъ даромъ, но еще покупать сафьянъ, кожу, клей, картонъ на собственные гроши, да на жалованье въ 1 р. 10 к. въ треть. Не явись приказаніе выступить намъ въ походъ—онъ навѣрное въ гробъ бы меня загналъ за то, что я зналъ, что онъ отжилилъ себѣ наши деньги.

Долго мы странствовали, ѣли на морозѣ, спали въ мокротѣ, и т. д. Разъ Петровъ сообщилъ мнѣ, что маршрутъ нашъ внезапно измѣненъ, и мы чрезъ недѣлю попадемъ на дневку въ нашъ уѣздный городъ—мѣсто его родины. Я этому чрезвычайно обрадовался, надѣясь, что мнѣ удастся узрѣть родныхъ, а онъ, напротивъ, опечалился, не зная, какъ показаться родителямъ крещеннымъ Я увѣрилъ его, что поддержу его правоту, мечталъ послать домой письмо, чтобы меня навѣстили, да не могъ: ни у меня, ни у близкихъ товарищей не нашлось лишняго гривенника на почтовый конвертъ.

Мы вступили въ городъ въ сумерки и всею канцеляріею расположились ночевать въ корчмѣ, а съ разсвѣтомъ пошли втихомолку съ Петровымъ къ дому его родителей и, точно на грѣхъ, встрѣтили отца на крыльцѣ.

— А ви зацимъ ко мнѣ?—остановилъ онъ насъ.

— Я твой сынъ, батюшка... отъ волненія едва выговорилъ Петровъ. Я—Шмуилъ... въ службѣ...

— А ти еврей, али узе гой, кресценій?

— Да, крещенный...

— Не по своей волѣ—подхватилъ я.

Еврей живо отскочилъ къ двери, схватился за скобку и заслонилъ за собою входъ.

— Ти больсе мине не синъ, я твой не отецъ. Я не пусцу осквернатъ свой домъ—пробормоталъ онъ, вскочилъ въ дверь и захлопнулъ ее предъ самымъ нашимъ носомъ.

Мы стояли точно вкопанные. Минуту спустя къ намъ выбѣжала женщина и прямо кинулась было Петрову на шею, узнавъ въ немъ своего сына, но остервенившійся отецъ оторвалъ ее, втолкнулъ въ дверь и заперъ изъвнутри. Мы слышали, какъ мать благимъ матомъ выла, рвалась къ сыну, а отецъ силою удерживалъ ее. Мы повернули назадъ, давъ волю слезамъ, которыя потекли изъ нашихъ глазъ, какъ вода изъ прорвавшейся плотины... Петровъ еще дважды пытался проникнуть къ родителямъ, но не успѣлъ: евреи-простолюдины отрекаются отъ крестившихся дѣтей. Сунулись мы было въ острогъ за справкою о моемъ отцѣ и тоже не добились никакого толка. Перебывали въ нѣсколькихъ корчмахъ, въ домахъ, гдѣ я разспрашивалъ о своихъ, вымаливалъ денегъ на проѣздъ домой, но никто ничѣмъ не утѣшилъ, не далъ и гривенника, говоря: «много васъ здѣсь теперь имѣется обманщиковъ». Наконецъ хозяинъ корчмы, гдѣ мы квартировали, обнадежилъ меня, что если отпустятъ домой, то онъ дастъ мнѣ рубль на проѣздъ. Утромъ я попросилъ адъютанта уволить меня домой хоть на 3 дня только (болѣе 100 верстъ въ бокъ), съ тѣмъ, что я догоню штабъ на слѣдующей дневкѣ.

— Это что за новости?—вспылилъ онъ.—Теперь война, и въ отпуски строго запрещено увольнять кого бы то ни было, а тебя, жида, и подавно нельзя: совсѣмъ скроешься въ этой жидовской странѣ, у твоихъ пархатыхъ родичей.

Быть такъ близко къ родинѣ и не видѣть любезныхъ родныхъ, даже не узнать, живы, здоровы ли они — не дай Богъ кому либо испытывать это чувство. Боль, жгучая, невыносимая боль разъѣдала

мое сердце на пути изъ Д. къ Новороссіи. Я опустился, впалъ въ страшную тоску и апатію и просилъ у Бога смерти, и если бы не имѣлъ возлѣ друга—въ Петровѣ, легко можетъ статься, самъ наложилъ бы на себя руки. Насталъ мартъ. Снѣгъ мѣстами таялъ, образовались проталины, лужи. Мы переходили чрезъ рѣчку, и я, по небрежности своей, оступился, упалъ въ полынью; меня вытащили мокраго до костей, безъ чувствъ, положили на телѣгу и привезли на станцію; тамъ не дали помощи, и къ слѣдующему утру я впалъ въ горячку. Докторъ освидѣтельствовалъ меня, влилъ чего-то въ ротъ, и такъ продолжалось 4 сутокъ, покуда пріѣхали въ О. гдѣ меня спровадили въ госпиталь. Въ той самой лѣвой ногѣ, въ которой жилы съузились, открылся антоновъ огонь, и мнѣ ее отпилили по колѣно. Больныхъ валялось много, докторовъ было мало, лекарствъ еще меньше, и солдатики умирали, какъ мухи, впереди меня, позади и по бокамъ, а мною сама дажа смерть видимо пренебрегала: и тифъ, и лихорадку, и онѣмѣніе суставовъ, и даже умопомѣшательство — все я перенесъ въ 2 года нахожденія въ госпиталѣ. Когда я поправился, меня признали неспособнымъ къ службѣ и заключили уволить въ отставку.

— И на войнѣ не былъ, а туда же калѣкой прозывается, тоже на деревяшкѣ ходитъ—шутили товарищи по палатѣ надъ моимъ искалѣченіемъ.

Война, между тѣмъ, кончилась, полкъ, въ которомъ я считался, расформировали, и возникъ вопросъ: откуда мнѣ выдать билетъ объ отставкѣ? Переписка объ этомъ задержала меня въ госпиталѣ еще около года. Наконецъ я получилъ отставку и въ ней дѣйствительно вычиталъ наказъ: «бороду брить по міру не ходить». Нашлись добрые люди—русскіе доктора, которые, среди своихъ родныхъ и знакомыхъ, собрали и подарили мнѣ на дорогу 30 р., и я съ этимъ капиталомъ пустился въ путь, на казенной подводѣ, по извѣстному мнѣ уже этапу, во свояси.

Приближаясь къ родному пепелищу, я восхищался мыслію, какъ всѣ порадуются внезапнымъ со мною свиданіемъ; какъ Рахиль будетъ меня холить, ублажать; какъ отецъ возгордится моею твердостью въ вѣрѣ (я убаюкивалъ себя надеждою, что онъ непремѣнно дома); какъ я подружусь съ Моисеемъ и буду ему помогать по хозяйству; какъ меня обступятъ съ разспросами о томъ, гдѣ я бывалъ, что видалъ, какъ и кѣмъ служилъ, и проч. и проч. Но увы! всѣ мои помышленія обратились въ дѣтскія грезы, въ несбыточныя, глупыя фантазіи.... Я не нашелъ дома, что называется, «ни кола, ни двора». Отецъ былъ сосланъ въ арестантскія роты и затѣмъ неизвѣстно куда дѣвался; Рахиль не выдержала отцовскаго позора и несчастія—захирѣла и умерла; Моисей, овдовѣвъ, бросилъ свою службу и уѣхалъ за границу; братья раззорились и тоже куда-то разбрелись... Остальные... да я объ нихъ и справокъ не собиралъ: они и въ дѣтствѣ еще были мнѣ чуждыми...

Общаго у меня съ моими одноплеменниками ничего не осталось: въ 15 слишкомъ лѣтъ я совершенно отвыкъ отъ всѣхъ безпорядочныхъ ихъ порядковъ, запрещающихъ и разрѣшающихъ всякій вздоръ; я даже ихъ нарѣчія не понималъ. Напрасно только я растравлялъ зажившія было раны. Я поэтому взялъ костыль въ руку и пустился искать счастья въ Питеръ, гдѣ провелъ, сохранившіеся въ моей памяти, счастливые дни. Но и здѣсь, все, когда то мнѣ милое, дорогое, тоже исчезло... Разыскивать по бѣлу свѣту было больше нечего, и я нанялся въ подмастерья къ переплетчику-нѣмцу, и путемъ долгихъ, хлопотливыхъ трудовъ и сбереженій—сгоношилъ себѣ собственную, маленькую мастерскую съ четырьмя рабочими и кое какъ, живя одинокимъ, кормлюсь ею. И когда тоска уже сильно начнетъ грызть, я вспоминаю, что тотъ же самый грозный полковникъ N, который нѣкогда наказывалъ насъ за жалобу на хозяевъ и который съ упраздненіемъ командъ попалъ, за служебныя прегрѣшенія, подъ судъ, былъ разжалованъ и лишился всего своего значительнаго состоянія, а теперь скитается, какъ и гдѣ приходится, и частенько заходитъ ко мнѣ же чайку напиться и побесѣдовать по душѣ; тогда и я мирюсь съ судьбой... и соглашаюсь съ полковникомъ, что «вѣкъ пережить—не поле перейти».

А въ ненастную погоду, когда больная нога даетъ себя чувствовать и страданія мои возобновляются, я вспоминаю о смерти, которая успокоитъ и мои кости и прекратитъ многострадальную жизнь еще одного отставнаго еврейскаго солдата.

В. Никитинъ

С. Петербургъ

ВОЛЬТЕРЪ и ЕВРЕИ.

(По Гретцу)

Если справедлива поговорка: много враговъ—много чести, то еврейскому племени поистинѣ приличествуетъ много чести. Не подлежитъ сомнѣнію, что нѣтъ въ мірѣ такого народа, который бы имѣлъ столько недоброжелателей и—прибавимъ мы—столь мало искреннихъ друзей, какъ народъ еврейскій. Число непріятелей евреевъ всѣхъ временъ и странъ, начиная ихъ прототипомъ Гаманомъ и кончая современными юдофобами, въ родѣ композитора-публициста Вагнера, министра Брациано, и др., такъ значительно, что изъ портретовъ ихъ можно составить чуть ли не цѣлую—весьма характерную—картинную галерею. Германія представляла собою самую плодотворную почву, произведшую наибольшее число послѣдовательныхъ и простодушныхъ жидодеровъ, которыхъ пріятно щекотало при видѣ, если не погибели, то, по крейней мѣрѣ, униженія евреевъ. Но и всякій другой народъ, съ которымъ сыны Израиля приходили въ соприкосновеніе, выставилъ въ этомъ отношеніи нѣсколько характеристическихъ образцовъ. Однако, ни у кого почти мы не въ состояніи такъ слѣдить за проявленіемъ ихъ ненавистнаго къ евреямъ чувства отъ самаго его зарожденія, какъ у Вольтера, у этого корифея, такъ сказать, творца XVIII вѣка, на который онъ наложилъ свою печать.

Странное явленіе! Вольтеръ, этотъ апостолъ гуманизма и терпимости, впервые поднявшій свой могучій голосъ противъ всякаго рода предразсудовъ, Вольтеръ именно питалъ самые грубые предразсудки относительно евреевъ, распространялъ ихъ своими сочиненіями и, если бы могъ, то выставилъ бы всю еврейскую націю къ позорному столбу. Эта загадка, однако, разрѣшается, если короче познакомиться съ его характеромъ. Недаромъ, должно быть, Фридрихъ Великій сказалъ о немъ: «каждое изъ его сочиненій заслуживаетъ памятника, а каждый изъ его поступковъ—проклятія». Дѣйствительно, природа мало сотворила такихъ субъектовъ, какъ Вольтеръ, между образомъ мысли и словомъ котораго лежала такая громадная бездна. Его грязная скупость, мелочный характеръ и ребяческая злоба составляли самый рѣзскій контрастъ съ возвышеннымъ философскимъ тономъ, которымъ отличаются его сочиненія. При всемъ его умѣ и хитрости, онъ не умѣлъ, однако, или, благодаря его тщеславному характеру, считалъ ненужнымъ прикрывать свои душевные недостатки. Ему казалось, что онъ долженъ занимать исключительное положеніе и стоять выше всякой «доморощенной» морали.

Сколько извѣстно, Вольтеръ только два раза приходилъ въ столкновеніе съ евреями, и именно съ капиталистами. Такъ какъ онъ, по его утвержденію, былъ ими эксплуатированъ, или, какъ по крайней мѣрѣ одинъ разъ обнаружилось, онъ запуталъ одного изъ нихъ, то изъ мести излилъ свою желчь на все еврейское племя, какъ на современныхъ, такъ и на древнихъ евреевъ, и съ циническою грубостью поносилъ весь ихъ древній міръ. Поссорившись съ однимъ джентельменомъ въ Парижѣ, онъ принужденъ былъ искать убѣжища въ Лондонѣ, гдѣ, не смотря на свою молодость (1726—1729), уже заключилъ денежную сдѣлку съ однимъ португальскимъ евреемъ, котораго называетъ то Мединой, то Акостой. Вольтеръ разсказываетъ, что онъ имѣлъ на этого банкира векселя на 10,000 франковъ, но послѣдній объявилъ себя несостоятельнымъ, и онъ лишился большей части означенной суммы. Какъ ни злился Вольтеръ на акцептанта, но—говоритъ онъ—«гнѣвъ мой смягчился, когда онъ объяснилъ мнѣ, что онъ нисколько не повиненъ въ этомъ банкротствѣ, и что, кромѣ несчастія, оно ему ничего не принесло; что онъ никогда и не думалъ быть безчестнымъ человѣкомъ, а, напротивъ, всегда думалъ и мыслилъ жить какъ подобаетъ человѣку честному и доброму израильтянину». «Онъ тронулъ меня»—продолжаетъ Вольтеръ свой разсказъ; «я обнялъ его, мы вмѣстѣ помолились Богу—и я петерялъ восемьдесятъ процентовъ». Не смотря на спокойный тонъ, которымъ Вольтеръ передаетъ этотъ разсказъ, въ немъ нельзя, однако, не замѣтить той горечи, которую падкій на деньги поэтъ долженъ

былъ испытывать при помянутой потерѣ. Не думаемъ, однако, чтобы это дѣло прошло такъ мирно и спокойно, какъ онъ описываетъ, и особенно, чтобы онъ былъ такъ великодушенъ къ еврею, по винѣ котораго онъ лишился такой суммы денегъ. Вольтеру вѣрить трудно; муза его никогда особенно не вдохновлялась правдою.

Характеръ Вольтера и его несовсѣмъ благородный образъ мыслей особенно рѣзко выступили наружу во время процесса его съ берлинскимъ евреемъ Абрамомъ Гиршелемъ. Этотъ-то процессъ, надѣлавшій въ свое время много шуму, подвергъ его царской опалѣ и возбудилъ въ немъ злобу противъ всего еврейства. Правда, судебная камера, увлеченная литературною славою Вольтера, осудила его противника-еврея; но за то общественное мнѣніе и самъ король произнесли гораздо болѣе строгій приговоръ не надъ евреемъ, а надъ Вольтеромъ, что еще больше его ожесточало. Хотя этотъ процессъ болѣе или менѣе извѣстенъ, но все таки для всѣхъ до сихъ поръ остается тайною его возникновеніе, продолженіе и послѣдствія, которыя ясно раскрываютъ всю безхарактерность Вольтера.

Ни одинъ писатель не удостоился такого лестнаго и блестательнаго пріема при дворѣ Фридриха Великаго, какъ Вольтеръ. Полный тогда еще юношеской силы, король восхищался блистательнымъ фейерверкомъ его остроумія, легкостію версификаціи и мелодичностью его стиля. Само собою разумѣется, что дворъ и весь образованный кругъ не могли не смотрѣть съ подобострастіемъ на французскаго писателя, къ которому питалъ такое благоговѣніе завоеватель Силезіи. Но Вольтеръ, который за спиною короля издѣвался надъ его шероховатыми французскими стихами, вздумалъ эксплуатировать его расположеніе для того, чтобы, вмѣстѣ съ иностранными посланниками, строить политическія интриги противъ Пруссіи и обогатить себя. Для достиженія этой послѣдней цѣли онъ прибѣгнулъ къ слѣдующей операціи. Саксонскіе государственные билеты стояли тогда по курсу тридцатью пятью процентами ниже своей номинальной цѣны. Надобно знать, что Фридрихъ Великій, при заключеніи Дрезденскаго мира, выговорилъ себѣ между прочимъ условіе, по которому прусскимъ подданнымъ, владѣющимъ этими билетами, саксонскій государственный банкъ обязывался выплатить всю ихъ номинальную стоимость, а не по

курсу; но чтобы оградить интересы саксонской казны отъ эксплуатаціи прусскими спекулянтами, онъ издалъ декретъ, въ силу котораго воспрещалось прусскимъ подданнымъ вновь пріобрѣтать означенные билеты. Вольтеръ, однако, въ виду своего привиллегированнаго положенія, надѣялся безнаказанно переступить царскій указъ и составить себѣ состояніе посредствомъ покупки по дешевой цѣнѣ помянутыхъ саксонскихъ бумагъ. На сей конецъ пригласилъ онъ къ себѣ, въ ноябрѣ 1750 г., ювелира Абрама Гиршеля, съ отцемъ котораго уже имѣлъ денежныя дѣла, и просилъ его купить для него билеты въ Дрезденѣ. Когда же послѣдній не соглашался принять на себя это порученіе, явно клонившееся къ нарушенію королевскаго декрета, Вольтеръ увѣрялъ его, что онъ на столько уменъ, что ничего не предприметъ безъ согласія короля, что, въ случаѣ точнаго исполненія имъ даннаго порученія, онъ будетъ его покровителемъ, и что, наконецъ, постарается выхлопотать для него у короля приличную награду. Гиршель дался на удочку. Онъ полагалъ, что эта сдѣлка не связана ни съ какимъ рискомъ, благодаря положенію, которое Вольтеръ занималъ при дворѣ. Философъ-же-обманщикъ былъ довольно хитеръ, и взялъ у еврея бриліанты на сумму свыше 18,000 талеровъ, въ обезпеченіе себя на счетъ выданныхъ имъ ему за своею подписью векселей для покупки белитовъ.

Но зависть, этотъ гнусный порокъ, который то-и-дѣло возбуждалъ евреевъ другъ противъ друга, въ то время, когда они были еще стѣснены въ выборѣ для себя рода занятій, вскорѣ посѣяла сѣмена раздора между Вольтеромъ и еврейскимъ ювелиромъ. Въ то время въ Берлинѣ жилъ еврей Эфраимъ Файтель, двусмысленной памяти, финансистъ Фридриха Великаго, чеканившій эфраимиты не безъ его согласія, впослѣдствіи благодѣтель извѣстнаго Гартвига Весели, но тогда несостоявшій еще при дворѣ. Завидуя связи Гиршеля съ Вольтеромъ, Эфраимъ Файтель успѣлъ убѣдить послѣдняго въ томъ, что ожидаемыхъ имъ саксонскихъ банковыхъ билетовъ чрезъ своего агента не получить, по той причинѣ, что этотъ ювелиръ продалъ діаманты дрезденскому двору, и за тѣмъ самъ предложилъ ему свои услуги, не требовавъ за то никакого вознагражденія, а единственно изъ желанія пріобрѣсти его дружбу и покровительство. Вольтеръ чрезвычайно обрадовался его предло-

женію и немедленно далъ знать своему банкиру въ Парижѣ, чтобы онъ не выплатилъ по векселямъ, выданнымъ имъ Гиршелю. Самъ же Вольтеръ уничтожилъ контрактъ, заключенный съ симъ послѣднимъ. Но Гиршель успѣлъ между тѣмъ дисконтировать эти векселя, и, благодаря протесту, вызванному противъ нихъ, лишился кредита. Полный негодованія за штуку, сыгранную съ нимъ Вольтеромъ, Гиршель поспѣшилъ обратно въ Берлинъ и объявилъ вѣроломному философу-спекулянту, что обратится съ жалобою къ королю. Эта угроза подѣйствовала какъ нельзя лучше. Вольтеръ примирился съ Гиршелемъ и купилъ у него часть діамантовъ, корые тотъ далъ ему въ обезпеченіе и которыми Вольтеръ—тоже не весьма совѣстливо—украшалъ между тѣмъ свою грудь. Дѣйствуя всегда осторожно, Вольтеръ оцѣнилъ эти діаманты у одного надежнаго ювелира и потребовалъ также у продавца свидѣтельства (19 дек.) въ томъ, что онъ продалъ ему такіе то бриліанты, оцѣненные въ такую-то сумму, за извѣстную цѣну.

Но этимъ дѣло не кончилось. Неизвѣстно почему, сожалѣлъ ли Вольтеръ о томъ, что принужденъ былъ дать нѣкоторое удовлетвореніе за разстроенную имъ же сдѣлку, или же спекулировалъ на успѣхъ въ дѣлѣ съ евреемъ, которому мало повѣрили бы въ случаѣ, если заведетъ съ нимъ тяжбу, и присяга котораго едва ли будетъ признаваема за вѣрную,—но только, вслѣдъ за заключеніемъ съ ювелиромъ мировой, онъ заказалъ ему новые діаманты и одно драгоцѣнное зеркало, и когда Гиршель принесъ ихъ ему на квартиру, то онъ напрямикъ объявилъ, что эти вещи должны покрыть расходъ и простирающійся на извѣстную сумму убытокъ, будто понесенный имъ при покупкѣ прежнихъ діамантовъ. Для вѣрнѣйшаго успѣха учитель морали и философіи нисколько не задумался подмѣнить нѣкоторые дорогіе камни другими, менѣе цѣнными, и такимъ образомъ думалъ подтвердить свою мнимую претензію, будто бы купленные имъ камни не имѣли условленной цѣны. Онъ, такимъ образомъ, запросто присвоилъ себѣ чужую собственность. Чтобы оградить себя, наконецъ, отъ раскрытія порученія его—закупить саксонскія бумаги, онъ рѣшился на поддѣлку.

Въ началѣ документа, выданнаго ему по этому дѣлу Гиршелемъ, онъ именно прибавилъ слѣдующее: для уплаты трехъ тысячъ талеровъ, которые я былъ долженъ (pour payment de 3,000 R. parmoy dus), и измѣнилъ, кромѣ того, слово *оцѣненныхъ* (taxé) въ *стоющихъ* (taxable). Мало того, онъ сорвалъ, въ присутствіи своего слуги, дорогой перстень съ пальца Гиршеля, утверждая, что эта вещь принадлежитъ ему, и что была у него похищена. Съ самымъ же Гиршелемъ онъ обходился самымъ недостойнымъ образомъ. Вольтеръ позволилъ себѣ все это въ надеждѣ, что онъ, какъ поэтъ и придворный камергеръ, не будетъ въ отвѣтственности, въ особенности, когда къ нему питаютъ благоговѣніе принцы, маршалы и другія знатнѣйшія особы, на которыхъ онъ смотрѣлъ свысока и которыхъ снисходительно удостоивалъ своей дружбы. Хватитъ ли духа у еврея, столь ниже его стоящаго, жаловаться на него и требовать къ суду?

Но Вольтеръ ошибся въ разсчетѣ. Онъ имѣлъ много тайныхъ враговъ, которые завидовали его близкимъ отношеніямъ къ королю и которые не любили его за его эгоистическій и жестокій характеръ. Какъ только они узнали о дѣлѣ Гиршеля, они уговорили послѣдняго довести всю эту неблаговидную исторію до свѣдѣнія короля, при чемъ обѣщались быть ему въ помощь. Фридрихъ, которому афера эта была крайне противна, передалъ ее на разсмотрѣніе суда. Вольтеръ старался было замять дѣло, но когда это ему не удалось, то самъ поспѣшилъ предупредить Гиршеля и выступилъ противъ него въ качествѣ истца. 30-го декабря онъ подалъ на Гиршеля искъ, въ которомъ заявилъ, что онъ, Вольтеръ, будто бы далъ Гиршелю векселя для покупки рухляди и діамантовъ, но Гиршель задержалъ ихъ и не возвратилъ ему обратно, а даннаго порученія тоже не выполнилъ. При этомъ Вольтеръ старался такъ запутать дѣло, что сами судьи терялись въ немъ, какъ въ лабиринтѣ. — Судьями были: великій канцлеръ Цоккей, президентъ фонъ Яригесъ и тайный совѣтникъ Лeперъ. Вольтеръ не оставилъ ни одного средства не испытаннымъ, чтобы склонить на свою сторону судей, или чтобы внушить имъ страхъ своимъ вѣсомъ и значеніемъ. Французскаго академика Моперта онъ настоятельно просилъ убѣдить въ его пользу президента Яригеса, но когда тотъ отказалъ ему въ его просьбѣ, не желая вмѣшиваться въ это дѣло, то Вольтеръ сдѣлался его смертельнымъ врагомъ. Но за то онъ успѣлъ подѣйствовать на судей посредствомъ другихъ личностей. Совѣтникъ судебной палаты Клейнъ, человѣкъ безпри-

страстный и правовѣдъ, по разсмотрѣніи актовъ этого дѣла, высказалъ мнѣніе, что этотъ процессъ былъ веденъ совершенно неправильнымъ образомъ *). Какъ ни желалъ король, чтобы дѣло это разбиралось по строгой, неумолимой правдѣ, совѣтъ все таки, кажется, не могъ не взять въ соображеніе, что неловко было бы обличить въ простомъ обманѣ любимца короля. Вольтеръ продолжалъ между тѣмъ жестоко преслѣдовать Гиршеля. Чрезъ министра фонъ-Бисмарка онъ успѣлъ выхлопотать декретъ, по которому Гиршель былъ подвергнутъ аресту (1 января 1751 г.) за то, что не представилъ тотчасъ векселей Вольтера, хотя собственно это должно было быть исполнено имъ только по произнесеніи судебнаго приговора. Великій канцлеръ Цоккей, по поводу неправильнаго арестованія Гиршеля, оправдывался впослѣдствіи тѣмъ, что оно было совершено безъ его вѣдома. Самъ король былъ въ высшей степени возмущенъ этимъ произволомъ, но тѣмъ не менѣе обманутый остался въ заточеніи, пока не выставилъ за себя поруки. **)

Этотъ арестъ имѣлъ ближайшимъ своимъ послѣдствіемъ то, что отецъ Гиршеля отъ испуга и нравственнаго потрясенія скоропостижно умеръ.

Недоброжелатели Вольтера сообщили королю объ этомъ его неблаговидномъ поступкѣ. Король до такой степени былъ возмущенъ этимъ, что хотѣлъ приказать Вольтеру въ продолженіе 24 часовъ оставить прусскую границу; кончилось это впрочемъ только тѣмъ, что обманщику-поэту воспрещено было являться въ Потсдамъ. Вольтеръ долженъ былъ оставаться въ Берлинѣ въ опалѣ до окончанія судебнаго слѣдствія.—Извѣстно, что молодой Лессингъ былъ приглашенъ тогда Вольтеромъ перевести съ французскаго на нѣмецкій языкъ составленныя имъ записки для представленія суду. Будучи бѣднымъ литераторомъ, Лессингъ принужденъ былъ тогда косвенно участвовать въ этомъ вольтеровскомъ дѣлѣ. Поддержку Вольтеръ нашелъ еще только у Эфраима Фейтеля, заставившаго зависѣвшихъ отъ него золотыхъ дѣлъ мастеровъ оцѣнить бриліанты, купленные Вольтеромъ у Гиршеля, ниже ихъ стоимости. Какой почетный союзъ для почтеннаго философа!

*) Акты этого процесса собраны въ его „Анналахъ законодательства прусскихъ владѣній“. II томъ. 215 стр. Вышеприведенный цитатъ находится тамъ-же стр. 248.

**) Тамъ-же, стр. 253, 255.

Мы уже упомянули, что этотъ процессъ надѣлалъ въ свое время много шума. Пользуясь обнаруженными имъ поступками Вольтера, враги его продиктовали Гиршелю записку на французскомъ языкѣ, имѣвшую цѣлью унизить и опозорить Вольтера. Кумиръ публики лишился, такимъ образомъ, своего мишурнаго блеска и выставленъ былъ во всей своей наготѣ. Въ введеніи къ этой запискѣ, между прочимъ, говорится: «Благородно-мыслящая публика! Я еврей, и человѣкъ, противъ котораго протестую—это поэтъ Аруэ-де-Вольтеръ. Предметъ моей тяжбы, который позволяю себѣ подвергнуть на твое справедливое сужденіе, раскроетъ предъ тобою, какъ на ладони, весь его характеръ и убѣдитъ тебя, какъ опасно имѣть съ нимъ дѣло. Я не буду стараться, подобно ему, ввести публику въ заблужденіе посредствомъ записки, наполненной лжи и доводовъ, прямо противорѣчащихъ сути дѣла, и представленной имъ великому канцлеру для руководства судей. Я не буду, какъ Вольтеръ, стучаться въ двери, чтобы лично зарекомендовать свое дѣло, равно какъ не буду, подобно ему, заимствовать у книгопродавца черный нарядъ, чтобы ходить въ немъ и бить челомъ принцамъ и принцессамъ и добиваться покровительства. Мнѣ никогда не приходило бы на умъ, подобно ему, предписать моимъ судьямъ, что они должны и чего не должны дѣлать, и никогда не осмѣлюсь, какъ онъ, на поддѣлку, состоящую въ вычеркиваніи извѣстныхъ словъ въ документѣ и вставленіи, вмѣсто нихъ, цѣлыхъ строкъ, въ ущербъ своему противнику. Я не буду, наконецъ, на столько безстыденъ, чтобы, подобно ему, уличить моихъ судей въ невѣжествѣ и утверждать, что должно отмѣнить дѣйствующіе законы въ его пользу, законы, заведенные для устройства блага общества, для защиты слабаго отъ сильнаго, бѣднаго отъ богатаго, утопающаго въ роскоши. Нѣтъ, я слишкомъ уважаю тебя, справедливая и мудрая публика, чтобы рѣшиться провести тебя, ибо, обманывая тебя, я рискую навлечь на себя твое негодованіе, твое равнодушіе къ моему дѣлу и, что еще хуже, заслужить твое презрѣніе. Я купецъ. Двѣ тысячи талеровъ мало могутъ имѣть вліяніе на мои дѣла; они не могутъ ни раззорить меня, ни упрочить мое благосостояніе.

Послѣднее скорѣе обусловливается тѣмъ хорошимъ или худымъ мнѣніемъ, которое ты имѣешь о моихъ денежныхъ оборотахъ».

«Клянусь Всевышнимъ и тобою, что я рѣшительно ничего не прибавляю и не убавляю отъ обстоятельствъ, давшихъ поводъ къ моей жалобѣ, которую я осмѣлился подать его величеству, въ виду процесса, въ который я былъ вовлеченъ, благодаря отвратительному поступку гнуснаго и презрѣннаго человѣка, автора Генріады. О! прости неумѣстнымъ, скорбью продиктованнымъ, выраженіямъ сына, котораго грозная месть Вольтера только что лишила самаго дорогаго въ жизни—любимаго отца, связаннаго съ своими дѣтьми нѣжною взаимною любовью, бывшаго, въ то же время, добрымъ гражданиномъ и пользовавшагося уваженіемъ всѣхъ его знавшихъ. Да, я оплакиваю этого родителя, съ которымъ я недавно разстался навсегда, вслѣдствіе неблагодарности, скупости и явнаго плутовства. Арестъ, которому меня подвергнули безъ вѣдома великаго канцлера, благодаря match козням Вольтера, былъ причиною внезапной кончины моего отца. Неужели г. Вольтеръ такъ испорченъ, что у него хватило духу, спокойно слышать вопли и рыданія многихъ осиротѣвшихъ дѣтей, видѣть безъ зазрѣнія совѣсти слезы и отчаянное положеніе цѣлаго семейства, доведеннаго до крайности его противозаконными затѣями? Еще разъ прошу у тебя извиненія, почтенная публика, что мое уязвленное сердце заставляетъ меня забыть долгъ, который я имѣю въ отношеніи къ тебѣ, и вмѣсто того именно, чтобы бесѣдовать съ тобою только о моемъ процессѣ, я оплакиваю незамѣнимую потерю моего отца. Но кто можетъ такъ стоически зачерствѣть, чтобы воздержаться отъ слезъ, потокомъ стремящихся изъ глазъ моихъ при набрасываніи на бумагу этихъ строкъ» *—). Далѣе въ этой запискѣ,

вытекающей будто изъ подъ пера самаго Гиршеля, въ спокойномъ тонѣ разсказывается объ обстоятельствахъ спора, мошенническихъ продѣлкахъ Вольтера и грубомъ обхожденіи его съ Гиршелемъ. Этотъ памфлетъ былъ распространенъ въ публикѣ, многократно былъ читанъ и перечитанъ, комментированъ и, какъ слѣдовало ожидать, попалъ и въ руки короля. Враги Вольтера торжествовали. Вольтеръ жаловался королю по поводу будто «клеветнической брошюры», но почти не удостоился отвѣта.

Но чѣмъ больше Вольтеръ видѣлъ себя побѣжденнымъ въ глазахъ общественнаго мнѣнія, тѣмъ больше онъ долженъ былъ всячески стараться, чтобы, по крайней мѣрѣ, выйти оправданнымъ изъ судебной палаты. Правда, это отчасти и удалось ему, такъ какъ совѣтъ присудилъ Гиршеля (18 февраля 1751) къ выдачѣ векселей (что собственно составляло второстепенное обстоятельство дѣла) и къ уплатѣ десяти талеровъ денежной пени, за то именно, что онъ сначала отрицалъ свой почеркъ. Но между строками приговора можно читать, что судъ подозрѣвалъ Вольтера въ поддѣлкѣ документовъ и гнусной подмѣнѣ нѣкоторыхъ бриліантовъ, приговоривъ его даже къ присягѣ по поводу перваго пункта. Вольтеръ, однако, старался увѣрять всѣхъ и каждаго, что онъ выигралъ самымъ блистательнымъ образомъ процессъ съ евреемъ. Онъ даже увѣдомилъ объ этомъ короля, но послѣдній далъ ему категорически разумѣть, что онъ отгадалъ его, какъ нельзя лучше: «Я очень радъ, что этотъ гнусный процессъ конченъ»—писалъ онъ Вольтеру. «Я надѣюсь, что этотъ урокъ не пройдетъ для васъ даромъ, и вы не заведете впередъ спора ни съ ветхимъ, ни съ новымъ завѣтомъ. Подобнаго рода дѣла клеймятъ позоромъ того, кто къ нимъ причастенъ, и даже съ талантомъ величайшаго французскаго генія вамъ не прикрыть позорное пятно, наброшенное на вашу славу этимъ поступкомъ».

По поводу сказаннаго процесса, король Фридрихъ написалъ

*) Это воззваніе къ публикѣ, служащее введеніемъ къ запискѣ, равно какъ и самая записка, были найдены послѣ смерти Фридриха Великаго между его бумагами вмѣстѣ съ сатирическою комедіею Tantale en proces и, какъ произведеніе короля, были впервые изданы въ Базелѣ въ 1788 г., вмѣстѣ съ другими его посмертными сочиненіями. Трудно, однако, предположить, чтобы эта комедія была написана самимъ королемъ, но вѣроятнѣе всего она обязана своимъ появленіемъ въ свѣтъ одному изъ враговъ Вольтера. Вслѣдствіе этой сатиры, Вольтеръ явился къ королю съ жалобой: pourquoi dicta-t-on à Hirschel une lettre calomnieuse adressé à votre majesté? (Полное собраніе сочиненій Фридриха, изданіе прусское, томъ XXII, стр. 260). Эти слова могутъ отнестись только къ означенной запискѣ съ введеніемъ. Вольтеръ вѣрно не посмѣлъ бы жаловаться королю, еслибъ послѣдній самъ пустилъ эту брошюру въ ходъ.

тайнымъ образомъ комедію въ стихахъ на французскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ «Танталъ въ процессѣ», въ которой осмѣиваетъ жадность, скупость и мошенничество Вольтера. Поэтъ Вольтеръ фигурируетъ въ этой комедіи подъ именемъ Ангулъ-Тута, который поклоняется Мамону, своему генію, тщательно укрываемому имъ въ мѣшкѣ отъ постороннихъ взоровъ. Еврейскій же ювелиръ представляется подъ именемъ Рабинета. Ангулъ-Тутъ велитъ Рабинету принести къ себѣ на квартиру драгоцѣнныя вещи на сумму 18,000 талеровъ. Удостовѣрившись въ достоинствѣ этихъ драгоцѣнностей, онъ даетъ ему на эту сумму вексель, который, однакожъ, втайнѣ успѣлъ замѣнить фальшивымъ. Когда же отецъ Рабинета открылъ послѣднему обманъ, то онъ спѣшитъ къ поэту и требуетъ обратно своихъ діамантовъ. Но Ангулъ-Тутъ, обращаясь къ своимъ стражамъ, говоритъ:

Вы, стражи, мастера-вора держите,
Чертогъ онъ царскій осквернилъ;
Его скорѣе отсюда вытолкните,
Большую онъ казнь заслужилъ.

Рабинетъ. Иду, иду я самъ; обманъ здѣсь гнусный.
О немъ до князя доведу;
Князь онъ весьма справедливый и умный,
Защиту у него найду.

Ангулъ-Тутъ. Держать его вамъ повелѣваю,
Я у него кольце узналъ.
Оно мое, я клятвой утверждаю,
Что этотъ воръ его укралъ.

Рабинетъ. Нѣтъ, ужъ давно сей перстень я имѣю,
Когда-то въ Прагѣ купленъ мной,
Уже шесть лѣтъ я ровно имъ владѣю,
Онъ дорогой добыть цѣной.

. . . .

. . . .

Пусть возвратитъ его онъ мнѣ,
Или обо всемъ князя извѣщу

Ангулъ-Тутъ прячетъ затѣмъ діаманты въ мѣшокъ, въ которомъ заключилъ своего генія Мамона. Рабинетъ жалуется судьѣ, разсказываетъ ему о печальной катастрофѣ съ его отцемъ. Судья, имя котораго—Авимелехъ, желая изслѣдовать это дѣло по порученію князя, грозитъ Рабинету, говоря:

Знай, что если
Временщика напрасно обвиняешь.
Твоей ты жизнью отвѣчаешь.

Обѣ стороны были затѣмъ приглашены къ суду. Ангулъ Тутъ показываетъ суду купленные имъ діаманты; на самомъ же дѣлѣ, это совсѣмъ другіе, ибо настоящіе онъ спряталъ въ мѣшокъ. Судья хочетъ осмотрѣть мѣшокъ, но этому Ангулъ-Тутъ сопротивляется. Рабинетъ изъявляетъ желаніе подтвердить свое показаніе присягою; но защитникъ поэта возражаетъ ему: нѣтъ, еврея мы къ присягѣ не допускаемъ.

Въ этомъ же духѣ и Ангулъ-Тутъ неоднократно повторяетъ: «Какъ, неужели еврей могъ осмѣлиться завести со мною тяжбу, требовать меня къ суду и отважиться на такую противъ меня выходку?»—Въ этомъ заключалась безпредѣльная низость Вольтера, что онъ нисколько не задумался воспользоваться благопріятными условіями своего высокаго поста и извлечь для себя выгоду изъ того угнетеннаго положенія, въ которомъ находился его противникъ, въ силу тогдашнихъ, проникнутыхъ религіозною нетерпимостью, законовъ.

Піеса «Танталъ въ процессѣ» имѣетъ весьма мало значенія какъ продуктъ поэтическій; за то она важна какъ историческій документъ, служащій явнымъ доказательствомъ, что король Фридрихъ призналъ Вольтера простымъ обманщикомъ и фальсификаторомъ. Съ этого времени начинается разладъ между Фридрихомъ и его protegé. Если впослѣдствіи Вольтеръ отмстилъ королю, написавъ памфлетъ, въ которомъ приписалъ ему самыя нелѣпыя вещи, то тѣмъ менѣе онъ могъ щадить евреевъ, одинъ изъ которыхъ былъ причиною его позора. Но разсчитаться только съ тѣмъ единичнымъ лицемъ, которое такъ укротило его задоръ, Вольтеръ считалъ слишкомъ мелочнымъ и его недостойнымъ дѣломъ. Весь еврейскій народъ долженъ поплатиться за *вину* одного изъ его сыновъ, который содѣйствовалъ его обличенію. Этого мало: не только евреи ему современные, но и древніе ихъ предки и вообще ихъ древняя письменность должны сдѣлаться предметомъ его преслѣдованій. Ненависть его къ евреямъ и юдаизму происходила, такимъ образомъ, изъ того же самаго источника, изъ котораго про-

истекало его недоброжелательство къ Фридриху Великому. Конечно, въ отношеніи къ первымъ онъ могъ себѣ болѣе позволить; они были слабы и не могли заставить его молчать. Правда, еврейская литература была осмѣяна имъ съ точки зрѣнія его безвѣрія, такъ какъ она служила ему удобною мишенью тамъ, гдѣ онъ не могъ прямо нападать на христіанство. Должно, впрочемъ, прибавить, что онъ столь же мало умѣлъ цѣнить еврейскую поэзію, какъ и греческихъ трагиковъ и сочиненія Шекспира и Данте. Но, помимо его безвѣрія, сатирическаго настроенія и особенной страсти къ клеветѣ,—противъ юдаизма его вооружало нѣчто совсѣмъ другое. Это было тайная злоба. Каждое лице ветхаго завѣта напоминала ему о евреяхъ, а сіи послѣдніе, въ свою очередь, привели ему на память Акоста въ Лондонѣ и Абрама Гиршеля въ Берлинѣ, которые лишили его, по его убѣжденію, капитала и славы. Всякій разъ, когда ему представлялся случай говорить о евреяхъ древняго или новаго времени, онъ желчно рисовалъ ихъ самыми черными красками и повидимому весьма жалѣлъ, что не можетъ имъ вредить другимъ, болѣе дѣйствительнымъ орудіемъ, чѣмъ перо его. Статьи его противъ евреевъ, больше другихъ проникнутыя желчью, помѣщены въ Философскомъ Лексиконѣ, изданномъ въ 1756. Ниже приводимъ нѣкоторыя выдержки изъ нихъ, вызвавшія опроверженіе со стороны одного еврейскаго писателя.

Статью свою «Евреи», помѣщенную въ Философскомъ Лексиконѣ, Вольтеръ начинаетъ общею характеристикою ихъ. «Еврейская нація», говоритъ онъ, «самая странная изъ всѣхъ націй, жившихъ когда либо на землѣ. Не смотря на то, что въ глазахъ политики она считается самою презрѣнною, все таки во многихъ отношеніяхъ она имѣетъ значеніе, если судить о ней съ точки зрѣнія философской. Гебры (огнепоклонники), Баніане и евреи суть единственные народы, которые живутъ разсѣянно по всѣмъ странамъ свѣта и, хотя не состоятъ ни въ какой связи съ другими народами, продолжаютъ существовать между сими послѣдними, чуждаясь всего остальнаго окружающаго ихъ міра. Гебры, нѣкогда составлявшіе значительное племя, распространены теперь на Востокѣ въ одной лишь изъ его частей; Баніане существуютъ только въ Индіи и Персіи. Что же касается евреевъ, то они разсѣянны по лицу всего земнаго шара и, соберись они вмѣстѣ, составили бы націю, которая далеко превосходила бы численностью ту, какую образовали нѣкогда, въ кратковременный періодъ существованія ихъ господства въ Палестинѣ. Почти всѣ народы, писавшіе исторію этого племени, производятъ его начало изъ какого-то чуда. Все въ немъ чудесно и загадочно—и мы не должны въ этомъ сомнѣваться. Между тѣмъ, евреи владѣли только незначительною полосою земли, и то въ теченіе весьма немногихъ лѣтъ. Въ настоящее же время нѣтъ ни одной деревни, которую они могли бы назвать своею. Вотъ почему они должны вѣрить и дѣйствительно вѣруютъ, что всѣ произнесенныя о нихъ пророчества осуществятся когда нибудь, и что настанетъ время, когда они будутъ господствовать надъ міромъ.»

«Будучи послѣдними между мусульманскими и христіанскими народами, евреи думаютъ, однако, быть первыми. Эта гордость, при ихъ униженномъ положеніи, оправдывается, конечно, тѣмъ неопровержимымъ доводомъ, что они въ самомъ дѣлѣ отцы христіанъ и мусульманъ. Какъ христіанскія, такъ и мусульманскія религіи признаютъ въ еврейской свою мать и, не смотря на ихъ поразительный контрастъ, равно питаютъ къ этой матери высокое чувство уваженія и благоговѣнія».—Затѣмъ Вольтеръ пробѣгаетъ всю исторію израильтянъ и потѣшаетъ себя разными пошлыми шутками, которыя тамъ и сямъ припутываетъ въ своемъ разсказѣ. Пожалуй, онъ былъ правъ, желая такимъ образомъ разоблачить чудеса до-христіанской исторіи. Но тогда онъ долженъ былъ тѣмъ болѣе отдать дань удивленія стойкости и энергіи еврейскаго народа, который, не смотря на свою малочисленность, былъ въ состояніи сохраниться и отстаивать свое существованіе среди многочисленныхъ и непріязненныхъ ему народовъ; но дѣло въ томъ, что онъ задался цѣлью только уронить его и выставить на видъ ничтожность, малочисленность и испорченность этого племени. О пребываніи евреевъ въ Вавилоніи, говоритъ онъ слѣдующее: «Кажется, евреи мало позаимствовали у маговъ: они посвятили себя дѣлу маклеровъ, мѣнялъ и ветошниковъ, чѣмъ и сдѣлали себя необходимыми остальному населенію, какъ они и нынѣ еще дѣлаютъ, и обогащались».—По поводу сооруженія Иродоваго храма, который, какъ извѣстно, возбудилъ противъ себя національное чувство мыслящей части народа, онъ говоритъ: «Иродъ не могъ завершить построй-

ку этого храма за недостаткомъ денежныхъ средствъ и мастеровъ, обстоятельство, доказывающее, что онъ точно не владѣлъ такимъ богатствомъ и что евреи, такъ любившіе свою святыню, еще болѣе любили свои наличныя деньги».—Съ звѣрскою злобою разсказываетъ онъ о несчастномъ исходѣ геройской борьбы евреевъ противъ римлянъ подъ предводительствомъ Веспасіана и Тита и обнаруживаетъ особенное злорадство, что «евреи въ этой войнѣ были проданы цѣною нечистаго животнаго, которое запрещено имъ употреблять въ пищу».

Но чѣмъ больше онъ приближается къ исторіи евреевъ новѣйшихъ временъ, тѣмъ больше онъ поноситъ ее. Въ чемъ именно заключается та мощная сила, которою евреи сохранились въ плѣненіи, среди разврата и нравственнаго растлѣнія римлянъ, при нашествіи народовъ варварской Германіи и вообще посреди жестокостей и ужасовъ среднихъ вѣковъ? Точнаго отвѣта на этотъ вопросъ напрасно будете искать въ очеркѣ Вольтера, отличающемся верхоглядствомъ и тощимъ резонерствомъ. Тотъ же злостный отвѣтъ, который онъ даетъ, очевидно продиктованъ ему чувствомъ мести, которое онъ питалъ къ евреямъ: «Парадоксальное мнѣніе этого народа»—говоритъ онъ—«что безплодность есть порокъ, сохранило его до нашихъ временъ. Имѣть дѣтей и деньги—вотъ два условія жизни, на которыя евреи всегда смотрѣли, какъ на двѣ священнѣйшія обязанности. Такая узкость и односторонность взгляда на жизнь не могли не отражаться на характерѣ евреевъ, и вслѣдствіе этого они были всегда либо бродягами, либо разбойниками, либо рабами, либо, наконецъ, революціонерами. Они еще и теперь бродяги на Божьемъ свѣтѣ и служатъ предметомъ омерзенія у всѣхъ людей; но, не смотря на то, дерзаютъ утверждать, что небо, земля и всѣ народы сотворены единственно для нихъ и ради нихъ».—Въ способности къ искуствамъ, наукѣ и поэзіи онъ отказываетъ имъ совершенно, съ свойственнымъ ему наглымъ тономъ. О философіи и говорить нечего: она всегда была для нихъ terra incognita,—для нихъ, которые въ буквальномъ смыслѣ слова были учителями оглупѣвшихъ европейскихъ народовъ въ средніе вѣка. Наконецъ, Вольтеръ не задумывается даже оспаривать у нихъ идею монотеизма. Статью свою, дышащую такою безпредѣльною ненавистью къ евреямъ, Вольтеръ оканчиваетъ слѣдующимъ образомъ:

«Однимъ словомъ, вы находите въ евреяхъ невѣжественный и варварскій народъ, который съ давнихъ временъ съ презрѣннымъ суевѣріемъ соединяетъ и непоборимую ненависть ко всѣмъ народамъ, которые терпятъ ихъ и обогащаютъ. *Однако, огнемъ ихъ истребить не слѣдуетъ.*

Вольтеръ такъ тиранически господствовалъ надъ умами восемьнадцатаго столѣтія, что никто не отважился выступить противъ него съ протестомъ и опровергать его поверхностные взгляды. Все, что считалось у человѣка священнымъ, онъ разрушалъ своею сатирою, клеймилъ суевѣріемъ, поповскимъ обманомъ. Иниціатива въ дѣлѣ обличенія Вольтера принадлежитъ еврею, впервые ополчившемуся противъ его невѣрныхъ, одностороннихъ сужденій. Онъ былъ вызванъ на это особенными обстоятельствами, которыя до сихъ поръ, были мало извѣстны и которыя считаемъ нелишнимъ сообщить здѣсь читателямъ. Лице, предпринявшее крестовый походъ противъ литературнаго исполина, былъ нѣкто Исаакъ Де-Пинто, португальскій еврей изъ потомковъ марановъ *) (умеръ 1787). Онъ жилъ долгое время въ Бордо, затѣмъ переселился въ Амстердамъ. Въ этомъ его новомъ отечествѣ онъ оказалъ существенныя услуги, какъ голландскому правительству, такъ и португальской общинѣ города Амстердама, и окончательно поселился впослѣдствіи въ Гаагѣ. Владѣя значительнымъ состояніемъ, онъ часто дѣлалъ громадныя денежныя пожертвованія. Когда голландское правительство находилось однажды въ запутанныхъ денежныхъ обстоятельствахъ, онъ ссудилъ его большою суммою, вслѣдствіе чего одинъ высокопоставленный сановникъ прямо высказалъ, что государство обязано ему своимъ спасеніемъ (1748). **) Де Пинто далеко небылъ одаренъ блистательными талантами, но онъ могъ легко писать на извѣстныя темы. Такъ онъ написалъ нѣсколько брошюръ, въ которыхъ обсу-

---

*) Евреи, во время инквизиціи, для вида исповѣдывавшіе христіанство.

**) Письмо Де-Пинто къ Родригецу Перейрѣ, въ концѣ котораго говорится: Les services signalés que j'ai eu le bonheur de rendre à la nation portugaise établie à Amsterdam, et dont j'espère qu'elle jouira long-temps; m'engagent à donner à mes frères des preuves de bonne volonté.—S. Coenen. Исторія евреевъ въ Нидерландахъ, стр. 212. Біографія его помѣщена въ «Jaarboken voor Israeliten» 1873, стр. 157.

живаются народно-экономическіе и политическіе вопросы, одну статью противъ матеріализма современной философіи и статью о карточной игрѣ. Еще менѣе, кажется, могъ онъ похвалиться основательными научными познаніями; по крайней мѣрѣ, сочиненія его страдаютъ отсутствіемъ таковыхъ. Съ его современникомъ и собратомъ по религіи Моисеемъ Мендельсономъ ему далеко не сравняться, и, не напиши онъ апологію противъ Вольтера, память объ немъ давно бы было забыто. Но эта апологія не вытекала изъ глубины его сердца и не была плодомъ душевнаго негодованія противъ возмутительнаго запятненія и оскорбленія Вольтеромъ его единовѣрцевъ и юдаизма. Нѣтъ. Аполоія эта была написана имъ въ интересахъ одной замкнутой партіи, которой онъ былъ горячо преданъ.

Бордосская еврейская община образовалась изъ марановъ, прибывшихъ большею частію изъ Португаліи, послѣ того, какъ инквизиція открыла свои варварскія дѣйствія на Пиренейскомъ полуостровѣ. Подъ именемъ португальцевъ или новообращенныхъ христіанъ, они получили право жительства въ Бордо и Байонѣ и свободнаго выбора занятій. Принесши съ собою значительные капиталы, они вскорѣ успѣли возвысить уровень матеріальнаго благосостоянія названныхъ городовъ и снискать любовь мѣстныхъ властей и гражданъ. Въ теченіе двухъ вѣковъ, начиная съ царствованія Генриха II, издавшаго для нихъ въ 1550 г. первый эдиктъ о вѣротерпимости, до второй половины восемьнадцатаго вѣка, число португальскихъ евреевъ возросло до ста семействъ, пріобрѣвшихъ, благодаря своему богатству, хорошему тону и добродѣтели, всеобщее уваженіе. Представители ихъ (синдики) пользовались правами исполнительной власти и сосредоточили вообще въ своихъ рукахъ значительныя права и преимущества. Въ началѣ восемьнадцатаго столѣтія, въ царствованіе именно Людовика XV, въ Бордо поселилось нѣсколько еврейскихъ семействъ изъ Авиньона и Эльзаса, и скоро сдѣлались полезными новому своему мѣстожительству—одни своимъ суконнымъ и шелковымъ фабричнымъ производствомъ, другіе основаніемъ денежныхъ банковъ, третьи, наконецъ, торговлею виномъ (каширнымъ), предназначавшимся для иностранныхъ евреевъ. Это обстоятельство возмутило гордость португальскихъ евреевъ. Имъ было досадно, что и другіе евреи

пользуются одинаковыми съ ними правами. Они считали это оскорбленіемъ для своего самолюбія, ибо они воображали за собою какое то нравственное превосходство предъ евреями германскаго происхожденія. Это самолюбіе заглушило въ нихъ чувство братской любви, и они не успокоились до тѣхъ поръ, пока не успѣли выгнать изъ Бордо около шестнадцати семействъ авиньонскихъ, нѣмецкихъ и другихъ иностранныхъ евреевъ (1734). Этотъ поступокъ былъ тѣмъ болѣе возмутителенъ, что въ другихъ частяхъ Франціи изгнанники еще менѣе могли разсчитывать на пріютъ и убѣжище. Между тѣмъ, двое изъ подвергшихся изгнанію, именемъ Далпигетъ, пользовались такимъ вѣсомъ у тамошнихъ властей и такъ любимы были христіанскимъ населеніемъ, что имъ вскорѣ снова дозволено было поселиться въ Бордо, а впослѣдствіи такое же право на постоянное и безпрепятственное жительство въ названномъ городѣ для себя и потомства получили еще шесть авиньонцевъ, принадлежавшихъ тоже къ числу изгнанныхъ семействъ— за сумму 60,000 франковъ, которые обязались выплатить въ теченіе шести лѣтъ. Само собою разумѣется, что это обстоятельство еще болѣе раздуло ненависть между обѣими партіями. *). Португальскіе евреи всячески старались препятствовать водворенію посреди нихъ новыхъ пришельцевъ германскаго происхожденія. Но, не смотря на всѣ ихъ старанія, число германскихъ евреевъ въ Бордо скоро возросло до 152 душъ, сначала пребывавшихъ тамъ только временно, какъ проѣзжающіе; но впослѣдствіи они успѣли выхлопотать себѣ право на постоянную осѣдлость. Чтобы положить предѣлъ стремленіямъ германцевъ, бордосскіе евреи начертили проектъ устава, въ силу котораго всѣ иностранные евреи должны быть преданы остракизму. Одна статья его гласила: «Такъ какъ пришельцы эти—бродяги, падающіе бременемъ на

---

*) Этою ненавистью сказанныхъ котерій объясняется то обстоятельство, что когда, вслѣдствіе изгнанія евреевъ изъ Праги и Богеміи, въ царствованіе Маріи Терезіи (въ 1843), Іонатанъ Эйбешитцъ обратился къ бордосской еврейской общинѣ съ просьбою объ оказаніи помощи несчастнымъ изгнанникамъ, эта община не удостоила его даже отвѣтомъ. Monatsschrift 1867 г. стр. 429. Португальскіе евреи и знать не хотѣли о богемскихъ своихъ единовѣрцахъ, ни объ ихъ несчастіи, ни же о польскомъ раввинѣ Эйбешитцѣ

общинѣ, то сей послѣдней предоставляется немедленно, и именно чрезъ перваго представителя своего (синдика), выслать ихъ изъ города безъ дальнѣйшаго, въ теченіе трехъ дней.» Что же касается давно тамъ водворившихся, то и «это значительное число людей безъ состоянія, ведущихъ неправильный образъ жизни, имеющихся членами общины, можетъ быть выслано изъ Бордо на основаніи большинства голосовъ членовъ общины».Теперь рѣчь шла только о томъ, чтобы этотъ варварскій статутъ, предававшій всѣхъ иностранныхъ евреевъ произволу португальскаго синдиката, возвести въ законъ, посредствомъ утвержденія его королемъ. На сей конецъ они отправили въ Парижъ одного изъ своихъ представителей, именно Якова Родригеца Перейру, чтобы исходатайствовать у Людовика XV утвержденіе очначеннаго проекта. Этотъ человѣкъ, извѣстный какъ благодѣтель несчастныхъ, въ этомъ дѣлѣ, имѣвшемъ цѣлью гибель его же единовѣрцевъ, выказывалъ особенную ревность. Еще раньше аббата де-ле-Эпе, Перейра изобрѣлъ способъ, какъ научить глухонѣмыхъ извѣстному роду языка, или способъ передачи своихъ мыслей посредствомъ условныхъ знаковъ. Диссертація, написанная имъ на эту тему, была благосклонно принята французскими филантропами, и онъ былъ впослѣдствіи избранъ членомъ лондонскаго королевскаго (ученаго) общества. Пріобрѣтенное такимъ образомъ уваженіе Родригецъ Перейра рѣшился употребить на то, чтобы выгнать изъ Бордо своихъ безпріютныхъ единовѣрцевъ, въ числѣ которыхъ находились больные, женщины и дѣти, и ему дѣйствительно удалось выхлопотать у короля утвержденіе вышеприведеннаго проекта. Такъ духъ партіи въ состояніи ослѣплять самыхъ лучшихъ и благородныхъ людей! Но, не смотря на то, что король возвелъ этотъ статутъ въ законъ, дѣйствительное примѣненіе его все таки зависѣло отъ исполнительной власти. Подъ слабымъ управленіемъ Людовика XV, во время господства метрессъ и фаворитовъ, приведеніе закона въ дѣйствіе или нѣтъ обусловливалось единственно желаніемъ префектовъ провинціи. Префектомъ Бордо былъ тогда маршалъ Ришелье,побѣдитель при Магонѣ. Его-то именно необходимо было расположить въ пользу этого закона. Надо полагать, что Исаакъ Де-Пинто находился съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, ибо португальская община, во главѣ которой стоялъ Родригецъ Перейра, обратилась къ нему съ просьбою, ходатайствовать

у начальника провинціи, чтобы онъ привелъ въ исполненіе законъ о высылкѣ изъ Бордо иностранныхъ евреевъ. Пинто дѣйствительно немедленно подалъ маршалу просьбу и получилъ отъ него лестный отвѣтъ, который еще болѣе обрадовалъ его, когда вслѣдъ за тѣмъ Ришелье приказалъ, чтобы всѣ иностранные евреи, пребывающіе въ Бордо, числомъ 152 души, оставили этотъ городъ въ продолженіе 14 дней. Сами представители португальской еврейской общины были уполномочены привести въ дѣйствіе это постановленіе*).

Этотъ въ высшей степени возмутительный поступокъ португальскихъ евреевъ составляетъ неслыханный примѣръ жестокосердія. Безпримѣрно, чтобы богатые и корчащіе изъ себя знать евреи ввергли въ несчастіе своихъ же бѣдныхъ единовѣрцевъ. Многіе благомыслящіе христіане также явно осудили этотъ образъ дѣйствій. Неудивительно послѣ этого, что для португальскихъ евреевъ, и преимущественно для Де-Пинто, такъ энергически содѣйствовавшаго этому гнусному дѣлу, было очень важно хоть нѣкоторымъ образомъ оправдаться въ глазахъ свѣта и, какъ бы для очищенія своей совѣсти, показать преимущество португальскихъ евреевъ предъ германскими, подразумѣвая подъ этимъ евреевъ, не говорящихъ на

---

*) Весь этотъ разсказъ заимствованъ изъ сочиненія Детшевери „Исторіи бордосскихъ евреевъ", стр. 74. На стр. 85 мы читаемъ: Le Maréchal de Richelieu... rendit une ordonnance, portant qu'il étoit dé endu à tous les Juifs tudesques ou allemands et d'autres de s'y établir et que en consequence il ordonnoit à ces juifs (152 environ) de sortir, dans 15 jours pour délai, de la ville de Bordeaux, chargeant les syndics de la nation portugaise de l'exécution de la préset ne ordonnance.--Дополненіемъ къ этому служитъ письмо португальскаго еврея Гуаско изъ Лондона къ канонику Светминду изъ Винчестра, въ которомъ первый увѣдомляетъ втораго о причинѣ, вызвавшей апологію со стороны Де-Пинто, помѣщенное въ lettres de quelques Juifs portugais. Въ началѣ этого письма читаемъ: Jl survint... un differént entre les juifs portugais établis a Bordeaux, et queleques juifs d'autres nations. Ceu-ci prtend—aient faire corps avec les potugais et parlager avec eux les priviléges dont ils jouissent dans cette ville depuis plus de deux siècles. Dans ces circonstances les portugais recoururent à l'auteur (Isaac Pinto) e le prièrent de joindre ses sollicitations à celles de leur agent à Paris (M. R. Pereire); il le fit avec zèle; il écrivit à M. le maréchal duc de Richelieu, et il en reçut une reponse flatteuse pourlui, que satisfaisante pour la nation portugaise.—Сравни также далѣе оправданіе Пинто.

португальскомъ языкѣ, и выставить на видъ недостатки послѣднихъ. Де-Пинто принялъ на себя эту задачу и привелъ ее въ связь съ вольтеровскими филиппиками противъ евреевъ и юдаизма. Всѣ упреки, которые Вольтеръ дѣлаетъ евреямъ вообще за ихъ страсть къ барышничеству, лихоимству, за ихъ скупость и невѣжество, во всякомъ случаѣ, должны быть, по его мнѣнію, отнесены развѣ къ германскимъ и польскимъ евреямъ, но взваливать эти обвиненія безъ разбору и на португальскихъ евреевъ было бы величайшею несправедливостью. Чтобы доказать справедливость своего мнѣнія, онъ написалъ въ 1762 году брошюру: «Критическій взглядъ на первую главу седьмаго тома сочиненій Вольтера», въ которой разобралъ статью послѣдняго «Еврей», помѣщенную въ Философскомъ Лексиконѣ. Эта брошюра была издана по предварительномъ совѣщаніи Де-Пинто съ Родригецомъ Перейрою и вообще съ представителями португальской общины и была напечатана на его (или ихъ) счетъ въ Гаагѣ *)

Въ письмѣ своемъ къ Перейрѣ, предпосланномъ въ видѣ предисловія означенной брошюрѣ, Де-Пинто говоритъ о причинѣ, заставившей его написать эту апологію, и старается представить въ благовидномъ свѣтѣ жестокость, причиненную изгнанникамъ по его милости. Но, не смотря на приведенные имъ доводы, ему не удалось, однако, убѣдить читателя въ его добромъ намѣреніи. «Я жалѣю»—писалъ онъ къ Перейрѣ—«что вы употребили меня орудіемъ въ двухъ случаяхъ, гдѣ интересы нашихъ португальцевъ, такъ сказать, перекрещивались съ интересами евреевъ другихъ странъ. Сердце мое страдаетъ при этомъ, и я вижу, что и ваше не менѣе опечалено, хотя разумъ и здравая политика одобряютъ ваши дѣйствія. Калигула жалѣлъ, что весь римскій народъ не имѣетъ одной только

*) Bibliothèque des sciences et des baux arts, T. XVIII. стр. 509. Un Juif de la nation portugaise (M. Pinto) vient de publier ici (à la Haye) par les soins de Mr. Peyrère que son talent pour faire parler les muets a rendu si célèbre, une brochure de 48 pp. C'est une apologie des Juifs sous ce titre: Reflexions critiques etc. Это сочиненіе имѣло нѣсколько изданій и появилось въ свѣтъ вмѣстѣ съ другими статьями противъ Вольтера, авторы которыхъ—евреи, подъ именемъ: Lettres de quelques Juifs Portugais et Allemands à Mr. de Voltaire. Второе изданіе напечатано въ сокращенномъ видѣ въ одномъ томѣ. Парижъ 1769.

головы, чтобы вкушать варварское удовольствіе отрубить ее разомъ. Почему онъ не питалъ желанія, чтобы счастье одного составляло безусловное счастье цѣлаго народа? Это было бы *наше* желаніе, будь оно только возможно. Но что же дѣлать, когда счастіе, пріобрѣтаемое нами на счетъ другихъ, составляетъ всегда потаенное несчастіе? Это есть ядъ, служащій цѣлебнымъ средствомъ только для одного больнаго. Къ несчастію, въ области политики, какъ въ области медицины, мы вынуждены держаться эмпирическаго опыта. Надо думать, что этотъ недугъ неразлученъ съ человѣкомъ съ того времени, какъ родъ его распался на различныя враждебныя группы, такъ что выгоды однихъ пріобрѣтаются на счетъ другихъ. И такъ, на насъ лежитъ обязанность защищать права нашей расы, даже и въ томъ случаѣ, если отъ этого пострадаетъ дѣло германскихъ и авиньонскихъ евреевъ. Но въ то-же время желательно, и мнѣ и вамъ, великими услугами, которыя мы окажемъ всѣмъ нашимъ братьямъ, искупить тѣ незначительныя непріятности, которыя мы причинили имъ, защищая наши привиллегіи и строго выгораживая интересы нашихъ португальцевъ отъ интересовъ евреевъ другихъ націй. Посылаю вамъ при семъ мои критическія замѣтки на статью Вольтера противъ евреевъ» *). — Изгнаніе изъ страны столь значительнаго числа евреевъ, подвергавшее ихъ, такимъ образомъ, разнымъ бѣд-

*) Письмо, которое предшествуетъ критическимъ замѣткамъ, гласитъ: Lettre de l'auteur.... à Mr. de Pereira, agent de la nation portugaise de Bordeaux.... и начинается такъ: La lettre, qu' à votre considération, j'ai écrite à M. le maréchal duc de Richelieu en faveur de la nation portugaise établie à Bordeaux m'attire de votre part des remerciments etc. Первая половина этого письма недостаетъ въ изданіи Lettres de quelques Juifs отъ 1769, равно какъ и письмо Гуаско къ Светминду. Португалецъ Гуаско, знакомый съ этой исторіею, прямо говоритъ, что апологія Де-Пинто противъ Вольтера обязана своимъ появленіемъ господствовавшимъ въ Бордо раздорамъ. Cette contestation (à Bordeaux) ayant donné lieu de reflechir sur les prejugés desavantageux et injustes qu'on a contre les Juifs en général, et sur l'ignorance.... en France de la distinction qu'on doit mettre entre les Juifs portugais et espagnols et ceux des autres nations, on crut necessaire, que quelqu'un se chargeât d'écrire une apologie des juifs en général, et d'y faire sentir la difference qu'il y a entre les uns et les autres. On y engagea l'auteur (Pinto) et il y consentit.—Де-Пинто былъ такимъ образомъ побужденъ къ этому.

ствіямъ, на которыхъ неминуемо должны были наткнуться евреи въ восемьнадцатомъ вѣкѣ до революціи—вотъ что Де-Пинто называетъ незначительною непріятностью, которую португальцы невольно должны были причинить своимъ единовѣрцамъ.

Такимъ образомъ, благодаря нетерпимости португальцевъ, враждебные нападки Вольтера на евреевъ и юдаизмъ встрѣтили себѣ, по крайней мѣрѣ, хоть нѣкоторый отпоръ. Но въ каждой строкѣ апологіи Де-Пинто такъ и сквозитъ, что она написана въ интересѣ только португальскихъ евреевъ, а не евреевъ вообще. Въ своемъ предисловіи онъ замѣчаетъ, что клевета—это самый черный порокъ, противъ котораго Вольтеръ такъ ревностно и энергически ратуетъ. А развѣ это не отвратительная клевета, если кто приписываетъ цѣлому народу слабости отдѣльныхъ лицъ, мало того, желаетъ еще сдѣлать солидарно отвѣтственнымъ цѣлое общество за дурные поступки нѣкоторыхъ недѣлимыхъ?— «Разсѣянные между столь многими націями, евреи въ каждой странѣ, по истеченіи извѣстнаго періода времени, принимаютъ характеръ обитателей этихъ мѣстностей. Еврей изъ Лондона столь-же мало похожъ на константинопольскаго еврея, какъ сей послѣдній на китайскаго мандарина. Португальскій еврей изъ Бордо и нѣмецкій изъ Меца суть существа совершенно различныя. Еврей—это хамелеонъ, который вездѣ принимаетъ колоритъ страны, въ которой живетъ, ассимилируется тѣми народами, среди которыхъ онъ живетъ, и становится приверженцемъ тѣхъ правительственныхъ формъ, которыя даютъ ему пріютъ и покровительство. Но тѣмъ не менѣе Вольтеръ подвелъ ихъ всѣхъ подъ одинъ общій итогъ и нарисовалъ съ нихъ картину столь же ужасную, сколь и мало похожую на истину». «Какъ—спрашиваетъ авторъ—могъ Вольтеръ, который назначенъ для высокой миссіи—освѣтить міръ, еще больше увеличить мракъ предразсудковъ, господствующихъ на счетъ приверженцевъ этой религіи, къ стыду человѣчества, вопреки здравому разсудку и истинѣ? «Не надобно предать ихъ огню»—заключаетъ Вольтеръ свою статью, но большая часть изъ тѣхъ, которыхъ онъ такъ жестоко третируетъ, скорѣе согласилась-бы умереть на кострѣ, чѣмъ заслужить такія обвиненія, къ счастью, ни на чемъ неоснованныя. Вникни Вольтеръ глубже въ этотъ предметъ, онъ убѣдился-бы, что грѣшитъ противъ евреевъ, противъ истины, противъ своихъ современниковъ и въ особенности противъ потомства, и долженъ принести повинную».

Послѣ этого Де-Пинто обнаруживаетъ свою главную мысль и опредѣленнѣе высказываетъ цѣль своей статьи. «Нападая на евреевъ — говоритъ онъ — Вольтеру слѣдовало бы отличить португальскихъ и испанскихъ евреевъ отъ евреевъ другихъ странъ, съ которыми первые никогда не были солидарны и которымъ никогда не симпатизировали. Хотя различіе, существующее между этими двумя рассами, мало извѣстно, но не подлежитъ сомнѣнію, что португальскіе евреи весьма неохотно рѣшаются на вступленіе съ другими евреями въ родственную или какую нибудь другую связь. Отчужденіе португальцевъ отъ другихъ евреевъ дошло до того, что если португальскій еврей въ Англіи или Голландіи вступаетъ въ бракъ съ нѣмецкою еврейкою, то онъ лишается своихъ правъ, не признается болѣе членомъ своей общины, исключается изъ всѣхъ духовныхъ и общественныхъ функцій и даже послѣ смерти не можетъ найти себѣ вѣчный покой между своими братьями.*) Португальскіе евреи считаютъ себя потомками колѣна юдеева и убѣждены, что предки ихъ были переселены въ Испанію въ эпоху вавилонскаго плѣненія. Эта гипотеза поддерживаетъ ихъ отчужденность отъ другихъ евреевъ и питаетъ въ нихъ ту аристократичность, которой нельзя въ нихъ не примѣтить и которую признаютъ за ними даже сами евреи другихъ государствъ. Эти, такъ сказать, евреи-аристократы, преимущественно отличающіеся отъ другихъ своихъ собратовъ языкомъ, костюмомъ, осанкою и элегантностью и тѣмъ, что не носятъ бороды, сохранили чистоту своихъ нравовъ и пользуются уваженіемъ христіанъ. Они наименѣе заслуживаютъ упрековъ, которыми Вольтеръ осыпаетъ евреевъ. Вмѣстѣ

*) Де-Пинто, очевидно, чрезъ чуръ преувеличилъ различіе между португальскими и другими евреями. Точно также преувеличено и невѣрно то, что Грегоръ разсказываетъ: Une juive de Berlin, ayant épousé un médecin de la nation portugaise (recemment), les parents de cette fille en portérent le deuil, comme d'une personne décédé (Essay sur la regénération des juifs p. 70). Этотъ фактъ, кажется, намекаетъ на бракосочетаніе доктора Де-Лемоса съ одною дѣвицею изъ Берлина именемъ Шарльвиль, матерью Генріетты Герцъ. Но послѣдняя въ своихъ мемуарахъ объ этомъ ничего не упоминаетъ. До такихъ размѣровъ отчужденіе не дошло какъ съ одной, такъ и съ другой стороны.

съ безъукоризненною нравственностью, португальскіе евреи принесли въ Голландію большія богатства и увеличили торговлю республики. Ихъ синагога напоминаетъ собою мѣсто, гдѣ собираются сенаторы. Когда въ нее заглядываютъ нѣмецкіе князья, то они ищутъ въ ней евреевъ и никакъ не могутъ вѣрить, чтобы эти евреи были одного пошиба съ тѣми, которыхъ видятъ въ Германіи. Португальскіе евреи далеко полезнѣе для Голландіи, нежели французскіе бѣглецы, прибывшіе послѣ отмѣны нантскаго эдикта, ибо послѣдніе прибыли туда съ пустыми руками, между тѣмъ какъ первые принесли съ собою большіе капиталы и предпріимчивый духъ. Ихъ потомки дѣлались нерѣдко жертвами обмана, но никогда не обманывали другихъ, бывали чаще въ кабалу у ростовщиковъ, но рѣдко, или лучше никогда, сами не брали роста. Въ теченіе двухъ вѣковъ въ Амстердамѣ и Гаагѣ почти ни одинъ португальскій еврей не былъ обвиняемъ въ какомъ либо преступленіи. Если непремѣнно желаютъ открыть въ португальскихъ евреяхъ слабости, достойныя порицанія, то ихъ слѣдуетъ искать въ сторонѣ противуположной той, гдѣ желалъ ихъ видѣть Вольтеръ, а именно: въ чрезмѣрной роскоши, суетливости, въ страсти къ мотовству и слабости къ прекрасному полу. Однимъ словомъ, благородная гордость и сознаніе своего достоинства—вотъ главныя черты характера португальскаго еврея».—Затѣмъ Де-Пинто приводитъ цѣлый рядъ именъ португальскихъ евреевъ, которые оказали существенныя услуги государствамъ и князьямъ и которые пользовались уваженіемъ послѣднихъ, каковы: баронъ Бельмонтъ, Алваро-Нунесъ да-Коста, семейство Зуассовъ *), Тексейра, Прадосъ, Хименесъ, Перейра, Махадо, любимецъ англійскаго короля Вильгельма III-го, баронъ д'Агиляръ (Моисей Лопецъ Перейра), финансистъ венгерской королевы Маріи Терезіи, Градисы изъ Бордо, уважаемые при дворѣ Людовика XV. «Всѣ тѣ, которые знакомы

*) Фридрихъ Великій въ своихъ бранденбургскихъ мемуарахъ превозноситъ благородный поступокъ одного голландскаго еврея, который предложилъ Вильгельму III два милліона гульденовъ, сказавъ при этомъ: «Si vous êtes malheureux, je consens de les perdre». Онъ неправильно называетъ его Шварцау. Эта ошибка перешла во многія сочиненія. Этотъ еврей былъ никто иной, какъ Антоній Лопецъ Зуасо.

съ португальскими евреями изъ Франціи, Голландіи и Англіи, знаютъ, что послѣдніе далеко отъ мысли питать непримиримую ненависть къ народамъ, ихъ терпящимъ (какъ говоритъ Вольтеръ), а, напротивъ, считаютъ себя на столько тождественными съ ними, что именуютъ себя членами въ великой семьѣ племенъ. Отъ всего того, что имѣли въ своемъ характерѣ испанскаго и португальскаго, у нихъ сохранилось нѣчто, что строгая критика можетъ назвать, пожалуй, гордостью, суетою, но отнюдь не скряжничествомъ и суевѣріемъ».

Послѣ этой блистательной апологіи въ пользу португальскихъ евреевъ, Де-Пинто долженъ былъ, хоть для приличія, замолвить доброе словцо и за польскихъ и нѣмецкихъ евреевъ. Признавая, впрочемъ, за послѣдними низкій образъ мыслей,—что собственно нужно было ему въ видахъ задачи, которою задался,—онъ оспариваетъ, однако, ихъ испорченную природу и оправдываетъ ихъ непривлекательные нравы невыносимымъ ихъ положеніемъ. «То презрѣніе»—говоритъ онъ—«на которое они закабалены, подавляетъ въ нихъ зародышъ добродѣтели и чести. Тамъ нѣтъ стыда, гдѣ несправедливое презрѣніе предшествуетъ пороку; поносить тѣхъ, которые еще не провинились, значитъ заранѣе споспѣшествовать пороку и развивать его».—«И польскіе, и германскіе евреи достойны удивленія за ихъ страдальческую жизнь, за ихъ мужество, стойкость и непоколебимую вѣрность своей религіи, свято чтимой даже ихъ гонителями. И развѣ мало твердости выказываютъ они тѣмъ, что жертвуютъ для этой вѣры столь многими выгодами въ жизни? Не въ ученіи юдаизма, божественномъ и священномъ, заключается причина нравственнаго упадка нѣкоторыхъ евреевъ германскаго и польскаго происхожденія, а въ обстановкѣ, въ преслѣдованіяхъ и бѣдствіяхъ, которымъ они подвергаются».—«Если между этими несчастными—говоритъ далѣе де-Пинто — даже были такіе, которые обвинялись въ обрѣзываніи монетъ, то они еще не составляютъ большинства причастныхъ этому пороку. Что же касается обвиненія евреевъ въ торгашествѣ, то это занятіе не хуже всякаго другаго, ибо оно полезно обществу и поощряется имъ. Отецъ Мольера былъ также ветошникомъ».—«Вольтеръ не желаетъ видѣть евреевъ на кострѣ; но развѣ зло, причиняемое перомъ, менѣе гибельно, чѣмъ дѣйствіе

огня? Оно еще хуже огня тѣмъ, что переходитъ и на потомство. И чего можно уже ожидать для этой несчастной націи отъ слѣпой и дикой черни въ моментъ разыгрыванія ея страстей, когда такіе варварскіе предразсудки раздѣляются величайшимъ геніемъ нашего просвѣщеннаго вѣка.»

Де-Пинто пытается еще защищать евреевъ отъ сдѣланныхъ Вольтеромъ еврейскому народу упрековъ въ невѣжествѣ и нелюбви къ искусствамъ и наукамъ. Но для этого ему самому недоставало необходимаго запаса знаній, такъ что, кромѣ общихъ мѣстъ, онъ ничего не высказываетъ. «Книга пророка Исаіи,—говоритъ онъ—полна убѣдительнѣйшихъ доказательствъ, что науки, искусства и изящный вкусъ господствовали при іерусалимскомъ дворѣ. Евреи имѣли своихъ медиковъ и художниковъ въ Испаніи и Аравіи. Маймонидъ былъ знакомъ со всѣми науками, бывшими въ ходу въ его время. Финикіане или евреи изобрѣли алфавитъ и многое тому подобное».—Такъ же плоско вышло все сказанное имъ въ оправданіе военной политики древнихъ евреевъ, состоявшей въ истребленіи ханаанскихъ народовъ (о чемъ Вольтеръ такъ часто кстати и не кстати припоминаетъ).

Болѣе основательно защищаетъ онъ евреевъ по поводу обвиненія ихъ въ умерщвленіи христіанскихъ дѣтей. Статью свою онъ заключаетъ словами самого Вольтера, сказанными симъ послѣднимъ въ другомъ мѣстѣ: «Пусть христіане перестанутъ преслѣдовать и презирать тѣхъ, которые, какъ люди, суть ихъ братья и, какъ евреи—ихъ отцы».

Эта брошюра, не смотря на односторонность и бѣдность ея содержанія, произвела нѣкоторый фуроръ въ образованномъ мірѣ. Многіе радовались тому, что нашелся, наконецъ, одинъ, который осмѣлился дать Вольтеру почувствовать всю гнусность его нетерпимости. Особенно нравилась форма этой брошюры, давшей Вольтеру въ самомъ вѣжливомъ тонѣ такой рѣзкій урокъ. Благодаря этой апологіи, ненавистныя евреямъ вольтеровскія тенденціи произвели дѣйствіе противуположное. Возмущенные поступкомъ Вольтера, многіе христіане высказались въ пользу евреевъ. Тогдашній библіотекарь и профессоръ Сорбоны, Ладвокатъ, которому Пинто прислалъ одинъ экземпляръ своего сочиненія, будучи

и безъ того проникнутъ доброжелательствомъ *) къ евреямъ, въ письмѣ своемъ къ Пинто опровергъ, въ немногихъ словахъ, (1762) всѣ тирады Вольтера противъ евреевъ убѣдительнѣе, чѣмъ самъ апологистъ. «Нѣтъ ничего несправедливѣе»—писалъ онъ—«того презрѣнія, которое питаютъ къ евреямъ. Подобное презрѣніе должно быть осуждаемо даже у простаго человѣка, а тѣмъ болѣе у человѣка мыслящаго, пользующагося громадною славою. Невѣжество и варварство, въ которыхъ Вольтеръ упрекаетъ древнихъ и современныхъ евреевъ, суть только плоды его собственнаго невѣжества или незнакомства его съ ихъ языкомъ и литературою. Іовъ, Моисей, Давидъ, Соломонъ, Исаія и сонмъ другихъ еврейскихъ поэтовъ нисколько не уступаютъ греческимъ, латинскимъ и французскимъ, не исключая даже самого Вольтера. Возвышенность и роскошь образовъ, величіе очертаній, высокій полетъ мыслей и другія индивидуальныя особенности, характеризующія геніи великихъ еврейскихъ поэтовъ, превосходятъ поэзію всѣхъ прочихъ народовъ. Не только Маймонидъ, но и Ибнъ-Эзра, Абарбанель, Кимхи и многіе другіе еврейскіе писатели могутъ занимать мѣсто въ ряду писателей современныхъ имъ народовъ. Раши былъ лучшимъ коментаторомъ своего времени, и мы можемъ привести современныхъ еврейскихъ писателей, у которыхъ Вольтеръ могъ бы чему нибудь научиться, будь онъ въ состояніи вообще понимать ихъ. Что-же касается продѣлокъ мелкихъ еврейскихъ купцовъ и торгашей, то это не представляетъ ничего такого, въ чемъ они не имѣютъ общаго съ лицами другихъ исповѣданій, занимающимися мелочной торговлей. По крайней мѣрѣ, евреевъ не вѣшаютъ за воровство, и примѣръ воровства у нихъ изъ рѣдкостей рѣдкость. Я могу засвидѣтельствовать, что въ

*) Вотъ что Ладвокатъ писалъ Де-Пинто: «Voilà, monsieur, ce que je pense de la haine et du mépris injuste qu'on a pour les juifs. Il y a quelques années que je fus consulté sur ce sujet par le ministre de Pologne, et je les justifiés pleinement de toutes les accusations intentées contre eux. Ma consultation confondit les accusateurs, et leur chef fut renfermé et puni par ordre du roi de Pologne». Не относится ли этотъ фактъ къ обвиненію евреевъ въ употребленіи христіанской крови со стороны франкистовъ и на заточеніе Франка какъ главу жалобщиковъ? Ладвокатъ писалъ это въ 1762 г. и приговоръ надъ Франкомъ состоялся въ началѣ 1760 г.

послѣдніе тридцать лѣтъ, т. е. съ того времени, какъ я имѣю мѣстожительство въ Парижѣ, число евреевъ, осужденныхъ за подобныя преступленія, не доходитъ до трехъ. Вообще въ нравственномъ отношеніи, по крайней мѣрѣ, евреи отнюдь не отстоятъ отъ другихъ людей, одинаковаго съ ними состоянія» *).

Два уважаемыхъ періодическихъ изданія, а именно, издававшаяся въ Гаагѣ, подъ редакціею французскихъ эмигрантовъ, «Библіотека наукъ и изящныхъ искусствъ» и выходившая въ Лондонѣ газета «Monthly Reviev» (1762) отзывались съ похвалою о пинтовой апологіи и клеймили позоромъ вольтеровское жидодерство. Оба, однакожъ, замѣтили, что апологія Де-Пинто имѣетъ въ виду лишь португальскихъ евреевъ и что она была только «oratio pro domo». «Два обстоятельства бросаются въ глаза внимательному читателю въ этой защитѣ»—говоритъ французскій рецензентъ.—«Первое состоитъ въ томъ, что авторъ защиты дѣлаетъ неизмѣримое различіе между португальскими и нѣмецкими евреями, различіе, которое въ Голландіи признается за чисто внѣшнее... Второе,—что этотъ даровитый израильтянинъ, превознося до небесъ своихъ братьевъ, португальскихъ евреевъ, оставляетъ безъ защиты евреевъ польскихъ и нѣмецкихъ».—Что же касается англійскаго рецензента, то онъ выражается противъ него еще болѣе рѣзкимъ тономъ. «Въ этомъ различеніи»,—говоритъ онъ—«лежитъ уже слишкомъ много пристрастія къ своей партіи и ненависти къ евреямъ другихъ странъ, чтобы можно было чествовать Де-Пинто вообще титуломъ еврейскаго апологиста. Если Вольтеръ признался, что онъ несправедливо приписалъ цѣлому народу пороки отдѣльныхъ личностей, то не менѣе несправедливо поступалъ Де-Пинто, желавшій снимать вину съ плечъ своей партіи, чтобы взвалить ее на польскихъ и нѣмецкихъ евреевъ. Это не заслуги португальцевъ, что они, будучи всегда покровительствуемы въ Испаніи и Португаліи халифами и христіанскими государями, достигли значительной степени умственнаго развитія и свѣтскаго образованія, въ то время, какъ другіе евреи, разсѣянные на востокѣ и западѣ, прожили все время въ гнетѣ и

*) Calmoly, Revue orientale III p. 197 слѣд., гдѣ напечатано это интересное, на имя Исаака Пинто, автора апологіи адресованное, письмо I. В. Ладвоката.

бѣдствіяхъ, тамъ—со времени Константина, здѣсь—съ царствованія Карла Великаго—и были разсматриваемы какъ рабы, и подобно имъ третированы. Не подвержены ли они еще понынѣ такой же участи въ Европѣ: въ Польшѣ, во всей почти Германіи, въ Венеціи и даже въ Папской области?» Христіанскіе писатели оказались, такимъ образомъ, болѣе справедливыми, чѣмъ писатель еврейскій.—Де-Пинто принялъ къ сердцу этотъ упрекъ и старался всѣми силами оправдаться въ своей статьѣ «Отвѣтъ автора на двѣ критики» *). Но въ своемъ отвѣтѣ онъ еще болѣе запутался, такъ какъ не могъ уже взять назадъ свое слово. То онъ старается защищать нѣмецкихъ евреевъ съ такою же ревностью и съ такимъ же жаромъ, какъ прежде защищалъ тѣснѣе связанныхъ съ нимъ португальскихъ соплеменниковъ, то онъ утверждаетъ, что поразительное различіе между португальскими и другими евреями не есть вымыселъ съ его стороны: оно существуетъ въ жизни, и онъ отнесся къ предмету своей темы только какъ вѣрный историкъ, забывая, что онъ взялъ на себя обязанность адвоката, а адвокатъ не долженъ бросать камнемъ въ своего кліента. Если несправедливо было съ его стороны то, что онъ содѣйствовалъ изгнанію изъ Бордо нѣмецкихъ пришельцевъ, то еще болѣе неблаговидно поступалъ онъ, признавая низкій инстинктъ нѣмецкихъ евреевъ, въ виду презрѣнія и ненависти, которыя уже безъ того питалъ къ нимъ весь міръ, и очернивъ ихъ, чтобы тѣмъ ярче выставить свѣтлыя стороны своихъ quasi-аристократическихъ португальцевъ. Не смотря на то, что Мендельсонъ и не подозрѣвалъ задней мысли, лежавшей въ основѣ пинтовой брошюры, онъ не могъ, однако, не порицать ея односторонность и, воздавая автору должную хвалу, не могъ удержаться, чтобы не упрекнуть его за это. Посылая ему, чрезъ Симона Зомергейма въ Гаагѣ, свое философское сочиненіе противъ матеріализма, онъ писалъ послѣднему: «Г. Пинто мнѣ знакомъ изъ его сочиненій. Еслибъ народъ еврейскій могъ указать на десять писателей, подобныхъ Де-Пинто, то Вольтеры заговорили бы о насъ совсѣмъ другимъ тономъ и съ уваженіемъ. Да не посѣтуетъ г. Де-

*) Réponse de l'auteur de l'apologie de la nation juiſe à deux critiques qui ont été faites de ce petit écrit (1766).

Пинто на насъ, верхне-германцевъ, если и мы похвалимъ себя на его счетъ: вѣдь въ концѣ концовъ мы все таки дѣти одного отца, какъ ни мало хочетъ онъ признать эту истину въ своей апологіи» *).

Но что же думалъ самъ Вольтеръ объ этой апологіи? Де-Пинто прислалъ ему одинъ экземпляръ своей брошюры, сопровождая его посланіемъ, полнымъ энтузіазма и чувства благоговѣнія, доходившаго до обожанія. Отвѣтъ, полученный имъ (въ іюлѣ 1762 г.), напоминаетъ собою образъ Горація, представляющій въ началѣ прекрасную женскую голову, оканчивающуюся гадкимъ хвостомъ чудовища. «Строки»—пишетъ онъ—«на которыя вы жалуетесь, желчны и несправедливы: есть между вами свѣдущіе и достопочтенные люди. Ваше письмо убѣдило меня въ этомъ. Постараюсь поправить эти строки во второмъ изданіи. Если мы поступаемъ несправедливо, то должны поправить свою ошибку. Я виноватъ въ томъ, что приписалъ цѣлому народу пороки отдѣльныхъ личностей Это звучитъ еще довольно сносно. Но, вслѣдъ затѣмъ, онъ опять поддается своему сарказму и довольно плоскимъ шуткамъ. «Я могъ бы поспорить съ вами»—говоритъ онъ по поводу древнихъ евреевъ,—«но я этимъ только огорчу васъ, и вы, какъ я заключаю, слишкомъ благородный человѣкъ, чтобы мнѣ не дорожить вашимъ обо мнѣ добрымъ мнѣніемъ. Останьтесь при вашей религіи, такъ какъ вы уже однажды въ ней родились. Во всякомъ случаѣ, вы не будете закалывать 40,000 человѣкъ, единственно потому, что они не могли правильно произнести слово *шиболетъ*, равно какъ—24,000 мущинъ за то, что находились въ близкихъ сношеніяхъ съ мидійскими женщинами» (**). Полное удовлетвореніе евреямъ за нанесенную имъ обиду Вольтеръ не далъ никогда, даже и евреямъ португальскимъ. Тѣмъ не менѣе, пинтовой апологіи, надо полагать, обязаны мы слѣдующими строками, въ которыхъ Вольтеръ такъ трагически рисуетъ страданія евреевъ и которыя составляютъ такой рѣзкій контрастъ со всѣмъ тѣмъ, что до тѣхъ поръ вытекло изъ подъ пера его о еврейскомъ народѣ. «Когда подумаешь»—пишетъ онъ—

*) Полное собраніе сочиненій М. Мендельсона, изданное док. Г. В. Мендельсономъ. V, стр. 528.

**) И это письмо Вольтера къ Де-Пинто помѣщено въ «Lettres de quelques Juifs».

«о той рѣзнѣ, которой евреи подвергались подъ властью нѣкоторыхъ римскихъ императоровъ, и о тѣхъ побоищахъ, которыя такъ часто повторялись въ христіанскихъ государствахъ, то, право, приходишь въ изумленіе: какимъ образомъ могло случиться, что этотъ народъ не только еще существуетъ, но въ наше время численностью своею превосходитъ ту цифру, которую составлялъ нѣкогда, въ эпоху своей независимости. Не менѣе замѣчательна его непоколебимая приверженность Моисееву закону. Изъ всѣхъ религій юдаизмъ имѣетъ наименѣе отщепенцевъ. Это обстоятельство есть отчасти слѣдствіе тѣхъ преслѣдованій, которыя испытывали приверженцы юдаизма; эти вѣчные страдальцы за свои убѣжденія считали себя всегда источникомъ всего святого, а на насъ они смотрѣли, какъ на еврейскихъ отступниковъ, которые исказили божьи предписанія и мучили тѣхъ, изъ рукъ которыхъ они ихъ получили» (*). Вся статья проникнута серіознымъ, почти благоговѣйнымъ духомъ. Но подобное настроеніе было у него только мимолетный капризъ, благо оно не приходилось ему по нутру. Его демоническій характеръ или, лучше, его сатирическая натура подавляла еще въ зародышѣ всякую вспышку благороднаго инстинкта. Онъ продолжалъ при каждомъ удобномъ случаѣ поносить еврейскую старину, травить современныхъ ему евреевъ, и на эту тему не переставалъ писать до самыхъ послѣднихъ минутъ своей жизни. Впослѣдствіи Вольтеръ встрѣтилъ, однако, отпоръ своимъ мнѣніямъ. Одинъ христіанскій писатель, профессоръ въ коллегіи св. Якова въ Парижѣ, бросилъ ему перчатку. Онъ выступилъ защитникомъ понесенной Вольтеромъ библейской древности, не открыто и не вооруженный христіанскимъ ученіемъ, но подъ еврейскимъ псевдонимомъ. При этомъ онъ употреблялъ бывшій тогда въ ходу литературный пріемъ, по которому истины, общія мѣста и спорные пункты излагались въ видѣ письменной корреспонденціи, происходившей между двумя, далеко находящимися другъ отъ друга, лицами. Шутъ Фридриха Великаго, маркизъ д'Аржанъ, издалъ еврейскія письма о религіозномъ и нравственномъ или, лучше, безнравственномъ состояніи европейскихъ народовъ. Подражая ему, профессоръ коллегіи

*) Вольтеръ въ своемъ памфлетѣ: Un Chretien contre six juifs ou jefutation du livre intitulé: Lettre de quelques juifs portugais et allemands (1776).

св. Якова издалъ въ 1767 г. «Письмо къ г. Вольтеру отъ нѣкоторыхъ португальскихъ и нѣмецкихъ евреевъ», сперва подъ именемъ Іосифа Бенъ Іонатана, Арона Матгатаи и Давида Винклера изъ Амстердама, а впослѣдствіи пополненныя слѣдующими, будто, издателями: Іосифомъ Лопецомъ, Исаакомъ Монтенеро и Веніаминомъ Гроотомъ. Въ составъ этого сборника вошли: брошюра Де-Пинто и состоящая съ нею въ связи помянутая переписка, далѣе письмо въ Вольтеру, приписываемое будто нѣмецкимъ и польскимъ евреямъ, и, наконецъ, критическія письма на его библейскія толкованія. Къ сожалѣнію, Ветхій Завѣтъ нашелъ въ немъ плохого заступника: онъ только компрометировалъ его дѣло, чѣмъ и далъ Вольтеру, нѣкоторымъ образомъ, новую пищу для его страсти къ сатирѣ. Что касается такъ называемыхъ писемъ нѣкоторыхъ евреевъ, то они, правда, обнаруживаютъ въ своемъ авторѣ большой запасъ свѣтскихъ и богословскихъ познаній, но они въ высшей степени тощи и скучны. Но, съ другой стороны, письма эти заслуживаютъ вниманія тѣмъ, что въ нихъ авторъ говоритъ прямо въ глаза Вольтеру то, о чемъ Де-Пинто умалчиваетъ. «Вольтеръ злится на евреевъ»—говоритъ онъ—«только за то, что одинъ изъ нихъ, а именно Акоста, сдѣлалъ ему банкротъ». Но этотъ авторъ-апологистъ не зналъ вольтеровскихъ продѣлокъ съ ювелиромъ Гиршелемъ, которыя еще больше ожесточили его противъ евреевъ вообще и наполняли мелкою злобою. Эта вообще неловкая защита еврейской древности и Ветхаго Завѣта, которая была читана и перечитана для потѣхи, и которая имѣла, въ короткое время, нѣсколько изданій, заставила Вольтера, почти на одрѣ смерти, какъ онъ выражается, снова заниматься евреями древняго и новаго времени и дала ему поводъ снова потѣшиться на ихъ счетъ. Въ брошюрѣ: «Шесть евреевъ противъ одного христіанина», напечатанной въ 1776 г. *), онъ заставляетъ говорить за себя одного анонимнаго друга, который считаетъ своею обязанностью заступиться за него, потому что «Вольтеръ, обвиненный и осмѣянный, не въ силахъ болѣе защищаться».—И такъ, одинъ христіанинъ принужденъ бороться противъ шестерыхъ евреевъ? Стоитъ ли на одной

*) Эта брошюра помѣщена въ его Mélanges historiques.

сторонѣ Антіохій, а на другой Макавеи? Эта борьба неровна уже потому, что ученый профессоръ (замаскировавшійся подъ именемъ еврея) употребляетъ нерѣдко въ дѣло такое священное орудіе, противъ котораго, я щита не имѣю, да имѣть не желаю».—Воспроизвести что нибудь новаго—тогда восьмидесяти-лѣтній Вольтеръ не былъ уже въ состояніи. Онъ повторяетъ зады и пережевываетъ свои пошлыя остроты относительно библейскихъ лицъ. Тоже самое высказалъ онъ отъ себя въ одной статьѣ, помѣщенной въ Философскомъ Лексиконѣ какъ прибавленіе къ слову «Іудеи» (отдѣлъ IV). Въ этой статьѣ онъ повторяетъ свои обвиненія противъ евреевъ: «Я однажды сказалъ»—говоритъ онъ—«что нѣсколько обрѣзанныхъ евреевъ, въ Мецѣ, Франкфуртѣ на Одерѣ и Варшавѣ, обрѣзали монеты; прошу у нихъ извиненія, ибо, находясь близко къ тому, чтобы заключить мое жизненное пилигримство, не хочу враждовать съ Израилемъ».—Еврейство, однако, многимъ должно быть обязано Вольтеру. Онъ оказалъ ему существенную услугу не столько тѣмъ, что ратовалъ вообще за свободу совѣсти, сколько тѣмъ, что, вопреки провозглашенному имъ принципу терпимости, третировалъ евреевъ такъ цинически-грубо. Правда, что онъ этимъ натравилъ на нихъ, тамъ и сямъ, новыхъ враговъ, подобно другому памфлетисту, который вызвалъ въ Эльзасѣ новыя противъ нихъ преслѣдованія. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ доставилъ имъ и друзей, въ лицѣ епископа Грегуара и Мирабо, двухъ именъ, такъ пріятно звучащихъ въ исторіи человѣчества вообще и евреевъ въ особенности. По отношенію къ евреямъ апостоловъ свободы и философовъ, весьма точно можно судить о честности послѣднихъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что Мирабо былъ искренне преданъ политической свободѣ, хотя и нашлись люди, которые заподозрѣвали его честность, ибо онъ горячо заговорилъ и писалъ за евреевъ. Вольтеръ же, напротивъ, не могъ сочувственно отнестись къ принципу терпимости, которую превозносилъ такими громкими фразами и тирадами, такъ какъ онъ возбуждалъ общественное мнѣніе противъ тѣхъ, которые наиболѣе въ ней нуждались.

И. Бейлинъ

СОВРЕМЕННАЯ ЕВРЕЙСКАЯ БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Гатоэ Б'дарке Гахаимъ. Блуждающій по пути жизни. Оригинальный романъ въ трехъ частяхъ П. Смоленскаго. Вѣна. 1869-71 г.

Оламъ Ке-мингаго, т. е. Свѣтъ, каковъ онъ есть. Разсказы изъ еврейскаго быта Льва Гордона. Разсказъ второй. Вильно. 1873 г.

Для того, чтобы написать какое нибудь художественное произведеніе, нужно имѣть талантъ. Эта истина слишкомъ старая и общеизвѣстная; къ сожалѣнію, большинство еврейскихъ писателей незнакомо съ нею. Не имѣя никакого художественнаго чутья, не зная элементарныхъ правилъ, обусловливающихъ всякое художественное произведеніе, владѣя только слогомъ и нѣкоторою наблюдательностью, — еврейскіе беллетристы берутся писать многотомные романы, но, какъ и слѣдовало ожидать, кромѣ скуки, ничего не доставляютъ читателямъ. Правда, они имѣютъ свою публику, которая не прочь почитать ихъ романы и которая даже восхищается ими. Публика эта обыкновенно состоитъ изъ бѣдныхъ *бахуровъ* и іешиботниковъ, которые, будучи утомлены вѣчнымъ зубреніемъ талмуда и его коментаторовъ, набрасываются на что нибудь свѣжее и развлекающее. Для такихъ читателей наши беллетристы даже полезны, потому что, какъ ни узокъ умственный кругозоръ послѣднихъ, они все же могутъ внести въ міросозерцаніе іешиботниковъ много новаго и любопытнаго... Но не думаемъ, чтобы наши романисты разсчитывали только на эту публику. Сколько намъ извѣстно, они, напротивъ, имѣютъ громадныя претензіи и мнятъ себя Диккенсами, Гюго, Шпильгагенами и удивляются, что никто изъ оріенталистовъ не переводитъ ихъ геніальныхъ произведеній на европейскіе языки.

Извѣстно, что нѣтъ ничего легче, и въ тоже время нѣтъ ничего труднѣе, какъ написать романъ или повѣсть. Все зависитъ отъ степени умственнаго развитія беллетриста. Если авторъ смотритъ на романъ, какъ на физіологію общественной жизни, то его задача чрезвычайно трудная, и нужно обладать большими познаніями, крупнымъ талантомъ, глубокимъ знаніемъ человѣческой души и проницательнымъ умомъ, чтобы исполнить ее добросовѣстно; но если писатель смотритъ на романъ, какъ на усыпляющее средство противъ безсонницы, или способъ убить время, котораго чувствительныя и нечувствительныя барыни не знаютъ куда дѣвать,— то, впродолженіе года, онъ можетъ ихъ испечь десятками. Чтобы написать научное сочиненіе, необходима предварительная подготовка, громадное накопленіе знаній и долголѣтній трудъ; чтобы написать серьезный критическій разборъ, нужно подробно познакомиться съ разбираемымъ предметомъ, усвоить себѣ вполнѣ его содержаніе и анализировать его въ цѣломъ и въ частностяхъ. Все это, разумѣется, работа не легкая и не всѣмъ она по плечу. То-ли дѣло написать повѣсть или разсказъ. Кто только имѣетъ какое нибудь влеченіе къ писательству, можетъ выдумать какой нибудь сюжетъ, обставить его разными романтическими подробностями, занимать разговорами дѣйствующихъ лицъ сотни страницъ—и романъ готовъ. Такому автору нѣтъ дѣла до того, что его романъ не имѣетъ никакого жизненнаго значенія, что изображаемыя имъ лица не вѣрны дѣйствительности, что во всемъ романѣ нѣтъ никакой руководящей идеи. Вотъ почему мы очень часто видимъ, что молодые люди, имѣющіе влеченіе къ писательству, не обладая никакими знаніями, не имѣя никакого самостоятельнаго критическаго взгляда, не умѣя даже анализировать поступки дѣйствующихъ лицъ, начинаютъ обыкновенно свои «первые шаги» на литературномъ поприщѣ повѣстью или романомъ. Громаднѣйшее число этихъ романовъ пропадаетъ въ портфеляхъ разныхъ редакцій; очень незначительное количество ихъ удостоивается печати «для затычки», и только одна повѣсть со ста, можетъ быть, отличается талантомъ и удовлетворяетъ требованіямъ современнаго художественнаго произведенія. Европейскіе писатели, начавъ такимъ образомъ свою литературную дѣятельность, но развиваясь все больше и больше и угадавъ духъ времени, создаютъ нерѣдко истинно художественныя произведенія и стыдятся своихъ «юныхъ опытовъ». Еврейскіе же писатели, большею частью, оста-

навливаются въ своемъ развитіи на первыхъ шагахъ и остаются при «первыхъ опытахъ», которые годятся только «для затычки».

Иному читателю покажется вообще страннымъ, что въ настоящее время находятся еще люди, которые пишутъ романы на древне-еврейскомъ языкѣ, непонятномъ громадному большинству самихъ евреевъ. Найдется-ли хоть одинъ европейскій человѣкъ, который сталъ бы писать повѣсти на арабскомъ, не уступающемъ въ культурномъ отношеніи еврейскому, или даже на латинскомъ и старо-греческомъ языкахъ, которыми такъ щедро кормятъ нашихъ юношей, въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ! Между тѣмъ мы видимъ, что на древне-еврейскомъ языкѣ пишутъ не только романы, но и сатирическія стихотворенія, эпиграмы, комедіи и водевили... Если фактъ существуетъ, то мы не можемъ обойти его молчаніемъ. Романы, въ европейскомъ смыслѣ этого слова, на древне-еврейскомъ языкѣ начались съ легкой руки Абрама Мапу, который написалъ историческій романъ «Агабатъ-Ціонъ» (Любовь въ Сіонѣ). Романъ этотъ въ свое время произвелъ громадное впечатлѣніе между еврейской молодежью, чуждой европейскаго образованія, она читала его на расхватъ. Знатокъ еврейской древности, поэтъ въ душѣ и, главное, владѣя крупнымъ талантомъ, А. Мапу создалъ истинно художественное произведеніе, которое, въ одно и то же время, изображало вѣрно описанную въ немъ историческую эпоху, и представляло много положительныхъ, живыхъ типовъ. Благодаря своей богатой поэтической фантазіи, А. Мапу нарисовалъ восхитительную картину еврейскихъ нравовъ, существовавшихъ чуть не 3000 лѣтъ тому назадъ, и, не смотря на такую отдаленность эпохи, всѣ выведенныя имъ лица такъ живы и рельефны, будто они выхвачены прямо изъ жизни. Завязка романа въ высшей степени увлекательная и въ то-же время правдоподобная; интрига выдержана до конца, и читатель буквально не можетъ оторваться отъ книги. Слогъ автора безподобенъ и, по своей поэтичности и восточной красотѣ, не уступаетъ пламеннымъ рѣчамъ древнихъ пророковъ. Неудивительно, что романъ А. Мапу былъ самымъ любимымъ предметомъ чтенія для еврейской молодежи, начинавшей пробуждаться въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, и что онъ выдержалъ нѣсколько изданій—явленіе очень рѣдкое въ еврейской литературѣ.

Необыкновенный успѣхъ перваго своего художественнаго произведенія побудилъ автора написать романъ изъ современной еврейской жизни, подъ названіемъ «Аитъ Цовуа», т. е. пестрая птица, или ханжа. Нельзя сказать, чтобъ вторая попытка А. Мапу вышла вполнѣ удачной. Первыя двѣ части новаго романа, правда, изобилуютъ многими художественными красотами, многими живыми и вѣрно схваченными типами, многими поэтическими страницами, достойными кисти художника,—но остальныя части очень слабы и производятъ невыгодное для автора впечатлѣніе. Авторъ прибѣгаетъ къ вымышленнымъ эффектамъ и недостойнымъ фарсамъ, на которые такъ падки французскіе романисты. Но не слѣдуетъ забывать, при какихъ условіяхъ Мапу писалъ романъ «Аитъ Цовуа». Первая его часть вышла въ 1857 году, вторая—черезъ четыре года, третья опять черезъ нѣсколько лѣтъ, а послѣднія двѣ части, кажется, по смерти автора, послѣдовавшей въ 1869 году. Само собою разумѣется, что художественное произведеніе, выходившее по частямъ впродолженіе столькихъ лѣтъ, много потеряло въ цѣльности впечатлѣнія. Авторъ, кромѣ того, находился во все это время въ самыхъ невыгодныхъ условіяхъ жизни, терпѣлъ нужду, былъ боленъ тѣломъ и духомъ, что, конечно, отозвалось на его романѣ, такъ что Мапу не выручилъ и несомнѣнно сильный талантъ. Но Мапу вообще не былъ въ состояніи нарисовать художественную и живую картину современныхъ еврейскихъ нравовъ. Авторъ былъ больше поэтъ, чѣмъ наблюдатель, больше художникъ, чѣмъ мыслитель,—отсюда изобиліе красотъ въ его романѣ и отсутствіе руководящей мысли. Принадлежа самъ къ старому поколѣнію, Мапу мастерски нарисовалъ много положительныхъ и отрицательныхъ типовъ этого поколѣнія, но онъ не зналъ стремленій и надеждъ молодаго поколѣнія, которое онъ, однако, взялся изобразить въ художественномъ произведеніи; поэтому новое поколѣніе выставлено авторомъ, правда, симпатично, но не совсѣмъ вѣрно. При всемъ томъ, повторяю, въ произведеніи Мапу больше жизненной правды, больше художественнаго чутья, чѣмъ во всѣхъ его подражателяхъ, которые выступили уже по битой дорогѣ. Они думали, что стóитъ только написать книгу, въ которой фигурировали бы живыя лица, а не отвлеченныя понятія, выдуманы были траги-комическіе эффекты, описаны были безконечные разговоры—и романъ будетъ готовъ. Но они горько ошиблись. Вышли, правда, книги, написан-

ныя по составленному рецепту, но не вышло никакого романа. Къ многочисленнымъ подражателямъ Мапу можно причислить и автора ниже разбираемаго нами романа.

Въ издающемся въ Вѣнѣ еврейскомъ ежемѣсячномъ журналѣ «Гашахаръ» (Разсвѣтъ), печатался, впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, романъ г. Смоленскаго: «Гатоэ б'дарке Гахаімъ» (Блуждающій по пути жизни). Года два тому назадъ г. Смоленскій издалъ свой романъ отдѣльно. Нѣкоторые заграничные журналы (разумѣется, еврейскіе) встрѣтили произведеніе г. Смоленскаго весьма сочувственно и даже съ нѣкоторымъ восторгомъ. Но это, однако, не мѣшаетъ роману г. Смоленскаго быть изъ довольно плохихъ. Начнемъ съ того, что авторъ въ многотомномъ своемъ романѣ не могъ выяснить ни главной идеи, ни цѣли, къ которой онъ стремился. Весь романъ состоитъ изъ скорбнаго списка печальныхъ приключеній, встрѣтившихся на жизненномъ пути какому-то сиротѣ-Іосифу и не вызванныхъ, однако, послѣднимъ. Судя по заглавію романа, мы вправѣ были разсчитывать, что г. Смоленскій откроетъ передъ читателемъ цѣлую картину жизни *заблудившагося* человѣка и выставитъ всѣ промахи, которые тотъ совершилъ на своемъ жизненномъ пути. Мы этого вправѣ были ожидать тѣмъ болѣе, что лицо, отъ имени котораго ведется разсказъ, такъ и начинаетъ свою печальную хронику: «Я блуждалъ: не мѣсяцъ, не годъ, не нѣсколько лѣтъ только, а все время моего странствованія на землѣ я блуждалъ какъ погибшая овца». Черезъ нѣсколько строкъ онъ повторяетъ: «Я проводилъ свои дни въ заблужденіяхъ и ошибкахъ; число моихъ заблужденій далеко превосходитъ число минутъ моей жизни». Допустимъ, что это слишкомъ преувеличенно и сказано только «для красоты слога»,—но, тѣмъ не менѣе, читатель, взявшись за чтеніе романа, все же думаетъ познакомиться съ жизнью заблудившагося человѣка,—на дѣлѣ же оказывается, что нашъ герой не самъ заблуждался, а былъ постоянно преслѣдуемъ разными скверно сложившимися для него обстоятельствами; что дѣлали ошибки и промахи всѣ окружающіе его, но онъ самъ, напротивъ, смотрѣлъ на все трезвыми глазами, и во всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ онъ старается критиковать поступки столкнувшихся съ нимъ людей. Герой чуть не съ колыбели осужденъ авторомъ на разныя страданія и мученія, а самъ онъ нисколько не повиненъ въ нихъ. Отецъ

его умеръ еще до его рожденія и кончилъ свою жизнь самоубійствомъ, вслѣдствіе низкой интриги своего роднаго брата, который, по совѣту одного цадика, подбросилъ ему фальшивыя ассигнаціи и самъ доносилъ на него, чтобы присвоить себѣ всѣ его богатства. Черезъ нѣсколько лѣтъ умерла и его мать, и круглый сирота-Іосифъ очутился у того же изверга-дяди. Жена послѣдняго была олицетвореніемъ всевозможныхъ золъ и преступленій и она морила племянника мужа голодомъ и тиранила до нельзя. Герой-сирота убѣжалъ изъ дядина дома, укравъ, однако (впрочемъ, по совѣту коварнаго молодаго человѣка), много цѣнныхъ вещей у дяди. На дорогѣ его обокралъ тотъ самый коварный молодой человѣкъ, и мальчикъ очутился на полѣ буквально безъ всякихъ средствъ къ жизни. На его счастіе подоспѣлъ караванъ еврейскихъ бѣдняковъ, которые забрали и его съ собою. Между бѣдняками былъ какой-то идеальный старикъ, который полюбилъ нашего героя и который вскорѣ умеръ, оставивъ ему въ наслѣдство кошелекъ съ деньгами и свертку бумагъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ смерти старика, въ караванъ явился какой-то неизвѣстный пожилой человѣкъ, который взялъ къ себѣ сироту Іосифа и опредѣлилъ его у себя. Этотъ пожилой человѣкъ оказался впослѣдствіи шарлатаномъ—*Баалъ-Шемомъ* (чудотворецъ). Іосифъ зажилъ у чудотворца въ свое удовольствіе и самъ научился великолѣпнѣйшимъ образомъ шарлатанить. Черезъ нѣсколько времени чудотворецъ обокралъ Іосифа, а Іосифъ, съ своей стороны, обокралъ чудотворца и убѣжалъ отъ него. На дорогѣ съ нимъ встрѣтился уже идеальный молодой человѣкъ, который сдѣлался его менторомъ и который, случайнымъ образомъ, открылъ ему всю ужасную исторію съ его отцомъ и дядею. У этого же идеальнаго молодаго человѣка, совершенно непонятнымъ образомъ, оказалось предсмертное письмо отца героя, которое тотъ писалъ къ своей женѣ. Герой хотѣлъ завладѣть этимъ письмомъ, но идеальный молодой человѣкъ чуть не убилъ героя за это желаніе.

Считаю нелишнимъ передать всю глупѣйшую сцену, происшедшую между пріятелями, которая весьма наглядно характеризуетъ талантъ г. Смоленскаго.

— Почему ты положилъ письмо въ карманъ? съ удивленіемъ спросилъ мой пріятель—разсказываетъ нашъ герой.

— На что оно тебѣ? Я тебѣ дамъ за него пять червонцевъ.

— Если даже отсчитаешь мнѣ тысячу, я тебѣ его не отдамъ.
— Но вѣдь оно въ моихъ рукахъ, что ты мнѣ сдѣлаешь, если я тебѣ его не возвращу?
— Тогда я его отниму силою. Но довольно издѣваться надо мною,—отдай мнѣ письмо.
— Я и не думаю возвратить его.
— Что я слышу?—воскликнулъ онъ съ остолбенѣніемъ,—развѣ ты до сихъ поръ жилъ съ разбойниками и отъ нихъ ты научился грабить, что среди бѣлаго дня думаешь отымать у меня то, что мнѣ принадлежитъ?
— Письмо не тебѣ принадлежитъ, а сиротѣ-Іосифу.
— А ты хочешь быть его наслѣдникомъ? Оно было въ моихъ рукахъ, слѣдовательно, оно мое.
— Нѣтъ, оно теперь въ моихъ рукахъ и оно принадлежитъ мнѣ.
— Отдай, пожалуйста, что ты взялъ у меня. Зачѣмъ ты желаешь, чтобъ я сталъ твоимъ врагомъ?
— Я разъ говорилъ и не перемѣню своего слова: письмо останется у меня на вѣки.
— Въ такомъ случаѣ, я отниму его у тебя насильно.
— Дѣлай что тебѣ угодно, но письма тебѣ никогда не увидать.
— Отдай сію секунду письмо!—крикнулъ онъ сердито.
Я ему ничего не отвѣтилъ.
— Отдай мнѣ письмо! воскликнулъ онъ опять свирѣпо, схвативъ меня за руку.
Но я сталъ кричать:—спасите! спасите! разбойникъ! разбойникъ!
Услышавъ крикъ, мой пріятель еще больше разсвирѣпѣлъ, схватилъ меня за затылокъ и бросилъ на землю. Онъ поставилъ одну ногу на мою правую руку, а другую—на мои ноги и, задыхаясь, проговорилъ: — вынь лѣвою рукой письмо, потому что я тебя не выпущу, пока не возвратишь мнѣ его.
— О, разбойникъ!—воскликнулъ я, что было мочи—ты хочешь меня убить! О, мои силы оставляютъ меня, и я еле дышу!
— Я тебя не оставлю, пока самъ не вынешь письма.
— А я не возвращу письма, хоть бы мнѣ пришлось умереть подъ твоими руками.
— А я тебя не оставлю, хоть бы ты умеръ подъ моими руками.
Услышавъ его слова, которыя онъ проговорилъ съ спокойнымъ сердцемъ, я задрожалъ, мои волосы стали дыбомъ, въ глазахъ моихъ потемнѣло, потому что онъ показался мнѣ въ это время ангеломъ смерти. Я рѣшился уже возвратить ему письмо, потому что я не хотѣлъ еще умереть въ ту секунду. Но какъ я удивился, увидѣвъ, что мой пріятель вдругъ поднялся съ земли и мутными глазами, точно съумасшедшій, онъ осмотрѣлся въ разныя стороны.

Чувствуя, что мои руки свободны, я также вспрыгнулъ и пустился бѣжать.»

Кончается тѣмъ, что тотъ оставилъ письмо въ рукахъ нашего героя и упрекалъ себя, что чуть не сдѣлался убійцею изъ за куска бумаги.

Я привелъ эту пелѣпую сцену, какъ образчикъ эффектацій г. Смоленскаго. Подобныхъ ненужныхъ, скучныхъ, невозможныхъ и дикихъ монологовъ безчисленное множество въ романѣ нашего автора. Еще скучнѣе и невыносимѣе г. Смоленскій, когда онъ пускается въ якобы глубокомысленныя разсужденія,—но объ этомъ рѣчь впереди: теперь же возвратимся къ дальнѣйшимъ похожденіямъ злополучнаго героя.

Сирота-Іосифъ и его идеальный благопріятель вступаютъ въ хоръ къ какому-то еврейскому кантору и совершаютъ съ нимъ путешествіе по разнымъ маленькимъ городкамъ, населеннымъ евреями. Идеальный другъ черезъ нѣсколько времени разстается съ героемъ и отправляется въ Одессу (у автора сказано: *Асдесъ*, но такого города несуществуетъ, и читатель видитъ, что это названіе состоитъ изъ тѣхъ же буквъ, что Одесса. Замѣтимъ кстати, что г. Смоленскій совершенно напрасно маскируетъ города, которые онъ описываетъ и которые каждый можетъ узнать. Мы поэтому и будемъ ихъ называть настоящими ихъ именами). Нашъ же герой также выступаетъ изъ хора и отправляется въ какой-то іешиботъ (школа, гдѣ спеціально изучается талмудъ). Этимъ кончается первая часть «оригинальнаго романа». Вторая же часть вся почти посвящена пребыванію героя въ іешиботѣ и его ежедневнымъ похожденіямъ, ничѣмъ особеннымъ не отличающимся. Безконечные разговоры опять тянутся на десятки страницъ и надоѣдаютъ читателю до тошноты. Не могу умолчать объ одной мелочи, которую г. Смоленскій передаетъ во второй части романа и которой онъ придаетъ большое значеніе, между тѣмъ, по нашему мнѣнію, она просто невѣроятна. Дѣло въ томъ, что сирота-Іосифъ, пріѣхавъ въ іешиботъ, имѣлъ еще нѣсколько денегъ изъ украденныхъ имъ у чудотворца. Рошъ-іешиба (т. е. глава школы) не хотѣлъ было принять его, но нашъ герой *подкупилъ* его нѣсколькими червонцами и тѣмъ какъ бы закабалилъ на вѣчныя времена своего учителя. Но это положительно неправда. Кто только знакомъ съ

жизнью іешиботовъ, знаетъ, что люди, стоящіе въ ихъ главѣ, правда, въ высшей степени односторонніе, фанатики, суевѣрные и нетерпимые, но, въ то же время, абсолютно честные и безкорыстные. Дѣло, которое они защищаютъ, не имѣетъ практическаго примѣненія, проповѣдуемыя ими идеи отличаются крайнимъ безсмысліемъ,—но они, тѣмъ не менѣе, поступаютъ такъ совершенно искренне, безъ всякихъ корыстныхъ цѣлей. Если они не хотятъ принимать кого нибудь въ іешибу, то они руководствуются большею частью знаніями поступающаго, его нравственностью, но ничуть не подкупомъ, который имъ вовсе неизвѣстенъ.—Въ томъ же городкѣ нашъ герой познакомился съ какимъ-то идеальнымъ старикомъ, у котораго была малютка-внучка, чрезвычайно добрая, тихая. Герой ее очень любилъ. Напакостивъ одному «сильному» обывателю городка, сирота-Іосифъ былъ вынужденъ удалиться изъ іешибота. Но, не успѣвъ улизнуть, герой попалъ въ число «пойманныхъ» и онъ очутился въ острогѣ. Его хотѣли уже отдать въ солдаты, но въ тотъ самый моментъ, когда собирались побрить ему лобъ, послѣдовалъ указъ объ отмѣнѣ отдачи въ рекруты пойманныхъ. Іосифъ, наконецъ, уѣхалъ и отправился въ другой городокъ. Въ послѣднемъ онъ показалъ свои великія познанія въ талмудѣ, удивилъ всѣхъ своимъ умѣньемъ пѣть; всѣ женщины носили его на рукахъ и ухаживали за нимъ, въ томъ числѣ молоденькая дочь какого-то меламда, и онъ уже готовъ былъ жениться на ней — но съ нимъ случилась новая исторія. Его заподозрѣвали въ убійствѣ своего друга, очутившагося въ партіи арестантовъ и зарѣзавшагося отъ отчаянія. Его спасла жена меламда; переодѣвъ его въ женское платье, она отправила его къ одному знаменитому цадику. Тѣмъ кончается вторая часть романа.

Пріѣхавъ въ резиденцію цадика, нашъ герой добился аудіенціи у послѣдняго и, сверхъ ожиданія, понравился ему. Многочисленные поклонники цадика окружили его и добивались его знакомства. Но онъ долго не ужился у хассидовъ. Поссорившись съ нѣкоторыми приверженцами цадика, нашъ герой уѣхалъ изъ резиденціи послѣдняго и отправился въ другой городокъ. Тамъ встрѣтилъ его одинъ изъ приближенныхъ цадика, приласкалъ его и помѣстилъ въ качествѣ шпіона у одного своего опаснаго противника. Герой исполнилъ свою миссію какъ нельзя лучше, перехватилъ

какое-то прошеніе, передалъ его въ руки агента цадика, а тотъ воспользовался имъ и угодилъ противника въ тюрьму. Самъ же герой также попалъ въ съѣзжую и тамъ пробылъ въ одиночномъ заключеніи семь дней. На его счастіе, въ это время одинъ изъ сановниковъ ревизовалъ мѣста заключенія и, увидѣвъ мученія героя, освободилъ его. Герой послѣ этихъ приключеній пробылъ цѣлый годъ у одного знакомаго, который научилъ его англійскому языку въ совершенствѣ и который подарилъ ему еще 200 рублей. Съ этими деньгами онъ отправился въ маленькій городокъ, гдѣ жилъ идеальный старичекъ съ идеальной внучкой. Послѣдняя, превратившись въ молодую красивую дѣвушку, встрѣтила героя съ распростертыми объятіями. Старикъ передалъ герою всѣ свои дѣла, и внучка влюбилась въ героя. Все пошло бы, какъ по маслу; но случилось новое непредвидѣнное событіе. Мать внучки, гостившая у старика-отца, сильно заболѣла, медики совѣтовали ей ѣхать въ Гельголандъ купаться, и нашъ герой, великій знатокъ англійскаго языка, долженъ былъ проводить ее. Всѣ трое, т. е. герой, мать и дочь, отправились на островъ черезъ Петербургъ. На Николаевскомъ мосту ихъ однажды остановили арестанты, которые просили у нихъ милостыни. Увидѣвъ одного изъ арестантовъ, мать упала въ обморокъ. Герой спрашиваетъ у дочери объясненія, а та говоритъ ему, что мать узнала въ одномъ изъ арестантовъ своего собственнаго сына, который давно былъ сосланъ на каторгу. Къ величайшему своему ужасу, герой узнаетъ изъ дальнѣйшихъ объясненій своей возлюбленной, что старуха-мать — никто иная, какъ его тетушка-извергъ, тиранившая его въ дѣтствѣ и бывшая единственной причиной самоубійства его отца, что его возлюбленная — дочь изверга-дяди и что каторжникъ—его двоюродный братъ. Герой находится между двухъ огней. Съ одной стороны чувство мести заговорило въ его сердцѣ,—съ другой—любовь требуетъ своихъ правъ... Но его вывезъ трагическій случай. Очутившись на морѣ, тетушка сдѣлалась жертвой свирѣпыхъ волнъ, которыя нарочно сочинилъ для этого случая г. Смоленскій; дочь съума сошла и черезъ нѣсколько дней умерла. Такимъ образомъ порокъ былъ достойнымъ образомъ наказанъ. Извергъ-дядя съума сошелъ; извергъ-тетушка утонула къ морѣ; ихъ сыновья — одинъ пропалъ безъ вѣсти, а другой — попалъ на каторгу,—и даже ни въ чемъ

неповинная дочь умерла за тяжкіе грѣхи своихъ родителей... Не правда-ли, очень назидательно...

Послѣ всѣхъ этихъ похожденій героя въ Россіи, онъ отправляется въ Лондонъ. Тутъ начинается цѣлый рядъ похожденій, еще болѣе невѣроятныхъ и нелѣпыхъ. Въ первый день своего пріѣзда въ Лондонъ, герой беретъ билетъ какой-то уличной лотереи и выигрываетъ 200,000 рублей. Забравъ всѣ деньги въ карманъ, онъ является въ богатый ресторанъ, — но его выталкиваютъ въ шею, потому что онъ бѣдно одѣтъ. Онъ отправляется въ магазинъ платьевъ и покупаетъ себѣ лакейскую ливрею, думая, что это генеральское платье, и въ новомъ костюмѣ опять является въ богатый ресторанъ. Къ нему обращаются съ вопросами. Понятно, что онъ дѣлается посмѣшищемъ для всѣхъ присутствующихъ въ ресторанѣ. Онъ удаляется и приходитъ домой. Тамъ, въ ту же самую ночь, его обокрали до послѣдней копѣйки, и онъ опять сталъ нищимъ. Герой вдругъ сдѣлался актеромъ и пристроился къ какой-то странствующей группѣ и съ ней путешествуетъ по Европѣ. Пріѣхавъ въ Гамбургъ, онъ хотѣлъ поступить въ одинъ изъ тамошнихъ театровъ, но его не приняли. На улицѣ онъ вдругъ встрѣтился съ *баалъ-шемомъ*, который его не узналъ, и который, неизвѣстно какимъ образомъ, также очутился въ Гамбургѣ. Герой узнаетъ отъ него о многихъ событіяхъ, совершившихся яко-бы въ Россіи и касавшихся всѣхъ его знакомыхъ. Между прочимъ онъ узнаетъ, что его отецъ, котораго всѣ считаютъ умершимъ, живетъ и здравствуетъ будто въ Америкѣ, гдѣ онъ страшно разбогатѣлъ. Герой отправляется опять въ Лондонъ, чтобъ провѣрить слова чудотворца о жизни его отца,—но тамъ ничего не предпринимаетъ на счетъ этого дѣла, а пробивается кое-какъ изо дня въ день и голодаетъ иногда по нѣскольку дней сряду. Идя однажды по шумнымъ лондонскимъ улицамъ, герой встрѣтилъ одну изумительную красавицу, богато одѣтую, и тотчасъ же влюбился въ нее. Красавица выронила кошелекъ съ золотыми фунтами, герой его подхватилъ и хотѣлъ его присвоить, но убоялся всевидящей лондонской полиціи и потому догналъ красавицу и отдалъ ей находку,—но та великодушно оставила деньги у голоднаго героя и поспѣшила уѣхать. Герой бредилъ о ней днемъ и ночью и старался встрѣтить ее еще разъ. Случай помогъ ему. Онъ познакомился съ однимъ извѣстнымъ опернымъ пѣвцомъ, а тотъ ввелъ его въ домъ, гдѣ жила красавица съ своимъ братомъ-американцемъ. Къ величайшему своему удовольствію. герой узнаетъ, что красавица—еврейка. Онъ знакомится съ ней близко, читаетъ ей книги, поетъ ей романсы и влюбляетъ ее въ себя. Молодые люди объяснились въ любви, но къ ихъ несчастію явился братъ-американецъ, который сильно оскорбился этимъ и выгналъ героя въ шею. Герой вызываетъ американца на дуэль. Дуэль состоялась, американецъ былъ убитъ на поваль, а герой былъ опасно раненъ. Онъ очнулся только шесть мѣсяцевъ спустя. Возлѣ себя увидѣлъ красавицу, отъ которой онъ узнаетъ, что она, красавица, родная его сестра, а американецъ — родной его братъ—оба дѣти мнимо умершаго и разбогатѣвшаго отца. На вопросъ же героя, гдѣ же его отецъ, красавица передаетъ ему грустную вѣсть, что послѣдній, услышавъ о смерти сына, пріѣхалъ изъ Америки и, узнавъ изъ бумагъ героя, что онъ его любимый сынъ Іосифъ, котораго онъ никогда не видалъ, заболѣлъ и умеръ отъ досады и отчаянія. Всѣ же свои несмѣтныя богатства онъ завѣщалъ герою. Въ это же время нашъ герой узнаетъ, что украденные у него 200,000 рублей найдены и хранятся въ лондонскомъ банкѣ.

На этомъ кончается романъ. Что стало съ героемъ и съ его сестрой, неизвѣстно. Герой, въ самыхъ лучшихъ лѣтахъ (ему не было еще и тридцати), съ несмѣтными богатствами, съ громадною опытностью за плечами, съ большими знаніями и талантами, обрываетъ свою повѣсть нѣсколькими избитыми разсужденіями о суетѣ міра сего, о несовершенствѣ рода человѣческаго, о смерти, и кончаетъ свой романъ слѣдующими словами:

«Я попробую въ послѣдніе дни, въ это ничтожное число дней, которые мнѣ еще остается жить (почему герою остается жить только нѣсколько дней, опять неизвѣстно),—я вѣдь кое какъ дышу,—показать заблуждающимся путь жизни. Я ничего не измѣню изъ писаннаго мною, потому что я не въ силахъ поправить свои ошибки въ моей рукописи, точно такъ, какъ я не въ состояніи поправить мои поступки. Пусть увидятъ мои поступки и поймнѣютъ всѣ тѣ, которые желаютъ поумнѣть; пусть услышатъ мои слова и поймутъ, что если я *былъ* заблудившимся, то я теперь больше

не блуждаю, потому что еще немного и я совсѣмъ оставлю путь жизни».

Конецъ достоинъ всего цѣлаго содержанія романа! Я не стану слѣдить за каждымъ шагомъ героя и доказывать, какъ глупо и неестественно онъ поступалъ на своемъ жизненномъ пути: это не стоитъ трудовъ. Это заняло бы книгу въ десять разъ большую, чѣмъ длиннѣйшій романъ г. Смоленскаго. Изъ изложеннаго мною содержанія, читатель, надѣюсь, безъ всякаго комментарія увидѣлъ, какой безалаберный господинъ чадо г. Смоленскаго. Каждый его шагъ буквально невозможенъ и глупъ, и, при всемъ томъ, герой не сознается въ своей глупости, а старается критиковать поступки другихъ. Но и въ этомъ занятіи онъ постоянно сбивается, ничего не высказываетъ опредѣленно, ничего не разъясняетъ обстоятельно. Вообще, мы не знаемъ profession de foi героя, не знаемъ его идеала, не знаемъ, къ чему онъ стремится, что онъ преслѣдуетъ, какія его желанія и стремленія, на что онъ остановился бы съ любовью и что именно онъ имѣлъ въ виду, разсказывая свою длинную и скучную біографію.

Но главнѣйшій недостатокъ романа состоитъ въ томъ, что авторъ не выставилъ ничего типичнаго и бытоваго, что онъ во всемъ длинномъ романѣ ничего новаго и своего не высказалъ и что всѣ выведенныя имъ лица скудны, мелочны и не представляютъ ничего характернаго и своеобразнаго. Если кто нибудь изъ нихъ извергъ, то въ немъ ничего человѣческаго больше нѣтъ, если кто нибудь идеаленъ, то онъ вовсе не жилецъ міра сего, а сынъ небесъ—словомъ, это олицетворенные пороки и добродѣтели, но не живые люди. Заставляя своего героя странствовать по разнымъ городамъ, населеннымъ евреями, авторъ не даетъ никакого понятія о жизни этихъ городовъ и ихъ нравахъ. Онъ разсказываетъ всѣмъ извѣстныя исторіи про меламдовъ, про іешиботниковъ, про хасидовъ и цадиковъ, про кагалъ, и ничего типичнаго и новаго не прибавляетъ. Вы слышите вѣчную пѣсню о невѣжествѣ меламдовъ, бьющихъ учениковъ, о іешиботникахъ, говорящихъ о дьяволахъ и нечистыхъ силахъ, о хасидахъ, возносящихъ своихъ цадиковъ, обманывающихъ невѣжественную толпу, о кагалахъ, наказывающихъ, будто, публично женщинъ, заподозрѣнныхъ въ прелюбодѣяніи, и т. д. до безконечности. Словомъ, авторъ повторяетъ все то, что онъ прочиталъ давнымъ давно у еврейскихъ и нееврейскихъ писателей и преподносилъ читателю прочитанное въ замѣнъ своего собственнаго наблюденія. Понятно, что кромѣ нестерпимой скуки ничего нельзя вынести изъ романа г. Смоленскаго. Вы не встрѣчаете въ романѣ ни одного художественнаго лица, ни одного выдающагося и вѣроятнаго событія, ни одной художественной картины, ни одной типичной, выдающейся личности. Многочисленныя дѣйствующія лица романа фигурируютъ совершенно напрасно. Никто изъ нихъ, кромѣ главнаго героя, не составляетъ необходимости въ романѣ, и безъ всякаго ущерба, даже съ большой пользой, можно было выбросить больше половины изъ нихъ. Событія связаны между собою грубо, аляповато, несообразно и, какъ видно, съ большими усиліями со стороны автора. Одно лицо не дополняетъ собою другаго, и всѣ идутъ въ разбродъ. Кромѣ всего этого, разговоры между дѣйствующими лицами скучны до тошноты. Читатель видѣлъ уже образчикъ подобныхъ разговоровъ. Ведутся они безъ всякой необходимости, безъ всякой надобности, лишь только для того, чтобы написать цѣлые десятки страницъ. Г. Смоленскій, видно, хотѣлъ написать романъ непремѣнно въ трехъ частяхъ, а потому сдѣлалъ нечеловѣческія усилія, чтобъ исписать извѣстное количество бумаги. Если еще разговоры приправлены глубокой философіею и поэзіею автора, то дѣйствительно трудно представить что нибудь скучнѣе и пошлѣе. Считаю нелишнимъ привести въ примѣръ слѣдующую тираду, выхваченную мною изъ перваго, попавшагося мнѣ разговора.

«Горе человѣку, говорящему то, что онъ думалъ въ своемъ сердцѣ; человѣку, осмѣливающемуся осуждать ханжей, обманывающихъ народъ разными подлостями. Пусть онъ будетъ справедливъ, какъ божественный Моисей, ни его праведность, ни его умъ, не спасутъ его отъ злыхъ помысловъ преступныхъ людей. Его будутъ считать отступникомъ отъ закона, его имя будетъ осквернено, и тогда его жизнь будетъ постоянно въ опасности. Его грѣхи будутъ тяготѣть надъ его дѣтьми, надъ его внуками и надъ всей его фамиліей. Поэтому, кому жизнь дорога, тотъ отдѣляется отъ нихъ, потому что кто же осмѣлится приставать къ киту, чтобы воевать съ нимъ. Вслѣдствіе этого мы часто видимъ, что праведные люди похоронены, а злые поднимаютъ свою голову. Ни десница человѣка, ни наказанія Божія ихъ не достигаютъ... Блаженъ тотъ человѣкъ, который узналъ все это отъ другихъ, а на своемъ тѣлѣ онъ не испыталъ этого зла. Приходя въ соприкосновеніе съ людьми, онъ

настолько уменъ, что скоро узнаетъ ихъ поступки, и если онъ обладаетъ здравымъ смысломъ, то онъ отыщетъ себѣ честныхъ людей, чтобы подружиться съ ними, и онъ будетъ счастливъ! Но горе неопытному человѣку, который пріобрѣлъ опытъ и умъ кровью своего сердца, который выпилъ до дна горькую и отравленную чашу, которую поднесли ему злые люди. Ему жизнь уже не сладка, радость и веселье избѣгаютъ его. Онъ видитъ вокругъ себя только грабежъ, его уши слышатъ только о преступленіяхъ, потому что онъ уже больше не вѣритъ въ человѣчество, и даже честный человѣкъ не чистъ въ его глазахъ, ибо сердце возбуждаетъ въ немъ только сомнѣніе,—а воспоминанія о прошломъ возстаютъ передъ его воображеніемъ, какъ злые духи, чтобы осушить мозгъ его костей и чтобы прогнать всякую радость изъ его сердца. Какъ скряга, имѣющій сокровища въ подвалахъ, боится постоянно, чтобы его не отравили и не унаслѣдовали его богатство, и вслѣдствіе этого онъ кушаетъ свой хлѣбъ съ подозрѣніемъ,—точно такъ боится несчастный своихъ друзей и не открываетъ имъ тайны своего сердца, опасаясь, что они измѣнятъ ему. Весь міръ и его шумъ показываются ему логовищемъ змѣй, и жизнь ему въ тягость».

Подобныхъ тирадъ безчисленное множество въ романѣ г. Смоленскаго, и нѣтъ никакой человѣческой возможности прочесть ихъ со вниманіемъ,—между тѣмъ авторъ по своей наивности думаетъ, что онъ высказываетъ глубокія истины, что изъ подъ его пера сыплются перлы и что каждый долженъ любоваться его фразологіей .. Если ко всему этому прибавимъ, что во всемъ романѣ вовсе нѣтъ намека на изображеніе жизни заблудившагося человѣка и нѣтъ собственно никакого романа, такъ какъ герой вовсе не любилъ и не былъ любимъ,—то покажется намъ слишкомъ наивнымъ названіе г. Смоленскимъ своего дѣтища «оригинальнымъ романомъ». Если романъ г. Смоленскаго «оригиналенъ», то развѣ въ томъ смыслѣ, что въ немъ все оригинально, начиная отъ названія и кончая героемъ и философіею самаго автора. Все въ немъ оригинально до глупости и до нестерпимой скуки. Заблужденный герой разсказываетъ не о своихъ заблужденіяхъ, какъ онъ обѣщалъ, а распространяется объ ошибкахъ и промахахъ другихъ. Всѣ обстоятельства, которыя преслѣдовали его на жизненномъ пути, не имъ самимъ вызваны, а явились только по неограниченной волѣ автора, которому хотѣлось исписать громадныя кипы бумагъ. Морали же изъ всей этой скучной и немыслимой басни не выходитъ никакой. Развѣ только та, что человѣкъ безъ таланта, безъ художе-

ственнаго чутья, безъ эстетическаго вкуса не долженъ браться за сочиненіе длинныхъ романовъ. Если эта мораль дѣйствительно составляетъ главную идею романа г. Смоленскаго, то авторъ блистательнѣйшимъ образомъ выполнилъ ее, за что и заслуживаетъ величайшую похвалу.

Романъ, или, лучше сказать, масса бумаги, исписанной г. Смоленскимъ, имѣетъ, впрочемъ, нѣкоторыя дѣйствительныя достоинсчва. Они заключаются въ томъ, что слогъ автора въ высшей степени изященъ и въ то-же время чрезвычайно легокъ. Соединить эти два качества, при бѣдности и сжатости еврейскаго языка, задача чрезвычайно трудная. Г. Смоленскій владѣетъ въ совершенствѣ еврейскимъ языкомъ и для него не сущестуетъ никакихъ трудностей. Древне-еврейскій языкъ будто превратился въ его романѣ въ одинъ изъ культурнѣйшихъ европейскихъ языковъ... Другое достоинство произведенія г. Смоленскаго заключается въ томъ, что оно проникнуто глубокой любовью къ несчастному еврейскому народу. Еврейскій бытъ въ Россіи возбуждаетъ въ авторѣ глубокую скорбь. Рисуя русскихъ евреевъ, авторъ скорбитъ объ ограниченіи ихъ правъ, которое составляетъ единственную причину жалкаго ихъ умственнаго и матеріальнаго положенія, к нельзя не согласиться съ г. Смоленскимъ, что уравненіе евреевъ во всѣхъ гражданскихъ правахъ подниметъ ихъ физически и морально и что многія дѣйствительно темныя стороны еврейскаго быта будутъ тогда немыслимы. Но все это, разумѣется, не ново, и писать для этого романъ, въ которомъ бы *высказаны* были эти извѣстныя истины, по меньшей мѣрѣ совершенно лишне. *)

Обращаемся—къ произведенію г. Гордона.

Имя г. Гордона довольно популярно въ еврейской литературѣ. Его оригинальныя и переводныя стихотворенія и басни доставили ему вполнѣ заслуженную извѣстность. Какъ поэтъ, г. Гордонъ

***) Просимъ читателя не смѣшивать романа г. Смоленскаго, которому также не мѣшало бы, на будущее время, устранить изъ своихъ произведеній тотъ непозволительный цинизмъ, который то и дѣло поражаетъ въ его романѣ—съ его журналомъ «Гашахаръ», который ведется съ большимъ умѣньемъ и долженъ быть признанъ лучшимъ и весьма полезнымъ повременнымъ еврейскимъ изданіемъ.** *Издат.*

имѣетъ мало соперниковъ въ современной еврейской литературѣ. По мѣткости выраженія, по поэтическому слогу, по ѣдкому юмору, встрѣчающемуся нерѣдко въ его стихотвореніяхъ, наконецъ, по глубинѣ мысли и богатой поэтической фантазіи, г. Гордонъ можетъ смѣло конкуррировать со многими славными европейскими поэтами. Но вотъ, съ недавняго времени, г. Гордонъ сошелъ съ поэтическаго Парнаса и сталъ пробовать свои силы въ прозаическихъ очеркахъ, рисующихъ будто современные нравы и обычаи русскихъ евреевъ. Подъ названіемъ «Оламъ Ке-Мингаго», т. е. «Свѣтъ, каковъ онъ есть», г. Гордонъ намѣренъ представить цѣлую серію разсказовъ изъ еврейскаго быта, которые были бы въ состояніи дать болѣе или менѣе вѣрное понятіе о жизни и стремленіяхъ современныхъ русскихъ евреевъ. Обладая несомнѣннымъ поэтическимъ и юмористическимъ талантомъ, обширною эрудиціею, здравымъ умомъ и наблюдательностью, г. Гордонъ дѣйствительно могъ бы влить свѣжую струю въ еврейскую литературу и своими разсказами изъ дѣйствительной жизни придать ей жизненное значеніе. Мы этого тѣмъ болѣе вправѣ были ожидать отъ нашего поэта, что онъ, не въ примѣръ прочимъ еврейскимъ авторамъ, знакомъ съ европейскими языками и не чуждъ европейской образованности. Но мы должны съ прискорбіемъ сознаться, что горько ошиблись. Талантливый поэтъ оказался плохимъ беллетристомъ, тонкій сатирикъ оказался грубымъ балагуромъ и мыслитель уступилъ мѣсто шутнику... Мы не имѣли случая читать первый разсказъ «Оламъ Ке-Мингаго», а потому не будемъ говорить о немъ, но что касается разсказа, лежащаго передъ нами, то, не отрицая его нѣкоторыхъ достоинствъ, смѣло можемъ утверждать, что онъ не достоинъ пера автора.

Предметомъ сатиры г. Гордона служатъ опять тѣже цадики, о которыхъ пишетъ всякій, кто только въ состояніи сложить два-три слова правильно. Правда, цадики составляютъ такую язву на еврейскомъ организмѣ, о которой слѣдуетъ говорить постоянно, если желаешь отъ нея избавиться. Но мы полагаемъ, что зубоскальство и плоскіе анекдоты о цадикахъ мало могутъ способствовать избавленію отъ нихъ. Смѣяться надъ цадиками ради одного смѣха, потѣшаться надъ ихъ приверженцами съ тѣмъ только, чтобы вызвать улыбку у читателей — это задача слишкомъ мизерная для

еврейскихъ писателей, желающихъ принести пользу своимъ словомъ. А г. Гордонъ то и дѣлаетъ, что балагуритъ и издѣвается надъ цадиками и ихъ приверженцами, разсказываетъ о нихъ самые циническіе анекдоты и думаетъ при этомъ, что этимъ способомъ онъ сколько нибудь будетъ парализовать это страшное зло... Наивное предположеніе! Способъ къ избавленію отъ цадикизма такъ оригиналенъ у автора, что, кромѣ смѣха и недоумѣнія, онъ ничего не можетъ вызвать. Разсказывая подробнѣйшимъ образомъ о продѣлкахъ двухъ цадиковъ, которые воевали между собою за гегемонію и которые въ концѣ концовъ помирились и надѣлали сообща столько безобразій, что городничій позволилъ себѣ публично наказывать даже плетьми нѣкоторыхъ ихъ достойныхъ сподвижниковъ, авторъ, желая избавить свой любимый городокъ отъ цадикскаго нашествія, заставляетъ того же городничаго препроводить цадика на жительство въ другой городъ, и этимъ все кончается. Авторъ не хочетъ сообразить, что въ другомъ городкѣ также живутъ несчастные евреи, которыхъ безжалостно эксплоатируютъ цадики, и что городничій очень ничтожный факторъ для парализованія такого недуга, вкоренившагося въ плоть и кровь многихъ и многихъ тысячъ евреевъ. И добро бы, еслибъ г. Гордонъ отыскалъ, по крайней мѣрѣ, какія нибудь новыя стороны хассидскаго быта, которыя ускользали отъ другихъ писателей. Но авторъ рѣшительно ничего новаго не прибавляетъ къ тому, что давнымъ давно всѣмъ извѣстно. Опять тѣ же комическія выходки цадиковъ относительно своего чудотворнаго всемогущества, тѣ же безплодные и безконечные разговоры между приверженцами цадика, тотъ же фанатизмъ и то же суевѣріе темнаго народа, считающаго цадика посредникомъ между людьми и Богомъ; тѣ же картины праздности и вѣчнаго пьянства; то же безсмысліе, сыплющееся изъ устъ цадика и принимаемое хассидами за откровеніе и пророчество; та же вѣра безплодныхъ женщинъ въ возможность цадика пособить ихъ великому горю... Словомъ, все старое и избитое, все, успѣвшее давно опошлѣть и надоѣсть, выведено опять г. Гордономъ, какъ нѣчто новое и оригинальное, словно до него никто о цадикахъ не писалъ, и онъ первый открылъ этотъ феноменъ. Но, кромѣ общеизвѣстности всего разсказаннаго авторомъ, г. Гордонъ во многомъ слишкомъ преувеличиваетъ и разсказываетъ то, что положительно не-

вѣроятно. Пусть читатель самъ судитъ, сколько вѣроятности въ слѣдующей сценѣ.

Дѣйствіе происходитъ въ пріемной цадика.

— Нехаме, жена Зехарья изъ Радишка, пришла просить о плодородіи!—крикнулъ габай (приближенное лицо цадика).

— Пусть войдетъ.

Изъ толпы вышла здоровая и красивая женщина, лѣтъ двадцати-восьми, одѣтая въ брилльянты и всякіе драгоцѣнные камни, и вошла въ кабинетъ.

Нѣсколько минутъ Нехаме пробыла въ кабинетѣ раби (т. е. цадика), затѣмъ она вышла съ бѣлымъ узломъ въ рукахъ.

— Что говорилъ съ тобой *добрый* (цадикъ)?—спросилъ ее мужъ, спѣша къ ней на встрѣчу.

— Какъ мы счастливы и какъ славна наша участь—воскликнула осчастливленная женщина съ сердечной радостью, и на глазахъ ея показались слезы.

— Что же онъ тебѣ говорилъ?—продолжаетъ спрашивать мужъ.

— У меня будутъ дѣти!—обѣщала ему жена наивно.

— Но что онъ говорилъ съ тобою? Разскажи же мнѣ!

— Онъ ничего не говорилъ—отвѣтила Нехаме, успокоившись — онъ только положилъ свои руки на мой животъ и благословилъ меня, да велѣлъ онъ, чтобы мнѣ дали *это*.

Говоря это, она развернула свой узелъ и вынула то, что тамъ было спрятано. Въ немъ оказались кожанные штаны.

— Это штаны цадика—дай Богъ ему здоровье—которые онъ носилъ на своемъ тѣлѣ, и онъ приказалъ мнѣ одѣть ихъ и носить до того времени, пока Богъ помилуетъ меня и дастъ мнѣ дѣтей.

Всѣ присутствовавшіе при этомъ громко выразили знаки удивленія.

— Счастливица! — вздохнули скромно всѣ женщины, пріѣхавшія просить о дѣтяхъ.

— А сколько ты дала *пидіонъ* (лепта)?—спрашивалъ мужъ мимоходомъ.

— Сколько ты велѣлъ —отвѣчала жена, заворачивая сокровище цадика въ красный платокъ и крѣпко завязавъ его.—Восемьнадцать 25-ти рублевыхъ *доброму*—да будь онъ благословенъ—и 18-ть красненькихъ на благотворительныя цѣли.

— Очень хорошо!—Ты купила свое леченіе весьма дешево. Радуйся покупкой (стр. 29—30).

Но это только цвѣточки, а вотъ и ягодки.

Дѣйствіе происходитъ въ многолюдномъ собраніи, на обрученіи какого-то молодаго человѣка. Всѣ приглашенныя женщины, сидящія въ отдѣльной комнатѣ, пристаютъ къ упомянутой Нехаме, чтобы та сдѣлала угодное Богу и людямъ и имъ показала бы драгоцѣнные штаны цадика. Послѣ долгихъ колебаній, Нехаме соглашается, уходитъ въ отдѣльную комнату, снимаетъ ихъ съ себя и выходитъ съ панталонами въ рукахъ.

Всѣ женщины окружили ее и бросились на штаны, какъ пчелы, а Нехаме подняла панталоны высоко и показала ихъ подругамъ со всѣхъ сторонъ, отъ пуговицъ до завязокъ, со всѣми мельчайшими подробностями. Всѣ женщины открыли рты, и изъ глазъ многихъ потекли слезы отъ удовольствія и блаженства. Ученая же Гисе подошла, притронулась къ панталонамъ и поцѣловала свой палецъ. Всѣ женщины спѣшили послѣдовать ея примѣру; онѣ цѣловали ихъ, чтобы показать, до какой степени онѣ благоговѣютъ предъ штанами цадика. А Нехаме держала панталоны очень высоко, какъ знамя, и не выпускала ихъ изъ рукъ, пока всѣ не расцѣловали ихъ. Въ это время сердце ея радовалось, и она думала, что никто не можетъ съ ней сравниться. — Кому еще такъ завидуютъ, какъ мнѣ и моимъ панталонамъ?

— Ой! Боже мой!—вдругъ вскрикнула она и соскочила съ мѣста, какъ ужаленная змѣею (стр. 94—95).

Вся эта пошлая сцена кончается тѣмъ, что очутившійся вдругъ среди пирующихъ казакъ вырвалъ изъ рукъ Нехаме ея драгоцѣнные панталоны и присвоилъ ихъ себѣ.

Подобныхъ балаганныхъ сценъ не мало въ очеркѣ г. Гордона, и онъ, какъ видно, съ особенной любовью останавливается на нихъ. Онъ изощряетъ на нихъ все свое восточное остроуміе, старается выражаться талмудическимъ и кабалистическимъ слогомъ, что въ обыденной еврейской рѣчи встрѣчается очень рѣдко и то только между закорузлыми учеными. Имѣя претензію изображать дѣйствительную, не разукрашенную жизнь, г. Гордонъ, тѣмъ не менѣе, заставляетъ своихъ героевъ говорить цитатами изъ древнихъ кабалистовъ, когда они бесѣдуютъ съ простыми еврейками и городничимъ даже. Такъ, одна еврейка спрашиваетъ хасида, почему онъ небоится уединиться съ женщиной въ одной комнатѣ?

— Міровой цадикъ (т. е. Богъ) — отвѣчаетъ ей хасидъ — даетъ ей (женщинѣ) разрѣшеніе облечься въ праведную плоть, на этомъ мірѣ. Вечеромъ она соединяется съ мужемъ, а утромъ она возвращается въ вѣдѣніе мірового цадика, а вся она во владѣніи мужа, и это подразумѣваетъ стихъ изъ святаго писанія: «Цадикъ милуетъ и даетъ» (стр. 82).

Вся эта безсмысленная рѣчь взята цѣликомъ изъ *Зогара*, какъ и замѣчаетъ самъ авторъ.

Городничій спрашиваетъ въ одномъ мѣстѣ.

— Почему вы спѣшили похоронить покойника прежде, чѣмъ явился докторъ и слѣдователь, какъ мы обязаны по закону?

— Намъ запрещено по нашей религіи оставить покойника непохороненнымъ хоть на одну ночь—отвѣтилъ ребъ-Копль — кто называется человѣкомъ, и душа оставила его, и онъ умеръ, нельзя оставить его въ домѣ переночевать на землѣ,—а кто даетъ ночлегъ этому святому тѣлу безъ духа, тотъ производитъ потрясеніе въ высшихъ индивидуумахъ (стр. 103).

И вся эта фраза опять-таки цѣликомъ взята изъ того же кабалистическаго *Зогара*.

Авторъ тоже имѣетъ привычку называть своихъ дѣйствующихъ лицъ изъ русскаго общества странными названіями. Такъ, всѣ представители городишка, который описываетъ г. Гордонъ, называются: Скапуртіа, Ухтенусъ, Апрокръ, Гамгиме, Сманглонъ, Ангарьонъ и т. п. Сколько намъ извѣстно, такихъ именъ вовсе не существуетъ, и мы не понимаемъ, для какой цѣли авторъ старался такъ коверкать всякое нееврейское имя. Но все это мелочи, и въ этомъ отношеніи авторъ строго держится пріема старыхъ еврейскихъ писателей. Гораздо прискорбнѣе то, что г. Гордонъ въ своемъ очеркѣ ничего не выяснялъ, не затрогивалъ никакихъ новыхъ, до него неизвѣстныхъ, бытовыхъ сторонъ еврейской жизни и, главное, не высказываетъ никакого идеала, къ которому онъ бы стремился, и никакихъ положительныхъ воззрѣній, которыя составляли бы его profession de foi. Въ «Оламъ Ке-Мингаго», какъ и въ романѣ г. Смоленскаго, вы встрѣчаете массу дѣйствующихъ лицъ, безконечные разговоры, безконечныя шутки и безцѣльные восточные каламбуры, и вы не знаете, къ чему все это выведено и что авторъ хотѣлъ этимъ сказать. Г. Гордонъ, кромѣ того, какъ и большинство еврейскихъ, такъ называемыхъ, прогрессивныхъ писателей, впадаетъ въ свойственную всѣмъ имъ ошибку, состоящую въ томъ, что они выставляютъ все старое поколѣніе евреевъ какими-то извергами, идіотами, страшными фанатиками, неимѣющими никакихъ хорошихъ сторонъ,—а новое поколѣніе прекраснымъ, идеальнымъ, трудолюбивымъ, благороднымъ, безъ всякихъ пятенъ и недостатковъ. Все, что принадлежитъ къ старому поколѣнію евреевъ,

глупо, смѣшно, пошло и гадко, — все-же новое — мило, дорого и разумно. Между тѣмъ, въ жизни мы видимъ далеко не то, что представляютъ намъ quasi либеральные еврейскіе писатели. Далеко не все старое поколѣніе евреевъ испорчено до мозга костей, и далеко не все молодое прогрессивное поколѣніе такъ совершенно и непогрѣшимо, какъ ихъ выставляютъ. Въ старомъ поколѣніи евреевъ встрѣчаемъ нерѣдко много свѣтлыхъ личностей, которыя, правда, не получили никакого европейскаго образованія, но, воспитанные на богатой еврейской литературѣ, олицетворяютъ собою идеалъ человѣколюбія, честности, самопожертвованія и гораздо ближе подходятъ къ типу лучшихъ людей, чѣмъ многіе юные наши прогрессисты. Во многихъ старыхъ еврейскихъ дѣятеляхъ идея общаго блага развита въ такой сильной степени, что тамъ, гдѣ дѣло касается дѣйствительно великаго общественнаго интереса, они готовы жертвовать всѣмъ своимъ состояніемъ и всѣми своими силами. Они, правда, очень часто ошибаются въ плодотворности и истинной пользѣ той или иной общественной иниціативы, но въ нихъ есть здоровые общественные элементы, которые, будучи только разумно направлены, могутъ принести громадную пользу. Юное же и прогрессивное еврейское молодое поколѣніе имѣетъ всѣ недостатки нашего практическаго вѣка: крайній эгоизмъ, матеріальное обезпеченіе, наслажденіе настоящимъ, равнодушіе къ будущему, отсутствіе общественнаго инстинкта, тщеславіе и самомнѣніе—вотъ самые главные двигатели въ жизни молодаго еврейскаго поколѣнія, успѣвшаго вкусить кое что изъ европейской образованности. Мы уже не говоримъ о томъ, что оно чуждается еврейской національности и не хочетъ имѣть ничего общаго съ своимъ народомъ, страдающимъ столько столѣтій ради своей національной идеи,—но, оторванное отъ еврейской почвы, оно не успѣло еще примкнуть и къ общечеловѣческимъ идеаламъ, и поэтому оно живетъ только своею индувидуальной жизнью. Мы, конечно, не говоримъ о счастливыхъ исключеніяхъ, въ которыхъ нѣтъ недостатка среди еврейской молодежи,—но общій типъ такъ называемыхъ еврейскихъ прогрессистовъ отличается именно тѣми чертами, которыя далеко не такъ привлекательны. Еврейскіе же беллетристы, рисуя своихъ героевъ изъ молодаго поколѣнія, придаютъ имъ идеальныя качества, любуются ими и хотятъ увѣрить

насъ, что они— совершенство, и такимъ образомъ, вмѣсто живыхъ людей, они намъ представляютъ собственную фантазію.

Наши беллетристы къ тому не знаютъ, въ чемъ заключаются идеи и стремленія лучшей части молодаго еврейскаго поколѣнія. Принадлежа, большей частью, къ людямъ стараго поколѣнія, которые какой нибудь счастливой случайностью освободились изъ подъ ига талмуда и его толкованій, наши беллетристы полагаютъ, что, прежде всего, ярлыкъ рекомендуетъ человѣка. Имѣетъ молодой человѣкъ какой нибудь ярлыкъ въ видѣ диплома, то онъ долженъ быть непремѣнно передовымъ. Коль скоро начальство аттестовало его и приложило къ диплому казенную печать, то аттестуемый *долженъ быть* прекраснымъ человѣкомъ,—въ противномъ случаѣ, думают они наивно, благодѣтельное начальство не дало бы ему ярлыка. Поэтому большинство «свѣтлыхъ» героевъ нашихъ беллетристовъ непремѣнно доктора. Нашимъ писателямъ нѣтъ дѣла до того, какимъ образомъ кто досталъ ярлыкъ и какъ онъ пользуется своимъ дипломомъ,—но ярлыкъ есть, слѣдовательно, нечего углубляться во внутренній міръ героя, нѣтъ нужды анализировать его поступки и въ этомъ ярлыкѣ авторъ имѣетъ лучшую гарантію порядочности своего героя.

Въ «Оламъ Ке-Мингаго» единственнымъ «лучемъ свѣта» въ еврейскомъ «темномъ царствѣ» является также патентованный докторъ. Авторъ такъ и называетъ своего героя: «Яблоня среди лѣсныхъ деревьевъ», т. е. избранникъ и герой. Онъ обладаетъ всевозможными качествами: онъ молодъ, красивъ, строенъ, уменъ, благороденъ, великодушенъ, поэтъ, храбръ, остроуменъ, и называется непремѣнно поэтическимъ именемъ Альбертомъ. Этотъ молодой докторъ составляетъ душу высшаго русскаго общества въ городишкѣ: городничій безъ него ничего не предпринимаетъ, предводитель дворянства во всемъ съ нимъ совѣтуется, судья его обожаетъ, смотритель уѣзднаго училища души въ немъ не чаетъ, - словомъ, онъ любимецъ всѣхъ. И во всемъ онъ успѣваетъ, всѣхъ онъ вылечиваетъ, во всемъ имѣетъ удачу, и безъ него ничего не обходится. Для такого героя нужно имѣть и идеальную героиню. Г. Гордонъ позаботился и объ этомъ. Въ томъ же еврейскомъ городѣ существуетъ «роза между шипами», и эта роза—еврейская вдовушка Сарра, которая обладаетъ неменьшими совершенствами, чѣмъ Альбертъ. Она молода и красива, стройна, умна, благородна, великодушна, поэтическое существо, нѣжна, великолѣпно поетъ и играетъ, знаетъ великосвѣтскія приличія, и когда подаетъ варенье гостямъ, то не забываетъ и маленькихъ салфетокъ, какъ спеціально заявляетъ объ этомъ г. Гордонъ. Герой, конечно, влюбляется въ героиню, героиня въ героя, и послѣ нѣкоторыхъ, впрочемъ, не существенныхъ, препятствій, сочетаются законнымъ бракомъ. Влюбленная пара совершенно лишняя въ разсказѣ, но какъ же представить очеркъ, хотя бы изъ еврейскаго быта, безъ романтической исторіи,—ну, авторъ и позаботился объ этой существенной части всякаго разсказа. Изъ очерка «Оламъ Ке-Мингаго» не видно, въ чемъ заключается идеалъ героя, имѣетъ ли онъ какія нибудь задушевныя идеи, могъ ли бы онъ ихъ отстаивать своею энергіею и стремится ли онъ къ чему нибудь иному, кромѣ леченія больныхъ и пѣнія романсовъ, въ честь своей возлюбленной, при лунномъ свѣтѣ. Альбертъ имѣетъ ярлыкъ, онъ докторъ, съ него, слѣдовательно, нечего больше требовать.

Не имѣя возможности останавливаться на каждой личности разсказа отдѣльно и считая это совершенно лишнимъ, замѣтимъ въ заключеніе, что въ художественномъ отношеніи «Оламъ Ке-Мингаго»—далеко не выдерживаетъ критики. Это не законченный, цѣльный очеркъ, въ которомъ каждая часть соотвѣтствовала бы цѣлому, а рядъ безцѣльныхъ сценъ, мѣстами довольно типичныхъ и оригинальныхъ, но большею частью совершенно плоскихъ, пустыхъ и не связанныхъ ни какой интригой даже. Каждая глава отдѣльно можетъ составить особенный эскизъ, и связана съ другой самыми грубыми натяжками. Мѣстами авторъ щеголяетъ яркимъ юморомъ и сарказмомъ, нерѣдко встрѣчаются мѣткія выраженія и характеристики, но въ цѣломъ очеркъ скученъ и съ трудомъ только преодолѣешь его. Слогъ автора испещренъ талмудическими и кабалистическими поговорками, что еще больше затрудняетъ чтеніе разсказа. Авторъ, кромѣ того, какъ бы щеголяетъ трудными оборотами и выраженіями, которыя рѣдко встрѣчаются въ библіи и значеніе которыхъ не всѣмъ еще извѣстно.

Не лишне обратить вниманіе читателя и на слѣдующее курьезное обстоятельство. Всѣ лица, не принадлежащія къ еврейской народности и описанныя г. Гордономъ, изображены на второмъ съ

особенной любовью и съ какимъ-то благоговѣніемъ. Начиная отъ исправника и кончая предводителемъ дворянства, судьею, смотрителемъ училища, уѣзднымъ военнымъ начальникомъ и т. д.—всѣ они чуть не совершенства, всѣ они благородны, великодушны, просвѣщены и - что всего удивительнѣе—всѣ они искренне любятъ евреевъ и заботятся объ ихъ благѣ. Трудно повѣрить, чтобы въ западномъ краѣ, гдѣ, какъ извѣстно, мелкая администрація далеко не сочувствуетъ евреямъ, и гдѣ происходятъ событія, описанныя г. Гордономъ, нашлись такіе добродѣтельные герои. На сколько гуманны и справедливы эти герои, можно судить изъ слѣдующаго случая, приведеннаго самимъ авторомъ. Въ городкѣ произошло буйство. Нѣсколько пьяныхъ хасидовъ подрались съ казаками и больно поколотили одного изъ нихъ. Городничій захватилъ цѣлый десятокъ евреевъ въ плѣнъ, судилъ ихъ военнымъ судомъ въ 24 часа и приговорилъ къ публичному тѣлесному наказанію, какъ тяжкихъ уголовныхъ преступниковъ. Г. Гордонъ не порицаетъ мерзкаго поступка городничаго, а, напротивъ, совершенно одобряетъ его и еще злорадствуетъ. Увлекшись въ своемъ злорадствѣ, авторъ съ цинизмомъ разсказываетъ подробно процедуру сѣченія и издѣвается надъ криками битыхъ, которые (т. е. крики) слышны будто въ одномъ частномъ домѣ, гдѣ собралось многочисленное общество. Такое одобреніе своеволія какого нибудь городничаго, наказывающаго публично за драку, какъ за убійство, и подобное издѣваніе надъ несчастными жертвами прежняго прискорбнаго порядка, недостойно писателя, претендующаго на просвѣтительную пропаганду.

А. Ковнеръ.

С.-Петербургъ.

СТАТИСТИКА ЕВРЕЕВЪ ВЪ АВСТРІИ.

G. A. Schimmer. Statistik des Judenthums in den im Reichsrathe vertretenen Königreichen und Landen. Nach den vom K. K. Ministerium des Innern angeordneten Erhebungen und nach sonstigen Quellen. Herausgegeben von der K.K. Statistischen Central-Commission. Wien. 1873. pp. 71. in 4°.

Одною изъ резолюцій Аугсбургскаго Еврейскаго Синода 1871 г. постановлено было — принять дѣятельныя мѣры для разработки статистики евреевъ въ Германіи, Австріи и Швейцаріи. Для этого учреждена была особая коммиссія, подъ предсѣдательствомъ Германа Энгельберта (раввина въ Сентъ Галленѣ). Послѣдній обратился къ своему правительству (швейцарскому) съ просьбою о содѣйствіи. Во исполненіе этой просьбы, швейцарское правительство обратилось къ остальнымъ правительствамъ съ приглашеніемъ доставить имѣющіяся у нихъ свѣдѣнія по статистикѣ евреевъ.

Въ Австріи воспользовались этимъ случаемъ не только для сведенія во едино данныхъ, уже прежде въ различныя времена собиравшихся, но и для затребованія отъ надлежащихъ мѣстъ новыхъ свѣдѣній. Министерство внутреннихъ дѣлъ цислейтанскихъ областей, по соглашенію съ центральнымъ статистическимъ комитетомъ, разослало особый формуляръ вопросовъ, по которымъ каждая отдѣльная еврейская община должна была доставить о себѣ свѣдѣнія. Разработка матеріала передана въ центральный статистическій комитетъ. Результаты этой-то разработки, вмѣстѣ съ матеріаломъ основнымъ, и изданы въ вышепоименованной книгѣ.

Исполнительная коммиссія Аугсбургскаго Синода 1871 года въ выработанномъ ею формулярѣ желала имѣть свѣдѣнія о слѣдующихъ предметахъ: 1. Община: а) число членовъ, по поламъ; б) чины культа, раввины, учители и ихъ жалованье; с) учебныя

заведенія: исключительно-ли они служатъ религіознымъ надоб-ностямъ, или они служатъ и элементарному обученію, число учениковъ. 2. *Недвижимость*: a) синагоги, ихъ число, помѣщаются-ли онѣ въ собственныхъ домахъ, или нанимаемыхъ, b) училищное помѣщеніе, въ собственномъ ли домѣ, или нанимаемомъ, c) кладбище. 3. *Благотворительныя учрежденія и товарищества*: ихъ имущество и цѣли. 4. *Специальное законодательство*: основныя законоположенія о положеніи евреевъ въ государствѣ, общинные уставы, уставы товариществъ, положенія о синагогахъ и кладбищахъ.

Не трудно замѣтить, что этотъ формуляръ далеко не исчерпываетъ всѣхъ свѣдѣній по статистикѣ евреевъ, которыя весьма желательно было видѣть сведенными во едино. Онъ касается одной только т. н. *общинной* статистики (Gemeindestatistik) и, понятно, въ томъ видѣ, въ какомъ она имѣетъ интересъ для евреевъ. *Собственная община* даже въ Германіи и Швейцаріи (т. е. въ странахъ, гдѣ для образованія евреевъ открыто всего болѣе простора и имѣется всего болѣе путей и средствъ) все еще признается за одинъ изъ важнѣйшихъ путей, по которому европейской образованности придется проникать въ глубь еврейскаго населенія. *Фактически*, собственная община сохраняетъ для евреевъ жизненное значеніе. Поэтому, совершенно цѣлесообразно исполнительная коммиссія Аугсбургскаго Синода 1871 года считала необходимымъ имѣть возможно болѣе обстоятельныя свѣдѣнія объ еврейскихъ общинахъ, какъ о путяхъ, имѣющихъ первостепенное значеніе для умственной и нравственной сторонъ еврейскаго быта.

Но несомнѣнно, что только тамъ, гдѣ еврейской общинѣ удалось отстоять свое право на независимое существованіе и гдѣ она вполнѣ уже выяснила свое *исключительно-культурное* назначеніе, — гдѣ ей не приходится служить выраженіемъ замкнутости (все равно, вынужденной-ли, или традиціонно-оберегаемой узкими анти-культурными инстинктами), — только тамъ общинная статистика и можетъ стоять на первомъ планѣ между цифровыми свѣдѣніями, которыя о евреяхъ интересны. Мы хотимъ сказать, что если исполнительная коммиссія Аугсбургскаго Синода 1871 г. сосредоточила свое вниманіе на общинной статистикѣ, то этимъ она обнаружила нѣсколько эгоистическую заботливость лишь о

тѣхъ евреяхъ, которымъ условія дозволяютъ уже прямо считать свои средства къ безостановочному движенію впередъ и впередъ. Но она забыла интересы тѣхъ евреевъ, которымъ статистика могла бы помочь *въ счетѣ препятствій и задержекъ*, мѣшающихъ всякому движенію, еще до того даже, какъ о немъ заходитъ рѣчь.

Чѣмъ печальнѣе *состояніе* какого-либо населенія (все равно, какой національности),—чѣмъ хуже и губительнѣе вліяніе *обстановки*, съ которою населеніе принуждено примиряться, — тѣмъ *ближе*, какъ состояніе, такъ и обстановка, подступаютъ къ населенію и начинаютъ разъигрывать роль факторовъ, которыхъ сила стремится сказаться на *послѣднемъ* вопросѣ о всякой человѣческой жизни, на вопросѣ *о жизни или смерти*. Это-то и выражается въ *статистикѣ народонаселенія* въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. въ статистическихъ свѣдѣніяхъ о рожденіяхъ и смертности, о бракахъ и ихъ плодовитости. Со временемъ, когда человѣческая жизнь будетъ достаточно обезпечена отъ враждебныхъ вліяній, — когда враждебныя вліянія будутъ только въ состояніи угрожать человѣку менѣе близкимъ образомъ, т. е. потеряютъ способность непосредственнаго вліянія на самую жизнь человѣка, — *тогда* и статистика народонаселенія получитъ одинъ только теоретическій интересъ. Но *въ настоящее время* врядъ-ли было своевременно, со стороны исполнительной коммиссіи Синода, относиться къ статистикѣ народонаселенія, какъ къ неимѣющей непосредственнаго жизненнаго интереса. Если-бы въ Синодѣ преобладали не раввины, а медики, то врядъ-ли надлежащіе интересы оттого пострадали-бы.

Нельзя, поэтому, не быть признательнымъ австрійскому центральному статистическому комитету за то, что онъ не ограничился одною лишь программою исполнительной коммиссіи Синода 1871 года и не обошелъ статистическихъ данныхъ и о *движеніи* еврейскаго населенія.

Статистика движенія еврейскаго населенія имѣетъ интересъ не для однихъ только евреевъ. Она имѣетъ общій высоко-научный интересъ, совершенно особый. На это уже въ тридцатыхъ годахъ настоятельно указывалъ творецъ новѣйшей прусской статистики, I. Г. *Гоффманъ*. Вслѣдъ за нимъ на специальныя особенности,

обнаруживаемыя статистическими наблюденіями надъ еврейскимъ населеніемъ, указывали и другіе извѣстные статистики *).

Постараемся указать на эти особенности, анализируя содержаніе новой статистики австрійской. Прежде всего, весьма характерна повсюду цифра о числѣ евреевъ. Общее правило статистической науки касательно цифры какого-либо населенія то, что точность этой цифры всегда зависитъ отъ свободы и правъ, которымъ пользуется та или другая часть населенія. Чѣмъ горемычнѣе жизнь, тѣмъ больше она прячется, тѣмъ менѣе она доступна точной (математической) гласности (статистикѣ). Въ 1830 году въ цислейтанской части Австро-Венгерской монархіи **) считалось $355^1/_2$ тысячъ евреевъ, въ 1834 году—$355^1/_5$ тыс., въ 1837 г.—$373^4/_5$ тыс., въ 1840 г.—394 т., въ 1843 г.—$416^2/_5$ т., въ 1846 г.—448 тыс., въ 1850 г. — $476^1/_2$ тыс., а въ 1869 году уже — $820^1/_5$ тысячъ душъ. Прежде всего, въ этомъ рядѣ цифръ бросается въ глаза, что съ 1830 года по 1850 годъ еврейское населеніе увеличивалось ежегодно на $1^7/_{10}$%, а съ 1850 г. по 1869 годъ—на $3^4/_5$%. Во весь періодъ, съ 1830—69 г., ежегодное увеличеніе составляло $3^1/_3$%. А между тѣмъ все остальное, нееврейское населеніе, увеличивалось: въ 1830—50 годахъ на 0,62% ежегодно, въ періодъ 1850—1869—на 0,81%, а въ періодъ 1830—69 годовъ на 0,76%. Несомнѣнно, что приплывъ еврейскаго населенія изъ восточныхъ провинцій Австріи въ ея западныя провинціи играетъ большую роль въ увеличеніи общаго числа евреевъ Цислейтаніи. Но еще несомнѣннѣе, что гораздо болѣе значительную роль при этомъ увеличеніи играютъ тѣ евреи, на которыхъ

*) I. G. Hoffmann, Sammlung kleiner Schriften 1843 и Nachlass kleiner Schriften. 1847.—De-Neufville Lebensdauer und Todesursachen etc. Francf. a. M. 1855.—Wappäus Allgemeine Bevölkerungstatistik 1861; Oesterlen Medicinische Statistik. 1865 —Glatter Ueber die Lebeus-Chansen der Israeliten, 1856 и Die Volksbewegung Wiens, 1872.—Körösi, die K. Freistadt Pest. 1871. Срв. еще Boudin, Traité de geographie et de statistique medicale; Hain, Statistik des oester. Kaiserstaates; Kolb, Vergleichende Statistik и др.

**) Повсюду, гдѣ мы въ этой статьѣ говоримъ объ австрійскихъ евреяхъ, мы имѣемъ въ виду однихъ только цислейтанскихъ евреевъ: изъ Верхней и Нижней Австріи, Зальцбургской области, Штиріи, Каринтіи, Крайны, Тріеста, Герца,Градиска, Истріи, Тироля и Ффальберга, Богеміи, Моравіи, австрійской Силезіи, Галиціи, Буковины и Далмаціи.

духъ второй половины нашего столѣтія повѣялъ на столько благопріятно, что сталъ парализовать ихъ надобность и наклонность—прятаться.

Всего больше изъ общаго числа цислейтанскихъ евреевъ приходится на Галицію. Здѣсь *девятый* человѣкъ—еврей, въ Буковинѣ—*одиннадцатый*. Въ Вѣнѣ—*пятнадцатый*, въ Моравіи одинъ еврей приходится на 47 душъ общаго населенія, въ Богеміи—на 57 душъ, въ Силезіи — на 84 душъ, въ Военной Границѣ — на 123 д., въ верхней Австріи—на 1060 д., въ Штиріи—на 1541 д., въ Далмаціи—на 1200 д., въ Каринтіи—на 15,291 д. въ Крайнѣ даже на 21,000 душъ. Если вспомнить, что уже по теперешнему счету въ русской Польшѣ *седьмой* человѣкъ—еврей и что именно житье въ Галиціи и привислянскихъ губерніяхъ Россіи наименѣе благопріятствуетъ точности цифры еврейскаго населенія, то можно себѣ представить, какой результатъ будущему предстоитъ выяснить о степени смѣшанности населенія еврейскаго съ польскимъ и малороссійскимъ, въ мѣстностяхъ, имъ занимаемыхъ. Вообще, какъ извѣстно, еврейское населеніе въ культурной Европѣ становится гуще, по направленію съ запада на востокъ и съ юга на сѣверъ. Скученность евреевъ въ крайнемъ сѣверо-восточномъ углу территоріи западно-европейской культуры объясняется достаточно-извѣстными причинами: давленія на евреевъ въ ихъ исторической постепенности шли съ юга и съ запада, и евреямъ, волею-неволею, приходилось отступать на сѣверъ и востокъ.

Переходимъ къ результатамъ еврейской біотики. Съ 1861 по 1870 г. среднимъ числомъ въ Цислейтаніи ежегодно рождалось около 23,000 евреевъ, умирало $17^1/_2$ тыс. (изъ нихъ дѣтей до 5 лѣтъ $9^1/_2$ тыс.), а браковъ заключалось $2^1/_4$ тыс. Сравнительно съ остальнымъ населеніемъ наблюденія, подтверждая прежде извѣстные факты о другихъ странахъ, показываютъ, что перевѣсъ рожденій надъ смертностью у евреевъ составляетъ $30^4/_5$%, а у остальнаго населенія только $28^1/_2$%. На ежегодно заключаемое среднее число браковъ приходится у евреевъ по $10^1/_{10}$ рожденій, а у остальнаго населенія только $4^1/_2$. Весьма характерны подтвержденія, представляемыя новыми цислейтанскими данными для сдѣланныхъ уже въ другихъ странахъ наблюденій о возрастахъ брачущихся лицъ.

Для вышепоказаннаго средняго ежегоднаго числа заключаемыхъ браковъ имѣются слѣдующія дополнительныя данныя:

Женихи.	Сколько процентовъ изъ общей суммы. У евреевъ.	У христіанъ.
Въ возрастѣ до 24 лѣтъ	34,3%	17,6%
„ отъ 24 до 30 лѣтъ	34,3	38,0
„ „ 30 „ 40 „	17,4	29,2
„ „ 40 „ 50 „	7,4	9,6
„ „ 50 „ 60 „	4,5	4,0
„ свыше 60 лѣтъ	2,1	1,6
Невѣсты.		
Въ возрастѣ до 20 лѣтъ	23,5%	15,1%
„ отъ 20 до 24 лѣтъ	34,3	26,0
„ „ 24 „ 30 »	24,2	31,6
„ „ 30 „ 40 »	9,8	19,5
„ „ 40 „ 50 »	5,4	6,2
„ свыше 50 лѣтъ	2,8	1,6

Прибавимъ къ этимъ даннымъ еще свѣдѣнія о гражданскомъ состояніи лицъ, обрачившихся въ вышепоказанномъ числѣ.

	Изъ общаго числа браковъ. У евреевъ.	У христіанъ.
Женихъ и невѣста холостые.	85,1%	76,2%
« » вдовые	4,8	4,5
Браковъ между вдовцами и дѣвицами. .	8,1	13,1
« вдовами и холостяками.	2,0	6,2

Преобладаніе холостаго состоянія и болѣе юныхъ возрастовъ у брачущихся евреевъ, сравнительно съ неевреями, служитъ первымъ указаніемъ, какую можно ожидать производительную силу у еврейскихъ браковъ, сравнительно съ нееврейскими. Изъ общаго числа браковъ, 85% заключается у евреевъ между холостяками и дѣвицами, у неевреевъ-же только 76%. При еврейскихъ бракахъ около 69% всѣхъ жениховъ находятся въ возрастѣ до 30 лѣтъ; при нееврейскихъ-же бракахъ всего 56% всѣхъ жениховъ—тѣхъ-же возрастовъ. У евреевъ 58% всѣхъ невѣстъ — въ возрастѣ до 24 лѣтъ; у неевреевъ-же только 41%. Жениховъ между 30 и 40 годами у евреевъ около $17^1/_2$%, у христіанъ—29%. Старыхъ невѣстъ, между 30 и 40 годами, у евреевъ вдвое меньше, чѣмъ у христіанъ (у евреевъ 10%, у христіанъ 20%). Браки между вдовцами и дѣвицами, а также между холостяками и вдовами у христіанъ чаще, чѣмъ у евреевъ. Т. е., какъ еврейскій вдовецъ, такъ и еврейская вдова, значительно рѣже вступаютъ въ новый бракъ, чѣмъ христіанскіе. Еврейскихъ вдовъ, снова выходящихъ замужъ, въ особенности мало, сравнительно съ христіанскими. Первыхъ—въ *три раза* меньше, чѣмъ вторыхъ.

На 100 рождающихся ежегодно еврейскихъ дѣвочекъ — мальчиковъ рождается 128, тогда какъ у остальнаго цислейтанскаго населенія пропорція составляетъ 106 мальчиковъ на 100 дѣвочекъ. Еще благопріятнѣе для евреевъ распредѣленіе рожденій между законными и незаконными. Изъ каждой сотни рожденій, у евреевъ 87,3 законныхъ и 12,7 незаконныхъ, а у христіанъ—85,3 законныхъ и 14,7 незаконныхъ. Но весьма характерны различія, обнаруживаемыя наблюденіями надъ распредѣленіемъ рожденій между законными и незаконными въ отдѣльныхъ провинціяхъ Цислейтаніи. Въ болѣе образованныхъ провинціяхъ у евреевъ менѣе незаконнорожденныхъ дѣтей, чѣмъ въ менѣе образованныхъ. Въ Нижней Австріи, Богеміи, Моравіи и Силезіи, еврейскія женщины, несмотря на ихъ столкновенія съ «эманципированными» евреями, рождаютъ только $2^1/_2$% незаконныхъ дѣтей. Напротивъ, старомодныя дамы еврейскаго населенія Галиціи и Буковины, не смотря на строгій надзоръ за ними «хасидовъ» или, можетъ быть, именно вслѣдствіе близкаго сосѣдства преимущественно ортодоксальныхъ евреевъ, рождаютъ около 30% незаконныхъ дѣтей (въ Галиціи около 14%, а въ Буковинѣ даже около 45%!). Въ то время, какъ образованные евреи *высоко* стоятъ надъ остальнымъ населеніемъ въ отношеніи половой нравственности, — напротивъ, необразованные евреи стоятъ *значительно ниже* остальнаго населенія въ этомъ отношеніи. Подобные факты менѣе всего нуждаются въ комментаріяхъ.

Сравнительныя данныя о смертности по возрастамъ показываютъ, что на 100 умирающихъ приходится въ возрастъ:

	Богемія.		Моравія.		Силезія.		Галиція.		Буковина.		Во всей Цислейтаніи.	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
У евреевъ:												
До 1 года	30.9	2.47	32.0	26.2	30.8	30.9	39.5	35.2	41.9	35.2	38.4	33.7
Отъ 1 года до 5 лѣтъ . .	13.4	10.3	15.0	11.8	15.4	28.6	19.3	17.5	18.2	20.5	18.5	16.7
» 5 лѣтъ » 10 » . . .	2.2	2.4	3.3	2.7	5.1	2.4	5.1	4.7	3.5	4.2	4.7	4.3
» 10 » » 20 » . . .	4.5	3.5	3.6	4.4	7.7	4.8	4.3	4.5	4.3	7.5	4.3	4.5
» 20 » » 40 » . . .	6.6	10.2	7.0	12.6	10.3	11.9	8.7	12.6	10.4	16.0	8.5	12.5
» 40 » » 60 » . . .	11.1	16.1	12.1	10.4	12.8	7.1	12.3	13.5	9.3	8.5	12.0	13.3
Свыше 60 лѣтъ	31.3	32.8	27.0	31.9	17.9	14.3	10.8	12.0	12.4	8.1	13.6	15.0
У христіанъ:												
До 1 года	37.8	31.6	37.1	32.4	39.2	34.4	35.4	30.8	40.6	34.9	36.9	31.6
Отъ 1 года до 5 лѣтъ . .	13.7	14.0	13.9	14.9	14.1	15.3	20.0	20.4	14.8	15.8	16.4	16.9
» 5 лѣтъ » 10 » . . .	2.8	2.9	3.0	3.4	3.1	3.3	5.3	5.4	4.4	4.7	3.9	4.1
» 10 » » 20 » . . .	3.0	3.3	3.3	3.5	3.3	3.0	3.8	4.1	4.8	5.5	3.4	3.8
» 20 » » 40 » . . .	8.9	10.4	10.3	9.9	9.7	10.6	9.8	12.1	11.2	14.0	9.6	11.1
» 40 » » 60 » . . .	12.8	13.3	14.5	14.5	14.1	14.1	15.1	16.2	13.3	14.7	14.1	14.7
Свыше 60 лѣтъ	21.0	24.5	17.9	21.4	16.5	19.3	10.6	11.0	10.9	10.4	15.7	17.8

Что и въ отношеніяхъ смертности должно проявиться значеніе образованности, можно до извѣстной степени и a priori предусмотрѣть на основаніи предъидущаго. Смертность дѣтей до пятилѣтняго возраста служитъ несомнѣннѣйшимъ для этого указаніемъ. Въ Нижней Австріи, Богеміи, Моравіи и Силезіи на 100 смертныхъ случаевъ приходится 43 для дѣтей до пяти лѣтъ, — напротивъ, въ Галиціи и Буковинѣ дѣтей приходится 55.

Такимъ образомъ, женщины «хасидовъ» — худшія жены и худшія матери. Или, иными словами: образованность и для евреевъ стала условіемъ физическаго и моральнаго самосохраненія.

Несомнѣнно, конечно, что сравнительно худшая матеріальная обстановка евреевъ въ Галиціи и Буковинѣ играетъ значительную роль въ произведеніи только-что показанныхъ результатовъ. Въ этомъ мы еще болѣе убѣждаемся, когда видимъ цифры о сравнительной смертности еврейскихъ и нееврейскихъ дѣтей въ отдѣльныхъ областяхъ Цислейтаніи. Статистическія данныя здѣсь открываютъ намъ, что въ образованныхъ и болѣе состоятельныхъ областяхъ смертность еврейскихъ дѣтей меньше смертности нееврейскихъ дѣтей. Напротивъ, у менѣе образованныхъ и бѣдныхъ евреевъ дѣти мрутъ сильнѣе, чѣмъ у христіанъ. Въ Галиціи и Буковинѣ надорвана у евреевъ даже та пресловутая «жидовская живучесть», которою тоже считали возможнымъ попрекать евреевъ, именно въ тѣхъ мѣстахъ и сосѣдственныхъ имъ русскихъ. Оказывается, что эта живучесть—фикція. Можетъ быть, она когда-то и *была*, но ее насильно уничтожили. Если толки о еврейской живучести въ тѣхъ мѣстахъ еще сохранили смыслъ, то развѣ въ смыслѣ историческаго воспоминанія о прошломъ, въ смыслѣ указанія на фактъ, что населеніе, среди котораго евреямъ волею-неволею пришлось жить, оказало на нихъ дикое вліяніе, прямо и грубо убійственное. Культурно-историческая ссылка евреевъ на сѣверо-востокъ Европы оказалась равносильною ссылкѣ на каторгу. Таковы факты, открываемые намъ наблюденіями надъ положеніемъ евреевъ, руководимыя самымъ точнымъ методомъ, статистическимъ.

Въ заключеніе сообщимъ результатъ собственно общинной статистики Цислейтаніи. Мы должны замѣтить, что показанія, данныя

общинами о числѣ своихъ членовъ, далеко не совпадаютъ съ еврейскимъ населеніемъ. Перепись 1869 года дала населеніе въ 820 тыс. душъ; между тѣмъ общины показали, что членами въ нихъ состоитъ всего около 600 тыс. душъ. Слѣдовательно слишкомъ 200,000 евреевъ, или около 25% всего ихъ числа, даже не считается твердою составною частью какой-либо религіозной общины: фактъ тоже характеристичный для «благосостоянія» евреевъ. Всѣхъ общинъ показываютъ около 665 или среднимъ числомъ по 900 душъ (обоего пола) на каждую общину. Элементарныхъ школъ еврейскихъ насчитано 199 (изъ коихъ 133 приходится на Богемію и 16 на Галицію). Въ Галиціи и Буковинѣ одна элементарная школа приходится на 26,455 общинныхъ членовъ; въ остальныхъ-же (западныхъ) областяхъ одна такая школа приходится на 679 членовъ. То есть тамъ, гдѣ одной пятой части всего болѣе прочнаго населенія евреевъ Цислейтаніи удалось устроиться сколько нибудь сносно, они обогнали остальныя четыре пятыхъ въ *четыре* раза. И вотъ что при этомъ не менѣе замѣчательно. Кромѣ элементарныхъ школъ особо показаны «религіозныя» (Religionsschulen). Таковыхъ всего 239. Можно было бы думать, что ихъ то всего болѣе мы и найдемъ въ Галиціи. И что-же оказывается? Въ Галиціи и Буковинѣ на одну такую школу приходится 5474 члена, а въ остальныхъ областяхъ 809 душъ! То есть и религіозныхъ школъ у «образованныхъ» евреевъ въ *шесть* разъ болѣе, чѣмъ у ортодоксальныхъ. Послѣ этого становится понятнымъ, дѣйствительно-ли на счетъ ортодоксальности, или на счетъ злополучной матеріальной обстановки должны быть отнесены всѣ тѣ «темныя стороны», которыми залихватское невѣжество попрекаетъ евреевъ.

За то всякихъ раввиновъ въ Галиціи и Буковинѣ дѣйствительно много, но все таки не относительно, а только абсолютно. Въ Галиціи и Буковинѣ ихъ слишкомъ въ два раза больше, чѣмъ въ остальныхъ областяхъ, но вѣдь общинныхъ членовъ въ Галиціи и Буковинѣ въ $3^4/_5$ раза болѣе, чѣмъ въ остальныхъ областяхъ. Учителей всякихъ, однако, въ первыхъ двухъ провинціяхъ и абсолютно меньше: изъ 565 общаго ихъ числа на долю Галиціи и Буковины приходится только 189 то есть въ два раза меньше, чѣмъ въ остальныхъ провинціяхъ. Учениковъ въ школахъ 13,317 въ Галиціи и Буковинѣ и 14,000 въ остальныхъ областяхъ. То есть въ бѣдныхъ общинахъ одинъ

ученикъ приходится на 35 членовъ общинныхъ, а въ болѣе состоятельныхъ,—уже на 8. Слѣдовательно, въ бѣдныхъ общинахъ одинъ учитель приходится на 70 учениковъ, а въ болѣе состоятельныхъ на 40. Раввины-проповѣдники и «иные» вызываютъ на себя почти одинаковый расходъ въ Галиціи съ Буковиной и въ западныхъ провинціяхъ: и здѣсь, и тамъ расходъ составляетъ по 70,000 гульденовъ; но въ западныхъ областяхъ только одна тысяча гульденовъ тратится на раввиновъ непроповѣдниковъ, а въ Галиціи съ Буковиною 33,000. Среднее жалованье раввина-проповѣдника составляетъ слишкомъ 400 гульд., а необразованнаго около 230 гульденовъ. Среднее жалованье кантора около 300 гульденовъ; въ Галиціи и Буковинѣ таковыхъ спеціалистовъ показано только 60 человѣкъ и съ жалованьемъ въ 10,000 гульденовъ или, среднимъ числомъ, по 166 гульденовъ каждому, — въ западныхъ-же провинціяхъ ихъ 198 съ жалованьемъ въ 66,000 гульденовъ или по 333 гульдена каждому. Среднее жалованье учителя въ Галиціи съ Буковиною около 190 гульденовъ, а въ западныхъ провинціяхъ около 375 гульденовъ. Всѣхъ синагогъ 1149, изъ коихъ 1003 въ собственныхъ помѣщеніяхъ. Сравнительно съ населеніемъ ихъ въ Галиціи съ Буковиною въ четыре раза меньше, чѣмъ въ остальныхъ областяхъ: тамъ на каждую синагогу приходится свыше восьми сотъ (!!) общинныхъ членовъ, въ послѣднихъ, напротивъ, только 200.

И. Кауфманъ.

С.-Петербургъ, 10 октября 1873.

ПОНЕВОЛѢ ЗАПОЗДАВШІЙ ОТВѢТЪ ГАЗЕТѢ «ГОЛОСЪ» *).

Обнародованный недавно отчетъ „Общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи“ послужилъ „Голосу“ матеріаломъ для руководящей статьи въ № 164. Отчеты обыкновенно съ тою цѣлью и печатаются, чтобы каждый могъ провѣрить и обсудить дѣйствія даннаго учрежденія, указать гласно на встрѣченные недостатки и на мѣры къ ихъ исправленію. Всякому учрежденію, конечно, весьма желательно выслушивать безпристрастную и разумную оцѣнку своихъ дѣйствій со стороны добросовѣстной критики, и никто, быть можетъ, не былъ бы столь благода-

*) Мы получили эту статью г. секретаря „Общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи“ при слѣдующемъ письмѣ:

„М. Г.

Прилагаемая при семъ статья имѣетъ свою маленькую исторію, нелишенную нѣкотораго интереса. По поводу обнародованія Отчета „Общества для распространенія просвѣщенія между евреями“ за 1872 годъ, въ началѣ іюня сего года въ „Голосѣ“ появился разборъ его, который, неправильнымъ освѣщеніемъ фактовъ, доходитъ до порицанія дѣятельности Общества. Я, *какъ секретарь „Общества“*, послалъ въ редакцію „Голоса“ возраженіе, съ цѣлью поправить ошибки публициста „Голоса“ и возстановить факты въ ихъ истинномъ свѣтѣ. Г. Краевскій, какъ это подобаетъ первостатейному руководителю общественнаго мнѣнія, съ благороднымъ чувствомъ безпристрастія и любви къ истинѣ, моего возраженія—не напечаталъ. Я хотѣлъ было оффиціальнымъ путемъ побудить редактора „Голоса“ помѣстить мое возраженіе, но мнѣ сообщили, что это можно будетъ лишь при посредствѣ суда. Тягаться же по судебнымъ мѣстамъ у меня не доставало ни досуга, ни желанія. Одновременно корреспонденція эта была послана мною въ другія газеты. Въ „Бирж. Вѣд.“ она появилась въ сокращенномъ видѣ; другія газеты отговаривались нежеланіемъ вступить съ „Голосомъ“ въ полемику *по сему предмету.* Кстати скажу, что подобнымъ же ничтожнымъ предлогомъ отказались наши органы общественнаго мнѣнія прошлою осенью печатать возраженія противъ знаменитыхъ сентябрьскихъ галюцинацій г. Краевскаго. Понапрасну имъ говоришь, что если имъ не дороги честь и интересы трехмилліоннаго населенія Россіи, они должны это сдѣлать ради чести самаго русскаго печатнаго слова, которое „Голосъ“ своими циническими выдумками подымаетъ на смѣхъ свѣта. На нихъ эти идеологическіе мотивы мало дѣйствуютъ. Между тѣмъ, публика, читая трескучія статьи „Голоса“ и не встрѣчая нигдѣ опроверженія, можетъ принимать молчаніе за согласіе, вовсе не подозрѣвая, что молчаніе это есть вынужденное, имѣющее единственною своею причиною малодушіе и разсчетливость нашихъ органовъ гласности. Прилагаемая статья была, наконецъ, передана одной специально-еврейской газетѣ; но тамъ она также *не могла* появиться.

Въ виду всего изложеннаго, покорнѣйше прошу васъ, м. г., помѣстить мой поневолѣ запоздавшій отвѣтъ „Голосу“ въ предстоящемъ томѣ „Еврейской Библіотеки“. Считаю почти лишнимъ заявить, что единственная моя цѣль есть защищаться противъ враждебной тенденціозности, характеризующей всѣ выходки „Голоса“ противъ евреевъ. Я далекъ отъ того самомнѣнія, что дѣятельность „Общества для распространенія просвѣщенія между евреями“ всецѣло хвалебна и совершенна, но къ оцѣнкѣ ея должно приступить безъ предвзятыхъ враждебныхъ рѣшеній. Достаточно, если за нею будетъ признана одна благость намѣреній; отъ ошибокъ же и промаховъ никто не свободенъ.

Примите и пр.»

Левъ Гордонъ.

ренъ за добросовѣстные совѣты, какъ упомянутое „Общество для распространенія просвѣщенія“, въ виду многосложности и важности его задачи и неуловимости мѣръ къ ея достиженію. Но „Голосъ“ воспользовался отчетомъ по *своему* и тѣмъ лишилъ себя возможности быть полезнымъ дѣлу. Мы давно уже прониклись сознаньемъ, что когда въ органѣ г. Краевскаго заходитъ рѣчь о чемъ либо, касающемся евреевъ, ничего другаго не услышишь, кромѣ брани и ругательства. Познакомились мы съ діалектикою и и съ пріемами, употребляемыми имъ въ этихъ случаяхъ; мы даже начинаемъ вѣрить, что машина, разъ такъ сложенная, иначе и

дѣйствовать не можетъ; поэтому нисколько не удивляемся, видя, какъ эта машина въ нѣсколько силъ подавляетъ факты, стираетъ цифры, извращаетъ понятія и оплевываетъ своею пѣною высоко надъ нею стоящія истину и дѣйствительность. Не знаемъ, занимается ли г. Краевскій этимъ благочестивымъ упражненіемъ во искупленіе грѣховъ за прежнія свои любезности къ евреямъ, или изъ мести за нелюбезности евреевъ къ его интересамъ; достовѣрно только то, что одно слово *еврей*, все равно еврей корчмарь или еврей профессоръ, произнесенное въ стѣнахъ редакціи „Голоса", растравляетъ тамъ жолчи и помрачаетъ умы до того, что отзываться о евреяхъ иначе, какъ со злобою и ненавистью, для нее почти физически невозможно. Г. Краевскій остался вѣренъ тенденціямъ своей редакціи и въ отношеніи къ „Обществу", между почетными членами котораго красуется и его имя. Оцѣнка дѣйствій *Комитета* превратилась на столбцахъ органа г. Краевскаго въ обвинительный актъ противъ всего „Общества", а ужъ кстати и противъ всего еврейства. И чего не вплетено въ это обвиненіе! И желѣзно-дорожные концессіонеры, и учредители банковъ съ ихъ капиталами, которые, по мнѣнію г. Краевскаго, попали не въ надлежащіе карманы, и даже Alliance israelite universelle, призракомъ котораго стали пугать взрослыхъ дѣтей въ Россіи, съ того времени, какъ у нихъ нанялся въ няни авторъ книги „Еврейскія братства". Мы, конечно, ни мало не удивились, встрѣтивъ въ статьѣ „Голоса" давно намъ знакомые, свойственные этой редакціи пріемы, въ родѣ умышленнаго смѣшенія понятій и извращенія фактовъ, приведенія невѣрныхъ цифръ и выдуманныхъ названій несуществующихъ книгъ, намѣреннаго затмѣнія смысла и ловкаго умалчиванія о томъ, что можетъ бросить на предметъ настоящій свѣтъ, а подъ рукою и двусмысленные намеки и плохо скрытую инсинуацію. Но если пріемы эти могли оставаться отчасти незамѣченными тогда, когда г. Краевскій прошлою осенью, изумляя свѣтъ своею внезапно пріобрѣтенною ученостью по раввинской письменности, дурачилъ русскую публику небывалыми цитатами изъ небывалыхъ книгъ, разсчитывая на то, что публикѣ, не имѣвшей возможности справиться въ многотомныхъ фоліантахъ, только и оставалось вѣрить ученому раби Краевскому на слово,—то нельзя не удивляться смѣлости и храбрости употреблять такіе же пріемы

при разборѣ брошюрки, всего въ 56 страницъ, написанной по русски.

Общій смыслъ обвиненій „Голоса" тотъ, что Общество, дѣйствовавшее успѣшно въ прошлые годы, желая въ настоящее время расширить свой кругъ дѣятельности, не выполняетъ болѣе своей задачи и совершаетъ дѣла, которыя совершаемы быть не должны. „Голосъ" жалуется, что не вся сумма, израсходованная въ отчетномъ году на просвѣщеніе евреевъ, пошла на одно распространеніе между ними русской грамотности; что между сочиненіями, разсмотрѣнными въ Комитетѣ, встрѣчаются труды даже на древнееврейскомъ языкѣ; что въ темахъ, предложенныхъ на соисканіе премій, нѣтъ темъ о русскомъ языкѣ, ни вообще о Россіи; что Комитетъ выдалъ пособіе одному воспитаннику *дерптскаго* университета; что Комитетъ поддерживаетъ раввинскія семинаріи въ *Бреславлѣ* и *Берлинѣ* съ цѣлью общееврейской международной пропаганды. „Голосъ" чуть ли не вмѣняетъ Комитету въ вину выдачу въ іюлѣ *1872* г. пособія одной воспитанницѣ *цюрихскаго* университета, въ виду сообщеній, сдѣланныхъ о цюрихскихъ студенткахъ въ маѣ *1873* г.; онъ доноситъ на Комитетъ, что онъ принялъ на себя ходатайство по Бѣлостокскому дѣлу въ то время, какъ самимъ бѣлостокцамъ было два раза отказано въ ихъ просьбѣ, и что общее собраніе высказалось одобрительно о поступкѣ Комитета и дѣлаетъ „Общество для распространенія просвѣщенія" всецѣло отвѣтственнымъ за дѣйствія его Одесскаго Отдѣленія, которое, вслѣдствіе независящихъ отъ него причинъ, нашло болѣе удобнымъ перемѣнить программу своей дѣятельности и, вмѣсто исключительнаго занятія заготовленіемъ и изданіемъ еврейскихъ учебныхъ и литургическихъ книгъ въ русскомъ переводѣ, заниматься улучшеніемъ воспитанія еврейскихъ дѣтей. Г. Краевскій утверждаетъ, что въ первомъ періодѣ своей дѣятельности Одесское Отдѣленіе было оставлено Комитетомъ безъ средствъ къ существованію, и лишь при перемѣнѣ программы дѣятельности ему гарантирована восьмая часть доходовъ Комитета.

Въ основаніи всѣхъ этихъ обвиненій лежитъ, кромѣ многихъ неточностей и искаженныхъ фактовъ, главнымъ образомъ, невѣрное пониманіе значенія и обязанности „Общества для распространенія просвѣщенія между евреями".

Г. Краевскій, по странному смѣшенію понятій, отождествляетъ просвѣщенье евреевъ съ ихъ обрусеніемъ, въ смыслѣ усвоенія русскаго языка. Распространѣніе между евреями просвѣщенія и наученіе ихъ русской грамотѣ составляютъ для него полнѣйшій синонимъ. Съ этимъ взглядомъ не каждый согласится. Русскіе евреи, вслѣдствіе насильно навязаннаго имъ положенія, въ массѣ страдаютъ двумя недугами: религіознымъ фанатизмомъ и обособленіемъ отъ окружающаго ихъ міра. Если усвоеніе евреями русскаго языка можетъ оказаться полезнымъ средствомъ противъ ихъ замкнутости, то наврядъ ли оно безъ содѣйствія просвѣщенія исцѣлитъ ихъ отъ религіозныхъ предубѣжденій. Есть между евреями люди, знающіе русскую грамоту, но тѣмъ не менѣе одержимые всѣми недостатками, которые мѣшаютъ обрусенію. Есть даже евреи обрусевшіе, какъ напр. солдаты, проживавшіе вѣкъ свой въ русскихъ городахъ, но тѣмъ не менѣе сохранившіе всѣ традиціонные предразсудки, наравнѣ съ прочею массою евреевъ. На оборотъ же находимъ, что евреи, присвоившіе себѣ просвѣщенный взглядъ на жизнь, будь это въ дерптскомъ университетѣ, въ заграничныхъ семинаріяхъ или путемъ пробужденнаго собственнаго познаванія и самовоспитанія, не только сами вполнѣ способны уживаться съ инородными элементами, но съ самоотверженіемъ выступаютъ на борьбу съ народнымъ фанатизмомъ и съ вѣковыми заблужденіями. Въ необходимости изученія грамоты и усвоенія русскаго языка въ настоящее время убѣждены всѣ почти безъ исключенія евреи. Всѣ помыслы и старанія русскихъ вліятельныхъ евреевъ, въ томъ числѣ и членовъ „Общества распространенія просвѣщенія“, устремлены на осуществленіе этой необходимости. Еврейская молодежь вездѣ съ особеннымъ рвеніемъ изучаетъ русскій языкъ. Молодой еврей, неучащійся по русски, въ настоящее время величайшая рѣдкость. Въ послѣднемъ общемъ собраніи „Общества“, въ которомъ участвовали и нѣкоторые редакторы столичныхъ журналовъ — г. Краевскаго, разумѣется, не было — было заявлено, что нѣкоторыми членами „Общества“ составленъ особый фондъ, въ нѣсколько десятковъ тысячъ годоваго дохода, исключительно съ цѣлію учрежденій для евреевъ школъ русской грамоты. „Общество“ дѣлаетъ все возможное для привитія евреямъ русскаго языка. Тѣмъ не менѣе, „Общество“ сдѣлало бы большой промахъ

и уклонилось бы отъ цѣли, еслибъ оно вздумало руководствоваться мнѣніемъ г. Краевскаго и употреблять *всѣ* средства на одно обученіе евреевъ русской грамотѣ, не прилагая вмѣстѣ съ тѣмъ старанія проводить въ массу народа просвѣщеніе и другими мѣрами, какія окажутся возможными. *Просвѣщеніе поведетъ русскихъ евреевъ непремѣнно къ полному обрусѣнію, между тѣмъ какъ обрусѣніе не обусловливаетъ собою ихъ просвѣщеніе.* Если составители передовой статьи въ № 164 „Голоса“ проникнулись бы этою истиною, они бы не стали нападать на „Общество“ за то, что не вся сумма его расходовъ пошла на обученіе русской грамотѣ; за то, что, въ числѣ 106 воспитанниковъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, получилъ пособіе и одинъ студентъ *Дерптскаго* университета, находящагося впрочемъ также въ предѣлахъ Россіи, и за то, что между книгами, разсмотрѣнными комитетомъ, оказались труды и на древне-еврейскомъ языкѣ. Если бы г. Краевскій былъ знакомъ съ строемъ жизни еврейскаго населенія Россіи нѣсколько больше, чѣмъ онъ знакомъ съ ихъ литературою, онъ бы понялъ, что древне-еврейскій языкъ въ настоящее время все еще есть мощный рычагъ для поднятія умственнаго уровня народной массы евреевъ и единственная мѣра для проведенія въ ея среду здравыхъ понятій и просвѣтительныхъ началъ. Онъ бы даже узналъ, что самые отсталые консерваторы среди евреевъ, которые, можетъ быть, и не подозрѣваютъ существованія на божьемъ мірѣ г. Краевскаго и его органа, инстинктивно съ нимъ сходятся въ томъ, что не надо поддерживать ново-еврейскую литературу и что не слѣдуетъ допускать еврейской молодежи до правильнаго изученія древне-еврейскаго языка, который, по ихъ мнѣнію, есть первая ступень къ ереси и вольнодумству.

Перейдя къ нападкамъ „Голоса“ въ часностяхъ, остановимся прежде всего на дѣлѣ объ Одесскомъ отдѣленіи. Въ силу какихъ именно независящихъ отъ него причинъ Одесское отдѣленіе вынуждено было съ 1871 г. пріостановить свою дѣятельность, ограничивавшуюся одними только стараніями къ усвоенію евреями русскаго языка, мы объяснить, къ сожалѣнію, не можемъ. Быть можетъ, между этими причинами не послѣднюю роль играютъ одесскіе прототипы г. Краевскаго, распространявшіе его идеи о евреяхъ въ осязательной формѣ уличныхъ булыжниковъ, которые, вмѣстѣ

съ жидовскими стеклами, могли подбить и энергію у ревностныхъ обрусителей своихъ единоверцевъ. Можетъ быть, что и отголоски тѣхъ пасхальныхъ вакханалій, раздающіеся такъ ревностно и неутомимо съ столбцовъ „Голоса" и соумышленныхъ ему журналовъ, не мало, и съ своей стороны, содѣйствовали этому охлажденію. Допустимъ даже, что Одесское отдѣленіе не свободно отъ укоризны въ недостаткѣ послѣдовательности и въ упущеніи изъ виду практическаго правила, что чѣмъ болѣе на насъ нападаютъ, тѣмъ болѣе мы должны стараться о распространеніи просвѣщенія между собою и между другими. Во всякомъ случаѣ новая дѣятельность означеннаго отдѣленія не менѣе полезна первой и ведетъ къ тѣмъ же результатамъ, а то, что „Голосъ" утверждаетъ, будто въ первомъ періодѣ своей дѣятельности Одесское отдѣленіе было оставлено Комитетомъ безъ средствъ къ существованію—сущая неправда. Та же восьмая часть доходовъ „Общества" была назначена отдѣленію при самомъ его возникновеніи, но для облегченія счетовъ и сокращенія переписки предоставлено ему получать свои доходы прямо отъ одесскихъ членовъ „Общества". Убѣдившись же на опытѣ, что членскіе взносы не могутъ быть собираемы во время, отдѣленіе предпочло выговорить себѣ получать свою часть доходовъ прямо изъ средствъ Комитета.

Въ полномъ блескѣ своего благороднаго характера „Голосъ" выказывается при формулированіи остальныхъ статей обвинительнаго акта. Сообщая о пособіи, оказываемомъ нѣкоторымъ воспитанникамъ раввинскихъ семинарій въ Бреславлѣ и Берлинѣ, „Голосъ" счелъ нужнымъ умолчать о цѣли и условіяхъ, сопряженныхъ съ этимъ пособіемъ, о чемъ говорится въ нѣсколькихъ мѣстахъ въ отчетѣ. Дѣло въ томъ, что Комитету „Общества" давно стало яснымъ, что наши раввинскія училища не вполнѣ удовлетворяютъ своему назначенію — давать евреямъ образованныхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, свѣдущихъ въ еврейскомъ богословіи раввиновъ. Вслѣдствіе этого „Общество" рѣшило, въ силу 1883 ст. т. XI, отправлять молодыхъ людей, окончившихъ раввинскій курсъ въ Россіи, для усовершенствованія въ бреславльскій богословскій факультетъ, снабжающій германскихъ евреевъ достойными раввинами. Посылаемые на счетъ „Общества" за границу обязываются по окончаніи курса принять раввинское мѣсто. Всѣ, кромѣ развѣ редактора „Голоса", согласятся, конечно, что эта мѣра въ своихъ послѣдствіяхъ можетъ принести громадную пользу дѣлу просвѣщенія евреевъ въ Россіи. Въ отчетномъ году были высланы Комитетомъ въ берлинскую и бреславльскую раввинскія семинаріи, по требованію ихъ директоровъ, учебники русскаго языка и книги еврейскаго богословія и литургіи съ русскимъ переводомъ, такъ какъ нѣкоторые воспитанники означенныхъ заведеній рѣшились изучить русскій языкъ, для того чтобы быть въ состояніи современемъ занимать раввинскія должности въ Россіи. О требованіяхъ директора берлинской семинаріи говорится въ отчетѣ, стр. 26, а высланныя книги поименованы на стр. 46 и 52. Если бы „Голосъ" обладалъ въ настоящее время хотя сотою долею своей сентябрьской учености, онъ могъ бы знать и содержаніе высланныхъ книгъ и то, что всѣ онѣ написаны на русскомъ языкѣ, вслѣдствіе чего ему бы ясна стала цѣль, для которой онѣ высылались и онъ не имѣлъ бы основанія злобно усомниться въ искренности заявленія, что Комитетъ пособляетъ изученію евреями русскаго языка и за предѣлами Россіи. Но въ силу изложенныхъ выше тенденцій, „Голосъ" счелъ болѣе удобнымъ все это игнорировать, чтобы заподозрить „Общество" въ интернаціональныхъ стремленіяхъ и поставить имя его въ связь съ именемъ Alliance israélite universelle.

Въ силу тѣхъ же тенденцій, для того, чтобы уменьшить значеніе „Общества", публицистъ „Голоса" позволилъ себѣ даже выставить невѣрную цифру, 1450 р., которою, по его словамъ, ограничилось въ отчетномъ году пособіе учащимся со стороны „Общества". На дѣлѣ же на сей предметъ израсходовано изъ средствъ „Общества" 3,696 р. 38 к., кромѣ суммы около 5,000, раздѣленныхъ учащимся изъ частныхъ суммъ нѣкоторыхъ членовъ Комитета. Не знаемъ также, откуда „Голосъ" взялъ, что на пособіе училищамъ роздано 295 р. Въ отчетѣ показанъ, вмѣстѣ съ покупкою книгъ, расходъ въ 567 р.

Не совсѣмъ понятно и то, что публицистъ „Голоса" толкуетъ относительно темъ, объявленныхъ „Обществомъ" для соисканія премій и заказанныхъ имъ научныхъ трудовъ. Неужели онъ не созрѣлъ до пониманія того, что сочиненія въ родѣ „Уголовное право и уголовное судопроизводство по еврейскому законодательству сравнительно съ римскимъ", „О характерѣ еврейскаго рабо-

чаго", „Благотворительныя учрежденія у евреевъ" и т. п., написанныя на русскомъ языкѣ, должны имѣть значеніе не для однихъ только евреевъ? Къ тому онъ опять счелъ благоразумнымъ не упомянуть объ „Исторіи Россіи", составленной для евреевъ на древне-еврейскомъ языкѣ и печатающейся въ Варшавѣ (отчетъ стр. 11) и о постановленіи о назначеніи преміи за составленіе на русскомъ языкѣ исторіи раввинскаго училища (стр. 20). Какого рода темы „Общество" могло задавать о Россіи и о русскомъ языкѣ? Неужто „Голосъ" не можетъ уразумѣть, что книги, вызываемыя „Обществомъ", могутъ только быть написаны или для евреевъ или о евреяхъ?

Что касается бѣлостокскаго дѣла, то возражать противъ инсинуаціи „Голоса" значило бы слишкомъ унизить достоинство печатнаго слова. Выходки подобнаго рода выступаютъ изъ предѣловъ литературной полемики и принадлежатъ области подъяческаго ябедничанья. Скажемъ только, что девятилѣтняя практика дѣйствительно указала на чрезъ чуръ узкіе предѣлы устава „Общества". Они должны были быть расширены, по крайней мѣрѣ, настолько, чтобы „Обществу" возможно было хлопотать объ открытіи для евреевъ учебныхъ заведеній и ремесленныхъ училищъ, каковыя, въ концѣ концовъ, являются самыми элементарными мѣрами къ распространенію между евреями просвѣщенія и прикладныхъ знаній.

Есть основаніе думать, что именно эта ограниченность устава и составляетъ одну изъ главныхъ причинъ того неудовлетворительнаго состоянія „Общества", о которомъ говорится въ отчетѣ. Публика обнаруживаетъ свое сочувствіе по мѣрѣ успѣховъ, а успѣхи обусловливаются свободою дѣйствія. Отрицать у „Общества для распространенія просвѣщенія между евреями" всякое значеніе, не приписать ему извѣстной доли въ томъ явномъ прогрессѣ, который еврейская молодежь сдѣлала въ послѣднее десятилѣтіе, не прійдетъ въ голову ни одному честному человѣку. Надѣемся, что петербургскій Комитетъ „Общества" не поколеблется въ своей дѣятельности отъ камней, брошенныхъ въ него „Голосомъ". Надѣемся также, что всѣ серьезные люди, сознающіе важность дѣла просвѣщенія евреевъ, сохранятъ этому учрежденію свое сочувствіе и посильное содѣйствіе, не взирая на возгласы

г. Краевскаго, которому дѣйствительно нечего дѣлать въ „Обществѣ для распространенія просвѣщенія между евреями," такъ какъ ему одинаково ненавистны и просвѣщенные евреи, и непросвѣщенные.

Не сомнѣваемся, что г. Краевскій вернется еще къ этому вопросу въ своей зѣло современной газетѣ и мы просили бы его кстати объяснить, что это за сочиненіе „Авре-Нейхель", по которому, какъ онъ увѣряетъ, у евреевъ преподаются на ряду съ Талмудомъ фанатически враждебныя христіанству сентенціи? Принадлежитъ ли она къ категоріи миѳическихъ книгъ Buwskum, Schem-Michem, Muchber, Каджиджеса и др., цитатами изъ которыхъ онъ чествовалъ насъ прошлою осенью? Существуетъ ли эта книга еще гдѣ-либо въ какой нибудь частной или публичной библіотекѣ или находится, какъ unicum, въ библіотекѣ г. Краевскаго? Много ли еще такихъ драгоцѣнностей въ его книгохранилищѣ и скоро ли онъ опять осчастливитъ свѣтъ новыми откровеніями изъ этихъ тайниковъ человѣческой премудрости?

Л. Гордонъ.

СВОЕОБРАЗНОЕ ПОЛОЖЕНІЕ ЕВРЕЙСКАГО ВОПРОСА ВЪ РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКѢ.

(по поводу предъидущей статьи).

Всѣми органами русской печати признается важность и необходимость возможно скораго разрѣшенія такъ называемаго еврейскаго вопроса. Всѣ органы нашей печати считаютъ настоящее положеніе евреевъ въ Россіи—т. е. въ окраинахъ ея, такъ какъ въ собственно-внутреннюю Россію евреямъ все еще доступа не представляется—анормальнымъ. Всѣ они признаютъ далѣе, что окончательное и скорое разрѣшеніе еврейскаго вопроса необходимо въ интересахъ вовсе не самихъ только евреевъ — хотя государству, а вслѣдствіе этого и уважающей себя журналистикѣ едва ли приходится игнорировать интересы трехмилліоннаго населенія, — а того населенія, среди котораго они живутъ. Мало того, они признаютъ, что, въ виду сосредоточенія евреевъ преимущественно въ такихъ окраинахъ, въ которыхъ считается необходимымъ большее сплоченіе и укрѣпленіе русской національности и русскаго духа, рѣшеніе еврейскаго вопроса не лишено важнаго значенія и для болѣе общихъ и высшихъ государственныхъ соображеній. Казалось-бы, что, въ виду такой важности, которая придается этому вопросу нашей журналистикой, она должна была бы посвятить ему и соотвѣтственное свое вниманіе и стараться по возможности разработать его. Но на дѣлѣ оказывается, что, не смотря на то, что прошло уже около пятнадцати лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ въ русской литературѣ заговорили объ этомъ вопросѣ, понятія обо всемъ, ка-

сающемся евреевъ, до такой степени еще не установились, до такой степени сбивчивы и не выяснены, что часто въ весьма серьезномъ органѣ печати встрѣчаешь такое незнаніе самыхъ элементарныхъ свѣдѣній по сему предмету, которое ставитъ въ крайнее недоумѣніе и которое собственно должно поражать даже въ разговорѣ мальчика, пробывшаго два года въ гимназіи и хоть поверхностно знающаго исторію Ветхаго Завѣта. Дѣло въ томъ, что ни одинъ изъ нашихъ серьезныхъ публицистовъ не далъ себѣ труда ознакомиться съ еврействомъ основательно, солиднымъ, научнымъ образомъ, по первобытнымъ источникамъ, а не по приправленнымъ пикантнымъ соусомъ компиляціямъ и переводамъ, не далъ себѣ труда, по крайней мѣрѣ, провѣрить эти самодѣльные русскіе компиляціи и переводы по, впрочемъ рѣдко являющимся, регуляторамъ. Поговорите со всѣми тѣми русскими журналистами, которые пишутъ статьи по еврейскому вопросу, какую подготовку они имѣли по изученію этого вопроса, и вы едва ли услышите названія *двухъ* книжекъ, которыя прочиталъ авторъ для ознакомленія съ еврействомъ, а то окажется, что и одной не прочелъ. Мы знаемъ, напримѣръ, одного весьма почтеннаго русскаго журналиста, который написалъ передовую статью по еврейскому вопросу въ одной очень почтенной большой газетѣ, прочитавъ лишь первую и послѣднюю страницы одной иностранной книжки, трактующей о евреяхъ. Въ этомъ состояла вся его подготовка—и это не сказка, а буквальный фактъ.

Само собою разумѣется, что при такомъ положеніи дѣла серьезные органы нашей печати лишь чрезвычайно неохотно затрогиваютъ еврейскій вопросъ, а если иногда, впрочемъ чрезвычайно рѣдко, заговорятъ о немъ, то лишь тогда, когда для этого не требуется никакихъ спеціальныхъ свѣдѣній по части еврейства, а можно разсуждать, такъ сказать, съ общечеловѣческой точки зрѣнія. Таковы, напримѣръ, журналы «Отечественныя Записки» и «Вѣстникъ Европы». Но то, что возможно для такъ называемыхъ толстыхъ журналовъ, не всегда возможно, а иногда такъ таки рѣшительно невозможно для ежедневныхъ газетъ. Толстый журналъ можетъ, особенно никого этимъ не поражая, игнорировать совершенно все касающееся евреевъ, отговариваясь тѣмъ, что у него болѣе серьезныя задачи, или, что для него еврейскій вопросъ вообще не со-

ставляетъ болѣе никакого вопроса. Положимъ, это будетъ довольно замѣтною для зоркаго взгляда натяжкой, ибо всякій вопросъ можетъ считаться журналистикой того или другаго направленія рѣшеннымъ только тогда, когда онъ рѣшенъ фактически и согласно съ ея взглядами и тенденціями. До этихъ же поръ журналистика, считающая себя представительницей извѣстныхъ убѣжденій, все снова и снова должна возвращаться къ этому вопросу. Таково, по крайней мѣрѣ, наше мнѣніе на счетъ серьезнаго органа печати. Еврейскій же вопросъ имѣетъ тѣмъ большее право на вниманіе со стороны нашихъ журналовъ, что они посвящаютъ себя нерѣдко изученію всевозможныхъ малѣйшихъ группъ населенія, разныхъ мелкихъ народностей, различныхъ сектъ и религіозныхъ толковъ, далеко не достигающихъ цифры еврейскаго трехмилліоннаго населенія Россіи. Но ужь извѣстное дѣло, что евреи вездѣ и во всемъ составляютъ исключеніе. Почему же имъ не составлять исключенія и для нашихъ толстыхъ журналовъ?

Но, какъ бы то ни было, толстые журналы могутъ еще кое какъ избѣгать частыхъ и подробныхъ разсужденій по предметамъ, касающимся еврейства; для ежедневныхъ же газетъ это уже рѣшительно невозможно. Евреи населяютъ цѣлыхъ восемьнадцать губерній, и при томъ довольно сплошными массами. Нѣкоторыя изъ этихъ губерній больше другихъ отступаютъ въ своемъ строѣ отъ губерній остальной Россіи и объ нихъ поэтому приходится говорить гораздо чаще. Но, говоря объ этихъ мѣстностяхъ, нельзя не коснуться и евреевъ. Какой предметъ, имѣющій отношеніе къ этимъ губерніямъ, вы ни затронете, еврейскій вопросъ, или вѣрнѣе евреи, тутъ какъ тутъ. Заговорите-ли вы объ упроченіи русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ—на сценѣ тотчасъ являются евреи—евреи-собственники, евреи-арендаторы, евреи-управляющіе и т. п. Вводится-ли новое городское устройство—дѣло опять не обходится безъ разсужденія о степени участія евреевъ въ городскомъ управленіи, о выборѣ еврейскихъ гласныхъ и т. п. Учреждается мировая юстиція—и снова на сценѣ евреи съ ихъ процессами, ихъ нравами и обычаями, ихъ отношеніями къ раввинскому и общему суду — словомъ, при всемъ желаніи и стараніи нѣтъ возможности не говорить о евреяхъ.

Но какъ говорить о нихъ? Что сказать, когда рѣчь заходитъ,

напримѣръ, о какомъ нибудь еврейскомъ юридическомъ или религіозномъ институтѣ, когда не имѣешь никакого рѣшительно понятія о значеніи этого института, когда не знаешь, при какихъ условіяхъ онъ возникъ и держался, когда, наконецъ, неизвѣстно даже, существуетъ-ли онъ еще вообще въ данное время? Ничего болѣе не остается дѣлать, какъ пойти по истоптанной дорогѣ, говорить то, что подходитъ подъ общій уровень, подъ давно вкоренившіеся взгляды. Хотя иной, можетъ быть, и чувствуетъ, что дѣло что-то не совсѣмъ такъ, какъ полагали въ блаженныя времена Очаковскія (сиречь Булгаринскія), но вѣдь не взяться же въ самомъ дѣлѣ за еврейскіе фоліанты, благо никто изъ читателей—говоря объ общей массѣ—не будетъ особенно шокироваться тѣмъ, что выскажешь о евреяхъ, если только ваша рѣчь не отступитъ отъ стародавнихъ мнѣній и взглядовъ. А извѣстно, какіе существуютъ стародавніе взгляды относительно евреевъ!... Въ новѣйшее время наши органы печати получили еще значительное облегченіе при разсужденіи о т. н. еврейскихъ темахъ. Имъ дана въ пособіе чуть-ли не оффиціально санкціонированная «Книга Кагала». Какъ та гимназистка, о которой разсказывается въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», что она на вопросъ, что такое впечатлѣніе—отвѣтила, что она такъ не знаетъ, а должна справиться въ своей тетради, такъ и наши органы печати имѣютъ свою тетрадь въ «Книгѣ Кагала». Чуть нашимъ публицистамъ-гимназисткамъ понадобится что нибудь отвѣтить на вопросъ, касающійся евреевъ — и „Книга Кагала“ на сценѣ. Но теперь собственно даже и „Книги Кагала“ уже не нужно. Газета „Голосъ“, въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ, на столько уже пережевывала эту знаменитую «тетрадь» въ своихъ передовыхъ и „заднихъ“ статьяхъ, что всякій не только присяжный публицистъ, но вообще всякій царевококшайскій или козмодемьянскій корреспондентъ, если онъ только читалъ эти передовыя и заднія статьи, можетъ быть заранѣе убѣжденъ, что какую нелѣпость, какую чушь онъ ни сочинитъ про евреевъ, все это непремѣнно найдетъ себѣ подтвержденіе въ „тетради“ или въ популязировавшихъ ее статьяхъ „Голоса“.

Ну и пользуются же эти господа этимъ удобнымъ случаемъ! Еслибы все, что въ послѣдніе годы разсказывалось о евреяхъ въ разныхъ органахъ нашей печати, имѣло хоть малѣйшій оттѣ-

нокъ истины, то весь еврейскій народъ слѣдовало бы предать сожженію, какъ сожигали ихъ во времена оны, за то, что не хотѣли ѣсть свинины. Но еслибы, съ другой стороны, наши органы печати хоть мало мальски серьезно относились къ этому предмету, они бы поняли, какъ возмутительно такого рода голословное обвиненіе цѣлаго племени и возбужденіе противъ него общественнаго мнѣнія. Но это отношеніе журналистики къ еврейскому вопросу и къ евреямъ сдѣлалась до такой степени обыкновеннымъ, что вездѣ и всегда столь чувствительные къ печатнымъ нападкамъ евреи давно махнули рукой, и самыя жестокія обвиненія, которыми нерѣдко разражаются противъ нихъ наши газеты, возбуждаютъ лишь одну ихъ горькую улыбку. Они даже убѣждены, что и нееврейскіе читатели теперь ужь очень мало обращаютъ вниманіе на это постоянное повтореніе однихъ и тѣхъ же задовъ, не смотря на то, что они не вызываютъ никакого возраженія со стороны самихъ евреевъ. А не вызываютъ они никакого возраженія со стороны евреевъ потому, что имъ фактически и буквально не дается никакой возможности возражать. Въ этомъ отношеніи русскіе евреи нынѣ находятся въ худшемъ положеніи, чѣмъ въ самыя варварскія времена среднихъ вѣковъ. Тогда, если евреевъ въ чемъ нибудь обвиняли, имъ давали возможность защищаться: устраивались публичные диспуты—и честные, безпристрастные люди имѣли возможность убѣдиться, на сколько справедливо обвиненіе евреевъ въ употребленіи христіанской крови, въ отравленіи колодцевъ, въ распространеніи черной смерти, въ зловредности ихъ ученія—и тому подобныя обвиненія, внушенныя высокимъ чувствомъ любви къ ближнему. Въ настоящее же время они у насъ лишены и этой возможности. Является какое нибудь обвиненіе въ одномъ изъ органовъ журналистики, обвиненіе нелѣпое, не имѣющее ни малѣйшаго смысла. Органъ, въ которомъ это обвиненіе появилось, просто не печатаетъ никакихъ противъ него возраженій, а другіе органы отговариваются нежеланіемъ «войти въ полемику *по сему* предмету». Было бы слишкомъ долго останавливаться на безчисленномъ множествѣ подобныхъ примѣровъ. Но мы не можемъ не привести слѣдующаго факта. Въ одно прекрасное утро въ газетѣ „Голосъ" является корреспонденція изъ Митавы, въ которой разсказывается, что какой то еврейскій портной убилъ латыша съ цѣлью грабежа, и что этотъ портной арестованъ. При

этомъ, разумѣется, для увеличенія числа строкъ, человѣколюбивый корреспондентъ вдается въ подробное описаніе всего ужаса этого преступленія и кстати сообщаетъ, что все еврейское населеніе Курляндіи живетъ грабежемъ и мошенничествомъ!!...

Что еврейскій портной могъ убить кого нибудь съ цѣлью грабежа—это фактъ весьма возможный, и тѣмъ менѣе можно было сомнѣваться въ этомъ, что повидимому надо было думать, что почтенный корреспондентъ очень близко стоитъ къ судебной власти, такъ какъ въ корреспонденціи съ точностью сообщалось годъ, мѣсяцъ и число, мѣсто происшествія и даже начальныя буквы фамиліи убійцы. Что изъ этого единичнаго факта выводилось общее обвиненіе *всѣхъ* евреевъ въ грабительствѣ и мошенничествѣ—это такое повседневное, привычное явленіе, что возставать противъ этого значило бы толочь воду. Оставалось, слѣдовательно, склонить голову и молчать.... Но вотъ, проходитъ нѣкоторое время, и въ мѣстныхъ газетахъ является оффиціальное опроверженіе сообщеннаго корреспондентомъ „Голоса" факта. Является въ нѣмецкой „Рижской Газетѣ" письмо помѣщика барона Бера, въ которомъ сообщается, что портной, обвиненный корреспондентомъ „Голоса" въ убійствѣ и грабежѣ, есть хилый еврейчикъ, занимающійся починкою стараго платья на мызахъ и въ крестьянскихъ домахъ и въ данное время также находящійся на мызѣ барона Бера, и онъ, еврейскій портной, не только не былъ арестованъ по этому дѣлу, но даже не былъ заподозрѣнъ въ какомъ либо участіи въ немъ, равно и никакой другой еврей. Что же касается курляндскаго еврейскаго населенія вообще, то баронъ Беръ заявляетъ, что это не только не шайка грабителей, какими выставляетъ ихъ корреспондентъ „Голоса", а мирная и весьма полезная часть населенія, среди которой преступниковъ, согласно оффиціальнымъ статистическимъ даннымъ, абсолютно и сравнительно гораздо меньше, чѣмъ въ остальной части населенія. При этомъ баронъ Беръ прочелъ „Голосу" приличный урокъ за его столь неприличное, или, какъ выражается баронъ Беръ, гнусное отношеніе къ журнальному дѣлу, имѣющее цѣлью возбудить одну противъ другой живущія въ мирѣ національности и т. п. Дѣло, какъ видите, приняло другой видъ. Виновный оказался не еврейскій портной, а русскій редакторъ, занимающійся благороднымъ—а по барону Беру *гнуснымъ*—дѣломъ

возбужденія одной національности противъ другой. Чтобы г. Краевскій возстановилъ факты въ ихъ истинномъ свѣтѣ и тѣмъ показалъ бы въ истинномъ свѣтѣ литературное достоинство газеты „Голосъ"— этого, по прежнимъ многочисленнымъ опытамъ, ожидать было нечего, а потому мы перевели статью барона Бера на русскій языкъ и, снабдивъ ее нѣкоторыми замѣчаніями, обратились къ редактору одной изъ здѣшнихъ ежедневныхъ газетъ, съ просьбою помѣстить это опроверженіе. Г. редакторъ былъ на столько любезенъ, что при насъ на скоро просмотрѣлъ статью и обѣщалъ чрезъ нѣсколько дней помѣстить ее. Но прошли обѣщанные нѣсколько дней и еще нѣсколько дней лишнихъ, а статья все не появлялась. На письменный нашъ запросъ о причинѣ этой задержки, мы не получили отвѣта. Прошла еще недѣля, а статьи не было. Мы снова написали въ редакцію и получили, наконецъ, отвѣтъ, въ которомъ редакція, возвращая статью, извиняется, что не можетъ помѣстить ее по причинамъ, которыя редакторъ объяснитъ *лично*. Какія причины побудили редактора отказаться отъ своего обѣщанія, мы не узнали, и намъ это уже было нисколько не любопытно, а мы знали только, что прошло слишкомъ двѣ недѣли послѣ того, какъ мы доставили въ редакцію опроверженіе, занимавшее менѣе писаннаго полулиста, что, по истеченіи этого времени, опроверженіе далеко уже не могло имѣть того значенія, какое бы оно имѣло, если бы появилось во время и что публика, не встрѣтивъ возраженія противъ этой возмутительной корреспонденціи „Голоса", могла остаться при мнѣніи, что всѣ курляндскіе евреи — мошенники и грабители. Мы предоставляемъ это на судъ общественнаго мнѣнія, на судъ „Петербургскихъ Вѣдомостей", которыя недавно (см. № „Петерб. Вѣдом." отъ 7 апрѣля 1873 года. „Библіографія") упрекали насъ за слишкомъ рѣзкій отзывъ о русской журналистикѣ. Но, возможно ли, спрашивается, оставаться равнодушнымъ и хладнокровнымъ въ виду этихъ фактовъ, въ виду того, что всякая нелѣпость, клонящаяся только къ поношенію евреевъ, откапывается какъ драгоцѣнная рѣдкость, а все могущее дѣйствительно послужить къ разъясненію вопроса, клонящееся къ изысканію мѣръ чтобы, положить конецъ анормальному положенію евреевъ въ Россіи, игнорируютъ, проходятъ молчаніемъ, или лучше всего,—вовсе не даютъ увидѣть свѣтъ божій. Не знаемъ, какъ относится къ этому общественное мнѣніе и „Петербургскія Вѣдомости", которыя изъ всей III-й книжки „Еврейской Библіотеки" нашли возможнымъ остановиться лишь преимущественно на спискѣ подписчиковъ, совершенно проходя молчаніемъ такія статьи, напримѣръ, какъ „Русское Законодательство о евреяхъ", „Прозелитизмъ съ точки зрѣнія іудейства" и „Къ исторіи образованія русскихъ евреевъ"—все статьи, которымъ нельзя было отказать въ особенномъ значеніи, въ виду разсматривающагося нынѣ вопроса о положеніи евреевъ вообще, въ виду той важной роли, которую въ русскомъ законодательствѣ играетъ совращеніе въ іудейство, или вѣрнѣе опасеніе этого совращенія, и, наконецъ, въ виду разсматривавшагося въ то время вопроса о преобразованіи еврейскихъ учебныхъ заведеній. Такія статьи проходятъ молчаніемъ. Но вотъ является „Темный вопросъ въ исторіи евреевъ" (брошюрка г. Козловскаго, перепечатанная изъ «Кіевлянина»), освѣжающій старое нелѣпое обвиненіе евреевъ въ употребленіи ими христіанской крови для пасхальныхъ опресниковъ, и „Пет. Вѣд." считаютъ своимъ долгомъ обратить на это вниманіе, совершенно забывая печальныя Славутское, Саратовское и Шавлянское дѣла, совершенно забывъ о существованіи почтенной книги „О средневѣковыхъ обвиненіяхъ противъ евреевъ", писанной извѣстнымъ ученымъ и при томъ *крещеннымъ* евреемъ, профессоромъ Хвольсономъ, послѣ которой самый предубѣжденный человѣкъ долженъ сознать всю безсмысленность, нелѣпость и гнусность этого обвиненія.....

Еще два слова „Петербургскимъ Вѣдомостямъ". Рецензируя нашу статью въ III томѣ „Еврейской Библіотеки", онѣ нападаютъ на насъ за паѳосъ, съ которымъ мы, будто бы, защищаемъ евреевъ и называютъ галюцинаціей наше замѣчаніе, что нѣкоторыя русскія газеты, по поводу мартовскихъ одесскихъ событій 1871 г., чуть ли не проповѣдовали походъ противъ евреевъ. На это мы можемъ сказать только слѣдующее: если бы почтенный рецензентъ не былъ на столько ловокъ, чтобы изъ статьи «Вѣчно-новый вопросъ» извлечь только то, что ему нужно было для изображенія нашего паѳоса, а передалъ бы содержаніе всей этой статьи, если бы онъ не ограничился вырываніемъ кусковъ изъ нашего обращенія къ русскимъ публицистамъ, а остановился бы также не нашемъ обращеніи «къ русскимъ евреямъ», то едва-ли ему

возможно было бы упрекнуть насъ въ излишнемъ паѳосѣ. Затѣмъ, еслибы „Петербургскія Вѣдомости" потрудились просмотрѣть свои собственные апрѣльскіе нумера за 1871 годъ, и въ особенности листы „Голоса" за это же время, тогда увидѣли бы, кто изъ насъ болѣе зараженъ галюцинаціями.

И такъ, не знаемъ, какъ отнесутся къ вышеприведенному факту общественное мнѣніе и „Петербургскія Вѣдомости", но зато мы знаемъ, что можно гласно и публично безнаказанно оскорблять цѣлое племя, цѣлыхъ три милліона русскихъ гражданъ, взводить на нихъ всевозможныя обвиненія, не исключая обвиненій въ убійствѣ и грабежѣ — и ни только не найдется въ русской печати органа, который протестовалъ бы противъ этого, но не найдется и такого, чрезъ посредство котораго могли бы протестовать сами евреи. Это-то своеобразное отношеніе русской журналистики, въ особенности газетной, къ евреямъ, въ виду котораго всякая нелѣпость, если только она направлена *противъ* евреевъ, принимается, что говорится, съ распростертыми объятіями, а все дѣльное, по опровергающее эти нелѣпости, игнорируется и подавляется въ зародышѣ,—и побудило насъ дать мѣсто въ нашей „Библіотекѣ" статьѣ г. Гордона, которая по своему содержанію и временному только интересу хотя и не совсѣмъ то подходитъ подъ программу „Библіотеки", но которую, какъ читатель могъ видѣть изъ письма г. Гордона, газеты наши подвергли той же участи, какой обыкновенно подвергаются статьи, имѣющія цѣлью опровергнуть клевету, направленную противъ евреевъ.

Но изображая здѣсь отношеніе русской журналистики къ еврейскому вопросу, мы нисколько не обманываемся на счетъ цѣли и значенія нашей статьи и вообще всей спеціальной еврейско-русской журналистики. Мы очень хорошо знаемъ, что спеціальныя изданія, касающіяся евреевъ, если они не имѣютъ того скандальнаго характера, какимъ, напримѣръ, отличаются разсказы Вейнберга и многоумныя творенія гг. Брафмановъ, Зарѣцкихъ и tutti quanti, читаются въ русской публикѣ лишь рѣдкими изъ рѣдкихъ. Но мы твердо уповаемъ, что это не всегда будетъ такъ и что будетъ еще и такое время, когда русскіе братья наши захотятъ серьезно узнать, кто такіе эти три милліона ихъ еврейскихъ согражданъ. Для этого то времени и складываются нынѣ матеріалы въ спеціальныхъ еврейскихъ изданіяхъ; для этого времени, для будущаго поколѣнія русскихъ евреевъ, чтобы оно не могло упрекнуть насъ въ индиферентизмѣ, а главное, для будущаго историка русской журналистики, который могъ бы по достоинству оцѣнить и знать истинную причину того почти поголовнаго ополченія русской газетной журналистики противъ евреевъ, не встрѣчающее со стороны послѣднихъ никакого почти протеста и опроверженія.

С.-Петербургъ,
27 октября 1873 г.

А. Л.

БИБЛІОГРАФІЯ

ЕВРЕЙСКАГО ВОПРОСА ВЪ РОССІИ, СЪ 1855 ПО 1873 ГОДЪ.

Составилъ В. И. Межовъ.

I

БОГОСЛОВІЕ.

1. Исторія еврейской религіи.

Взглядъ на развитіе религіозной идеи у древнихъ евреевъ. Приложеніе къ Гакармелю. 1860, № 10, стр. 40.

Еврейскія тайны. Очеркъ религіозныхъ вѣрованій евреевъ, ихъ обычаевъ и нравовъ, а также ихъ воззрѣній на лица и народы иныхъ исповѣданій. Л. М. *Зарѣцкій*. Одесса. 1873. Ц. 80 к.

О религіозномъ движеніи современныхъ евреевъ. *А. Алексѣевъ*. Духовная Бесѣда. 1870, № 37—41.

Положеніе еврейской религіи въ Англіи. День. Органъ русскихъ евреевъ. 1871. № 12, стр. 187.

Религіозная и общественная жизнь евреевъ, обитающихъ въ западныхъ областяхъ Россіи. Архіепископъ *Анатолій*. Странникъ. 1862, т. III, кн. 7 и 8, отд. II; стр. 311—340 и 359—382.

Религіозные интересы евреевъ во Франціи. Сіонъ, органъ русск. евреевъ. 1861. № 30, стр. 482—484.

Гоненіе за вѣру (Нетерпимость). Прилож. къ Гакармелю. 1861. №№ 42 и 43, стр. 168.

Религіозный бытъ евреевъ по Пятокнижію. Орловск. епарх. вѣд. 1872. №№ 2 и 3.

Религіозный бытъ евреевъ по первымъ двумъ книгамъ Царствъ. В. *Красинъ*. Орловск. епарх. вѣд. 1872. № 4.

Библіографія. Reflexions sur l'état religieux, politique et social des israélites russes. Par *J. Tarnopol*. Odessa. 1871. *П. Чичиковъ*. Новороссійскій Телеграфъ 1872. № 233.

Разборъ мнѣній современной отрицательной критики о времени написанія пятикнижія. Ф. Г. *Елеонскій*. Христ. Чтеніе. 1871. № 10, стр. 615—642 и №. 192, стр. 935—957.

2. Книги священнаго писанія. Библія. Переводъ ея на русскій языкъ. Талмудъ. Молитвословы еврейскіе.

Изданіе еврейской библіи Филипсона. Правосл. Обозрѣніе. 1861. Т. VI. № 9, стр. 135—141.

По поводу толковъ, возбужденныхъ о переводѣ библіи. Письмо къ редактору. *Гаммаббитъ*. День, органъ русскихъ евреевъ. 187 0. № 21, стр. 353—355.

Письма профессора *Хвольсона* по поводу перевода библіи на русскій языкъ. День, органъ русск. евреевъ. 1870. № 14, стр. 235, № 18, стр. 296—297 и № 25, стр. 405—406.

Къ вопросу о русскомъ переводѣ ветхаго завѣта для евреевъ. И. *Варшавскій*. День, органъ русскихъ евреевъ. 1870. № 32, стр. 523—524. № 33, стр. 540—542.

Русскій переводъ ветхаго завѣта, Р. *Кулишеръ*. Еврейская Библіотека. 1871. Т. I, стр. 374—389.

Историческія книги священнаго писанія ветхаго завѣта. Переводъ съ еврейскаго языка, съ подстрочными примѣчаніями. Проф. М. *Гуляевъ*. Кіевъ. 1861. Ц. 2 р.

Законъ или пятикнижіе Моисея. Переводъ съ еврейскаго архим. *Макарія*, бывшаго начальника алтайской духовной миссіи. Бытіе. Исходъ. Левитъ. Числа. Второзаконіе. Москва. 1863. (Изъ журн. «Прав. Обозрѣніе»). Ц. 1 р. 50 к.

Голосъ. 1868. № 282. (Библ. замѣтки).

Тора, т. е. законъ или пятикнижіе Моисеево. 1872. Псалмы. Буквальный переводъ Л. *Мандельштама* (въ пользу русскихъ евреевъ). Изд. 2-е. Берлинъ. 1871. Ц. 2 р. 70 к.

1) Листокъ, дух. библіографіи. 1872. № 1, стр. 1—9.
2) Вѣстникъ русскихъ евреевъ. 1871. № 34. (Статья Ис. *Румша*).

Защита моисеева пятикнижія противъ возраженій отрицательной критики. *П. А. В.* Православный Собесѣдникъ. 1870.

О достовѣрности бытописанія библейскаго. К. *Гаузнеръ*. Разсвѣтъ, органъ русскихъ евреевъ. 1861. № 41, стр. 659—660.

Библіографическія замѣтки. І. М. *Іоста*. Разсвѣтъ, органъ русскихъ евреевъ. 1860. № 7, стр. 108—109.

О книгѣ „Тора" въ новомъ итальянскомъ переводѣ С. Д. Луццато.

Псалмы Давида (для евреевъ). Еврейскій текстъ съ русскимъ переводомъ. А. *Пумпянскій*. Варшава. 1872. Ц. 1 р.

Пиркэ-Авотъ, т. е. Изрѣченія отцевъ синагоги, или Трактатъ о принципахъ. Еврейскій текстъ съ русскимъ переводомъ. Е. Б. *Левина*. Спб. 1868. Ц. 75 к.

Еврейскій молитвословъ, впервые переведенный на русскій языкъ О. Я. *Гурвичемъ*. Изд. 2-е, исправл. и дополнен. Вильно. 1870. Ц. 1 р. 10 к.

1) Всеобщая Газета. 1870. № 57. (Библ. зам.).
2) Вѣстникъ русскихъ евреевъ. 1871. № 9, стр. 286—288.

Раввинъ-миссіонеръ. Бѣглый взглядъ на переводъ еврейскаго молитвенника раввина О. Гурвича. М. *Кнорозовскій*. День, органъ русскихъ евреевъ. 1870. № 45, стр. 727—729.

Отвѣтъ на статью подъ заглавіемъ: „Раввинъ-миссіонеръ". О. *Гурвичъ*. День, орг. русск. евреевъ. 1870. № 52, стр. 854—857.

Молитвы евреевъ на весь годъ, съ дословнымъ русскимъ переводомъ. Изд. А. Л. *Воль*. Вильно. 1870. Ц. 1 р.

Критика. И. *Варшавскій*. День, органъ русскихъ евреевъ. 1871. № 2, стр. 27—29. № 4, стр. 59—61. № 7, стр. 104—105. № 11, стр. 171—173 и № 21, стр. 323—325.

1) Молитвы евреевъ на весь годъ. А. Воля. Варш. 1870.
2) Еврейскій молитвословъ. О. Я. Гурвичъ. Вильно. 1870.

Опытъ перевода мишны на русскій языкъ. Берахотъ. (О благословеніяхъ). Прилож. къ Гакармелю. 1869.

Что такое талмудъ? Этюдъ Э. *Дейтша*. Перев. съ 7-го изд. А. Е. Ландау. Спб. 1870. Ц. 50 к.

1) Вѣстникъ Европы. 1870. № 11, т. 6. (Библ. зам.).
2) С.-Петербургскія Вѣдомости. 1870. № 307.
3) Странникъ. 1871. Т. 2. (Рец. Е. Дылевскаго).

О талмудѣ. *А. Алексѣевъ*. Духовная Бесѣда. 1872. №№ 3, 4, 6, 8, 9, 11, 12 и 13.

О талмудѣ и важности его. Спб. 1871.

Было помѣщено въ Вѣстникѣ русскихъ евреевъ. 1871. №№ 14, 15, 18 и 19.

Талмудъ и его вліяніе. Г. *Левинъ*. Сынъ Отечества. 1868. №№ 286 и 287 (будн. №№).

Талмудъ. Новое Время. 1869. №№ 246 и 262. 1870. №№ 41, 47, 75 и 96.

Теорія предположеній (Präsumtionen) по талмудическому ученію. Г. *Вербловскій*. Прилож. къ Гакармелю. 1862. № 45, стр. 177 и № 46, стр. 181.

Ученіе и трудъ. Приложеніе къ Гакармелю. 1865. № 26, стр. 18—19.

Изъ Талмуда.

Изслѣдованіе о Талмудѣ. С. *Диминскій*. Труды кіевской духовной академіи. 1868. №№ 1, 5, 8 и 12, стр. 106—144, 298—337, 269—295 и 332—354.

Новѣйшія изслѣдованія въ области талмудической литературы. Статья *О—аго*. День, органъ русскихъ евреевъ. 1870. № 40, стр. 683—685 и № 42, стр. 700—702.

Изъ талмудической мифологіи. *І. Олесницкій*. Труды кіевск. духовн. академіи. 1870. № 1, стр. 149—209. № 2, стр. 402—444. № 4, стр. 201—244 и № 8, стр. 273—327.

Легенда. (Изъ Талмуда). Б. *Таурогенскій*. Сіонъ, органъ русскихъ евреевъ. 1861. № 14, стр. 216—217.

Талмудическія сказанія о первыхъ двухъ братьяхъ. Прил. къ Гакармелю. 1865. № 38, стр. 68.

Семидесятилѣтній сонъ или потребность общежитія. Статья Р. *Р—а*. Прилож. къ Гакармелю. 1868. № 4, стр. 13—15.

Талмудическая легенда.

Ложь и несправедливость въ ноевомъ ковчегѣ. Прил. къ Гакармелю. 1865. № 35, стр. 55—56.

Талмудическое иносказаніе.

Краткій очеркъ развитія ученія Талмуда въ земляхъ, входившихъ въ составъ бывшей Польши. Прил. къ Гакармелю. 1866. № 17, стр. 79—81.

Выдержки изъ талмудической литературы. Изъ оставшихся бумагъ покойнаго И. С. *Финкеля*. Еврейскія легенды. Сіонъ, органъ русскихъ евреевъ. 1861. № 6, стр. 92—93. № 18, стр. 283—284. № 19, стр. 297—299. № 27, стр. 428—429. № 37, стр. 579—580. № 40, стр. 629—631.

Бугульминскій талмудистъ. По поводу статьи и нѣсколькихъ словъ о Талмудѣ, газеты День, № 25. М. *Берлинъ*. Спб., въ типогр. А. Демиса. 1862. Въ 8 д. л., 34 стр.

Нѣсколько интересныхъ талмудическихъ замѣтокъ. З. *Слонимскій*. День, органъ русск. евреевъ. 1869. №№ 11 и 12.

Выдержка изъ Мидраша. *Л. А.* День, органъ русскихъ евреевъ. 1870. № 45, стр. 738.

Выдержки изъ талмудической литературы. И. С. *Финкель*. Разсвѣтъ, органъ русскихъ евреевъ. 1861. № 33, стр. 534—536. № 34, стр. 548—550. № 35, стр. 564—565. № 36, стр. 579—581. № 37, стр. 600—602. № 39, стр. 626—629. № 42, стр. 675—677. № 43, стр. 696—698. № 44, стр. 709. № 45, стр. 725—727. № 46, стр. 743—746.

Талмудичческій разсказъ о разрореніи Іерусалима. А. *Алексѣевъ*. Духовная Бесѣда. 1870. №№ 9, 10 и 12.

Нѣсколько словъ о Талмудѣ. А. *Александрова*. День (Аксакова). 1862. № 25.

Письмо двухъ евреевъ въ редакцію Дня. (Отвѣтъ на статью Александрова). Леона *Зеленскаго* и Веніамина *Португало*. День (Аксакова). 1862. № 32.

Еще о Талмудѣ, по поводу возраженій гг. Мельгунова и Живарева. А. *Александровъ*. День (Аксакова). 1862. № 34.

Отвѣтъ г. А. Александрову. (25 № Дня). По поводу его набѣга на Талмудъ. П. *Лякубъ*. Время. 1862. № 5, отд. II, стр. 60—78.

Мы тоже любимъ страданья. Статья *Б. Т.* Прилож. къ Гакармелю. 1861. № 32, стр. 121.

Изъ Талмуда.

О значеніи нѣкоторыхъ именъ собственныхъ въ Талмудѣ. Л. *Гордонъ*. Сіонъ, органъ русскихъ евреевъ. 1862. № 40, стр. 628—629.

Талмудъ и Отечественныя Записки. А. *Гордонъ*. Сѣв. Пчела. 1862. № 17.

Евреи и юдаизмъ временъ возникновенія Талмуда. Альбертъ *Ревиль*. Еврейская библіотека. 1872, т. II, стр. 161—204.

Рейхлинъ и Пфефферкорнъ. Борьба изъ-за Талмуда. Страница изъ исторіи евреевъ, по *Грецу*. Еврейская Библіотека. 1871, т. I, стр. 251—284.

3. Богослуженіе. Религіозные обряды. Праздники.

Исторія общественнаго богослуженія у евреевъ. Вѣстникъ русскихъ евреевъ. 1872. № 22, стр. 673—679.

Богослуженіе, праздники и обряды нынѣшнихъ евреевъ, составлено А. *Алексѣевымъ*. Новгородъ. 1861. Въ 8 д. л. 188 стр.

1) Черниг. епарх. извѣстія. 1862. Прибавл. (№ 12), стр. 415—422.
2) Странникъ. 1862. Т. I. Кн. I. Отд. III, стр. 1—4.
3) Духъ Христіанина. 1861. Дек. Кн. 4, стр. 107—122.

Богослуженіе, праздники и религіозные обряды нынѣшнихъ евреевъ. Соч. А. *Алексѣева*, обращеннаго въ православное христіанство изъ евреевъ. Изд. 2-е и 3-е, испр. и дополн. Новгородъ. 1863 и 1865. Ц. 75 к.

1) Странникъ. 1862. № 1. Т. I. Отд. 3, стр. 1—4. (Статья свящ. М. *Архангельскаго*).
2) Духовная Бесѣда. 1865. № 35.
3) Голосъ. 1865. № 139.

По вопросу о еврейскихъ полковыхъ священно-служителяхъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. Сіонъ. Органъ русск. евреевъ. 1862. № 37, стр. 589—592.

Духовно-общественныя учрежденія евреевъ (Перед. ст.). Голосъ. 1872, № 111.

Церемоніальное шествіе первосвященника въ храмѣ за семь дней до іомъ-кипура. Левъ *Капланъ*. Приложеніе къ Гакармелю. 1861. № 10, стр. 39.

Первая конфирмацiя въ Одессѣ. Сiонъ, органъ русскихъ евреевъ. 1861. № 15, стр. 240—241.

Нововведенный религiозный обрядъ.

Молебствiе въ еврейской синагогѣ въ С.-Петербургѣ по случаю предоставленiя евреямъ-ремесленникамъ права проживанiя во всѣхъ городахъ Россiйской Имперiи. Прилож. къ Гакармелю. 1865. № 38, стр. 66—67.

Миква: обрядъ омовенiя евреевъ зап. губернiй. Ю. *Гюбнеръ*. Архивъ Суд. Медицины. 1868. № 1 (отд. 3), стр. 61—66.

Миква. (Обрядъ омовенiя евреевъ. М. *Гриневичъ*. Кiевскiй Телеграфъ. 1869. № 132.

Еврейскiе эрифы. Биржевыя Вѣдомости. 1873. № 58.

Жатва и ея праздники въ iудействѣ и христiанствѣ. Статья А. *В—нова*. Руководство для сельскихъ пастырей. 1868. Т. 2. № 33, стр. 541—556.

О еврейскихъ праздникахъ. Полтавскiя губерн. вѣдом. 1859. №№ 45, 46 и 50—52.

Еврейскiе праздники. Иллюстр. Газета. 1866. № 35.

Еврейскiе праздники. О праздникѣ еврейской пасхи. Полт. губ. вѣд. 1860. №№ 10 и 11.

Еврейскiе праздники и религiозные предразсудки. Бессарабскiе обл. вѣд. 1869 № 21.

Рошъ-Гашана. 21 сент. 5633 г. Вѣстникъ русскихъ евреевъ. 1872. № 12, стр. 361—365.

Замѣтка. *П.* Прилож. къ Гакармелю. 1860 г. № 20, стр. 80.

По случаю праздника Рошъ-Гашана у евреевъ.

Чествованiе субботняго дня у евреевъ. А. *Клячко*. Виленскiй Вѣстникъ. 1869. № 114.

Что такое судные дни у евреевъ. Ф. *Винеръ*. Новорос. Вѣдомости. 1871. № 199.

4. Еврейскiя секты.

Еврейскiя секты въ Польшѣ. Варшавскiй Дневникъ. 1866. № 93.

Религiозныя секты евреевъ отъ паденiя Iерусалима до нашихъ временъ и описанiе ихъ религiозныхъ обрядовъ, по *Iосту*. Москва. 1864. Ц. 1 р. 50 к.

1) Книжный Вѣстникъ. 1864. № 13, стр. 252.
2) Духъ Христiанина. 1865. № 2.
3) День. 1869. № 10.

Еврейскiя религiозныя секты въ Россiи. Полтавскiя губернск. вѣд. 1870. № 70.

Франкъ и франкисты. Кiевскiй Телеграфъ. 1868. №№ 111 и 112.

Франкъ и франкисты. (Фельетонъ). Биржевыя Вѣдом. 1868. № 236.

Вопросъ о франкизмѣ. (Еврейская секта). А. I. *Горжалчинскiй*. Кiевлянинъ. 1865. № 74.

Франкъ и франкисты. Прилож. къ Гакармелю. 1868. № 24, стр. 95—96. № 25, стр. 99—100. № 26, стр. 103—104 и № 27, стр. 107—108.

Расколъ въ средѣ симферопольскихъ евреевъ. *Зельманъ*. Одесскiй Вѣстникъ. 1870. № 7.

Мамины, турецко-еврейская секта. Приложенiе къ Гакармелю. 1862. № 11. стр. 38. № 12, стр. 38 и № 13, стр. 50.

О субботникахъ. *Майновъ*. Извѣстiя Имп. русск. геогр. общ. 1871, т. 7. № 9, отд. I, стр. 427.

5. Преподаванiе еврейскаго закона. (Катехизисъ). Рѣчи и поученiя раввиновъ.

Нѣсколько словъ о преподаванiи еврейскаго закона Божiя. *Нелькинъ*. Харьк. губ. вѣд. 1867. № 29.

Письмо въ редакцiю. *Л. Ф.* Бессарабскiя обл. вѣдом. 1866. № 14.

О необходимости препод. еврейскаго закона Божiя кишиневскимъ евреямъ.

Объ учебникахъ закона Божiя Моисеева исповѣданiя, въ связи съ еврейскою школою. Ф. *Хартахай*. Циркуляръ по варш. учебн. округу. 1870. № 1, стр. 28—29. Отвѣтъ см. въ 4-мъ №, стр. 141—143, а отвѣтъ г. Хартахая въ 5-мъ №, стр. 193—194.

Краткiй еврейскiй катехизисъ съ прибавленiемъ важнѣйшихъ молитвъ для дѣтей. 2-е испр. изд. Варшава. 1869. Ц. 15 к.

Циркуляръ по варшавск. учебн. округу. 1870. № 1, стр. 28—39. (Статья Ф. Хартахая). № 4, стр. 141—143. (Отвѣтъ Б. Сегаля).

Начальное ученiе о Моисеевомъ законѣ (еврейскiй катехизисъ) на русск. языкѣ. Сост. *Сегалемъ*. Варшава. 1868. Ц. 50 к.

1) С.-Петербургскiя Вѣдомости. 1868. № 331. (Библiогр. замѣтки. М. *де-Пулле*).
2) День, органъ русск. евреевъ. 1869. № 4. (Библ. зам.).
3) Народн. школа. 1869. № 1, стр. 22.

Открытiе истины. Iосифъ *Цедербаумъ*. Сiонъ, органъ русск. евреевъ. 1861. № 25, стр. 395—397.

По поводу статьи Нерца, о преподаванiи евреямъ закона Божiя, въ 18 № Сiона.

О преподаванiи еврейскаго закона въ одесской второй гим-

назіи. Сіонъ, органъ русск. евреевъ. 1861. № 18, стр. 285—286.

Изъ рѣчи, произнесенной г-мъ *Пумпянскимъ*, поневѣжскимъ общественнымъ раввиномъ, въ поневѣжской синагогѣ, 17 апрѣля, въ высокоторжественный день рожденія Государя Императора. Прилож. къ Гакармелю. 1866. № 8, стр. 35—37.

Посланіе С. Ульмана, старшаго раввина (grand rabbin) еврейской „Центральной консисторіи" въ Парижѣ, старшимъ и общественнымъ раввинамъ и всѣмъ его французскимъ единовѣрцамъ. А. *Пумянскій*. Прилож. къ Гакармелю. 1861. № 36, стр. 137, № 38, стр. 149 и № 40, стр. 151.

Поученія раввина. Авраамъ *Ханелесъ*. Вильно. 1872. Ц. 30 к.

Русская рѣчь еврейскаго раввина. Сообщено Іоанномъ *Базаровымъ*. Странникъ. 1862. Т. II, кн. 5, отд. IV, стр. 139—145. Тоже С.-Петерб. Вѣдомости. 1862. № 59. Тоже Разсвѣтъ. 1862. Т. XIII. № 3, отд. I, стр. 249—254.

Рѣчь, произнесенная въ молитвенномъ домѣ виленскаго раввинскаго училища, въ субботу, 10 февраля 1862 г., равв. кандидатомъ Ф. *Гнѣсинымъ*. Прилож. къ Гакармелю 1862. № 40, стр. 157.

Рѣчь, произнесенная въ молитвенномъ домѣ виленскаго училища, Ноемъ *Пейкаромъ*, въ субботу, 24 марта 1862 г. Прилож. къ Гакармелю. 1862. № 41, стр. 161.

Рѣчь, произнесенная въ молитвенномъ домѣ в. р. у. 30 ноября 1868 г. А. В. Приложеніе къ Гакармелю. 1869. № 36, стр. 141—143.

Рѣчь, произнесенная въ молитвенномъ домѣ виленскаго раввинскаго училища, въ субботу, 7 января текущаго года воспитанникомъ педагогическаго отдѣленія, И. *Люблинскимъ*. Прилож. къ Гакармелю. 1866. № 32, стр. 139—140.

Рѣчь, произнесенная 7-го декабря истекшаго года въ молитвенномъ домѣ раввинскаго училища, воспитанникомъ 10 класса, Маркомъ *Померанцемъ*. Приложеніе къ Гакармелю. 1869. № 34, стр. 134—136.

Рѣчь, произнесенная въ поневѣжской синагогѣ, по случаю празднованія тысячелѣтняго существованія Россіи. 8 сентября 1862 г., поневѣжскимъ раввиномъ Арономъ *Пумпянскимъ*. Прилож. къ Гакармелю. 1862. № 14, стр. 53.

Рѣчь, произнесенная въ поневѣжскомъ еврейскомъ училищѣ раввиномъ А. *Пумпянскимъ*. (Объ образованіи евреевъ). Сѣверная Почта. 1867. № 122.

Рѣчь, произнесенная раввиномъ *Фейгинымъ* въ собраніи евреевъ въ молельнѣ, при молебствіи о здравіи Государя Императора Александра II. 26 августа. Прилож. къ Гакармелю 1863, № 42, стр 81—82.

Слово, произнесенное въ молитвенной залѣ вил. рав. уч. 4 апрѣля, воспитанникомъ 9-го класса И. Б. *Меeровичемъ*. Прилож. къ Гакармелю 1867, № 38, стр. 161—163.

Празднованіе 19 февр. 1866 г. въ молитвенн. домѣ виленск. раввинск. училища. Статья Якова *Кагана*. Оттискъ изъ „Вѣстника Западной Россіи". Вильно 1866.

6. Еврейскія духовныя учрежденія. (Синодъ, духовное правленіе, консисторія). Еврейскіе молитвенные дома и синагоги.

Еврейскій синодъ въ Лейпцигѣ. Прилож. къ Гакармелю. 1869. № 47, стр. 185—186.

Еврейское духовное правленіе въ Галиціи. Прилож. къ Гакармелю 1862. № 43, стр. 169.

Очерки парижской еврейской консисторіи. Сіонъ, Органъ Русск. Евреевъ. 1861, № 20, стр. 323—324.

Нѣсколько словъ о еврейскихъ синагогахъ и молитвенныхъ домахъ въ Россіи и о причинахъ ихъ размноженія. Я. *Брафманъ*. Виленскій Сборникъ. Т. I; стр. 266—280.

По дѣлу постройки синагоги въ С.-Петербургѣ. Вѣстникъ Русскихъ Евреевъ, 1871, № 14; стр. 425—426.

По поводу постройки синагоги въ Петербургѣ. В. В. *Стасовъ*. Еврейская Библіотека 1872, т. II, стр. 453—473.

Письмо въ Редакцію. П. *Лякубъ*. Прилож. къ Гакармелю 1862. № 16; стр. 63 и № 18; стр. 68.

О еврейскихъ синагогахъ въ Харьковѣ.

Новая синагога въ Петровскѣ. Прилож. къ Гакармелю 1863. № 14.

Дополнительныя свѣдѣнія о постройкѣ и освященіи новой синагоги въ г. Ростовѣ (на Дону). Прилож. къ Гакармелю 1868, № 27; стр. 106—107.

Отчетъ правленія синагоги, на Итальянской улицѣ, при домѣ Папудова, бывшемъ Кесниса, въ Одессѣ, за четырехлѣтіе 1854—1858. Одесса, въ тип. Л. Нитче, 1858.

Дѣло главной одесской синагоги: Сіонъ, органъ русск. евреевъ, 1861. № 31; стр. 498—499 и № 32; стр. 508—511.

Возможность мирнаго рѣшенія синагогальнаго дѣла въ Одессѣ. Сіонъ, органъ русск. евреевъ. 1872, № 33; стр. 528—529.

Поясненія по дѣлу одесской Главной синагоги. *Старые прихожане*. Приложеніе къ № 34 Сіона, органа русск. евреевъ, 1862. 8 стр.

Тифлисская военная синагога. Прозументд'оръ. Прилож. къ Гакармелю 1862. № 34; стр. 134.

По поводу обнародованія отчетовъ молитвенныхъ домовъ. К. *Гаузнеръ*. Сіонъ, органъ Русск. Евреевъ, 1861, № 18, стр. 286—287.

Объ обнародовании отчетовъ по молитвеннымъ домамъ. З. *Миноръ*. Сіонъ. Органъ Русск. Евреевъ, 1861. № 22, стр. 349—351.

Отчетъ правленія молитвенной залы, состоящей при казенныхъ еврейск. училищ. въ Одессѣ, за прошедшее трехлѣтіе съ 24 августа 1858 года по 24 августа 1861 года. Сіонъ, Органъ Русск. Евреевъ. 1861, № 13. Приложеніе.

Отчетъ правленія молитвенной залы при казенныхъ еврейскихъ училищахъ въ Одессѣ за текущій 5622-й еврейскій годъ (съ 24 августа 1861 г.). Сіонъ. Органъ Русск. Евреевъ, .1861 г. № 19 (Приложеніе).

7. Раввинскій вопросъ.

Опыты раввинской мудрости. О. *Воль*. Прилож. къ Гакармелю. 1861, № 35; стр. 134, № 37; стр. 143, и № 38; стр. 151.

Историческій взглядъ на задачу и значеніе еврейскихъ раввиновъ. Веніаминъ *Швейцеръ*. Вѣстн. Русск. Евреевъ, 1871 г. № 37; стр. 1153—1157 и № 38-й; стр. 1186 — 1193.

Къ вопросу о раввинахъ. Статья К. *Т*. Прилож. къ Гакармелю, 1868 г. № 23; стр. 90—92.

По поводу замѣтки г. Яковлева. Мѣстный житель. День, Органъ Русск. Евреевъ. 1870 г. № 9; стр. 142—143.

Къ вопросу о раввинахъ и кое что о проектѣ учрежденія раввинской консисторіи. Прилож. къ Гакармелю. 1869. № 38; стр. 149—151.

Къ вопросу о раввинахъ и кое что о проектѣ учрежденія раввинской консисторіи. Приложеніе къ Гакармелю 1869. № 46; стр. 183—184.

О значеніи просвѣщенныхъ раввиновъ для еврейскихъ обществъ. Ем. *Соловейчикъ*. Разсвѣтъ, Органъ Русск. Евреевъ. 1860 г. № 3; стр. 37—40.

По вопросу о раввинахъ. Статья А. *Г—на*. Разсвѣтъ, Органъ Русск. Евреевъ. 1861 г. № 34; стр. 543—545.

Кто изъ окончившихъ курсъ въ раввинскомъ училищѣ можетъ больше принести пользы своимъ соплеменникамъ,—раввинъ или педагогъ? М. *Хволоссъ*. Разсвѣтъ. Органъ Русск. Евреевъ. 1861. № 51; стр. 814—818.

О назначеніи духовнаго и оффиціальнаго раввиновъ. И. *Айхенвальдъ*. Разсвѣтъ, Органъ Русск. Евреевъ. 1860. № 30; стр. 477—480.

О раввинахъ въ юго-зап. краѣ. (Перед. ст.). Воспитаніе

евреевъ Волынской губ. — Евреи волынцы и евреи литовцы. Кіевлянинъ. 1867, №№ 53, 57, 73 и 76.

По вопросу о раввинизмѣ съ Одессѣ. Новороссійскій Телеграфъ. 1869. № 3.

По вопросу о раввинизмѣ. А. *Баржанскій* и О. *Лернеръ*. Новороссійскій Телеграфъ. 1869. №№ 6 и 10.

Положеніе раввиновъ въ Россіи. Вѣстникъ Русскихъ Евреевъ. 1872. № 18; стр. 542—545.

Къ характеристикѣ положенія раввина въ еврейскомъ обществѣ. Раввинъ. А. *Абельсонъ*. Виленскій Вѣстникъ. 1869, № 94.

Къ раввинскому вопросу. Л. *Леванда*. Виленскій Вѣстникъ. 1869. № 28.

Еще къ раввинскому вопросу. Л. *Леванда*. Приложеніе къ Гакармелю 1869. № 41; стр. 162—164, 42, стр. 167—168, 43 стр. 170—171.

Слово, произнесенное его сіятельствомъ г. начальникомъ Минской губерніи графомъ *Келлеромъ*, въ собраніи членовъ минскаго еврейскаго общества, въ день избранія раввина, 5-го іюля 1860 г. Прилож. къ Гакармелю 1860. № 6, стр. 22.

Письма изъ Одессы. О. *Лернеръ*. Прилож. къ Гакармелю 1868. № 30; стр. 117—118.

Объ избраніи раввина.

Выборы раввина въ Минскѣ. Л. *Леванда*, Разсвѣтъ. Органъ Русск. Евреевъ. 1860. № 6; стр, 87—90.

Письмо въ редакцію. Ш. *Г—ра*. Разсвѣтъ, Органъ Русск. Евреевъ. 1860, № 6; стр. 65—66.

О выборѣ г. Швабахера въ члены раввинской коммиссіи.

Раввинъ-Проповѣдникъ въ христіанской церкви. Прилож. къ Гакармелю. 1867. № 43; стр. 184.

Объ открытіи засѣданій раввинской коммиссіи въ Петербургѣ. Сіонъ. Органъ Русск. Евреевъ. 1861. № 24; стр. 382—383.

Раввинская коммиссія. *Лебедкинъ*. Сіонъ, органъ русск. евреевъ. 1861. № 29, стр. 458—460.

Закрытіе раввинской коммиссіи. *Г. Барацъ*. Сіонъ, органъ русск. евреевъ. 1862. № 42, стр. 660—661.

Нѣсколько словъ о раввинской коммиссіи. Статья *М. О. Р.* Вѣстникъ русск. евреевъ. 1871. № 12, стр. 365—367.

О дѣйствіяхъ раввинской коммиссіи, созванной въ 1857 г. Журналъ Министер. Внутр. Дѣлъ. 1857. № 9, ч. 26, стр. 95—104.

8. Цадики и хасиды.

Еврейскіе цадики. Дѣятельность 1869. № 42.

Нѣсколько словъ о цадикахъ. Бессарабскія областн. вѣдом. 1868. № 28.

Цадикизмъ на Волыни. Волынскія губ. вѣдом. 1867; №№ 65, 75, 81, 82, 84, 88, 91, 94 и 96.

Въ 91-мъ № помѣщены народныя повѣрья, сказки, пѣсни, пословицы и поговорки.

Цадики и хасиды. Одесскій Вѣстникъ. 1866. № 200.

Нѣсколько словъ о цадикахъ. Статья У. Разсвѣтъ, органъ русск. евреевъ. 1861. № 37, стр. 593—594.

Письмо къ редактору. *М. Моргулисъ.* День, органъ русск. евреевъ. 1870. № 39, стр. 640—642.

О цадикахъ и хасидахъ.

Изъ бѣлоруссіи. *М. Гурвичъ.* День, органъ русск. евреевъ. 1870. № 22, стр. 368—369 и № 25, стр. 413—414.

О хасидизмѣ.

Исторія хасидизма. (Особое ученіе еврейское). *Фад. Березкинъ.* Одесск. Вѣстн. 1861. № 20.

О хасидизмѣ и хасидахъ. *В. Быховскій.* Подольскія епарх. вѣд. 1870. №№ 3 и 4.

Очеркъ хасидизма. *Г. В.* Сіонъ, органъ русск. евреевъ, 1861. № 4, стр. 51—56.

Значеніе хасидизма въ юго-западн. краѣ и ученіе цадиковъ. Кіевлянинъ. 1864. №№ 48 и 50.

Нѣсколько словъ о хасидизмѣ и мѣры къ его уничтоженію. *А. Ландау.* Сѣверн. Пчела. 1862. № 206.

Письма о хасидизмѣ въ Россіи. Сіонъ, органъ русск. евреевъ. 1861. № 28, стр. 437—440. № 29, стр. 453—455 и № 30, стр. 469—470.

Мысли о хасидизмѣ. *И. Г. Оршанскій.* Еврейская Библіотека. 1871. Т. I, стр. 73—101.

Превращеніе цадика въ медіатора. *Л. Канеръ.* Сіонъ, органъ русскихъ евреевъ. 1861. № 4, стр. 62—63.

Пребываніе цадика въ Тульчинѣ *Дубольсовъ.* Разсвѣтъ, органъ русскихъ евреевъ. 1861. № 45, стр. 722—723.

Новый магидъ въ Одессѣ. *Іосилевисъ.* Одесскій Вѣстн. 1869. № 213.

9. Отношеніе еврейской религіи къ христіанской и къ другимъ религіямъ.

Современное іудейство и отношеніе его къ христіанству. (Изъ лекцій по обличительному богословію). Соч. соборн. іеромонаха *Хрисанфа.* Труды кіевской духовн. академіи. Т. III. № 9, стр. 1—49.

Сходство обрядовъ и постановленій православной церкви съ

обрядами и постановленіями церкви ветхозавѣтной. Яковъ *Авербахъ.* Странникъ. 1870. № 9. (Т. 2). Стр. 201—228.

Просвѣтитель или обличеніе ереси жидовствующихъ. Твореніе преподобнаго отца нашего *Іосифа,* игуменя Волоцкаго. Казань. Въ тип. губ. правл. 1855—1857. Въ 8-ю д. л. Церковная печать. Ц. 2 р. 50 к.

Предисловіе къ этой книгѣ, напечатанное гражданскимъ шрифтомъ, заключаетъ въ себѣ исторію ереси жидовствующихъ. Тоже помѣщено въ „Правосл. Собесѣдникѣ".

Торжество христіанскаго ученія надъ ученіемъ Талмуда, или душеполезный разговоръ христіанина съ іудеемъ о пришествіи Мессіи. А. *Алексѣевъ.* Спб. 1859. Ц. 50 к.

Странникъ. 1860. № 2. Т. I, отд. 3, стр. 59—62. (Статья священн. *Архангельскаго*).

Слово о вѣрѣ христіанской и жидовской. Съ предисловіемъ Н. С. *Тихонравова.* Лѣтописи русской литературы и древности. 1860. Кн. 5, т. III, стр. 66—78.

Это слово издано по списку XVII в.

Еврейская привиллегія. *Кохановская.* Газета Москва. 1867. № 84.

Здѣсь говорится о томъ, какія препятствія существуютъ для евреевъ, желающихъ креститься.

Поправка и дополненіе къ ст. г-жи Кохановской: Еврейская привиллегія. Св. І. *Вержековскій.* Биржевыя Вѣдом. 1867. № 143.

Къ дѣлу о еврейскихъ привиллегіяхъ. *Кохановская.* Москвичъ. 1867. № 5.

Описаніе обращенія и крещенія въ православную вѣру еврея Гершка Нухимова Ферда, въ христіанствѣ Григорія Иванова Федорова, въ Богородичной церкви с. Гулевецъ, Винницкаго уѣзда, 10 декабря 1872 г. Благоч. свящ. Іоаннъ *Стрѣльчевскій.* Подольск. Епарх. Вѣд. 1873. № 6, стр. 216—223.

Обращеніе въ лютеранство и принятіе православія однимъ изъ евреевъ. (Автобіограф. очеркъ). Іосифъ *Элькъ.* Кишиневскія Епарх. Вѣд. 1872. №№ 9 и 10.

Изъ воспоминаній еврея о своемъ первоначальномъ обученіи и обращеніи ко Христу. Статья Я. *С—ва.* Екатеринославскія Епарх. Вѣд. 1872. №№ 14 и 15.

Бесѣды православнаго христіанина изъ евреевъ съ новообращенными изъ своихъ собратій объ истинахъ святой вѣры и заблужденіяхъ талмудическихъ, съ присовокупленіемъ статьи о Талмудѣ. А. *Алексѣевъ.* Спб. 1872. Ц. 1 р.

По вопросу о практической пользѣ равноправности исповѣданій. Сіонъ, органъ русскихъ евреевъ. 1862. № 42, стр. 664—665.

Вліяніе іудаизма на происхожденіе и развитіе Ислама, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ. Маркъ *Каценеленбогенъ.* Приложеніе къ

Гакармелю. 1868. № 3, стр. 11. № 5, стр. 18—19. № 6, стр. 22—23 и № 8, стр. 30—32.

II

ФИЛОСОФІЯ.

Нѣчто о вліяніи еврейской философіи на средневѣковую схоластику. И. *Лякубъ*. Прилож. къ Гакармелю. 1865. № 43, стр. 85—86. № 44, стр. 89—90 и № 46, стр. 97—98.

О вліяніи философіи мусульманской религіи, а именно: мутакалимовъ, мутазалимовъ и амаровъ на философію религіи великаго еврейскаго раввина Моисея Маймонида. Разсужденіе І. *Гурлянда*. Спб. 1863. Ц. 1 р.

1) Библіотека для чтенія. 1863. № 8.
2) Книжный Вѣстникъ. 1863. № 14.
3) Отечественныя Записки. 1864. № 1.

Древняя и новая каббала (по Іосту). М. *Маргулисъ*. Кіевлянинъ. 1865. № 88 и 89.

Каббала или религіозная философія евреевъ. Статья *С. П.* Правосл. Собесѣдникъ. 1870. № 8—10, стр. 299—329, 46—70 и 116—135.

III

ПЕДАГОГИКА, ДИДАКТИКА и МЕТОДИКА.

1. Исторія просвѣщенія русскихъ евреевъ.

Историческое обозрѣніе еврейскихъ училищъ въ Россіи. Д. *Пилецкій-Урбановичъ*. Воспитаніе. 1862. Т. XII. № 12, отд. I, стр. 414—450.

Къ исторіи образованія русскихъ евреевъ. Періоды I—III. М. Г. *Моргулисъ*. Еврейская Библіотека. 1871. Т. I, стр. 135—190. Періодъ второй. 1872. Т. II. стр. 385—452. Т. 3, стр. 323—364.

См. по этому поводу статью Л. Леванды, въ Еврейской Библіотекѣ. 1873. Т. 3, стр. 365—377.

Къ матеріаламъ для исторіи дѣятельности Лиліенталя въ сѣверо-западномъ краѣ. А. *Паперна*. Вѣстникъ русскихъ евреевъ 1871. № 26, стр. 808—810.

Замѣтка на ст. г. Моргулиса „Къ исторіи образованія русскихъ евреевъ".

Воспоминанія винницкаго старожила. (Матеріалы для исторіи просв. русск. евреевъ). Вѣстникъ русскихъ евреевъ. 1871. № 33, стр. 1033—1036. № 34, стр. 1060—1065.

Посѣщеніе г. главнымъ начальникомъ сѣверо-западнаго края еврейскихъ учебныхъ заведеній г. Вильны. Прилож. къ Гакармелю. 1869. № 46, стр. 181—182.

По вопросу о преобразованіи казенныхъ еврейскихъ училищъ 2-го разряда въ реальныя. Т. *Розенцвейгъ*. Сіонъ, органъ русск. евреевъ. 1862. № 35, стр. 557—558.

По поводу письма г. Трубича въ 25 № „Дня". А. Б. *Вассербергъ*. День, органъ русскихъ евреевъ. 1870. № 28, стр. 465—466.

Объ отчетѣ общества еврейскихъ учителей.

2. Теорія еврейскаго воспитанія. Домашнее и физическое воспитаніе. Общественное воспитаніе.

О домашнемъ воспитаніи и образованіи у евреевъ нашего края. И. *Бинштокъ*. Разсвѣтъ, органъ русскихъ евреевъ. 1861. № 46, стр. 737—739.

Изъ дневника одного еврейскаго смотрителя училищъ 1-го разряда. Л. *Пахманъ*. Вѣстникъ западной Россіи. 1867. № 3 (Т. I, отд. IV), стр. 350—361 и № 4, стр. 22—30.

Голосъ еврея-учителя. І. *Ушеренко*. Вѣстникъ русск. евреевъ. 1871. № 35, стр, 1087—1089.

Изъ записокъ учителя. II. Наши воспитатели. Статья *Z*. День, органъ русскихъ евреевъ. 1870. № 15, стр. 255—257.

Объ обязательномъ образованіи для евреевъ. Г. *Барацъ*. Разсвѣтъ, органъ русскихъ евреевъ. 1861. № 33, стр. 526—531.

Письмо къ редактору. Л *Берманъ*. День, органъ русск. евреевъ. 1870. № 36, стр. 591—593.

Касается образованія еврейскаго юношества.

Изъ Умани. Разсвѣтъ, органъ русскихъ евреевъ. 1861. № 42, стр. 670—672. № 43, стр. 688—690.

О казенномъ еврейскомъ училищѣ.

Письмо къ редактору журнала „Разсвѣтъ". *Пироговъ*. Разсвѣтъ, органъ русск. евреевъ. 1861. № 42, стр. 669.

О студентахъ-евреяхъ въ кіевскомъ университетѣ.

Надежда и опасенія воспитанниковъ реальныхъ гимназій. Д. *Батъ*. День, органъ русск. евреевъ. 1870. № 44. стр. 717—718.

Отвѣтъ на статью г-на Щукина („Разсвѣтъ", № 30). И. *Горнбергъ*. Разсвѣтъ, органъ русск. евреевъ. 1861. № 34, стр. 541.

Мотивы еврейскаго просвѣщенія. Виленскій Вѣстникъ. 1866. № 124.

О распространении просвѣщенія между евреями въ Россіи. (Перед. ст.). Биржевыя Вѣдомости 1866, № 105.

Нѣсколько словъ о домашнемъ воспитаніи еврейскаго юношества и ихъ бракосочетаніяхъ. Статья *Л. И. Д.* Сынъ Отечества. 1868. № 11.

О физическомъ воспитаніи дѣтей. Д-ръ Н. *Бернштейнъ.* Сіонъ, органъ русск. евреевъ. 1861. № 7. стр. 107—110 и № 8, стр. 124—126.

Въ защиту мнѣнія о потребности физическаго перевоспитанія для евреевъ. Левъ *Гальбакъ.* Разсвѣтъ, органъ русскихъ евреевъ. 1861. № 41, стр. 654—656.

По вопросу о воспитаніи евреевъ. Г. *Вербловскій.* Прилож. къ Гакармелю. 1861. № 7, стр. 25. № 8, стр. 29 и № 9, стр. 33.

Объ улучшеніи физическаго воспитанія еврейскаго юношества. Корреспонденція „Вѣстника русскихъ евреевъ". Ш. *Коренгольдъ.* Вѣстникъ русскихъ евреевъ. 1871. № 19, стр. 591—593.

Одностороннее воспитаніе еврейскаго юношества. Э. *Трубичъ.* День, органъ русскихъ евреевъ. 1869. № 11, стр. 172—173.

Вильно, 10 іюня. Г. *Вербловскій.* Прилож. къ Гакармелю. 1861. № 49, стр. 193.

О воспитаніи, библіотекѣ и пр.

Въ редакцію „Гакармеля". В. И. *Капланъ.* Приложеніе къ Гакармелю. 1863. № 36, стр. 115. № 37, стр. 117 и № 41, стр. 122.

Отвѣтъ на статью „Изъ Пинска" въ 29 № „Гакармеля".

Замѣтка о воспитаніи дѣтей между евреями въ г. Минскѣ. Минскія Губ. Вѣд. №№ 24 и 28. По поводу этой статьи Е. Арнольдъ. Минск. Губ. Вѣд. № 26.

Замѣтка о воспитаніи дѣтей между евреями въ г. Минскѣ. Прилож. къ Гакармелю. 1866. № 18, стр. 83—86.

Краткій очеркъ еврейскаго воспитанія въ Минскѣ. Статья *Б—ръ.* Минскія Губ. Вѣд. 1868, № 40.

Минскъ и Вильно. *Минскій житель.* Прилож. къ Гакармелю 1861. № 34, стр. 129.

Объ образованіи евреевъ.

Изъ Пинска. Левъ *Гурвичъ.* Прилож. къ Гакармелю 1863. № 29, стр. 99.

Изъ еврейской училищной жизни.

Замѣтка еврейскаго педагога. О. *Гурвичъ.* Виленскій Вѣстникъ. 1864. № 7 и 26.

По поводу этой замѣтки. Статья *О. В.* Виленскій Вѣстникъ 1864. № 14.

Современныя еврейскія педагог. замѣтки. О. *Гурвичъ.* Виленскій Вѣстникъ. 1864. № 50.

Виленскій Вѣстникъ по поводу еврейскихъ школъ. Виленскія Губ. Вѣд. 1864. № 3.

Современный вопросъ. На судъ молодаго еврейскаго поколѣнія. Л. *Бинштокъ.* Современная Лѣтопись 1864. № 16.

По поводу еврейскихъ училищъ.

Къ вопросу о еврейскомъ образованіи (Статья *Фридлендера*). Кіевлянинъ. 1864. №№ 6, 8, 20 и 21.

Вопросъ объ образованіи евреевъ. Кіевлянинъ. 1864. № 24.

Домашнее и школьное воспитаніе у евреевъ. С. *Роговиковъ.* Учитель. 1864, стр. 368 и 638.

Нѣсколько словъ объ образованіи евреевъ. Кіевскія Губ. Вѣд. 1864. № 49.

Къ вопросу объ образованіи евреевъ. Новое Время. 1870. № 148.

По поводу передовой статьи «Москов. Вѣдомостей» объ обученіи евреевъ въ западномъ краѣ. (Передов. ст.). Биржевыя Вѣдомости. 1866. № 61.

Слово о воспитаніи (Ст. М. Вольфа). Л. *Капланъ.* Прилож. къ Гакармелю. 1862. № 42, стр. 165.

Отчетъ по управленію виленскимъ учебнымъ округомъ о дѣйствіяхъ по части образованія евреевъ, за 1861 годъ. Журн. Мин. Народн. Просвѣщ. 1862. Ч. CXV (№ 8), отд. офиц., стр. 96—98.

Объ евреяхъ и общественномъ ихъ образованіи въ юго-зап. краѣ. I. *Бардманъ.* Вѣстникъ юго-зап. и зап. Россіи 1864. № 12. (іюнь), стр. 313—321.

Объ образованіи евреевъ, живущихъ въ Россіи. Е. *Карновичъ.* Русскій Педагогическій Вѣстникъ. 1857. Т. I и II, стр. 445—471 и 26—58.

Объ образованіи евреевъ. Биржевыя Вѣдомости. 1867. № 38.

Что находитъ русскій еврей въ образованіи для своей практической жизни. С. *Розенбергъ.* День, органъ русск. евреевъ. 1869. № 8, стр. 120—123. № 9, стр. 130—132.

Рѣчь, произнесенная въ таганрогскомъ казенномъ еврейскомъ училищѣ смотрителемъ онаго училища Х. *Зельцеромъ*, по случаю чудеснаго спасенія жизни Государя Императора Александра Николаевича, Государя Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича и Великаго князя Владиміра Александровича 28 мая 1867 г. Прилож. къ Гакармелю 1867. № 46, стр. 193—194.

Изъ Рѣчи, произнесенной смотрителемъ слуцкаго еврейскаго училища Львомъ *Каплановъ*, 2-го февраля 1866 года. Прилож. къ Гекармелю 1866. № 49, стр. 109—110.

3. Общество для распространенія просвѣщенія между евреями.

Кое что по поводу устава общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи. Народное Богатство. 1863. № 257.

Отчетъ общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи за 1864 г. Сост. Е. Б. *Левинымъ*. Спб. 1865. 8⁰. 26 и 3 стр. Такіе же отчеты имѣются и за всѣ послѣдующіе годы.

Биржевыя Вѣдомости 1865. № 93.

Отчетъ общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи за 1864. Прилож. къ Гакармелю 1865. № 27, стр. 21, № 28, стр. 26—28, № 29, стр. 28—30 и № 30, стр. 34—36.

Еще объ обществѣ для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи. М. *Каценеленбогенъ*. Прилож. къ Гакармелю 1868, № 17, стр. 65—67 и № 20, стр. 79—80.

Выдержки изъ отчета общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи за 1867 годъ. Мѣры къ распространенію между евреями знанія русскаго языка. Прилож. къ Гакармелю 1868. № 14, стр. 53—56 и № 15, стр. 57—58.

Выдержки изъ отчета общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи за 1868 годъ. Прилож. къ Гакармелю 1869; № 48, стр. 189.

Уставъ одесскаго отдѣленія общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи. Прилож. къ Гакармелю 1868. № 1, стр. 1.

Значеніе одесскаго отдѣленія общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи. Прилож. къ Гакармелю 1868. № 2, стр. 5—6.

Изъ отчета общества для распространенія просвѣщенія между евреями. Виленскій Вѣстникъ. 1870. № 121.

Отвѣтъ профессору Хвольсону. (По поводу защиты комитета общества для распространенія просвѣщенія между евреями). Д. *Слонимскій*. Новое Время. 1870. № 125.

Отъ комитета общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи. Вѣстникъ Русскихъ Евреевъ 1872. № 3, стр. 80—83.

Институты для изданія и распространенія еврейскихъ книгъ. Сіонъ, органъ русск. евреевъ. 1861. № 17, стр. 270—271.

О засѣданіи общества караимовъ для распространенія просвѣщенія и взаимнаго вспомоществованія. И. *Кафали*. Новорос. Телеграфъ 1872. № 254.

4. Еврейскія учебныя заведенія вообще. Библіотеки.

Объ устройствѣ еврейскихъ безмездныхъ библіотекъ. Г. *Барацъ*. Разсвѣтъ, органъ русск. евреевъ. 1861. № 45, стр. 719—722.

Еврейское училищное дѣло въ Гроднѣ. Статья *С. Г. У.* Виленскій Вѣстникъ. 1867. №№ 86 и 87.

Экзаменъ въ частныхъ русско-еврейскихъ училищахъ. Дмитрій *Ж.* Гродненскія Губ. Вѣд. 1866. № 34.

Экзаменъ въ Динабургѣ. Статья *В—аго*. Прилож. къ Гакармелю. 1863. № 24, стр. 87.

Изъ „Сѣв. Пчелы".

Актъ въ ковенскомъ еврейскомъ училищѣ. Ковенскія Губ. Вѣд. 35.

Объ испытаніяхъ и выпускѣ учениковъ еврейскихъ училищъ въ Вильнѣ. Виленскій Вѣстникъ. 1865. № 190.

Значеніе еврейскихъ учебныхъ заведеній. А. *Корева*. Виленск. Вѣстн. 1860. №№ 14 и 15.

О судьбѣ литовскихъ евреевъ.

Евреи въ кіевскихъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ. І. М. *Троицкій-Шохаръ*. Кіевскій телеграфъ. 1865. № 32.

Еврейскія учебныя и благотворительныя заведенія въ Могилевѣ на Днѣстрѣ. Сіонъ, органъ русск. евреевъ. 1861, № 30, стр. 480—482.

Отчетъ члена совѣта министерства народн. просв. *Постельса* по обозрѣнію еврейскихъ училищъ, съ 7-го мая по 7-е сентября 1864. Спб. 1865. (Прилож. къ 3-му № Журн. Мин. Нар. Просв. 1865).

1) Кіевлянинъ. 1865. №№ 44 и 45.
2) Голосъ. 1865. № 143.
3) Голосъ. 1865. № 176. (Статья Л. *Бинштока*).
4) Биржев. Вѣдомости. 1865. № 78.

Отчетъ директора училищъ Бессарабской обл. Яновскаго по обозрѣнію еврейскихъ училищъ въ гг. Бѣльцахъ и Сорокахъ. Циркуляръ по управл. одесск. учебн. округомъ. 1865. № 10, стр. 778—781.

Вопросъ объ еврейскихъ училищахъ. Л. *Бинштокъ*. Русскій Вѣстникъ 1865. №№ 11 и 12; стр. 203—234 и 574—591.

Этой статьи былъ отд. оттискъ, Москва 1866. 8⁰. 64 стр.

Въ редакцію газеты „День". День, органъ русск. евреевъ, 1869. № 24, стр. 372—375.

О еврейскихъ училищахъ.

Два слова объ училищахъ. М. *Зильберштейнъ*. Разсвѣтъ, органъ русск. евреевъ. 1860. № 20, стр. 317—319.

Еврейскія училища. А. *Гордонъ*. Журн. Мин. Нар. Просв. 1862, ч. CXV, № 9, отд. I, стр. 254—283.

Еврейскія училища въ Россіи. (Передов. статья). Спб. Вѣдомости. 1866. № 174.

Еврейскія училища въ Царствѣ Польскомъ. Сѣв. Почт. 1862. № 128.

Замѣтка о еврейскихъ училищахъ. Н. *Горнбергъ.* Разсвѣтъ, органъ русск. евреевъ. 1860. № 6, стр. 86—87.

Извлеченія изъ протоколовъ засѣданій коммиссій, учрежденной по предложенію попечителя кіевскаго учебнаго округа для обсужденія вопроса о еврейскихъ училищахъ. Прилож. къ Гикармелю. 1867. № 48, стр. 203—204.

Изъ бѣлоруссіи. М. *Гуровичъ.* День, органъ русск. евреевъ. 1870. № 15, стр. 254—255.

О еврейскихъ училищахъ.

Еще о еврейскихъ училищахъ. В. *Федоровъ.* Кіевлянинъ 1865. № 130—132.

По вопросу о еврейскихъ училищахъ. Статья *С. З.* Кіевлянинъ. 1865. № 55.

Еще слово о еврейскихъ училищахъ. Кіевскій Телеграфъ. 1865. № 102.

Къ вопросу о еврейскихъ училищахъ. (Отвѣтъ г. З. С.). Кіевлянинъ. 1865. № 73—75.

Къ вопросу о еврейскихъ училищахъ. Статья *П—на.* Варшавскій Дневникъ. 1868. № 218.

Къ вопросу объ еврейскихъ училищахъ. *Розенцвейгъ.* День, органъ русск. евреевъ. 1870. № 32, стр. 527 — 528 и Вѣстникъ Русск. Евреевъ. 1871. № 31, стр. 964—967.

Къ вопросу объ еврейскихъ училищахъ. А. *Катловкеръ.* День. органъ русскихъ евреевъ. 1870. № 36, стр. 581—583.

Къ вопросу объ еврейскихъ училищахъ. Кіевлянинъ. 1867. №№ 124, 125, 135 и 136.

Къ вопросу о еврейскихъ училищахъ. *Нума Перельштейнъ.* Кіевлянинъ. 1867. № 150.

Нѣсколько словъ о еврейскихъ училищахъ. И. *Трузсонъ.* Бессарабскія обл. вѣд. 1867. № 50.

Много званныхъ, но мало избранныхъ. (По поводу статьи г. Трузсона о еврейскихъ училищахъ). С. *Занозинъ* и И. *Трузсонъ.* Бессарабскія обл. вѣд. 1867. №№ 51 и 53.

Мнѣніе инспектора житомірскаго раввинскаго училища по вопросу о преобразованіи еврейскихъ училищъ. Циркуляръ по управл. кіев. учебн. округомъ. 1866. № 11.

Нѣсколько словъ о еврейскихъ училищахъ. Статья *Н. Г.* Голосъ, 1866. № 154.

Нѣсколько словъ о еврейскихъ училищахъ. Статья *Н. Г.* Прилож. къ Гакармелю. 1866. № 13, стр. 61—62, и № 14, стр. 67—69.

О контролѣ надъ еврейскими училищами. Статья М. *М—са.* Прилож. къ Гакармелю. 1867. № 34, стр. 145—147, № 35, стр. 149—150 и № 36, стр. 154—156.

Особый отчетъ по еврейскимъ училищамъ въ дерптскомъ учебн. округѣ, за 1865. Журналъ Минист. Народн. Просв. 1866. № 6. Ч. 130, стр. 637—640.

Открытіе училищъ въ еврейскихъ колоніяхъ Херсонской губерніи. М. *Коганъ.* Одесскій Вѣстникъ 1868. № 227.

Письмо къ редактору. А. *Пумпянскій.* Вѣстн. Русск. Евреевъ. 1871. № 39, стр.1208—1210.

О еврейскихъ училищихъ.

Письмо въ редакцію. И. *Горовицъ.* Разсвѣтъ, органъ русскихъ евреевъ. 1860. № 4, стр. 53—54.

Объ одесскомъ обществ. еврейскомъ училищѣ.

Протоколы засѣданій коммиссій для обсужденія вопроса объ еврейскихъ училищахъ. Циркуляръ по управленію кіевскимъ учебн. округомъ. 1866. №№ 9 и 10.

Письма о ковенскихъ евреяхъ. (О нашихъ учебн. завед.). А. Л. Сѣверная Пчела. 1863. № 211.

Еще о еврейскихъ училищахъ. А. *Бинштокъ.* Голосъ. 1863. № 246.

Состояніе еврейскихъ училищъ зъ послѣднее время (С. *Ош.*). Прилож. къ Гакармелю 1865. № 23, стр. 6—8, № 24, стр. 11—12 и № 26, стр. 18.

Безплатная еврейская школа въ Вильнѣ. Статья А. *Г—и.* Прилож. къ Гакармелю 1861. № 45, стр. 177.

Еврейская школа въ С.-Петербургѣ. С.-Петербургскія Вѣдомости. 1867, № 193.

О народныхъ школахъ для евреевъ г. Вильно. Виленскія губерн. вѣд. 1864. № 1.

Учрежденіе общеобразоват. школъ для евреевъ на Востокѣ и въ Африкѣ. Прилож. къ Гакармелю. 1865. № 27, стр. 22—24.

О наемныхъ молитвенныхъ школахъ. И. *Бродскій.* Разсвѣтъ, органъ русск. евреевъ. 1861. № 36, стр. 571—572.

Отвѣтъ С.-Петербург. Вѣдом. (№ 243) по поводу открытія еврейскихъ молитвенныхъ школъ. Волынскія губерн. вѣд. 1867. № 108.

О бердичевскихъ учебныхъ еврейскихъ заведеніяхъ. Н. *Горнбергъ.* Сіонъ, органъ русск. евреевъ. 1861. № 18, стр. 287—288.

О бердичевскихъ еврейскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Прилож къ Гакармелю. 1861. № 27, стр 106.

О хедерахъ (еврейск. училища). И. *Вейсъ.* Волынскія губ. вѣд. 1867. № 59.

Пріютъ для крещенныхъ евреевъ. Домашняя Бесѣда. 1869. № 34.

Касса для вспомоществованія недостаточнымъ еврейскимъ студентамъ. I. *Каценъ,* В. *Мандельбаумъ,* Г. *Розенъ*. Сіонъ, органъ русск. евреевъ. 1861. № 17, стр. 269—270.

О необходимости помогать еврейскимъ студентамъ взносомъ за нихъ платы за слушаніе лекцій. Л. *Пласковъ*. Сіонъ, органъ русск. евреевъ. 1862. № 38, стр. 604—605.

Отчетъ о вспомогательной суммѣ студентовъ евреевъ университета Св. Владиміра за 1870 годъ. День, органъ русск. евреевъ. 1871. № 7, стр. 101—102.

Отчетъ о вспомогательной суммѣ студентовъ-евреевъ универ. Св. Владиміра за 1870 годъ. Вѣстн. Русск. Евреевъ. 1871. № 8, стр. 238—239.

Публичная библіотека при минскомъ еврейскомъ обществѣ. *З. Миноръ*. Сіонъ, органъ русск. евреевъ. 1862. № 39, стр. 621—622.

По поводу письма изъ Кіева г. Кулишера. *Я. Коссовскій-Гордонъ*. Разсвѣтъ, органъ русскихъ евреевъ. 1860. № 31, стр. 495—499.

О библіотекѣ еврейскихъ студентовъ.

5. Раввинскія училища.

Въ защиту раввинскихъ училищъ и ихъ воспитанниковъ. П. *Лякубъ*. Одесск. Вѣстникъ. 1860. № 83.

Еще въ защиту раввинскихъ училищъ и ихъ воспитанниковъ. (Отвѣтъ г. И. Горовицу). П. *Лякубъ*. Одесск. Вѣстн. 1860. № 102.

Кое-что о раввинскихъ училищахъ. С. *Коренблитъ*. Вѣстн. русск. евреевъ. 1871. № 13, стр. 399—404.

Еще о раввинскихъ учичищахъ. Статья *М. S.* День, органъ русскихъ евреевъ. 1870, № 33, стр. 535—538.

Краткое извѣстіе объ испытаніяхъ и выпускѣ учениковъ 1864/5 учебнаго года, раввинскаго и прочихъ еврейскихъ училищъ въ Вильнѣ. *Л. Леванда* и *І. Герштейнъ*. Прилож. къ Гакармелю. 1865. № 39, стр. 69—71.

Къ вопросу о раввинскихъ училищахъ. Статья И. *Л*. День, органъ русск. евреевъ. 1869. № 15, стр. 235—237, № 16, стр. 250—253 и № 17, стр. 266—570.

О вліяніи раввинскихъ училищъ на народное образованіе евреевъ. С. И. *Финъ*. Прилож. къ Гакармелю. 1865. № 34, стр. 49—52 и № 40, стр. 73—75.

О пользѣ раввинскихъ училищъ и о новообразованныхъ раввинахъ. *Маргулисъ*. Кіевск. телеграфъ. 1861. №№ 18—21.

О раввинскихъ училищахъ. И. *Горовица*. Разсвѣтъ, органъ русск. евреевъ. 1860. № 13, стр. 208—213.

Отвѣтъ г-ну И. Горовицу. *Ем. Соловейчикъ*. Разсвѣтъ, органъ русск. евреевъ. 1860. № 20, стр. 316—317.

О раввинскихъ училищахъ. М. *Новоселицкій*. Разсвѣтъ, органъ русск. евреевъ. 1860. № 28, стр. 447—451.

О раввинскихъ училищахъ. *Раввинистъ*. День, органъ русск. евреевъ. 1871. № 16, стр. 238—240 и № 17, стр. 257—258.

Письмо къ редактору. П. *Лякубъ*. Прилож. къ Гакармелю. 1865. № 41, стр. 77—78.

О раввинскихъ училищахъ.

Очерки раввинской бурсы или раввинчуки. *Жемчужинъ*. День, органъ русск. евреевъ. 1870, № 22, стр. 369—372.

Pium desiderium. Статья виленскаго раввина *О. Штейнберга*. Прилож. къ Гакармелю. 1861. № 10, стр. 37, и № 11, стр. 41.

По поводу открытія безплатн. школы при раввинскомъ училищѣ.

Послѣднее слово г. И. Горовицу. П. *Лякубъ*. Приложеніе къ Гакармелю 1861. № 5, стр. 17, и № 6, стр. 21.

Раввинское училище. Статья *А. Н—в—с—л—ва*. Виленскій Вѣстникъ. 1870. №№ 28 и 29.

Чѣмъ должны стать русскія раввинскія училища. Статья М. *М—са*. Прилож. къ Гакармелю. 1867. № 41, стр. 173—176 и № 45, стр. 189—192.

Историческія свѣдѣнія о виленскомъ раввинскомъ училищѣ. Виленскій Вѣстникъ, 1872. №№ 152, 153, 155, 158, 164, 165, 182.

Вильно 27 мая. Виленское раввинское училище. Статья *О. Кацана*. Прилож. къ Гакармелю. 1861. №№ 46 и 47, стр. 181.

Отвѣтъ г. Кацану. А. *Гаркави* и С. *Меєровичъ*. Прилож. къ Гакармелю. 1861. № 48, стр. 191.

Описаніе виленскаго раввинскаго училища. П. *Лякубъ*. Разсвѣтъ, органъ русскихъ евреевъ, 1860. № 15, стр. 239—243.

Пріютъ для бѣдныхъ учениковъ виленскаго раввинскаго училища. Прилож. къ Гакармелю. 1866. № 7, стр. 29—30.

Замѣтка о житомірскомъ раввинскомъ училищѣ. Статья *Ма-Якъ*. Прилож. къ Гакармелю. 1868. № 29, стр. 114—116.

Отчетъ вспомогательной суммы неимущихъ учениковъ житомірскаго раввинскаго училища за 1870 годъ. *З. Слонимскій*. Вѣстникъ русск. евреевъ. 1871. № 11, стр. 327.

Торжественный актъ въ житомірскомъ раввинскомъ училищѣ, 28 августа 1857 г. Статья *А. П.* Волынскія губерн. вѣдом. 1857. № 37.

6. Казенныя еврейскія училища.

Одесское казенное еврейское училище 2-го разряда. Историко-статист. очеркъ А. В. *Вистъ*. Циркуляръ по одесск. уч. округу. 1865. № 6.

О пинскомъ казенномъ еврейскомъ училищѣ. А. *Лурье*. Виленскій Вѣстникъ. 1867. № 109.

Симферопольское казенное еврейское училище. Полиц. Листокъ Керчь-Еникольск. градон. 1860. № 6.

Къ вопросу о казенныхъ еврейскихъ училищахъ П. *Лякубъ*. Прилож. къ Гакармелю. 1866. № 15, стр. 71 — 73 и № 16, стр. 77—78.

Краткая замѣтка о казенныхъ еврейскихъ училищахъ г. Бердичева. Н. *Горнбергъ*. Журналъ минист. народн. просв. 1863. № 5; стр. 77—78.

По вопросу о казенныхъ еврейскихъ училищахъ. Т. *Розенцвейгъ*. Прилож. къ Гакармалю. 1861. № 15, стр. 58.

Еще къ вопросу о казенныхъ еврейскихъ училищахъ. Г. *Розенцвейгъ*. Вѣстн. Русск. Евреевъ. 1871. № 38, стр. 1183—1186.

Протоколъ засѣданія педагог. совѣта бердичевскаго казеннаго еврейскаго второстепеннаго училища, 17 октября 1862. Журналъ минист. народн. просв. 1863. № 1, стр. 26—33.

Еще о еврейскихъ казенныхъ училищахъ. И. *Горнбергъ*. Разсвѣтъ, органъ русск. евреевъ. 1861. № 36, стр. 574—576.

7. Субботнія школы.

О субботней школѣ. Херсонскія губернскія вѣдомости 1863. №№ 19 и 20.

Субботно-воскресная школа въ Полтавѣ. Прилож. къ Гакармелю. 1861. №№ 46 и 47, стр. 182.

Первое субботнее училище для еврейскихъ мальчиковъ, ремесленнаго и торговаго классовъ, учрежденное въ 1859 г. докторомъ А. И. *Гольденблумомъ*. Одесса, въ тип. П. Францова. 1861. 80, 14 стр.

Первый годичный отчетъ субботней школы при казенномъ еврейскомъ училищѣ въ Одессѣ. Преподаватели. Сіонъ, органъ русск. евреевъ. 1861. № 31, стр. 496—497.

8. Ремесленныя еврейскія школы.

Нѣсколько словъ объ евреяхъ-ремесленникахъ и объ еврейскихъ ремесленныхъ школахъ. В. *Федоровъ*. Кіевлянинъ, 1865. №№ 122 и 123.

Предположеніе объ открытіи еврейскихъ ремеслен. школъ въ юго-западн. краѣ. Кіевлянинъ, 1864, № 3.

Ремесленныя еврейскія училища. Кіевскій Телеграфъ. 1864. № 20.

Высочайше утвержденное (въ видѣ опыта на три года) положеніе о житомірскомъ еврейскомъ ремесленномъ училищѣ. Приложеніе къ Гакармелю, 1861. № 17, стр. 67, № 18, стр. 69, № 19, стр. 75 и № 20, стр. 80.

Житомірское еврейское училище. Прилож. къ Гакармелю 1865. № 31, стр. 38—40, № 33, стр. 48.

О житомірскомъ еврейскомъ ремесл. училищѣ. Л. *Биншток*ъ. Виленскія губ. вѣдом. 1867. №№ 7, 8, 9, 10 и 11.

О житомірскомъ еврейскомъ ремесленномъ училищѣ (статья *Льва Бинштока*). Прилож. къ Гакармелю 1867. № 39, стр. 165—168.

Житомірское еврейское ремесленное училище. М. *Варшавскій*. Вѣстникъ русск. евреевъ 1871. № 26, стр. 806—808. № 27, стр. 837—839.

Отчетъ житомірскаго раввина И. *Кулишера* о состояніи житомірскаго еврейскаго ремесленнаго училища. День, органъ русск. евреевъ, 1871. № 15, стр. 224—227, № 16, стр. 240—243, № 17, стр. 258—261.

По поводу ремесленнаго училища въ Житомірѣ. А. *Глейзеръ*. День, органъ русск. евреевъ, 1871. № 11, стр. 164—165.

9. Талмудъ-Тора и бурса.

О еврейской талмудторѣ въ г. Вильнѣ. *Леванды*. Виленскій Вѣстникъ 1861. № 27 и Прилож. къ Гакармелю. 1861. № 40, стр. 152.

Въ редакцію «Гакармеля». Ф. *Рубиновичъ*. Прилож. къ Гакармелю 1862. № 18, стр. 65.

О состояніи виленскаго еврейскаго дѣтскаго пріюта Талмудъ-Тора.

Виленская Толмудъ-Тора. Прилож. къ Гакармелю 1866. № 3, стр. 13—14. № 6, стр. 25—26.

Нѣкоторыя замѣчанія объ еврейскихъ благотворительныхъ учрежденіяхъ вообще и житомірской Талмудъ-Торѣ (школа) въ особенности. Я. *Вайнраубъ*. Волынскія губ. вѣд. 1865. № 44.

О житомірской Талмудъ-Торѣ. Волынскія губ. вѣдом. 1867. № 37.

Открытіе въ Елисаветградѣ Талмудъ-Торы (изъ Одесск. Вѣстн.). Журн. мин. нар. просв. 1868, ч. 100, отд. VII, стр. 154—156.

Одесская Талмудъ-Тора. Н. *Пироговъ*. (Одесса. 1858). Въ 8 д., 12 стр.

Одесская Талмудъ-Тора. Статья Э. *Тр—ича*. Разсвѣтъ, органъ русск. евреевъ. 1860. № 10, стр. 153—154.

Отчетъ Талмудъ-Торы за 1868 г. Вѣдомости одесск. город. общ. управленія. 1867. № 39.

Отчетъ о приходѣ и расходѣ одесской Талмудъ-Торы за 1869 годъ и отчетъ по снабженію бѣдныхъ учениковъ Талмудъ-Торъ обѣденнымъ столомъ за 1869 годъ. Одесса. Тип. Л. Нитче. 1870. 4 д. л. 4 стр.

Симферопольская Талмудъ-Тора. Статья В. *В—га*. Таврическія губ. вѣд. 1866. № 13.

Ешиботная бурса. Статья А. *К—ра*. День, органъ русск. евреевъ. 1869. № 6, стр. 93—95, № 9, стр. 141—143, № 12, стр. 188—190 и № 84, стр. 381—384.

10. Женское воспитаніе у евреевъ и женскія учебныя заведенія.

О воспитаніи дѣвицъ. Л. *Дрейзинъ*. Приложеніе къ Гакармелю. 1862. № 1, стр. 3.

О частныхъ школахъ для еврейскихъ дѣвицъ. Е. *Арнольдъ*. Минскія губ. вѣд. №№ 27 и 30.

О воспитаніи и степени образованности еврейскихъ женщинъ. Д. *Лазаревъ*. Учитель. 1864, стр. 557.

О женскомъ образованіи. А. *Зейдлеръ*. Разсвѣтъ, органъ русск. евреевъ. 1861. № 40, стр. 638—639.

Частныя женскія еврейскія училища. Прилож. къ Гакармелю 1865. № 32. стр. 41—42 и № 33, стр. 46—47.

Частное еврейское дѣвичье училище въ Симферополѣ. П. *Лякубъ*. Разсвѣтъ, органъ русск. евреевъ. 1860. № 4, стр. 54—55.

Экзаменъ въ частномъ еврейскомъ дѣвичьемъ училищѣ. Гродненскія губ. вѣд. 1866. № 33.

Еврейское женское для первоначальнаго образованія въ Черниговѣ училище. А. *Гинсбургъ*. Прилож. къ Гакармелю 1867. № 37, стр. 159—160.

Рѣчь по поводу 10 лѣтн. существованія училищъ для еврейскихъ дѣвицъ, содерж. Х. Фунтомъ. Минскія губ. вѣдом. 1867. № 21.

Нѣсколько словъ о частномъ еврейскомъ дѣв. училищѣ М. Фунта. Минскія губ. вѣд. 1868. № 43.

Казенное еврейское дѣвичье училище въ Одессѣ. Я. *Цитронъ*. Разсвѣтъ, органъ русск. евреевъ. 1860, № 31, стр. 499—500.

О частныхъ школахъ для еврейскихъ дѣвицъ въ г. Минскѣ. Прилож. къ Гакармелю 1866. № 15, стр. 73—74.

Открытіе еврейской дѣвичьей двуклассной школы въ Витебскѣ. Прилож. къ Гакармелю. 1866. № 13, стр. 62—64.

Открытіе еврейской дѣвичьей двуклассной школы въ Витебскѣ. Витебскій Вѣстникъ 1866. № 133 (изъ Витебск. губ. вѣд.).

Пансіонъ для еврейскихъ дѣвицъ въ Бердичевѣ. А. *Брикъ*. Разсвѣтъ, органъ русск. евреевъ. 1860. № 13, стр. 204—206.

Письмо въ редакцію. Б. *Бертензонъ*. Сіонъ, органъ русск. евреевъ. 1862. № 40, стр. 633.

Объ Одесскомъ еврейскомъ казенномъ дѣвичьемъ училищѣ.

Письмо въ редакцію Гакармеля. А. *Лурія*. Прилож. къ Гакармелю 1861. № 49, стр. 194.

О дѣвичьемъ училищѣ въ Бѣлостокѣ.

Рѣчь, произнесенная смотрителемъ казеннаго еврейскаго училища въ Тельшахъ, Л. *Гордономъ*, при открытіи тамъ частной школы для еврейскихъ дѣвицъ. Прилож. къ Гакармелю 1866. № 28, стр. 121—122.

Рѣчь учителя Н. *Перельштейна* на публичномъ актѣ винницкаго женскаго еврейскаго училища. Сіонъ, органъ русск. евреевъ. 1861. № 11, стр. 175—176.

Торжественный актъ въ еврейскомъ дѣвичьемъ училищѣ г. Шейнфельда. Статья *Р*. Бессарабскія обл. вѣд. 1863. № 40.

Изъ рѣчи, сказанной содержателемъ еврейскаго дѣвичьяго пансіона въ г. Херсонѣ, А. *Брукомъ*, на торжественномъ актѣ 12-го сентября сего года. Сіонъ, органъ русск. евреевъ. 1861. № 20. стр. 321—323.

IV. ПРАВОВѢДЕНІЕ. ЕВРЕЙСКІЙ ВОПРОСЪ СЪ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ.

1. Теорія и исторія правъ относительно евреевъ въ Россіи.—Моисеево-талмудическое законодательство.—Юридическія права евреевъ въ разныхъ государствахъ.

Обзоръ перемѣнъ, происшедшихъ въ положеніи русскихъ евреевъ съ 1855 по 1860 годъ. Н. *Чацкинъ*. Разсвѣтъ, органъ русск. евреевъ. 1860. № 1, стр. 3—7, № 2, стр. 21—23.

Взглядъ на бытовую и административную организацію русскихъ евреевъ. Статья *Р—на*. Журналъ минист. народн. просв. 1868. № 3. Ч. 137 (Соврем. Лѣтопись), стр. 365—394.

Историческое изслѣдованіе о правахъ литовско русскихъ евреевъ. Диссертація на степень магистра. Ф. *Леонтовичъ*. Университетскія извѣстія (Кіевскія). 1864. № 3, стр. 1—43.

Историческій обзоръ постановленій о евреяхъ въ Россіи. Ф. *Леонтовичъ.* Сіонъ, органъ русск. евреевъ. 1861. № 19, стр. 293—297, № 20, стр. 311 — 314, № 21, стр. 325 — 329, № 22, стр. 341—345, № 23, стр. 358—361, № 24, стр. 373—379, № 25, стр. 389—394, № 26, стр. 405—410, № 27, стр. 421—427, № 41, стр. 641—647, № 42, стр. 652—657, № 43, стр. 669—673.

Очеркъ законодательныхъ мѣръ относительно евреевъ въ послѣдніе года. Ил. *Оршанскій.* День, органъ русск. евреевъ. 1869. № 1, стр. 4 — 7, № 2, стр. 19 — 21, № 3, стр. 35 — 38 и № 4, стр 51 - 53.

О правахъ, предоставляемыхъ закономъ воспитанникамъ еврейскихъ учебныхъ заведеній. М. *Моргулисъ.* Разсвѣтъ, органъ русск. евреевъ. 1861. № 47, стр. 752—755.

Какъ смотрятъ евреи на нарушеніе государственныхъ законовъ. Духовная бесѣда. 1868 г. т. 1. № 9, стр. 152—160.

О евреяхъ и неравноправности ихъ съ другими гражданами. Статья Н. *П—ва.* Петербургская Газета. 1869. № 186.

Равноправность евреевъ. П. *Таколча-Мокрицкій.* Сынъ Отечества. 1867. № 236—238. (Будн. №№).

Братьямъ іудеямъ. Сынъ Отечества 1867, №№ 275 и 296. (Будн. №№).

Новыя права и новыя обязанности. Сіонъ, органъ русск. евреевъ. 1862. № 39, стр. 619—621.

Рекрутство. Статья Р. *К.* Разсвѣтъ, органъ русск. евреевъ. 1861. № 40, стр. 639—641.

По вопросу о домашней прислугѣ. П. *Лякубъ.* Разсвѣтъ, органъ русск. евреевъ. 1861, № 52, стр. 831—833.

Новый указъ о евреяхъ. Голосъ. 1865. № 199.

О реформѣ между русскими евреями. *Русскій Еврей.* Русск. Инвалидъ 1861. № 251.

Къ вопросу объ обрусеніи евреевъ. Ил. *Оршанскій.* День, органъ русск. евреевъ. 1870. № 13, стр. 219—220, № 15, стр. 251—254, № 17, стр. 282 — 285, № 26, стр. 431 — 433, № 27, стр. 448 — 449, № 29, стр. 478 — 480, № 31, стр. 508 — 509, № 37, стр. 603 — 606, № 39, стр. 634 — 636, № 40, стр. 649 — 652 и № 44, стр. 715—717.

Взглядъ еврея, принявшаго православіе, на реформу въ бытѣ еврейскаго народа въ Россіи. Я. *Брафманъ.* Виленскій Вѣстникъ. 1866. №№ 149, 151 и 173.

Г. Гальберштадтъ и вопросъ о реформѣ. Ем. *Соловейчикъ.* Разсвѣтъ, органъ русск. евреевъ. 1860. № 17, стр. 274—280.

Отвѣтъ г-ну Соловейчику. І. *Гальберштадтъ.* Разсвѣтъ, органъ русск. евреевъ. 1860. № 32, стр. 511—515.

О новыхъ правахъ, предоставленныхъ евреямъ. Голосъ 1865. № 228.

Девятнадцатый нумеръ „Дня". Время. 1862. № 2, отд. II, стр. 164—168.

Передовая статья по поводу новаго закона о правахъ евреевъ, имѣющихъ дипломы на ученыя степени.

Гласъ радости. Рѣчь по случаю Высочайше дарованныхъ, въ 27 день ноября 1861 года, преимуществъ евреямъ, получившимъ образованіе и служащимъ при еврейскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Произнесена 21-го января 1862 года въ минскомъ большемъ молитвенномъ домѣ (Шаба Крупмъ) минскимъ общественнымъ раввиномъ, *З. Миноромъ.* Минскъ. Въ губерн. тип. 1862. 8°, 30 стр.

Подтвердительная привиллегія правъ и преимуществъ евреевъ г. Витебска, данная 13 авг. 1759 г. королемъ польск. Августомъ III. (Перев. съ польск.). Вѣстникъ юго-зап. и зап. Россіи. 1864. № 11 (май), стр. 17—27.

Матеріалы для исторіи бѣлорусск. евреевъ.

Сборникъ узаконеній, касающихся евреевъ. Составленъ по распоряженію мин. вн. дѣлъ, въ департ. полиціи исполнительной. Спб. 1872, ц. 2 р.

1) Еврейская Библіотека. Т. III, стр. 91—154. (Статья И. Оршанскаго).

2) С.-Петербургскія Вѣдомости. 1872, №№ 160 а 161. (Статья Ф.).

Указатель законовъ о евреяхъ. *Колоколовъ.* Москва. 1861. Ц. 2 руб.

Очеркъ моисеево-талмудическаго права. М. П. *Шафиръ.* Спб. 1871. Ц. 50 коп.

Эта статья была помѣщена въ «Вѣстникѣ Русск. Евреевъ. 1871. №№ 6 - 13, и въ «Новости». 1871. № 7. (Библ. зам.).

О нравственномъ достоинствѣ гражданскихъ законовъ моисеевыхъ. А. *Лебедевъ.* Москва. 1858. Ц. 75 к.

О правахъ евреевъ въ Англіи. Статья *Маколея.* Отечеств. Записки 1859. Ч. 123, № 3, отд. 6, стр. 20—30.

О юридическомъ положеніи евреевъ въ Германіи въ средніе вѣка. Статья *Я. Р.* Московскія Вѣдомости. 1859. №№ 186 и 187.

Полноправность евреевъ въ Италіи. Сіонъ, органъ русск. евреевъ. 1861. № 12, стр. 194—195.

Литографированныя прошенія и полноправіе евреевъ въ велик. герц. Баденскомъ. Прилож. къ Гакармелю. 1862. № 47, стр. 188.

О положеніи евреевъ въ великомъ герцогствѣ Познанскомъ. Сіонъ, органъ русск. евреевъ. 1861. № 11, стр. 179 - 180.

Нѣкоторыя статьи изъ тунисскаго законодательства, имѣющія отношенія къ евреямъ. Прилож. къ Гакармелю. 1861. № 22, стр. 88 и № 23, стр. 92.

Философія восточнаго права. В. *Гинстлингъ.* Прилож. къ Гакармелю. 1862. № 4, стр. 10.

2. Гражданское право русское, относительно евреевъ и собственно моисеево и еврейское обычное.

Вліяніе просвѣщенныхъ государствъ и современнаго духа на успѣхи и гражданское положеніе евреевъ. Соч. І. *Тарнополя*. Одесса, въ тип. Л. Нитче. 1862. 8 д. л. 20 стр.

Вліяніе просвѣщенныхъ государствъ и современнаго духа на успѣхи гражданскаго положенія евреевъ. Одесса. 19 декабря 1858 года. І. *Тарнополь*. Русскій Инвалидъ. 1859. № 47.

Право наслѣдованія по моисееву-талмудическому законодательству. Предварит. замѣтка и примѣчанія. А. *Гаркави* и самая статья М. *Моргулиса*. Сборникъ статей по еврейской исторіи и литературѣ. Вып. 2-й, стр. 1—80.

Бракъ по библейско-талмудическому законодательству. (По Франкелю). А. *Думашевскій*. Библіот. для чтенія. 1861. Т. 163. № 1, стр. 1—40.

Наше законодательство о бракахъ христіанъ съ нехристіанами. Вѣстникъ русск. евреевъ. 1872. № 18, стр. 539—542.

Наше законодательство о бракахъ нехристіанъ между собою. Вѣстникъ русск. евреевъ. 1872 г., № 23, стр. 706—710

Значеніе еврейскаго юнаго брака. Могилевскія губернск. вѣд. 1870. № 58.

Зародышъ гражданскаго брака въ моисеевомъ законодательствѣ. Дѣятельность 1869. № 120.

Допускаетъ-ли юдаизмъ и желаютъ-ли евреи многоженства? *Веніаминъ Швейцеръ*. Вѣстникъ русскихъ евреевъ 1871. № 24, стр. 741—744 и № 25, стр. 775—778.

О бракахъ между караимами и евреями. Н. *Арменцовъ*. Новороссійскія вѣдомости 1871. № 171.

О значеніи еврейской подписи на актахъ. Ил. *Оршанскій*. День, органъ русск. евреевъ. 1871. № 17, стр. 252—254 и № 18, стр. 269—270.

Дарованіе гражданскихъ правъ евреямъ. Русскій Инвалидъ 1861. № 253.

О правѣ евреевъ вступать въ гражданскую службу. К. *Арсеньевъ*. Вѣкъ 1862. №№ 9—10.

Къ вопросу о разрѣшеніи евреямъ пріобрѣтать земли въ зап. Россіи. *Моргулисъ*. Кіевлянинъ 1865. №№ 86, 94 и 95.

Отвѣтъ на эту статью. Кіевлянинъ 1865. № 95.

Къ вопросу объ арендованіи евреями земли въ западномъ краѣ. М. *Моргулисъ*. День, органъ русск. евреевъ. 1870. № 17, стр. 287—289, № 18, стр. 302—304, № 19, стр. 419—322 и № 20, стр. 332—336.

Вопросъ объ арендованіи земли евреями. Вѣстникъ русск. евреевъ 1872. № 13, стр. 393—398, № 16, стр. 473—477.

Обыкновенная исторія. Ил. *Оршанскій*. День, органъ русск. евреевъ. 1870. № 52, стр. 849—851.

Статья касается правъ евреевъ арендовать населенное имѣніе.

Имѣютъ-ли право евреи-ремесленники пріобрѣтать недвижимую собственность въ мѣстахъ ихъ жительства, за чертою общей осѣдлости евреевъ вообще? Яковъ *Гурляндъ*. День, органъ русск. евреевъ. 1870. № 11, стр. 184—185, № 12, стр. 198—200 и № 13, стр. 222—225. (Изъ «Судебнаго Вѣстника»).

3. Судопроизводство русское относительно евреевъ. Судопроизводство и судоустройство у древнихъ евреевъ. Дѣла судебныя о евреяхъ.

Судоустройство и судопроизводство у евреевъ по законодательству Моисея. Воскресное Чтеніе 1869. № 18.

Наказанія у древнихъ евреевъ по законодательству Моисея. Воскресное Чтеніе 1869. № 21.

Уголовный судъ у древнихъ евреевъ во времена владычества Римлянъ. О. *Рабиновичъ*. Разсвѣтъ, органъ русск. евреевъ. 1860. № 20, стр. 323—326.

Объ отношеніи виленскихъ евреевъ къ суду. (Перед. ст.). Виленскій Вѣстникъ 1872. № 241.

Нѣсколько словъ о присягѣ свидѣтелей-евреевъ. Ил. *Оршанскій*. День, органъ русск. евреевъ. 1870. № 46, стр. 748—751.

Еще по вопросу о присягѣ у евреевъ. Раввинъ *Брикъ*. Кіевлянинъ 1865. № 51.

Старая новость. День, органъ русск. евреевъ. 1871. № 8, стр. 127—128.

По поводу присяги въ судѣ въ субботу.

Рѣшеніе уголовнаго кассаціоннаго департамента сената объ еврейской присягѣ. Вѣстникъ русск. евреевъ. 1871. № 7, стр. 201—202.

О присягѣ свидѣтелей-евреевъ. Вѣстникъ русск. евреевъ. 1872. № 7, стр. 205—208, и № 11, стр. 335—340.

Новыя погудки на старый ладъ. *Все тотъ-же*. День, органъ русск. евреевъ. 1871. № 19, стр. 291—292.

По поводу освобожденія евреевъ отъ присутствія въ судѣ въ субботу.

Кассаціонныя рѣшенія, какъ матерьялъ для характеристики евреевъ. N. N. Вѣстникъ русскихъ евреевъ. 1872. № 16, стр. 488—491.

Можетъ-ли еврей быть мировымъ судьею? Вѣстникъ русск. евреевъ. 1872. № 25, стр. 769—772.

Еврейская эксплоатація съ юридической точки зрѣнія. Вѣстникъ русск. евреевъ 1872. № 15, стр. 441—449.

Адвокатская храбрость кн. Урусова. Статья *И. О.* День, органъ русск. евреевъ. 1871. № 20, стр. 304—306..

О препирательствѣ кн. Урусова на судѣ съ Куперникомъ, адвокатомъ изъ евреевъ.

Новый фактъ по весьма давнему и тяжкому обвиненію на евреевъ (изъ дѣла объ урѣзанномъ языкѣ на Волыни, 1833 г.). Статья *А. Х.* Труды кіевской дух. академіи 1869. Т. 3, № 7, стр. 66—95.

Дѣло о припискѣ шлокскихъ евреевъ къ Ригѣ (1842 г.). Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ. 1866. № 1 (Смѣсь); стр. 133—141.

Дѣло Сарры Мейеръ и воззваніе кольмарскаго великаго раввина. Г. *Клейна.* Сіонъ. органъ русск. евреевъ. 1861. № 7, стр. 115.

Дѣло Сарры Липпевиль (Мейеръ). Сіонъ, органъ русск. евреевъ. 1861. № 24, стр. 384—387, № 25, стр. 399—404 и № 26, стр. 417—418.

Судебное засѣданіе одесскаго окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей 11 марта 1871 г., по дѣлу о мѣщанинѣ Гедаліѣ Бродскомъ, обвиняемомъ въ двоеженствѣ. День, органъ русск. евреевъ. 1871, № 12, стр. 185—186, № 13, стр. 196—198 и № 14, стр. 210—212.

Засѣданіе уголовнаго кассаціоннаго департамента правительствующаго сената, 20 мая 1871 г., по дѣлу Кацмана. Вѣстникъ русск. евреевъ. 1871. № 23, стр. 717—719.

По дѣлу о совращеніи изъ православія въ іудейство.

По Шавлянскому дѣлу. Л. *Диллонъ.* Приложеніе къ Гакармелю. 1861. № 13, стр. 49.

Происшествіе въ Шавлянахъ. Прилож. къ Гакармелю. 1861. №№ 42 и 43, стр. 165—168.

Дѣло о похищеніи будто-бы евреями одной христіанской дѣвочки.

Изъ 85 № „Русскаго Инвалида". П. *Лебедевъ.* Прилож. къ Гакармелю. 1861. № 44, стр. 173.

По поводу происшествія въ Шавлянахъ.

Возраженіе помѣщику г. Б. Л. *Гордонъ.* Приложеніе къ Гакармелю. 1863. № 3, стр. 9.

О происшествіи въ Шавляхъ.

Шавлянское дѣло. Сіонъ, органъ русск. евреевъ. 1861. № 3, стр. 40—45.

Дѣло Ципки Мендакъ. Разсвѣтъ, органъ русск. евреевъ. 1861. № 44, стр. 701.

Судебная хроника. Вѣстникъ русск. евреевъ. 1871. № 39, стр. 1233—1236.

По дѣлу объ одесскихъ безпорядкахъ.

4. Русскіе законы благоустройства и благочинія относительно евреевъ. Военная реформа по отношенію къ евреямъ.

Дѣло по законодательному вопросу: о примѣненіи 16 ст. XIV т. Уст. о пасп. и бѣгл. (изд. 1857 г.) къ евреямъ, ссылаемымъ на житье въ отдаленныя губерніи. Журналъ Мин. Юстиціи. 1866. № 9. Т. 29. Ч. 2, стр. 507—512.

Представительство. А. Я. *Гамка.* Разсвѣтъ, органъ русск евреевъ. 1860. № 24, стр. 387—388.

О значеніи христіанской прислуги для евреевъ. Левъ *Цельтнеръ.* Сіонъ, органъ русск. евреевъ. 1862. № 35, стр. 554—557.

О прислугѣ у евреевъ. Статья *—ова.* Кіевлянинъ. 1865. № 30, 32 и 33.

Къ вопросу о цензурѣ. Г. *Барацъ.* Прилож. къ Гакармелю. 1862. № 10, стр. 33.

Изъ „Сѣв. Пчелы". Здѣсь цензура разсматривается по отношенію къ евреямъ.

По вопросу о такъ называемыхъ безъимянныхъ еврейскихъ доносахъ. Статья *—ова.* Кіевлянинъ. 1865. № 57 и 58.

По поводу указа о дозволеніи евреямъ-ремесленникамъ проживать повсемѣстно въ Имперіи. Бирж. Вѣд. 1865. № 163.

Имѣютъ ли право евреи приписаться ко вновь учрежденному городу Грозному. Статья *Ш.* Терскія Вѣдомости. 1871. № 20.

О проэктѣ присоединенія евреевъ къ сельскимъ обществамъ. *Е. Соловейчикъ.* День, органъ русскихъ евреевъ. 1869. № 18, стр. 274—279. № 19, стр. 290—294. № 20, стр. 307—310 и № 21, стр. 325—327.

Отвѣтъ П. Н. С.

Дѣло народной чести. Сіонъ, органъ русск. евреевъ. 1861. № 24, стр. 387—388.

Объ учрежденіи еврейскаго кладбища въ Севастополѣ.

Замѣтка для „Вѣстника общества покровительства животнымъ". М. *Якринъ.* Приложеніе къ Гакармелю. 1868. № 28, стр. 111—112.

По поводу статьи „Еврейскія бойни", въ 227 № „Новаго Времени" 1868.

По вопросу о возстановленіи правъ евреевъ на продажу питей. К. *Щукинъ.* Бирж. Вѣд. 1862. № 208.

Способны-ли евреи къ военной службѣ? Статья Я. *Р—та.* Русскій Вѣстникъ. 1859. Т. 22 (№ 16, авг., кн. 2). Современная Лѣтопись, стр. 387—396.

Евреи и предстоящая реформа военной повинности, А. *Якубовичъ.* (Перед. ст.) Кіевлянинъ. 1871. №№ 73, 74 и 75.

Еврейскій вопросъ наканунѣ воен. реформы. Статья *Н—ча.* Дѣятельность. 1871. № 59 и Кіевскій Телеграфъ. 1871. № 148. По поводу этой статьи. *Соркинъ.* Дѣятельность. 1871. № 65.

Взглядъ еврея на общую воинскую повинность. *Шмулевичъ.* Вѣстникъ Русскихъ Евреевъ. 1871. № 8, стр. 243—246.

Нѣсколько словъ о предстоящей всеобщей военной повинности. Д. *Прозументеръ.* Вѣстникъ Русскихъ Евреевъ. 1871. № 35, стр. 1093—1094.

Возрастъ призыва евреевъ къ военной службѣ по новой проэктируемой системѣ. М. *Маргулисъ.* Вѣстникъ Русскихъ Евреевъ. 1872. № 1, стр. 17—22.

Къ вопросу объ отбываніи евреями военной повинности. Вѣстникъ Русскихъ Евреевъ. 1872. № 4, стр. 105—108. № 5, стр. 137—141. № 6, стр. 169—174. № 7, стр. 201—205.

Роль евреевъ во всеобщей военной организаціи. Вѣстникъ Русскихъ Евреевъ. 1872. № 24, стр. 738—743.

Нѣсколько словъ о рекрутской повинности у евреевъ. Илья *Оршанскій.* День, органъ русскихъ евреевъ. 1871. № 1, стр. 8—10.

5. Собственно еврейскія судебныя и административныя учрежденія. (Раввинскіе суды. Кагалъ. Коробочный сборъ).

Раввинскій судъ. Илья *Оршанскій.* День, органъ русскихъ евреевъ. 1871. № 2, стр. 22—24 и № 3, стр. 37—40.

Изъ поѣздокъ по Россіи. Судъ у евреевъ. А. *Хальмковъ.* Спб. Вѣд. 1867. № 239.

Еврейскія судилища. (Перед. ст.). Голосъ. 1870. № 145.

Книга Кагала. Матеріалы для изученія еврейскаго быта. Сост. Як. *Брафманъ.* Вильно. 1869. Ц. 2 р.

1) Биржев. Вѣд. 1870. № 263.

2—3) Виленскій Вѣстникъ. 1870. № 30. (Ст. Я. *Братина)* и № 44. (Мнѣніе „Голоса").

4) Вѣстникъ Западной Россіи. 1870. Кн. 5. Т. 2, стр. 7—12. (Рец. Я. *Братина).*

5—7) Голосъ. 1870. № 110. (Перед. ст.). № 120. (Тоже, подъ загл.: „Еврейскій кагалъ и русское законодательство"). № 126. (Тоже. „Еще о силѣ кагала").

8—10) Дѣятельность. 1870. № 128. (Статья О. *Н—ча).* №№ 131, 132, 133, 138, 172, 174 и 178.

11) Журн. Мин. Нар. Просв. 1870. № 12. Ч. 152, стр. 284—287. (Статья М. *Кояловича).*

12) Заря. 1870. № 11, стр. 124—167. (Крит. *В. К.).*

13—16) Кіевлянинъ. 1870. №№ 47, 48, 65 и 94. (Статья подъ загл.: „Сила евр. общины"). № 104. (Ст. подъ загл. „Факт. дѣят. въ печати"). № 104. (Статья подъ загл.: „Факт. дѣят. въ печати". № 121. (Статья подъ загл.: „Пересталъ ли существовать кагалъ?"). № 132. (Новая pièce justificative къ кн. Кагала").

17—19) Новое Время. 1870. №№ 177, 178 и 197. (Статья подъ загл.: „О подлинности кн. Кагала". Г. Л. *Левинъ).* № 246, 248, 266 и 267. (Статья *Шереметевскаго).*

20—21) Новорос. Телеграфъ. 1870. №№ 204 и 230. (Статья *Ф. П.).*

22) Современ. Извѣстія. 1870. № 86. (Изъ „Виленск. Вѣстника").

23) Суд. Вѣстникъ. 1870. №№ 127, 128, 166—168. (Статья *Я. З.).*

24) Сынъ Отеч. 1870. № 108.

25) Христ. Чтеніе. 1870. № 3, стр. 552—559. (Рец. *Я. Братина).*

26) Извѣстія Имп. русск. геогр. общ. 1870. № 8. Т. 6, стр. 311—313. (Сообщеніе Я. *Брафмана).*

27—34) День, органъ русскихъ евреевъ. 1870. №№ 29 и 30. (Статья Г. *Левина).* № 31 (Статья Я. *Братина).* № 35 (Статья І. Зейберлинга). № 38 (Въ Недѣльн. очеркахъ). № 40 (Образцы провинц. діалектики, о статьѣ въ „Новорос. Телеграфѣ"). № 41. 1871. № 5 и 6. (Статья М. *Моргулиса).* №№ 10, 17 и 18. (Статья И. *Шершевскаго).*

35) Варшавскій Дневникъ. 1870. № 133.

36) Еврейская Библіотека. Т. 3, стр. 378—397. (Статья Г. *Рабиновича,* подъ загл.: „Брафманскіе виды еврейской эксплуатаціи).

О книгѣ Кагала. И. И. *Шершевскій.* Спб. 1872. Ц. 50 к.

1) Вѣстникъ Европы. 1872. № 11. Т. 6 (Небольш. библ. зам. на обверткѣ).

2) С.-Петербургскія Вѣдомости. 1872. № 281. (библ. зам.).

3) Недѣля. 1872. № 37—38.

Кагалъ и учрежденія магдебургскаго права. М. *Моргулисъ.* День, органъ русск. евреевъ. 1871. № 11, стр. 165—168. № 13, стр. 199—201. № 14, стр. 213—215. № 19, стр. 289—291 и № 22, стр. 336—339.

Хазака и меропіе. Вѣстникъ русск. евреевъ. 1872. № 15, стр. 449—452. № 16, стр. 477—479.

По поводу соч. Брафмана «Книга Кагалъ».

Брафманскіе виды еврейской эксплоатаціи. (Хазака, Хезкат Ішубъ, Мааруфіа). Г. *Рабиновичъ.* Еврейск. Библ. 1873. Т. III, стр. 378—397.

Переводъ съ еврейскаго документа изъ кагальной книги одного изъ губ. городовъ зап. края, сохран. въ архивѣ вилен. уч. окр. (1825 г.). Виленскій Вѣстникъ. 1866. № 173.

Паденіе еврейскаго кагала въ Шкловѣ. Могилевскія губ. вѣд. 1870. № 59.

Выборъ въ Староконстантиновѣ. Прилож. къ Гакармелю 1863. № 31, стр. 101.

Еврейскіе выборы въ Николаевѣ. *Марко Тайчъ.* Прилож. къ Гакермелю. 1866. № 45, стр. 93—94.

Коробочный сборъ. *Литвянинъ*. Разсвѣтъ, органъ русск. евреевъ. 1860. № 13, стр. 206.

Преобразованіе коробочнаго сбора. И. *Шапира*. Разсвѣтъ, органъ русск. евреевъ. 1860. № 21, стр. 335—337.

Коробочный сборъ. С. *Тиктинъ*. Разсвѣтъ, органъ русск. евреевъ. 1860. № 24, стр. 382—284 и № 25, стр. 398—399.

Замѣтка на статью „Коробочный сборъ" г. Тиктина, въ 24 и 25 №№ „Разсвѣта". А. Я. *Галка*. Разсвѣтъ, органъ русск. евреевъ. 1860. № 29, стр. 468.

Не все то дурно, что мы хотимъ видѣть въ дурномъ свѣтѣ. (О коробочномъ сборѣ съ евреевъ). А. Я. *Галка*. Одесскій вѣстн. 1862. № 58.

Одесскій коробочный сборъ. И. *Герцманъ* и И. *Зайдлеръ*. (Въ опроверженіе статьи Галки). Одесск. вѣстн. 1862. № 69.

Опроверженіе ложныхъ обвиненій по дѣлу коробочнаго сбора въ Одессѣ. Статья А. *Бродскаго*. Одесскій вѣстн. 1862. № 76.

По дѣлу объ одесскомъ коробочномъ сборѣ. И. *Герцманъ*. Одесскій Вѣстникъ. 1862. № 85.

Журналъ „Время" о коробочномъ сборѣ. Прилож. къ Гакармелю. 1863. № 29, стр. 98.

Докладъ смѣтной коммиссіи по коробочному сбору, на имя одесской городской распорядительной думы. День, органъ русск. евреевъ. 1870. № 23. стр. 381—383.

Проэктъ условій на отдачу въ арендное содержаніе коробочнаго съ евреевъ сбора. День, органъ русск. евреевъ. 1870. № 24. стр. 400—401 и № 25, стр. 412—413.

О коробочномъ сборѣ. День, органъ русск. евреевъ. 1870. № 33, стр. 538—540, № 34, стр. 559—561. № 35, стр. 575—577 и № 36, стр. 586—587.

Коробочный сборъ. М. *Кнорозовскій*. Разсвѣтъ, органъ русск. евреевъ. 1861. № 50, стр. 802.

Опять о коробочномъ сборѣ. З. *Франкъ*. Разсвѣтъ, органъ русск. евреевъ. 1861. № 41, стр. 653—654.

О брадобритіи. Моисейскій законъ: кому именно возбраняется и въ какихъ случаяхъ дозволяется брить волосы на головѣ и бородѣ? Донскія епарх. вѣд. 1870. № 3.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Пойманникъ. Быль. Г. И. Богрова. . . . . . . 1.
II. Нахумъ Ишъ Гамзу. Талмудическая легенда. Д. Д. Минаева. . . . . 1.
III. Къ исторіи западно-русскихъ евреевъ. (Изъ соч. Сол. Беннета). А. Л. . . . . 7.
IV. Русское законодательство о евреяхъ. И. Г. Оршанскаго. . . . . 17.
V. Кто виноватъ? (Изъ жизни одной еврейской. колоніи 1835—1845). М. Кулишера . . . . . 91.
VI. Представленія и резолюціи о курляндскихъ евреяхъ при Павлѣ I. (Историческая замѣтка). З. Минора . . . . 114.
VII. Дочь Іефоая. Восточная поэма Альфреда де-Виньи. Д. Д. Минаева . . . . 125.
VIII. Путевыя впечатлѣнія и замѣтки. Л. О. Леванды. . . . . 129.
IX. Вѣкъ пережить—не поле перейти. (Изъ разсказовъ отставнаго солдата). В. Н. Никитина. . . . . 164.
X. Вольтеръ и евреи. (По Гретцу). И. Бейлина. . . . 214.
XI. Современная еврейская беллетристика. А. Г. Ковнера. . . . . 248.
XII. Статистика евреевъ въ Австріи. И. И. Кауфмана. . . . . 273.
XIII. По неволѣ запоздавшій отвѣтъ газетѣ «Голосъ». Л. О. Гордона . . . . 284.
XIV. Своеобразное положеніе еврейскаго вопроса въ русской журналистикѣ. А. Л. 292
XV. Библіографія еврейскаго вопроса. В. М. Межова. . . . . 1.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Авторы и издатели, желающіе, чтобы объ ихъ книгахъ были помѣщены рецензіи въ „Еврейск. Библіотекѣ“, благоволятъ прислать ихъ на имя издателя: **Адольфу Ефимовичу Ландау**, въ С.-Петербургъ.

III. Евреи и юдаизмъ временъ возникновенія Талмуда . . . . **Альберта Ревиля.**
IV. Изъ новѣйшей исторіи евреевъ въ Россіи . . . . **И. Г. Оршанскаго.**
V. Изъ автобіографіи Соломона Маймона (Окончаніе).
VI. Къ вопросу о земледѣліи у евреевъ въ Россіи . . . . **В. О. Леванды.**
VII. Еврейская пѣсня. (Изъ Барри Корнуэля). Стихотвореніе . . . . **Д. Д. Минаева.**
VIII. Цвѣта Іудеи (Изъ Франкеля). Стихотвореніе . . . . **Д. Д. Минаева.**
IX. Къ исторіи образованія русскихъ евреевъ. Періодъ второй . . . **М. Г. Моргулиса.**
X. По поводу постройки синагоги въ Петербургѣ . . . . **В. В. Стасова.**
XI. Обзоръ современ. евр. литературы . **Л. О. Гордона.**
XII Списокъ подписчикамъ на I томъ «Еврейской Библіотеки».

СОДЕРЖАНІЕ III-го ТОМА.

I. Моисей. Восточная поэма Альфреда де-Виньи . . . . **Д. Д. Минаева.**
II. Горячее время. Романъ. (Окончаніе). **Л. О. Леванды.**
III. Братьямъ. Изъ народныхъ стихотвореній Л. Гордона . . . . . **Д. М.**
IV. Субботняя пѣснь. Изъ Франкеля. . **Д. Д. Минаева.**
V. Русское законодательство о евреяхъ **И. Г. Оршанскаго.**
VI. Мордхе Кизовичъ. Разсказъ . . . **М. Д. Брандштетера.**
VII. Прозелитизмъ съ точки зрѣнія іудейства . . . . **Д. Л. Слонимскаго.**
VIII. Геръ Цедекъ. Быль . . . . . . **А. Крашевскаго.**
IX. Высшее берлинское общество и евреи. **А. Гильбрандта.**
X. Еврейское племя въ созданіяхъ европейскаго искусства . . . . . **В. В. Стасова.**
XI. Къ исторіи образованія русскихъ евреевъ . . . . **М. Г. Моргулиса.**
XII. По поводу статьи М. Г. Моргулиса. **Л. О. Леванды.**
XIII. Брафманскіе виды еврейской эксплоатаціи . . . . **Г. М. Рабиновича.**
XIV. Вѣчно-новый вопросъ . . . . . **А. Л.**
XV. Списокъ подписчикамъ на II томъ «Еврейской Библіотеки».

Типографія и литографія А. Е. Ландау и К°., Средняя Мѣщанск., № 12.